

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 7–8 2014
July–August**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2014**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal
№ 7–8 2014 (July–August)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Inshin Nikolay, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Demography and ethnography

Секция 1. Демография и этнография

*Pavlovich Igor Lvovich,
Samara state aerospace University (SGAU),
Samara, Russia, leading engineer
E-mail: i_g_o_r_ip@mail.ru*

Ancient temple and modern tourism

Abstract: the article discusses the relationship between local legends, tales, bylichek with modern Amateur tourism, leading to the discovery of ancient temples. Often tourists are the only one who can fix the opening of such facilities. The analysis of the history of such opening, for example, the tract “the White horse”.

Keywords: Belicka, legend, temples, cult stones, ancient paleo Observatory, nodules, tourism.

*Павлович Игорь Львович,
Самарский государственный аэрокосмический университет (СГАУ),
г. Самара, Российская Федерация, ведущий инженер
E-mail: i_g_o_r_ip@mail.ru*

Древние капища и современный туризм

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь местных легенд, преданий, быличек с современным самостоятельным туризмом, приводящем к открытию древних капищ. Зачастую именно туристы оказываются единственными, кто может зафиксировать открытие подобных объектов. Проводится анализ истории подобного открытия, на примере урочища «Белой лошади».

Ключевые слова: Быличка, легенда, капища, культовые камни, древние палео обсерватории, конкреции, туризм.

В конце 70-х начале 80-х годов XX столетия у части населения крупных городов РФ усилился интерес к местным историям, построенных на необычном фантастическом, порой сказочно-мистическом сюжете. Данный процесс затронул и жителей города Самара, тогда город назывался Куйбышев.

Современный человек обычно соприкасается с необычным через литературу, музеи, кино, телевидение. Однако наибольшее удовлетворение, эмоциональный подъем, он получает при прямом контакте, чаще всего в туристических поездках и самостоятельных походах.

В 1985 году одной из первых быличек современного городского фольклора, ставшей известной автору, явился пересказ современной легенды о существовании на северо-западе Самарской области ныне неизвестного древнего города. Важно отметить, что наличие подобного города совершенно не вписывалось

в классическую концепцию истории, принятую в настоящее время для данного региона.

Значительно позже уже после выхода в свет в 2012 году авторской книги «Легенды Самарского Заречья. По следам неизведанного», содержащей главу «Урочище Белой лошади» выяснилось, что быличка о существовании в данном районе древнего неизвестного города имеет более протяженную историю, чем вторая половина двадцатого века.

Речь идет о воспоминаниях оставленных в «Топографическом описании Симбирского наместничества» надворным советником Т. Г. Маленицким, уже в 1780 году искавшем каменный город на северо-западе Самарской области, в местах указываемых быличкой [1, 68–69].

Тогда Т. Г. Малецкий города так и не нашел, но видел «камни с изображенными на них фигурами солнца и луны».

Следует указать, что в данном районе в настоящее время известен/обнаружен по меньшей мере, один объект с нанесенными на его поверхность символами. Он носит местное имя «Бабай-тюале». Сохранившиеся символы ныне трактуются как изображение Солнца в трёх фазах — восход, зенит — закат. Система треугольников в его основании это вода на земле. А треугольники с двух сторон у вершины — небесная влага.

Обнаружение «Топографического описания...» позволяет предположить возможность существования еще неизвестных автору аналогичных или просто схожих свидетельств, связанных с темой существования неизвестного древнего города в этом районе.

Непосредственная работа на местности показала, что возможно в какой-то степени современная быличка о неизвестном городе подпитывается/перекрывается/замещается быличками о «каменных избах/домах», скрывающих вход в местные подземелья.

Про «каменные избы» местный лесник Иван Алексеевич рассказывал: «Гиблое то место. Многие хотели узнать, что там внизу происходит. На вожжах спускались. Кто вернулся страсть напуганные, а какие поглупее в глубину уходили — те совсем ее вертались. Этажей в той «избе» (пещерах*) неисчислимо. Провалится человек, и нет ему выхода... Раньше колдуны там жили, а может, и сегодня еще живут. Мы точно не знаем».

(* Обозначенное курсивом авторское добавление.)

Сохранилось местное предание, что одну из ночевок в Поволжье, перед походом в Сибирь — войско Ермака провело в таинственном «Каменном доме», где были каменные столы, лавки и сундуки. Любопытно отметить, что этот дом был, согласно легендам, у истоков Усы.

Еще совсем недавно там, проникнув через узкий вход, можно было попасть в большой зал, где имелись «каменные столы и лавки». Выбывавшаяся в этом месте из скалы Уса, протекала по крыше «дома» и образовывала водяной занавес закрывавший вход. Местные называли эту пещеру — конечно пещерой Степана Разина.

Автор искал ее еще в начале восьмидесятых годов, но тогда обнаружить не смог. В июле 2000 года ее сумели найти. Но к этому времени там произошли сильные обрушения. Подмытая водой рухнула крыша дома. И теперь вода стекала по разбитым камням. Вглубь горы веда лишь небольшая щель, практически полностью забитая глиной. Продвижение вперед требовало значительного объема расчистных работ.

Еще одна версия современная быличка о легендарном городе это память о старом татарском поселении.

Вот что пишет о нем местная исследовательница Галина Журлова: «Название села Смолькино по официальной версии произошло из-за обилия смолокурень в окрестностях села (чувашское название Аса-Пусе, т. е. родники реки Уса). Когда-то здесь было татарское поселение (впервые оно упоминается в 1733 году), следы которого остались в виде кладбища на ближайшем бугре. Но его опустошила эпидемия холеры и оно было сожжено» [2, 50].

Для правильного восприятия последующей информацией, необходимо отметить ряд особенностей района выделяемого рассматриваемой быличкой.

Прежде всего, это место иногда именуемое Рачейскими Альпами характеризуется уникальным для Среднего Поволжья ландшафтом — многочисленные скалы останцы, узкие сильно изогнутые древние речные долины, глубокие карстовые провалы и протяженные моховые болота. В годы существования СССР данная территория заслужено относилась к природным памятникам [3, 133].

По ходу истории, во второй половине XX века население этого района оказалось в относительной изоляции. Практически всю последнюю четверть века из этого района наблюдался лишь отток сельского населения в крупные города. Дорога из Самары в эти места в один конец неблизкая — более 200 км. Возможно, что выше указанные обстоятельства и способствовали сохранению уникальных самобытных местных верований.

В самом конце XX века произведенная реконструкция сети дорог, а главное увеличение числа личных автомобилей, привело к тому что направление людских потоков изменилось. На выходные как самостоятельные туристы, а также как новые дачники, в этот район хлынули горожане.

К счастью первым исследователям и в том числе автору данной статьи удалось пусть не намного, но опередить этот поток.

Неоднократные поездки (первая была в 1987 году) в район, где быличка размещала старый город, привели к следующим результатам:

1. До настоящего времени город, его руины или прямые рассказы о них обнаружены не были. Хотя многолетняя работа энтузиастов постепенно выявило в этих местах большое количество ранее неизвестных рукотворных объектов, косвенно свидетельствующих в пользу существования здесь больших поселений.

Были обнаружены фрагменты разветвленной системы подземных штолен, фундаменты «мастерских» по обработке камня, отдельные «плиты с рисунками» и т. д.

Про недавно открытые тут штольни следует сказать отдельно. Эти объекты самарские знатоки пещер случайно открыли лишь в 2012 году. Вот что рассказал о них известный самарский спелеолог Михаил Бортников: «Мы несколько лет изучали небольшие пещеры в Сызранском районе. А прошлым летом, когда начали проводить поквартальные исследования, вдруг там же обнаружили подземные полости, о которых в последние десятилетия нигде не было никакой информации. То есть об этих объектах население просто-напросто забыло, они полузасыпались грунтом и заросли деревьями, травой, кустарником. И вдруг мы наткнулись — сначала на одну, потом вторую, третью... Более того, мы уже получили неопровержимые доказательства, что это не природные подземелья, а рукотворные штольни, которым наверняка уже более сотни лет. Мы предполагаем, что эти горные выработки появлялись для каких-то культовых целей. Вполне возможно, что здесь искали конкреции сливных песчаников — обтекаемые монолиты причудливых форм — для совершения языческих обрядов. Эта версия гораздо более правдоподобна, поскольку здешние рудники не очень похожи на те, которые используются для добычи песка. Хотя песок здесь хороший, кварцевый» [4].

Видео сюжеты про одну из этих вновь открытых штолен можно посмотреть на телеканалах «Россия 24» [22] и Губерния Самара [23].

2. У некоторых жителей населенных пунктов данного района (прежде всего в селе Смолькино Самарской области) сохранились уникальные народные верования, например, вера в «живые огненные шары», известные здесь под именем Патавка-бусь/Патака-буса; Йубейде — «моховый народец»; «Мааналай-сы» — подземные, Рахи — «змее-люди».

Некоторые из этих верований автор подробно описал в статье «Пата-Кабуса — Кто он?» [5, 34–35]. Его хорошо дополнил этнограф Кирилл Серебренитский, также принимавший участие в первых сюда поездках, в статье «Мужик — медведь и баба мохнатая. Йубейде на горах за поселком Гремячий» [6].

3. В 1989 году автор, находясь в данном районе, услышал от местных еще одну оригинальную быличку. Рядом с селом Смолькино в лесу есть особая поляна с «ритуальными камнями». На этой поляне для местного населения наибольшую значимость имел камень иногда местными именовавшийся как Самеле/Смеле

«каменный конь» или иногда просто «белая лошадь» без упоминания собственного имени. Данный камень задействовался в старинном ритуале вызывания дождя, осуществлявшимся на этой местности в особо засушливые годы.

Несколько поколений смолькинцев приходило сюда с просьбами о благополучии: молили о дожде в засуху и о хорошем урожае. С незапамятных времен ритуальное посещение поляны возлагалось только на самых уважаемых людей села. При этом добираться туда они должны были обязательно пешком, неся с собой угощение и родниковую воду для «купания/омовения» каменных изваяний, взятую непременно в урочище «Семиключье». Сохранилась история, что раньше даже председатель местного колхоза специально выделял полотенца для омовения и продукты для приношения в дар «коню» [7].

Необходимо указать, что тут упоминается еще один местный культовый объект — лесное урочище Семиключье. Ныне оно известно своими родниками [3, 86]. Вода в них в любой сезон года имеет температуру пять градусов по Цельсию. Предполагается, что скорее всего эти родники запитываются от тающих подземных льдов.

Вместе с тем не всегда отношение местных властей к этим камням и поляне их вмещающей было столь благостно.

Сохранились воспоминания, что во второй половине двадцатых годов XX столетия, в угаре борьбы с религиозным мракобесием на камни натравливали лесорубов. Но тогда организовано покончить с «поляной камней» не получилось. Хотя в индивидуальном порядке, некоторые «вандалы», вооружившись кувалдами, разбили немало камней. После того как среди этих «активистов» началась череда несчастных случаев, камни трогать перестали.

Еще через полвека было отмечено, что «к валунам, наведываются «обследователи» с вполне определенной целью — использовать валуны в качестве строительного материала. Чтобы этого не произошло, эти скалы тогда предполагалось передать под охрану лесному ведомству» [3, 153].

Но в советские времена этого так и не произошло. Вместе с тем вокруг «поляны камней» кипела своя весьма своеобразная жизнь.

Вот как описывает ее блогер «krumza»: «Дело в том, что мне пришлось практически целый день искать материал для статьи (по фольклору «Рачейских Альп»). Собственно с физическими объектами всё было нормально. Мне очень быстро показали

и надгробную плиту (*Бабай-тюале*), валявшуюся на холме за селом и небольшое, удивительно красивое языческое капище, которое сейчас фигурирует во множестве фильмов, статей и даже книг под гордым именем «Капище Белой Лошади». Но... Гробницы, мумии и кости молчали. Никто ничего уже не помнил и не знал. Даже сама хозяйка капища невероятно древняя старушка по имени Меланья ничего толком рассказать не могла... Она помнила древние обряды, которые исправно исполняла и один из них — вызывание дождя даже провела в нашем присутствии, но вот откуда ноги растут уже явно не знала...

Вспоминала, что в годы её молодости, а она пришла на предвоенные годы, капищем ведала целая группа женщин, которые и привлекли к этому делу юную Меланью. Потом, она осталась вообще одна. Но, ей активно помогают соседки, которые тоже неплохо знают сами несложные обряды... В общем, история очень хорошо накладывалась на судьбу фольклора в наших краях»... *(Это хороший пример позволяющий отметить, что работа по рассматриваемой теме идет с весьма специфическим материалом. Даже рассказы местных — одним становятся известны, другим нет.)*

Обряд вызывания дождя, который мне посчастливилось наблюдать в Смолькино у знаменитой Белой Лошади, увы, выглядел куда более прозаично. Воду бабушка прихватила в обыкновенном алюминиевом бидончике. Из него и поливала. Протирала коня чистым белым полотенцем. Положив дары — пару помидорин, печенье и конфеты, несколько раз обошла камень, бормоча фразы на чувашском языке. Слово «тура» повторялось несколько раз. Его я расслышал совершенно отчётливо. Всё происходило в разгар лета в страшную жару. Хотите верьте, хотите нет — на обратном пути нас нахлобучил страшный ливень» [8].

Долгое время, данное место скрывалось от чужаков. В связи с чем, непосредственно на поляну с «ритуальными камнями» автор попал только в июле 2000 года. Вот что тогда там можно было увидеть (фото 1).

На лесной поляне стояло несколько глыб конкреций кремнистого сливного песчаника, подвергнутых в большей или меньшей степени ручной обработке. В центре поляны был большой камень, своим обликом воспроизводящий контуры лежащего на животе коня/лошади. По его поверхности были четко прорисованы линии, вырисовывающие конскую упряжь — седло, стремя, уздечка (фото 2).

Фото 1. Поляна камней. По центру на переднем плане камень Барашек, за ним Каменная лошадь. Фото И. Л. Павловича 2005 год

Фото 2. Каменная лошадь на поляне камней. Справа от центра исследователь И. Л. Павлович, слева исследователь О. В. Ратник. Фото И. Л. Павловича 2005 год

Дополнительно на юго-западном боку камня можно было различить что-то более отвлеченное — систему каких-то взаимно пересекающихся дуг, образующих некое подобие стилизованной рыболовной сети. Данная «сеть» начиналась от уздечки, охватывала шею коня, а затем опускалась к стремени. Некоторые ячейки «сети» были пусты, другие содержали символы, среди которых можно было различить — кружочки с крестами по центру, двойные спаренные кружочки, а также серпики. Возможно что на поверхность камня были нанесены солярно-лунные знаки.

На поляне камень «Конь/Лошадь» находился в окружении ряда других фигурных камней конкреций. Пять из них имели явно выраженные следы обработки и собственные названия — барашек, олень, жеребенок, всадник/воин, баба. Последний камень вызвал у автора наибольший интерес. Внешне он напоминал древние

скульптуры «палеолитических Венер» (фото 3), первоначально обнаруженные археологами в Малой Азии, а потом и в других районах Земного шара.

Фото 3. Камень-мать. Слева исследователь И. Л. Павлович, справа исследователь О. В. Ратник. Фото И. Л. Павловича 2005 год

Остальные камни на этой поляне местные называли просто «лягушками». Эти конкреции были практически не обработаны. Представляется, что форма, размеры, а главное размещение камней на поляне, в том числе относительно центрального камня — «коня/лошади» были заданы не случайно.

Ориентация «каменной лошади», она повернута относительно севера на 150° — соответствует проекции Млечного Пути на поверхность Земли в данном районе. Камни фигурной группы, задаваемые граничными камнями «жеребенок» (22°) и «всадник» (25°), совпадали с проекциями звезд бета и гамма Малой Медведицы в данную точку Земли в середине апреля и могли отмечать начало весенней страды.

Вторая группа камней, определяемая тремя большими «лягушками» имела следующие углы расхождения (отсчитываемые от центрального камня «коня/лошади»): 60° — проекция звезды альфа Лиры (Вега) в конце мая; 65° — проекция звезды альфа Тельца (Альдебаран) — в начале декабря и альфы Льва (Регул) — в конце февраля, 80° — проекция звезды альфа Орла (Альтаир) — середина июля.

Исходя из выявленных соотношений взаиморасположения камней, самарский исследователь С. А. Маркелов высказал предположение, что в прошлом комплекс камней урочища «Белая лошадь» позволял достаточно точно фиксировать такие важные для аграрных культур моменты года, как день летнего солнцестояния (естественное начало года); начало массового сбора созревших плодов и ягод (середина июля, звезда Альтаир находится над «пятым»

камнем); начало зимы (звезда Альдебаран располагалась над «четвертым» камнем); конец зимы (звезда Регул находится над «четвертым» камнем); конец весны (Ковш Малой Медведицы располагается над «первым» и «вторым» камнем); начало лета (звезда Вега восходит над «третьим» камнем).

Исследуя данную тему зададим закономерный вопрос: «А откуда собственно взялись эти камни?» Сегодня однозначно достоверного ответа на него нет. Имеется лишь набор версий. Первая — камни всегда были на этой поляне. Вторая — в старину их вывезли из «татарского поселения». Третья — камни были найдены/выкопаны в земле. Как вариант они были извлечены при прокладке штолен. Или даже сами эти штольни прокладывались специально для добычи конкреций.

Имеются и совсем сказочные версии. Вот уникальное местное свидетельство. «Жертвой проклятия почитают здесь и местную языческую святыню — Каменного Коня. Коню этому, как утверждает главная хранительница лесных тайн Малка-апа — Меланья Андреевна Ионова — две тысячи лет, есть у него и имя — Самеле. По преданию, конь, даже несмотря на побои, не смог сдвинуть с места слишком тяжёлый воз с дровами, и жестокий хозяин, потеряв терпение, проклял верного труженика. И живёт теперь в Каменном Коне дух дождя — Ки-ремель. Во время засухи Коню до сих пор приносят дары (считается, что необходимо что-нибудь «живое» — яйца, рыбу и т. д.) и с помощью специального берёзового веника омывают его водой от Семиключья. Омывают водой и «бабайку», благо она совсем рядом; к Коню, находящемуся в глубине леса, в нескольких километрах от села, восьмидесятипятилетней бабушке Меланье ходить уже тяжело... Но когда я в разговоре, выясняя религиозную принадлежность своих собеседниц, назвала этот обычай языческим, на меня едва не обиделись: какое же язычество, если молитвы при этом читаются самые что ни на есть православные — «Отче наш», «Богородице», «Святый Боже»» [9].

Какие еще особенности этого места можно выделить? После внимательного осмотра «урочища лошади» спелеолог Дмитрий Федорович Китаев выдвинул предположение, что в прошлом на вершине холма венчающего поляну, мог бить сильный родник, возможно, что тут был даже небольшой гейзер. Обкатанные камни, проточенные ложбинки, скругленные грани — все это весомые, хотя и косвенные свидетельства большого количества быстро текущей

тут воды, некогда омывавшей здешние камни. Поскольку и “конь/лошадь” и окружавшие ее “лягушки” располагались на господствующей возвышенности, от подножия холма сюда вода самотеком подниматься явно не могла. Оставалось предположить, что этот легко просчитываемый поток воды извергало давление, накопленное в подземных недрах.

Сравнительно недавно автор узнал, что в окрестностях Капища Белой лошади в прошлом еще существовало и небольшое озеро. В связи с данным обстоятельством, возникает предположение о возможной закольцовке подземных водяных потоков, некогда связывавших поляну, вершину холма и данное озеро.

Ярким свидетельством того что это место до самого последнего времени было посещаемо и еще использовалось в привычных ритуальных целях, стал оставленный кем то из местных свежий “веточный веник”, предназначенный для обмывания “лошади”, а так же свежие подношения.

В ходе поездки 2000 года поляна и все находившиеся на ней конкреции были сфотографированы. Сама поляна и ее ближайшие окрестности были впечатлены на профессиональную видеокамеру.

Практически сразу результаты данной поездки, хотя и без указания конкретного места, попали в прессу. По ее следам самарский краевед Валерий Ветров записал и опубликовал в областной газете статью «Каменная лошадь вызвала для самарцев дождь», составленную на основе рассказов И. Павловича и О. Ратника о посещении последними «поляны ритуальных камней» и проведении ритуала вызывания дождя. В своей публикации Ветров также привел первую фотографию «каменной лошади» [10, 6]. Чуть позже, фотографии с «поляны камней» были приведены в авторской книге И. Павловича, О. Ратника «Тайны и легенды волжских подземелий» [11, 7–9].

Со временем число публикаций о «поляне камней» множилось [12, 6]. Некоторые рассказы, а также часть авторских фотографий попали на страницы «Путеводителя по Самарскому краю 2003 года» [13, 62–68].

Вместе с тем необходимо отметить, что все попытки, вывести в этот район и произвести профессиональную оценку обнаруженных объектов, представителей профессионального историко-археологического сообщества как столичных, так и региональных (включая представителей таких организаций как Самарский государственный университет (СамГУ), Самарская государственная академия культуры и искусства (СГАКИ), Поволжская государственная

социально-гуманитарная академия (ПГСГА) бывшая СГПУ, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, а также Самарское археологическое общество (САО)), успехом не увенчались. Ехать на местность специалисты отказывались, впрочем также как и работать с накопленным фото-видео материалом.

Долгое время представлялось, что эти камни вообще не были известны ученым и соответственно не попали в литературу.

Позже работа по данному району с краеведческими материалами показала, что данные камни были известны еще по меньшей мере в первой половине XX века. Они даже вошли в местные туристические путеводители как специфические природные образования и потенциальные туристические объекты. Но скорее всего авторы этих путеводителей сами данных камней не видели. Вот что удалось найти в краеведческой литературе:

«На территории Балашейского и Старо-Раческого лесничества есть геологические обнажения в форме коня, лягушек, бабы — бывшие предметы поклонения и суеверий» [14, 54].

«Каменные изваяния возвышаются над окружающим ландшафтом. Таковы Каменный Конь, Воин и другие природные скульптуры. Это все останцы...» [3, 15].

«Каменные изваяния «Воин», «Каменный конь», другие природные скульптуры. Это все останцы — наиболее крепкие участки пластов песчаника, не поддавшиеся действию воды и ветра. Возраст этих памятников более тридцати миллионов лет» [15, 78].

««Каменная лошадь» находится почти на самой вершине поляны, в ее западной части. Если посмотреть на этот камень с одной стороны, то он напоминает большую лошадиную голову. (При этом в статье даже приведена фотография данного памятника.) По некоторым данным местное население мордва и чуваша, до сих пор справляют вокруг него языческие обряды... Ритуальные памятники — природные памятники, наиболее крепкие участки пластов ожелезненного песчаника» [16, 143].

В ноябре 2008 года «ритуальная поляна с камнями» была показана по одному из областных телеканалов. Практически сразу после демонстрации данного сюжета — камни с поляны пропали. В настоящее время считается, что они были вывезены неустановленной группой лиц в неизвестном направлении. Поскольку данные камни не были официально зарегистрированы и не находились на учете

какой-либо организации, их официальный поиск не производился [7].

Вместе с тем после пропажи камней интерес к ним в регионе парадоксально усилился, в том числе и в туристическом плане.

Областные «специалисты» задним числом даже включили их в Энциклопедию Самарской Губернии «Каменная лошадь» [17].

ООО «Медиа Корпорация Русь ТВ» Самара по заказу ГБУ СО ТРК «Губерния», фильм выпустила в прокат в сентябре 2012 года фильм, посвященный культовым камням Поволжья «О чем молчат камни» [18].

В 2012 году Игорь Павлович в соавторстве с Олегом Ракшиным выпустил книгу «Легенды Самарского заречья. По следам неизведанного» [19], содержащей в главе «Урочище или капище Белой

лошади» множество уникальных фотографий «фигурных камней» [19, 117–131]. Продолжили появляться материалы и в Интернете, в том числе и видеосюжеты [20; 21].

Два года спустя после пропажи камней, еще сохранявшиеся особенности поляны ритуальных камней скрыли опустошительные августовские пожары 2010 года.

Выше приведенная история — яркий пример как на весьма короткое время народная быличка «материализовалась», а потом вновь ушла в духовную сферу. Накопленный этнографический материал остался в коллекции частных лиц, под потенциальной угрозой полного исчезновения. Вместе с тем интерес к этому месту сохраняется, формируя устойчивый туристический поток.

Список литературы:

1. Масленицкий Т. Г. надворный советник «Топографическое описание Симбирского наместничества» 1780 г. [Текст] http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva._1780_g.pdf (дата обращения 04.07.2014 г.).
2. Журлова Г. Но прошлое в нас не уснуло... Из истории села Старая Рачейка, Сызрань, – 2004. – 276 с.
3. Памятники природы Куйбышевской области. Куйб. книж. издательство, – 1986, – 158 с.
4. Шабалина И. Горы, сосны и глас веков // Самарские известия № 99 (6288) от 08.06.2012, электронная версия [Текст] <http://samarskieizvestia.ru/document/13976> (дата обращения 08.07.2014 г.).
5. Павлович И. Л. Пата-Кабуся – Кто он? // журнал «Свет», – № 1, – 1997.
6. Серебреницкий К. И. «Мужик – медведь и баба мохнатая. Йубейдэ на горах за поселком Гремячий» [Текст] // <http://www.gumilev-center.az/muzhik-medved-i-baba-mokhnataya/> (дата обращения 22.07.2014 г.).
7. Областной аналитический еженедельник «Хронограф». Украли идолов. В чувашском селе осквернена языческая святыня. [Текст] // <http://chronograf.ru/articles/?num=143&a=3193> (дата обращения 30.07.2014 г.).
8. Зацаринный С. Как мутят невидимые реки. [Текст] <http://krumza.livejournal.com/118865.html#cutid1> (дата обращения 29.07.2014 г.).
9. Локтева Н. Д. В лесах, где живет Киреметь // областной журнал «Самара и Губерния», – № 1 (март), – 2002. – <http://sgubern.ru/journal/article.php?AID=7260> (приведена фотография «коня») или <http://administraziya.ucoz.ru/index/0-10> (дата обращения 03.07.2014 г.).
10. Ветров В. Каменная лошадь вызвала для самарцев дождь // Ведомости Самарской губернии, – № 30 (190), 4 августа 2000 г.
11. Павлович И. Л., Ратник О. В. Тайны и легенды волжских подземелий, Изд-во ООО «НТЦ», Самара, – 2001, – 251 с.
12. Чеволдаева О. Дела давно минувших дней — забота нынешних ученых // Ведомости Самарской губернии – 150 № 7 (58), – 2001.
13. Путеводитель по Самарскому краю 2002–2003 годов, Самара, Самарский дом печати, – 2003. – 618 с.
14. Соболев А. Жигулевская кругосветка, Куйб. книж. издательство, – 1965. – 168 с.
15. Кривоуцкая Л. К. По Куйбышевской области. По родным просторам, М.: Физкультура и Спорт, 1987. – 176 с.
16. Оробенская Т. В., Варенов Д. В. Памятники природы северо-запада сызранского района в комплексной практике студентов географического отделения СГПУ // Краеведческие записки. Выпуск XIII, Самара, – 2004. – 240 с.
17. Энциклопедия Самарской Губернии «Каменная лошадь» – [сайт, tvsamara] <http://www.tvsamara.ru/index.php?abc=10&id=134> (дата обращения 03.07.2014 г.), видеосюжет продолжительность 1 мин. 44 секунды.

18. Видеофильм «О чем молчат камни» [видеозапись]/ООО «Медиа Корпорация Русь ТВ» по заказу ГБУ СО ТРК «Губерния», фильм вышел в прокат в сентябре 2012 года.
19. Павлович И. Л., Ракшиным О. А. Легенды Самарского заречья. По следам неизведанного, – Самара: ООО «Книга», – 2012. – 168 с.
20. Павлович И. Л. Капище Белой лошади [сайт, kraevedoff.ru] <http://kraevedoff.ru/2014/05/17/kapishhe-belaya-loshad-2/#more-894> (дата обращения 22.07.2014 г.).
21. Ракшин О. А. Капище Белой лошади, видеофрагмент (май 2014 год – 2 мин. 16 сек.) [сайт, kraevedoff.ru] <http://kraevedoff.ru/2014/05/13/kapishhe-belaya-loshad/> (дата обращения 22.07.2014 г.).
22. Видео 3 минуты, опубликовано 11.12.2011 [видеозапись]//http://www.vesti.ru/only_video.html?vid=382683 (дата обращения 30.07.2014 г.).
23. Видео 15 минут, опубликовано 16.07.2012 [видеозапись]//http://www.youtube.com/watch?v=L8_8LzFfw7g (дата обращения 30.07.2014 г.).

*Sopov Alexander Valentinovich,
Maikop state technological university,
professor of chair of history of state and law
E-mail: avsopov@yandex.ru*

Ethnic self-consciousness of the Cossacks

Abstract: The article examines the self-consciousness of the Cossacks with ethnic point of view. Discusses the different points of view on the subject. The author draws own conclusions on the basis of the carried-out.

Keywords: The Cossacks, self-consciousness, ethnos.

*Сопов Александр Валентинович,
Майкопский государственный технологический университет,
профессор кафедры истории государства и права
E-mail: avsopov@yandex.ru*

Этническое самосознание казаков

Аннотация: В статье анализируется самосознание казаков с этнической точки зрения. Рассматриваются различные точки зрения по этому вопросу. Автор делает собственные выводы на основе проведенного анализа.

Ключевые слова: казаки, самосознание, этнос.

Казачество всегда привлекало своей самобытностью. Это явление воспринимается как сугубо уникальное, чисто российское. Уникальность эта — основа привлекательности для творческих натур, которые черпают в образе казачества вдохновение. Вот уже два десятка лет возникают все новые и новые попытки придать казачеству оригинальную трактовку. К сожалению, в большинстве случаев всё достоинство этих новых определений и осмыслений заключается лишь в их оригинальности. Смысл большинства споров вокруг казаков сводится к определению их этнической и социальной специфики.

Этническое самосознание — это не только самоопределение (идентификация), но и представления о характерных чертах своего народа (этнические автостереотипы), о языке, культуре, в т. ч. традициях,

нормах поведения — обычаях, художественной культуре [1, 11–14]. Для исторической памяти самих казаков характерны представления об общей судьбе и родстве казачьих войск, едином образе жизни. Важным компонентом традиционного сознания казаков является представление о личной свободе казака и независимости всего войска, традиционная организация которого считалась гарантией свободы и всеобщего равенства.

В отечественной историографии большая заслуга в выделении этого признака принадлежит Ю. В. Бромлею и В. И. Козлову, которые, возродив подходы П. И. Кушнера, развернули представления о национальном самосознании в стройную теорию [2; 3; 4]. Придавая национальному самосознанию практически важнейшее значение

в функционировании этноса, они исходили из теории этноса, которую теперь называют примордиалистской. Согласно этой теории, этническое самосознание — субъективный фактор, отражающий объективно функционирующую реальность. Практически в таком понимании этническое самосознание рассматривается сейчас чаще всего этнологами, историками и другими обществоведами [4].

В структуре этнического самосознания можно выделить как «вертикальные» так и «горизонтальные» составляющие, среди которых выделяются: осознание принадлежности к этнической группе, «образ **мы**» и этнические интересы. Под «образом **мы**» имеются в виду не только автостереотипы, т. е. представления о характерных чертах группы, но и другие представления о своем народе, его культуре, языке, территории. В мировой этнологии, а теперь и в отечественной, существует также конструктивистское представление об этносе, согласно которому этнос, народ, национальность интерпретируются как «конструируемая» общность. При таком понимании этническая идентичность есть конструирование «воображаемых общностей», основанных на вере в то, что они связаны естественными, и даже природными, узами [5, 13].

Г. М. Андреева считает, что «присущая всякой группе психическая общность выражается... в формировании определенного «мы-чувства» [6, 144]. Вся система представлений существует лишь на групповом уровне. Представления эти находят отражение в литературе, мифах, легендах, произведениях художественного творчества, в прессе, текстах других средств информации. Свои представления мы переживаем, т. е. образ «мы» всегда эмоционально окрашен [7, 12–34].

Среди чувственных эмоциональных образований особо выделяется «стремление к психологической общности с группой». Нередко такие чувства прямо связаны с социальным интересом. По материалам полевых исследований автора нам известны случаи, когда предприниматели, фермеры начинали, как они говорили, «прибиваться» к казачеству для того, чтобы получить защиту от рэкетиров, и постепенно начинали чувствовать себя «казаками». Эту потребность в общности с группой, в данном случае этнической, люди испытывают в разной мере, — все зависит от культурных традиций, воспринятых человеком в процессе социализации, и от особенностей личности. Г. Триандис выделяет аллоцентрический тип личности как более нуждающийся

в групповой поддержке и идеоцентрический как менее нуждающийся в такой поддержке [8].

В отличие от индивидуальных, групповые представления более устойчивы. Будучи транслируемыми из поколения и поколение, они обладают свойством нормативного воздействия на людей [9]. В период национальных движений и конфликтов особенно заметно возрастает влияние представлений, черпаемых из далекого прошлого. К ним относятся представления о великих временах в истории, успешных правителях, героях, о древней культуре, обращение к которой, как предполагается, «спасет» народ (традиционализм). Возвращение к традиционности часто обнаруживает «архетипы» этнического самосознания. Нам представляется очень важной разработка проблемы этнических стереотипов как системы в этническом самосознании. Несомненный шаг в ее разработке сделала Г. У. Солдатова (Кцоева) [10; 11; 12].

Чувство принадлежности к обособленной группе, осознание своей отдельности, непохожести, подчеркивание своей особенности — характерная черта казачьей психологии по настоящее время. При наличии с остальным русским населением общего языка, религии, образования и столетий совместной жизни под властью общероссийской государственности казаки сохранили свои психологические особенности самоидентификации. Сами казаки постоянно подчеркивали факт независимого происхождения. Так, в послужных списках и материалах церковного учета отсутствовала графа «национальность», а происхождение отмечалось просто — «из казаков» [13, 49–51].

Этническая самоидентификация казаков имеет глубокие корни. Так исследователь крестьянских войн Н. Фирсов отмечает по поводу «пугачевщины», что со стороны казаков (которые сами не причисляли себя к русским) это была борьба за самостоятельность и политическую автономию и даже завоевательное нашествие. Яицкие казаки были «убежденные сепаратисты», — пишет он, — их пылкая фантазия рисовала им замечательную картину владычества над всей Русью из своего, милого их сердцу края» [14, 120]. Такой «этнический» сепаратизм был свойствен казакам и в последующее время. Еще в годы гражданской войны начала XX в. казаки называли красногвардейские части из Центральной России «ваньками, иванами». В отдаленных станицах до сих пор говорят: «Он — наш, а жена у него русская».

Наличие этнического самосознания казаков не подлежит сомнению. Но и здесь далеко не все однозначно. Хорошо известно, что у казаков исторически

и в настоящее время сохраняется двойственное этническое самосознание: отождествление себя одновременно с казаками и русскими (или украинцами) [15]. По материалам полевых исследований автора прослеживается и такая, довольно оригинальная степень самоидентификации казаков как восприятие себя русскими, но не славянами. Хрестоматийным стал ответ казака А. Ригельману: «Я не москаль, а русской, и то по закону и вере православной, а не по природе» [15, 5]. Двойственность, неоднородность этнического самосознания казаков хорошо проиллюстрирована М. Шолоховым в его бессмертном «Тихом Доне» в эпизоде после драки казаков с хохлами на мельнице [16, 245]. Эмоциональная риторика казаков — весьма любопытный показатель их уровня обывденного сознания.

«... Казачество — наиболее организованная в военном отношении часть русского этноса» [17, 114], — пишет В. А. Матвеев. «В его самосознании, которое выступает решающим показателем национальной принадлежности, закрепились раздвоенность («мы казаки, и мы русские») как отражение сложных этнических взаимодействий в прошлом» [17, 114]. Такая раздвоенность самосознания не является чем-то необычным и встречается чаще всего у населения контактных зон, где также сходились разноэтнические колонизационные потоки и были развиты ассимиляционные процессы. В этой связи, считает В. А. Матвеев, «спор о национальной принадлежности казачества юга России не имеет смысла» [17, 114].

С категоричностью такого утверждения не вполне соглашается С. С. Минц, которая считает, что «... казачество — «народ в народе» (составная часть русской нации) ... с присущими

каждому самобытному народу чертами» [18, 14]. Она же высказала суждение о том, что у казачества целостное сословное самосознание до революции не оформилось, а после 1917 г. этот процесс был вообще прерван. Понять казачье самосознание нельзя изолированно от общероссийского процесса, считает С. С. Минц [18, 4]. В любом случае, ни о какой полной утрате национального самосознания среди казаков говорить нельзя. При этносоциологических опросах казаки называют целый ряд этнических признаков, которые их (по мнению самих казаков) отличают от русских. Это — общий язык, традиции, обычаи, профессиональная культура, сходные черты характера, общее историческое прошлое, общность территории, внешность. Симптоматично, что ранжирование этнических признаков у казаков такое же как у русских [19, 149].

Подводя итоги, можно сказать, что серьезное разнообразие этнических признаков разных групп казаков, более быстрая, чем у соседей изменчивость этих признаков не позволяют сделать однозначного вывода о происхождении казаков из единого корня. Данный анализ позволяет сделать выводы о близости казаков с другими группами русских, которая могла сформироваться либо в результате общего происхождения, либо в результате незавершившейся ассимиляции. По своему онтологическому статусу это не просто культурно-историческая общность, а прежде всего этническое образование, поскольку оно устойчивым образом связано с определенной территорией, на которой возникло и получило дальнейшее развитие, обладает традиционно сложившимися устоями осуществления власти, имеет отличительные особенности материальной и духовной культуры.

Список литературы:

1. Дробижева Л. М. Этническое самосознание // Советская этнография. — 1991. — № 1.
2. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М., 1972.
3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М., 1983.
4. Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в истории этноса // Советская этнография. — 1974. — № 2.
5. Тишков В. А. О феномене этничности: Доклад, прочитанный на общем собрании Института этнологии и антропологии РАН. — М., 1997.
6. Андреева Г. М. Социальная психология. — М., — 1994.
7. Дробижева. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. — 1985. — № 5.
8. Triandis H. C. Psychology and Culture // Ann. Rev. of Psychology. 1973. — Vol. 24.
9. Московиси С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. — 1992. — Т. 1. № 2.
10. Кцоева Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. — 1986. — Т. 7. № 2.

11. Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познавание и общение. – М., – 1988.
12. Солдатова Г. У. Психологические исследования этнической идентичности в условиях межэтнической напряженности // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. – М., – 1994.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 330. Оп. 1. Д. 111. – Л. 49–51.
14. Фирсов Н. Пугачевщина: Опыт социально-психологической характеристики. – М., – 1996.
15. Ригельман А. И. История или повествования о донских казаках. – М., – 1846.
16. Шолохов М. А. Тихий Дон. – Л., – 1945.
17. Матвеев В. А. Военно-сословный фактор в этнодемографических процессах на Северо-Кавказской окраине России накануне революции 1917 г. // Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. – Волгоград, – 1995.
18. Минц С. С. Введение к статье В. А. Матвеева «Военно-сословный фактор в этнодемографических процессах на Северо-Кавказской окраине России накануне революции 1917 г. » // Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. – Волгоград, – 1995.
19. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. – М., – 1998.

Section 2. Study of art

Секция 2. Искусствоведение

*Amanova Roza Asanovna,
Candidate of art study, professor,
The conservatory of Kyrgyzstan-Turkey Manas University,
Kyrgyzstan, Bishkek
E-mail: bntb@mail.ru*

The features of komuzkyui texture

Abstract: The structure of a musical instrument and the music played on komuz are in complex relationship. The instrument determines the form of music, but its development is governed by its own laws, which gives birth to new sound ideas and forms, requiring the improvement of the instrument to be realized. The evolutionary changes of both components of instrumental music of instrument and musical thinking are not equal.

Keywords: typological structure of the instrument, polyphony, evolution of musical thinking.

*Аманова Роза Асановна,
кандидат искусствоведения, профессор,
Консерватория Кыргызско-Турецкого университета «Манас»,
Кыргызская Республика, Бишкек
E-mail: bntb@mail.ru*

Особенности фактуры комузовых кюу

Аннотация: Строение музыкального инструмента и музыка, исполняемая на комузе, находятся в сложной взаимосвязи. Инструмент детерминирует формы музыки, но ее развитие подчиняется собственным закономерностям, в результате чего возникают новые звуковые идеи и формы, требующие для своего воплощения усовершенствования инструмента. Возможности эволюционного изменения обоих компонентов инструментальной музыки инструмента и музыкального мышления не равны.

Ключевые слова: типологическая конструкция инструмента, многоголосие, эволюция музыкального мышления.

Мир музыкальных инструментов представляет собой превосходный материал для изучения человеческой культуры. Специфика хозяйственно-трудовой деятельности, образ жизни, природно-климатические условия нашли отражение в звучании самой музыки, породили определенный тип музыкального инструмента. История инструментария уходит своими корнями вглубь веков. Процесс игры на народном инструменте представляет собой не только передачу содержания, эмоционального настроения определенного жанра, но и феномен самовыражения.

Подлинный расцвет кыргызской народной инструментальной музыки связан с творчеством комузистов. Именно для комуза создали свои замечательные кюу

такие выдающиеся народные музыканты-классики XVIII — XX вв., как Музооке, Белек, Тилен; Кудайберген, Майлыбай, Чынгышбай, Ниязаалы, Айдараалы, Токтогул, Муратаалы, Чалагыз, Эркесары, Карамолдо, Ыбырай, Атай, Шекербек и др., заметно раздвинувшие границы исполнительских возможностей комуза. У каждого из них в репертуаре было более 100 разнообразных кюу. Такие жанры-кюу, как «Шынгырама», «Камбаркан», «Ботой», «Кербез», «Бекарстан Тайчы» и др., а такие кюу как «Насыйкат», «Боз салкын», «Маш ботой», «Кер толгоо», «Сынган бугу», «Жаш тилек», «Шаттык», «Кубаныч», «Журук толкуйт» и др. составляют золотой фонд национальной комузной инструментальной музыки.

Усовершенствование инструмента имеет предел, заданный как его типологической конструкцией, так и физиологическими возможностями человека. Эволюция музыкального мышления — беспредельна. Во взаимосвязанном развитии обоих компонентов неизбежно наступает момент, когда дальнейшее усовершенствование инструмента невозможно без изменения его типовой характерности. Противоречие между возможностями, предоставляемыми инструментом, и потребностями развивающегося музыкального мышления, возникающее на этом этапе, до некоторой степени разрешается совершенствованием исполнительской техники. Этому же способствует создание и культивирование разнообразного инструментария и ансамблей.

Наивысшего расцвета кыргызская инструментальная музыка достигла в XIX в., и в самом широком плане музыкальное мышление кыргызов эволюционировало, опираясь на возможности инструмента — комуза и только сольного исполнительства. Кюу для комуза сконцентрировали все богатство форм музыкального мышления, которое по авторитетному мнению выдающегося собирателя и исследователя музыки кочевников А. Затаевича достигло высот подлинного симфонизма. Им свойственна глубина содержания и разнообразие форм, отточенных веками до совершенства.

Важный фактор, влияющий на процесс музыкального формования и на результат процесса — конкретное произведение — это музыкальные инструменты, материал, строй, тембр, техника игры на них. Комуз на протяжении веков сохраняет свое основное строение и вид. Народные мастера стремились расширить ее звуковые возможности, мелодичность, нежели разнообразить форму.

Сравнение древнейших образцов комуза с инструментами, бытовавшими у кыргызов в XIX в., показывает, что развитие инструмента шло направлении создания разновидностей для разных деятелей культуры. Комуз у акынов более коротким грифом, а и инструменталистов-комузчи гриф длиннее, и соответственно звуковой диапазон инструмента шире, что позволяло исполнять объемные по диапазону и времени композиции. Техника игры на таком комузе достигает наивысшей виртуозности.

Традиционно на кыргызском комузе три струны, высота тонов которых определяет разнообразные настройки инструмента. Прижимая струны к определенному месту грифа, музыкант меняет их длину и тем самым — их звучание. Одним из важнейших

признаков национального стиля комузовой музыки, является сложная система натуральных мелодических ладов, построенная на системе диатонических ладов: мажорного (миксолидийского) и минорного (эолийского, дорийского, фригийского). В структуре комузовых ладов отражаются исторические и национальные особенности развития комузового искусства народа, закономерности акустики и музыкального восприятия данной эпохи. Ладовая функция — в таком понимании — есть роль обобщенного мелодического тона в системе обобщенных мелодических отношений.

Кюу для комуза являют собой удивительный пример способности музыкального мышления преодолеть рамки, обусловленные строением инструмента, об этом свидетельствует создание музыкальных форм, в частности форм имитирующих многоголосие, реально на инструменте, в силу его конструкции, не воспроизводимых. Этнограф — собиратель А. В. Затаевич записал в общей сложности более 500 образцов песен и инструментальных пьес. Чрезвычайно ценны оставленные им характеристики исполнительского искусства кыргызских музыкантов Карамолдо Орозова и Муратаалы Куренкеева. Он с удивлением отмечал необъяснимое, но явственно воспринимаемое слухом звучание четвертого голоса во время игры на трехструнном комузе [2].

Многоголосие кюу, в развитии которых участвуют до 4–5-ти голосов, проявляется в форме, отличной от классических европейских форм скрытого многоголосия. Невозможность одновременного извлечения на трехструнном инструменте более трех звуков обусловила проявление 4–5 голосного мышления в кюу, исключительно в реальном трехголосии. В кюях XVIII – XX вв. появились многозонные композиции, в которых использовалось деление диапазона инструмента на зоны, в соответствии с этапами развертывания формы кюу.

Кюу начинается в низком регистре, в процессе развертывания формы диапазон волнообразно расширяется до наивысшей точки, после чего сжимается до исходного состояния. Каждая новая волна-ступень завоевания диапазона есть самостоятельный раздел формы кюу, где на новой высоте последовательно возникают новые голоса и выключаются ранее звучавшие. В силу четкой координации между зонным формообразованием и обновляющимся составом голосов, каждый голос имеет свой диапазон действия, характерный тембр и несет определенную функцию в развитии целого. Все это делает его самостоятельным, узнаваемым и запоминаемым.

Благодаря способности памяти удерживать звуковые сигналы какое-то время после их звучания, в сознании слушателя складывается многоголосная фактура кюу. Этот тип многоголосия можно назвать виртуальным многоголосием. В кульминационных разделах формы кюу фактура подобного многоголосия обнаруживается более явственно. Скачки голосов на большие интервалы (при том, что норма движения комузовой мелодики поступенность) создают иллюзию почти реального звучания более чем трех голосов в одновременности. К ним можно отнести фрагменты кюу: «Камбаркан», «Ботой», «Шынгырама»,

«Толгоо», «Насыкат», «Бегарстан», «Кербез», «Кайрык», «Кара озгёй», «Такмаза», создающие иллюзию одновременного звучания четырех голосов, вопреки трехструнному строению инструмента.

Таким образом, структура многоголосия на том или ином инструменте не должна априори определяться количеством струн. Кюу для комузы демонстрируют способность создавать у слушателя впечатление участия в музыкальном развитии большого количества голосов, нежели струн на инструменте. Этому способствует способность памяти удерживать звуковые сигналы какое-то время после их звучания.

Список литературы:

1. Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. – М., – 1971, – 376 с.
2. Затаевич А. В. 1000 песен казахского народа. – М.: Музгиз, – 1963. – 476 с.
3. Кайбылда уулу Асан. Кыргыз куулору. – Б.: БАУ, – 2011. – 832 с.
4. Алагушов Б. Кыргыз музыкасынын тарыхынан. – Ф.: Мектеп, – 1989. – 208 с.

*Baluyev Sergey Mihaylovitch,
Saint Petersburg state Shtiglits design academy,
reader to chair of art criticism, candidate of philological sciences
E-mail: art_baluev@mail.ru*

A survey of the disputes of russian art critics in 1830 (V. P. Langer and A. F. Voyeykov about statuary by Ivan Martos)

Abstract: The paper is devoted to the specificity of V. P. Langer's (1802 – after 1865) and A. F. Voyeykov's (1778 or 1779 – 1839) art criticism. An account is given of the principles in art criticism dealing with the description of the statues by Ivan Martos. The research was carried out in art criticism and linguocultural plans.

Keywords: Russian art criticism of the 19th century, V. P. Langer, A. F. Voyeykov, I. P. Martos, trends in Art, the national school of Arts.

*Балуев Сергей Михайлович,
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица,
доцент кафедры искусствоведения, кандидат филологических наук
E-mail: art_baluev@mail.ru*

Из истории дискуссий русских художественных критиков 1830-х гг. (В. П. Лангер и А. Ф. Воейков о скульптуре Ивана Мартоса)

Аннотация: В статье рассматривается специфика художественной критики В. П. Лангера (1802 – после 1865) и А. Ф. Воейкова (1778 или 1779 – 1839). Внимание сосредоточено на принципах художественной критики, связанных с описанием статуй Ивана Мартоса. Исследование выполнено в искусствоведческой и лингвокультурологической плоскостях.

Ключевые слова: Русская художественная критика XIX века, В. П. Лангер, А. Ф. Воейков, И. П. Мартос, направления в искусстве, национальная школа изобразительного искусства.

В произведениях, созданных крупнейшим мастером русского классицизма Иваном Мартосом

в 1830-е гг., историки искусства видят результат «упадка самого направления, представителем

которого был» скульптор [5, 316]. А между тем автор публиковавшегося в «Русском инвалиде» обозрения академической выставки 1830 г. Александр Воейков находил в поздних работах Мартоса весьма любопытные свидетельства связи его творчества с жизнью. Анализируя костюм в статуе светлейшего князя Таврического, он писал: «Одев Потемкина в широкие солдатские шаровары, наш художник хотел сим напомнить об одной из важнейших заслуг сего военачальника, переодевшего русских воинов, сообразно климату, тепло, просторно и величаво» [3, 1080].

В высказывании ироничного Воейкова в данном случае нет искусственности тона. По мнению авторитетного биографа Потемкина А. М. Ловягина, взгляды генерал-фельдмаршала на военное обмундирование «далеко опережали его время» [8, 656]. При проведении преобразований в строевой службе и экипировке Потемкин «переменил невыгодную одежду русских войск, велел обрезать косы, бросить пудру», и после того, как «солдаты были переодеты им в куртки, широкие шаровары, полусапожки и удобные каски», нововведения «были даже воспеты в особой солдатской песне» [8, 656].

Так что Воейков думал о человеческом измерении найденных ваятелем решений. При этом критик не уходил и от вопроса об очевидных диссонансах в костюме персонажа Мартоса, справедливо полагая, что «согласить» шаровары «с щегольским верхним одеянием Сципиона и Цесаря» едва ли возможно [3, 1080]. Но все же в целом у Воейкова оценка искусства Мартоса позднего периода тяготела к позитивности и историчности. Обсуждение экспонированных на академической выставке скульптур мастера обозреватель газеты «Русский инвалид» начинал с исторического экскурса.

Приводя строки из «Прогулки в Академию художеств», он напомнил читателю, как «красноречивый Батюшков» восторгался созданным Этьеном Морисом Фальконе памятником Петру I. Вслед за этим Воейков писал: «Но Фальконет был иностранец, а мы имеем теперь своего собственного художника, не уступающего знаменитейшим европейским ваятелям — Мартоса! Его памятник Минину и князю Пожарскому, есть произведение гениальное» [3, 1079–1080]. У слов о монументе героям русской нации сложный смысл. Воейков словно бы говорит и том, что исполнен давний завет Ломоносова, восклицавшего в мечтании о будущем Академии художеств: «Коль сладко вкушение плодов собственного насаждения!» [9, 809].

После опубликования отзыва Воейкова в «Литературной газете» вышло в свет третье «Письмо художнику-любителю в*** о выставке Императорской Академии Художеств, 21 сентября 1830» – заключительная часть подготовленного изданием выставочного обозрения. В нем Валериан Лангер [об авторстве В. П. Лангера см.: 2] с иной точки зрения рассмотрел включенные в экспозицию работы скульптора, который «украсил Москву группою Минина и Пожарского», создал памятники герцогу Ришелье в Одессе и Ломоносову в Архангельске [7, 234].

Представленные в залах Академии художеств модели монументов: Александру I — для Таганрога и князю Г. А. Потемкину-Таврическому — для Херсона, по мнению обозревателя, «по вымыслу и исполнению своему едва ли не должны уступить всем вышеупомянутым» [7, 234]. Отрицательная оценка статуи Александра I усилена посредством включения в описание эскиза иронически окрашенных риторических вопросов. Задавая их, автор обозрения указывает на ускользание смысла аллегорических образов и на неэффективность использования важнейшего средства изобразительного языка скульптуры — положения фигуры [О выразительной силе положения фигуры в скульптуре см., напр.: 10, 11].

Лангер пишет: «Г. Мартос изобразил Императора Александра в военном российском костюме нашего времени; левая рука его лежит на эфесе шпаги, в правой свиток; у ног орел с перунами в когтях. Ясно, что изображение сие аллегорическое, но как толковать его? Положим, что свиток означает закон; шпага, вложенная в ножны — мир и спокойствие; зачем же дано Монарху положение идущего вперед человека? Зачем левая рука его лежит на эфесе шпаги? Означает ли действие сие готовность разить противников? Но Александр не предписывал никому законов силою. Как согласить сии противоречия?» [7, 234].

Искусствоведы выражали убежденность в том, что «приверженность Мартоса классицистическим идеалам была очень последовательной, ни при каких обстоятельствах скульптор им не изменял» [4, 4]. Однако высказанные Лангером в «Письмах художнику-любителю в***» соображения в каком-то смысле опровергают такую точку зрения. Дело в том, что в обозрении «Литературной газеты» произведение Мартоса подвергнуто критике как раз за отступление от канонов классицизма.

Разбор берет начало с сопоставления статуи военачальника с эскизной моделью памятника Александру I. По представлению Лангера, «в фигу-

ре, изображающей Потемкина мысль выражена еще темнее» [7, 234]. Характерно, что сравнение двух произведений скульптора проводится в плане содержания, которое в академической доктрине признавалось «фундаментом всего остального» [См.: 1, 278].

Описание фигуры Потемкина строится с целью показать, как мало в ее положении величественности. Критик пишет: «Князь стоит подле пня дерева, покрытого его плащом, опустив на оный правую рукою фельдмаршальский жезл, левою рукою держится за рукоять висящего при бедре его меча; левая нога его отставлена несколько вперед, верхняя часть тела повернута несколько влево; голове дано такое положение, что он смотрит через левое плечо» [7, 234].

Категорично звучит и сделанное Лангером заключение: «Не говоря уже о том, что подобное положение весьма принужденно — оное совершенно ничего не означает» [7, 234]. Указания на неестественность и незначительность позы фельдмаршала Потемкина, — несомненно, вердикт, выносимый по поводу отсутствия в произведении черт величественного стиля, которые, в соответствии с канонами классицизма, непременно должны отличать памятник герою.

Последняя точка в характеристике статуи ставится, когда обозреватель «Литературной газеты» отмечает отсутствие органической цельности в том, как скульптором костюмирована фигура персонажа: «Костюм Потемкина есть самая странная смесь одежды новейшей с одеждою рыцарей средних веков: туловище и руки его покрыты латами, на ногах брюки, у пояса повешен римский меч» [7, 234].

На фоне мнений Воейкова об экспонированных в залах осенней выставки 1830 г. произведениях Мартоса оценки Валериана Лангера выглядят радикальными и воспринимаются как возражения обозревателю «Русского инвалида». За непривычной для того времени резкостью оценок произведений Ивана Мартоса, создателя одного из национальных символов России — памятника Минину и Пожарскому, не сложно потерять нить, связующую отрицание с утверждением, с позитивной программой Лангера.

Однако многое в обозрении академической выставки убеждает в том, что подход критика к анализу творчества крупнейшего представителя русского классицизма все же был конструктивным. Это можно понять, внимательно читая отзывы Лангера о двух представленных в экспозиции академической выставки 1830 г. терракотах Мартоса, выполненных на сюжеты из античной литературы, — «Сафо и Фаон» и «Анакреон и Амур».

Сначала Лангер не без иронии — впрочем, весьма деликатной — констатирует: «Оба эскиза сии имеют свои достоинства и могут служить доказательством, что почтенный ваятель, несмотря на преклонность лет своих, не утратил еще прежней пылкости творческого своего воображения и не лишился прежних живых вдохновений» [7, 235]. Даже если забыть о сигналах, которые автор послал читателю, иронически окрасив эти открывающие разбор высказывания, отзыв о «группе, изображающей Анакреона и Амура», — а к ней обозреватель проявляет заинтересованное внимание — нельзя считать положительным.

Проводя сравнение представленной на выставке в Санкт-Петербурге скульптурной композиции с известным барельефом Бертеля Торвальдсена «Анакреон принимает Купидона» (1827. Музей Торвальдсена. Копенгаген), Лангер склоняется не на сторону Мартоса. Произведение датчанина он находит более значительным: пусть «художник сей (Торвальдсен. — С.Б.) сделал большое отступление от греческого поэта, но зато мысль его выражена, кажется, яснее» [7, 235].

Высказав это соображение, Лангер неожиданно заканчивает шуткой и разбор терракот Мартоса и, вместе с ним, третью, посвященную ваянию часть обзора: он замечает, что «Анакреон и того и другого художника посадил бы подле себя и выпил бы ними по бокалу греческого вина, заставив самого Эраста быть им Ганимедом» [7, 235]. В исполненном иронии обращении критика к анакреонтике хорошо ощутима аллюзия. Намекая на то, что заимствованные из античной литературы и мифологии сюжеты безнадежно далеки от жизни и такими будут оставаться всегда, Лангер призывает русское искусство обратиться к действительности.

Особый интерес вызывает упомянутая скрытая полемика «Литературной газеты» и «Русского инвалида» о поздних скульптурах Мартоса. Интерес возникает потому, прежде всего, что в наши дни нельзя увидеть памятник основателю Херсона, выдающемуся русскому военачальнику Потемкину: его унесла трагедия 1917 г. Критические статьи 1830-х гг. помогают оценить значение экспериментов Мартоса в разработке деталей скульптурного монумента, в частности костюма персонажа.

Уже было отмечено, что в обозрении «Русского инвалида» оценка костюмировки фигуры Потемкина выглядит более сдержанной, чем та, что дается на страницах «Литературной газеты». Думается, причина тому — более широкий, как бы охватываю-

щий пространство за статуей взгляд Воейкова, которого, в отличие от Лангера, волновал и вопрос о том, какое воплощение получают представленные на выставке модели, когда «статуи поставятся на пространных площадях» [3, 1080].

А в архитектурном ландшафте статуя воспринимается силуэтно. Тогда детали костюмировки могут, согласно замыслу творца, не производить яркого впечатления: и диссонирующие с древними доспехами детали солдатской одежды, как, впрочем, и военный мундир начала XIX в., в который скульптор облачил фигуру Александра I, не будут останавливать на себе оценивающие взгляды. Это, без сомнения, ощущал Мартос, отличавшийся тонким пониманием «содружества пространственных форм» [11, 43].

В то же время деталь в поздних статуях Мартоса отразила сближение русской скульптуры с жизнью. Необходимо подчеркнуть: Лангер по сути дела желал именно этого. Критик «Литературной газеты» стремился приблизить будущее отечественного искусства, освободить его от подчинения академическому канону, само отрицание которого, как показала его полемика с Воейковым, стало в какой-то момент излишне формальным.

Надо полагать, Лангер все же увидел в тенденции к частичному нарушению образного единства наметившуюся в творчестве Мартоса тягу к обновлению и пересмотрел свое отношение к статуе Потемкина. В июне 1831 г. художественная жизнь Петербурга дала обозревателю «Литературной газеты» повод к тому, чтобы еще раз высказаться о произведениях крупнейшего российского скульптора, — в одной из мастерских Литейного дома Академии художеств публике представили статую князя Потемкина-Таврического, которую по модели, выполненной автором, «из бронзы отлил <...> и чеканил известный по своему отличному искусству литейный мастер Василий Петрович Екимов» [6, 277].

Опубликованная без подписи в № 34 «Литературной газеты» за 1831 г. заметка «Изящные искусства. Ваяния» была с достаточным основанием приписана Е. М. Блиновой Лангеру [об авторстве В. П. Лангера см.: 2]. Публикация не выпадает из длинного ряда подготовленных обозревателем отдела изящных искусств комментариев к событиям художественной жизни столицы России. Автор традиционно подчеркивает роль в пропаганде русского искусства Общества поощрения художников, в помещении постоянной выставки которого «на Невском проспекте, в доме Марса, у комиссионера г. Прево» [6, 277], распро-

странялись билеты на развернутую в Литейном доме экспозицию.

Обозревателю «Литературной газеты», как видно из текста, известны приемы оказания влияния на аудиторию, возбуждения у читателя желания разделить взгляды критика. Чтобы достигнуть этой цели, Лангер ссылается в ходе рассуждения на мнения авторитетных персон. Он, к примеру, пишет: «Барон Александр Гумбольдт, коего знаниям и тонкому вкусу отдает справедливость вся образованная Европа, любовался сочинением сей статуи, постановкой и идеальным костюмом ее» [6, 277].

На сей раз общая оценка статуи Потемкина — позитивна. Она основывается на художественном анализе, в котором присутствуют традиционно вызывающие интерес Лангера мотивы. Критика восхищает умение скульптора набрасывать на фигуру одежду: «Драпировка плаща, накинутого на князя Потемкина, — читаем в заметке, — замечательна по своей простоте, легкости и естественности» [6, 278]. Обозреватель «Литературной газеты» находит удачным сюжетное решение темы: «Художник весьма хорошо постиг свой предмет» [6, 277]. Отмечено и то, что Мартос «вполне выразил характер того мужа, которого должен был изобразить» [6, 277].

Вместе с тем утверждение об исторически и психологически мотивированной трактовке образа военачальника находит развитие, выходящее за рамки привычных для классицистической эстетики представлений. Лангер проводит в своем отзыве мысль о том, что в основе успеха скульптора лежит и желание сохранить в изображении верность оригиналу. Критик пишет: «В чертах князя Потемкина, многие почтенные особы преклонных лет, знавшие его лично, находят великое сходство; и в этом каждый убедится, когда узнает, что маститый наш ваятель И. П. Мартос еще при жизни князя делал другую статую и лепил портрет его с натуры» [6, 277].

Надо полагать, предельная внимательность, с которой Воейков высказывался об искусстве Мартоса, в какой-то мере способствовала смягчению оценок его скульптур обозревателем «Литературной газеты». Впрочем, резкость некоторых суждений Лангера о статуях известнейшего представителя академического искусства важным результатом имела то, что критика классицизма в отечественном художественном процессе постепенно начала сливаться с поиском путей правдивого отражения жизни.

В общем и целом в товарищеской полемике сотрудников двух периодических изданий пушкинской

поры сложился конструктивный подход к интерпретации достижений и отдельных просчетов в работах Ивана Мартоса начала 1830-х гг. Лежащие в основе такого подхода принципиальность и взыскательность в соединении с бережным вдумчивым отношением

к поискам мастера обеспечили верное освещение проблем эволюции скульптора, через творчество которого шел процесс становления русской школы изобразительного искусства.

Список литературы:

1. Беллори Джованни Пьетро. Жизнеописания современных живописцев, скульпторов и архитекторов [Фрагменты]//Мастера искусства об искусстве: в 7 т. – М.: Искусство, – 1967. – Т. 3. – с. 277–280.
2. Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830–1831. Указатель содержания. – М.: Книга, – 1966.
3. Воейков А. [Ф.]. О выставке в Императорской Академии Художеств в 1830 году//Русский инвалид или Военные ведомости. 1830. – 28 сент; 29 сент; 30 сент; 1 окт.; 3 окт.; 4 окт.; 6 окт.; 7 окт.; 9 окт.; 11 окт.; 14 окт.; 23 окт.; 3 нояб.
4. Каганович А. [А.]. [Вступ. ст.] Иван Петрович Мартос. – М.: Изогиз, – 1960. – с. 3–13.
5. Коваленская Н. Н., Алексеева Т. В., Петров В. Н. И. П. Мартос//История русского искусства: в 13 т./АН СССР; Ин-т истории искусств Мин. культуры СССР; под общ. ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. – М.: Изд-во АН СССР, – 1963. – Т. 8; в 2 кн. Кн. 1. – с. 287–316.
6. Лангер В. П. Изящные искусства. Ваяния//Лит. газета. – 1831. – 15 июня. – с. 277–278.
7. Лангер В. П. Письма к художнику-любителю в***, о выставке Императорской Академии Художеств, 21 сентября 1830. Письмо III. Ваяние//Лит. газета. – 1830. – 17 нояб. – с. 234–235.
8. Ловягин А. [М.]. Потемкин, Григорий Александрович//Русский биографический словарь/Под наблюдением А. А. Половцова. – Том «Плавильщиков – Примо». – СПб.: [Типография И. Н. Скороходова], 1905. – с. 649–669.
9. Ломоносов М. В. Слово благодарственное е [я] и [мператорскому] в [еличеству] на освящение Академии художеств, именем ея говоренное.//Полн. собр. соч.: в 11 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 8 – с. 807–816.
10. Милиция Ф. Об искусстве смотреть на художества по правилам Зульцера и Менгса. – СПб.: [В типографии Генерального штаба], – 1827.
11. Преснов Г. М. Путеводитель: Государственный Русский музей: скульптура. – Л.; М.: Искусство, – 1940.

Section 3. History

Секция 3. История

*Burangulov Bayras Vakilovich,
associate professor of Bashkir State University
E-mail: bajras-burangulov@yandex.ru*

Archives of the Republic of Bashkortostan: from background till today

Abstract: The article is concerned with the main developmental milestones of Bashkortostan archive industry from the middle of XVIII century till today. Bashkortostan archive informational resources were analyzed. A brief review was made of a big archive fund named «Orenburgskoy Mahometan Clerical Assembly».

Keywords: archive, history, Russia, Bashkortostan, archive fund, South Urals, bashkirs.

*Бурангулов Байрас Вакилович,
доцент Башкирского государственного университета
E-mail: bajras-burangulov@yandex.ru*

Архивы Республики Башкортостан: от истоков к современности

Аннотация: В статье излагаются основные вехи развития архивной отрасли Башкортостана с середины XVIII в. до сегодняшнего дня. Проанализированы архивные информационные ресурсы Башкортостана. Сделан краткий обзор крупному архивному фонду «Оренбургское магометанское духовное собрание».

Ключевые слова: Архив, история, Россия, Башкортостан, архивный фонд, Южный Урал, башкиры.

Башкортостан прошел длительный и сложный путь исторического развития и имеет огромное материально-духовное и культурное наследие. Сохранились многочисленные исторические предания о том, что в отдаленном прошлом основу башкирского этноса составил устойчивый союз 7 племен, а государственные образования возглавляли Башкорт-хан, Муйтен-бий, Майки-бий, Мясем-хан, Джалык-хан. Письменные источники арабских авторов конца первого тысячелетия н. э. Саллама Тарджемана, Ахмеда ибн Фадлана, Абу-заид Аль Балхи [1, 3] и других свидетельствуют о башкирах как о давно живущем на Южном Урале крупном этносе.

Сегодня площадь Республики Башкортостан составляет 143 млн. кв. км., где проживает более 4 млн. человек. Башкортостан является многонациональным. Здесь проживают представители более ста народностей. По этническому составу 36,3 процента населения республики составляют русские, 29,8 процента — башкиры, 24,1 процента — татары. Коренное население республики — башкиры. В республике также проживают чуваша, марийцы,

украинцы, мордва, немцы и представители других национальностей.

Одним из приоритетных задач государственных и муниципальных органов власти республики, а также общественности является сохранение историко-культурного наследия края. На территории республики насчитывается 5581 памятников архитектуры, истории, искусства, археологии, в том числе уникальный памятник культуры и археологии пещера «Шульган-Таш» (Капова пещера) с наскальной живописью эпохи палеолита.

В сохранении документального наследия края огромную роль имеет архивная отрасль Башкортостана, которая и станет объектом исследования в рамках данной статьи.

В дореволюционное время в крае сложилась огромная сеть архивов. Но при этом не было централизованного руководящего органа, архивы находились в подчинении различных ведомств. В Башкортостане в конце XVIII — первой половине XIX в. наиболее крупными фондообразователями являлись Уфимское наместническое правление, канцелярии

оренбургского гражданского и генерал-губернаторов, Оренбургского духовного управления мусульман, губернского землемера и др.

В XIX в. наблюдается повышение административной и практической роли архивных документов, возрос интерес к ним как к историческим источникам, что было обусловлено развитием исторической науки и общей культуры. Это вызвало необходимость централизации архивов. Во второй половине XIX в. по всей России начали создаваться губернские ученые архивные комиссии. В 1887 г. в городе Оренбурге создается Оренбургская ученая архивная комиссия. В зону ее деятельности входили земли Оренбургской, Уфимской и Самарской губерний, Тургайской и Уральской областей, а также территории Оренбургского и Уральского казачьих войск [2, 16]. Просуществовавшая до 1918 г. Оренбургская ученая архивная комиссия стала первой архивной службой на Южном Урале. Но она, как и все другие государственные и общественные учреждения дореволюционного времени, была ликвидирована после Октябрьской революции.

Управление архивным делом в стране после Октябрьской революции 1917 г. коренным образом меняется. Во второй половине 1919 г. после окончательного установления большевистской власти на Урале началась работа по созданию государственных архивных учреждений Башкортостана. 11 августа 1919 г. на заседании коллегии Главного архивного управления при Наркомпросе РСФСР (Главархив) было принято постановление об учреждении Уфимского губернского отделения Главархива [3], в составе Уфимского губернского отдела народного образования. Наряду с Уфимским губернским архивом, в столице Малой Башкирии — в городе Стерлитамаке — существовал Архив Башкирской автономной советской социалистической республики (БАСССР). Он был учрежден по инициативе руководителя Башревкома А.-З. Валидова 18 марта 1920 г. [3] Башархив также находился в ведении Наркомпроса. В августе 1922 г. в связи с упразднением Уфимской губернии и включением ее территории в состав БАСССР Уфимское отделение Главархива и Архив БАСССР были объединены. С этого времени архив стал именоваться Башкирским центральным архивом при БашЦИКе.

Наряду с центральным архивом, приступили к организации местных архивов. Первыми создали в Белебеевском, Юрматынском, Бирском кантонах в 1920–1921 гг. В середине 20-х гг. предприняли

меры по упорядочению архивов в Тамъян-Катайском и Стерлитамакском кантонах, в Уфе был организован городской архив.

В период становления государственной архивной службы, сотрудникам приходилось спасать каждый лист документа. Архивы столкнулись проблемами отсутствия архивохранилищ, слабой материально-технической базой, дефицитом квалифицированных кадров, крайне низкой оплатой труда.

В 1938 по 1961 гг. архивы находились в ведении Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). Этот период с одной стороны для архивной отрасли стало временем укрепления материально-технического снабжения, с другой ужесточением режима работы архивных учреждений и введением целого ряда ограничений архивной информации. Тем не менее, архивы страны и республики продолжали выполнять свою общественную и культурную миссию.

В годы Великой Отечественной войны в БАСССР были эвакуированы архивы из Калининской (ныне Тверская), Воронежской, Курской областей РСФСР, Кировоградской и Днепропетровских областей Украинской ССР, Эстонской и Литовской ССР. В общей сложности в первые годы войны в Башкортостан были эвакуированы архивы более 110 наркоматов, учреждений и предприятий.

Позитивные изменения в использовании архивных материалов начали происходить со второй половины 50-х гг. в связи с изменением курса партии и началом демократизации общественно-политической жизни страны. В период «оттепели» проводится либерализация допуска исследователей к закрытым фондам. Если в 1946 г. читальный зал посетили 22 исследователя, то в 1956 г. — 46, а в 1957 г. — 62. Силами сотрудников архива и научных работников республики были подготовлены несколько объемных и значимых сборников документов, в том числе «Образование БАСССР» (Уфа, 1959).

В 1961 г. архивная служба страны из НКВД переходит в ведение Совета Министров. С этого времени начинается новый этап развития архивных учреждений. В 60–80-е гг. исполнительная власть Башкортостана проводит большую работу по созданию условий работы в государственных, местных и ведомственных архивах. Так, архивным управлением проводятся общественные смотры архивов, увеличивается штат и вводится в строй новое архивохранилище республиканского архива, организуются курсы повышения квалификации архивных служащих, работают над оптимизацией

организационной структурой архивных учреждений, активно внедряют различные методические пособия. Это позволило поднять архивное дело на новый уровень и перевести архивную работу на научную основу.

В начале 1990-х гг. в архивной службе Башкортостана происходят структурные изменения: вместо Архивного управления появляется Комитет по делам архивов, Центральный государственный архив меняет свое название на Центральный государственный исторический архив (ЦГИА РБ). Кроме того 22 ноября 1991 г. на базе партийного архива Башкирского республиканского комитета Коммунистической партии РСФСР создается Центральный государственный архив общественных объединений (ЦГАОО РБ) [5, 13]. С этого времени изменились подходы к комплектованию фондов ЦГАОО РБ. Основу его формирования составляют 170 общественных организаций: политические партии, национально-культурные центры, профсоюзные организации, женские объединения, благотворительные, просветительские, экологические организации.

Сегодня Архивный фонд Республики Башкортостан является неотъемлемой частью историко-культурного наследия, информационного и интеллектуального достояния народов республики. В этом фонде сосредоточено 4,5 млн. архивных дел.

Документы Центрального исторического архива РБ (ЦИА) содержат информацию по истории края с 1749 г. На хранение находятся фонды, относящиеся к дореволюционному этапу (до 1917 года) истории Оренбургской и Уфимской губернии и фонды советского (постсоветского) периода. В ЦИА сосредоточены дореволюционные фонды Уфимского наместничества с 1749 по 1796 годы, Оренбургской губернии по 1865 год и Уфимской губернии по 1917 год. Наиболее важными в этом комплексе источников являются фонды: канцелярии Оренбургского генерал-губернатора (1769–1877 гг.), Уфимского наместнического правления (1784–1842 гг.), канцелярии Уфимского гражданского губернатора (1844–1917 гг.), Оренбургского магометанского духовного собрания (1789–1923 гг.), Уфимского губернского жандармского управления (1883–1917 гг.), Оренбургской казенной палаты (1794–1865 гг.), Уфимской губернских: земской управы (1875–1917 гг.), статистического комитета (1870–1918 гг.), землеустроительной комиссии (1797–1917 гг.) [6].

Среди этих фондов, особый интерес вызывает фонд Оренбургского магометанского духовного собрания, который включает в себя 71 262 дела. Духовное собрание было учреждено в г. Уфе 22 сентября 1788 г. В функции собрания входило: контроль порядка исполнения религиозных обрядов и за соблюдением обязанностей духовными лицами; контроль строительства, открытия и ремонта мечетей, мусульманских школ, порядка обучения и состава учащихся. С 1828 г. Духовному собранию вменялось в обязанности регистрировать рождение, смерть прихожан, заключение и расторжение браков. Полномочия Духовного собрания распространялись на всю территорию России, исключая Таврическое наместничество, Закавказье, Северный Кавказ, Польшу и Туркестанский край. Большую информативность имеют ведомости учета мусульманских приходов и их служителей по губерниям, метрические книги мусульманских приходов Оренбургской, Уфимской, Казанской, Самарской, Тобольской, Астраханской и других губерний.

Фонды советского периода представлены документами органов государственной власти и контроля, суда, прокуратуры, организаций и предприятий народного хозяйства, учреждений народного образования, культуры, науки, здравоохранения, труда, социального обеспечения.

Фонды личного происхождения образуют еще один комплекс документов ЦИА. Архив хранит 8 046 ед. хр., сосредоточенных в 192 фондах. Фонды личного происхождения включают в себя документы людей, сыгравших значительную роль в политической, социально-экономической, культурной жизни республики, известных краеведов-историков, таких как З. А. Валидов, М. Н. Елгаштина, К. П. Краузе, Н. Г. Терегулов, К. А. Хакимов, Н. Н. Барсов, П. Ф. Ищериков и др.

Наряду с документами по истории Башкортостана, архив хранит уникальные материалы, содержащие сведения по истории соседних областей: Челябинской, Свердловской, Оренбургской областей, а также республики Татарстан.

Таким образом, архивная отрасль республики прошла тяжелый путь становления. Несмотря на трудности, архивисты сумели сохранить бесценное народное достояние. Поэтому в архивах Башкортостана хранятся уникальные и особо ценные документы не только по истории республики, но и всего Южного Урала и России.

Список литературы:

1. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – под ред. И. Г. Акманова. – Уфа, Китап, – 2004. – т. 1.
2. Хасанов Э. Р. Оренбургская ученая архивная комиссия: возникновение и работа научного общества на Южном Урале (конец XIX – начало XX вв.). – Уфа; Стерлитамак, – 1998.
3. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.
4. ЦИА РБ. – Ф. 1107. Оп. 1. Д. 88. Л. 115–116.
5. Путеводитель. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. – Валишин Р. А. и др. – Уфа, – 2009.
6. Путеводитель по фондам Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан. – Абдрахманов А. Г. и др. – Уфа, – 2009. – Ч. 1

*Dianov Alexey Grigorievich,
The Siberian automobile and road-building Academy,
the reader of the chair of fatherland history and political sciences.
E-mail: dianov_60@mail.ru*

Material position working Siberia in the mid 20-ies of XX century (according to documents of the workers' and peasants' inspection)

Abstract: In article on the basis of the documents workers' and peasants' inspection of the study material position and conditions the working conditions of Siberia in the mid-20-ies of XX century. Comparative information on salaries and conditions of life of workers of Kuzbass and Donbass. The author concluded that the material situation of the workers of Siberia in the mid-20-XX, was worse than in 1913-ies.

Keywords: workers and peasants' inspection, Siberia, rate of wages. Well-being, Conditions of life

*Дианов Алексей Григорьевич,
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия,
доцент кафедры отечественной истории и политологии
E-mail: dianov_60@mail.ru*

Материальное положение рабочих Сибири в середине 20-х гг. XX в. (по документам рабоче-крестьянской инспекции)

Аннотация. В статье на основе документов рабоче-крестьянской инспекции проведено исследование материального положения и условий быта рабочих Сибири в середине 20-х гг. XX в. Приведены сравнительные сведения об оплате труда и условиях быта рабочих Кузбасса и Донбасса. Автором сделан вывод о том, что материальное положение рабочих Сибири в середине 20-х гг. было хуже, чем в 1913 г.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская инспекция, Сибирь, оклад, материальная обеспеченность, бытовые условия.

В последнее десятилетие российское руководство уделяет все больше внимания улучшению материального положения граждан. Сокращается численность населения, находящегося за чертой бедности. В связи с этим несомненный интерес представляет анализ материального положения и условий быта рабочих Сибири в середине 20-х гг. XX в.

Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) в изучаемый период была основным контрольным органом

Советского государства. В её функции входил постоянный контроль над всеми организациями и предприятиями (предварительная ревизия, последующая ревизия). Она должна была не просто пресекать злоупотребления, а добиваться улучшения деятельности всех подконтрольных ей учреждений [1, 68–69].

«Деятельность любого государства, вне зависимости от формы правления или политического режима, не развивается в социальном вакууме, напротив,

она в конечном итоге соотносится с интересами более или менее обширных общественных групп народа в целом, задана, в том числе их либо его интересами. Стоящие перед государством задачи заведомо не разрешимы вне реализации соответствующих функций государства» [2, 821].

Данная работа написана на основе анализа архивных материалов всестороннего обследования Сибирской рабоче-крестьянской инспекцией Кузбасса в декабре 1923 г., детального обследования губернскими РКИ состояния заработной платы, рабочего кредитования и социального страхования на крупнейших предприятиях Сибири в первой половине 1924 г. и анкетного обследования через фабзавкомы остальных промышленных предприятий Сибири, а также ежемесячных отчетов губернских РКИ о выплате заработной платы в учреждениях Сибири.

Главным местом сосредоточения документов по истории рабоче-крестьянской инспекции Сибири являются фонды Государственного архива Новосибирской области. Особая значимость этого архива для освещения деятельности рабоче-крестьянской инспекции в Сибири состоит в том, что, начиная с 1921 г. (после переезда из Омска), в Новониколаевске (Новосибирске) работала Сибирская областная (с 1924 г. — краевая) рабоче-крестьянская инспекция. Следовательно, именно в Новосибирск поступали годовые, квартальные отчеты, доклады о результатах важнейших ревизий и обследований губернских, окружных организаций рабоче-крестьянских инспекций Сибири [3, 33].

Основное внимание автор сосредоточил на материальном положении и условиях быта рабочих угледобывающей промышленности Кузбасса, на предприятиях которого в 1923 г. работало 71,7 % рабочих, занятых в угледобывающей промышленности Сибири.

Главным источником существования для подавляющего большинства рабочих семей с переходом к нэпу становится заработная плата, уровень которой до середины 20-х гг. был ниже, чем в 1913 г., к тому же она выплачивалась с задержками. В Кузбассе в 1923 г. задолженность выплачивалась не только за предыдущий год, но и частично даже за 1921 г. [4, 222].

К наблюдению за выплатой заработной платы рабоче-крестьянские инспекции приступили 8 апреля 1924 г. после приказа Сибревкома от 4 октября 1923 г. Постановлением НК Труда СССР все учреждения обязывались предоставлять сведения в РКИ о размерах и порядке выплаты заработной платы

и имеющихся задолженностей по ней [5; 6, 24]. Материалы обследований и ежемесячные отчеты губернских РКИ довольно полно характеризуют материальное положение рабочих Сибири.

В декабре 1923 г. Сибирская рабоче-крестьянская инспекция (СибРКИ) провела всестороннее исследование условий жизни 7 628 рабочих и служащих Кузбасса. Обследованием было охвачено 6 755 рабочих и 873 служащих. Мужчин среди рабочих — 89,62 %, среди служащих — 87,05 %. Материалы этого обследования могут служить общим критерием материального положения и условий быта рабочих угледобывающей промышленности Сибири. На территории Кузбасса в этот период действовало два предприятия — американская индустриальная колония «Кузбасс» (АИК «Кузбасс»), основанная в Кемерове американскими коммунистами в 1922 г. и Кузбасстрест (Ленинский, Прокопьевский и Киселевский рудники и Гурьевский завод).

На предприятиях Кузбасса четыре пятых рабочих были местными жителями — крестьянами. Почти все они не потеряли связи с землей, и поэтому весной и летом часто не выходили на работу. Большинство рабочих — местных жителей — имели коров и лошадей, что, несомненно, помогало им выжить в трудных условиях начала 20-х гг. Наиболее обеспеченными были рабочие Гурьевского завода, где на 823 рабочих приходилось 834 коровы и 760 лошадей. Это было связано с тем, что только 5 % рабочих Гурьевского завода были чистыми пролетариями и не имели земельных наделов. На Ленинском руднике у 2 545 рабочих имелось 1 044 коровы и 630 лошадей. Примерно такое же положение было и на других предприятиях Кузбасса. Только 20 % рабочих жили исключительно на заработную плату. В основном это были татары, приехавшие из голодающих губерний Поволжья, Башкирии и с Вятского края. Их материальное положение и бытовые условия были значительно хуже, чем у местных рабочих [7, 159–164].

Величина заработка рабочих на предприятиях Кузбасстреста и АИК «Кузбасс» была различной. На предприятиях Кузбасстреста номинальный заработок при ставке 1-го разряда в 7 руб. 20 коп. в пересчете на товарный рубль составлял со всеми приработками для 1-го разряда от 7 руб. 50 коп. до 10 руб.; 9-го разряда — от 22 руб. 50 коп. до 30 руб. 14 коп. Фактический заработок уменьшался из-за невыходов, порядка начисления и выдачи. Оценка работы производилась в товарных рублях в начале месяца. От несоответствия товарного рубля на 15-е число

платежного месяца с червонным рублем на 1-е число следующего месяца (момент перевода) рабочие терпели существенные убытки. На понижение фактической стоимости заработка влияло также то, что частично заработок выдавался не деньгами, а ордерами на кооператив и натурой. Так, например, на Ленинских рудниках за октябрь 1923 г. рабочие получили 38 % заработка ордерами на кооператив. Они вынуждены были брать то, что там имеется, а не то, что подчас им нужно. Цены в кооперативах Кузбасстреста были выше, чем в кооперативах АИК «Кузбасс», а на некоторые товары выше, чем в Госторге. Ухудшала материальное положение рабочих и задержка заработной платы (зачастую на месяц и больше). Почти каждый месяц оставалась задолженность Кузбасстреста перед рабочими, причем эта задолженность не снижалась, а росла. Техника выдачи зарплаты была организационно не продумана. Выдача зарплаты производилась в конторе, что приводило к долгому стоянию в очередях. В среднем в месяц на все расчеты рабочий терял 4–5 рабочих дней [7, 161–164].

В АИК «Кузбасс» применялась сдельная оплата труда, широко практиковались сверхурочные работы и работы в выходные дни. Рабочий, проработавший в дни отдыха 5 часов, получал как за 12 часов. При ставке 1-го разряда в 7 руб. 50 коп. – от 13 руб. 50 коп. до 14 руб. 50 коп. При ставке 9-го разряда в 21 руб. 60 коп. – от 34 руб. 50 коп. до 42 руб. 47 коп. Выплата заработка производилась с 10-го по 13-е число каждого месяца и всегда на 100 %. Зарплату выдавали на рабочих местах. Такая система ускоряла выплату. Так, например, 394 рабочих Центральной шахты получали зарплату в течение часа. В магазинах Кемеровского кооператива имелся большой ассортимент товаров хорошего качества и по ценам ниже, чем в кооперативах Кузбасстреста [7, 162–166].

По сравнению с заработком горняков Донбасса, где ставка горняков 1-го разряда до октября 1923 г. была 3 руб. 56 коп., а с октября 1923 г. — 6 руб., заработок горнорабочего Кузбасстреста, и в особенности горнорабочего АИК «Кузбасс», был значительно выше. Однако, получая меньше, рабочие Донбасса имели неплохие по меркам начала 20-х гг. бытовые условия, что с лихвой возмещало разницу в зарплате [7, 164, 165].

При рассмотрении состояния жилищных условий необходимо учитывать деление рабочих на местных и прибывших из других регионов. Лучшие жилищные условия были у рабочих Гурьевского завода,

из которых 95 % были местными жителями, причем лишь небольшая часть их пришла из близлежащих деревень, в своих домах проживали 82 % рабочих, 18 % жили в заводских домах, где на одного человека приходилось 7 м².

Совершенно иные условия проживания были у рабочих, трудившихся на копях Кузбасстреста. Здесь 60–70 % рабочих жили в бараках, мало пригодных для жилья, в вагонах и землянках. На рудниках Южного района 42 % рабочих жили в землянках, на Ленинских рудниках — 39 %. Примерно столько же — на Киселевском руднике, где землянки составляли целый поселок, названный Казанкой.

В бараках копей было тесно и грязно. В комнатах (11,4–13,6 м²) проживало от 3 до 12 человек (Ленинский рудник). Еще худшие условия были в землянках. В акте санитарного обследования Прокопьевского рудника от 17 ноября 1923 г. отмечалось: «В землянке № 27 Прокопьевского рудника живут три семьи в 11 человек, в землянке очень скученно и грязно. Землянка очень плохая, и не далек тот момент, когда она может рухнуть. Дождь и снег попадает в их жилище, стекла в окнах побиты, двери плохие. У землянки не было ни помойной ямы, ни сарая для хранения угля. В землянке № 65 во 2-й квартире проживал Юсупова с семьей, в квартире грязно, пол земляной, двери плохие, через крышу снег попадает в квартиру, сарая для хранения угля нет. Трудно представить, что в подобных землянках могли жить люди, так ужасен вид этой землянки и так жалки люди, живущие в ней» [7, 167, 167 об.].

Проживание в землянках в период зимних буранов было опасным для жизни. Во время сильного бурана, прошедшего 25 марта 1923 г., была занесена землянка № 32 на Киселевском руднике. Буран застал семью из 6 человек во время сна, и она угорела от закупорившейся печи. Спасти удалось только одного человека. Во время этого же бурана была занесена и землянка № 28, но ее откопали вовремя и спасли всех. Такие случаи не были редкими. Администрация к условиям жизни рабочих относилась философски. Рудничный комитет Кузбасстреста, имеющий специальный отдел улучшения быта, в своем отчете дал оптимистичную оценку условий жизни рабочих: «Рабочие живут в наскоро сооруженных самими же рабочими землянках и полуземляных бараках, которые под нажимом райкома Рудоуправления оборудованы так, что в них жить можно стало» [7, 167 об, 168]. Как можно жить стало, проиллюстрировано выше. В среднем по Кольчугинскому руднику на одного рабочего

приходилось 3,1 м², а по Прокопьевскому — 4,3 м². Таким образом, жилищные условия на копях Кузбасстреста требовали решительного улучшения, но у предприятия не было средств (рабочим платили с задержками).

На предприятиях АИК «Кузбасс» жилищные условия были лучше. На одного рабочего в Кемерове приходилось в среднем 5,5 м². 80 % рабочих жили в хороших условиях, а 20 % — в плохих. Это были по преимуществу холостяки (в основном татары по национальности), приехавшие в Кемерово в 1922 г. Администрация постоянно заботилась об увеличении жилой площади. По инициативе администрации в коллективном договоре, заключенном с рудничным профсоюзным комитетом, она взяла обязательство довести жилую площадь на руднике путем постройки новых домов до нормы в 8,2 м² на человека [7, 167 об, 168].

Санитарное состояние рудничных поселков производило удручающее впечатление. При скученности бараков и землянок отсутствовали водосточные канавы, очень мало было выгребных ям, и жители выбрасывали помои и золу прямо с крыльца. Уборные при переполнении просто закапывались и переносились на другое место. В летние месяцы в поселках очень сильно ощущался запах нечистот. Общие бани были только на Кемеровском и Ленинском рудниках [7, 168 об, 169]. Подводя итоги характеристике материально-бытового положения рабочих Кузбасса, можно констатировать, что в 1923 г. оно было хуже, чем в 1913 г. Средняя заработная плата рабочего не достигла уровня 1913 г., хотя была выше, чем в других отраслях промышленности Сибири и Донбасса. Особенно удручающими были условия быта рабочих, и если на предприятиях АИК «Кузбасс» намечались перспективы к его улучшению, то на предприятиях Кузбасстреста улучшения бытовых условий даже не планировалось.

В ходе проверки в июне 1924 г. губернские РКИ детально обследовали состояние заработной платы на 12 крупнейших предприятиях обрабатывающей промышленности в шести сибирских губерниях и трех крупнейших предприятиях добывающей промышленности: «Черембасс», АИК «Кузбасс» и Кузбасстрест. В январе 1924 г. на этих предприятиях работало 15 041 рабочих и 1 740 служащих, а в мае — 15 646 рабочих и 1 626 служащих. Таким образом, на обследуемых предприятиях количество служащих в общей численности персонала сократилось с января по май 1924 г. с 10,4 до 9,4 %. Наименьшая

численность служащих наблюдалась на добывающих предприятиях. На Анжеро-Судженских копях она составляла в январе 9,0 %, а в апреле — 8,2 %. На Кемеровском руднике — 9,2 % в январе и 7,4 % — в мае. В то время как на 11 предприятиях добывающей промышленности она составляла в мае 1924 г. 15,4 %.

Сокращение числа служащих было общим явлением. Так, по данным Сибирского бюро статистики труда, на 1 июля 1924 г. служащие составляли в среднем 11,3 % от общей численности персонала, занятого в промышленности Сибири, в то время как на первое января 1924 г. — 13,1 % [6, 21; 8, 41–42, 61].

Средний заработок рабочего по 12 обследованным предприятиям обрабатывающей промышленности в среднем в первой половине 1924 г. составлял 31,4 руб., что почти совпадало со средним заработком фабрично-заводского рабочего в СССР по данным статистики труда, за период апрель–июнь 1924 г. — 34,5 руб. Наиболее низкий заработок имели рабочие Кузбасса — от 19,8 до 22,9 руб. Однако если учесть бесплатные коммунальные услуги — 4,75 руб., то общий размер заработка рабочих Кузбасса повысился до 24,6 – 27,7. С началом проведения денежной реформы средний заработок фабрично-заводского рабочего Сибири не подвергался существенным изменениям. Он составлял в январе–июне 1924 г. 31 – 32 золотых рубля [6, 21 об; 9, 259; 10, 41–44, 61–62].

Средний заработок фабрично-заводского служащего в январе–марте был на 61 % выше заработка рабочего, в апреле–июне — на 54 %. Распределение рабочих по размеру заработка показывает, что в обследованных предприятиях более 1/3 получали заработок ниже 20 руб., 58 % — не более 30 руб., 81 % — не более 40 руб. На предприятиях каменноугольной промышленности численность рабочих, получающих ниже 30 руб., была более значительной и доходила до 2/3 или 4/5 от общей численности рабочих на предприятии [6, 21; 10, 45, 46, 62; 11, 87, 89].

В отношении форм заработной платы наблюдается рост сдельных работ, постепенное уменьшение сверхурочных. Число работающих сдельно в июне 1924 г. составляло 46 % от всех работающих, между тем как в январе сдельно работало лишь 40 %. Сверхурочный приработок в январе, составлявший 3,3 % заработка рабочего, понизился в июне до 2 %.

Переход на сдельщину не может считаться законченным, так как даже в одних и тех же производствах, как показало обследование, степень применения сдельных работ неодинакова [6, 21, 51, 52, 62, 63].

Средний заработок рабочих и служащих был выше в кооперативных предприятиях и учреждениях. Далее идут предприятия на хозрасчёте. Следующее место занимают предприятия на госбюджете. Наиболее низкий заработок имеют рабочие и служащие учреждений, состоящие на местном бюджете. Соотношение этих заработков можно представить следующим образом: если взять за 100 % средний заработок рабочего в кооперативных организациях, то в хозрасчетных по отношению к кооперативным он составлял 82,6 %, в госбюджетных — 79,5, в организациях, состоящих на местном бюджете — 48,7. Разница среднего заработка служащих была еще значительнее. Средний заработок служащих в хозрасчетных организациях по отношению к среднему заработку в кооперативных составлял 84,6 %, в госбюджетных — 58,9, в организациях, состоящих на местном бюджете, — 48,6 [10, 61].

Выдача зарплаты натурой постепенно исчезла к середине 1924 г. Этот процесс шёл медленно на предприятиях, отдалённых от городских центров, а также на предприятиях, выпускающих предметы широкого потребления, которые охотно

приобретали рабочие (например, кожтовары). Выдача продовольственных и промышленных товаров в принудительном порядке, не носила массового характера. В виде исключения, при задержках в зарплате, рабочие косвенным путём иногда принуждались приобретать у заводоуправления ненужные им товары (Знаменский стекольный завод, Иркутский лесозавод). Обусловленные договорами сроки оплаты большинством заводоуправлений существенно не нарушались. Исключение составлял Кузбасс, где задержка с выплатой зарплаты была всё время хроническим явлением, а также Иркутский лесозавод, Знаменский завод, отчасти Томская спичечная фабрика [6, 22; 11, 3–5; 12, 87, 89].

Таким образом, материальное положение рабочих Сибири в середине 20-х гг. XX в. было хуже, чем в 1913 г. Средняя заработная плата рабочего не достигала уровня 1913 г. и была ниже, чем в большинстве центральных районов страны. Улучшающимися были условия быта рабочих, и если на некоторых предприятиях намечались перспективы к его улучшению, то на предприятиях Кузбассстреста улучшения бытовых условий даже не планировалось.

Список литературы:

1. Дианов А. Г. Проблема руководящих кадров губернских отделений сибирских рабоче-крестьянских инспекций в период перехода от военного коммунизма к нэпу (1921 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, – 2014. – № 3. Ч. 2. – с. 68–73.
2. Слезин А. А. Государственная функция политического контроля: особенности правоприменительной практики // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2007. Т. 13. № 3. – с. 821–825.
3. Дианов А. Г. Государственный архив Новосибирской области как источник по изучению истории сибирской рабоче-крестьянской инспекции // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 1. – с. 33–35.
4. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма 1917–1937 гг. – Новосибирск, – 1982.
5. Советская Сибирь. – 1924. 14 апреля. – № 90.
6. Государственный архив Новосибирской области. (ГАО) – Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 138.
7. ГАО. – Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 218.
8. ГАО. – Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 2.
9. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО) – Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 73.
10. ГАО. – Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 230.
11. ГИАОО. – Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 89.
12. ГИАОО. – Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 99.

*Lidzhieva Irina Vladimirovna,
Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences,
Ph.D. of History, senior research worker of the History and Archeology Department
E-mail: irina-lg@yandex.ru*

*Okonova Ludmila Vyacheslavovna,
Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences,
Ph.D. of History, research worker of the History and Archeology Department
E-mail: okonova.lv@gmail.com*

Reconstruction of history of deportation of the people on memoirs of Germans of Kalmykia

Abstract: In article an attempt on the basis of for the first time revealed archival materials and memoirs of eyewitnesses of events is made to recreate history of eviction of the German population from Kalmyk the Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941.

Keywords: Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic, 1941, the Germans, nationalpolitical repression, deportation.

*Лиджиева Ирина Владимировна,
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории и археологии
E-mail: irina-lg@yandex.ru*

*Оконова Людмила Вячеславовна,
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории и археологии
E-mail: okonova.lv@gmail.com*

Реконструкция истории депортации народов по воспоминаниям немцев Калмыкии

Аннотация: В статье предпринята попытка на основе впервые выявленных архивных материалов и воспоминаний очевидцев событий воссоздать историю депортации немецкого населения из Калмыцкой АССР в 1941 году.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, 1941 год, немцы, национально-политические репрессии, депортация.

Республика Калмыкия расположена в Нижнем Поволжье и является «уникальным местом планеты по единству и сосуществованию этносов и конфессий» [8, 35]. Одним из представителей этнического многообразия степного региона являются немцы. Еще в 1879 г. немецкие переселенцы в долине реки Хагин-Сала Большедербетовского улуса Ставропольской губернии основали село, получившее впоследствии название Нем-Хагинка.

По данным переписи на 17 января 1939 г. в Калмыцкой АССР проживало 4150 граждан немецкой национальности [7, 32]. В октябре 1941 г. численность немецкого населения составляла 5709 человек, причем самым большим поселением было по-

прежнему Нем-Хагинка — 2386 человек [1, Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11].

Советская карательная политика, широкомасштабные экономические, политические, физические репрессии, проводившиеся в довоенный период против всех социальных слоев населения страны, отдельных этносов, в сфере национальной политики, продолжались и в годы Великой Отечественной войны. За принадлежность к нации, с которой велась война, 12 августа 1941 г. подверглись депортации советские немцы с формулировкой: «Советское правительство по законам военного времени вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья». «Наши предки со времен Екатерины

Второй верой и правдой служили России. Когда началась Великая Отечественная война без всяких сомнений наши отцы и братья встали на защиту своей Родины от фашистских оккупантов» — отмечает в своих воспоминаниях Я. Я. Майер [5]. Но, несмотря на это, из республики немцев Поволжья, из союзных и автономных республик, краев и областей было выселено 949 829 советских немцев, в том числе 5965 человек в соответствии с распоряжением СНК СССР № 84-кх от 2 ноября 1941 г. «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» [9, 360].

На основании данного распоряжения был издан приказ № 001543 народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берия «О мероприятиях по переселению немцев из Калмыцкой АССР» от 3 ноября 1941 г. [1, Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 120–121 об.]. Общее руководство операцией по переселению немцев из Калмыцкой АССР было возложено на наркома внутренних дел республики капитана госбезопасности Г. Я. Гончарова, который впоследствии обязан докладывать о ходе операции НКВД СССР. Перед началом операции, согласно специальной инструкции, утвержденной приказом № 001543 НКВД СССР, для обеспечения операции по переселению войсками НКВД генерал-майору Апполонову было поручено выделить в распоряжение НКВД Калмыцкой АССР 63 красноармейца и 3 командира среднего конного состава (причем это в условиях войны). Весь антисоветский элемент из числа немцев подлежал аресту и заключению органами НКВД.

По срочной спецсвязи эти документы были переданы в республиканские органы партии и власти, которые тогда же, 3 ноября, продублировали основное решение — выселить всех немцев, проживающих в Калмыцкой республике к 10 ноября 1941 года. В памяти 15-летней Ирмы отложились события того периода: «Немцев с территории Калмыцкой АССР начали депортировать по очереди сначала из села Соленое, потом Краснополое и Ульяновки. Поэтому мы были готовы к этому и заранее собрали вещи, документы. Взяли с собой швейную машинку, одежду и продукты. Швейная машинка была нашей кормилицей, мама шила местным жителям, они за работу расплачивались продуктами» [6].

Для ответственных работников республики вопрос выселения немцев не был неожиданной новостью. Втайне от всего населения была проведена секретная подготовительная работа. Перед началом операции, в инструкции НКВД СССР № 13600 о порядке переселения немцев, проживающих в Калмыцкой АССР, предусматривалась разработка подготовительных

мероприятий, составление особого списка лиц, проживавших в немецких семьях, переселение которых было не обязательно; проведение самой операции по выселению, направлению к станциям погрузки и дальнейшему транспортированию к пунктам поселения.

Согласно разработанной инструкции, все жители по национальности немцы подлежали переселению в Казахскую ССР. Члены ВКП (б) и ВЛКСМ переселяются одновременно вместе с остальными. Исключение составляли лица, в отношении которых имелись специальные указания НКВД СССР.

В улусах операцией руководили оперативные тройки в составе начальников районных отделов НКВД, милиции и представителя НКВД. Оперативные группы комплектовались из оперативных работников НКВД, милиции, представителя местных советско-партийных организаций и лиц, отвечавших за опись и прием имущества, оставляемого выселявшимися. На них возлагался выезд непосредственно на места, где проживали выселявшиеся. Здесь ими заполнялись учетные карточки на каждую семью с перечислением всех ее членов.

Не подлежали учету те семьи, где муж (глава семьи) не был немцем. Остальные семьи, в том числе семьи военнослужащих командиров и рядовых красноармейцев брались на учет, т. е. их выселяли на общих основаниях.

В памяти 13-летнего Якова отложилось чувство безысходности, какого-то бессилия перед репрессивной машиной «Солдаты к нам пришли в декабре 1941 г., к этому времени большая часть немцев из соседних сел была уже выслана. Поэтому мы знали, какая участь нас ждет и готовились. Когда настала наша очередь, мама даже не спрашивала: «Куда? Зачем?» Уже все было ясно, идет война с Германией, а мы немцы, хотя ничего плохого никто из нас тогда не сделал. Приказали и все! Время было такое, никто не разбирался с нами» [5]. Но вера в торжество справедливости жила в людях. «Я родилась в депортации и не знала, какие такие калмыцкие степи, о которых рассказывала моя мама. Мама была депортирована с ее семьей в ноябре 1942 г. из с. Ульяновка Яшалтинского района Калмыцкой АССР, папа — в августе 1941 г. из города Энгельса Саратовской области. Семья у нас была большая: папа, мама, бабушка и девять детей. Папа нам объяснял, что придет время, и все мы поедем на свою родину, в Казахстан мы ненадолго» [2].

В пути следования депортируемых сопровождали сотрудники НКВД и красноармейцы, которые составляли график подачи вагонов по участкам

состава. Из числа начальствующего состава НКВД выделялся начальник эшелона и 21 человек караула. Для агентурно-оперативного обслуживания переселяемых в пути следования на каждый эшелон выделяется один оперативный работник. Состав поезда должен был быть устроен таким образом, таким образом, чтобы 7–8 вагонов оставалось для погрузки переселяемых, а один вагон для караула. Кроме того, в каждом составе должен был быть специальный вагон, служивший санитарным изолятором. В пути следования люди должны были получать бесплатно два раза в сутки горячую пищу и кипяток. Питание переселяемых производилось в специально установленных пунктах — железнодорожных буфетах. Оплату за питание должен был производить начальник эшелона. На каждый эшелон предполагалось выделить врача и двух медсестер с необходимым инструментарием и медикаментами. Несмотря на такие инструктивные указания по воспоминаниям многих депортированных на их долю выпало немало горя. «Дорога далась тяжело, в вагоне по дороге умерли маленькие дети до года, хотя в составе был медицинский вагон, но до больных никому не было дела» [4]. В дни проведения операции НКВД выставяло милицейские эшелоны на перекрестках дорог для задержания лиц, которые попытаются укрыться от переселения [1, Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 3].

Операция по выселению немцев вместо 10 ноября завершилась 6 декабря 1941 г. Вся операция по выселению прошла без каких-либо эксцессов. Общее число депортированных из республики оказалось на 254 человек больше, чем было взято на учет. Всего было выслано 5965 человек, в том числе 17 человек агентов НКВД вместо запланированных 5709 человек [1, Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 211–213]. Они были направлены на поселение в Казахскую ССР. Неизвестно, сколько из них

доехало. Имеются данные только о бывших жителях Нем-Хагинского сельсовета Яшалтинского района. 26 января 1942 г. 949 человек прибыло в Кустанайский район Кустанайской области. Если учесть, что их на момент постановки учета в октябре 1941 г. было 2386 человек, то, следовательно, их оказалось в 2,5 раза меньше [1, Ф. 9. Оп. 1. Д. 44. Л. 11, 219]. Остальные были расселены в другие районы и области Казахстана. Бывших нем-хагинцев направили в Озеринский сельсовет. Теперь им предстояло стать озеринцами. «Привезли нас в село Озерное Кустанайской области Казахской ССР. Это было немецкое село, другие здесь не жили. Подселяли нас в дома местных жителей. Я работал в колхозе в разное время то сторожем, то разно-рабочим на элеваторе, и конюхом пришлось потрудиться. Помню, как на лошадь взобраться не мог, ростом мал был. Но ничего, приловчился, это было ерундой по сравнению с Трудармией» [5]. Остальные переселенцы оказались в Акмолинской и Северо-Казахстанской областях. «Приехали в Казахстан, где нам определили местожительства село Кутук — немецкое село. Выделив нашей семье пустой дом, дали несколько дней, чтобы обустроить свой быт. Между собой общались на немецком языке, а среди чужих, даже немцев, говорили на русском. Дома в кругу семьи старались читать молитвы, отмечать религиозные праздники. Но все делали тайно» [3].

Таким образом, насильственное выселение немцев из Калмыцкой АССР являлось частью масштабной тщательно спланированной операции, обрекавшей народ на долгие годы бесправного положения в статусе спецпереселенца, что подтверждается как нормативными источниками, так и воспоминаниями очевидцев тех трагических событий периода Великой Отечественной войны.

Список литературы:

1. Информационный центр Министерства внутренних дел Республики Калмыкия (ИЦ МВД РК).
2. Полевые материалы автора (ПМА): Валуева (ур. Вальк) Ирина Львовна, 1950 г. р., записано в с. Ульяновка Яшалтинского района Республики Калмыкия в августе 2013 г.
3. ПМА: Вернер Ида Даниловна, 1948 г. р., записано в с. Ульяновка Яшалтинского района Республики Калмыкия в августе 2013 г.
4. ПМА: Герцог (ур. Шпицерп) Мария Рудольфовна, 1925 г. р., записано в с. Ульяновка Яшалтинского района Республики Калмыкия в августе 2013 г.
5. ПМА: Майер Яков Яковлевич, 1929 г. р., записано в п. Яшалта Яшалтинского района Республики Калмыкия в августе 2013 г.
6. ПМА: Мигачева (ур. Браун) Ирма Христиановна, 1926 г. р., записано в с. Ульяновка Яшалтинского района Республики Калмыкия в августе 2013 г.
7. Викторин В.М. Астраханская область в XXI веке: феномен социокультурной регионалистики // Астрахань – XXI в.: социокультурная регионалистика. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», – 2007. – 400 с.

8. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М.: Наука, – 1992. – 256 с.
9. Сталинские депортации, 1928–1953: Сборник документов. – М.: Материк; Международный фонд «Демократия», – 2005. – 904 с.

*Lupovskaya Khristina Pavlovna,
Moscow, Tretyakov Gallery, Senior Researcher
E-mail: k.lupovskaya@gmail.com*

The Unknown Photo of Life-Guard Poruchik N. Y. Kuharenko from Shchepkin-Stankevich's album

Abstract: From the history of the relationship of the great Russian actor Mikhail Shchepkin and Ataman Cossack troops, first Kuban writer Jkov Kuharenko. Unknown page of portrait bibliography of the Ataman's son the Life-Guards Poruchik of His Imperial Majesty's Own Convoy Nikolay Kuharenko. Based on materials from the home archive Doctor of History M. V. Shchepkina.

Keywords: Shchepkins-Stankevichs, Yakov and Nikolay Kukharenko, His Imperial Majesty's Own Convoy, Kuban Cossack squadron, family album of the late 19th century, Levitsky's "Light painting"

*Луповская Христина Павловна,
Государственная Третьяковская галерея,
E-mail: k.lupovskaya@gmail.com*

Неизвестная фотография поручика лейб-гвардии Н. Я. Кухаренко из альбома Щепкиных-Станкевичей

Аннотация: К истории взаимоотношений великого русского актёра М. С. Щепкина и атамана казачьих войск, первого кубанского писателя Я. Г. Кухаренко. Неизвестная страница в портретной библиографии сына атамана, поручика лейб-гвардии Собственного Его Величества конвоя Н. Я. Кухаренко. По материалам домашнего архива д. и.н. М. В. Щепкиной.

Ключевые слова: Щепкины-Станкевичи, Я. Г. и Н. Я. Кухаренко, Собственный Его Величества конвой, Кубанский казачий эскадрон, семейный альбом к. XIX в., «Светопись Левицкого»

Альбом, который принято называть «семейным» и о котором пойдёт речь, хранится в Москве, в семье Щепкиных-Станкевичей, в домашнем архиве доктора исторических наук, профессора Марфы Вячеславны Щепкиной (1894–1984). Имена многих представителей этого славного рода навсегда вписаны в театральную и историко-литературную жизнь России XIX–начала XX в. в. Так, владелицей и основной собирательницей фотографий родных, близких друзей и знакомых современников была Александра Владимировна Щепкина (1824–1917), урожд. Станкевич, младшая сестра русского философа 40-х г.г. XIX столетия Николая Владимировича Станкевича (1813–1840). Сохранились «Воспоминания А. В. Щепкиной» [1]. В этой книге предстаёт перед нами необычайно привлекательный образ высокообразованной русской женщины, молодые годы которой прошли в близком общении с М. С. Щепкиным, Т. Н. Грановским, И. С. Тургеневым, В. Г. Белинским, В. П. Боткиным.

Известны и рассказы А. В. Щепкиной-Станкевич для детского чтения, исторический роман «Бояре Стародубские», ряд стихотворений. В ноябре 1848 г. Александра Владимировна выходит замуж за Николая Михайловича Щепкина, сына великого русского актёра М. С. Щепкина (1788–1863). Этот год можно справедливо назвать годом рождения семейного альбома.

Н. М. Щепкин (1820–1886) был видным московским общественным деятелем 1850–80-х г.г., основателем книжного издательства «Н. М. Щепкин и К. Т. Солдатенков», гласным Московской городской думы и Губернского земства, столичным мировым судьёй. Среди друзей Николая Михайловича и его отца, М. С. Щепкина, были известные писатели и общественные деятели, актёры и издатели, профессора Московского университета, генералы и атаманы казачьих войск, музыканты и студенческая молодёжь. В доме Щепкиных существовало неписаное правило: друзья дома приносили свои

фотографии. И, помимо снимков многочисленной родни Щепкиных-Станкевичей, на толстых страницах альбома появились фотографии: юриста и этнографа Е. И. Якушкина, нотариуса К. П. Барсова, историка И. Е. Забелина, писателя-сказочника А. Н. Афанасьева, археолога кн. Н. С. Щербатова, кн. С. П. Трубецкого, писателя и общественного деятеля А. И. Герцена, поэта Н. П. Огарёва, переводчика В. Шекспира

Н. Х. Кетчера, актёра С. В. Шумского и многих других. Благодаря А. В. Щепкиной-Станкевич мы становимся свидетелями истории жизни и быта московской семьи и её окружения, «истории в лицах».

Так появились в альбоме и фотографии наказного атамана Черноморского казачьего войска Я. Г. Кухаренко (1799–1862) и его третьего сына Коли (Н. Я. Кухаренко, 1850–1892) (фото 1).

Фото 1. Поручик лейб-гвардии 2-го Кубанского казачьего эскадрона Собственного Его Величества Конвоя Н. Я. Кухаренко (1850–1892). Фотография 5,5х8,0 см, сепия, вып.: «Светопись Левицкого», СПб, между 1873 и 1876 гг. Публикуется впервые

Примечание. Автор публикации Х. П. Луповская является пра-правнучкой Н. М. Щепкина.

Давняя дружба связывала его отца, кубанского казака, Я. Г. Кухаренко и М. С. Щепкина. Будучи талантливым историком, бытописателем, драматургом, великолепным рассказчиком, он неоднократно бывал в гостях у М. С. Щепкина, в его хлебосольном доме в Каретном ряду, встречался со многими друзьями и домочадцами актера. Впервые отец привёз мальчика в Москву, в дом Щепкиных, в 1858 году. В возрасте 10 лет Николай был отдан в Первый Московский кадетский корпус. Он проводил у Щепкиных каникулы, а после гибели отца воспитывался в этой семье. Как пишет А. И. Федина, исследователь жизни и творчества Я. Г. Кухаренко, «... всё то, что юноша получил в доме М. С. Щепкина, оставило навсегда неизгладимый след в его душе ...» [2].

В 1866 году из кадетского корпуса, переименованного к этому времени в военную гимназию, Николай Кухаренко был переведён юнкером в 3-е Военно-Александровское училище и 1868 году, выпущен хорунжим на службу в Кубанское казачье войско. В сентябре 1871 года его откомандировали в Кавказскую учебную роту и 14 января 1872 года перевели в Лейб-гвардии 2-й Кубанский эскадрон Собственного Его Величества конвоя. В октябре 1882 года он был утверждён командиром этого эскадрона.

На фотографии из альбома Николай одет в казачью форму. После сканирования и при увеличении на компьютере на погонах хорошо различимы один просвет и три маленькие звезды. Отсюда можно сделать вывод, что в это время он был в чине поручика. Известно также, что в 1877 году в составе 2-го Кубанского эскадрона Собственного Его Величества конвоя он участвовал в боевых действиях под Плевной. «За проявленную доблесть при взятии Горного Дубняка и Телиша поручику Н. Я. Кухаренко, а также корнетам Денежникову, Логвинову и Балатукову присвоены следующие чины» [3, 208]. Следовательно, фотография была сделана не позднее 1877 года. 26 мая 1883 г. в присутствии Государя Императора и Государыни Императрицы был освящен Храм Христа Спасителя. «На церемонии освящения депутацию от Собственного Конвоя составляли: полковник Ивашкин-Потапов, ротмистр Кухаренко и два нижних чина. Депутаты стояли внутри храма, в правом его крыле» [3, 249].

На фотографии, в нижнем правом углу, есть надпись «Светопись Левицкого». Так до 1877 года называлось фотоателье Сергея Львовича Левицкого на Невском проспекте в Петербурге. С 1877 года оно стало называться «Фотографы Их Императорских Величеств Левицкий и сын». Это еще раз подтверждает, что фотография сделана не позднее 1877 года. С. А. Левицкий (1819–1898) был известнейшим фотографом своего времени. Среди его многочисленных снимков есть портреты императоров Николая I, Александра II, Александра III, Наполеона III и членов их семей, а также Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева, Д. И. Менделеева и других выдающихся деятелей того времени.

В работе А. И. Фединой приводятся сведения, что Н. Я. Кухаренко получил чин поручика в 1873 году, и что в 1876 он был командирован в действующую Дунайскую армию. Это дает основание более точно датировать данную фотографию — 1873–1876 гг.

В связи с давней дружбой Щепкиных и Кухаренко стоит упомянуть особо об одно интересном событии. Летом 1828 года Я. Г. Кухаренко с артиллерийской ротой участвовал во взятии Анапы. А 27 лет назад, в 1791 году (русско-турецкая война 1787–1791 гг.) после штурма Анапы на развалинах города русским солдатом была найдена двухлетняя девочка-турчанка, дочь турецкого паши, будущая жена М. С. Щепкина. Девочку крестил и воспитал русский генерал Д. З. Орбелиани (1763–1827). Он назвал её Еленой, дал ей отчество по своему имени и фамилию «Дмитриева». Возможно, казачий атаман и его славное воинское прошлое напоминали Елене Дмитриевне Щепкиной о других доблестных воинах-генералах, принимавших участие в её судьбе: Д. З. Орбелиани, С. И. Салагова и А. С. Чаликова.

Такова краткая история героя одной фотографии в семейном альбоме-реликвии, бережно хранимом потомками М. С. Щепкина. Стихотворение А. В. Щепкиной-Станкевич, которым открываются её «Воспоминания», можно считать эпиграфом и к этому альбому:

«Проходят мимо поколения,
Внося добро иль заблужденья.
Но мы, отшедшим, дорогим,
Не помня зла за благо воздадим».

Список литературы:

1. Воспоминания Александры Владимировны Щепкиной. Сергиев-Посад, – 1915.
2. Федина А. И. Атаман Кухаренко в кругу современников. – Краснодар: КЭСИ, – 2004, гл.7. История взаимоотношений Я. Г. Кухаренко и М. С. Щепкина, – с. 78–125.
3. Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. Исторический очерк. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, – 1899.

*Melish Olesia Anisimovna,
Kiev National Taras Shevchenko University,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: Olessia@meta.ua*

Bulgarian diplomacy towards solving the «Macedonian Issue» in the late XIX — early of XX centuries

Abstract: This article discusses the process of preparing a diplomatic solutions to the Bulgarian kingdom for “Macedonian question” in the period of the late XIX — early XX centuries. Bulgaria disclosed desire to use the “Macedonian question” as an instrument for the implementation of its diplomatic objectives in the Balkans.

Keywords: diplomacy, “Macedonian question”, the Balkans, politics, solutions, Bulgaria

*Мелиш Олеся Анисимовна,
Киевский Национальный университет имени Тараса Шевченка,
аспирантка, исторический факультет
E-mail: Olessia@meta.ua*

Болгарская дипломатия на пути решения «македонского вопроса» в конце XIX — начале XX вв.

Аннотация: В статье рассматривается процесс дипломатической подготовки Болгарского царства для решения «македонского вопроса» в период конца XIX — начала XX вв. Раскрыто стремление Болгарии использовать «македонский вопрос» как инструмент для осуществления своих дипломатических целей на Балканах.

Ключевые слова: дипломатия, «македонский вопрос», Балканы, политика, решения, Болгария.

На рубеже XIX — XX столетий внимание дипломатии и общественности европейских стран было приковано к Балканам. Там стремительно нарастало национально — освободительное движение угнетенных народов Османской империи, обострились этнические и межгосударственные конфликты. Основным очагом напряженности была Македония — историческая область на юге Балканского полуострова, большинство населения которой составляли славяне православного вероисповедания — болгары и сербы, а также греки и румыны. В период турецкого господства, установившегося на Балканах в конце XIV в., македонские земли

оказались под властью Османской империи, что привело к значительному ухудшению положения славянского населения [4, 31–37]. Это выражалось прежде всего в насильственной исламизации, а также политике жестокого налогового и религиозного гнета со стороны османских властей по отношению к христианам.

Возникновение «македонского вопроса» — как составной части Восточного вопроса — обычно датируют 1878 г. Тогда завершилась последняя в XIX столетии русско-турецкая война и по Сан – Стефанскому миру Македония была включена в состав Болгарского Княжества.

Рис. 1. Подписание Сан – Стефанского мирного договора, 3 марта 1878 г. [12, Ф. 771 к., оп. 2, а. е. 508]

Однако смелый замысел российской дипломатии создать обширное болгарское государство встретил противодействие западных держав. Сан – Стефанский договор был заменен Берлинским трактатом, в соответствии с которым Македония была возвращена под турецкое управление. Великие державы, подписавшие Берлинский трактат, обязали Османскую Порту со временем провести в европейских провинциях, в том числе и в Македонии, реформы местного самоуправления с тем, чтобы уравнивать христиан в правах с мусульманами в представительных органах власти и в жандармерии. Однако Порты по различным причинам постоянно затягивала проведение соответствующих преобразований.

Болгария в реализации своей балканской политики принимала активное участие в решении «македонского вопроса» со времен его возникновения в европейской политике. В итоге вопрос об освобождении этой области от турецкого владычества решался во время Балканских войн (1912–1913 гг.), в результате которых македонские земли были поделены между Болгарией, Грецией и Сербией.

В настоящей статье рассматриваются различные варианты попыток решения «македонской проблемы» в конце XIX — начале XX вв., так как позиция руководства Болгарского Княжества и точка зрения болгарских уполномоченных министров зачастую не совпадала с официальной.

В основу данной статьи положен комплекс дипломатических документов ЦДАС, хранящийся в Центральном Державном Архиве Софии (ЦДАС).

Дипломатическая подготовка для Болгарии началась еще со времен Берлинского конгресса 1878, когда российская дипломатия не могла активно противодействовать воле великих держав Запада, а болгарское государство, едва освободившись в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., было разделено на три части. Одновременно, выставляя «македонский вопрос» как символ национальных идеалов, болгарские политики подталкивали болгарское общество к уверенности, что автономия Македонии — это первый шаг к присоединению этой провинции в Княжеству. В последнюю четверть XIX в. «македонский вопрос» представлял собой сложную международную проблему, тесно переплетенную с государственными интересами многих стран. В результате Объединения 1885 г, Восточная Румелия была присоединена к Княжеству Болгария [1, 3–25], что вдохновило на борьбу против иностранного господства в македонских землях и в Одринском крае, которые в силу решений

Берлинского конгресса 1878 остались в составе Османской империи.

Во внешней политике Болгарии правление премьер-министра С. Стамболова (1887–1894 гг.) занимало важное место. Правительство воплощало в жизнь национальную программу, определенную Сан-Стефанским проектом, конечной целью которой было присоединение Македонии к Царству. Попытки реализации освобождения македонских земель были в 1878 г. и в 1903 г., которые вылились в Кресненско-Разложское и Иллинденско-Преображенское восстания [4, 45–47], к сожалению, которые имели неутешительные результаты. Между тем, ситуация, которая сложилась, позволила Болгарии получить полную независимость и равноправное положение рядом с государствами европейского континента осенью 1908 [6, 23–25; 10, ф. 176 к., оп. 2, а. е. 5].

Поражение Османской империи в итало-турецкой войне 1911 подняла дух в балканских странах. Итало-турецкая война застала у власти в Болгарском царстве коалиционное правление Ивана Евстратиева Гешова, в котором были представлены деятели Народной и Прогрессивной партий. Вместе с премьерской должностью, Гешов возглавлял и министерство иностранных дел, то есть можно со всей определенностью сказать, что после Фердинанда он был вторым по значимости личностью, наделенный авторитетом в определении внешнеполитической позиции страны [8, 119–120]. Естественно, что он оказался и в центре дипломатической подготовки Балканской войны и участия Болгарии в ней. И. Е. Гешов принимал не только непосредственное, но и руководящее участие в таком важном судьбоносном вопросе для Болгарии — о разделе македонских земель в результате Балканской войны [2, 192–196]. Смотри по существующей литературе, тогдашний премьер и руководитель болгарской дипломатии оставил достаточно личных воспоминаний про участие в подготовке Балканской войны. Особенно интересно его произведение «Балканский съюз. Спомени и документи», который увидел свет в 1915 г, то есть почти сразу после завершения Балканских войн, когда в его памяти еще были свежи воспоминания обстоятельства войны, связанных как с определением курса болгарской внешней политики, так и с его личным участием в действиях по привлечению Болгарии в войну с Османской империей [3, 1–15]. В указанной работе Гешов не только широко рассказывает о своей деятельности, но и публикует в качестве приложений тексты самих договоров 1912 г. Болгарии с Сербией и с Грецией. Известно, что вопрос раздела македонских земель (речь идет

о Вардарской Македонии) не первый раз поднимался сербским государством. Еще в 1885 г. сербский король Милан IV Обренович имел планы по поводу раздела Македонии, общаясь с премьер-министром тех времен Болгарии Стефаном Стамболов. Но позиция последнего была категоричной. После падения Стамболова в мае 1894 г. правящие круги Сербии, учитывая резкое изменение внутривосточной ситуации в Болгарии, вновь попытались поднять этот деликатный вопрос. Он обсуждался во время визита в Софию сербского короля Александра в 1897 г., в сопровождении премьер-министра Джорджа Симича. И снова с болгарской стороны последовал отрицательный ответ. В этом отношении правительство доктора Стоилова строго держалось позиции предшественника [10, ф. 176 к., оп. 2, а. е. 673]. Позиция стамболистов и народников основывалась, в первую очередь, на данных тогдашней этнической карты Македонии: здесь, в конце XIX в. болгары все еще сохраняли доминирующее положение среди населения, как это было до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [10, ф. 176 к., оп. 2, а. е. 138].

Когда разразилась Итало-турецкая война 1911 г. и в связи с начавшимися переговорами между Болгарским царством и Сербией тогдашний премьер-министр Сербии Милован Миланович сделал И. Гешову предложение разделить македонские земли на три части: одна — бесспорная болгарская, вторая — сербская, а по третьей предусматривался арбитраж [10, ф. 176 к., оп. 2, а. е. 99]. Вместо того, чтобы последовать примеру предшественников — Ст. Стамболова и К. Стоилова, Гешов ограничил свою задачу, предложив распределение Вардарской Македонии «на две части», вместо «трех». Такой подход знаменовал коренное отступление от болгарской точки зрения, которая базировалась на неразделимости этой области. Причем позиция лидера партии народников Гешова была заложена в документе, принятом в октябре 1911 г., то есть еще до того, как начались серьезные переговоры о подписании союза с Сербией. Этот документ — известный *Pro memoria* — был подготовлен Дмитрием Ризовым, тогдашним болгарским уполномоченным министром в Риме [2, 153–155], который будучи болгарин, родившимся в Вардарской Македонии, считался хорошим специалистом по «македонскому вопросу». Однако в создании документа непосредственное участие принимал и сам руководитель болгарской дипломатии. Таким образом, практически Гешов взял на себя и главную ответственность за его содержание. Что касается Дмитрия Ризова, который не обладал блестящими дипломатическими

качествами, то некоторые ученые с уверенностью считают, что привлечение к созданию документа и тем более к переговорам о болгаро-сербском союзе, мягко говоря «неудачным ходом болгарской дипломатии» [8, 98–100]. По хорошо известным причинам подписанный болгаро-сербский договор в конце февраля 1912 был тайным, и для болгарского общества оставался неизвестным до Балканской войны. Практически первым, кто объявил об этом был сам Иван Гешов — в указанном произведении.

Позиция европейских великих держав была крайне осторожной, опасаясь, что конфликт на Балканах приведет к преждевременному мировому конфликту, который ожидался примерно в 1917 г. [11, ф. 3, оп. 12, а. е. 1732]. Таким образом, становится понятным, что Болгария, как бы не стремилась вести войну один на один с Османской империей, не могла решиться на самостоятельную акцию против нее. Во всех случаях это означало бы конец его существованию на политической карте Европы. Такую ситуацию хорошо понимали и в правящих кругах Софии. В такой ситуации Гешов не смог отказать третий раз сербскому предложению «разделить Македонию», в качестве обязательного условия совместных действий Белграда и Софии против Османской империи. Но были альтернативы получить согласие Белграда помочь, не трогая «македонский вопрос». Сербия, кроме разделения македонских земель, стремилась реализовать другие свои внешнеполитические цели, в частности — связанные с Боснией и Герцеговиной, аннексированной областью Австро-Венгрией после младотурецкой революции 1908 г. Но для Болгарского Царства такой подход нуждался в большей смелости, так как затрагивал прямые интересы великой державы Австро-Венгрии. При этом нужно было бы пересечь сопротивление царя Фердинанда, находившийся на болгарском престоле, благодаря той же Австро-Венгрии. Гешов не имел такой смелости. И вместо того, чтобы пойти на рискованную борьбу с венской дипломатией, он предпочел «более легкий путь» — счел возможным распределение македонских земель, не подозревая насколько пропавшим окажется такой шаг для дальнейшей судьбы Болгарского царства. Последствия необдуманного шага проявились очень скоро. После успешного завершения Балканской войны 1912–1913 гг, Сербия и вместе с ней и Греция отказались выполнять условия союзного договора 1912 г. и дали понять Софии, не освободят занятые ими территории в Вардарской и Эгейской Македонии. Только тогда правительство Гешова и сам премьер-министр поняли,

какую роковую ошибку они сделали в ходе дипломатической подготовки войны, согласившись с предложением Белграда разделить македонские земли. Правда, Гешов поручил болгарским дипломатическим представителям в Лондоне, Санкт-Петербурге и Париже обратиться в соответствующие компетентные органы трех великих держав, предупреждая их, что претензии Сербии и Греции угрожают существованию Балканского союза. Правящие круги Белграда и Афин тайно от Софии, договаривались между собой, стараясь не столько затянуть ход войны, как обеспечить за собой захваченную Вардарскую и Эгейскую добычу. И именно в этот момент, когда нужны были новые силы и энергия отстаивать права Болгарии перед Белградом и Афинами, государственный и политический деятель подал в отставку с поста премьер-министра и министра иностранных дел. Этот акт, принятый сразу после подписания Лондонского мирного договора, тогда не был объявлен публично, так как доктор Стоян Данев, председатель Народного собрания, должен был замещать Гешова на двух брошенных постах, все еще находился в Лондоне как руководитель болгарской делегации по подписанию мирного договора. Болгарском обществе отставка И. Гешова была объявлена, ссылаясь на состояние его здоровья. И действительно, после формирования нового коалиционного кабинета во главе с С. Даневым, Гешов отправился в Вену на лечение [8, 189]. В данном случае ясно, что как опытный политик Гешов, поняв, к какому результату привела его деятельность, связанная с участием Болгарского царства в Балканской войне, решил уйти из престижного государственного поста в надежде избежать недовольства народа из-за потери не только Вардарской, но и Эгейской Македонии. Однако, своей отставкой он не сумел предотвратить катастрофическое развитие дальнейшего развития событий. Сразу после подписания Лондонского мирного договора, Сербия и Греция заключили между собой тайный договор против Болгарии. А в это время и в Болгарии обострилась ситуация, доходя до «рокового решения» 16 июня 1913 г., которое положило начало Межсоюзнической войне. Как известно, военное поражение Болгарского царства в этом столкновении привело ее к первой национальной катастрофе [11, ф. 3 к., оп. 18, а. е. 150]. После отставки Гешова, распался и коалиционный кабинет Ст. Данева (1 июня — 4 июля 1913). К власти пришел кабинет Василия Радославова, который был вынужден под давлением народного недовольства согласиться на проведение парламентского расследования о действиях власти в 1911–1913 гг. Специальная

депутатская комиссия подготовила свой доклад очередном XVII Обычном народном собрании [5, 98–123], однако он не мог быть рассмотрен парламентом из-за вступления Болгарии в Первую мировую войну.

Таким образом, официальная позиция болгарского внешнеполитического ведомства в отношении «македонского вопроса» на рубеже XIX — XX вв. состояла в том, чтобы всеми средствами освободить македонские территории и присоединить к Болгарии «свои исконно болгарские земли». Балканские войны были для болгарских дипломатов первым опытом применения своих сил в боевых для страны условиях. Опыт оказался не легким: не хватало умения, профессионализма, выдержки. В этих условиях, Болгарии нужны были такие важные качества как тактичность, предсказуемость, смелость и решительность, чтобы вести успешную внешнюю политику во время войн и ликвидации их последствий. Большое влияние на развитие событий и на саму подготовку проявляли сами качества политиков и правителей, руководивших дипломатикой Болгарского царства. Что касается самого царя, то Фердинанд не терпел открытые свободные мысли, критику, которая была правдивая и объективная. Не терпел оппозицию. Никогда не прислушивался к общественному мнению и к мнению политиков. С первых дней установления своего собственного режима главной задачей для Фердинанда была — стать хозяином болгарской внешней политики. Даже когда внешнее министерство находилось в руках партийной головы Стоилова, Данева, Малинова, Гешова, Фердинанд сумел держать в полном контроле болгарскую внешнюю политику, готов при необходимости заменить голову своим доверенным лицом [2, 204–206]. Что касается И. Гешова, то он занимая одновременно две важные должности, был человеком слабым и еще слабее был политиком, особенно против сильного Фердинанда. И поэтому, в те решающие дни войны и расправ с союзниками, так слабо ощущалось влияние министерства иностранных дел по вопросу государственной политики. Ст. Данев был другим по характеру: он тяжело вникал в сложные политические вопросы и еще труднее их решал. В кабинете Гешова был более умным и смелым Т. Теодоров, но оставался всегда в тени. Имел обоснованные мысли и решительные взгляды, особенно перед 16 июня 1913, но не смог их высказать и защитить, от чего и страдали большинство министров — боязнь Фердинанда.

Своим легкомыслием болгарская дипломатия во главе с И. Е. Гешовым, допустив ряд ошибок, привела к проигрышу национальных интересов Болгарии в один из судьбоносных для ее истории моментов.

Список литературы:

1. Генев Ц. Подготовка, извършване и защита на Съединението през 1885 г. // Исторически преглед. – 1960. № 4.
2. Генев Г. Политическа и дипломатическа история на България. Т. 16/17. Личният режим на цар Фердинанд (1894–1918 гг.) – С., «Ваньо Недков», – 2009.
3. Гешев И. Балканският съюз. Спомени и документи. – София, – 1915.
4. Дойнов Д. Национално-освободителните борби в Югозападна България в навечерието на Кресненско-Разложко въстание // Кресненско-Разложко въстание 1878 г. – София, – 1978.
5. Доклад на Парламентарната изпитателна комисия, назначена с решението на XVII Обикновено народно събрание в Първата извънредна сесия от 10 май 1914 г. за анкетиране кабинетите на Ив. Ев. Гешев и д-р Ст. Данев по цялото управление – включително подготовката и воденето на войната. Т. 1. Войната, дипломатическата ѝ подготовка и дипломатическите преговори. – София, – 1918.
6. Марков Г. Независимостта на България през Балканската криза. 1908–1909 гг. – София, – 2008.
7. Попов Р. Балканската политика на България. 1894–1898 гг. – София, – 1984.
8. Стателова Е. Иван Евстратиев Гешев или трънливият път на съзиданието. – София, – 1994.
9. Централный государственный архив Софии (Далее — ЦДАС). Документы из архивов Народного собрания., – Ф.173 к.
10. ЦДАС. – Документы из архивов Министерства внешних дел и исповеданий – политическая дирекция 1878–1943., – Ф. 176 к.
11. ЦДАС. – Документы из архивов Монархического института., – Ф. 3 к.
12. ЦДАС. – Альбом «Македония в фотографиях», – Ф. 771 к.

*Miroshnichenko Ilya Vitalievich,
Belgorod National Research University,
fourth-year student, the Faculty of History
E-mail: ilykha93@mail.ru*

Inequality of rights problem in the Israeli legislation: past, present and future

Abstract: Laws of Israel which have a key role in formation of the unequal status of inhabitants of Israel are examined in the article. Problem's roots and its essence in the context of development of social processes in Israel are revealed.

Keywords: Middle East, Arab-Israeli conflict, Israeli laws.

*Мирошниченко Илья Витальевич,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, студент IV курса, исторический факультет
E-mail: ilykha93@mail.ru*

Проблема неравноправия в израильском законодательстве: прошлое, настоящее и будущее

Аннотация: В статье рассматриваются законы Израиля, имеющие ключевую роль в формировании неравноправного статуса жителей Израиля. Раскрываются истоки проблемы и ее сущность в контексте развития социальных процессов в Израиле.

Ключевые слова: Ближний Восток, Арабо-израильский конфликт, законы Израиля.

В современном мире проблема защиты прав человека заняла главенствующие позиции во внутренней политике многих государств и зачастую выступает

инструментом внешней политики. В Израиле она стоит особо остро — неравноправие этнических меньшинств создает напряженную внутреннюю

ситуацию, но к данному времени она приобретает судьбоносное значение для Израиля, поскольку от ее развития и решения зависят как существование еврейского государства, так и сохранение теперешней картины Ближнего Востока.

В вопросе об израильском законодательстве и отражении равноправия населения в нем мнения исследователей разделились: одни считают его расистским и дискриминационным, вторые — демократичным. В нашей работе мы попытаемся дать оценку основным наиболее спорным законам в Израиле: Закону о возвращении, Закону об израильском гражданстве и Закону о государственном образовании.

Закон о возвращении, принятый в 1950 г. в начальной статье провозглашал, что “каждый еврей имеет право приехать в данную страну в качестве оле́”, т. е. еврея, совершающего алию (процесс возвращения евреев на историческую Родину). Исключения из данного положения составляли лишь евреи, которые: участвуют в деятельности, направленной против еврейского народа; могут нанести вред общественному здоровью или государству [1, 1261].

Сторонники этого закона, среди которых известный адвокат А. Дершовиц, указывают, что его следует рассматривать, прежде всего, как гуманитарный закон, который стал “ответом на историческую дискриминацию, которой подвергали евреев другие народы”. Он приводит несколько доказательств о дискриминационном характере законодательства по отношению к евреям в ряде арабских стран, например, в Иордании [2, 278–281]. Аналогичную точку зрения высказывает нынешний МИД Израиля, который считает, что “необходимость Закона о возвращении была продиктована Холокостом — он был составлен, чтобы обеспечить всем евреям место или убежище и дать им возможность возродить свою жизнь на еврейской родине”. Далее приводятся аналогии рассматриваемому закону в законодательствах других стран мира: Германии, Франции, Китая [3].

Противники Закона о возвращении указывают, что принятие подобных документов происходит лишь, когда какая-либо группа людей подверглась недавнему выселению. Это является необходимым условием для соответствия практике международного права [4, 8–9]. Наряду с этим подчеркивается, что его утверждение преследовало корыстную цель — заселить государство потоком еврейских иммигрантов для того, чтобы было некуда впускать изгнанных с территорий образовавшегося Израиля палестинцев [5, 369–370].

Второй закон — Закон об израильском гражданстве был принят в 1952 г. В первой статье данного закона говорится, что израильское гражданство может быть получено при репатриации оле́ на Родину по Закону о возвращении, при рождении, при проживании в еврейской части Палестины до провозглашения государства Израиль, посредством натурализации при согласии Министра внутренних дел. В данном законе ничего не говорится о национальности лица, собирающегося стать гражданином Израиля. Единственное, что указывает на привилегированное положение еврейской нации в Израиле это упоминание о том, что для натурализации резидент должен обладать “определенными знаниями в области иврита” [6].

Однако критики Закона о гражданстве отмечают, что по Закону о возвращении израильское гражданство получали исключительно евреи, а также в том, что гражданами становились лица, зарегистрированные в качестве жителей Израиля в период с 15 мая 1948 г. до принятия закона о гражданстве 1 апреля 1952 г. При этом сама регистрация производилась согласно Постановлению о регистрации жителей от 4 февраля 1949 г., в котором указывалось, что регистрации в качестве жителя человек должен был проживать как минимум в течение 3-х месяцев на территории распространения данного закона. Кроме этого в постановлении говорилось, что регистрируемые помимо всего прочего должны сообщать свою национальность и исповедуемую религию [7].

Таким образом, палестино-арабское население в образовавшемся Израиле для получения гражданства должно было во время Первой арабо-израильской войны оставаться на местах своего проживания как минимум 3 месяца и не эвакуироваться из районов боевых действий. Вдобавок к этому из-за наличия в регистрационных данных пунктов о национальности и вероисповедании Министр внутренних дел Израиля попросту мог не выдать сертификат о натурализации.

В довершение ко всему, даже если человек регистрировался в качестве жителя и получал израильское гражданство посредством натурализации, то он становился бездомным гражданином Израиля, поскольку согласно Закону о собственности отсутствующих от 14 марта 1950 г. лицо, находившееся за пределами Израиля в любое время в промежутке между 29 ноября 1947 г. и 19 мая 1948 г. лишалось своей недвижимости, переходившей под юрисдикцию Попечителя — председателя Опекунского совета по делам собственности отсутствующих. Далее Попечитель имел право (при согласии специального комитета)

передавать имущество отсутствующих другим собственникам, в результате чего на фактически конфискованных землях появились еврейские поселения [8].

Критики указывают также на то, что он наделял чересчур широкими полномочиями Министра внутренних дел, который решал не только вопросы предоставления гражданства, но и его лишения, т. е. в данном случае угроза потери статуса гражданина выступала как средство “регулирования” поведения жителей Израиля. Соответственно после потери гражданства человек лишался также всех благ и привилегий, предоставляемых еврейским государством [9, 60–66]. Хотя некоторые из полномочий Министра внутренних дел в нынешнее время отменены, ее наличие в то время являлось серьезной помехой в оценке Израиля как подлинно демократического государства.

Некоторые страны расценивают Закон об израильском гражданстве как установление легального апартеида наподобие того, что был в ЮАР. Негативное отношение высказывали США — по их мнению, еврейский народ не является нацией, т. к. американские евреи никак не относятся к Израилю, поскольку американское правительство не признает юридические отношения, основанные на религиозной идентификации, и не считает еврейский народ субъектом международного права [10, 128–129].

В защиту закона о гражданстве и всех последующих поправок к нему некоторые авторы приводят аргументы о нелояльности арабского меньшинства к государству Израиль, возможные террористические акты со стороны палестинцев, необходимость ограничения палестинской иммиграции на фоне проблемы перенаселенности страны. Поэтому израильское законодательство должно найти баланс между демократической законностью и провозглашенным еврейским характером государства Израиль [11, 185–186, 192].

Важно отметить, что упомянутые выше основные законы Израиля сыграли весомую роль в формировании не национальной, а этноконфессиональной основы Израиля. Т. е. в мире не выделяется израильская нация, поскольку власти данного государства постоянно подчеркивают его еврейский характер, проще говоря, не “израильский Израиль”, а “еврейский Израиль”, т. е. Израиль — государство не для всех его граждан.

Указанные законы полностью противоречат Всеобщей декларации прав человека 1948 г., где провозглашаются: свобода и равенство всех людей, равенство перед законом, право свободного выбора места жительства в пределах любого государства, право на гражданство и т. д. [12, 23–25].

И, наконец, последний рассматриваемый нами — Закон о государственном образовании, принятый в 1953 г. — в нём подчеркивается, что “цель государственного образования состоит в том, чтобы основывать начальное образование в государстве на ценностях еврейской культуры и достижениях науки, на любви к Родине и верности государству и еврейскому народу...” [13]. Согласно этому положению обучение лиц другой национальности (например, арабов) или конфессии в государственных школах, должно производиться исключительно в духе культивирования еврейских ценностей и еврейской истории. На наш взгляд, многие этноконфессиональные группы населения не примут такие ценности, противоречащие ценностям, которые прививаются, например, в мусульманской семье.

Что касается состава населения Израиля, то со временем он заметно изменился. Если в 1949 г. лишь его десятая часть придерживалась мусульманского вероисповедания, то к 2009 г. мусульмане составляют практически пятую часть израильского общества. Причем количество мусульман за 60 лет увеличилось в 10 раз [14].

Находясь в поле действия израильских законов, арабо-мусульманское население пытается достичь самоидентификации. Этот процесс происходит в нескольких вариантах: некоторые арабы отождествляются с Израилем и считают себя его гражданами, т. е. проходят через “израилизацию”, другие подвергаются процессу “палестинизации” и, наконец, оставшиеся склоняются к “исламизации”. Последние два процесса являются источником возникновения внутренней напряженности и обособления некоторых групп населения от государства, но эти же процессы являются причиной сохранения текущего законодательства, обеспечивающего, по мнению израильского правительства, безопасность страны. Однако руководящие лица Израиля, видимо, не желают признать тот факт, что причинами появления процессов “палестинизации” и “исламизации” является сама законодательная система Израиля.

Суть проблемы противоречия основных законов Израиля принципам международного права заключается в особенностях устройства израильской правовой системы, в которой отсутствует одно из важнейших звеньев — конституция. Ситуация с непринятием конституции вызвана рядом причин: продолжительным состоянием войны Израиля с арабскими соседями, первоначальная нечеткость политической системы и целей государства, наследование практики конституционного права Великобритании, в которой нет писаной

конституции, нежелании Д. Бен-Гуриона и сторонников иудейского религиозного права принимать документ, который мог бы ослабить их позиции [15, 81–82].

Основополагающим юридическим документом, заменяющим конституцию, выступает Декларация независимости Израиля от 14 мая 1948 г. Но она как документ, на который опираются при решении спорных вопросов, содержит взаимоисключающие положения. В ней говорится, что “государство Израиль будет открыто для репатриации и объединения в нем рассеянных по свету евреев” и “будет зиждиться на основах свободы, справедливости и мира, в соответствии с идеалами еврейских пророков”. Затем идут положения, которые противоречат не только вышесказанному, но и всем рассмотренным нами израильским законам: согласно декларации Израиль “осуществит полное общественное и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы или пола ... обеспечит свободу вероисповедания и совести, право пользования родным языком, право образования и культуры” [1, 1250].

Очень многие утверждения в Декларации независимости базируются на моральном обосновании, например, провозглашаемое создание “Еврейского Государства в Эрец-Исраэль” основывается на историческом праве еврейского народа на эту землю. Но как показывают последние исследования в этой области такого права у евреев нет — это национальный миф, который поддерживается правительством Израиля до настоящего дня [5, 407]. Поэтому привилегированное положение еврейства, это скорее вопрос выживания, самосохранения Израиля, поскольку при равноправии граждан еврейское государство утратит свою сущность, цель

существования, а при росте тенденции к “исламизации” вообще может расколоться или исчезнуть.

Одним из главных аргументов сохранения существующей юридической ситуации являются соображения безопасности страны, они же во многом формируют еврейско-израильскую идентичность и сознание. Краеугольным камнем вопроса безопасности является страх повторения Холокоста, который в свою очередь поддерживается новым этнонациональным образованием — симулякр Холокоста. Цель имитации страха посредством медиа “переживания” Холокоста с самого детства — “добиться искусственного жара умершего события, чтобы разогреть мертвое тело социального” [16, 78].

Таким путем израильское правительство пытается подтолкнуть массы к активной позиции в вопросах безопасности Израиля и, соответственно, сохранения текущего законодательства. В этом ему порой помогает арабская часть населения Израиля, все более склоняющаяся к радикальным путям решения проблемы, угрожающим безопасности государства. Будет ли когда-нибудь разорван этот замкнутый круг?

Из всего вышесказанного можно заключить, что существование неравноправия в израильском законодательстве ставит под вопрос демократический характер государства Израиль. Выявляется четкая связь между сохранением дискриминационного законодательства, ведущего к росту социальной напряженности, и известным синдромом Холокоста, усилению которого способствует арабская часть населения, неспособная провести самоидентификацию в условиях неравноправия иначе, чем путем “исламизации”.

Список литературы:

1. Tucker S., Roberts P. The encyclopedia of the Arab-Israeli conflict: A political, social, and military history. Vol. IV: Documents. – California: ABC-CLIO, – 2008 – 1554 pp.
2. Дершовиц А. Слово в защиту Израиля. – М.: Текст: Книжники, – 2011. – 476 с.
3. Официальный сайт Министерства Иностранных Дел Израиля – URL: http://mfa.gov.il/MFARUS/Press-Room/BehindHeadlines/Pages/Delegitimization_of_Israel.aspx#law
4. Aruri N. Palestinian refugees: the right of return. – London, Pluto Press, – 2001. – 294 pp.
5. Занд Ш. Кто и как изобрел страну Израиля. – М.: Эксмо, – 2012. – 448 с.
6. Закон об израильском гражданстве. Статьи: 1, 2, 5 (a, b), 11. – URL: <http://www.israellawresourcecenter.org/israelaws/fulltext/nationalitylaw.htm>
7. Постановление о регистрации жителей. Статьи: 1, – URL: <http://www.israellawresourcecenter.org/israelaws/fulltext/regofinhabitantsord.htm>
8. Закон о собственности отсутствующих. Статьи: 1 (a, b), 2 (a), 4 (a-1,2), 28 (a, b). – URL: <http://www.israel-lawresourcecenter.org/israelaws/fulltext/absenteepropertylaw.htm>
9. Avnon D., Benziman Y. Plurality and citizenship in Israel: moving beyond the Jewish/Palestinian civil divide. – London, Routledge, – 2010. – 288 pp.
10. Quigley J. Palestine and Israel: a challenge to justice. – Durham, Duke University Press, – 1990. – 337 pp.

11. Barak-Erez D. Israel: Citizenship and Immigration Law in the vise of security, nationality, and human rights//International Journal of Constitutional Law. – Vol. 6, Number 1, – 2008. – p. 184–192. – URL: <http://www.tau.ac.il/law/barakerez/articals/citizenship2008.pdf>
12. Богатуров А. Д. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы. Т. IV. – М.: НОФМО, – 2004. – 600 с.
13. Закон о государственном образовании. Статья 2. – URL: http://www.knesset.gov.il/review/data/eng/law/kns2_education_eng.pdf
14. Центральное статистическое бюро Израиля. Статистический обзор Израиля. 2010 г. – URL: http://www1.cbs.gov.il/reader/shnaton/templ_shnaton_e.html?num_tab=st02_02&CYear=2010
15. Марченко М. Н. Иудейское право как подсистема общей системы израильского права//Вестник Московского Университета. Сер. 11 (Право), – 2001. – № 3. – с. 76–88.
16. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула: Тульский полиграфист, – 2013. – 204 с.

*Seksenbayeva Gulzira,
Kazakh National Pedagogical University named after K. Abai
E-mail: s.gulzira@mail.ru*

Visual anthropology in the perspective of modern historical knowledge

Abstract: Audiovisual documents are considered in the context of modern historical science, as a historical source, as well as a peculiar product of culture, which can significantly extend the knowledge of reality and to some extent, can assist renovation of historical thinking in the study of the past. Attention is paid to structure and contents of audiovisual documents as an independent group of historical sources. Such a study approach enables (through the use of the possibilities, tools, techniques and methods of source-studies) a number of challenges associated with the introduction into public and scientific use of the most valuable information contained in these sources to be resolved.

Keywords: historical source, film-documents, newsreels, audiovisual document, film magazine, film-plots, film, documentary film.

By the end of the 20th century the humanitarian branch of scientific knowledge in its anthropological aspect was replenished with a number of scientific directions (historical anthropology, social anthropology, cultural anthropology, structural anthropology, etc.). Among the various anthropological disciplines “visual anthropology” is located, where scientific interests directly extended to those parties of human activity that can be fixed by audiovisual means. Nowadays, the situation is that visual anthropology is a cultural activity where screen art, both the humanities, science and information technologies cooperate. This is directed to receive and inculcate information about the little-known parties of culture in social practice. The synthetic nature of the visual anthropology, where expressive possibilities of modern art and the achievement of sciences about the person are organically combined, is focused on studying the person and the variety of their personal, social and natural manifestations.

Visual anthropology is an interdisciplinary science. The possibility to read a new a lot of aspects of a sign system that are contained in spiritual culture. The fixed

authentic material gives an objective story, documentary exact picture where, among other things the temporary characteristic of represented, also it is possible to feel the atmosphere were an action takes place. The use of a visual method, in unity with application of methods of other humanitarian science essentially expands possibilities of penetration into study processes. It allows, not only description, reconstruction and analysis, but also the ability to see diverse elements of culture in real time. Visual anthropology is based mainly on documents of an audiovisual origin, and closely adjoins other scientific disciplines and directions such as historical, cultural, philosophical, sociological and art profiles that gives it a strongly pronounced interdisciplinary orientation.

Most researchers connect the origin with the distribution of processes of photo phone film documenting (the second half of the 19th century) as a way of fixing original culture, mode, way of life, customs and rituals of people. In the last century scientists and experts in Western Europe and the US brought a major contribution to the development of theoretical methodical bases of study of the historical and cultural foretime in the sphere of traditions

of people all over the world. It was argued that visual anthropology can perform as a special area of humanitarian research — on the one hand, and also as independent scientific discipline, on the other hand.

Today, the majority of researchers reject “ethnographic or anthropological film», put in the concept «visual anthropology», emphasize that “audiovisual anthropology” is a huge volume of various information daily created mainly on film or by digital storage media (the photo, different sound recordings, advertising, design, architecture, etc.) [1]. Within, the unity of humanitarian knowledge and knowledge of “the vital world” of a person, visual anthropology, as the independent direction in its art specificity discovers the ways of cultural development of the real world. Visual anthropology includes in the sphere of attention of research; public psychology, public consciousness and an inner spiritual world of people, mass culture, customs, a way of life, the history of family and fashion. It must be pointed out that the American archivists have considerable experience of similar research. To a certain extent the direction of this problem is connected with the development and strengthening of “modern social history” in the 1960's – 1980's years in American historiography. This declared that its purpose is the study of the life of the so-called “the simple person”, daily activities of ordinary people, family, mass culture, social psychology, ordinary consciousness, fashion, customs and a way of life. Nowadays, it is possible to say that visual anthropology is one of the fundamental scientific branches used to form a more accurate and reasoned representation of society, primarily about life and the existence of an indigenous people of any country.

In this article the main focus is on the question of the search and detection of audiovisual documents of this subject in the national audiovisual archive (The Central State Archive of film photo documentary and sound recordings of the Republic Kazakhstan) the experts studying various aspects of domestic culture, with rare exception use a documentary base of film archive. The special urgency of research in the field of visual anthropology in this foreshortening assumes that they open real perspectives of recovering history through creation of works of film documentary of anthropological subjects during a certain chronological period and creating preconditions of their assessment as historical sources. Archival film documents, as a whole, and archival documents on visual anthropology, in particular, are valuable means of collecting information and can be effectively used in the works of historians, ethnographers and other researchers as a high-grade historical source.

Addressing the problem of studying films with ethnographic contents. These films deserve the right to take a worthy place in scientific research. Proceeding from this, we will consider in generally of the audiovisual documents that have been kept in the national archive (the first films belong to the second half of the 20 century.). The variety of their character and contents, allows questions about the necessary wider promotion of archival funds on visual anthropology among the scientific community, as and their special studies of historical sources and objects of archival storage, to be raised.

It must be pointed out that at first there was no general plan and system in the organization of the work in the creation of ethnographic films. Their production was strictly run by the order and initiative of central organizations, according to the production plans of actual film studio. The majority had a geographical and ethnographic character and were focused on the depiction of life, fashion, and culture of the people living in various corners of Kazakhstan.

On the whole, it is possible to say that this rather representative assembly of pictures with some details of life and with accompanying inscriptions of the ideological contents. In the early 1930's, there was a possibility of a new approach to ask questions about the systematic release of films of ethnographic character. During these years the work on the implementation of the program of creation «Kinoatlas of the USSR» with a series of local history and ethnographic films was intensified. The purpose of the project was the creation of cinema serial films about the life and customs of the Soviet people [2]. Considering that «Kinoatlas the USSR» was created on the initiative of the Central Bureau of Study of Local Lore. The authors of films should be focused on the general installations of the Soviet study of local lore; the orientation to show relations of production; pay sufficient attention to the person and creation round it the certain environment testifying to the successes of Kazakhstan during these years by fixing the moments, connected with socialist reconstruction of the country, changes in a life, national policy etc. This is so in the film the «Gold coast», created by the Almaty production office of the All-Russia joint-stock company “Vostokkino” in 1930 (director A. Lemberg), where pictures of pre-revolutionary life and customs of Kazakh poor people are embodied and the life of fights and mullahs is shown. As a whole, it is possible to say that in film documents of the 1920's – 1930's more fixing and reflection of the outer side of traditional ethnography of the Kazakh people is evident. At the same time, the value of these images is indisputable, from an historical, and so welfare point of view.

On the basis of the data concentrated in film documents of this subject, it is possible visually to present and form a certain opinion figuratively on the rich heritage of the Kazakhs. It is also necessary to especially emphasize that an overwhelming proportion of films had propaganda, custom-made characters and had the purpose to show essential social and economic changes that occurred within the days of the Soviet power in the lives of the people of the USSR. For the objectives of this research it is extremely important to mean any film work irrespective of specific and genre accessory (here film documents of visual anthropology are not an exception) expressed in this or that form the whole frame of reference, the ideas, created in society as a whole. Such views can be expressed by the cinematographer of various stages of creation of the film or of a plot, beginning from their plan before preparation of the final product. Thus, shootings of ethnographic subjects of this period had quite specific orientations caused by the time and conditions of their creation.

The next years (1950 up to the middle of the 1980's) ethnographic films were made in small volume and unsystematic. The content of the whole array of film documents revealed during research on visual anthropology reflected some spheres of the spiritual and material life of the Kazakh people and separate ethnic groups over a certain period of time. These materials are revealed in the main forms: 1) specific shootings; 2) chronicle and documentary shootings of separate events; 3) shootings of different types of decorative and applied arts; 4) shootings of a way of life and customs. So, in the documentary films devoted to folk applied art ancient manual ways of manufacturing of felt carpets (tekemets, syrmaks), house utensils, and jewels were shown [3]. The cycle of films shows horse competitions (alaman bayga, zhorga zharys, audaryspak, kokpar, etc.) which carried out specific public functions, such as educational, ritual, entertainment, an esthetic and communicative, etc. [4].

On the basis of previous research, it is possible to formulate the main immediate perspective objectives of visual anthropology, which only becomes reality at the interdisciplinary level. Here it is obviously possible to

allocate the following largest directions of studying of visual anthropology: scientific, applied, advocacy (including here not only exhibition work, but also festival movement), interdisciplinary and educational using achievements of modern ethnology, anthropology, cultural, archival science, art criticism, cinematography, sociology, etc. This is a new stage of investigation. First of all, is to continue to search and identify film, video documents in this field in domestic and foreign archives and museums; to comprehensively analyze the structure and contents of archival film documents of ethnographic subjects held in the Kazakhstan archives; to carry out cataloguing of discovered ethnographic film, video documents, paying special attention to researching aspects of the problem (the level of description of assembly shots or film plans; the carrying out of attribution of the remaining films, the establishment of reliability of the facts, etc.).

The question of fund formation on film anthropology is represented actual, as the analysis of funds of national audiovisual archive reveals a fragmentariness of film documenting of a way of life and customs of the people occupying Kazakhstan, their traditions, religious practices etc. This circumstance takes into account the enormous need for audiovisual supervision. It also raises the question about the coordination of activity of scientific and archival institutions about how to fix the information of process, and the resulting revival of crafts, way of life and customs of the various people living Kazakhstan, with the prospect of creation of a database about structure and the contents of Kino photo phone and video documents on visual anthropology to new data carriers.

The problem of scientific use of information concluded in films of visual anthropology in historical and other humanitarian research has independent value. Documents of visual anthropology with their strongly pronounced daily occurrence have not yet become the object of the scientific interests of historians and ethnographers. In this regard there is an actual problem of studying all complexities of film photo phone video documents of this sort in a context of real historical reality. Such approaches open up opportunities for the use of the comparative method in humanitarian knowledge.

References:

1. Alexandrov E. V. Experience of consideration of theoretical and methodological problems of visual anthropology. – M., – 2003.
2. Magidov V. M. Film documents on visual anthropology of Russia (history archive and source study aspects) / Material resources of sphere of culture. The Scientifically-information collection. – M., – 1998. Issue. 2. – P. 11–21.
3. Central State Archive of Film, Photo Documents and sound recordings of the Republic of Kazakhstan (CSA FFDR RK), arch. № 133, 497, 580, 176.
4. (CSA FFDR RK), arch. № 76, 18, 41.

Section 4. Linguistics

Секция 4. Лингвистика

Hurbik Katsiaryna,
Yanki Kupaly Grodno State University
Doctoral Candidate, the Department of Philology,
Assistant Professor English, The University of Faisalabad,
Faisalabad, Pakistan
E-mail: kainat_14@mail.ru

National specific lacunae in Pakistani English: problems of translation and interpretation

Abstract: the paper studies the concepts specific for Pakistani culture that form lacunae in British English. The concepts from the surveys that have been conducted among different age groups have been investigated. The paper shows possible variants of interpretation of the analyzed lacunae.

Keywords: lacuna, culture-specific concept, Pakistani English, cross-cultural study.

Introduction

The importance of intercultural and multicultural communication is boosting rapidly in various fields of human activity. As the result of such interactions, most languages of the world have adopted new concepts and notions from each other, developing additional meanings and connotations, specific to this or that culture.

This paper involves two branches of linguistics: cognitive linguistics and lacunology, as well as an academic interdisciplinary of translation studies, to analyze the problem of many concepts common for the Pakistani culture, but creating difficulty in translation and interpretation in English in certain contexts, as they are not viewed by translation studies as culture-specific.

Lacunology, as a relatively new branch of Linguistics, has not been used by native English speaking researchers from the perspective of cross-cultural studies. Involving lacunology may solve many problems that are faced by translation studies and cross-cultural study researchers. If translation studies aim at finding the best translation or interpretation of culture specific concepts, lacunology works with already discovered lacunae, trying to fill the gaps of cognition by finding more details of meaning of concepts and systematizing them.

The aim of this paper is to analyze what meanings some of the concepts of the English language have developed in Pakistani English that make them lacunae in British English.

For this purpose, several lexical units, representing Pakistani English, have been selected and analyzed from the cognitive prospective, representing the gaps in understanding through the lacunology.

Review of Literature

The notion and the term *lacuna* is one of the central notions in the translation studies and cross-cultural communication.

The term *lacuna* has been first introduced by French Canadian linguists Jean Paul Vinay and Jean Darbelnet end 1950's — start 1960's in their book *Méthode de traduction*, that was translated to English by Benjamins' publishers under the title "The Methods for Translation" [13]. As lacunae defined in the *Translation Studies Reader*, the translator may also notice the gaps, or "*lacunae*" in the target language, which must be filled with corresponding elements, so that the overall impression is the same for the two languages [12].

A significant impact on translation studies and lacunology has Pym. He is well known for his works in translation studies and sociological approach to cross-cultural communication. He wrote about cultural lacunae, conveying their uncertainty as darkness [7]. He accepts the existence of lacunae, gap, empty space unclear element, but says that everything can be translated.

Lacunology has been created to deal with lacunae of various categories on paradigmatic and syntagmatic levels, diachronically and synchronically; find the ways

of compensation of gaps, zero equivalence, white spots that are falling into a category of cultural specifics in translation studies and intercultural communication.

In English speaking linguistics, lacunology has got a completely different meaning, as it was usually used to restore lost or unreadable elements (lacunae) of ancient scripts with the use of computer technology. Books on lacunology from the perspective of cross-cultural communication and translation studies, mainly by German and French authors, are usually translated to English, as this branch of linguistics has not been developed by native English speaking linguists.

Despite the fact that many works by translation study researchers of Germany, France, Canada and Russia were written during the period from 1960's to 1980's, the matter seemed to be closed due to the narrow interpretation of the meaning of lacuna. In fact, many authors have not come to agreement regarding what lacuna actually is and ways of its identification in the text during the translation. Some of them used culture specific vocabulary as the substitution of lacunae.

It is important to say here that the translation studies actually cannot afford such a wide approach to the notion of lacuna. As a linguistic discipline, translation studies analyze lacunae as phenomena of cross-cultural contrasting studies of lexical units such as culture-specific, while lacunology concentrates not only on lexical units, but also on grammatical categories and non-verbal phenomena (behavior, life style, body language). Cultural context is essential for the understanding of the meaning of a concept that is conveyed through the written or oral statement [2]. The connection between language and culture is undisputable.

It must be admitted that culture has never been a topic of study in linguistics. That is why the definition of it was not developed by linguists. The scholars of various disciplines define it differently depending on the field of study. Banks and Mc Gee (1989) write about culture that most social scientists today view culture as consisting primarily of the symbolic, ideational, and intangible cultural elements of human societies. The essence of a culture is not in artifacts, tools or other tangible cultural elements but how the members of the group interpret, use and perceive them. It is the values, symbols, interpretations, and perspectives that distinguish one people from another in modernized societies; it is not material objects and other tangible aspects of human societies. People within a culture usually interpret the meaning of symbols, artifacts, and behaviors in the same or in the similar ways [2].

The relation between language and culture, especially the English language and culture, carries a special significance as English is used in most countries of the world. It has also been mentioned that the categorization of concepts heavily depends on culture and it is necessary that people share same knowledge and experience.

The culture of present Pakistan and India has long been influenced and modified by the British and it is still reflected in the mentality of Pakistanis. Many concepts have been adopted from English with the culture specific connotation to better serve various areas of communication and match the context too. Certain concepts are deeply rooted and have become a part of the Pakistani culture, others are still undergoing that process.

National specifics has been researched by many linguists and translation studies researchers. Their main scope was on Urdu words that are specific to Pakistani culture and usually used without translation or interpretation in Pakistani English texts due to a large loss or distortion of meaning and functional significance of concepts during translation.

Another aspect of culture-specifics, that is connected with the English language words that have acquired additional meanings and connotations in Pakistani English, is equally important. So, there is the need of finding the ways of their adequate translation or interpretation with as minor loss of meaning as possible.

Methodology

The chapter describes the research design that best suits the aims of the research. As a methodological approach, a small scale contrastive survey research has been selected that underlines the project. The method employed for data collection is methodological triangulation that uses either same method on different occasions or different methods on the same object of study [1, 142] A semi structured questionnaire is used where a series of questions and statements are presented and the respondents are asked to answer, respond or comment on them in a way they think is best. There is a clear structure, sequence and focus, but the format is open ended, enabling respondents to reply in their own terms. The semi structured questionnaire sets the agenda but does not presuppose the nature of the response [1, 321] Open-ended questionnaire is a very attractive device for a smaller scale research. It allows researcher receive honest and explicit replies from respondents [1, 329] Another method used is structured non-participant qualitative observation. Observation offers an investigator the opportunity to gather 'live' data from naturally occurring social situations [1, 399].

The selection of two different methods proved appropriate and effective for the research as it:

- allowed to examine the problem from various perspectives;
- allowed to discover new lacunae;
- allowed to observe new tendencies in Pakistani culture specifics.

In addition to it, cultural validity is an issue in cross-cultural, intercultural and comparative kinds of research, where the intention is to shape research so it is appropriate to the culture of the researched, and where the researcher and the researched are members of different cultures. Morgan (2005) writes that cultural validity entails an appreciation of the cultural values of those being researched. This could include: understanding possibly different target culture attitudes to research; identifying and understanding salient terms as used in the target culture; reviewing appropriate target language literature; choosing research instruments that are acceptable to the target participants; checking interpretations and translations of data with native speakers; and being aware of one's own cultural filters as a researcher [1].

To ensure validity and reliability in the structured non-participant quantitative observation, stratified sampling technique was employed for cross checking of the participants' interpretations and meanings.

In data collection, the participants were 200 adult citizens of Faisalabad, stratified into groups by age (A = 18–25; B = 26–35; C = 36–45; D = 46–55) and a random selection of subjects from the groups was taken.

For lacunae identification in the questioner, the data was divided into universal concepts: social and general. The social category comprised of questions related to the concept 'hotel' and titles 'Miss (ni/na)' whereas the general category inquired about the concept 'bottle' and 'sugar'.

Structured non-participant qualitative observation was used in order to retrieve additional meanings and connotations associated with the selected concepts. It also helped to verify the accuracy of answers in the questioner.

Data was analyzed quantitatively using contrastive exploratory data analysis: frequencies, percentages and cross-tabulations as given by Cohen (2007) as this form of analysis is responsive to the data being presented, and is most closely concerned with seeing what the data themselves suggest. The data are usually descriptive. Here much is made of visual techniques of data representation. Hence frequencies and percentages, and forms of graphical presentation are often used [1, 506]. This form

of analysis allowed us to contrast results in the age groups and evaluate the responses for identifying tendencies in Pakistani English that may be identified as culture specific. As a first step, the questioner was conducted and the results were summarized in the form of cross-tabulation by totals [1, 508]. The next step undertaken was the structured non-participant qualitative observation with the same participants, analyzed by tabulating the data as given by Cohen (2007), in order to verify the results of the questioner and discover additional meanings and connotations of the concepts for their better translation and interpretation.

Results

The data summarized after conducting the questioner and observation is analyzed here.

Quantitative results from the questioner and qualitative results are analyzed and are followed by the presentation of findings from both quantitative and qualitative analysis.

The aim was to analyze the concepts in Pakistani English that have meanings specific for Pakistani culture and create lacunae in British English. For that purpose, as a first step, the semi-structured questionnaire was designed and the data from the questionnaire was analyzed quantitatively. The results were calculated in percentages as well as frequencies to let the reader know the actual numbers. Open-ended questions allowed the participants express their ideas regarding the analyzed concepts. The results have proved that culture-specific meaning of all concepts is dominating in answers regarding all analyzed concepts. The analysis showed that each universal concept has a culture-specific meaning that can be understood from the context. Tables 1 to 4 below illustrate the results of analysis of the concepts with their possible interpretation of meanings.

We can see that a small percentage of participants in all groups consider a hotel a place to stay and a larger percentage mentioned that it is a restaurant.

The results of cross-tabulation of the concept 'Miss (ni/na)' show a very small percentage of the participants that are unaware of the culture-specific meaning of the concept. It should be pointed out that a larger percentage of them belong to the age group D (46–55).

Table 3 shows that both meanings of the concept 'bottle' have a very small gap in total percentages and are equally used by the participants.

The analysis of the concept 'sugar' advise that despite the fact that the universal meaning of the concept as a sweet substance, the culture-specific meaning is dominating the answers of the participants in all age groups.

Table 1. – Cross-tabulation by totals of the concept 'Hotel'

Concept 'Hotel'		Restaurant	Place to stay	Total
Group A	Count	40	9	49
	% of Total	20 %	4.5 %	24.5 %
Group B	Count	32	19	51
	% of Total	16 %	9.5 %	25.5 %
Group C	Count	25	21	46
	% of Total	12.5 %	10.5 %	23 %
Group D	Count	41	13	54
	% of Total	20.5 %	6.5 %	27 %
Total	Count	138	62	200
	% of Total	69 %	31 %	100 %

Table 2. – Cross-tabulation by totals of the concept 'Miss (ni/na)'

Concept 'Miss (ni/na)'		Single/Unmarried female	Double faced/Hypocritical female or male	Total
Group A	Count	3	46	49
	% of Total	1.5 %	23 %	24.5 %
Group B	Count	2	49	51
	% of Total	1 %	24.5 %	25.5 %
Group C	Count	8	38	46
	% of Total	4 %	19 %	23 %
Group D	Count	26	28	54
	% of Total	13 %	14 %	27 %
Total	Count	39	161	200
	% of Total	19.5 %	80.5 %	100 %

Table 3. – Cross-tabulation by totals of the concept 'Bottle'

Concept 'Bottle'		Fizzy Drink	Container for Liquids	Total
Group A	Count	26	23	49
	% of Total	13 %	11.5 %	24.5 %
Group B	Count	24	27	51
	% of Total	12 %	13.5 %	25.5 %
Group C	Count	25	21	46
	% of Total	12.5 %	10.5 %	23 %
Group D	Count	34	20	54
	% of Total	17 %	10 %	27 %
Total	Count	109	91	200
	% of Total	54.5 %	45.5 %	100 %

Table 4. – Cross-tabulation by totals of the concept 'Sugar'

Concept 'Sugar'		Diabetes	Sweet substance subtracted from sugar cane	Total
Group A	Count	31	18	49
	% of Total	15.5 %	9 %	24.5 %
Group B	Count	29	22	51
	% of Total	14.5 %	11 %	25.5 %
Group C	Count	28	18	46
	% of Total	14 %	9 %	23 %
Group D	Count	38	16	54
	% of Total	19 %	8 %	27 %
Total	Count	126	74	200
	% of Total	63 %	37 %	100 %

The results of the observations allowed discovering the connotations, apart from conventional and culture-specific meanings, that had not been identified in the results of the questionnaire, as non-verbal, behavioral and situational contexts were not present. The analysis showed that in the concept 'bottle' the participants differentiated between different types of fizzy drinks by color of a bottle or the absence of it. The observation made regarding the concept of 'hotel' revealed that size, infrastructure, type of food served or quality of service/food do not influence the culture-specific meaning.

The observation did not find other additional connotations in connection with the culture-specific meaning of the concept 'sugar', as it is commonly used as the substitution of diabetes. It was discovered that the concept "Miss" receives negative connotation after adding the feminine ending '-ni' to the title and the same title with the masculine ending '-na' will refer to the male as well. The results of the structured non-participant qualitative observation are presented in the Table 5 below in the form of summary of concepts' conventional, additional meanings and connotations.

Table 5. – Summary of the qualitative non-participant structured observation

	Bottle	Sugar	Miss (ni/na)	Hotel
Conventional meaning	– all participants are aware of the meaning	– all participants are aware of the meaning	– is used without ending –ni/na to convey the meaning; – all participants are aware of the meaning	– the meaning is unknown to some participants
Culture-specific meaning	– contextual; – informal; – casual	– the disease is commonly addressed by the meaning; – informal	– unknown to 19.5 % of participants; – informal; – highly negative	– a restaurant is commonly addressed by the meaning; – is not considered informal
Additional connotations	– color of a bottle or its absence indicates the type of a drink (green for Sprite/7Up, black for Coca Cola/Pepsi)	– no additional connotations	– may refer to the male having same features when added ending –na	– refers not only to a restaurant, but any place for eating out

As a result of analysis of the data by various methods we were able to get explicit results and identify lacunae in British English. Methodological triangulation applied in the research allowed to achieve accuracy by analyzing the concepts quantitatively as a first step and verifying the results qualitatively, as well as adding additional connotations from the context.

Conclusions

The objective of the study was to analyze the meanings that some of the concepts have acquired in Pakistani English that are specific for the Pakistani culture and identified as lacunae in British English.

Methodological triangulation was used to analyze the data. The data was collected and analyzed in two steps. First, a semi-structured questionnaire with open-ended questions revealed the culture-specific meanings of the universal concepts; the results were calculated quantitatively by using contrastive exploratory data analysis method. As a second step, to verify the accuracy of the answers, the structured non-participant observation was conducted with the same participants that additional

connotations of the analyzed concepts were traced. The results were analyzed qualitatively and presented in the form of the summary.

The findings showed that each analyzed concept was recognized by participants as having conventional and culture-specific meanings with the last one having higher percentages among all groups and concepts. The results allowed us identify the lacunae in British English as compared to Pakistani English. The findings of the observation gave guidance on ways of interpretation of the lacunae.

As lacunology is a branch of Linguistics that has not received wide application in contrastive studies of various varieties of the English language, the present research will prove helpful for the development of fields such translation studies, cross-cultural communication and lacunology itself.

Further and larger scale research will solve problems connected with translation and interpretation of culture-specific concepts, words having zero equivalence in a target language that previously were not

translated, left as such and transliterated from a source language to a target language.

For a wide audience, people that work or live in multicultural society and interact with representatives of Pakistani English and culture will find the key to understand each other better if introduced to the culture-specific concepts.

The biggest limitations of the research were the sample size and geography of the sample, as the participants belonged to Faisalabad only. By extending the sample size as well as involving citizens of other cities and provinces of Pakistan, the results would have added more meanings to the analyzed lacunae. Another limitation is connected with time devoted for the data

collection: the participants were observed over a short period of time. And furthermore, more concepts could be included into the research for deeper study of lacunae in Pakistani English.

The results have proved that there is need to conduct further research with a similar design with an increased sample size. The present research was small-scale and definitely was limited to a small number of participants.

Larger research with bigger population involved would examine more complex lacunae of different types and even discover new lacunae and culture-specific concepts with their variants of translation and interpretation to decrease the burden that lies on translators, translation-studies and cross-cultural studies researchers.

References:

1. Kohen L., Manion L., Morrison K. *Research Methods in Education*. – London and New York: Routledge, – 2007.
2. Banks J. A., Mc Gee C. A. *Multicultural Education*. – Needham heights, MA: Allyn&Bacon, – 1989.
3. Bikova G. The lacunarity as a category of the lexical systemology. *Communication culture and formation* – 1999 – p. 60–63.
4. Mehmood R., Shah K. Culture Specific Vocabulary: a Study of Urdu Nouns in Pakistani English. *Komunikacija i Kultura Online*, – 2011 – p. 72–86.
5. Morgan C. Cultural validity. Personal communication. – Bath: University of Bath, Department of Education, – 2005.
6. Panasiuk I. Definition of Lacuna Phenomenon in the Theory of Translation. *The Issues on Psycholinguistics* 3 (10), – 2009 – p. 42–46.
7. Pym A. Why translation conventions should be intercultural rather than culture-specific. An alternative basic-link model. *Parallèles: Cahiers de l'École de Traduction et d'Interprétation de Genève* 15, – 1993 – p. 60–68.
8. Rehman T. The use of words in Pakistani English. *English Today*, – 1991 – p. 32–38.
9. Rosch E. H., Mervis C. B., Gray W. D., Johnson D. M., Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology* 8 (3), – 1976 – p. 382–439.
10. Schröder H. "Lacunae" and the Covert Problems of Understanding Texts from Foreign Cultures. *Lacunology — Studies in Intercultural Communication*, – 1995 – p. 10–25.
11. Sorokin Y. A., Markovina I. Y. *Culture and text. The introduction to the lacunology*. – Moscow: GEOTAR-TAR-Media, – 2010.
12. Venuti L., Baker M. *The Translation Studies Reader*. – London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, – 2000.
13. Vinay J. P., Darbelnet J. *The Methods for Translation* (translated from French by J. C. Sager & M.-J. Hamel). John benjamins Publishing Company. – 1995.
14. Wardhaugh R. *Introduction to linguistics*. – New York: Mc Graw Hill, – 1972.

Danylevska Olesia Vasylivna,
 Institute of linguistic sciences A. A. Potebnya
 of National academy of sciences, Kiev, Ukraine,
 postgraduate student
 E-mail: danolesia@ukr.net

Some research aspects of peripheral zone of toponyms-concepts in Ukraine, France and England

Abstract: The peripheral zone of each concept has the classic structure, which includes near and remote periphery. Here we can mark another points of view. The main practice material for researching of this aspect is texts of literature of Ukraine, France and England.

Keywords: peripheral zone, toponyms, onyms, oikhonyms, choronyms, concepts, Ukraine, France, England.

The peripheral zone of toponyms-concepts is formed by faintly structured predecations, which represent the interpretation of individual conceptual feature and their complex in the form of statements, as a result of mentality in a particular culture [1, 71].

As far as the concept peripheral zone is concerned, especially choronym-concept, according to the research results of Ukrainian researcher V.A. Nikolayeva, it includes near and remote periphery. The near periphery is represented by associatives, given in the dictionary articles of "Ukrainian associative dictionary", by results of the associative experiment and also by figurative and periphrastic names of the capital. Speaking about remote periphery, it is formed by an author's perception of the country and by important onyms, in our case they are capitals and names of the main rivers [2, 6].

The main characteristics of lexemes, which form the remote periphery, are: less, compared to the core, periodicity; stylistic neutrality; absence of limitations for using and also minimum dependence on the context.

The remote periphery includes language units of low frequency. Those units can be monosemantic as well as polysemantic. Among the latter, there can be those, for which the communicative meaning isn't the main one. We can refer lexemes with stylistic and emotionally expressive limitations to this group.

Besides the two well-known types of the periphery zone of the concept, Russian researchers Z. D. Popova and I. A. Sternin highlight the third type, and this is an extreme periphery. This type includes words with a low frequency. Also we need to mention, that the majority of words, which form the extreme periphery, have distinct stylistic and emotionally expressive senses. To this type of periphery we can mostly refer obsolescences, due to their rare or indirect usage [1, 181].

Periphery zone of choronyms-concepts in **Ukraine**, **France** and **England** has an important component of

such psycholinguistic analysis as an associative experiment. The notion of associative experiment is interpreted by scientific linguists as a psycholinguistic experiment, the main idea of which a survey of speakers to elicit associations (reactions), which cause language units (stimuli) [3, 417].

At the same time, the method of the associative experiment is divided into two types: 1) an independent associative experiment and 2) a purposeful associative experiment. During the independent associative experiment recipients respond to a word-stimulus in one word, which was the first to come to their mind, or in a few words, which were given by the consciousness within some time (for example, within one minute). The words-reactions are counted, ordered by the fall of frequency and thus the word associative field is formed [3, 392].

The purposeful associative experiment works in the following way: a recipient has a detailed task, for example, to choose an attribute for words-stimuli, to find synonyms or antonyms, to make up word combinations with words-antonyms, to assess the semantic closeness between words, to put in the missing words, to replace a word in a sentence, to identify the meaning of a word in the context, to give a name to a picture, to complete a sentence, etc. The purposeful associative experiment is effectively used in researching of semantic connections between words (synonymic, antonymic, phraseological, etc). The strength of semantic connections is defined by the frequency of words-reactions and words-stimuli; the more often the words are met in the text together, the stronger is the semantic connection between them [3, 393].

Hence, the method of independent associative experiment is to be used in the investigation. Students of the Institute of Philology of Kyiv National Taras Shevchenko University took part in this experiment. At this stage the results of the survey applied to 44 students of the first to the fifth year of studies in the French Philology department

will be analysed. The recipients gave 1806 associations about 3 countries, where 698 were about **Ukraine**, 640 — about **France** and 509 — about **England**.

Speaking about the periphery zone of the choronym-concept **France**, primarily it contains the oikonym-concept **Paris**, including the names of the railway stations, streets and places, which are important for Frenchmen, particularly for Jews. In this context we can also talk about the emotional component of this zone, reflected in T. de Rosnay's novel "Elle s'appelait Sarah".

Moreover, the periphery zone of concept **France** includes the names of the capitals of other regions, where the tragic history of the Second World War in this country was written. **Paris** takes here a special part not only as a capital, but also as a center of development of **France** and the French language. It can be explained by development of the standard French language on the basis of the dialect in the region l'Ile-de-France, which capital is **Paris**.

It is widely spread that the capitals of countries are named not directly as well as indirectly using the names of well-known places of a city. For example, in the novel of French writer T. de Rosnay "Elle s'appelait Sarah", **Paris** was called by the name of one well-known street of this city (*Nous allions quitter le boulevard Montparnasse, sa circulation bruyante, le va-et-vient continu des ambulances qui filaient vers les hôpitaux voisins, ses cafés, ses restaurants, pout cette route étroite et tranquille sur la rive droite de la Seine* [4, 15]).

Regarding the hydronyms in Ukraine, France and England, it's necessary to point out, that in case of our country, the hydronym **Dnipro** is used and mentioned by the authors more often, than **Seine** and **Thames**.

In the novel of P. Zahrebelnyy "Dyvo", the name of the main Ukrainian river includes primary meaning, which is, according to Brokgauz's dictionary, "one of the most important rivers in European Russia, which springs in the northern part of Smolenska province" [5, 791]. For example, «... вони жили окремо від дивного города (Киева), від сріблясто-зеленої гори, від **Дніпра**» [6, 89]. Also, in this meaning this hydronym is used with another Ukrainian hydronym Desna («безмежжя вод, де зливалися **Дніпро** і Десна. ... плавали й линули в ній, немов птахи з-поза Десни та **Дніпра** ...» [6, 524]).

In the second meaning the main river of Ukraine becomes the proper name of the hotel (... і він став обходити всі центральні готелі цілком свідомо, — спершу «Інтурист», потім «Київ», далі «Москва», «**Дніпро**». В «**Дніпрі**» йому сказали, що, здається, художники на сьомому поверсі... [6, 271]).

Unlike P. Zahrebelnyy's novels, in Lina Khostenko's novel «Zapysky ukrayins'kogo sumashedshogo», the name of the river is used only in the meaning of the waterway of **Ukraine** (*Він тепер живе далеко, по той бік **Дніпра** [7, 50]. І що за цей **Дніпро**, де вона вивертається на пляжі, полягло сто тисяч солдатів, і що на передгір'ях Криму й досі знаходять черепи і смертельні медальйони — ця теперішня тьолка з голим пухом уже не знає [7, 134]]*).

Also we can include the names of rewards and ranks to the periphery zone of the choronym-concept **Ukraine**, for example: «А за особливі заслуги — звання Героя **України**» [7, 169].

More than that, to the periphery zone of analyzed concept we can also add the fact, that **Ukraine** was treated as the breadbasket of the whole Soviet Union, for example; «Золоті потоки зерна сиплються в засіки Батьківщини. Окрилений такими успіхами, уряд збирається відновити славу **України** як житниці Європи» [7, 228]. This figurative name is the allusion to **Ukraine's**, as Ukrainian SSR, staying a really great breadbasket of the big country USSR. Here we unwillingly recollect L. Gaiday's movie "Khavkaz'ka polonianka".

As far as the periphery zone of the choronym-concept **France** is concerned, it's important to highlight, that this zone is formed not only by the results of associative experiment, but also by the oikhonym **Paris** and the hydronym **Seine**.

As for the capital of **France**, French writer Onore de Balzac portrays this city as extraordinary in his novels (... «Вот каковы они там, в **Париже**» [8, 38]). Also it is worthwhile mentioning that from French country people's point of view, you can buy everything possible in **Paris** (*Вы из **Парижа** зята себе выписали! Наконец, когда прибыла простая траурная одежда, выписанная Шарлем из **Парижа** ... [8, 120]]*).

Beside this, the novels of the French writer **Paris** appears as such a city which changes people for ever and not always for the better (*Адольф уехал в **Париж** и сделался там большим повесой [8, 129]*) and makes them to be disguised (*Пересыщенный пороками **Париж**, он умеет надеть на себя личину провинциального простодушия [8, 186]. Шарль свободнее стал дышать в **Париже**, увидев, что здесь можно играть роль [8, 170]*). But this city also gives liberty (... *Шарль в **Париже** не выходил из состояния опьянения, начавшееся на корабле... [8, 170]*).

From time to time, by the name of the **French** capital its citizens are meant in O.de Balzac's novels (*Хотя весь **Париж** говорит об его свадьбе и уже сделано церковное оглашение... [8, 177]*).

The perception of **Paris** by the author and accordingly by his characters gives some reasons to compare the city with a monster (... *поглощает треть всех женщин известной категории, поглощаемых чудовищем Парижем* ... [8, 264]). The appearance of Balzac's **Paris-monster** can be explained by the historical events in the country, namely by the Great French revolution. Such comparison and such image of the capital are also explained by the years of the writer's life coincided with the violent years of the Revolution.

One of the **French** history researchers describes that time as: "The ruling conservatives headed by the king's brothers dukes of Provence and d'Artois were disturbed by revolution-like development of events in the country. They revealed the situation for the king. As a result, Louis was horrified and agreed to focalize the thirty thousand soldier army around **Paris**. Nekker got retired on 11 June 1789.

The news made the citizens of **Paris** furious and it caused the revolt, which broke out on 14 July 1789. The royal prison Bastille was taken by storm, and the crowd lacerated few officials and publicans.

The revolt of 14 July demonstrated the force of a revolution crowd" [9, 76].

To sum it up, the periphery zone of any concept consists of near and remote periphery. The basis of this zone is confirmed by the results of psycholinguistic associative experiment.

Some toponyms-concepts, which form this zone, such as hydronyms, for some countries like **Ukraine**, are used more often, than for others (**France, Great Britain**).

The oikhonyms of some countries (**France**) create a sort of different reality and an individual peculiar world in works of fiction.

References:

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика/З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, – 2007. – 314 с.
2. Николаева В. А. Концепт «Петербург» в поэтическом идиолекте О. Мандельштама и А. Кушнера [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.02/Николаева Вера Анатольевна; Луган. нац. пед. ун-т им. Т. Шевченко. – Луганск, – 2007. – 20 л.
3. Кочерган М. П. Загальне мовознавство: підручник/М. П. Кочерган. 3-тє вид. – К.: ВЦ «Академія», 2010. – 464 с.
4. Tatiana de Rosnay Elle s'appellait Sarah (Roman traduit de l'anglais par Agnès Michaux) – Edition Heloise d'Ormesson, – 2006. – 461 p.
5. Энциклопедический словарь: Брокгауз и Ефрон. – С.-Петербургъ: Типо-Лит. типография И. А. Ефрона, – 1896, Т. IX^a. – 960 с.
6. Загребельний, Павло Архипович Диво [Текст]: роман/П. А. Загребельний. – Х.: Фоліо, – 2007. – 637 с. – (Серія «Історія України в романах»).
7. Костенко Ліна Записки українського самашедшого/Ліна Костенко – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, – 2011. – 416 с.
8. Бальзак Оноре де Собрание сочинений в 24-х т., Т. 6. – М.: Издательство «Правда», – 1960. – 528 с.
9. Иванова Ю. А. Всё о Франции/Худож.-офор. Б. Ф. Бублик, С. И. Правдюк – Харьков: Фолио, – 2010. – 543 с.

*Zadorozhna Alyona Serhiyivna,
Kharkiv National University named after V. N. Karazin,
postgraduate student, the Faculty of Philology
E-mail: zadorozhna_alena@mail.ru*

Features of the language embodiment of the correlative concepts СВОБОДА-ВОЛЯ in memoirs of Ukrainian sixtiers

Abstract: The article traces the features of the representation of concepts in the memories texts of S. Kyrychenko, M. Kotsyubynska, V. Ovsienko. The most notable lexical and discursive means of concepts language implementation are pointed out.

Keywords: concept, correlative concepts, language picture of the world, language of memoirs, intertextuality.

In the context of anthropocentric development of modern linguistics the investigation of such conceptual

units that represent the close relationship of language and human, integrate different types of knowledge about

the world and embody them in language, is of special importance. Person lives in the context of the culture that creates its own metalanguage and forms the key concepts such as ДОЛЯ, ДОБРО, ЗЛО, КРАСА, etc. [6, 3]. In the list of these cultural phenomena, the concept СВОБОДА takes the important place, referring to «the basic regulative concept» [9], is a «cultural specific concept» [1, 211] and one of the fundamental ideological orientation of human being. According to the modern linguists, there are concepts, «correlative to close but not identical notions with inseparable understanding of their meanings» [8, 227]. These concepts form correlative couples that «have common interdependent areas of cognitive and semantic segmentation of reality» [8, 227]. The example of such unity in our research is the pair of correlative concepts СВОБОДА–ВОЛЯ.

The problem of language representation of these concepts has already been the subject of scientific research of domestic and foreign linguists such as A. Wierzbicka, N. Arutyunova, A. Koshelev, A. Solokhina, N. Katayeva, A. Uryson, T. Nikishyna, L. Fatyeyeva, A. Yatskevych, I. Golubovska, V. Kononenko and others. This attention to the concepts indicates their cultural significance for linguistic representation of national consciousness and worldview of an ethnic group. Thus, our research is actual. It focuses on the study of the above-mentioned correlative couple in the memoirs of «sixtiers», who regarded СВОБОДА–ВОЛЯ not just as ideological value but as the individual goal.

The scientific novelty of our work is determined by the fact that this article is the first attempt to describe the linguistic representation of these concepts in the memoirs of S. Kyrychenko «Люди не зі страху», М. Kotsyubynska «Книга споминів» and V. Ovsienko «Світло людей». The aim of the work is to determine the most representative means of concepts verbalization for the dissident discourse, their semantic content features in the language picture of the world of the sixtiers.

Basing on the collected and processed material, we can distinguish the following groups of the lexical and discourse units that represent concepts. First, the lexemes that verbalize the concepts' names: *свобода*, *воля* — and the derivative units: *вольниця*, *самостійний*, *вільний*, etc. The analyzed contexts show that in the sixtiers' language picture of the world СВОБОДА, ВОЛЯ mean 'no restrictions in physical space' or 'spiritual independence'. Speaking of the first interpretation, the spatial constraints are often associated with a physical captivity of man, his imprisonment, and in this case the notion НЕВОЛЯ and subconcepts В'ЯЗНИЦЯ, ЗАСЛАННЯ

are binary for the key concept. The space unbounded with the walls is interpreted as *вільний*, and everything within it has appropriate connotations: *Недавно, як переходили від машини до поїзда — вільних метрів 40, поміж вільних людей, могутньо й дивно війнуло на мене простором...* [2, 503]; *Отже, мене звільняють. Ви знаєте, що це таке? У дивовижний спосіб, менше як за добу ти раптом опиняєшся на волі!* [7, 107]. The positive assessments that accompany the concept are verbalized by the intertextual units and lexemes with the corresponding meaning: *Ще вночі я був на нарах Пермської тюрми — і от, як казав Тарас, «із тьми, зі смрада, із неволи», менше, ніж за добу, я опинився в раю...* Це справді було *диво* Господнє [7, 107].

The semantics of the concept can be expressed using metaphors. In this case the division of the space into ВОЛЯ/НЕВОЛЯ is taken literally: *... одного за одним завертають українських політв'язнів на нову «справу» вже з порогу волі або — даючи ненадовго переступити той поріг, як В. Стусові, В. Марченкові, В. Овсієнкові...* [2, 585].

It is typical for the discourse of the sixtiers that the opposition ВОЛЯ/НЕВОЛЯ is expanded by the intermediate unit using to denote the mesonym *напівволя* which can be interpreted as 'total control over human life despite the lack of formal spatial constraints': *Може, влада ще б тримала його якийсь час на гачку напівволі... Валерій свідомо зірвав той гачок... Через півтора місяця — арешт* [2, 585]; *Сумні листи приходять од засланців. Чується мені, що їм у тих багдарилах гірше, ніж у таборі. Бо вже наче напівволя — і така безталанна...* [2, 413]. One of subsections of the memories by V. Ovsienko is entitled «Воля на прив'язі» [7, 51]. This expression conveys the same semantics, emphasizing the appropriate assessments analytically and metaphorically.

The space of ВОЛЯ/НЕВОЛЯ is summarized in the stereotype about the USSR as 'a shut, closed, limited country' and the USA as 'the free world, the free country': *Лише в 90-х, у незалежній Україні, ми дізналися, що не тільки в СРСР, а й у «вільному світі», зокрема в США, не визнавали фактів голоду, навіть свідчень очевидців за справжні* [2, 529]. The scenario УВ'ЯЗНЕННЯ/ВОЛЯ is originally projected on the concept of the USSR/USA explicating the key seme 'physical captivity' narrower for the first opposition and broader for the other. So, everything located outside the USSR, is treated with positive connotations: *Невже доля всміхнулася Юркові, і його слово таки вирвалося у вільний світ?!* [2, 299]; *Надійка четвертий*

рік у США. Вона наш посол у світі, наш **вільний голос** [2, 459]. This characteristic piece of world view for the dissident discourse contrasts with the official Soviet propaganda, where the attribute *вільний* referred to the Soviet space and ironically was refuted on the western space [3, 138–141].

СВОБОДА, that is interpreted as 'spiritual and philosophical value', is updated in conjunction with the lexemes *вибір, слово, думка* and so on. In such contexts СВОБОДА means 'the possibility of free expression and spiritual development', 'ideological independence'. Not only the concept НЕСВОБОДА is opposition but the concept ІДЕОЛОГІЧНА НЕСВОБОДА. The memoirists verbalize the concept in relation to those categories that have to be elements of free life. The concept СВОБОДА is interpreted as 'human rights, freedom of speech (СВОБОДА СЛОВА) and freedom of choice (СВОБОДА ВИБОРУ)': *Чому влада карає людей за звернення до неї? ... Має радянський громадянин право на таку **свободу слова**? — напосідаю, хоча сама досі ніяких листів «нагору» не писала [2, 36]; ... насправді головне, що мені було потрібне — це **свобода занять і свобода слова** [7, 120].*

The language units which meanings are close to the key lexemes associate with the concepts: *незалежно, незалежний, автономно, розкріпачення* and so on. These units are the most frequently represented in the contexts which are connected with the desire of political independence, and spiritual development of man: *В той час усім однаково потрібна була **свобода**, а державна **незалежність** України уявлялася ймовірним гарантом такої **свободи** [7, 121]; ... мушу визнати, що на той час я умудрилася залишитися певною мірою ідеологічно «незайманою»: зовнішню, безперечно, підвладною панівним ідеологемам, але водночас внутрішню — морально, естетично — наперекір усьому **автономною** [4, 29].*

Also the precedent phenomena become the means of the language concepts' embodiment operating in the original or transformed form. S. Kyrychenko uses precedent statement, projecting H. Skovoroda's life path to the fate of her husband Y. Badzyo: *... я розповідала дітям про Григорія Сковороду... пояснювала їм на прикладі Григорія Савича і нашого тата оте сквородинівське: «Світ ловив мене, та не спіймав» [2, 157].*

There is a transformation of the precedent expression accomplished not by the author but her colleague. In this case we can speak about a double precedent, the memoirist used the precedent referring to the author not the original but modified text: *Михайлина, як завжди,*

стримано-лаконічна: «Світ ловив Сковороду, а упіймав — Драча» [2, 179]. Using structural and semantic transformation of the precedent the author verbalizes the process of loss of a personal freedom.

The individual author's means of the concept representation are the intertextual units from literature. The intertexteme *пряmostояння* is particularly significant in this context. It etymologically refers to the linguistic creativity of V. Stus and verbalizes freedom as a personal value of everybody. This intertextual unit exists in all analyzed memoirs, which indicates its importance for the language world of the sixtiers in embodiment of these concepts. The relation between M. Kotsyubynska's and V. Stus' idiolects is traced by R. Tryfonov on the base of the lexeme *пряmostояння*. This loan, according to the linguist, indicates a «relationship of narrator's and Stus's idiolect, represents their ideological principles» [11, 219]: *Не було ще Василевого слова **пряmostояння**, але воно в мені жило — своєю суттю [4, 175].* The last example clearly shows «nominative exactness» as R. Tryfonov called it [11, 219]. The lexeme verbalizes the values as the most appropriate and fundamental for the generation of the sixtiers, confirms the forming of a «semiotic universe», where the bonds between texts and between their creators are realized [11, 121]. These statements can be applied for the language of S. Kyrychenko and V. Ovsienko, who use this unit. V. Ovsienko uses the intertexteme in his memoirs dedicated to V. Stus, emphasizing axiological relevance of lexeme for the characteristic: *З цих аскетично скромних томів постає екзистенційне самоствердження людини, яка вибудувала себе в умовах неслободи, виробила своє **пряmostояння**, явила високі зразки інтелекту й поетичних осянь... [7, 234].* S. Kyrychenko projects the value orientation onto husband's life that is embodied by the lexeme: *Бадзя треба було застрашити, зламати його «**пряmostояння**» — щоб на всі наступні роки запам'ятав [2, 705].*

The analyzed material makes possible to trace linguistic embodiment of the correlative concepts СВОБОДА–ВОЛЯ by means of different origin and evaluative load funds from direct nominative lexemes, which are traditional means of concepts verbalization, up to the intertextemes, which are illustrative for the discourse of the sixtiers. The latter group of means explicates understanding of СВОБОДА–ВОЛЯ as the spiritual philosophical and value, that is key for the memoirists. In our view, the further research of the concept representation as the basis for the language world of the sixtiers is perspective.

References:

1. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/Пер. с англ. А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, – 2001.
2. Кириченко С. Люди не зі страху. Українська сага: Спогади/Перед. слово Ю. Бадзя. – Київ: Смолоскип, – 2013.
3. Колоколова А. Номінація країн як засіб концептуалізації знань про світ в українській публіцистиці ХХ – початку ХХІ ст.: Дис. ... канд. філол. наук. – Харків, – 2011.
4. Коцюбинська М. Книга споминів. – Харків: Акта, – 2006.
5. Краткий словарь когнитивных терминов/Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., – 1997.
6. Логический анализ языка. Культурные концепты/Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, – 1991.
7. Овсієнко В. В. Світло людей: Мемуари та публіцистика: У 2 кн. – Харків: Харківська правозахисна група; К.: Права людини, – 2007. – Кн. 1.
8. Руснак К. С. Особливості системної організації концептосфери: концептуальні діади та корелятивні концепти//Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2012. – № 1021. – Сер. Філологія. – Вип. 66.
9. Солохина А. С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, – 2004.
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, – 1997.
11. Трифонов Р. А. Слово на перетині ідіолектів: інтертекстуальний і метамовний аспекти (на матеріалі спогадів Михайлини Коцюбинської)//Філологічні студії: Наук. вісник Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2011. – Вип. 6, ч. 2. – с. 215–222.

*Ukrainets Liudmyla Fedorovna,
Poltava V. G. Korolenko National Pedagogical University,
Associate Professor, Department of Ukrainian language
E-mail: ukraine@ukr.net*

Connotative status articulatory-acoustic features of phonetic units in poetic language

Abstract: The article deals with the role of articulatory-acoustic features of the sounds in the initiation of the implicit content of the statement. High degree of aesthetic and pragmatic reflection of phenomena of objective reality in poetic language is reached by the phonetic connotation.

Keywords: articulatory-acoustic features, phonetic units, association, connotation, poetic language.

*Украинец Людмила Федоровна,
Полтавский национальный педагогический университет
им. В. Г. Короленко, профессор кафедры украинского языка
E-mail: ukraine@ukr.net*

Коннотативный статус артикуляционно-акустических признаков фонетических единиц в поэтическом языке

Аннотация: В статье рассматривается роль артикуляционно-акустических признаков звуков в инициировании имплицитного содержания высказывания. Фонетической коннотацией достигается высокая степень эстетического и прагматического отображения явлений объективной действительности в поэтическом языке.

Ключевые слова: артикуляционно-акустические признаки, фонетические единицы, ассоциация, коннотация, поэтический язык.

В формировании коннотативных параметров поэтического дискурса принимают участие все лингвистические единицы, поскольку «произведению <...>

свойственно все подчинять творческому замыслу поэта, все делать не случайным, а художественно целенаправленным. И эта тенденция распространяется

и на фонику стиха” [13, 228]. Ещё в начале XX ст. коннотацию фонетических единиц предвидел Е. Поливанов, назвав основой фонетической сути поэтического языка повтор, при этом ученый акцентировал внимание на поэтической ценности “фонетических представлений” — слога, сочетаний слогов или “элементарных фонетических величин” [14, 106], которые “не канонизованные в качестве обязательного признака формы (и зависящие, следовательно, от индивидуальных — в большинстве неосознанных — фонетических ассоциаций в данном процессе творчества)” [14, 108]. Чтобы повтор привлекал внимание исключительно к функционально-стилистическому назначению фонетической структуры поэтического языка, повторяемые звуки должны находиться на таком расстоянии, которое бы удерживало их в поле коннотативного зрения как стилистические маркеры, о чем писал Б. Ярхо: “Эстетической потенцией наделены <...> прежде всего систематические повторы, и чем систематичнее созвучие, тем больше они могут нравиться или не нравиться” [28, 36]). На этом настаивал и Ю. Тынянов: “Чем ближе повторы, тем яснее их ритмическая роль” [17, 147]). Действительно, моделирование поэзии звуковыми повторами (от простейшего ассонанса или аллитерации — к теоретически изысканным — анаграмме, метаграмме и др.) не оставляет сомнения: в них есть и символизм звуков, то есть соответствие между формой слова и его содержанием. Однако для поэтического языка важны звуковые единицы в условиях отношения тождества и контраста, когда “строка стремится “вытолкнуть” повторяемый сегмент на вершину своей динамической волны” [4, 73]. Если учесть, что любой текст состоит из повторяющихся звуков, морфем, слов, но при этом не является эстетической структурой, то поэтический язык — “явление сложное, многостороннее, неуловимо-изменчивое” [13, 232] — должен использовать что-то лингвистически более существенное, формирующая поэзию, которая способна “соединять зримое и незримое”. О семантико-прагматическом статусе артикуляционно-акустических признаков фонем в поэтической форме коммуникации в свое время писал Р. Jakobson, работая над проблемами звукового символизма [25, 202–225]. Общепризнанный тезис о своеобразном отображении глубинных структур мышления “на артикуляторном уровне” [16, 56–57] убедила многих лингвистов связывать моделирование целой системы ассоциаций, а значит, и коннотаций, именно с артикуляторными параметрами гласных и согласных: “<...> открытый рот, выдвинута челюсть, сомкнуты

губы передают пространственные и динамические значения, что является характерными признаками произнесенных и услышанных звуков” [3, 86]. Этому способствовала и артикуляционно-мимическая концепция Вундта, которая с легкой руки некоторых лингвистов (А. Якубинский) обосновала специфические свойства поэтического языка в контексте артикуляционных и мимических движений. Впрочем, еще в начале XX ст., создавая своеобразную философскую концепцию звучания, А. Белый полагал, что глубинным значением наполнены, кроме акустики, и артикуляционные жесты, проникновение в скрытое содержание которых поэт-символист оценивал как путь к познанию себя и вселенной. Моделирование настоящей — “истинной” — макро (микро)семантики при помощи акустики и артикуляции — это так называемый гносеологический компонент его философии звука, тогда как онтологическая часть сориентирована на специфическую космогонию речи благодаря артикуляции фонетических единиц “в космической среде (во рту)” [1, 30]. Корреляцию процесса образования звука, а также инициированных ими ассоциаций последовательно позиционируют частотные группы слов из соответствующей фонологической структурой [20, 20–21], хотя С. Ньюмен [12] и Е. Сепир [15] благодаря артикуляционным признакам фонетических единиц установили символические и экспрессивные свойства звуковой материи даже квазислов. Так, фонетические ассоциации С. Ньюмен объяснял артикуляционными факторами и участием голоса коннотативных фонетических единиц в словах из соответствующей семантикой и даже там, где они лишены функций доминирующей или потенциальной семы (искусственные образования). Это подтверждает эстетическая и эмоционально-оценочная функция фонетической организации поэзий, реализованные именно на артикуляционном (мимическом), а не акустическом (музыкальном) принципе, т. е. обусловленные “системой артикуляции, речевыми движениями, речевой мимикой” [22, 414–415]. Наблюдая за фонетической организацией поэзий А. Ахматовой, Б. Эйхенбаум писал: “Возникает мысль, что акустические отношения в стихотворной речи вторичны, что они результат осознания самим поэтом того, что по своей природе связано не столько со слухом, сколько с произношением” [23, 119]. В отличие от Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянов роль артикуляции усматривает не в выразительности мимики, а в значении как результате моторно-энергетического элемента ритмического структурирования поэтической речи [17, 84]. Эти

выводы имеют научное обоснование, ведь если какое-нибудь движение служит для выражения определенного чувства, то именно ассоциации соотносят это чувство с ощущениями конкретного движения [9, 175]. Поскольку мимика – работа мышц лица – выражает чувства и непосредственно связана с артикуляцией, она и формирует так называемую “звуковую метафору”, которую традиционно считали (В. Вундт, Ф. Зелинский, Ю. Тынянов, Б. Томашевский и др.) звуковым аналогом “некоторого эквивалента выражения как чего-то равносильного слову, называемому явлением” [18, 67]. Такая “звуковая метафора” является не общеязыковым, а лишь эвфоническим приемом, однако в поэтическом дискурсе она непосредственно касается коннотативного потенциала фонетических единиц, а точнее “интеллектуально вариативных коннотаций” как “«игры» со значениями, смыслами, их «прочтением»”, что “коррелирует с перспективой множественных интерпретаций вербализированного сознания” [21, 66, 68]. Итак, в основании артикуляции лежат чувства; собственно артикуляционный уклад связан с выражением качества чувств, а тон — с их интенсивностью. Прав был Г. Клычков, когда, полагаясь на взгляды К. Стивенса, писал: “Восприятие речи идет не непосредственно в звуковых волнах, а в терминах соответствующих артикуляций” [10, 74]. Итак, значение артикуляционного аспекта изображения звуками, кроме поэтов-символистов, последовательно отстаивали в начале XX ст. представители формальной лингвистической школы Б. Томашевский [18, 66], Л. Якубинский [27, 163–176] и др.

В отличие от артикуляционных, акустические признаки в славянской лингвостилистике последовательно используют как причину возникновения звуковой ассоциативности. Например, Е. Поливанов, понимая под фонемой обобщенное представление акустических характеристик конкретного звука независимо от его реляционной ценности, был убежден: “Для междифонематических ассоциаций (которые именно и нужно учитывать в вопросе о поэтических корреспонденциях не тождественных звуков) может оказаться существенной одна лишь акустическая сторона сравниваемых звуков — без совпадения в основных физиологических моментах” [14, 103]. Именно поэтому для фоностилистики XX ст. такими авторитетными оказались выводы Р. Jakobsona о невозможности правильно описать разные артикуляции, не охарактеризовав способа реализации акустической функции артикуляционного движения, поскольку только звук может рассматриваться

как физическое явление [24, 38–41]. Российский лингвист А. Журавлев, подчеркивая значимость фонетических единиц по физическим параметрам, настаивал на восприятии их силы в зависимости от высоты, мягкости-твердости, участия голоса и шума, а шкалу движения звуковых стимулов подчинял их длительности [8, 23]. Уже в конце XX ст. он авторитетно защищал языковые типы значений, которые начинают формироваться в процессе акустико-артикуляционной организации голосового аппарата. Идея возникновения ассоциаций в связи с транспозицией ощущений на основании физических свойств звуков была важна и для украинских стилистов (В. Левицкий, И. Качуровский). Итак, артикуляционно-акустические свойства — это те потенциально релевантные параметры, которые наравне с фонемами определяют модель коннотации гласных и согласных благодаря маркированию их специфическими ассоциациями, поэтому наблюдение коннотативных типов украинских фонетических единиц все чаще рассматривается в плоскости дифференциальных признаков, которые имеют единую природу и степень абстракции. Это означает, что характер и тип коннотации зависит не от фонем (участие их обязательно для функционирования лингвистических единиц разных языковых уровней), а, по существу, от дифференциаторов, для которых Э. Бенвенист выделил даже отдельный меризматический уровень [2, 131]. В этой связи целесообразно вспомнить О. Томсона, который упорно отбрасывал идею существования для звуков нерелевантных признаков. Логика фонологической теории О. Томсона состояла в том, что все признаки вокальных и консонантных единиц равноценны, поэтому информативны, а звуки должны оставаться носителями функции [19]. Переключаясь с фонологической концепцией Р. Jakobsona, Г. Фанта, М. Халле, согласно которой именно в терминах дифференциальных признаков (первичных элементов языкового варьирования) осуществляется коммутация содержания и звучания [26], эта теория могла бы стать теоретическим основанием для определения причин возникновения коннотативных признаков поэтического дискурса. Логично, что в поэтическом языке коннотативный потенциал приобретают “фоносемантические доминанты” (М. Балаш, Е. Чижова), имеющие специфическую систему дифференциальных и интегральных характеристик в рамках национально обусловленных артикуляционно-акустических стереотипов. Поскольку фонемам как структурным (реляционным) единицам свойственны специфические для

каждого языка дифференциальные признаки, что объясняется особенностями системного характера, воспринимаются они носителями родственных и неродственных языков по-разному, о чем писал В. фон Гумбольдт: “У каждого народа создается необходимое количество членораздельных звуков, отношения между которыми строятся в соответствии с потребностями данной языковой системы” [7, 86]. Важно, что сфера мотивации даже искусственных слов, детерминирована незвуковыми свойствами, тоже зависит от национальной парадигмы языка [6]. Именно поэтому для фоносемантического анализа слависты все чаще привлекают, кроме символической, физическую природу звучания, что связано с психическими и психофизиологическими особенностями национального восприятия, когда исследователь выделяет один или несколько информативных признаков. Некоторые из них он превращает в оперативные единицы восприятия [5, 80]. На зависимости функциональных характеристик звуковых единиц от акустических свойств настаивал, например, И. Меликишвили, считая функционально более сильными в классе смычных глухие фонемы [11, 103–104]. Это наблюдение наводит на мысль о существовании связи между степенью напряженности звуков и их коннотативной нагрузкой, ведь, имея идентичные спектральные характеристики, интенсивность звука вместе с его длительностью определяет степень звучности, а значит,

и распознавания. Поэтому логично, что стилистическая маркированность “приписывается одному из значений признака, но не фонеме и не на основании анализа объективных оппозиционных отношений, а произвольно, в результате «конвенциональных правил интерпретации»” [10, 75]. Такая конвенциональность, если речи идет об ассоциативной значимости звука в связи с анализом фонетической структуры поэтического языка есть исключительно сложной проблемой, ведь даже результаты ассоциативного эксперимента не всегда убедительно мотивируют психологию восприятия артикуляционно-акустических параметров фонетических единиц в контексте моделирования дискурсивных эффектов. Всегда есть риск субъективной интерпретации фонетических понятий в связи с ассоциативными возможностями как звука (фонемы), так и акустических или артикуляционных его признаков. Главное, что независимо от вектора интерпретации, категориальное абстрагирование — это не гипотетический конструкт вне текста, а лишь обобщение высшего порядка, диспозиция поверхностного, наблюдаемого непосредственно и глубинного погружения в язык [21, 70]. Поэтому экспликация дистинктивных признаков фонологических единиц является перспективным аспектом исследования, позволяя определить механизмы научной рецепции феномена интеллектуальной и эмоциональной напряженности поэтического языка.

Список литературы:

1. Белый А. Лирика и эксперимент//Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. – Т. I: [книга статей]. – М.: Искусство, – 1994 (1910).
2. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа//НвЛ. – Вып. 4. – М.: Прогресс, – 1965.
3. Bentley M., Varon E. An accessory study of phonetic symbolism//American Journal of Psychologi. – 1933. – 45.
4. Векшин Г.В. К проблеме суперсегментной организации стиха (Лингвоэстетический аспект)//Вопросы языкознания. – 1989. – № 6.
5. Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова//Вопросы описания лексико-семантической системы языка. – М.: Наука, – 1971.
6. Горелов И. Н. Разговор с компьютером. Психолингвистический аспект проблемы. – М.: Наука, – 1987.
7. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества//В. фон Гумбольдт Избранные труды по языкознанию: [перевод с нем. яз. под ред. и с пред. доктора филол. наук проф. Г. В. Рамишвили]. – М.: Прогресс, – 1984.
8. Журавлев А. П. Звук и смысл/2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, – 1991.
9. Зелинский Ф. Ф. Вильгельм Вундт и психология языка жесты и звуки//Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей: [научно-популярные статьи проф. С.-Петербургского университета Ф. Зелинского]. – Том второй: Древний мир и мы: [Издание третье с приложениями]. – СПб., – 1911.
10. Клычков Г. С. К архитектонике фонологической системы//Вопросы языкознания. – 1983. – № 6.
11. Меликишвили И. Г. К изучению иерархических отношений единиц фонологического уровня//Вопросы языкознания. – 1974. – № 3.
12. Newman S. S. Further experiments in phonetic symbolism//The American Journal of Psychology, Vol. 45, – 1933.

13. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Высш. школа, – 1979.
14. Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники//Вопросы языкознания. – 1963. – № 1.
15. Sapir E. A stadi in fonetik symbolism//J. of experimental psychology. – 1929. – № 3.
16. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи. – К: Вища школа, – 1981.
17. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. – М.: Сов. писатель, – 1965.
18. Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика: [3-е исправленное издание]. – М.-Л.: Гос. изд. худ. лит., – 1927.
19. Thomson A. Die Eigentne der Sprachlaute und ihre praktische Verwendung. – “Indogermanische Forschungen”. Bd. XXIV, – 1909.
20. Fenz E. Laut, Wort, Sprache und ihre Deutung. – Wien F. Deuticke. – 1940.
21. Шевченко Л. І. Лінгвістичні інтерпретації. Постлаканівська перспектива//Мовознавство. – 2006. – № 5.
22. Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. – Л.: Худ. литература, – 1986.
23. Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. – Л: Academia, – 1924.
24. Якобсон Р. О. Звук и значение//Якобсон Р. О. Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр./Сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс, – 1985.
25. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика//Структурализм “за” и “против”: [под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова]. – М.: Прогресс, – 1975.
26. Jakobson R., Fant G. M., Halle M. Preliminaries to speech analysis – The distinctive features and their correlates. – Cambridge (Mass.), – 1952.
27. Якубинский Л. П. О звуках стихотворного языка//Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование [Ответственный редактор А. А. Леонтьев]. – М.: Наука, – 1986.
28. Ярхо Б. И. Границы научного литературоведения//Искусство. – 1927. – № 2. – с. 45–60; 1927. – Т. 3, кн. 1.

*Shegedyn Natalya Nykolaevna,
Lesya Ukrainka Eastern European national university,
lecturer, Institute of Foreign Languages
E-mail: Nata-sche@ukr.net*

Functional and stylistic features of adjectives of color in Latin

Abstract: The article is devoted to the overall functional and stylistic analysis of adjectives of color in Latin. In the course of researching the language means that provide emotional and aesthetic impact were defined.

Keywords: color terms, adjectives of color, functional and stylistic features, an epithet, a metaphor.

*Шегедин Наталия Николаевна
Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки,
преподаватель, институт иностранных языков
E-mail: Nata-sche@ukr.net*

Функционально-стилистические особенности прилагательных цвета в латинском языке

Аннотация: статья посвящена комплексному функционально-стилистическому анализу прилагательных цвета в латинском языке. В ходе исследования определены языковые средства, которые обеспечивают эмоционально-эстетическое воздействие.

Ключевые слова: цветообозначения, прилагательные цвета, функционально-стилистические особенности, эпитет, метафора.

Проблема стилистических особенностей прилагательных цвета — одна из сложных и одновременно интересных в современной лингвистике проблем.

Прилагательные цвета используются как яркое художественно-изобразительное средство, характеризуются эмоциональной насыщенностью и отмечаются

полифункциональностью. Исследованию указанной проблемы в современных языках посвящены многочисленные научные труды. Учитывая системность языка и его отдельных компонентов, интересны стилистические функции именно прилагательного, о семантической самобытности которого говорят Бат [1], Гамман [2], Зоммерфельдт [3] и выделяют его значимость и семантически-стилевое содержание. В новейших исследованиях стилистики цветообозначений учитываются внеязыковая информация о феномене цвета и смысловая перспектива развёртывания цветовых образов. Однако большинство исследований цветообозначений ориентированы на анализ современных языков. В поле зрения нашей работы — стилистические особенности цветообозначений в латинском языке, в частности в поэтических произведениях Горация Овидия и Вергилия. Как известно, античные поэты стремились убедить, взволновать, привлечь внимание читателя. Важную роль в достижении этих целей занимали цветообозначения.

Для данного исследования был использован материал оригинальных памятников [10].

Тема стилистических особенностей имени прилагательного недостаточно изучена и еще не нашла в классической филологии своего всестороннего отражения. Хотя решение вопроса деривационных возможностей и семантики прилагательных цвета привлекло внимание М. Петришин. Автор указывает, что „деривационный потенциал концепту “белый цвет”, учитывая иерархическое строение поля, определяет ядерные и периферийные репрезентанты” [4, 278]. А семантико-стилистические функции деминутивных образований в латинском языке раннего периода имели место в исследования М. Сенива [5, 3]. В своей монографии А. Солопов [6, 5] рассматривает историю латинской стилистики от эпохи Возрождения до начала XXI в., подробным образом исследует принципы латинской стилистики, предлагает периодизацию ее развития и выявляет ее особенности в различных национальных традициях. Анализируя существующие исследования, нельзя сказать, что тема всесторонне раскрыта, и поэтому исследователям в области стилистики древних языков еще нужно решить целый ряд вопросов. Именно поэтому нас заинтересовала проблематика стилистического функционирования прилагательных цвета в определенных общественно-исторических условиях. Нашей задачей является определение стилистических функций названий цветов: описательной, смысловой,

ситуационной, эмоционально-экспрессивной, оценочной, характеристической. Объектом нашего исследования являются прилагательные цвета, которые в поэтической речи участвуют в моделировании не только денотативного, но и коннотативного значения художественного образа. И слово становится представителем красоты и совершенства, источником эстетических ощущений. Анализируя поэтический язык таких античных мастеров слова, как Гораций Овидий и Вергилий, мы заметили, что они обращаются к стилистическим возможностям прилагательных цвета, для достижения эстетического веса поэтического произведения. Более того, благодаря функционально-стилистической характеристике этих лексических единиц поэзия, как правило, приобретает особую экспрессивную окраску. Значительного стилистического эффекта можно достичь при использовании определенных «языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла» [7, 59]. «Языковым единицам, кроме их основного лексическим и грамматического значения, могут быть свойственны дополнительные значения, которые соотносят языковые единицы с определенными условиями или сферами общения» [8, 35]. Функционально-стилистический анализ определил многоплановость смыслового содержания цветовой лексики, ее способность выполнять активную изобразительную и оценочную стилистическую роль, отображать авторское понимание действительности, обогащать поэтические средства языка. Отмечено, что цветовые эпитеты являются ярким словесно-изобразительным средством в воспроизведении картин природы, в создании точных характеристик персонажей, то есть названия цветов выполняют описательную функцию, поскольку обладают способностью делать описание реалий зримым, целостным, ярким. Кроме указания на цвет, цветообозначения способны давать дополнительную информацию о предмете, свидетельствовать об обстоятельствах, условиях, образе жизни персонажей, о некоторых индивидуальных особенностях, чертах героев: «*reliquit ossa pelle amicta lurida* (Hor. Ep. 17, 22) — остались кости обтянутые бледно-жёлтой кожей». Жёлтый цвет кожи информирует о болезненном состоянии человека, а розовый цвет лица — признак здоровья: «*Cum tu, Lydia, Telephicervicem roseam laudas* (Hor. Carm. I 13, 2) — когда ты, Лидия, розовую шею Телефа хвалишь», то есть названия цветов выполняют смысловую роль.

Несомненно, что названия цветов, сочетаясь с конкретными названиями предметов быта, деталей интерьера и т. п., выполняют ситуативную функцию, то есть они имеют свойство характеризовать предмет, когда он используется в определенных ситуациях или указывает на обстоятельства происходящего события. Когда речь идет о реке Стикс в подземном царстве „*vada livida* (Verg. Aen. VI 320) — свинцовые воды” стилистически маркированная лексическая единица *lividus* ‘свинцово-синий’, становится эпитетом, который создаёт экспрессивную образность такому печальному месту, где находятся рядом трагизм и безнадежность. В сочетании с контекстом цветковые эпитеты приобретают эмоционально-экспрессивное звучание, они связаны с общим настроением произведения. Поэт создает необходимый фон изображаемому, что способствует правильному восприятию описываемого, вызывает определённые эмоции у читателя, соответственно цветковые эпитеты выполняют эмоционально-экспрессивную функцию.

Экспрессия — это важнейшая стилистическая категория. В стилистике она занимает центральное положение, поскольку специфика поэтического языка заключается прежде всего в образно-экспрессивных свойствах. Обычно с понятием экспрессии связаны разнообразные и достаточно тонкие оценочно-характеристические оттенки, которые усложняют язык и делают его выразительней. К экспрессии относят своеобразные смысловые оттенки, которые присоединяются к основным значениям слов и выражений, позволяя автору высказывать свое отношение к описываемому. Эмоционально-экспрессивная лексика — это тот пласт словарного состава языка, который связан по значению с человеческими чувствами и, как правило, выражает положительные или отрицательные отношения. Прилагательные являются одними из самых распространенных средств выражения экспрессивности наряду с существительными, глаголами или фразеологическими единицами. При сочетании с конкретными существительными, прилагательные чаще всего становятся логическими определениями. Логические определения выявляют общепризнанные объективные признаки предметов и явлений: «*flos purpureus rosae* (Hor. Carm. III, 15, 15) — пурпурный цветок розы».

В том случае, если логическое определение используется не только в предметно-логическом, но и в эмоциональном смысле, оно становится эпитетом: «*aut mixta rubent ubi lilia multa alba rosa: talis virgo dabat ore colores* (Verg. Aen. XII, 69) — подобно тому, как белые

лилии смешиваются с багрянцем роз, такие же краски были на лице у девушки». Чаще эпитеты бывают выражены прилагательными атрибутивной функции. Использование прилагательных в функции эпитета определяется их содержательными и функциональными характеристиками, а именно предикативностью, присущими им стилистическими значениями и актуализацией эмоционально-оценочных значений в контексте.

В результате функционально-стилистического анализа метафор-цветообозначений определилась многоплановость смыслового содержания цветовой лексики, ее способность выполнять активную изобразительную и оценочную роль, отображать авторское понимание действительности, обогащать информационные возможности языка. Как метафора, цветковая лексика используется в необычной сочетаемости, напр.: «*Prudens futuri temporis exitum caliginosa nocte premit deus* (Hor. Carm. III 29, 30) — хитро бог спрятал будущее, которое близится темной ночью». Стилистическая выразительность цветообозначения достигается путем сравнения с неизвестностью. Названия цветов в поэтическом языке способствуют яркому художественному изображению и, сочетаясь с реалиями, которым, например, не свойственен красный цвет, способны усиливать описываемые события. Метафорический образ ‘пурпурных тиранов’ создает поэт, соединяя прилагательное с существительным *tyrannus*, *i m* ‘тиран’ «*te ... purpurei metuunt tyranni* (Hor. Carm. I 35, 12) — тебя (фортуны) ... пурпурные тираны боятся». В поэтическом языке красный имеет широкую лексическую сочетаемость и является с одной стороны цветом счастья, радости, а с другой — цветом крови, страданий и смерти.

Цветовые образы, связанные с восприятием зеленого цвета, в большинстве созданы на основе зрительного восприятия действительности. В народной символике цветов зеленый употребляется как цвет надежды, цвет молодой травы, весеннего обновления, поэтому и в художественной речи он становится цветом всего молодого и полного надежд: «*viridi Mnestheus evinctus oliva* (Verg. Aen. V 494) — Мнесфей, увенчанный зеленой оливкой». Например, прилагательное *viridis* в сочетании с существительным *iuventa*, *ae f* ‘молодежь’ имеет производное предметно-логическое значение ‘неопытный’ и, связанное с ним, эмоциональное значение: «*Nec stabiles animos annis viridemque iuventam ut capias, idem limes agendus erit* (Ov. Ars amat. III 557) — не пригоже в один и тот же способ ловить степенных и зеленых юношей».

Психологическое восприятие желтого цвета двуплановое. Наиболее типичными эталонами желтого цвета

в латинском языке считаются: солнце, воск, золото. Например, «*flumina iam lactis, iam flumina nectaris ibant, flavaque de viridi stillabant ilice mella*» (Ov. Met. I 112) — то реки текли молоком, то нектаром, и из зеленого дуба струился каплями жёлтый мёд; «*Cur timet flavum Tiberim tangere?*» (Hor. C. I 8, 8) — почему он (Сибарис) боится жёлтого Тибра? Как отмечает И. Гете, «жёлтый очень чувствителен и производит неприятное впечатление, если он загрязнён или до известной степени сдвинут в сторону холодных тонов» [9, 324].

Исследован процесс обогащения, обновления лексико-семантической структуры общезыковой или традиционной метафоры на примере лексемы *aureus*, которая в поэтическом языке иногда лишь указывает на конкретный цвет реалий, чаще ее семантика наполнена психологическим смыслом: «*sensit, ut ipsa suis aderat Venus aurea festis*» (Ov. Met. X 277) — почувствовал, что золотая Венера побывала на празднике.

«Золотой век» — выражение впервые использовано древнегреческим поэтом Гесиодом (IX в. до н. э.) В поэме «Труды и дни». В переносном смысле — счастливая пора, эпоха расцвета — «золотой век» нашёл своё отображение в «Метаморфозах» Овидия: «*aurea prima sata est aetas, quae vindice nullo sponte sua, sine lege fidem rectumque colebat*» (Ov. Met. I 89) — век золотой был впервые посеян, он без всякого принуждения, по собственной воле, без законов уважал верность и правду».

В поэтическом языке стилистически активными и весомыми, кроме цветов спектра, являются ахроматические названия цветов. Положительная эмоциональная оценочность метафор, построенных на восприятии белого цвета, мотивируется традиционностью общезыковой содержательной и эмоциональной наполненности прилагательного *albus*. В художественном языке *albus* чаще всего имеет значение 'чистый, радостный, приятный, торжественный'. Лексема *albus* используется как эпитет природных реалий: *flos, floris* 'цветок' (Ov. Met. XIV, 291), *folium, i n* 'лепесток', *rotum, i n* 'плод', *lilium, i n* 'лилия' (Ov. Fast. IV, 442).

При анализе употребительности *niger* можно отметить стилистическую двуплановость: прилагательное, то приобретает выразительное символическое звучание, и является олицетворением горя, страданий, то свидетельствует о положительных эстетических портретных

характеристиках. Сравните: «*hostium uxores puerique caecos sentiant motus orientis Austri et aequoris nigri fremitum et trementes verbere ripas*» (Hor. Carm. III 27, 23) — пусть женщины и дети врагов почувствуют порывы Австра и грохот черных вод, и берега, вздрагивающие от ударов»; «*Seu pendent nivea pulli cervice capilli, Leda fuit nigra conspicienda coma*» (Ov. Amor. II 4, 42) — ниспадают по белоснежной шее темные волосы, привлекала внимание Леда черными волосами. Семантика прилагательного 'черный' в его переносном значении 'тот, кто приносит беду, горе' раскрывается в индивидуально-авторских метафорах, которые способствуют эмоциональному напряжению, яркому изображению психологически острых моментов в произведении: «*quam paene furvae regna Proserpinae et iudicantem vidimus Aeacum*» (Hor. Carm. II 13, 21) — как только мы увидели царство мрачной Прозерпины, и Эака, творящий суд.

Таким образом, проанализировав стилистические особенности функционирования цветowych эпитетов, мы определили, что основная стилистическая функция прилагательных цвета заключается в создании ярких художественных образов. В поэтическом языке цвет становится признаком индивидуального стиля писателя. Каждый автор предпочитает определённые цвета, которые отражают его мировоззрение и эстетические позиции, его психологию, символизируют определенной степени соответствующую эпоху, ментальность. Прилагательные цвета придают поэтическому языку художественную выразительность, экспрессию и стилистическую яркость. Цветообозначения содержат ряд компонентов оценочно-психологического плана. Их наличие обусловлено способностью лексем вызывать определенные психофизические ассоциации, влиять на эмоциональную сферу человека. Мастерство в создании художественных образов в значительной степени зависит от внутренней потенции слова, его дистрибуции и валентности. Но переводчикам нужно быть особенно осторожными в выборе методов передачи реалий в соответствии с функционально-стилистической спецификой текста. По нашему мнению, проблема стилистики имён прилагательных в текстах ожидает своего дальнейшего изучения. Стилистический анализ цветообозначений в поэтическом наследии Горация, Овидия и Вергилия открывает простор для дальнейшего изучения этого вопроса в классической филологии.

Список литературы:

1. Bhat D. N. S. The adjectival category. Criteria for differentiation identification. – Amsterdam, – 1994.
2. Hamman C. Adjektives//In Semantik. HSK 6, – 1991.
3. Sommerfeldt K. E. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. – Leipzig: 2. überarb. Aufl, – 1997.

4. Петришин М. Дерииваційний потенціал концепту “білий колір” в латинській мові/Наукові записки. Серія “Філологічна”. – Вип. 35. – Івано-Франківськ, – 2013.
5. Сенив М. Г. Семантико-стилистические функции деминутивных образований в латинском языке раннего периода: автореф. дисс. на соиск. науч. степ. канд. филол. наук. – К., – 1972.
6. Солопов А. И. Начала латинской стилистики. – М., Издательство «Индрик», – 2008.
7. Задорнова В. Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования. Дисс... докт. филол. наук. – М., – 1992.
8. Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика/А. И. Горшков. – М.: АСТ: Астрель, – 2006.
9. Гете И. К учению о цвете (хроматика)//Психология цвета. – М., К., – 1996.
10. Электронный ресурс. [Сервер]– <http://www.perseus.tufts.edu/>

*Schirjaeva Oksana Witalijewna,
Kandidat der Philologischen Wissenschaften,
Habilitation am Lehrstuhl für die Gesamte Sprachwissenschaft,
Adygische Staatsuniversität
E-mail: shirajeva@gmail.com*

Der Diskurs der russischen Business Presse: medienlinguistischer Aspekt

Abstrakt: Im Artikel wird der medienlinguistische Aspekt des Diskurses der russischen Business Presse analysiert. Die Analyse ist im Rahmen des aktuellen anthropologischen Paradigmas der Sprachwissenschaft verwirklicht. Es zeigen sich solche Besonderheiten des Diskurses der Business Presse, wie die ideologischen und kommunikativen Intentionen, die genrehafte Differenzierung, das thematische Repertoire. Die besondere Aufmerksamkeit wird den theoretischen Aspekten des Gegenstandes, insbesondere Semantik und den Pragmatik zugeteilt.

Keywords: Massenmedien, Mediendiskurs, Diskurs der Business Presse, Medienlinguistik, die analytische Genres der Massmedien.

Die Spezifik der Generierung, des Funktionieren und der Rezeption der Texten in den Massenmedien ist das wichtigste Thema der Sprachwissenschaft seit 1970, z. B. in der fundamentalen Forschungen auf dem Gebiet der sozio- und Psycholinguistik, der funktionalen Stilistik und der Semiotik. Bei der ganzen Verschiedenheiten der Methoden, schon war auf dem Anfangsstadium der Adaptation linguistischer Aspekten in der Sprachanalyse der Massenmedien die pragmatische Orientierung — das Begreifen der engen Verbindung der Stilistik, der Syntax, der Lexik der Presse, den Rundfunk, des Fernsehens mit der synchronen extralinguistischen Situation — offensichtlich. 1990–2000, im Periode «der Medienexplosion», davon «vom chaotischen Zustand, der Grenzlosigkeit und dem Überschuss» [11, 7], entwickelt sich die Medienlinguistik als das gegenständliche Gebiet.

Die Medienlinguistik (und ihre Zweige, z. B. Medienstilistik, Medienrhetorik) manifestierte prinzipiell von Anfang an die Interdisziplinarität. Es hat ihr zugelassen, die Offenheit in Bezug auf die Entwicklungen und die Methoden, die mit dem Studium der

Gegenwartssprache der Psycholinguistik so eng verbunden sind, der Soziolinguistik, Pragmalinguistik, die Politikwissenschaft, der Theorie des Diskurses, der Kommunikationstheorien, der Philosophie der Sprache, der Semiotik aufzusparen.

In den Forschungen A. N. Leontjews [15], D. E. Rosenthals [20], G. J. Solganiks [23], W. G. Kostomarovs [14], T. G. Dobrosklonskajas [5–6], G. W. Kolschanskis [13], J. A. Koschemjakins [12], G. G. Potschepzows [19], S. I. Smetaninas [21] u. a. die sprachliche Tätigkeit in den Massenmedien als das vielschichtige Phänomen, das in die Kultur integriert ist, und gleichzeitig unterworfen dem Einfluss der nationalen und weltweiten öffentlichen Prozesse gedeutet. Je nach der Absonderung dieses oder jenes Aspektes der Medientexte und des Mediendiskurses werden auch die modernen Methoden des Studiums des Gegenstandes insgesamt unterschieden. Die Differenzierung der Aspekten des Mediendiskurses hat die Ausgliederung der Abarten des Massen-Mediendiskurses vom Gesichtspunkt seiner typologischen, genrehaften, stylistischen, kommunikativen Genesis in 2000 bedingt.

Eine der wichtigsten Tendenzen wurde die Abgrenzung der Objekte der Forschung — des Medientextes und des Mediendiskurses.

Der Medientext wird in den modernen Forschungen als das complete, vollzogene Produkt der Sprachtätigkeit einschliesslich bezeichnende medien-typologischen, genrehaften, Styl- und Verfasser-Merkmale betrachtet. Mediendiskurs wird als die Gesamtheit der derartigen Medientexte mit bestimmten medientechnologischen, Format-, genrehaften und anderen individualisierenden Besonderheiten gedeutet, die in einen ganz bestimmten soziokulturellen Kontext funktionieren und sind in den interaktiven kommunikativen Prozess einbezogen.

«Mediatisation» ist eine der einflussreichen kognitiven und kommunikativen Strategien der Aneignung der Welt von der modernen sprachlichen Persönlichkeit [11]. Sie bildet die moderne Kultur als «die Medienkultur» — das total von den technologischen, massen-informativen Mitteln vermittelt Weltbild [11, 23]. In der vorliegenden Situation gewinnt die Analyse der Realisierung der Mitteln der neuen Medienidentität nicht nur sprachwissenschaftliche, sondern auch geisteswissenschaftliche Bedeutsamkeit und Aktualität. Eine erschwerende Bedingung der Mediatisation auch ist eine solche moderne Erscheinung, die von den öffentlichen und wissenschaftlichen-technologischen Veränderungen herbeigerufen ist und als «Virtualisation» bezeichnet wird. Das ist «die Ersetzung der realen Sachen und der Taten in den Bilder-Simulationen» [9, 3]. «Der globale Kapitalismus funktioniert wie das Bild, dem es апроприировать für die herrischen Ziele fast alle alternativen in die vorhergehenden Jahrzehnte geschaffenen Ideen appropriieren gelang. Man kann sogar sagen, dass das neue Stadium des Kapitalismus — der bildliche Kapitalismus getreten ist, und diese Weise wächst aus den radikalen Alternativen, die von der künstlerischen Kraft angeboten werden, diese Kraft überholend. In dieser Situation ist die bestimmende Kraft der Alternative nicht das Subjekt, aber die Beziehung, die Strategie und die Erscheinung der Dramaturgie des Subjektes» [1, 38]. Das Pragmatik des Textes in solchen Bedingungen wird durch die neuen Merkmale, z. B. Visualisierung, Computerisierung, Hypertextnavigation u. a. m. charakterisiert.

Medienlinguistische Untersuchung der Presse ist von gegenwärtigen Diskurs-Theorien determiniert, einschliesslich soziologische, philosophische und sprachphilosophische Aspekten. «In der Linguistik existieren zwei Diskurs-Begriffe relativ unabhängig nebeneinander, die sich jeweils auf unterschiedliche Forschungstraditionen berufen und für unterschiedliche

Forschungsrichtungen stehen. Der Diskurs-Begriff der Gesprächsanalyse steht in der anglo-amerikanischen Tradition und bezieht sich auf face-to-face-Gespräche zwischen Personen, ist also primär auf einer interpersonalen Ebene angesiedelt, auch wenn etwa die Kritische Diskursanalyse darüber hinaus zielt. Analysen zur Begriffsgeschichte und zur Sprache in der Politik berufen sich hingegen auf den aus der französischen poststrukturalistischen Forschung tradierten Diskurs-Begriff, der auf Foucault zurückgeht und intertextuelle Beziehungen auf einer gesellschaftlichen Ebene» fokussiert. Beide Diskurs-Begriffe wurden in der Linguistik bisher kaum aufeinander bezogen. Dies ist im theoretischen Kontext des Handlungsbegriffs jedoch möglich und für künftige Forschungen auch wünschenswert, denn beide Diskursbegriffe beziehen sich auf Interaktionshandlungen: im Rahmen der Gesprächsanalyse Interaktion auf der interpersonalen, im Rahmen der Foucault verpflichteten Diskursanalyse Interaktion auf gesellschaftlicher Ebene» [24, 2].

Obwohl das Phänomen der russischen und ausländischen Business Presse im Rahmen der Theorie und der Geschichte der Journalistik genug studiert ist (z. B. bei D. A. Mursin [16], L. B. Golikowa [4], A. W. Eremenko [7], B. I. Jessin [8], J. G. Oserowa [17], I. S. Smirnowa [22], K. E. Winogradowa [3]), die sprachwissenschaftliche Analyse und die Klassifikation seiner Styl- und diskursiven Merkmale wird nur die letzten 10–15 Jahre verwirklicht.

Der Diskurs der Business Presse vereint zwei kommunikative-diskursive Strategien: die Strategie des wissenschaftlichen Diskurses als des objektiven Präparierens der Erscheinungen und die publizistische Strategie als subjektive Konnotation. Synthese diesen beiden Strategien und ihre Konvergenz verwirklicht sich implizit oder durch die kommunikativ «starken» Stellen des Textes (Rahmenkomponente), durch die modalen Wörter, die stilistischen Figuren (Metapher, Methonymie, Ironie, Wiederholung, Hyperbola u. a.).

Der medienlinguistische Aspekt der Untersuchung der Business Presse lässt verbale und nonverbale (graphisch-visual, strukturell) Mitteln der Repräsentation der Mediendiskurssemantik zu offenbaren, wesentliche pragmatische Bedingungen ihrer Realisierung im Diskurs der Business Presse zu erkennen und fixieren. Die Hauptrolle im Diskurs der Business Presse spielt der informativ-analytische Mediendiskurs. Wir bezeichnen es als den öffentlichen sozialen Diskurs, der die kommunikative Intention der Diagnostik, Analyse und Prognostizierung der öffentlichen Erscheinungen

hat, die in ihrer ideologisch determiniert Einschätzung realisiert und gegenständlich (ökonomisch, politisch, kulturwissenschaftlich) spezialisiert wird, dabei ist die Subjektivität der sprachlichen Persönlichkeit des Autors stark reduziert. Man kann von «sogenanntem ohne-Subjekt-Diskursen» (N. F. Alefirenko [2, 5]) sprechen, d. h. von interdiskursiver anonymer «Autorschaft», die sich in den Massenmedien durch solche sprachliche stereotypische Formen wie Format, Genre, korporative Kommunikationsstil, Ideologie ausdrückt.

Die pragmatische Aufgabe des informativ-analytischen Mediendiskurses besteht in der Gestaltung eines Modells der analysierten und interpretierten sozialen, wirtschafts-, politischen oder kulturellen Erscheinung. Die Modellierung verwirklicht sich auf der Ebene der Sprache und des Bewusstseins in ihrer untrennbaren Verbindung und prägt sich tatsächlich in der besonderen Konstruktion Medientextes dieser Art aus. Pragmatik und Semantik des informativ-analytischen Mediendiskurses stützt sich auf der Konvergenz mit dem professionellen und wissenschaftlichen Diskurs. Die Annäherung mit dem professionellen und wissenschaftlichen Diskurs verwirklicht sich in den analytischen Artikeln, die der Finanzen, dem Business, der Märkte gewidmet sind. Je nach der Entfernung der Hauptthematik vom Zentrum zur Peripherie nimmt die Stufe der Spezialisierung des Diskurses ab. Es gehört zu Themen Politik, Gesellschaft, Kultur. Das thematische Repertoire des informativ-analytischen Mediendiskurses der Business Presse ist von Makrothemen und Mikrothemen wie ihre Detaillierung und Differenzierung nach der Reihe der semantischen Kriterien vorgestellt. Das sind geopolitische, historische, ökonomische, ideologische Kriterien.

Die Business Presse wurde zum neuen Phänomen in der russischen Journalistik der 1990–2000, wenn sie in den aktiven Prozess der Bildung der neuen öffentlichen Erscheinungen eingereicht: Legitimation des Privateigentums, Beseitigung der totalen Staatskontrolle über der Wirtschaft, Bildung der Marktideologie. Diese russische sprachlich-kulturelle Situation wird mit der Gestaltung «des geschäftlichen Weltbildes» charakterisiert. Die kognitiven Schlüsselanlagen «des geschäftlichen Weltbildes» sind im Ganzen der Pragmatismus, die Anlage auf das Erhalten des Vorteils, die rationale Wahrnehmung der Zeit, das Optimismus, die Expansion, die Verwaltung der Selbstentwicklung, die Konstruktivität, die Kontaktfreudigkeit. Das geschäftliche Weltbild ist von grundlegenden Konzepten, repräsentiert. Zu ihnen gehören beispielsweise «Geld», «Business», «Projekt», «Erfolg».

Das thematische Repertoire der Business Presse ist mit Hilfe des Mechanismus der Identifizierung der Mentalität, der Werte, des Verhaltens- sowohl kommunikativen Stils der Adressant als auch des Adressaten determiniert. Sein Adressat ist «linguistisch-kulturelles Typus» [10] «Geschäftsmann» (oder «Businessman»). Der Begriff «Geschäftsmann» wird in den Texten der Business Presse verschiedenartig dargestellt. «Die Gruppe „der Geschäftsleute“, die sich mit der Wirtschaftstätigkeit beschäftigen, zersplittert nach den Charakteristiken auf eine Menge der Typen. Das Entstehen des Begriffes „der Geschäftsmann“ (wer in der Geschäftsumgebung arbeitet und an einem bestimmten Stil des Verhaltens festhält), sowie die Entwicklung der Business Presse, der geschäftlichen Lebensweise haben nicht nur auf die Veränderung des sozialen Status der russischen Geschäftsleute, sondern auch auf ihre Weltanschauung, das Denken und die Sprache beeinflusst. In der Forschung der Begriff ist „der Geschäftsmann“ synonymisch den Begriffen „der Unternehmer“, „der Geschäftsmann“, „den Leiter“, „den Top-Manager“ u. a., da die aufgezählten Bezeichnungen der Vertreter der professionellen geschäftlichen Gesellschaft nach dem Sinn in der Business Presse abgegrenzt werden nicht» [18, 7].

Im Russischen wurden die Sachlichkeit, die Geschäftstüchtigkeit, der Griff nicht immer mit den positiven Konnotationen verliehen. So hat in Vorrevolutionsrussland die Literatur eher die kritische Beziehung zum linguistisch-kulturellen Typus «Geschäftsmann» geprägt (siehe z. B. Werke I. A. Gontscharows, A. N. Ostrowskijs, F. M. Dostojewskijs, A. P. Tschechows). Die negativen Konnotationen begleiteten den vorliegenden Typus auch in der sowjetischen Epoche. Nur werden in Nachperestroikarussland die positiven Konnotationen aktualisiert. Das thematische Repertoire des geschäftlichen Weltbildes wird aktiv ausgedehnt, entwickelt sich und wird detailliert.

Der Begriff des Makrothemas wird von uns für die Bezeichnung des vorherrschenden gegenständlichen Gebietes der Business Presse eingeführt: sie bildet der thematische Block, der die Konzepte «Business», «Kapital», «Geld», «Finanzen», «Markt», «Unternehmertum», «Projekt», «Innovation», «Modernisierung» repräsentiert. In jedem der Massenmedien wechselt Semantik der Schlüsselthemen ab, die Anhänglichkeit allgemein — «geschäftlich» — dem Weltbild aufsparend.

So hat die russische Zeitung «Wedomosti» (Liste) die Rubrizierung, die bedeutsamen Themen repräsentiert: «Meinungen», «Macht», «Korporationen», «Finanzen», «Technologie», «Auto», «Stil des Lebens».

Das analytische Tendenz nicht nur in der Struktur des Diskurses realisiert, sondern auch vom Vorhandensein der Rubrik «Meinung» demonstriert, die Kommentare, subjektive Einschätzung einschliesst. Das Makrothema «Macht» repräsentiert das Modell der Vertikale der Gesellschaft, die Verbindung des Business und Staatsverwaltung. Dabei jedes Thema hat die geopolitische Detaillierung (USA, die Eurozone, europäische Länder, Russland, die russischen Regionen).

Das Makrothema «Korporationen» hat den am meisten spezialisierten Adressat. Die Analytik der Lage der Korporationen auf weltweit und den russischen Markt sieht den allgemeinen Hintergrund des vorläufigen Wissens beim Leser, sowie das spezialisierte Interesse für das vorliegende Thema vor. So teilt der Artikel über die Versetzungen im Top-Management in grosser russischer Retail-Korporation solche Einzelheiten mit, die das Interesse bilden und vermuten die Informiertheit der ziemlich begrenzter Kategorie der Adressaten. Das sind solche Businessmen, der, wie die handelnden Personen des Artikels, Business auf dem genauso hohen Niveau der Kapitalisierung verwirklichen.

Die kommunikative Strategie der Zeitung «Kommersant» charakterisiert sich vom bemerkbar ironischen Modalität und Provokativität (auf dem Hintergrund anderer geschäftlicher Massenmedien), ist das

thematische Repertoire auf die ähnliche kommunikative Gruppe ausgerichtet. Die Rubriken lässt sich nach den Kategorien «Politik», «Wirtschaft», «Business», «In der Welt», «Vorfall», «Gesellschaft», «Kultur», «Sport», «Fachthemen» (Autos, Telekommunikation) zu typologisieren. Es ist offenbar, dass das thematische Repertoire dieser Massenmedien etwas vielseitiger als in den «Wedomosti» ist, außerdem er ist bis ins Einzelne differenziert. Anscheinend, die Reihe davon wird aus streng geschäftlicher Semantik ausgeschlagen: «In der Welt», «Vorfall», «Gesellschaft», «Kultur», «Sport».

Die Mikrothemen, die in den Texten interpretiert werden, entsprechen den begrifflichen Anlagen der geschäftlichen Mentalität: die sozialen Fragen werden vom Gesichtspunkt des Funktionierens der Wirtschaft, des Business, politische Themen als der Bedingungen der erfolgreichen Arbeit der Geschäftsstrukturen, kulturellen Raum als experimentaler Platz der Realisierung der geschäftlichen Projekte und der Stimulierung des geschäftlichen bürgerlichen Bewusstseins, der Erziehung des geschäftlichen Weltbildes untersucht.

So einschliesst der medielinguistische Aspekt der Analyse des Diskurses der russischen Business Presse die Untersuchung der Semantik und Pragmatik, die in den konkreten sozialen-sprachlichen Verhältnissen betrachtet werden.

Referenz:

1. Азизов З. Конец иллюзии: к драматургии субъекта // Художественный журнал. – 2008. № 67/68: [URL: <http://xz.gif.ru/numbers/67-68/koniec-illuzii/>].
2. Алефиренко Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах / Под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 3. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, – 2005. – с. 5–12
3. Виноградова К. Е. Социальная ответственность деловых СМИ: опыт взаимодействия с властью и бизнесом в условиях экономического кризиса: автореф. ... канд. полит. наук. – СПб., – 2010.
4. Голикова Л. Б. Система деловых журналов в России: особенности становления, функционирования, развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., – 2009.
5. Добросклонская Т. Г. Системный подход к изучению языка СМИ. – М., – 2008.
6. Добросклонская Т. Г. Теория и методы медиалингвистики: дис. ... докт. филол. наук. – М., – 2000.
7. Еременко А. В. Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий: автореф. ... канд. дис. – Ростов н/Д., – 2006.
8. Есин Б. И. История деловой прессы России 1702–1917: Материалы к спецкурсу. – М., – 2005.
9. Иванов Д. И. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское востоковедение, – 2000.
10. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, – 2009.
11. Кириллова Н. Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, – 2006.
12. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010 – № 2 (73). – Вып. 11. – с. 13–21.
13. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, – 1984.
14. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, – 2005.

15. Леонтьев А. Н. Психолингвистические особенности языка СМИ (2008) // МГУ – Филологический факультет – Библиотека: Теория языка: [URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml].
16. Мурзин Д. А. Корпоративная пресса: современные типологические концепции: дис. ... канд. филол. наук. – М., – 2007.
17. Озерова Е. Г. Деловая пресса и истеблишмент США: стратегии взаимодействия и контроля: автореф. дис. ... канд. политических наук. – СПб., – 2008.
18. Погодаева Е. А. Репрезентация когнитивного стиля современного делового человека в текстах деловой прессы: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, – 2009.
19. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М.: Изд-во «Рефл-бук», – 2001.
20. Розенталь Д. Э. Стилистика газетных жанров. – М.: МГУ, – 1982.
21. Сметанина С. И. Медiateкст в системе культуры: динамические процессы в язык и стиле журналистики: дис. ... докт. филол. наук. – СПб., – 2002.
22. Смирнова И. С. Становление и развитие финансово-экономической прессы Великобритании: на примере «Financial times»: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., – 1999.
23. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – с. 7–15.
24. Fraas C., Klemm M. (Hg.) Mediendiskurse. Bestandsaufnahme und Perspektiven. Frankfurt – Berlin – Bern – New York – Paris – Wien: Peter Lang, – 2005.

Section 5. Pedagogy

Секция 5. Педагогика

*Balagazova Svetlana Tuleutaevna,
candidate of pedagogics, senior teacher,
Kazakh State Pedagogical University after Abay*

*Usenova Aida Kazhmukhanovna,
candidate of pedagogics, associate professor,
Zhetisu State University after I. Zhansugurova,
Kazakhstan, Almaty
E-mail: bntb@mail.ru*

The role of art in formation of creative personality

Abstract: An interaction with art takes a special place in the life of aesthetically developed personality. The impression from art can sufficiently fill and enrich the life, and help to understand that through its sensuality we can reach a significant potential wealth. The feelings represent a variety of different qualities and shades, emotion is a unanimity of the emotional and intellectual, associated with spiritual needs of people, with diverse forms of its activity. Aesthetic senses as part of a creative personality let learn the specific value of the works of art feeling their artistic merits.

Keywords: personality-oriented education, the trajectory of the creative person's development.

*Балагазова Светлана Тулеутаевна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Казахский государственный педагогический университет имени Абая*

*Усенова Аида Кажмухановна
кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор,
Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова,
Казахстан, Алматы
E-mail: bntb@mail.ru*

Роль искусства в формировании творческой личности

Аннотация: Особое место в жизни эстетически развитой личности занимает общение с искусством, как полно могут художественные впечатления заполнить и обогатить его жизнь, понять, какое значимое потенциальное богатство для духовной жизни личности заключено в её чувственности. Чувства представляют многообразие различных качеств и оттенков, эмоциональность представляет собой специфическую сторону познавательных процессов, а эмоции представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, связанные с духовными потребностями человека, с многообразными формами его деятельности. Эстетические чувства как составляющие творческой личности позволяют, чувствуя художественные достоинства произведений искусства, познавать их специфическое значение.

Ключевые слова: личностно-ориентированное образование, траектория развития творческой личности.

Искусство непосредственно влияет на становление внутреннего мира личности, поэтому необходимо учитывать ее воздействие на формирование ценностных ориентиров, особенно в современном обществе.

Выделяя нравственно-эстетическое начало духовной культуры личности, следует отметить и в нем главенствующую составляющую. А именно, речь идет о взаимосвязи нравственного и эстетического —

об искусстве, которое, раскрывая внутренний мир художника, ведет зрителя через творение к пониманию прекрасного как блага. И именно в искусстве осуществляется синтез нравственного и эстетического. Различные виды искусства по-разному влияют на становление внутреннего мира личности, и необходимо правильно понимать значение их воздействия.

Статья посвящена выявлению роли искусства в духовном развитии творческой личности. Особое внимание мы уделяли выстраиванию структуры творческой личности, умственному развитию, формированию творческого мышления студентов. На наш взгляд, наиболее соответствует современным требованиям подготовка творческого специалиста в системе личностно-ориентированного образования. При такой системе образования личность студента находится в центре внимания педагога, а деятельность учения — познавательная деятельность — является ведущей.

Утверждение современной психолого-педагогической наукой деятельности как основы понимания развития личности, в которой совершается психическое, духовное, физическое преобразование позволяет сделать вывод, что, поставив цель — развитие личности, её эстетической культуры средствами искусства, следует обеспечить это развитие в вузе всеми видами необходимой художественно-эстетической деятельности: теоретическим изучением искусства, познанием его истории и теории, овладением практическими навыками организации коммуникации: художественного восприятия и переживания произведений искусства, практическими умениями использовать мощный образовательный и эстетический развивающий потенциал искусства, практическими умениями художественно-творческой деятельности, исследовательскими умениями.

Развитие творческой личности охватывает следующие аспекты: духовно-нравственный, личностно-деятельностный, профессиональный, функционирующие в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Обращённость творческой личности к высшим человеческим ценностям, искусство, возвышающее человека, создают возможности и основание для развития его духовной сущности. Через чувствование и понимание красоты и убедительности, через переживания формируются лучшие человеческие духовно-нравственные чувства и понимания окружающего мира.

Развитие творческой личности средствами искусства следует рассматривать как развитие личностного

содержания и всей целостной структуры личности, которая формируется в её художественно-эстетической деятельности. Творческая личность — это реальная необходимость современного образовательного процесса, одна из важнейших её профессиональных качеств является креативность, без которой вообще сложно человеку чувствовать себя профессионалом в современных условиях.

Сохранение культурной преемственности поколений, изучение и сохранение культурного наследия, способствуют развитию творческой личности, художественно-эстетической компетентности, эмоциональной отзывчивости, превращения богатства мировой художественной культуры во внутренне богатство личности.

При проектировании образовательного процесса мы исходим из признания двух равноправных источников: обучения и учения. Последнее не есть производное от первого, а является самостоятельным, личностно значимым, действенным источником развития личности. В основе личностно-ориентированного образования лежит признание индивидуальности, самобытности, самооценности каждого человека, наделенного неповторимым субъектным опытом. Система личностно-ориентированного образования отражает гуманистическое направление в философии, психологии и педагогике.

Гуманистическая психология и педагогика связывают свои исследования с личностью, её индивидуальностью. Существуют творческие профессии, где от человека требуется, как необходимое качество быть творческой личностью, к ним относятся музыканты, актеры, режиссеры и т. д., им не достаточно быть хорошими специалистами, необходимо быть творцом, а не ремесленником, даже очень квалифицированным. Творческая личность не может жить без творчества, видя в нем главную цель и основной смысл своей жизни. Творческими личностями не рождаются, а становятся. Креативная способность, которая во многом носит врожденный характер, выступает как ядро творческой личности, но последняя — продукт социального, культурного развития, влияния социальной среды и творческого климата. Творческая личность характеризуется не просто высоким уровнем креативной способности, но и особой жизненной позицией человека, его отношением к миру, к смыслу осуществляемой деятельности. Особое значение, имеет духовное богатство внутреннего мира личности, её постоянная направленность на творческое действие во внешнем мире. Проблема творческой

личности — это не только проблема психологическая, но и проблема гуманитарная и социокультурная.

В динамической структуре творческой личности присутствуют общие закономерности, специфика нелинейного развития. К общим закономерностям относятся основные структурные составляющие творческой культуры: эстетический вкус, чувства, знания, суждения, понятия, идеалы. К синергетическому, нелинейному — непредсказуемость, неустойчивость, многовариативность [1]. Они характеризуют степень развития названных линейных составляющих, а также глубинные внутренние процессы, происходящие в личности под влиянием восприятия образцов искусства.

В процессе развития творческой личности, происходит осуществление не только спроектированных, запланированных траекторий развития, но и процесс самоорганизации личности, свободное развитие в этом процессе творческой культуры с позиции синергетической образовательной парадигмы, создающей возможности «глубже и тоньше» раскрыть закономерности развития современного динамического состояния эстетического сознания и художественной культуры [2, 8].

Исследование развития творческой личности как синергетического процесса, раскрывает суть культурного самоопределения личности в соответствии с происходящими социокультурными и планетарными изменениями человеческого существования, суть понимания самооценности человеческой жизни, её индивидуальности и неповторимости. Научно-практические подходы позволяют определить творческую личность как интегральное личностное образование, включающее в себя духовно-ценностные культурные ориентации, эстетическую субъектную позицию, диалоговый способ коммуникации — межсубъектный диалог, чувственное восприятие через переживание, образное мышление, находящие своё выражение в творческих характеристиках, которыми обладает субъект: эстетическим вкусом, чувствами, знаниями, суждениями, эстетическим идеалом.

Предназначением искусства, её основной функцией является формирование личности, духовное,

нравственное её обогащение, развитие чувств и интеллекта. Искусство — это не просто окружающая человека материальная и духовная среда, в которой он формируется и развивается, она — часть самого человека, важнейшая составляющая его личности. Именно в искусстве соединяется внутренний мир человека, взгляд внутрь себя и внешние условия жизни, его способность осваивать окружающее пространство.

Понятие личность связано с изменением места отдельного человека в обществе, с обогащением его духовного мира, усложнением социальных функций в меняющемся мире. Каждая наука рассматривает личность в различных аспектах и условиях индивидуальной целостности, автономии и активности. Психолого-педагогические науки содержат представления о личности связанные с определённой степенью индивидуальной автономии, сознанием, самосознанием, единством и целостностью духовной жизни, социальной активностью, приобщённостью к искусству, индивидуальной неповторимостью. В культурно-художественных исследованиях облик личности вырисовывается как феномен творца, носителя и потребителя материальных и духовных ценностей, значимыми чертами личности оказываются творческие черты, определяющие своеобразие индивидуального участия в культурной жизни. В современных психолого-педагогических исследованиях исходной характеристикой понимания личности выступает её многомерность, что позволяет рассматривать её с позиций истории подходов к развитию научного понимания феномена «личность».

Отсюда следует, что рассматривать данный феномен всесторонне можно только с позиций междисциплинарного научного подхода, обеспечивающего изучение проблемы личности во взаимосвязи философского понимания, социально-гуманитарных и естественных наук. В контексте научных подходов развитие, возвращение творческой личности есть высший смысл и предназначение искусства, поскольку лишь личность способна жить в искусстве, ориентироваться в ней, совершать выбор.

Список литературы:

1. Каган М. С. Человеческая деятельность. – М., – 1974.
2. Каган М. С. Формирование личности как синергетический процесс // Обсерватория культуры. – М. – 2005. – № 3. – с. 4–10.

*Barkanov Artem Borisovich,
Berdyansk College of Tavriya State Agrotechnology University,
master, physics teacher
E-mail: arbarkanov@yandex.ru*

Professionally oriented laboratory works in physics in Agrotechnological Colleges

Abstract: The article deals with the problem of professionally oriented laboratory works in physics in Agrotechnological Colleges. We provide guidance for laboratory works on studies of the dependence of water preservation in different types of soil.

Keywords: agronomy, physics.

The economic development of the country, including Ukraine, in most cases depends on the quality of practical training of the younger generation. One of the main demands of society that treats graduates of educational institution of I–II levels of accreditation is the availability of future professionals, the knowledge and practical skills needed to implement them in the labor activity [4].

The public document “National Strategy for the Development of Education in Ukraine for 2012–2021” provides that the current job market requires that graduates have not only deep theoretical knowledge, but also the ability to apply them in their own unconventional, constantly changing, situations, transfer from society of knowledge to society of competent citizens [5].

So, today there is a contradiction between the demands of present and practical solution to this problem. It lies in the fact that only a small portion of graduates of Agrotechnological Colleges are able to solve the current global professional tasks because there is a reduction of hours of physics which causes formalism and isolation of science from the needs in training.

Based on the provisions of the Concept of Reform and Development of Agricultural Education and Science of Ukraine for 2011–2015 and the action plan for the implementation of the educational process in college during 2013–2014 academic years the main objective was to provide high quality knowledge of college students of all training directions. Questions that were posed are partially solved the introduction of elements of professional orientation in teaching of general subjects.

Professional orientation in teaching of general subjects in Agrotechnological institution of I–II levels of accreditation involves the study of the principles of science in organic connection with the specific profession. Polytechnic education allows a deeper understanding of the general laws of development of technology, the technology of agricultural production and the basic

principles of complex mechanization of agriculture, arms future mechanics with polytechnic skills.

A special place in the education of interest in their chosen profession belongs to physics because it is a scientific basis for the study of general technical and special subjects. Practical orientation of study of physics changes the ratio of student to theoretical training, helps him to discover deep inner interdependence of theory with the future profession and with his formation as a specialist and raises the prestige of future profession.

Formulation of the problem. Training classes in the form of laboratory works are necessary for the formation of students’ learning of research. This approach to learning activities includes: the ability of students to perform physical measurements; assemble laboratory installation with help of diagrams and drawings; ability to deal with instrumentation; mastery of research methods and measurements that are used in modern technology.

During the laboratory works of physics students can learn the basic physical principles of machinery or equipment which directly explain the physical processes by looking at production situations taken from their future activity.

During the laboratory works, students learn about the physical processes that are interconnected with industrial situations, their future activity.

This way of organizing classes tested in practice and showed a significant increase in the efficiency of practical training. When defending student reports performed at laboratory works, this knowledge has largely confident character and deliberately explained physical phenomena that can occur when students are on practice.

For example, on the question of the possible causes of rapid evaporation of moisture from the soil, the students have the following arguments: the presence of capillaries in the soil, increased ambient temperature, and at the same time, offer methods for solution of production problems: do soil harrowing.

Analysis of research and publications. Investigating the formation of professional orientation training in multidisciplinary are uncovered in following papers: D. Zverev, A. Kaspersky, I. Kozlovsky, V. Maksimov, S. Pastushenko, V. Sergienko, A. Sergeev, G. Shishkin and others.

The greatest interest is the works which studied the problem of inter-subject relations in the system of training specialists of technological industry, educational institutions of agricultural education, where the main focus was on interdisciplinary links of physics with technical and technological disciplines: L. Zbaravska, V. Zhdanov.

The objective of the article — explore the features of the formation of professional skills of students of Agrotechnological Colleges during laboratory works in physics.

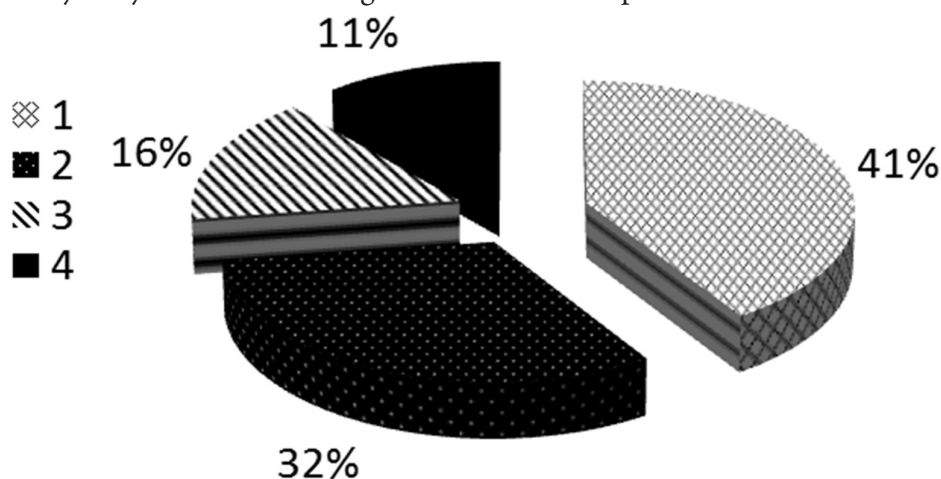
The main material. Interdisciplinary links contribute to a better understanding of the laws of nature, formation dialectically integrative thinking, and the ability to generalize knowledge from different disciplines. Without the development of intellectual abilities we cannot prepare a specialist who can solve practical problems that require the ability to synthesize knowledge from

different subject areas. Application of interdisciplinary, professionally directed bonds allows forming the structure of curricula, program content and teaching aids, to determine the sequence of study material [4].

The purpose of physical experiment in Agrotechnological colleges, in our opinion, is to use the knowledge in professional works, thus making professional orientation of training. First of all, it enables students to use acquired physical knowledge of professionally-directed content in their professional activities [2].

During the laboratory and practical works in physics we give tasks which aim to submit not only theoretical issues but also to target primarily students to master practical skills and abilities that will be needed for future agrotechnological profession.

In Berdyansk College of Tavriya State Agrotechnology University, among students of the first and fourth year, we conducted a survey whose purpose was to identify methods to improve the quality of training students to use the knowledge of physics in practice. The result of survey revealed that most students interested in experimentation and the ability to target educational material for future practice.

Pic. 1. Proposals for the improvement of teaching students of physics:

1 — more experiments, 2 — target study material for its use in practice, 3 — more solution of problems of practical content, 4 — brighter display value knowledge for life, future careers

Analysis of responses to the question showed that 25 % of students want a teacher to orient teaching material for its use in practice, 13% and 9% solve problems with practical content and brighter display value knowledge for life and future careers, respectively.

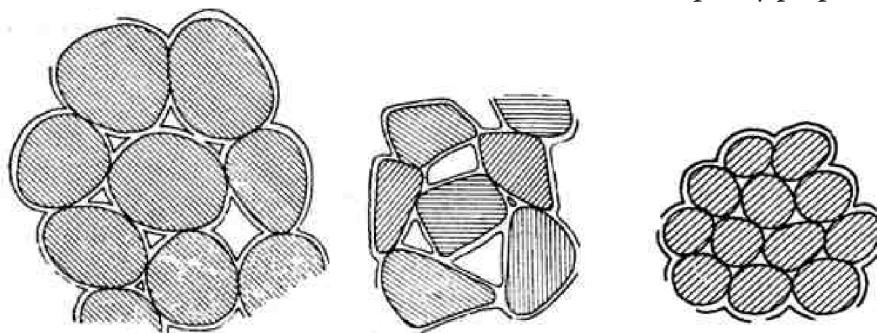
Based on the analysis of the questionnaire for students of Berdyansk College of Tavriya State Agrotechnological University, we have decided to carry out the development of laboratory works that reflect the interests in technical disciplines, including the study of capillary phenomenon.

One of the important issues in the study of physics relating to agriculture is the theme of «Capillary phenomenon». Future agronomist should know that moisture gets to the roots of plants through the soil by capillary layer. On a hot day from one hectare about 70 tons of water evaporated. The amount of moisture that is retained in the soil depends on its structure. Therefore, future agronomists need to know what determines the conservation of moisture in the soil.

To achieve this goal we developed laboratory works: «Study of capillary phenomenon. Determining the

height of the water level raising in different soils". Students were asked to analyze the dependence of the height of the water in the capillaries of the soil on its structure and density of capillary, estimate the size of gaps between particles of soil.

In carrying out this work students are invited to explore the dependence of the height of the water in the soil on its density; analyze methods of preserving moisture in the soil. For the study we used soils (black soil) of different densities, and with large and small sand particles.

Pic.2. Different sizes of gaps between soil particles depending on their size

Voids between soil particles form capillaries through which water rises from the depths to the surface layers of soil. By reducing the diameter of the capillary by soil compaction we can increase the flow of water to the soil surface, that is to the zone of evaporation and thus speed up the drying of soil. Conversely, loosening the soil surface (destroying capillaries) we can delay the inflow of water to the zone of slow evaporation and drying of the soil.

For this laboratory work we used the instrument for study capillary properties of the soil. To work we took four soil types: sea sand, gravel, black soil, ram black soil. Samples were placed in separate tubes, the ends were dipped in a bowl of water. Bottom of the tubes was secured with gauze to prevent rashes of soil. Under this condition the samples were in the water for 3 minutes then we saw the raising of the height of water.

Students were provided with theoretical material about properties of soils, their main characteristics and how these characteristics affect the retention of moisture. Thus, considering the characteristics of the soil such as porosity, students learn that the ratio of voids to the total volume of dry soil called soil porosity. This term is usually expressed as a percentage. Important role in soil moisture play size and shape of grains (or particles) of which they are composed. The larger the grain, the greater the gap between them, and vice versa (Pic. 2). A gap size determines capillary properties of the soil.

After doing the practical part, students had to answer the test questions, which reflect the main content of their work done.

Conclusions

Theme "Capillary phenomenon" in the physics course includes concepts, phenomenon, laws that explain the processes of preservation of the moisture in the soil. Performing professionally-designed laboratory about the studies of capillary phenomenon plays an important role in training students of agrarian profile.

In our opinion, the proposed laboratory work contributes to cognitive activity of students, increases interest in learning physics, forms skills of application theoretical knowledge in their future careers.

References:

1. Барканов А. Б., Павленко Л. П., Шишкін Г. О. Бінарні заняття з фізики в агротехнологічному коледжі [Електронний ресурс]: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Розвиток сучасної природничо-математичної освіти: реалії, проблеми якості, інновації». – 2013. – Вип. 4 (14). – [3 с.]. – Режим доступу: http://virtkafedra.ucoz.ua/el_gurnal/pages/vyp14/Barkanov.pdf
2. Збаравська Л. Ю., Сергієнко В. П. Підвищення фахових знань студентів за допомогою використання міжпредметних зв'язків та прикладних фізичних задач. Наука і методика: Збірник науково-методичних праць, сс. 17–22. – К. Агроосвіта, – 2013. – Вип. 25. – 80 с.
3. Сосницька Н. Л. Фахова підготовка майбутнього вчителя фізики на засадах компетентнісного підходу. Науково-дослідна робота в системі підготовки фахівців-педагогів у природничій та технологічній галузях: матер. IV Всеукр. наук. практ. конф. – Бердянськ: БДПУ, – 2013, – 336 с.

4. Шишкін Г. О. Барканов А. Б.: Професійно спрямоване навчання фізики в технологічних коледжах. Нові технології навчання. Наук. метод. зб./Інститут інноваційних технологій і змісту освіти МОНмолодьспорт України. – К. – 2011 – Вип. 70. – 200 с.
5. Національна стратегія розвитку освіти в Україні на 2012–2021 рр. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <mon.gov.ua/images/files/news/>

*Voloshena Viktoria Viktorovna,
Institute of pedagogics of NAPS of Ukraine, Kyiv,
Researcher, Laboratory of Mathematical and Physical Education
E-mail: v.voloshena@i.ua*

Mathematical modeling in solving physical problems

Abstract: This article discusses the formation of students' skills in problem solving MM. Principle of cycles given assignments for elective courses.

Keywords: model, mathematical modeling, interdisciplinary communication, decision, physical process.

*Волошена Вікторія Вікторівна,
Інститут педагогіки НАПН України, Київ,
Научний співробітник лабораторії математического и фізического образования
E-mail: v.voloshena@i.ua*

Математическое моделирование при решении физических задач

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы формирования у учащихся умений ММ при решении задач. Приводится принцип построения циклов заданий для факультативных занятий.

Ключевые слова: модель, математическое моделирование, межпредметные связи, решение, физический процесс.

Современная наука характеризуется отчетливым осознанием модельного характера знаний о природе, поскольку физическое знание напрямую соотносено не с реальными объектами, процессами или явлениями, а с моделями этих объектов.

В государственном образовательном стандарте для средней школы умение моделировать отнесено к общеучебным умениям. Осознание того факта, что математика является важнейшей интеллектообразующей учебной дисциплиной, заставляет в рамках современной образовательной парадигмы обращаться к различным аспектам использования методологии ММ и элементов ММ в различных компонентах естествознания [2].

Анализируя действующие программы по математике и физике, современные школьные учебники и учебные пособия, методическую литературу для учителей, а также практику преподавания в средней школе, нетрудно заметить, что в методике и практике преподавания математики и физики остается недостаточно разработанной проблема последовательного и систематического обучения навыкам

математического моделирования при решении задач. Таким образом, актуальность нашей статьи определяется, с одной стороны, пониманием необходимости формирования у учащихся умений ММ при решении задач и, с другой стороны, недостаточной степенью освещенности этого вопроса в методической литературе.

Итак, модель — это материальный или мысленно представляемый объект, который в процессе исследования заменяет оригинал (сохраняя его важнейшие черты) так, что его изучение может дать новые знания (предсказательная функция ММ) об объекте — оригинале. После этапов построения и получения нового знания об объекте возможен возврат к объекту на другом теоретически — познавательном уровне, позволяющем управлением объектом [8].

Эти возможности моделирования выдвигают его в ряд основополагающих методологий и позволяют рассматривать ММ и его методологию одновременно и как метод познания физических объектов и как метод обучения физике [4].

Учитывая, что процесс решения задач человеком характеризуется как процесс их переформулирования, в котором непрерывно производится анализ условий и требований задачи через синтетический акт их соотнесения друг с другом [5], одной из особенностей процесса решения задач является переформулирование задач, их преобразование в процессе анализа и поисков решения. Указания на эту особенность процесса решения задач недостаточно, чтобы сознательно использовать их для решения задач необходимо уточнить в чем состоит переформулирование, что и какими средствами при этом получаем? Если «взять задачу и записать её упрощённое условие, то чем будет являться переформулированная задача для основной задачи? Все они (переформулированные задачи) являются её моделями, следовательно переформулирование задачи является способом её моделирования» [7].

Любая сложная задача должна быть сведена к совокупности гораздо более легких задач. Прежде всего, задача упрощается до предела так, что остаются только ее главные черты. Постепенно усложнять уже решенную задачу несравненно легче, чем заново решать сложную [3].

Существует устоявшийся подход к решению задач, при котором физическая задача рассматривается сначала, как некий физический процесс. После анализа условия задачи создаётся физическая модель этого процесса, определяются его условия, параметры, границы, затем выбирается адекватный математический аппарат для решения задачи. Однако процесс создания физической и математической моделей тесно переплетены и, зачастую, неразделимы.

Поэтому с методической точки зрения возможен и вполне оправдан обратный подход — опираясь на известные математические знания, формулировать физическую задачу, которая за счёт математического аппарата может, в свою очередь, получить как конкретное содержание, так и проиллюстрировать самый общий случай.

Для этой цели целесообразно разработать для учащихся цикл занятий «от математических образов к физическому содержанию». Это позволит взглянуть с новой точки зрения, как на используемый математический аппарат, так и на рассматриваемые физические явления.

Под самими циклами мы будем понимать задачи, объединённые общим подходом относительно тех умений ММ, или свойств моделей, которые мы хотим отработать.

Принципы построения циклов заданий:

1. Доступность и простота изначального математического аппарата, так как большинство используемых физических величин, понятий и законов может быть описано в рамках школьного курса математики.
2. Универсальность (применение такого подхода к задачам различных разделов физики)
3. Использование широкого спектра математических моделей и образов, таких, как:
 - Функции (уровень школьной программы, начиная с линейной функции и до простейших тригонометрических и показательных) и их исследование, графики.
 - Уравнения и системы уравнений.
 - Математические образы векторных уравнений.

Примерами циклов могут служить:

1. Задачи, ориентированные на поиск экстремумов значений используемых физических величин (поиск $\max$ и $\min$, физические ограничения, накладываемые на полученное математическое выражение).
2. Задачи, использующие возможности графиков (соответствие математических характеристик графиков физическим характеристикам объектов, границы, определяемые физическими процессами, физические прогнозы).

В качестве простейшего примера может быть рассмотрена, например, линейная функция $y=kx+b$. Она может иллюстрировать:

- основные физические законы, устанавливающие прямую пропорциональную зависимость величин в различных разделах школьного курса физики (II закон Ньютона, газовые законы, закон Ома, закон Фарадея для электролиза и др.);
 - физический смысл коэффициентов физических законов и формул;
 - сравнение однородных процессов задачи по различным параметрам и характеристикам, а так же упрощать решение задач с большим числом объектов [6].
3. Задачи, исследующие корни уравнений.
 4. Задачи, ориентированные на распознавание физического процесса по математической модели и минимизацию ошибок.
 5. Задачи, использующие геометрические образы векторных уравнений, сходство и различие математических и физических векторных представлений.

Рассмотрим ход решения одной физической задачи.

Задача. Вычислить работу силы F при сжатии пружины на 0,08 м., если для ее сжатия на 0,01 м. требуется сила 10 Н.

Дано:	Решение:
$\Delta x_1 = 0,08 \text{ м.}; \Delta x_2 = 0,01 \text{ м.};$	1) Находим коэффициент упругости данной пружины: $k = \frac{F}{\Delta x_2}$
$F_2 = 10 \text{ Н.}; k_1 = k_2$	
$F_1 = ?$	
$A = \frac{kx_2^2}{2} - \frac{kx_1^2}{2}$	
$F = k\Delta x$	

2) Учитывая, что работа выполнялась из начального состояния, то: $A = \frac{k\Delta x_1^2}{2}$, $A = \frac{\frac{F}{\Delta x_2} \Delta x_1^2}{2} = \frac{F\Delta x_1^2}{2\Delta x_2}$.

Вычисление: $[A] = \frac{\text{Н} \cdot \text{м}^2}{\text{м}} = \text{Дж}$, $\{A\} = \frac{10 \cdot 0,08^2}{2 \cdot 0,01} = 3,2$. Ответ: $A = 3,2 \text{ Дж}$.

А теперь запишем ход решения с точки зрения метода математического моделирования. Решение. По закону Гука сила F пропорциональна удлинению или сжатию пружины, т. е. $F = kx$, где x — величина удлинения или сжатия (в м.), k — постоянная. Из условия задачи находим k . Так как при $x = 0,01 \text{ м.}$ и сила $F = 10 \text{ Н.}$, то $k = 1000$. Итак, $F(x) = kx = 1000x$.

Работа силы $F(x)$ при перемещении тела из точки а в точку б равна: $A = \int_a^b F(x) dx$.

Используя данные задачи, получаем:

$$A = \int_0^{0,08} 1000x dx = 1000 \frac{x^2}{2} \Big|_0^{0,08} = 3,2 \text{ (Дж)}.$$

Как видим решение с помощью метода математического моделирования занимает несколько меньше места да и не такой трудоемкий.

На самом деле существует огромный запас задач по физике, которые можно использовать при введении математических понятий. Таким образом, все понятия, свойства, методы не только будут представлены учащимся как факты, но будут и обоснованы, и продемонстрированы, и покажут межпредметные связи физики и математики [1].

Список литературы:

1. Блехман И. И., Мышкис А. Д., Пановко Я. Г. Механика и прикладная математика. – М.: Наука, – 1990. – 356 с.
2. Давыдов В. В., Варданыан А. Ч. Учебная деятельность и моделирование. – Ереван: Луйс, – 1981. – 220 с.
3. Колягин Ю. М. Задачи в обучении математике: В 2-х т. Ч. 1: Математические задачи как средство обучения и развития учащихся. – М.: Просвещение, – 1977. – 110 с.
4. Мышкис А. Д. Элементы теории математических моделей. – М.: КомКнига, – 2007. – 192 с.
5. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования/С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, – 1989. – 488 с.
6. Самарский А. А., Михайлов А. П. Математическое моделирование. Идеи. Методы. Примеры. – М.: физ.-мат. лит., – 2001. – 320 с.
7. Фридман Л. М. Наглядность и моделирование в обучении. – М.: Знание, – 1984. – 80 с.
8. Штофф В. А. Моделирование и философия. – М.: Наука, – 1966. – 301 с.

Zhukova Oxana Anatoljevna,
Kharkov National University named after V.N. Karazin,
associate professor, department of pedagogy, psychology faculty
E-mail: edu.pedagogika@gmail.com

Principles of didactics in high school: the problem of primacy in the hierarchy

Abstract: The paper describes the evolution of the views of scientists on didactic principles and their subsequent application during the study process in higher education institutions. The article analyzes the views of researchers on the use of the educational principles in colleges and universities and presents the hierarchy of principles in accordance with the current pedagogical ideas and concepts.

Keywords: educational principles; higher education; hierarchy; humanistic, personality centered paradigm.

Жукова Оксана Анатольевна,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
доцент кафедры педагогики факультета психологии
E-mail: edu.pedagogika@gmail.com

Принципы дидактики высшей школы: проблема первенства в системе иерархии

Аннотация: В данной статье представлена эволюция взглядов ученых на дидактические принципы с их последующим преломлением к условиям обучения в высшей школе. Дан анализ взглядов исследователей на проблему принципов обучения в системе высшего образования, представлена иерархия принципов в соответствии с современными педагогическими представлениями и концепциями.

Ключевые слова: принцип, принципы обучения, высшая школа, иерархия, гуманистическая (личностно-ориентированная) парадигма.

Демократические преобразования в обществе способствовали становлению полипарадигмальности в сфере образования. Одной из ярких парадигм постсоветского пространства является гуманистическая парадигма, утверждающая ценность человека и его права на свободное развитие.

Продвижение в этом направлении усиливает гуманистические начала в обществе, а нацеленность на создание оптимальных условий для разностороннего и гармоничного развития индивида позволит образовательной системе не отставать от развития социума.

Таким образом, на данном историческом отрезке времени ориентация образования на развитие личности в рамках указанной парадигмы обусловила необходимость поиска принципов обучения, которые отражают насущные потребности общества и в свете новых тенденций его развития определяют требования ко всем компонентам учебного процесса.

Основоположниками педагогической науки, рядом выдающихся общепризнанных специалистов в области дидактики, современными исследователями данной проблемы были заложены и развиты основы этого направления. В силу этого считаем необходимым представить эволюцию взглядов ученых на принципы обучения с их последующим преломлением к условиям обучения в высшей школе.

В современной психолого-педагогической литературе представлены различные классификации принципов обучения, составленные по признаку идеи, ставшей их логической основой. Если обратиться к истории вопроса, то в системе дидактических принципов Я. А. Коменского ведущей была идея природосообразности обучения, и все остальные принципы выступали в той последовательности, которая согласовывалась с этой идеей.

Основой систематизации А. Дистервега стали правила, определяющие познавательную деятельность и выступающие в виде требований к содержанию обучения, обучающим, обучающимся. В основу классификации К. Леха легла аналогия между системой производительного труда и системой обучения. Советские дидакты М. А. Данилов и М. Н. Скаткин отразили взаимосвязь между целями воспитания молодежи и общими законами обучения, на основании чего был сделан общий вывод о том, что принципы обучения действуют на протяжении времени существования отдельной социально-экономической формации. Сравнивая классификации принципов обучения, предложенные М. А. Даниловым, М. Н. Скаткиным и Л. В. Занковым, современные исследователи [13, 209–210] приходят к выводу о том, что данные классификации являются неустойчивыми в силу того, что, во-первых, у самих авторов нет уверенности в том, что сформулированные ими принципы охватывают все стороны педагогического процесса; во-вторых, все положения выведены эмпирическим путем. В. Оконь, предложивший ряд дидактических принципов, полагал, что глубокий анализ процесса обучения, раскрывающий его основные закономерности, может привести к отказу от их формулирования. Анализ дидактических принципов был проведен и отечественным психологом В. В. Давыдовым. Результатом его анализа стало утверждение о том, что применение новых психолого-педагогических принципов позволит определить существенные черты будущей школы более конкретно и указать условия, при которых формирование средств теоретико-научного мышления станет нормой. В. А. Сластенину принадлежит идея о том, что целостная гармоничная личность может формироваться только в целостном

педагогическом процессе. Ю. К. Бабанский выявил соотношение принципов обучения с основными компонентами учебного процесса, среди которых: задачи, содержание, методы и соответствующие им средства, организационные формы, результаты процесса обучения. Исторический очерк принципов обучения, изложенный нами на основе анализа работы В. А. Ситарова [13, 200–216], позволяет сделать вывод о том, что в работах классиков педагогической мысли нет единого мнения относительно названий и количества принципов обучения, однако, все ученые едины во мнении относительно понимания закономерностей, которые их определяют.

Труды исследователей данной проблемы (к. XX – нач. XXI ст.) представлены широким диапазоном воззрений. В контексте нашей темы их условно можно разделить на следующие группы:

- труды, в которых принципы обучения в высшей школе сформулированы на основе принципов дидактики средней школы (С. Зиновьев) и рассматриваются в системе высшего образования применительно к подготовке будущих педагогов (С. С. Витвицкая, В. И. Лозовая, П. Г. Москаленко, Я. В. Подоляк, Г. В. Троцко) и студентов педагогических специальностей (В. В. Егоров, Э. Г. Скибицкий, В. Г. Храпченков);

- труды, где определены современные тенденции развития системы высшего образования, на основе которых возможна систематизация принципов обучения (М. Г. Гарунов, З. Н. Курлянд);

- труды, отражающие методологический подход к систематизации принципов обучения в высшей школе (В. И. Андреев);

- труды, в которых дидактические принципы в системе высшего образования представлены тремя базовыми принципами: общими; принципами, относящимися к целям и содержанию обучения; принципами, охватывающими дидактический процесс и адекватную ему педагогическую систему с ее элементами (А. А. Андреев).

В нашей работе акцент сделан на исследовании В. И. Загвязинского, представившего систему принципов обучения в высшей школе, а также ее интегративные характеристики в рамках современного видения и трактования понимания сущности и структуры процесса обучения.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить иерархию дидактических принципов в высшей школе в соответствии с современными педагогическими представлениями и концепциями.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

1. на основе анализа психолого-педагогической литературы осветить основные положения, характеризующие принципы обучения;
2. представить иерархию принципов с учетом профессиональной направленности подготовки студентов с ориентацией на гуманитарную сферу образования.

Одной из основных категорий дидактики высшей школы является понятие «принцип обучения».

Под принципом (от лат. *principium* — основа, начало) понимают основные исходные положения, которые выступают результатом развития какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения [3, 35; 5, 108; 10, 133].

Дидактические принципы — это основные положения, определяющие содержание, организационные формы и методы учебного процесса в соответствии с его общими целями и закономерностями [3, 35; 5, 108; 11, 440]. Дидактические принципы отражают внутренние закономерности и противоречия процесса обучения [8, 467], имеют дуалистичный характер, зависят от принятой дидактической концепции [4, 67].

Принципы обучения:

- характеризуются всеобщностью;
- отражают насущные общественные потребности;
- имеют исторический характер;
- определяются целями воспитания;
- видоизменяются и совершенствуются под влиянием социального прогресса и научных достижений [3, 35; 11, 444].

Выражая нормативные основы обучения, взятого в его конкретно-историческом виде, дидактические принципы характеризуются обязательностью для любого этапа обучения и учебной ситуации. Выступая в органическом единстве, они образуют систему, сами являясь ее компонентами [3, 35; 11, 441, 444]. В основу выделения принципов обучения положен личностно-деятельный и управленческий подходы [4, 67; 10, 134].

В контексте вышесказанного, принципы обучения могут рассматриваться в качестве [3, 35, 37]:

- рекомендаций, направляющих педагогическую деятельность и учебный процесс в целом;
- способа достижения педагогических целей с учетом закономерностей и условий протекания учебно-воспитательного процесса;
- исходного положения для организации практики.

В современной педагогике были предприняты различные подходы к характеристике принципов обучения. В свое время они были выделены В.А. Ситаровым. Среди основных подходов исследователем обозначены следующие: историко-

педагогический, психологический, биологический, социальный, философский, кибернетический, методический [13, 203–204]. Анализ работы ученого позволил нам представить их в графическом виде следующим образом (Рис. 1).

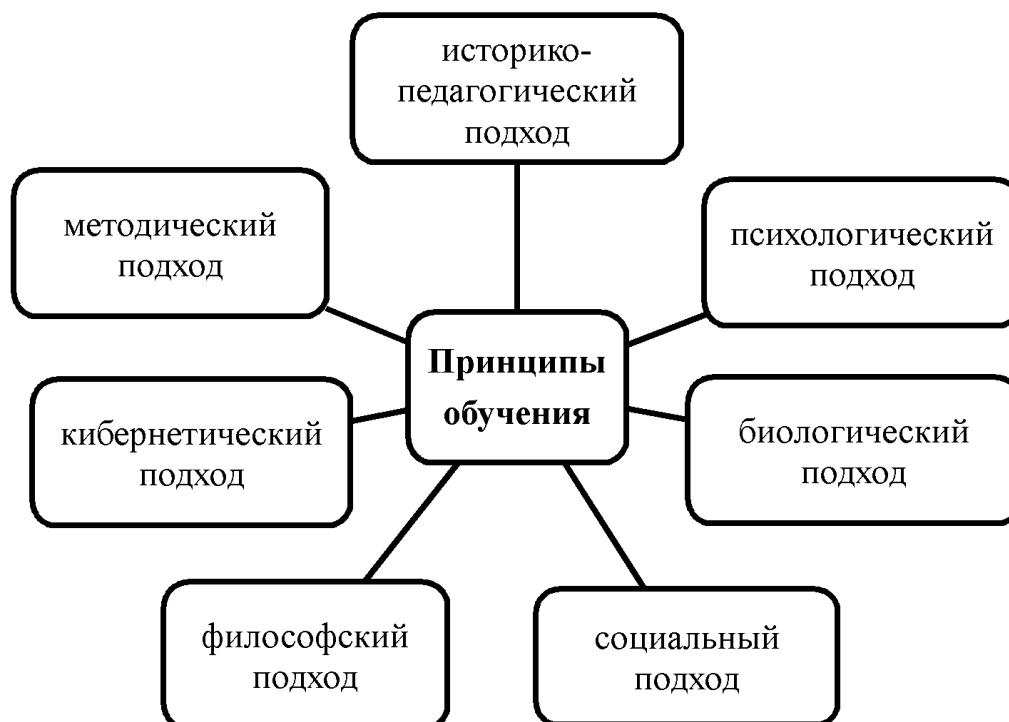

Рис. 1. Подходы к характеристике принципов обучения

Психологический подход раскрывает различные стороны обучения, на основе которых может даваться более глубокая трактовка его принципов (соотношение обучения и развития, процесс формирования умственных действий, экспериментальные системы обучения).

Социальный подход раскрывает личностные отношения между людьми; условия формирования групп и коллектива; позволяет осмыслить воспитывающее влияние обучения на формирование личности, ее отношение к учению, активность; позволяет реализовать задачи, которые поставлены перед образованием современным обществом.

Кибернетический подход позволяет глубже понять принципы управления обучением как целостным процессом и отдельными его сторонами.

Биологический подход представлен исследованиями, рассматривающими принципы обучения с точки зрения биологических возможностей развития мыслительной деятельности обучаемых, а также возникающих биологических состояний, которые способствуют или тормозят результативность обучения.

Историко-педагогический подход, на наш взгляд, отражает огромный опыт педагогической науки

и практики на различных исторических этапах ее развития применительно к выделению и формулировке дидактических принципов.

Методический подход, с нашей точки зрения, позволяет рассматривать принципы обучения как объективные общедидактические закономерности, которые становятся руководством для частных методик.

Согласно мнению В.А. Ситарова [13, 204], гносеологический подход проявляется в системе традиционного, историко-педагогического и психологического обоснования, и не имеет явно выраженного самостоятельного значения.

В русле указанных подходов в современной психолого-педагогической литературе среди принципов обучения в высшей школе достаточно глубоко и полно освещены следующие: научности; систематичности и системности; связи с жизнью и практикой; сознательности и активности обучения; единства конкретного и абстрактного; доступности; прочности знаний; позитивной мотивации и самостоятельности; гуманизации; народности; культуросообразности; наглядности; индивидуализации и дифференциации обучения; оптимальности процесса обучения [2, 166–167; 4, 67; 6, 103–135; 12, 39–42].

Однако, следует отметить, что специфика обучения в высшей школе и особенности дидактического процесса в ВУЗе, порождаемые этой спецификой, привели к появлению множества мнений относительно первенства того или иного принципа в общей иерархии дидактических принципов. В разные периоды исследования дидактики высшей школы на первый план выходили следующие принципы [9, 110]:

- обеспечения единства в научной и учебной деятельности студентов (И. Кобыляцкий);
- профессиональной направленности (А. Барбанщиков);
- профессиональной мобильности (Ю. Кисилев, Б. Лисицын);
- проблемности (Т. Кудрявцев);
- эмоциональности и мажорности всего процесса обучения (Ф. Науменко, Р. Низамов);
- учета возрастных, социально-этических, индивидуальных особенностей студенчества (М. Дьяченко, А. Кандыбович, И. Кобыляцкий).

Исследования авторов последних десятилетий (А. А. Андреев, М. Г. Гарунов, З. Н. Курлянд) внесли свою лепту в развитие данного вопроса. Основной акцент был сделан на идее, учитывающей последние тенденции развития образовательной отрасли. Среди этих тенденций:

- ориентированность высшего образования на развитие личности будущего специалиста;
- обеспечение непрерывности высшего образования;
- информатизация, техническое и технологическое обеспечение образовательного процесса;
- соответствие содержания высшего образования современным и прогнозируемым тенденциям развития науки;
- оптимальное соотношение общих, групповых, индивидуальных форм организации учебного процесса в высшем учебном заведении;
- рациональное использование современных методов и средств обучения на разных этапах подготовки будущих специалистов;
- соответствие результатов подготовки будущих специалистов требованиям, которые выдвигаются в сфере их профессиональной деятельности [1, 149].

Именно эти подходы, согласно З. Н. Курлянд [9, 110–111], становятся основой для выделения и синтеза представлений о группах принципов обучения в высшей школе.

В новых условиях, как известно, происходит изменение содержания принципов обучения. Сегодня основой содержания и определения их места в иерархии принципов выступает современная гуманистическая (лично ориентированная) парадигма.

Согласно современной интерпретации обучения, предложенной В. И. Загвязинским, центральным системообразующим принципом является принцип развивающего и воспитывающего обучения. По мнению исследователя, он имеет тесную связь с принципом социокультурной и природной обусловленности (сообразности) обучения, а для профессионального образования — с принципом фундаментальности и профессиональной направленности. Все остальные принципы являются производными из этих ведущих, конкретизируют их, раскрывают условия их воплощения [3, 38]. Данная идея нашла свое отражение в декларативном изложении дидактических принципов в условиях высшей школы Украины [7, 175].

Таким образом, учитывая нацеленность всех принципов на формирование личности специалиста, в соответствии с этапами проектирования и осуществления педагогического процесса, иерархия принципов может быть представлена следующим образом [3, 48–49]:

- 1) развивающий и воспитывающий характер обучения;
- 2) фундаментальность и профессиональная направленность содержания, методов и форм обучения;
- 3) научность содержания и методов учебного процесса, его сближение с современным научным знанием и общественной практикой;
- 4) культуросообразность (единство всех достижений культуры, соответствие обучения мировой и региональной культуре, единство сознательного и подсознательного; соответствие внутренней природе развивающегося человека и условиям среды);
- 5) систематичность в овладении достижениями науки и культуры, системный характер учебной деятельности, теоретических знаний и практических умений студента;
- 6) активность, самостоятельность и сознательность студентов в учебной работе, взаимосвязь и единство репродуктивной (воспроизводящей) и творческой деятельности, учебной и исследовательской работы, образования и самообразования;
- 7) единство конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального, репродуктивного и продуктивного как выражение комплексного подхода;
- 8) доступность, учет уровня подготовленности, возрастных и индивидуальных возможностей и

особенностей обучающихся, соотношенный с мерой трудности изучаемого;

9) основательность и прочность усвоения ключевых элементов, логики и структуры изучаемых дисциплин, практических навыков и умений;

10) создание положительного эмоционального климата, мотивационное обеспечение деятельности и системы отношений;

11) рациональное сочетание коллективных и индивидуальных форм и способов учебной работы, обеспечивающих развитие личности, ее индивидуальную самореализацию.

Таким образом, все сказанное выше, позволяет прийти к следующим выводам.

• Анализ литературы психолого-педагогической направленности показывает, что в работах авторов, занимающихся разработкой данной проблемы, принципы обучения в высшей школе не представлены в

виде четкой иерархической системы и остаются разноречивыми, однако, следует отметить попытки определения первенства того или иного дидактического принципа в условиях высшей школы.

• Учет особенностей обучения в ВУЗе и анализ современных исследований по данной проблеме показал, что наиболее полно система взаимосвязанных, взаимообусловленных, взаимодополняющих принципов обучения, в которых нашли отражение новые требования общества к обучению, представлена В. И. Загвязинским.

• Строгая иерархия принципов обучения, определенная исследователем исходя из гуманистической личностной парадигмы, отражает профессиональную направленность подготовки студентов в высшей школе и взята за основу дальнейшего исследования автором данной статьи.

Список литературы:

1. Андреев А. А. Педагогика высшей школы. Новый курс. – М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, – 2002. – 264 с.
2. Вітвицька С. С. Основи педагогіки вищої школи: Підручник за модульно-рейтинговою системою навчання для студентів магістратури. – Київ: Центр навчальної літератури, – 2006. – 384 с.
3. Загвязинский В. И. Теория обучения: современная интерпретация: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/В. И. Загвязинский. – 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», – 2008. – 192 с.
4. Егоров В. В., Скибицкий Э. Г., Храпченков В. Г. Педагогика высшей школы: Учебное пособие. – Новосибирск: САФБД, – 2008. – 260 с.
5. Краткий педагогический словарь: Учебное справочное пособие/Г. А. Андреева, Г. С. Вяликова, И. А. Тютюкова. – М.: В. Секачев, – 2007. – 181 с.
6. Лекції з педагогіки вищої школи: Навчальний посібник/За ред. В. І. Лозової. – Харків: «ОВС», – 2006. – 496 с.
7. Ортинський В. Л. Педагогіка вищої школи: навч. посіб. [для студ. вищ. навч. закл.]/В. Л. Ортинський – К.: Центр учбової літератури, – 2009. – 472 с.
8. Педагогика: Большая современная энциклопедия/Сост. Е. С. Рапацевич. – Мн.: «Соврем. слово», – 2005. – 720 с.
9. Педагогіка вищої школи: Навч. посіб./З. Н. Курлянд, Р. І. Хмелюк, А. В. Семенова та ін.; За ред. З. Н. Курлянд. – 3-тє вид., перероб. і доп.. – К.: Знання, – 2007. – 495 с.
10. Педагогіка в запитаннях і відповідях: Навч. посіб./Л. В. Кондрашова, О. А. Пермяков, Н. І. Зеленкова, Г. Ю. Лаврешина. – К.: Знання, – 2006. – 252 с.
11. Подласый И. П. Педагогика. Новый курс: Учебник для студ. пед. вузов: В 2 кн. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, – 2000. – Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. – 576 с.
12. Подоляк Я. В. Педагогика высшей школы: Учебное пособие. – Харьков, ХНУ, – 2004. – 145 с.
13. Ситаров В. А. Дидактика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений/Под ред. В. А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», – 2002. – 368 с.

*Ionesko Leonora Valerjevna,
Bogomolova Maria Ivanovna,
Federal State Educational Institution of Higher Professional Education
«Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov», Ulyanovsk
E-mail: ioneskol@mail.ru*

To the question of intercultural communicative competence of senior pupils

Abstract: This article is dedicated to a current issue of intercultural communicative competence and also gives the authors' definition of the concept "intercultural communicative competence of a senior pupil"

Keywords: cultural shock, competence, intercultural competence, communicative competence, intercultural communication, intercultural communicative competence of a senior pupil.

*Ионеско Леонора Валерьевна,
Богомолова Мария Ивановна,
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ульяновский государственный педагогический
университет имени И. Н. Ульянова», Ульяновск
E-mail: ioneskol@mail.ru*

К вопросу о межкультурной коммуникативной компетентности старших школьников

Аннотация: В статье рассматривается актуальный в настоящее время вопрос о межкультурной коммуникативной компетентности, а также дается собственное определение понятию «межкультурная коммуникативная компетентность старшего школьника».

Ключевые слова: культурный шок, компетентность, межкультурная компетентность, коммуникативная компетентность, межкультурная коммуникация, межкультурная коммуникативная компетентность старшего школьника.

Вступая в коммуникацию с представителем иной культуры, человек может столкнуться со сложностью в общении, следствием чего нередко оказываются межкультурные различия. В подобных ситуациях происходит сравнение, сопоставление, проведение параллелей и анализ культурных отличий. Именно в связи с их непредсказуемостью реакция человека на столкновение с чужой культурой неоднозначна. С одной стороны, возможно появление странного, непривычного, малопонятного чувства, чувства недоверия, настороженности; с другой стороны — проявление симпатии, интереса к формам существования чужой культуры [2]. Распространенной реакцией также является так называемый *культурный шок*, то есть процесс адаптации к культурному стрессу [17, 177–182].

Данное определение дал американский антрополог Калверо Оберг, который и ввел термин «культурный шок», выделяя такие симптомы, как чувства

напряжения, потери, отверженности при контакте с представителями другой культуры, тревожности, неполноценности, а также чувство отвращения или негодования при анализе различий между культурами. Вследствие этого возникает такая наука как этнопсихоллингвистика, которая занимается проблемами межкультурной коммуникации [2].

На наш взгляд, для преодоления или избежания культурного шока важно не просто знание иностранного языка, а умение вступить в разговор с представителями культур стран изучаемого языка. Поэтому с каждым годом уделяется все большее внимание межкультурным коммуникациям в преподавании иностранных языков, придается особое значение формированию у старших школьников межкультурной компетентности, а также развитию их коммуникативности. Вся эта деятельность направлена на осмысленное овладение учащимися иностранного языка как реальным средством коммуникации. Что в свою

очередь служит базой формирования межкультурной коммуникативной компетентности.

Для рассмотрения содержания понятия «межкультурная коммуникативная компетентность» необходимо установить различия между понятиями «компетенция» и «компетентность». Лингвистический экскурс показывает следующее: *competentia* происходит от латинского глагола *compeo* (сходиться, сочетаться, соответствовать). Словом *competentia* обозначали сочетание чего-то между собой (например сочетание небесных светил). Другим словом, тоже происходящим от *compeo*, было *competens* — подходящий, соответствующий, компетентный, законный. Этим эпитетом могли охарактеризовать человека как соответствующего каким-то требованиям. Однако существительным, связанным с *competens*, будет все та же *competentia*. Поэтому возникает некая двусмысленность. И. А. Зимняя отмечает, что есть два варианта толкования соотношения этих понятий: они либо отождествляются, либо дифференцируются [4]. В. А. Матвеева считает, что понятия «компетенция» и «компетентность» взаимодополняемы и взаимообусловлены: компетентный человек, не обладающий компетенцией, не может в полной мере и в социально значимых аспектах ее реализовать [6]. Тем не менее, многие отечественные ученые трактуют данные понятия по-разному.

Под компетентностью понимают:

— качество человека, обладающего всесторонними знаниями в какой-либо области и мнение которого поэтому является веским, авторитетным [5];

— обладание определённой компетенцией, т. е. знаниями и опытом собственной деятельности, позволяющими выносить суждения и принимать решения [9];

— владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [12];

— потенциальная готовность решать задачи со знанием дела; включает в себя содержательный (знание) и процессуальный (умение) компоненты и предполагает знание существа проблемы и умение ее решать; постоянное обновление знаний, владение новой информацией для успешного применения этих знаний в конкретных условиях, т. е. обладание оперативным и мобильным знанием [13].

В то время как *компетенция* объясняется следующим образом:

— круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлён [7];

— совокупность вопросов, в которых данный субъект обладает познаниями и опытом собственной деятельности [9];

— включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [12].

Все вышеизложенные определения позволяют нам сделать вывод, что понятие «компетентность» шире понятия «компетенция». *Компетенции* — это своего рода функциональные задачи, связанные с деятельностью, которые кто-то может успешно решать. *Компетентность* же относится к субъекту деятельности. Это приобретение личности, благодаря которому человек может решать конкретные задачи [14].

Для нашего исследования непосредственный интерес представляет рассмотрение таких понятий как «межкультурная коммуникация», а также различий между «межкультурной компетентностью» и «межкультурной компетенцией», «коммуникативной компетентностью» и «коммуникативной компетенцией».

Впервые термин «межкультурная коммуникация» ввели в своей работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954) Г. Трейгер и Э. Холл, которые определяли ее как идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру. В книге «Язык и культура» Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров понимают под межкультурной коммуникацией адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [1]. Чтобы достигнуть взаимопонимания в процессе коммуникации необходима определенная совокупность знаний, навыков и умений, общих для всех коммуникантов, которая в теории межкультурной коммуникации получила название межкультурной компетентности [10].

Опираясь на словарь университета штата Пенсильвании [11], «межкультурная компетентность» подразумевает, что студент осознает многообразие значительного культурного опыта и достижений людей, которые идентифицируются по национальности, расе, религии, полу, физической/психической неспособностью или сексуальной ориентации; знает историю культуры различных социальных групп в обществе; студент должен быть в курсе взаимоотношений между доминирующей и не доминирующей

культурами, (как на территории Соединенных Штатов, так и в любых других местах), а также в курсе динамики развития отличия этих культур.

В то время как «межкультурная компетенция» выступает как непереносимое, необходимое условие для адекватного, успешного и взаимодовольственного общения или первого знакомства, или сотрудничества между людьми различных культур [18, 107–135], *межкультурной компетентностью* представляет собой совокупность знаний, умений и навыков, которые позволяют индивидам эффективно взаимодействовать с представителями разных культур, не только на повседневном, но и на профессиональном уровнях [3].

На основании изученного материала мы пришли к выводу, что так или иначе, межкультурное взаимодействие несет коммуникативный характер. «Коммуникативная компетенция» по происхождению означает некоторую систему требований к человеку, связанных с процессом общения: грамотная речь, знание ораторских приемов, умение проявить индивидуальный подход к собеседнику и т. д. Если речь идет о способностях отдельного человека, то говорят, что такой-то проявил коммуникативную компетентность. Существует, таким образом, распространенная точка зрения, что коммуникативная компетенция (как и любая иная компетенция) это некоторая система требований, а *коммуникативная компетентность* — степень соответствия человека этой системе требований.

Рассмотрение ключевых для нашего исследования понятий («культура», «межкультурная коммуникация», «компетентность», «межкультурная компетентность», «коммуникативная компетентность») помогло нам глубже понять содержание «*межкультурной коммуникативной компетентности*».

В настоящее время в отечественной педагогике понятие «межкультурная коммуникативная компетентность» является самым обсуждаемым, а вопрос о формировании межкультурной коммуникативной компетентности — одним из самых актуальных.

Зарубежные ученые уже долгое время проявляют большой интерес к сфере межкультурной коммуникативной компетентности. В 1996 году исследователи Г. Чен и В. Староста выдвинули проблему важности владения человеком знаниями о культуре различных народов. После чего интерес к культурным различиям значительно вырос, но до сих пор полностью не изучены критерии владения межкультурной коммуникативной компетентности [15].

Межкультурная коммуникативная компетентность изучалась в организационном коммуникативном

контексте, в контексте здравоохранения, медицины, питания, туризма, образования и многих других. Тем не менее, до сих пор не удалось полностью сформировать концепцию, объединяющую все отрасли, и выделить наиболее важные навыки, которые человек должен приобрести для владения межкультурной коммуникативной компетентностью.

В 1991 году исследователь и педагог американского университета, расположенного в штате Оклахома, Йонг Йун Ким предложила свои три измерения межкультурной коммуникативной компетентности:

- 1) когнитивный аспект (распознавание смысла, значения);
- 2) эмоциональный аспект (желание и готовность поддерживать баланс между различными культурами);
- 3) эксплуатационный или практический аспект (умение приспособиться к ситуации, а также проявить находчивость в процессе межкультурного взаимодействия).

Более того, Йонг Йун Ким подчеркивает, что вступая в беседу с представителем другой культуры, человек с сформированной межкультурной коммуникативной компетентностью должен выражать уважение к его культуре и к культурным отличиям, к отличиям взглядов на жизнь; человек должен активно проявлять интерес к культуре своего собеседника, чтобы узнать о ней как можно больше [16].

Принятие такого измерения межкультурной коммуникативной компетентности наиболее близко цели нашего исследования, так как во внимание берется уровень знаний иностранного языка старших школьников, их эрудиция, уважительное и толерантное отношение к инокультурным представителям, а также умение и готовность вступить в коммуникации с представителями различных культур.

В настоящее время в силу актуальности понятия «межкультурная коммуникативная компетентность» нам особенно важно было рассмотрение таких его составляющих как «межкультурная компетентность» и «коммуникативная компетентность». Межкультурная компетентность представляет собой совокупность знаний, навыков и умений, при помощи которых индивид может успешно общаться с партнерами других культур как на бытовом, так и на профессиональном уровне [10].

Коммуникативная компетентность складывается из способностей:

1. Давать социально-психологический прогноз коммуникативной ситуации, в которой предстоит общаться;

2. Социально-психологически программировать процесс общения, опираясь на своеобразие коммуникативной ситуации;

3. Осуществлять социально-психологическое управление процессами общения в коммуникативной ситуации [8].

Изучение и анализ необходимых для нашего исследования базовых понятий дали нам возможность внести собственное определение межкультурной коммуникативной компетентности относительно старших школьников. Под *межкультурной коммуникативной компетентностью старшего школьника* мы понимаем сложное личностное образование, проявляющееся в знании приоритетности общечеловеческих

ценностей, в ориентации на них в своем поведении и деятельности; сформированности представлений о мировой культуре, кросскультурных различиях, а также в способах проявления толерантности, уважения и деликатности по отношению к народам мира, языковой коммуникации с ними.

Таким образом, формирование межкультурной коммуникативной компетентности направлено на развитие интереса учащихся к изучению иностранного языка как средству приобщения к различным мировым культурам, на развитие общечеловеческих ценностей, на расширение знаний о межкультурных различиях, что способствует познанию не только родной культуры, но также и культур других народов.

Список литературы:

1. Василик М.А Основы теории коммуникации [Текст]: учебник/ред. М. А. Василик. – Москва: Гардарики, – 2003. – 615 с.
2. Драч Г.В. Культурология: Учебное пособие [Текст]/Г.В. Драч [и др.]. – М.: Альфа-М, – 2009. – 413 с.
3. Захарова А.М. Межкультурная компетентность в контексте глобализации//Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/10/1816>
4. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования. [Электронный ресурс]/И.А. Зимняя//Интернет-журнал «Эйдос». – [Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/>]
5. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник [Текст]. – М: Наука, – 1975.
6. Матвеева В.А. Рефлексия как метакомпетентность [Текст]//Педагогика. – 2006. – № 3.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений [Текст]/РАО. Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, – 1993.
8. Руденский Е. В. Социальная психология. Курс лекций [Текст]/Е. В. Руденский. – М.: Инфра-М, – 1997. – 224 с.
9. Русова Н. Ю. Современные технологии в науке и образовании. Магистерский курс. Программа и терминологический словарь [Текст]. – Нижний Новгород: НГПУ, – 2002.
10. Садохин А. П. Компетентностный подход в диалоге культур: сущность и базовые показатели/А. П. Садохин//Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. Материалы международной конференции. – М.: Изд-во РАГС, – 2008. – с. 251–255.
11. Словарь государственного университета штата Пенсильвании. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://senate.psu.edu/curriculum_resources/guide/glossary.html
12. Хуторской А. В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций. [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>
13. Чошанов М.А. Дидактическое конструирование гибкой технологии обучения [Текст]//Педагогика. – № 2, – 1997.
14. Шадриков В. Д. Личностные качества педагога как составляющие профессиональной компетентности [Текст]//Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Психология, № 1, – 2006, – с. 15–21.
15. Chen G. M., & Starosta W. J. Intercultural communication competence: A synthesis. In Brant R. B. Ed. Communication Yearbook 19. Thousand Oaks: Sage Publications – 1996.
16. Kim Y. Y. Communication and Cross Cultural Adaptation. – Philadelphia: Multilingual Matters, – 1988.
17. Oberg Kalvero, Cultural shock: adjustment to new cultural environments, in: Practical Anthropology, – 1960, – Bd.7
18. Thomas Alexander Analyse der Handlungswirksamkeit von Kulturstandards. In: Ders. (Hg), Psychologie interkulturellen Handelns. Göttingen: Hogrefe – 1996.

*Atamanenko Natalia Wladimirowna,
leitende Dozentin*

*Karelin Maria Yurewna,
Doktor der pädagogischen Wissenschaften, Professor
Prikhodko Wjatscheslaw Mikhailowisch,
Doktor der technischen Wissenschaften, Professor
Moskauer technische Staatsuniversität
für Automobil- und Straßenwesen (MADI)
E-mail: karelinamu@mail.ru*

Einige Aspekte der Verbesserung beruflicher tätigkeit des Lehrers an einer Hochschule

Abstrakt: In diesem Beitrag werden die Fragen der Verbesserung des Professionalismus eines Lehrers an einer Hochschule sowie die Maßnahmen, die die Qualität des Lehrprozesses verbessern könnten, und auch die Rolle der Leitung eines Bildungsinstituts bei der Herausbildung eines Lehrers betrachtet.

Keywords: pädagogisches Können, Verbesserung der beruflichen Sachkenntnis, Weiterbildung von pädagogischen Kräften.

Man hat immer verstehen können, wie groß die soziale und politische Bedeutsamkeit eines Lehrers ist. Die umsichtigen Staatsmänner trachteten immer danach, den Lehrer für ihre eigenen politischen Ziele zu nutzen. Julius Cäsar hatte, zum Beispiel, allen Lehrern des Römischen Reiches das Recht auf Bürgerschaft gegeben. Otto von Bismarck meinte, 1870 sei Frankreich von einem preußischen Lehrer besiegt worden, amerikanische Staatsmänner äußerten die Meinung, dass der Start eines künstlichen Erdsatelliten nicht möglich ohne die Errungenschaften der sowjetischen Schule gewesen wäre. In Japan bildet die Achtung zum Lehrer sogar einen Kult.

Ein Lehrer an einem Bildungsinstitut für Hochschulbildung ist der Anfang des ganzen Ausbildungsprozesses, er ist auch ein Träger des Ausbildungs- und Erziehungsinhaltes, ein Organisator des ganzen Erkenntnisprozesses, dessen Niveau und Qualität zum großen Teile vom Stande der wissenschaftlichen, methodischen und beruflichen Vorbereitung des Lehrkörpers abhängt. Gleichzeitig spielt die Persönlichkeit eines Lehrers auch eine große Rolle, und auch sein pädagogisches und wissenschaftliches Ansehen, sein persönlicher Reiz, seine Kultur und Allgemeinwissen, Wissensgier, Schaffensdrang usw. Dabei ist die Ausbildungs- und Erziehungskultur ohne zweckgebundene, systematische und komplexe Arbeit unvorstellbar. Der deutsche Pädagoge A. Disterweg meinte, dass man jemand anderem nicht das geben könne, was man selbst nicht besitze; also könne jemand, der nicht gebildet und wohl erzogen sei, andere weder lehren, noch erziehen. Er könne nur lehren und erziehen, solange er selbst an seiner Erziehung und Bildung arbeite.

Also sind die pädagogische Tätigkeit (z. B. die Eingriffe des Lehrers), die pädagogische Kommunikation (das Arbeitsklima und die Arbeitsatmosphäre des Lehrers) und die Persönlichkeit (Wertorientierungen, Vorbilder, innere Zwecke seiner Arbeit) die drei Seiten der Arbeit eines Pädagogen, die immer miteinander verbunden und durch die von der Gesellschaft bestimmte einheitliche strategische Aufgaben der Ausbildung und Erziehung vereint sind.

Der Entwicklungsintensität von pädagogischen Fähigkeiten und der Aneignung des pädagogischen Könnens gemäß können drei Typen von Pädagogen bestimmt werden.

Zum ersten Typus gehören Pädagogen, die bereits ab dem allerersten Jahr ihrer selbständigen Arbeit sicher und schnell das pädagogische Können meistern. Sie werden durch eine ausgeprägte pädagogische Ausrichtung charakterisiert — durch den Wunsch, nicht einfach Lehrer, sondern meisterhafter Lehrer zu sein. Dieser Typus wird mit einer moralischen und psychologischen Bereitschaft zur pädagogischen Arbeit und mit einem hohen Verantwortungsgefühl bezüglich der Ergebnisse dieser Arbeit gekennzeichnet.

Zum zweiten Typus gehören Pädagogen, die eher langsam das pädagogische Können meistern. Der Grund dafür liegt in einem niedrigen Anspruchsniveau bezüglich sich selbst, sowie in schwacher theoretischer und methodischer Vorbereitung. Die Meisterung des pädagogischen Könnens kann auch durch folgende Faktoren beschränkt werden: eine nicht kritische Haltung der eigenen Erfahrung gegenüber oder Konflikte in Beziehungen mit dem Kollektiv.

Der dritte Typus ist durch die Unfähigkeit, seine eigenen Begabungen zu entwickeln, gekennzeichnet. Lehrer, die zu diesem Typus gehören, verfügen meistens über geringe Erfahrung, sind nicht besonders gute Organisatoren und nicht wirklich an diesem Arbeitsbereich interessiert. Dabei ist ihr Wortschatz kärglich, ihre Sprache ausdruckslos, und ihr Verhalten gehemmt.

Das heißt, dass sich die grundlegenden Kenntnisse, Fertigkeiten und Fähigkeiten eines Pädagogen im Laufe seiner beruflichen Tätigkeit und seines ganzen Lebens noch vor der Berufsausübung an einer Bildungsinstitution entwickeln. Die beruflichen Eigenschaften entwickeln sich aber erst ab dem Beginn der pädagogischen Tätigkeit weiter.

Ein moderner junger Lehrer soll sich so schnell wie möglich dem Prozess der Realisierung der Kompetenzstellung in der Berufsausbildung anschließen und auch an dem Prozess der Ausbildungsmodernisierung teilnehmen [1].

Da das beständige Wachstum der akademischen Mobilität zu den dauerhaften Tendenzen der Ausbildungsweiterentwicklung in der ganzen Welt gehört, lag 2010 die Zahl der Studenten, die im Ausland in der Ausbildung sind, bei 3,7 Mio.; laut Prognosen wird diese Zahl 2020 7,2 Mio. Studenten betragen. In der Russischen Föderation kann auch ein gewisses Wachstum der Anzahl von Ausländern, die in ihrer Ausbildung sind, festgestellt werden.

Zurzeit bildet MADI Studenten aus China, Vietnam, Malaysia, Myanmar, der Mongolei und anderen Ländern aus.

Ein junger Lehrer soll während seiner Arbeit an einer Universität nicht nur auf den Unterricht russischer Studenten vorbereitet sein, sondern auch auf Rücksicht auf soziale, historische, politische, wirtschaftliche und kulturelle Besonderheiten der Staaten, die ihre Bürger zum Erhalten der Hochschulausbildung nach Russland delegieren. Die Hauptaspekte der Gestaltung einer produktiven Dyade "Lehrer–Student" sind von Prof. A. N. Rementzow analysiert worden [2].

Ein hoher Bildungsstand ist ein wichtiger Bestandteil des beruflichen Könnens, aber Ausbildung allein genügt nicht, weil die Erfahrung auch signifikant ist.

Der Zusammenhang von dem beruflichen Können und der Arbeitspraxis ist mehrdeutig, und zwar aus dem Grunde, dass das Eine nicht automatisch zu dem Anderen führt. Es kann oft gesehen werden, dass dank der Arbeitspraxis die Zunahme des Könnens nur innerhalb der ersten 5–7 Jahre erfolgt; später aber, sollte sich der Lehrer nicht weiterbilden, so spielt die Arbeitspraxis keine große Rolle mehr.

Daraus lässt sich schließen, dass sich der Pädagoge zum Meister bereits im jungen Alter entwickelt.

In ihrer Herausbildung gehen die jungen Pädagogen durch drei Etappen: Anpassung, aktive Aneignung der Berufserfahrung und Reife. Dabei ist das Tempo des Überganges von einer Etappe zu der anderen unterschiedlich. Als bedeutende Gründe für ein niedriges Entwicklungstempo nennt man Folgendes: geringe Aktivität des Lehrers, ein niedriges Niveau der pädagogischen und methodischen Vorbereitung, unentwickelte Fähigkeiten zur pädagogischen Tätigkeit, unfreundliches Milieu des Lehrstuhls und ungenügende Hilfe erfahrener Kollegen.

Als Höhepunkt des pädagogischen Könnens wird oft das pädagogische Schaffen bezeichnet. Das pädagogische Schaffen bedeutet nach allgemeiner Auffassung eine Ermittlung nichtstandardisierter Lösungsmethoden pädagogischer Aufgaben (diese Methoden sind zwar bekannt und bereits mehrmals beschrieben, werden aber von dem Lehrer auf subjektive Art und Weise erneut entdeckt). Im engeren Sinne bedeutet pädagogisches Schaffen eine Art Innovation, die sich darauf richtet, neue originelle Einfälle zu schaffen, die die gewohnheitsmäßige Meinung bezüglich eines bestimmten Ereignisses verändern können. Dies ist eine spezifische Art des Sonderdenkens, das in erster Linie sowohl eine neue Idee, als auch Mittel zum Entdecken von Aufgaben problematischer Realität und deren origineller Lösung in sich hat.

Die Entwicklung der Initiative und kreativer Suche in der Arbeitstätigkeit eines Lehrers gewinnt zurzeit besondere Aktualität, denn die Erhöhung der Bildungsqualität kann, der Meinung der Autoren nach, nicht einfach mithilfe einer größeren Zahl von Unterrichtsstunden erreicht werden. Es werden neue Ausbildungsmethoden benötigt, und auch neue Entwicklungsverfahren für die Studentennaktivität, die es erlauben werden, hohe Ergebnisse zu erzielen. Dabei soll die Staatspolitik einen kreativen Pädagogen sowohl materiell, als auch sittlich unterstützen. Dies soll für Lehrer aller Bildungsinstitute gelten.

Der Prozess der Verbesserung beruflicher pädagogischer Tätigkeit eines Hochschullehrers hat seine spezifischen Eigenschaften.

Erstens gehören die mit seiner Verbesserung verbundenen Maßnahmen zum allgemeinen System der Weiterbildung von Lehrern. Viele dieser Maßnahmen werden als obligatorisch in richtungsgebenden Dokumenten festgelegt.

Zweitens verläuft dieser Prozess innerhalb einer ununterbrochenen unmittelbaren praktischen Tätigkeit der Lehrer. Einerseits begrenzt es wegen Zeitmangels die Möglichkeiten des Pädagogen, andererseits entwickelt

es vorteilhafte Voraussetzungen auf Basis einer dauernden pädagogischen Praxis.

Drittens vereint dieser Prozess zwei Realisierungsstadien in sich: die Tätigkeit der Hochschul- und Lehrstuhlleitung und Fortbildung der Lehrer eines bestimmten Bereiches.

Viertens ist die Weiterentwicklung der Berufsausbildung das spezifische Ergebnis der Vervollkommenheit der pädagogischen Tätigkeit der Lehrer an Hochschulen. Zu solchen Ergebnissen gehört auch die Erhöhung der Lehrqualitätsqualität, die mithilfe positiver Veränderungen in der individuellen pädagogischen Technik erreicht werden kann.

Fünftens fördert dieser Prozess mithilfe seines Inhalts und seiner Organisation die sogenannte "Pädagogisierung" des Lebens eines Bildungsinstituts. Gefördert werden auch die Humanisierung und Demokratisierung der Beziehungen zwischen Lehrern und Studenten.

Die Autoren möchten auf die wesentlichen Probleme des Lehrkörpers an technischen Hochschulen eingehen, die bereits von dem Rektor der Moskauer Staatsuniversität für Automobil- und Straßenwesen (MADI), Korrespondenzmitglied der Russischen Akademie der Wissenschaften W. M. Prihodko erörtert wurden [3].

Das erste Problem ist mit dem sogenannten "Generationsbruch" verbunden. Ein beträchtlicher Teil der Hochschullehrer kann kraft des hohen Alters (mit seltenen Ausnahmen) die innovativen Technologien, neue Didaktika und den Kompetenzansatz im Großen und Ganzen meistern. Das heißt, es gibt eigentlich niemanden, der die jungen Pädagogen unterrichten könnte.

Das zweite Problem geht auf starke Veränderungen der Rechtsvorschriften zurück, die sich auf die Hochschulbildung beziehen. Dazu gehört auch eine ungenügende "Abwälzung" der Ausbildungsprogramme von Bachelor/Magister, die dazu führt, dass sich sogar erfahrene Lehrer kaum der sich schnell verändernden Umständen und Bedingungen anpassen können.

Das dritte Problem beschreibend, möchten die Autoren die Zerstörung des früheren USSR-Lehrerfortbildungssystems erwähnen, die innerhalb einer bestimmten Zeitfrist geschehen ist [3].

Glücklicherweise trifft das letztere Problem, das zu den Hauptproblemen der Kadervorbereitung für technische Hochschulen gehört, nicht auf MADI zu.

Unter den Bedingungen eines tiefen Erneuerungszustandes des russischen Bildungssystems beschäftigt sich ausgerechnet das Institut für Weiterbildung bei MADI gemeinsam mit Programmen, die als Ziel die Arbeit mit den Angestellten der Unternehmen des realen Wirtschaftssektors mit der Fortbildung der Lehrkräfte der Universität.

Sich auf die Erfahrung der Moskauer Humanitären Scholochow Staatsuniversität stützend, die sich auf die Realisierung der "Konzeption der modernen humanitären Hochschulausbildung" bezieht [4], betont der Gründer des Kontext- und Kompetenzansatzes zur Modernisierung der Ausbildung A. A. Werbitzky, dass fortwährende Fortbildungskurse für alle Leiter, Lehrer und Schlüsselmitarbeiter der Universität dazu beitragen könnten, dass die Universität in den Bildungsreformraum im Kontext- und Kompetenzformat eintritt [5].

Nach Bedeutsamkeit ordnend, kann man die wesentlichen Wege der Vorbereitung junger Lehrer andeuten, die über das nötige Instrumentarium und über Kompetenz verfügen, um an einer hochwertigen Realisierung des Lehrprozesses teilzunehmen.

Die Autoren meinen, dass der Professionalismus von den Lehrern folgendermaßen erreicht werden kann:

1. Fortbildungskurse und Umschulung der Lehrer.
2. Selbstunterricht des Lehrers.
3. Eine vom Lehrstuhl ausgeübte Tätigkeit, die auf die Erhöhung des Professionalismusstadiums eines Lehrers gerichtet ist.
4. Eine bestimmte Tätigkeit der Universitätsabteilung für internationale Beziehungen, die darauf gerichtet werden soll, Lehrer, die mit Studenten aus anderen Ländern arbeiten, mit den gesellschaftlichen und kulturellen Aspekten der Heimat eines ausländischen Studenten bekannt zu machen.

Bei der Integration dieser Bestandteile handelt es sich um die nötige Basis zur Bildung von bestimmten Kompetenzen eines jungen Lehrers, der dazu fähig ist, den Lehrprozess in Übereinstimmung sowohl mit den Anforderungen der Hochschule, als auch mit den gesellschaftlichen Bedürfnissen durchzuführen.

Referenz:

1. Werbitzky A. A. Der persönliche und der auf Kompetenz fundierende Ansatz in der Ausbildung: Probleme der Integration/A. A. Werbitzky, O. G. Larionowa. – M.: Logos, – 2009. – 336 S.
2. Remenzow A. N. Besonderheiten der Ausbildung von Bürgern der den größeren Kontingenteil auf der Vorbereitungsfakultät von MADI bildenden Länder/A. N. Remenzow, E. W. Iwanowa//Informationsblatt "Theorie und Methodik der Berufsausbildung", – 2011. – № 4. – S. 24–28.

3. Prikhodko W. M. Perspektiven der Ausbildung von Lehrern in Ingenieurfächern in Russland/W. M. Prikhodko, A. N. Solowjow//Ingenieurpädagogik: Beitragssammelband. In 3 Bänden./Zentrum der Ingenieurpädagogik bei MADI. – M., – 2014. – Ausgabe 16, Band 1. – S. 3–11.
4. Werbitzky A. A. Kontext- und Kompetenzansatz zur Modernisierung der Ausbildung/A. A. Werbitzky//Hochschulbildung in Russland. – M., – 2010. – № 5. – S. 32–37.
5. Werbitzky A. A. Der Lehrer im Kontext der Bildungsreform./Ingenieurpädagogik: Beitragssammelband. In 3 Bänden./Zentrum der Ingenieurpädagogik bei MADI. – M., – 2014. – Ausgabe 16, Band 1. – S. 35–50.

*Köppl Olga Ivanovna, Dr.,
Krimische Humanitäre Universität
E-mail: olgakoepppl@mail.ru*

Kompetenz-ansatz in der Ausbildung von Fachkräften in der Öffentlichen verwaltung (das Beispiel der Ukraine)

Abstrakt: Der Artikel widmet sich den theoretischen und methodischen Aspekten des Kompetenzbegriffs, analysiert die Art und den Inhalt von Elementen bestehender Paradigmen in der Berufsausbildung im Bereich der Öffentlichen Verwaltung. Es wird ein Kompetenz-Ansatz zur Berufsausbildung im Bereich der Öffentlichen Verwaltung vorgestellt.

Keywords: Governance, Ausbildung mit kompetentivem Ansatz, Fachkompetenz, Öffentlicher Dienst.

Einleitung. Die Öffentliche Verwaltung als eigener Zweig der beruflichen Tätigkeit erfordert von Beamten nicht nur Fachwissen, sondern auch die Fähigkeiten eines integrierten Ansatzes zur Lösung der Probleme der Öffentlichen Verwaltung. Die Definition, Befugnisse und Verantwortung von Beamten sind unter der geltenden Gesetzgebung der Ukraine realisiert. Gleichzeitig ist die Infragestellung der fachlichen Eignung, den spezifischen Anforderungen an die fachliche Kompetenz der Personen, die für den Öffentlichen Dienst gelten, angesprochen. Einer der integralen Indizes, der die Bewertung der Wirksamkeit der Öffentlichen Verwaltung anzeigt, ist die Angemessenheit der Verwaltungsmaßnahmen sowohl auf der Makro- als auch der Mikroebene. Das Bewusstsein für die Notwendigkeit Governance als einen eigenen Beruf zu betrachten geschah, nachdem die Ukraine unabhängig wurde. Die dringende Notwendigkeit, das gesamte System der Regierung dem Wunsch europäischen Standards zu folgen, erforderte die Verwaltung zu reformieren; so dass Beamte mit richtigem professionellen Niveau ausgebildet werden, denn zu Beginn der Unabhängigkeit der Ukraine wurde beschlossen, ein angemessenes Hochschulsystem zu etablieren. Aus diesem Grund wird dieser Artikel der Skizzierung der Umsetzung von Elementen des Kompetenzansatzes in der Ausbildung von Fachkräften, die im Bereich der Öffentlichen Verwaltung verwendet werden, gewidmet.

In der verfügbaren Literatur-Analyse werden Aufmerksamkeitsprobleme durch Forscher umrissen. Themen wie

Ausbildung der Beamten, Entwicklung der modernen Bildung, soziale und bildungstechnologische Bildungsfächer wurden intensiv von Glusmann A. A., Burega W. W., Andruschenko V. P., Kremen V. G., Melnikov O. F., Nyzhnzk N. R., Vaynola B. C., Zel I. O. etc. erarbeitet.

Moderne Trends in den Bildungsprozessen verlängern erheblich den Rahmen von Bildungsaktivitäten. Daher ist einer der Bereiche der ukrainischen Staatspolitik heute, die beruflichen Anforderungen für Spezialisten in der Öffentlichen Verwaltung auf der Basis von Kompetenz-Ansätzen zu definieren. Es ist in diesem Bereich eine aktuelle Notwendigkeit der Forschung, die diese Arbeit unterstützen will.

Das Hauptmaterial. Der Kompetenz-Ansatz nimmt heute einen führenden Platz in der Theorie und Praxis der europäischen Hochschulbildung ein. Eine breite Palette von Forschungen sind der Ansicht, die Kompetenz als Charakterisierung des menschlichen Lernens zu erachten, und sei in der Lage, Transparenz auf dem Bildungsmarkt zu schaffen. Der Kompetenz-Ansatz verbessert die Qualität der Bildung, die Ausbildung von Studierenden zu notwendigen sozialen Eigenschaften und gleichzeitig die Schaffung des Europäischen Hochschulraums.

Der Kompetenz-Ansatz steht für die Umsetzung von der Theorie in die Praxis der nationalen Bildungsziele für eine erfolgreiche Entwicklung der Wirtschaft und Verwaltung im Bereich der Berufswahl und Personalentwicklung. Eine der ersten, die einen Kompetenz-Ansatz zur Bewertung des Personals bieten, war der

US-amerikanische Psychologe DK McClelland. In seiner Studie kritisiert DK McClelland die Praxis der Verwendung von Persönlichkeitstests und IQ-Tests, weil sie nicht mit der Vorhersage des Erfolgs von den Befragten in der realen Berufsarbeit [1, 10–12] korrelieren. Im Rahmen seines vorgeschlagenen Kompetenz-Ansatzes wurden Methoden der Datenerhebung mit tiefen Interview-Techniken entwickelt, um Verhaltensbeispiele zu erhalten. Die Basis dieser Technik stellt DK McClelland auf die eine Seite, die Methode der kritischen Ereignisse Flenahan auf die andere — den Thementest G. Murray. Das Ergebnis dieser Studie zeigt, dass der Nachweis der zuständigen Beurteilung die Berücksichtigung vom Kontext ihrer Verwendung erfordert [2, 331–334]. Moderne Experten auf dem Gebiet der Öffentlichen Verwaltung beispielsweise fordern die Herstellung von Übereinstimmungen der aktuellen Liste der Ausbildungsbereiche in der Ukraine, sollte auf Veränderungen im regulatorischen Umfeld reagieren, und ihre Ausbildung sollte im Interesse des Staates berücksichtigt werden. Die Palette der Funktionen und Aufgaben der staatlichen und lokalen Regierungen haben in einer Vielzahl von Bereichen auf die Notwendigkeit der Beschaffung einer qualitativ hochwertigen beruflichen Ausbildung fokussiert sowie der kontinuierlichen Verbesserung, um ihre Aktivitäten auf einem guten Niveau zu gewährleisten. Spezielle Bedürfnisse zu steuern, Ereignisse in der Führungsumgebung (intern und extern) geltend zu machen, Umsetzung der Entscheidungen in physischen, kognitiven Informationen und Dimensionen werden realisiert.

Die Ausbildung in diesem Bereich ist sehr vielseitig und spiegelt die Komplexität des Berufes für das reibungslose Funktionieren der Branche. Die Ausbildung im „Öffentlichen Dienst“ wird mit dem Bildungsabschluss „Master“ durchgeführt, mit Einführung der Spezialisierung, die zu einem gewissen Grad den Anweisungen der Ausbildung in „Wirtschaft und Business“, „Management und Verwaltung“ folgt [3]. Die Ausbildung führt zu Fachkompetenz, die für die künftige Geschäftsentwicklung notwendig ist und besteht aus Verwaltungs-, Funktional-, Kommunikations-, interaktive Wahrnehmungs- und Informationskompetenz [3; 4, 409].

Basierend auf dem Kompetenz-Ansatz wird die weitere Entwicklung von integrierten Kompetenzen in Übereinstimmung mit den erforderlichen Kenntnissen und Fähigkeiten durchgeführt. Der Arbeitsplan umfasst Schulungen aus den folgenden Bereichen: Methodik des systematischen Ansatz und Forschung, Rechtsstaatliche Regulierung, Wirtschaft, Öffentlichen Verwaltung, Öffentlicher Dienst, soziale und humanitäre

Politik, Politikwissenschaft, Organisation von Beamten, Technologie von Computer-Netzwerken, Psychologie des Managements, der Geschäftssprache [5, 6]. Einer der Schwerpunkte für die Berufsausbildung ist es, neue Lerninhalte zu entwickeln, die auf die vorgesehene Richtung, Ziele und Aufgaben der staatlichen und lokalen Regierungen eingehen. Bei der Behandlung dieser Frage ist darauf hinzuweisen, dass die Bildungsstandards, darunter Bildungs- und Qualifikationsmerkmale sowie Bildungs- und Berufsbildungsprogramme für den Master-Abschluss in „Public Service“, nach den aktuellen Bedürfnissen der staatlichen und lokalen Regierungen aktuell sein müssen. Die Aktualisierung von Inhalten der Berufsausbildung von Beamten sollte kontinuierlich erfolgen, um die Bedürfnisse der wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung, der sozialen Reform und die Schaffung einer demokratischen Gesellschaft zu erfüllen [7].

Das derzeitige System der Ausbildung von Beamten und lokalen Regierungsbeamten muss sich ändern; nicht nur die Bedürfnisse des Staates an hochqualifizierten Beamten, sondern auch als Person. Modernisierung der beruflichen Ausbildung der Beamten ist einer der wichtigsten Bereiche der Reform des Öffentlichen Dienstes, die in Richtung internationaler Standards durchgeführt werden soll [3; 8]. Der Entwurf von Maßnahmen des Reformprogramms für die Aus- und Fortbildung der Beamten und Personalreserve beinhaltet die Umsetzung „Verbesserung der Ausbildung im Bereich des Wissens“, „State Management“. Der Vorschlag, dessen Umsetzung für zwei Jahre ausgelegt ist umfasst:

- Verbesserung des Umfangs von Spezialitäten und Spezialisierungen auf dem Gebiet des Wissens „Staatsregierung“, die Entwicklung und Verbesserung entsprechender Bildungs- und Qualifikationsmerkmale;
- Entwicklung der Verordnungen über die Ausbildung im Bereich des Wissens „State Management“;
- Entwicklung einer neuen Version von Industriestandard-Ausbildung auf dem Gebiet des Wissens „State Management“;
- Entwicklung und Verbesserung von Bildungsprogrammen relevanter Berufe und Spezialitäten im Bereich des Wissens „Staatsverwaltung“.

Effektive Arbeit im neuen sozio-ökonomischen Umfeld erfordert zusätzliche Ausbildung der Beamten nicht nur durch das komplexe Wissen über Wirtschaft, Recht, Verwaltung, der Öffentlichen Verwaltung, aber auch unter Berücksichtigung der Leistungen des naturwissenschaftlichen Unterrichts, sondern auch die Grundsätze des Kompetenz-Ansatzes. Referenz für die Ausrichtung fortschrittlicher und innovativer gemeinwirtschaftlicher

Ziele erleichtert die Zulassung auf der staatlichen Richtlinien-Ebene, um Profile von Fachkompetenz im Öffentlichen Dienst laut Landesregierung vom 12. November 2012 [9] zu entwickeln. Das typische Profil der Fachkompetenz im Öffentlichen Dienst: Gruppen in Behörden, Behörden oder ARC Gerät verfügt über zwei Inhaltsblöcke. Der erste Block sind charakteristische Positionen mit folgenden Aspekten: Name einer Behörde, Nebengruppe des Öffentlichen Dienstes, von Amts wegen durchgeführte Eckrahmen, Gehalt [7]. Die zweite Einheit enthält: Anforderungen an die Fachkompetenz, Mindestanforderungen für die allgemeine Bildung, pädagogische Qualifikation und Erfahrung der Beamten sowie der besonderen Anforderungen an Berufserfahrung und Fachkompetenz von Personen, die für Positionen in der Öffentlichen Verwaltung vorgesehen sind. Die Liste der empfohlenen notwendigen Kenntnisse: Die von den Bürgerservicegruppen vorgeschriebenen Aufgaben über die Kenntnis der geltenden Gesetzgebung der Ukraine (Verfassung der Ukraine und die Gesetze der Ukraine im Bereich der Öffentlichen Verwaltung, das Gesetz der Ukraine über den „Öffentlichen Dienst“, das Gesetz der Ukraine über „Regeln des ethischen Verhaltens“, das Gesetz der Ukraine über „den Zugang zu öffentlichen Informationen“, usw.); Rechtsvorschriften, die die Aktivität von bestimmten staatlichen Stellen reguliert; modernen Methoden der Verwaltung; Grundlagen der Wirtschaft, der öffentlichen Ordnung, sozio-ökonomischen Prognose und Planung, öffentliche Finanzen.

Die Liste der empfohlenen notwendigen Fähigkeiten, um die vom Öffentlichen Dienst vorgeschriebene Aufgaben zu erfüllen, umfassen die Fähigkeit, die öffentliche Ordnung und Management-Entscheidungen zu analysieren; strategische Planungskompetenz; Fähigkeit, Ressourcen effizient zu nutzen; effektive Kommunikationsfähigkeit und Rhetorik; Kenntnisse in Geschäftsverhandlungen; Fähigkeit, Personal zu verwalten; Beherrschung der Staatssprache; Fähigkeit, Veränderungen

und Risiken zu managen. Weitere Anforderungen an die fachliche Kompetenz der Personen werden durch die Bewerber für den Öffentlichen Dienst als Gegenstand der Berufung in diese Positionen in Übereinstimmung mit genehmigten Positionen durch sein berufliches Kompetenzprofil bestimmt.

Diese vorgeschlagene staatliche Definition von Fachkompetenz kann als theoretisches Konstrukt, das die Bedingungen für eine weitere Perspektive von Forschungs-Prinzipien, Formen und Methoden der Ausbildung in der Öffentlichen Verwaltung auf der Grundlage der Nutzung des Kompetenz-Ansatzes [10, 127–135] bietet, in Betracht gezogen werden. Geeignete Programme der sozialen Entwicklung — das Ergebnis der Zubereitung entsprechend dem Profil der Fachkompetenz sollte die Bereitstellung von zentralen und lokalen Exekutivbehörden und lokalen Experten, die einen gemeinsamen Ansatz und Informationsbasis für die Konzeption und Umsetzung des Sozialen haben, zugrundelegen. Mastering künftiger Fachkräfte im Bereich der Öffentlichen Verwaltung von rechtlichem, wirtschaftlichem, sozialem, organisatorischem und pädagogischem Wissen, wird durch den Kompetenz-Ansatz die Kompetenz in der Verwaltung der öffentlichen Behörden erhöhen.

Schlussfolgerungen. Der Einsatz des Kompetenz-Ansatzes zur Berufsausbildung im Bereich der Öffentlichen Verwaltung ist ein wichtiger Schritt zur Beseitigung der Asymmetrie zwischen dem Inhalt der Ausbildung und den beruflichen Anforderungen im Bereich der Öffentlichen Verwaltung. Erfolgreiche öffentliche Ordnung hängt von den Eigenschaften des Compliance-Management-Systems der Gesellschaft ab. Es kann die Wirksamkeit trotz Gegendrohungen — wirtschaftliche Machbarkeit insbesondere — durch das Kompetenz-Toolkit als Ansatz bei der Ausbildung in der Öffentlichen Verwaltung Bezugspunkte für vielversprechende und innovative Aufgaben des Öffentlichen Dienstes bieten.

Referenz:

1. David C. McClelland: Testing for competence rather than for intelligence. *American Psychologist*, 28, S. 1–14, – 1973.
2. David C. McClelland: Identifying competencies with behavioural-event interviews. *Psychological Science*, 9 (5), S. 331–339, – 1998.
3. Про затвердження Порядку видачі складових галузевого стандарту вищої освіти за спеціальністю 8.150101 «Державна служба» на пряму підготовки 1501 «Державне управління»: наказ Голодержслужби від 14.03.2005 р. № 66 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.guds.gov.ua/control/uk/publish/category?cat_id.
4. Енциклопедія освіти/Акад.пед.наук України; гол. ред В. Г. Кремень. – К.: Юрінком Інтер, – 2008. – 1040 с.
5. Susanne Klimesch Bergische Universität Wuppertal; Kompetenz, Persönlichkeit und Berufserfolg in Zeiten organisationalen Wandels, – 180 S.

6. Нижник Н. Р. Державна служба в Україні як фактор державотворення/Н. Р. Нижник//Вісн. держ. служби України. – 1995. – № 1. – с. 47–53.
7. Мельников О. Ф. Системність професійної підготовки державних службовців/О. Ф. Мельников//Актуальні проблеми державного управління. – Х.: Вид-во ХарПІ УАДУ, – 2002. – № 2. – Ч. 1. – с. 222–227.
8. Про Концепцію адаптації інституту державної служби України до стандартів Європейського Союзу: Указ Президента України від 5 березня 2004 р. № 278//Офіційний вісник України. – 2004. – № 13. – с. 17.
9. Про затвердження Методичних рекомендацій з розроблення профілів професійної компетентності посадовців державної служби групи І у державних органах, органах влади Автономної Республіки Крим або їх апараті Наказ від 12 листопада 2012 року N 213. Електронний ресурс. – Режим доступу: <http://soc-in.com/zakonodavstvo/normativna-baza/pidzakonni-npa/inshi-organi/5571.html>
10. Бурева В. В. Социология государственного управления: монография/В. В. Бурева. – Донецк: ООО «Східний видавничий дім», – 2012. – 167 с.

*Klinkov Georgi Todorov,
University of Plovdiv "Paisii Hilendarski", Bulgaria,
Senior Assistant Professor PhD, The Faculty of Pedagogy
E-mail: starcom2@abv.bg*

Specifics of the Technical and Technological Ergonomy in the Course of Labour Training (Normative Standards)

Abstract: Ergonomy is defined as “a complex science which studies the human being and his/her labour by exploring the technical aspects of the connection between the workers, the material environment and the interaction between them on an informational and technical level”. The main functions are related to the design, technology of crafting, application and the development.

Keywords: ergonomy, effective education, anthropic technology, monotecnology.

In the sphere of initial labour and specialised training, under the conditions which the new educational paradigm offers, the review and perception of one issue is necessary in a complex way. Little attention has been paid to this issue over the years, neither as a methodological requirement for effective education in the area of labour, nor as a specific system of theoretical-applied knowledge, which defines to a great extent the production and technological standards of this kind of specialised training of students.

The category “ergonomy” is at the core of such an educational problem.

Ergonomy is defined as “a complex science which studies the human being and his/her labour by exploring the technical aspects of the connection between the workers, the material environment and the interaction between them on an informational and technical level” [16].

Studying at elementary school (I – IV grades), primary school (V – VII grades) and secondary educational degree (including the professional and specialised training of VIII – XII grades) is realised in conditions different from traditional classes and lessons, and through some of its methodological and organisational elements

and instrumental attributes it is as close as possible to manufacturing-technological conditions in a training workshop or technological factory.

The need for semantic differentiation of the possible meanings of this specialised word in the course of its usage leads to “... a specialised science for the creation of good working conditions through the correct and appropriate use of tools and working environment” [3].

Bozhidar Ivkov defines the meaning of ergonomy in the following passage: “Ergonomy is a science about the human factor, dealing with labour activity above anything else. The aim is to optimise human activity in the surrounding environment through the application of knowledge and scientific research. The optimisation is based on data about anthropometric sizes of the human body, on mechanical and power characteristics of the human, parameters of the human senses (sight, hearing, touch, etc.) and the reliability of our actions. The whole ergonomic system “human-machine-working environment” is examined in this way, the human being its primary factor” [1, 3].

If the place where the student is studying (may be successfully called a workplace) or where he/she is performing work or technological actions (even when

the norms and standards do not define these actions clearly enough) can be called a work- or technological place like a production, professional workplace, standards exists which regard, for example, the stress of the so-called place for labour, specialised preparation and professional realisation at a later stage of education known as: BDS EN ISO 10075–1 Ergonomic principles regarding the mental load at work. Part 1: Basic terms and definitions, BDS EN ISO 10075–2 Ergonomic principles regarding mental load at work. Part 2: Principles of design, BDS EN ISO 10075–3 Ergonomic principles regarding mental load at work.

Part 3: Principles and requirements regarding the methods for measurement and evaluation of mental load during **work** — defines the principles and requirements for measuring and evaluating the mental stress at work and can even be used in the work of educators [15].

The aspiration of scientists, defining the significance of basic knowledge to applied ergonomy and the possibilities for it to realise certain educational relations, necessitates a start from the beginning of the occurrence and evolution of the process of technical and technological ergonomy, and track its place inside the separate program arrays and theoretical formulations.

Ergonomy (from Greek *εργον* — work and *ομία* — law) — in the traditional sense is a science about adjusting one's job duties in the workplace, the subjects and objects of work as well as with regard to computer programmes, for the safest and most efficient labour of the worker, having in mind the physical and mental features of the human organism [4].

There is a clash of two meanings, which in separate translations from different languages keep their semantic and etymological sense — ergonomy and ergonomics. In the sphere of initial labour training, the dyad relationship between man and machine, as a kind of technological relation of the basic ergonomic indices for work, is not manifested. This is due to the clearly defined, in terms of norm and content, dominating process of instrumental ergonomy.

The term “*ergonomia*” (ergonomy) was first used by the Polish scientist Voychek Yashembovsky in 1857 in his work “A Plan for Ergonomy, i. e. the Science Based on the Truth Acquired from Natural Sciences” (in Polish “Rys ergonomji czyli nauki o pracy, opartej na prawdach poczerpniętych z Nauki Przyrody”). What determines such an event is connected with “technical progress”, the occurrence and differentiation of mass production, the presence of a narrow nomenclature of the manufactured industrial products; orderliness of

the products. A central figure in this dynamic process appears to be the technical engineer. The introduction of machines and the large scale of production forced a rethinking of the traditional principles for creating items, objects and the machines themselves. A process of gradually separating the basic manufacturing functions began. These functions are related to the design, technology of crafting, application and the development. The machine does not allow man to “merge” functionally with its separate technological parts due to the difference in the morphological specifics of its construction and the anatomical structure of the human body.

At the end of the twentieth century, F. Taylor came to the conclusion that industrial plants use no more than 20% of the possible efficiency of workers. Viewing the worker as “an element of the technological system of manufacturing”, he justified the need for separation of the functions of workers into “basic operations and standard movements”.

The first time the category (in many of the popular sources it is a term) ergonomy was accepted in England in 1949 when a group of English scientists created an organisation called ‘Ergonomy research society’. In different countries this concept has different semantic interpretations. In Russia, in the twenties the term “*ergologiya*” was accepted, later — the English version “*ergonomics*”. From the very beginning of this specialised science in Germany, connected with the technical activity and achievements of man, it has been called “*anthropic technology*” [7].

Two of the famous theorists of the science of ergonomy — J. M. Kristensen and J. Sturt support the thesis that, even though the theoretical and applied aspects of ergonomy are a result of actions dating back not more than 60–70 years ago, the beginnings of ergonomic activities and ‘intentions’ can be found all the way back to the time of the Second Ice Age. Back then the tools man required he crafted on the basis of keeping the principle of “organ projection” (comfort of usage and size of these material artifacts in terms of human organs; this motive is based on their historical and technological improvement over the years). The whole human civilisation is formed on the knowledge of two of its components: mechanisation and science. Every new technical device has firstly fulfilled specific ergonomic requirements like the choice of the correct material for building, taking into consideration the shape, the application of one or another technology of crafting and production, which does not change ergonomic parameters and indicators embedded in the technical products, but confirms and perfects them.

In the cycle of realised contemporary Bulgarian curricula and subjects (referring to the period of 1956–2000), in which period they became an educational factor and after time were substituted by others, the question of the existence and realization of an education-oriented concept associated with the application of the basic indicators of ergonomics, has not been addressed. Ergonomic criteria reflecting the social-work environment in school; ergonomic demands towards the working macro-environment, including the differentiation of individual work space; ergonomic parameters of hand tools; ergonomically rated technological operations and actions; ergonomically subjected basic activity in school as well as organisation environment, have not been the subject of any educational paradigm or law.

E. E. Voronina places tremendous emphasis on the applied knowledge connected with ergonomics as seen in the contemporary conditions of education worldwide, and thus the relation between this science and pedagogy.

According to her, the scientific research leads to an increased attention towards reviewing of the ergonomic aspects of education. The necessity for motivating and objectifying the ergonomically justified educational conditions is determined by the conflict between “the need for ergonomic justification of the educational process and the absence of an idea of an overall system educational ergonomics, as well as the factor of the conflict of expectations of the users of educational services and the inability of educational facilities to cover the minimal standards for realising a functional educational environment [2].

L. P. Okulova completes this thesis stating that in order to ‘achieve integrity of the described system, it is necessary to define its main characteristics and functions; as well as the goals and tasks of the functional system; the place of the participants in the educational process and the specifics of the channels of their interaction; the qualities which this system realises on the basis of its social involvement; the conditions of the educational environment [12, 36–38].

The problems of pedagogical ergonomics have not been a priority of educational programmes in Bulgaria due to the following entirely procedural reasons:

1. Primary technical and specialised education (excluding only professional training) are not perceived as separate stages of an overall theoretical and applied-didactic system for specialised education in order to have ergonomic continuity with regard to the specifics of the material base; the tools and supplies which are used; the technological materials which are a priority of technological practice and the need to accept ergonomic

criteria for organizing the work environment; the acceptance of standards and norms for ergonomically friendly activities.

2. The mental and physiological features of the work activity in school are not ergonomically objectified; the potential health hazards for students; the need for an expanding integration of the school work to the conditions of the technical environment at school on the basis of acceptance of different personal and group norms and models of behaviour.

3. Ergonomics is not an active part of the accepted, to a certain degree, requirements for realising an active technological competence of the students from different school grades and ages.

4. The understanding that ergonomics is an integral part of the process of adaptation of the student to an environment which is active, dynamic, socially-defining all future actions of every separate individual, is avoided. Ergonomics is an organic part of the active sociability of man, which defines many of his material actions.

Outside of this direct context, it should be taken into consideration that the educational ergonomics (this concept is similar to the still not so popular — pedagogical ergonomics) should account for the level of “criticality and risk” in the course of adoption and adherence to certain norms and standards for application.

With regard to norms, part of the contemporary Bulgarian study programs (the ones which were carried out in the period 1956–2000) make scarce attempts to orientate the pedagogical ergonomics within the lines of some of its basic formulations. Firstly, they are connected with “creating an optimal ergonomic environment” at school, which in the different historical periods and programme variations has set as a main priority the requirement for “defining a separate workplace for every student”. Such differentiation and reduction of the elements of the environment has been partially achieved in the 1981 programme, called “Work and Creativity” — exclusively on the basis of differentiation of the work activities in which students participate, on the basis of formulating and adhering to the indicator “main technological method”.

The social working and technological environment (especially in the field of professional and manufacturing training), as well as in certain components in the field of primary work education (on the basis of still missing permanent operational and instrumental habits and organisation behaviour for permanent adoption of the ergonomic requirements of the environment) is close to the standard “industrial and manufacturing

environment” which necessitates interpreting the standard BDS EN ISO 1421–1:2008, which formulates a new definition for the concept of danger (risk): “Danger is a potential source of harm”. This definition is not correct. Danger cannot be a source but a combination of conditions, circumstances and settings. The source is a generator of factors which cause harm. According to the recommendations of this standard, the term “danger” is to be used in combination with other words defining its origin and nature of the harm or damage to the health of people.

According to the standard: “A dangerous situation is every situation in which the human is exposed to at least one hazard”. “A dangerous zone is every space inside and/or around the machine in which the human can be exposed to danger”. The danger which creates risk, in the sense of this definition, either exists constantly during the time of usage of the equipment according to its purpose or can appear unexpectedly. Similar is the definition in sub-normative Bulgarian acts — “Danger is a possible source of harm” [9, 5–6].

In the sector of specialised training at school, the concept of technological process is an important part of the ergonomic structure of the environment (even when the student is working on a product which implements basic monotecnology, including the usage of one type of material, for example paper or paper derivatives, and applies one tool, in this case — scissors; this specific manifestation has all the ergonomic features of a manufacturing process due to the presence of a categorised in a certain way material part (a product or a technical object), which is perceived as that part of the manufacturing process which is directly connected to alteration of the chemical and physical properties of the matter, shapes, sizes and mutual placement of the details, the connection between them and the appearance of the object which is being manufactured. The technological process is carried out in one work place or a group of workplaces which form a technological system. In order to best explore the factors of the work environment, it is necessary to conduct a full ergonomic evaluation, which includes both the workplace and the work process. Through this evaluation, the degree of accordance of the ergonomic indicators with the quality of the ergonomic environment and the ergonomic requirements is determined [10].

The ergonomic requirements can also be set by students with regard to the activity through which they perceive their personal involvement in the manufacturing process.

Here are some ways for the teacher, educator, professional instructor or master to react if students encounter the following problems:

1. In the course of their practical activities, students complain that the tools which they use are uncomfortable to work with.

2. Increased trauma incidences are observed in the social-work sector in which they operate, although the equipment, special workplaces and the provision of tools do not present a source of trauma.

3. The persons authorised to conduct specialised technological training make methodological mistakes in the course of preliminary planning, management and control over the immediate manufacturing process. There is a problem which can be linked to the lack of optimal interaction between the student and the technical equipment [14].

In Bulgarian educational tradition, the use of the very appropriate concept (from an ergonomic point of view) “workplace” is avoided. The workplace is part of the work environment, which is functionally organised so that students can perform a manufacturing activity individually or within a work group.

The requirements for a workplace, within the bounds of school, necessitates compliance with the following formal demands:

1. The presence of sufficient work space for the accomplishment of the various types of work activity;

2. The presence of basic and supporting manufacturing equipment;

3. The provision of a sufficient number of activities, physical, visual and hearing connections and contacts between the separate participants in the manufacturing process (students at different stages of the activity can perform status roles and applications different in nature);

4. The presence of comfortable approaches to the usage of the corresponding technological equipment;

5. Observation of the equipment for safety; the presence of standards for safe work subjected to the features of the school social-work manufacturing environment; the presence of individual means of protection from dangerous manufacturing factors;

6. The conduction of events that help maintain an active manufacturing mood within the limits of realisation of the topic or manufacturing task;

7. Accordance with the working environment norms (acceptable level of noise; pollution of the air in the workplace; possible amplitudes of change of the temperature in the closed workplace) [13].

The need to differentiate the standardised concept of “workplace”, which with the adult can preserve its ergonomic parameters from the concept “workplace” for a long period of time, which is realised in school and which is significantly more dynamic in terms of its parameters, necessitates the introduction of the term “information zone”. It is usually fulfilled through a tight connection with the term “visual field”.

The construction and organisation of the workplace of students should firstly ensure optimal opportunity for a fast and complete perception of the technological information; creation of ergonomic comfort for usage of the technical equipment in a direct manufacturing mode (this concept provides clarity on the provision of tools and specialised training regardless of the nature of its temporary profile).

In Bulgarian educational tradition, the most frequent changes connected with the ergonomic standardisation within the bounds of its fulfilment were determined on the basis of work systematisation. In this regard, the following types of work can be differentiated:

1. Work in educational conditions which demand significant muscle activity.
2. Mechanised types of work requiring average and light muscle efforts.
3. Semi-automated and automated type of work.
4. Group or conveyor type of work.
5. Work with the use of remote control.

Within the bounds of the workplace (work field), the students from different age groups tend to perform, to various degrees of volume of energy losses, in a state of complete inactivity or a rapid activity mode, within the limits of standard conditions. Part of the standard conditions is the comfortable year-round temperature of the workplace, an optimal instrumental radius of activity, technological coherence of each operation within the bounds of its manufacturing norm of application. Students, especially at initial school age, spend most of their technological time being seated and so they lose only 5–10% of the energy of the muscle-physical exchange; in later educational grades (primary school 5–8 grade) they lose almost 10–15% of the energy exchange; during the professional activities (realised within the bounds of the manufacturing-technological training in 8–12 grade) and the alternation of non-standard work poses they lose a good 40–45% of the energy exchange [5].

In the sphere of primary work training, when the basic knowledge and behaviour are formed, connected with the ergonomics are some common requirements of notable importance, related to the usage of hand tools

(on the basis of which the main technological and instrumental skills and habits are formed, which are afterwards developed within the bounds of the specialised technological training in V – VII grades) of paramount methodical and functional importance is the compliance with the following “defining the degree of usage” instrumental ergonomic criteria (parameters):

Handgrip

The usage of hand tools is recommended (students are familiar with a large part of them, despite the restricted technological area of application). They possess a surface with specific qualities: ensuring a sturdy grip, always to be chosen over slippery surface. Handgrips covered with semi-plastic (not too hard or too soft) materials can reduce tension and isolate vibrations. They can also act as heat insulation and protect the hand from the cold surface of the tool, the continuous contact with which decreases the blood flow in the hand.

It is necessary to avoid deep grooves and dents on the surface of the handgrip, which cause accumulation of tension in the points of contact with the hand. It can cause discomfort or the hand could get tired quickly.

For optimal and comfortable usage of the tool, the fingers of the worker should slightly bend to the inside and not be forced to stand straight or curve heavily. The manipulation of the tool should not cause continuous tension in the wrist, caused by bending towards the thumb or the little finger. The greatest comfort in work is achieved when the wrist is in line with the forearm.

The length of the handgrip should be sufficient as to allow the worker to use the closed fist grip, formed by all fingers and the thumb (the so-called force grip). The handgrip should not be longer than the width of the palm, or 12.5 to 15 centimetres. When working with a handgrip, some additional 1–2 centimetres should be provided.

Handles

It is necessary in the choice and motivation of the usage of hand tools to previously select those which have sharp or not round ends. It has also been proved that round or rounded ends in handles with rectangular shape are more comfortable than circular ones. It is necessary to avoid handles with edges which split the fingers. For screwdrivers, it is advisable to choose round or rounded ends with hexagonal shape, in the separate age groups.

As for tools for single hand usage, for example hammers, wrenches and pipe wrenches, screwdrivers and saws, the handles should allow the thumb to oppose the index finger by around half a centimetre to ensure a secure grip.

With tools for dual hand use (some types of wrenches, scissors for iron and others), maximum strength and comfort is achieved when the grip of the hand on the handle is between 5 and 10 centimetres.

When equipping the training workshop, it is necessary to adhere to the following ergonomic rule — to use tools with a comfortable grip, to avoid such which cause the wrist to be in an uncomfortable position during work. It is necessary to rethink the usage of tools which require the worker to stretch too high.

A tilt or the possibility to adjust the angle between the handles and the applied point of the tool can also assist in the stability of the wrist.

Dominance of a hand — the tendency to use either the left or the right hand. If the tool can be used with both hands, the worker can switch his/her hands in order to provide rest for the wrist of the stronger hand. For this reason, tools that offer only single hand use should be avoided [6].

The meaning of ergonomics in the educational field

What seems “ergonomic” may not be such at all. Ergonomics definitely does not come down to design only. Furthermore, it is a limiting line between the user and the tool, the tool and the work. Therefore, a tool which is ergonomically correct for one person or work may not be comfortable at all for another person or type of work.

Even the most ergonomic looking tool should be tested in work. An example for disparity between type and behaviour are the tools with soft rubber handles, which look as though they are far more comfortable than the normal rubber handgrips. It is a fact that after continuous work, it turns out that the handgrips that are too soft actually increase the strength that is necessary to be applied to the tool and so cause premature fatigue in the worker.

In addition, some tools have innovative design, which only makes them better for a certain type of work. Tools for universal use are usually given a typical shape that is established over time [6].

The contemporary educational realities and the shortening of the stages of transition between primary work and specialised technological education and

professional preparation necessitates the prospective usage (in connection to the imminent introduction of new educational concepts regarding the specialised technical training within grades 1–8, which became popular as “Technologies and Entrepreneurship”), which are to realise 3 important functions into one: prognostic, connected with the realisation of mono-factor monitoring; norming and standardisation of the basic ergonomic parameters and variables.

Similar possible methods are “the descriptive and instrumental career graphing”.

The descriptive career graphing includes:

- analysis of technical documentation and exploitative instructions for using the hand tools and mono-technology;

- ergonomic study of technics (technical systems) on the basis of their comparison to the normative ergonomics documents;

- observations on the course of the training manufacturing process. With the help of this method, naturally complemented by the method of timing, the changes in temporal and spatial characteristics of the activity are established, within the bounds of a single technological process in class;

- self-report on the part of students in the process of activity;

- application of the method of expert evaluation.

The instrumental career graphing includes:

- measuring and evaluation of the factors which define the social work environment at school;

- registration of the operative errors which students make in the course of realising the interactions: “man-environment”; “man-tool”; “man-machine”; “man-technical system”;

- objective registration of the energy losses and functional state of the organism of the student;

- objective registering and measuring of actions difficult to define (in common conditions of observation and deduction) through the use of cycle graphing or registration of the movements of the hands; registration of speech messages; time stages between performing actions — within the bounds of the fixed technological method (manner) [11, 67, 69].

References:

1. BDS Compass. Edition 1, January-February 2013. Bulgarian Institute for Standardisation edition, – p. 3.
2. Voronina E. E. Education Ergonomics as a Branch of Science. Online resource. <http://research-journal.org/featured/pedagogy/pedagogicheskaya-ergonomika-kak-otrasl-nauki/>.
3. Ergonomics. Bulgarian dictionary. Online resource. <http://rechnik.info/>.
4. Ergonomics. Online resource. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

5. Ergonomy as a Science and its Subject. Online resource. <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=492828>.
6. Ilieva D. Ergonomy of Hand Tools. <http://otgovori.info/equip/ergonomia-na-rychnite-instrumenti/>.
7. History of the Beginning and Development of Ergonomy. Online resource. http://studopedia.net/1_44830_istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-ergonomiki.html.
8. History and Conditions for the Occurrence of Ergonomy. Online resource. http://yaneuch.ru/cat_107/istoriya-i-predposylki-vozniknoveniya-jergonomiki/39971.1266668.page1.html.
9. Manev P.M. Dangers and Criticalities in Ergonomy Systems. Author's abstract. Ruse. 1012, – p. 5–6.
10. Nedeva N., Doynov M. Study of Ergonomy in the Workplace during the Welding Work Process. [http://www.sustz.com/Proceeding09/Papers/Technical %20studies/N_NEDEVA.pdf](http://www.sustz.com/Proceeding09/Papers/Technical%20studies/N_NEDEVA.pdf).
11. Novikov S. G. Methods and Tools for Ergonomy. – Moscow Energy Institute. – 2009. – p. 67, 69.
12. Oculova L. P. Methodological Foundations of Educational Ergonomics//Problems and Prospects of the Development of Education: Proceedings of the international science convention. (Perm, April 2011). T. I/Under common order. G. D. Achmetovoy. – Perm: Mercury, – 2011. – p. 36–38.
13. The concept of Ergonomics. http://www.telenir.net/psihologija/psihologija_truda_konspekt_lekcii/p19.php.
14. The Concept of Ergonomics. EE complete tasks. Online resource. <http://motivtruda.ru/ponjatie-ergonomiki.htm>.
15. 5 reasons for a school to introduce standards which are affirmed worldwide. <http://www.pedagozi.bg/novini/5-prichini-edno-uchilishche-da-vvede-mezhdunarodno-priznati-standarti>.
16. (en) International Ergonomics Association, quote from <http://bg.wikipedia.org/wiki/>.

*Klyuchnikova Natalya Valentinovna,
candidate tehn. sciences, associate professor*

*Denisova Lyubov Vasilyevna,
candidate chem. sciences, associate professor*

Belgorod State Technological University named after V. G. Shoukhov,

E-mail: 4494.55@mail.ru

Introduction of new technologies in the educational process

Abstract: The paper discusses the technology knowledge control in the transition to a two-tier education system. Found that the module-rating technology allows the student to properly prepare for the exam, affects the formation of an adequate self-assessment of the student, encourages independent work and helps to increase competitiveness in the study.

Keywords: knowledge, control module, rating scores, independent work.

*Ключникова Наталья Валентиновна,
канд. техн. наук, доцент*

*Денисова Любовь Васильевна
канд. хим. наук, доцент, Белгородский государственный
технологический университет им В. Г. Шухова*

E-mail: 4494.55@mail.ru

Внедрение новых технологий в учебный процесс

Аннотация: В работе рассмотрены технологии контроля знаний студентов при переходе на двухуровневую систему образования. Установлено, что модульно-рейтинговая технология позволяет студенту качественно подготовиться к экзамену, влияет на формирование адекватной самооценки студента, стимулирует самостоятельную работу и способствует увеличению самостоятельности в учебе.

Ключевые слова: знания, контроль, модуль, рейтинг, баллы, самостоятельная работа.

Введение. Переход на двухуровневое образование требует новых образовательных технологий. Новая технология, во-первых, должна активно

откликаться на изменения требования рынка труда и в соответствии с этим модернизировать подготовку специалиста. Во-вторых, эта технология должна быть

ясной и четкой в содержании и организации учебного процесса. В-третьих, новая технология должна ориентироваться на индивидуальные способности студентов. Реализовать такой подход в высшем образовании позволяет модульно-рейтинговая система обучения.

Модульно-рейтинговая система довольно широко распространена в мировой практике образования и, в связи с переходом на двухуровневое образование, начала использоваться в высших учебных заведениях нашей страны. Достоинства и недостатки этой технологии изучены достаточно глубоко, о чём свидетельствует значительное количество публикаций по этой тематике [1, 2].

Основная часть. Одной из важных проблем, встающих в высшей школе, является система контроля знаний студентов. Главный недостаток традиционной системы оценивания знаний студентов заключается в том, что она не способствует ритмичной работе студентов в течение семестра. Существующая система контроля только во время сессии усредняет всех: и студент, сдавший все виды работ досрочно, и студент, сдавший их лишь в зачетную неделю, формально одинаково успевают. В итоговой экзаменационной оценке не учитывается самостоятельная работа студента, ритмичность и своевременность. Эта оценка не отражает в полной мере уровень знаний, умений и навыков студента, т. к. сдача экзамена по билету содержит элемент случайности. Всё это привело к необходимости модернизации традиционной технологии обучения, которая позволяла бы на высоком уровне методического, информационного и технического обеспечения проводить высококачественную подготовку специалистов. Одним из вариантов такой модернизации может стать модульно-рейтинговая технология обучения. Модульно-рейтинговая технология обучения дает возможность активно влиять на процесс обучения, улучшать его функциональные характеристики, что позволяет поднять интерес студентов к учебному процессу и, следовательно, повысить их успеваемость. Модульная система имеет целью поставить студента перед необходимостью регулярной учебной работы в течение всего семестра, требует четких правил ее выполнения, которые хорошо известны и студентам, и преподавателям. В БГТУ им. В. Г. Шухова на кафедре неорганической химии разработана технологическая карта дисциплины «Химия», в которой устанавливается максимальное число баллов равное 100. Баллы начисляются студенту за выполнение обязательных учебных работ, часть из них (до 10 %) предусмотрено для оценки таких

личностных качеств, как дисциплина, ответственность, инициатива, своевременность выполнения учебных заданий и др. Начисление баллов за личностные качества осуществляется ведущим преподавателем на экзамене, что может значительно повысить итоговую оценку студента по дисциплине.

На кафедре неорганической химии проходят обучение студенты практически всех специальностей, поэтому, в зависимости от трудоемкости, дисциплина «Химия» содержит 3–5 модулей, контрольные мероприятия которых являются обязательными для студента. Распределение контрольных мероприятий построено в течение семестра таким образом, что студент каждую неделю получает баллы за тот или иной вид учебной деятельности. Основными видами контроля знаний, умений и навыков в течение каждого модуля являются лабораторные работы, домашние задания, расчетно-графические задания и компьютерное тестирование. Сумма баллов по всем модулям образует рейтинговую оценку по дисциплине за семестр.

Оценка в баллах текущей работы студентов учитывает качество выполнения работы и ее своевременность. Основой оценки за освоение модулей дисциплины являются баллы по результатам текущего контроля студентов в семестре, просуммированные по всем видам учебных работ. Итоговой аттестацией по дисциплине «Химия» является экзамен, который проводится после выполнения студентом запланированного объема учебных работ. Минимальное количество баллов, набранных в течение семестра и позволяющих выйти на экзамен, установлено в пределах 48. Так как программа учебной дисциплины «Химия» предусматривает проведение экзамена, на итоговую аттестацию вынесен дополнительный модуль и предусмотрен итоговый контроль, который в данном случае является обязательным мероприятием. Этот контроль проводится во время итоговой семестровой аттестации и на него выделяется 30 баллов из 100. Таким образом, 70 баллов студент может набрать за работу в семестре и 30 баллов по результатам итогового контроля. В результате, при наборе студентом по сумме всех модулей 61 и более баллов выставляется соответствующая оценка. Следует отметить, что по результатам итоговой аттестации студенту не может быть выставлена итоговая оценка по дисциплине ниже оценки, набранной в течение семестра по модулям.

Студент, получивший за работу в семестре минимальное количество баллов (48–50 баллов) даже при получении максимальной оценки на экзамене (30 баллов), не может претендовать на отличную оценку

по курсу. Такой подход является стимулирующим фактором к активной работе студентов в течение всего семестра. Студенты, не сдавшие контрольное мероприятие, продолжают работать над ним в течение срока, установленного кафедрой, до его выполнения.

Кафедрой неорганической химии БГТУ им. В.Г.Шухова разработана система оценочных средств для проведения текущего контроля, которая учитывает качество и своевременность выполнения

всех видов учебной деятельности (табл. 1). В качестве примера модульно-рейтинговой оценки знаний приведены критерии оценки учебной деятельности по дисциплине «Химия» для специальности 130400.65 — «Горное дело» с трудоемкостью 180 часов (табл. 1). В начале семестра студенты знакомятся с системой оценок и формой поощрения в виде баллов за личностные качества, что способствует рациональной организации учебного процесса и четкому контролю успеваемости.

Таблица 1. – Оценки по модулям дисциплины «Химия» для специальности 130400.65

п/п модуля	Форма контроля	ЛР	ДЗ	КР	РГЗ	Л	Всего
1		1–3	1			1	5
2		1–3	1	1–3		1	8
3		1–3	2	1–3		3	14
4		1–3	3	2–6		6	18
5		1–3	3	2–6	3–6	6	25
Экзамен	13–30						30
Всего	30						100

Лабораторный практикум для специальности «Горное дело» (5 зачетных единиц, 180 часов) 4 лабораторные работы.

Защита лабораторных работ проходит письменно и включает 5 вопросов. Максимальная оценка за каждую из лабораторных работ составляет 5 баллов:

5 — лабораторная работа выполнена и защищена в соответствии с графиком; полные и правильные ответы на все вопросы, задаваемые на защите лабораторной работы, выполнено и зачтено домашнее задание;

4 — лабораторная работа выполнена и защищена в соответствии с графиком; хорошее качество предварительно подготовленного для выполнения лабораторной работы материала, правильные ответы на 4 вопроса защиты лабораторной работы, выполнено и зачтено домашнее задание;

3 — лабораторная работа выполнена и защищена с нарушением графика; качество предварительно подготовленного для выполнения лабораторной работы материала и итогового отчёта после её выполнения удовлетворительные; правильные ответы на 3 вопроса защиты лабораторной работы, выполнено и зачтено домашнее задание;

2 — лабораторная работа выполнена со значительным нарушением графика; предварительно подготовленный для выполнения лабораторной работы материал и итоговый отчёт после её выполнения не являются полными, со значительными неточностями; неполные, ответы со значительными ошибками на вопросы защиты лабораторной работы;

0 — лабораторная работа не выполнена и не защищена, отсутствует домашнее задание. Особенностью лабораторного практикума на кафедре неорганической химии является отсутствие теоретического введения к работам. Подготовка к допуску и защите работы предполагает, таким образом, обязательную домашнюю проработку литературы, указанной в графике лабораторных работ. Так как при переходе на балльно-рейтинговую систему обучения основной акцент сделан на самостоятельную работу студентов, преподавателями кафедры разработаны домашние задания по общей и неорганической химии, перед каждым заданием приведены краткая теория и разбор задач, в конце лабораторных работ — типовые билеты по изучаемой теме. Каждое задание содержит 30 вариантов, что позволяет обеспечить работу по индивидуальной программе каждого из студентов группы. Первые две темы основаны на знании курса химии средней школы; без полного усвоения этого курса дальнейшее обучение химическим дисциплинам невозможно. Все задания снабжены краткими схемами-указателями для самоподготовки, особое внимание уделено примерам решения задач, что позволяет усвоить основные навыки при выполнении домашнего задания. Каждая тема содержит несколько заданий, построенных по принципу от простого к сложному.

Такая возможность способствует развитию у студентов самостоятельности и творческого подхода к изучению теории и овладению практическими

навыками в решении задач. Выполнение домашнего задания является подготовкой к допуску и защите лабораторной работы и предполагает, таким образом, обязательную самостоятельную проработку учебной литературы и лекционного материала [3].

Зачет каждого модуля проходит в виде он-лайн тестирования. Тестовое задание содержит 20 вопросов по темам, входящим в данный модуль. При этом тестовые задания содержат 7 вопросов, предусматривающих одновременно несколько правильных утверждений в качестве ответа на них, и 13 простых вопросов с выбором из двух вариантов ответа. Система он-лайн тестирования полностью автоматизирована и прозрачна. Привлекательность такой компьютеризированной методики состоит в том, что студент сразу после окончания тестирования видит набранные баллы.

В случае если студент набрал пограничное количество баллов, которое близко к более высокому диапазону, ведущий преподаватель учитывает личностные качества студента (дисциплина, ответственность, своевременность выполнения учебных занятий) и добавляет к набранным баллам от одного до десяти баллов, что приводит к более высокой оценке. Студент, не набравший 48 баллов в течение семестра, не допускается к экзамену, должен сдать

задолженности: отработать лабораторные работы, сдать домашние задания и РГЗ, пройти он-лайн тестирование.

Студент, сдавший все контрольные мероприятия, получает итоговую оценку по дисциплине за семестр в соответствии со шкалой (табл. 2).

Таблица 2. – Рейтинговая шкала оценки учебной деятельности студента

Рейтинг	Оценка на экзамене
85–100	отлично
71–84	хорошо
61–70	удовлетворительно
0–60	неудовлетворительно

Для каждой учебной группы создан электронный он-лайн журнал, в котором ведущий преподаватель выставляет набранные баллы студентам по итогам контроля каждого вида учебной деятельности. В любое время студент может зайти в личный кабинет на сервере университета и увидеть, сколько баллов из возможных он набрал к данному моменту.

Выводы. Таким образом, можно утверждать, что модульно-рейтинговая система влияет на формирование адекватной самооценки студента, стимулирует самостоятельную работу и способствует увеличению самостоятельности в учебе.

Список литературы:

1. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, – 2009. – 270 с.
2. Крокер Л., Алгина Дж. Введение в классическую и современную теорию тестов. – М: Логос, – 2010. – 663 с.
3. Ключникова Н. В., Денисова Л. В. Новые подходы в обучении при переходе на двухуровневую систему образования в высшей школе // Сборник научных трудов Sworld. – 2012. Т. 11. № 2. – с. 76–80.

*Dzhagaeva Tatiana Erastovna,
Doctor of pedagogical sciences, professor*

*Kozaeva Gulnara Rollandovna,
Applicant, Department of Inter-Faculty of Pedagogy and Psychology Ulianov
«North Ossetian State University K.L. Khetagurova»
E-mail: gkozaieva@bk.ru*

Innovation techniques in training teachers of elementary and secondary school within the framework of the national region of the Republic of South Ossetia

Abstract: The present article explores the necessity for improving the methods of training students in technical secondary schools by developing new approaches to pedagogical education.

Keywords: innovation update, establishment of initial vocational education and secondary vocational education, level of education, pedagogical innovation, traditional educational institution, innovative educational institution.

Джагаева Татьяна Ерастовна,
Доктор педагогических наук, профессор
межфакультетской кафедры педагогики и психологии
ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова»

Козаева Гульнара Ролландовна,
Соискатель межфакультетской кафедры педагогики и психологии
ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова»
E-mail: gkozaieva@bk.ru

Инновационные технологии в подготовке специалистов начального и среднего профессионального звена в условиях национального региона Республики Южная Осетия

Аннотация: В статье освещается вопрос необходимости совершенствования подготовки специалистов в учреждениях НПО и СПО путем разработки новых подходов к педагогическому образованию.

Ключевые слова: Инновационное обновление, учреждения начального и среднего профессионального образования, уровень образования, педагогические инновации, традиционное образовательное учреждение, инновационное образовательное учреждение.

Проблема инноваций явилась центральным звеном многочисленных психолого-педагогических исследований как в России, за рубежом, так и в Республике Южная Осетия, которая находится на пути становления своей государственности. Образовательные реформы в РЮО показывают, что между развитием научной мысли и ее практическим использованием по-прежнему лежит пропасть. Внедрение инновационной технологии в подготовке специалистов начального и среднего профессионального звена в условиях национального региона, как и многие проблемы в педагогике, не может считаться окончательно разработанной на сегодняшний день и характеризуется разнообразием подходов, концепций, мнений по поводу основных понятий и закономерностей, лежащих в ее основе. Анализ достижений педагогической науки, результатов фундаментальных и прикладных исследований ученых позволили выявить различные подходы к решению проблем начального и среднего профессионального образования. Создание условий для развития личности студента и качества профессиональной подготовки — ведущая задача переустройства системы профессионального образования. Поиск ориентиров в ее реализации ведется учеными и практиками, что находит отражение в работах С. Я. Батышева, В. Ф. Баширина, А. П. Беляевой, В. П. Беспалько, Б. Н. Боденко, Н. В. Борисовой, А. А. Вербицкого, И. А. Зимней, В. С. Леднева. В научно-педагогической

литературе исследование проблем педагогической эффективности процесса обучения, как и эффективности отдельных его компонентов, нашло отражение в ряде исследований, в монографиях и статьях Г. И. Александрова, М. Н. Андрющенко, В. М. Блинова, Ю. К. Бабанского, В. П. Голова, В. М. Гореева, Р. М. Кудяева, В. Б. Стрелкова. Проблемы профессионального образования раскрываются в трудах В. П. Беспалько, Е. Я. Бутко, Э. Д. Дненрова, В. П. Зинченко, А. К. Марковой, А. М. Новикова, И. П. Смирнова [4].

Для устойчивого функционирования системы начального и среднего профессионального образования необходимы, на наш взгляд, такие факторы и условия, как повышение культуры и уровня профессионализма педагогических кадров; создание наиболее благоприятных условий для творческой самореализации преподавателей; оказание помощи преподавателям в реализации профессиональной карьеры; использование рефлексии учебной и профессионально-педагогической деятельности; создание в образовательном учреждении и микроколлективах творческой атмосферы; использование здоровьесберегающих и здоровьесберегающих технологий, установление фасилитационных отношений между участниками образовательного процесса. К социально-экономическому аспекту мы отнесли уровень государственного финансирования образовательного учреждения, уровень оплаты труда преподавателей, демографическую

обстановку в регионе, менталитет населения. Включение субъектов образовательного процесса в инновационную преобразовательную деятельность является одним из условий обеспечения самореализации субъекта и одним из условий обеспечения устойчивого функционирования и развития образовательной системы НПО и СПО [2]. Функционирование и развитие учреждений НПО и СПО в инновационном режиме должно идти с учетом традиций, новых тенденций, норм и перспектив в сфере труда, социальных процессов. Нестабильность социально-экономической жизни и война, длившаяся почти 20 лет, породили дестабилизацию работы всей образовательной системы Юго-Осетинского региона, включая систему НПО и СПО. В связи с этим требуется разработка эффективных стратегий, за счет чего бы повысилась устойчивость развития этой системы. Стратегическое управление предполагает своевременные изменения в организации в ответ на изменения окружающей среды, позволяющие добиваться преимуществ, в результате чего образовательные учреждения достигают своих целей в долгосрочной перспективе, устойчиво функционируют и развиваются. Такое управление возможно лишь на основе использования гибких методов и форм регулирования. Использование стратегического управления позволяет: кратчайшим путем, с минимизацией отклонений, ошибок наметить направление преобразований с использованием научных методов прогнозирования, учета основных тенденций в развитии; добиться наиболее высокого темпа преобразований в условиях дефицита ресурсов путем выделения приоритетов; создать временный запас для подготовки персонала и ресурсов к решению инновационных задач и повысить тем самым качество работы. Действия субъектов образовательного процесса будут незначительными, если между ними не будет взаимопонимания [1].

Плохие социально-экономические условия привели к застою не только в образовании, но и в других сферах жизнедеятельности. Резко упала общекультурная подготовка студентов. Проведенные исследования ценностных ориентаций учащихся позволили сделать вывод, что ценности современной молодежи Южной Осетии стали носить прагматический, личностно-индивидуалистический характер. Наиболее значимыми для них стали: материальное благополучие, карьерный рост и т. д. Анализ исследований показал, что у большинства молодых людей, поступающих в учреждения НПО и СПО, абсолютно не сформированы личностно-значимые качества для обучения

профессии, что также затрудняет реализацию в полной мере образовательного процесса.

Учитывая все это, становится необходимым инновационное обновление и обеспечение современного качества начального и среднего профессионального образования, что приведет к радикальному улучшению качества подготовки молодых специалистов среднего звена. Необходимо подчеркнуть, что проблеме придется решать в сложной демографической ситуации, сложившейся на юге Осетии по объективным причинам, а также складывающейся «конкуренции» между уровнями образования и снижению численности поступающих.

Педагогические инновации можно осуществить, на мой взгляд, как за счет собственных ресурсов образовательной системы (интенсивный путь развития), так и за счет привлечения инвестиций — новых средств, оборудования, технологий, капитальных вложений и т. д. (экстенсивный путь развития). Соединение интенсивного и экстенсивного путей развития педагогических систем позволит осуществить так называемые «интегрированные инновации», которые строятся на стыке разноплановых, разноуровневых педагогических подсистем и их компонентов. Интегрированные инновации, как правило, не выглядят надуманными, чисто «внешними» мероприятиями, но являются осознанными преобразованиями, происходящими из глубинных потребностей и знания системы, что важно для Южной Осетии. Подкрепив «узкие» места новейшими технологиями, можно повысить общую эффективность педагогической системы.

По мнению И. П. Подласого, образовательное учреждение является инновационным, если учебно-воспитательный процесс основывается на принципе природосохранности, педагогическая система эволюционирует в гуманистическом направлении, организация учебно-воспитательного процесса не ведет к перегрузкам учащихся и педагогов, улучшенные результаты учебно-воспитательного процесса достигаются за счет использования не раскрытых и не задействованных ранее возможностей системы, продуктивность учебно-воспитательного процесса не является только прямым следствием внедрения дорогостоящих средств и медиасистем [5]. Эти критерии позволяют реально определить степень инновационности любого образовательного учреждения, независимо от его названия и местоположения. Особенности инновационного образовательного учреждения можно выявить в сравнении с традиционными учреждениями (табл. 1).

Таблица 1. – Сравнительные характеристики традиционного и инновационного образовательных учреждений

Сравниваемые параметры педагогического процесса	Традиционное образовательное учреждение	Инновационное образовательное учреждение
Цель	Передача знаний, умений и попутное воспитание	Содействие самореализации и самоутверждению личности
Ориентация	На потребности общества и производства	На потребности и возможности личности
Принципы	Идеологически трансформированы	Научные, объективные
Содержание образования	Разрозненные предметы со слабо выраженными межпредметными связями	Гуманизированные и личностно-ориентированные культурные ценности
Ведущие методы и формы	Информационно-репродуктивные	Творческие, активные, индивидуально-дифференцированные
Роль преподавателя	Источник и контроль знаний	Консультант-помощник
Основные результаты	Уровень обучения и социализации	Уровень личностного, профессионального развития, самоактуализации и самореализации

Это неполное сравнение показывает, что основополагающими принципами деятельности инновационного образовательного учреждения являются

гуманизация, демократизация, индивидуализация и дифференциация, чего необходимо достичь в учреждениях НПО и СПО Республики Южная Осетия.

Список литературы:

1. Давыденко Т. М. Рефлексивное управление школой: теория и практика. – Белгород, – 1995.
2. Решетников П. Е. Современные парадигмы образования. Традиции и инновации в образовании. – Белгород, – 2002.
3. Чередниченко Г. А. Молодежь России: Социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). – СПб.: Изд-во РХГИ, – 2004.
4. Новиков А. М. Профессиональное образование в России. – М.: Просвещение, – 1997.
5. Подласый И. П. Педагогика: Новый курс. Книга 1: Общие основы. Процесс обучения. – М.: Владос, – 2000.

*Korovina Irina Alekseevna,
Orenburg State Medical Academy,
Candidate of Pedagogic Sciences,
the Chair of Foreign Languages
E-mail: irinka.korovina@mail.ru*

*Zabolotnaya Svetlana Gennadevna,
Orenburg State Medical Academy,
Candidate of Pedagogic Sciences,
the Chair of Foreign Languages
E-mail: zabolotnaya56rus@yandex.ru*

Students' Learned Society as the means for activization of valuable resources of professional training of future doctors

Abstract: The importance of the students' work in the Learned Society as the means of activization of valuable resources of higher professional medical education is considered in this article. Special attention is paid to stage by stage involvement of future doctors in research activity.

Keywords: Students' Learned Society, professional training, higher medical education, medical student.

Коровина Ирина Алексеевна,
Оренбургская государственная медицинская академия,
кандидат педагогических наук, кафедра иностранных языков
E-mail: irinka.korovina@mail.ru

Заболотная Светлана Геннадьевна,
Оренбургская государственная медицинская академия,
кандидат педагогических наук, кафедра иностранных языков
E-mail: zabolotnaya56rus@yandex.ru

Студенческое научное общество как средство активизации ценностных ресурсов профессиональной подготовки будущих врачей

Аннотация: В статье рассматривается значимость работы в студенческом научном обществе как средстве активизации ценностных ресурсов высшего медицинского образования. Особое внимание уделяется поэтапному привлечению будущих врачей к исследовательской деятельности.

Ключевые слова: студенческое научное общество, профессиональная подготовка, высшее медицинское образование, студент медицинского вуза.

Стремительное развитие медицинской науки и практики, и связанное с этим обновление знаний, обуславливают необходимость непрерывного профессионального совершенствования специалистов. Становится очевидным, что в современных условиях основные цели профессиональной подготовки будущих специалистов в области медицины заключаются в обеспечении высокого уровня их интеллектуально-личностного и духовного развития; создании условий для овладения методологией и навыками проведения научных исследований и формировании соответствующего стиля мышления. Достижению поставленных целей способствует, в том числе, и как можно более раннее привлечение студентов к исследовательской деятельности, объективно продиктованное необходимостью изменений в сфере медицинского образования, постоянной потребностью в повышении профессиональной и, как следствие, научно-исследовательской квалификации для того, чтобы соответствовать быстро изменяющимся условиям жизни [1, 140–143].

Включение студентов в перспективные исследования медицинского вуза происходит поэтапно и подразумевает участие студентов в учебно-исследовательской работе (УИРС), а затем и в научно-исследовательской работе (НИРС) в рамках деятельности студенческого научного общества (СНО). Участие студентов медицинского вуза в работе СНО способствует активизации ценностных ресурсов, которые мы рассматриваем как источник избирательного отношения будущих врачей к духовным и материальным

идеалам, связанным с социальным прогрессом и получившим свое выражение в поведении и профессиональной деятельности. Воплощение данного положения происходит посредством повышения мотивации к исследовательской работе путем овладения научным методом познания; более глубокого и творческого освоения учебного материала; расширения общего и профессионального кругозора и научной эрудиции; воспитания потребности перманентного совершенствования своих знаний и практических умений по оказанию качественной и эффективной медицинской помощи; формирования устойчивых навыков научно-исследовательской деятельности, поиска и выбора оптимального подхода к решению профессиональных задач.

Существенным фактором участия студентов в СНО является и возможность применения полученных знаний на практике. Основной вектор развития студенческой науки заключается во все возрастающем внедрении элементов научных исследований в образовательный процесс медицинского вуза, поскольку особой ценностью обладают знания, получаемые студентами в результате творческого научного поиска.

В связи с этим, активному овладению, необходимыми для успешной профессиональной деятельности, знаниями, умениями и навыками способствует, становящийся устойчиво доминирующим, познавательный и профессиональный интерес к исследовательской деятельности. Работа в СНО способствует формированию внутренней позиции студента, основанной на ценностных ориентациях, позитивному

отношению субъекта к миру своей будущей профессии и к самому себе как субъекту профессии [2, 63–65].

Деятельность СНО Оренбургской государственной медицинской академии (ОрГМА) носит многоаспектный характер: от изучения специальной профессионально ориентированной литературы и подготовки сообщений до непосредственного участия студентов в перспективных научных медико-биологических исследованиях. Таким образом, студенты первого и второго курсов привлекаются к участию в конкурсах рисунка к латинскому изречению, перевода студенческого гимна «Гаудеамус», лучшей эмблемы конференции СНО; научно-практических конференциях разного уровня; предметных олимпиадах; подготовке публикаций в научных студенческих сборниках; изучению научной медицинской литературы аутентичных зарубежных и отечественных источников; работе с медицинской терминологией (реферативная работа); написанию сочинений и эссе на английском и русском языках на профессионально-значимые темы: «Моя будущая профессия — врач», «Врачи и их пациенты». Студенты старших курсов получают возможность непосредственно участвовать в экспериментальных исследованиях, проводимых на клинических кафедрах под руководством ученых-медиков.

Эффективной формой активизации ценностных ресурсов студентов медицинского вуза становится их участие в факультетских и межвузовских конференциях СНО, позволяющих реализовать принципы диалогичности, преемственности, интеграции и профилизации. При проведении подобных конференций происходит выстраивание диалога между студентами разных лет обучения, преемственность в исследовательской работе. Этот вид деятельности оказывает положительное влияние на студентов первого курса, поскольку они получают возможность увидеть перспективу развития своего научного потенциала.

Действенным средством привлечения студентов к исследовательской деятельности становится участие в научных онлайн — конференциях, позволяющих транслировать аудио и видео материалы в режиме реального времени. Участие студентов в подобных конференциях по различным отраслям медицины (кардиохирургия, микробиология, травматология, стоматология и др.) способствует обеспечению связи теории с практикой, стимулируя познавательный и научный интерес участников за счет возможности работать с клиническим

демонстрационным материалом, содействуя формированию информационной компетентности и умению использовать ее в своей профессиональной деятельности. Особую актуальность для будущих специалистов в области медицины приобретает возможность участия в международных конференциях на иностранных языках.

Инструментом формирования специалиста нового типа высокого профессионального уровня, готового к инновационной деятельности — автономной вторичной языковой личности является иностранный язык [3, 29–33].

Цель обучения иностранному языку в ОрГМА — развитие межкультурной информационно-коммуникативной и самообразовательной компетенции специалиста-медика. Специалист медицинского профиля должен быть готов к эффективному профессиональному общению, научно-информационному обмену и осуществлению личностно-профессионального саморазвития с помощью иностранного языка. В настоящее время изучение иностранного языка рассматривается как значимый фактор, позволяющий современному специалисту лучше ориентироваться в профессии и окружающем мире, а вузам успешно реализовывать программы и проекты интернационализации и глобализации в сфере современной науки и образования. В связи с реализацией основных положений Болонского соглашения, именно академическая мобильность рассматривается как способ интернализации высшего профессионального образования и его интеграции в международное образовательное, научное и профессиональное пространство. Привлечение студентов к исследовательской работе находит свое отражение в непосредственном сближении медицинского образования и современных научных школ.

Интеграция в мировое образовательное и научное пространство открывает новые возможности не только для медицинского образования, но и для личности будущего специалиста в области медицины, поскольку в рамках реализации академической мобильности студент сталкивается с необходимостью решения жизненных, образовательных, исследовательских и профессиональных задач. Это способствует развитию у будущего специалиста в области медицины умений оценивать, выбирать и конструировать пути взаимодействия с окружающим миром; способности к самоактуализации и кросс-культурной коммуникации; навыков проектной деятельности в межкультурном аспекте.

Специфика академической мобильности в рамках медицинского образования и научно-исследовательского пространства подразумевает активное владение иностранным языком специальности, что соответствует требованиям ФГОС ВПО, которые, обязательным условием профессионального развития личности будущего специалиста в области медицины, определяют наличие умений иноязычного общения, развитие коммуникативной компетенции, способности и готовности работать с научной литературой, анализировать информацию, вести поиск и превращать прочитанное в средство для решения профессиональных задач.

Взаимодействие с зарубежными коллегами, участие студентов, интернов и ординаторов в зарубежных практиках и стажировках, выступление на международных конгрессах и симпозиумах, четко высветило следующую проблему: процессы интернационализации образования требуют реализации новых стандартов в области языкового образования, разработки соответствующих учебных программ, обоснования принципов, технологии проектирования содержания обучения иностранному языку с учетом не только отечественного, но и зарубежного опыта в данной области. В связи с этим, тема проектирования и реализации содержания обучения иностранному языку в высшей школе с учетом интернационализации образования является одной из актуальных проблематик современной отечественной педагогики высшей медицинской школы.

Участие в международных программах и проектах, в том числе и прохождение производственной практики, воспринимается как самим студентом, так и окружающими его людьми как личностно и профессионально значимые достижения, все это приводит к изменению культурного, общеобразовательного и профессионального уровней личности, оказывает влияние на его ценностные ориентации. В свою очередь, определенные ценностные

ориентации и направленность личности приводят человека к этому направлению деятельности, побуждают его принимать участие в данных мероприятиях и процессах.

Однако следует отметить, что в СНО приходят студенты, как правило, успешно занимающиеся по основным учебным дисциплинам и обладающие довольно высоким интеллектуальным уровнем. В отличие от УИРС (при 100 % охвате студентов), в кружках СНО (являющихся факультативными) занимаются студенты (значительно меньшая часть), проявляющие интерес к науке. Студенты, работающие в СНО, являются более инициативными, адаптированными к современным условиям обучения в вузе и жизни в целом, более реалистично представляют свое будущее.

Включение студентов в поэтапную, постепенно усложняющуюся исследовательскую деятельность в режиме УИРС — НИРС — СНО доказывает свою высокую эффективность, поскольку дает студентам возможность убедиться в правильности выбора профессии, познать мир будущей профессии, быстрее адаптироваться не только к учебной, но и к профессиональной деятельности.

Таким образом, участие студентов в перспективных научных исследованиях на кафедрах гуманитарного, медико-биологического и клинического циклов способствует приобретению навыков исследовательской работы, ориентации студентов на постоянное самообразование, формированию умения решать задачи исследовательского характера, развитию профессиональной самостоятельности, самосознания, познавательного интереса, творческой инициативы и социальной ответственности за здоровье людей.

Следовательно, работа в СНО представляет собой действенную форму профессионального воспитания будущего специалиста в области медицины, способствуя переводу студента из объекта в субъект деятельности.

Список литературы:

1. Бухарина Т. А., Аверин В. А. Психолого-педагогические аспекты медицинского образования. – Екатеринбург: УРО РАН, – 2002.
2. Заболотная С. Г. Студенческое научное общество – аксиологический потенциал современного медицинского образования // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова. – 2013. – № 3.
3. Коровина И. А. Формирование профессиональной направленности студента-медика в самообразовательной деятельности // Академический журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции». – Оренбург: ОГИМ, – 2011. – № 4.

*Lapkina Olga Yurievna,
Children's Art School in Vladikavkaz
Teacher of musical-theoretical disciplines
E-mail: Kertty@yandex.ru*

The forming of style hearing at the classes of music literature

Abstract: The article is devoted to issues of development of style hearing, the necessity of forming of «ear for style» in professional music education is defined like the main. The author pinpoints the basic aspects of musical training, reveals features of forming of value orientations to the profession, highlights the aspects of different methods and forms of working at the classes of music literature.

Keywords: Style hearing, methods and forms of working, music literature.

*Лапкина Ольга Юрьевна,
Детская школа искусств, г. Владикавказ,
Преподаватель музыкально-теоретических дисциплин
E-mail: Kertty@yandex.ru*

Формирование стилевого слуха на уроках музыкальной литературы

Аннотация: Статья посвящена вопросам развития стилевого слуха, необходимость формирования стилевого слуха в профессиональном музыкальном образовании определяется как основная. Автор выявляет основные аспекты музыкальной подготовки, раскрывает особенности формирования ценностных ориентаций в профессии, освещает аспекты различных методов и форм работы на уроках музыкальной литературы.

Ключевые слова: стилевой слух, методы и формы работы, музыкальная литература.

Понятие «стилевой слух» появилось в российской музыкальной педагогике благодаря работам Карасевой М. В., Николаевой А. И., Михайлова М. К., Скребкова С. С., Критской Е. Д., Назайкинских Е. В. и др. Формирование стилевого слуха (чувства стиля) рассматривается как развитие способности распознавать стилистические особенности музыкальных произведений и связано с внедрением в отечественную музыкальную педагогику стилевого подхода при анализе музыкальных произведений.

Стилевой подход предполагает такой анализ музыкального произведения, при котором учащиеся обладают умением выявить, охарактеризовать и осознать устойчивые элементы выразительных средств музыки, присущие конкретному стилю. К ним относятся мелодические, ладо-гармонические, метроритмические признаки, особенности фактуры и т. д. Немаловажным представляется также умение «прочувствовать» произведение, определить его образный строй, эмоциональную окраску.

Развитие стилевого слуха, являясь одной из задач музыкального образования, объединяет различные виды деятельности учащихся. В исполнительской деятельности одной из самых важных и сложных проблем является воспитание чувства стиля. Для исполнителя, имеющего профессиональную подготовку,

информационное содержание нотного текста практически неисчерпаемо. Но умение передать образный строй и смысл музыкального произведения обусловлено, в первую очередь, знанием стилистических особенностей творчества композитора. Именно поэтому великие педагоги придавали огромное значение работе над стилем.

Одной из главных задач предмета «Музыкальная литература» является создание основ понимания учащимися исторического пути развития музыкального искусства как чередования различных эпох и стилей. Развитие стилевого слуха систематизирует учебный материал, так как вместо обычного суммирования, информация складывается в определенную систему стилистических элементов, что, в свою очередь, активизирует процессы памяти.

Развитие стилевого слуха не только увеличивает объем изучаемой информации, но и образных впечатлений, переживаний и ассоциаций учащихся, так как подразумевает использование аналогий со смежными видами искусств. Стиль как персонификация культуры определенной эпохи, существует в различных жанрах, видах и течениях искусства. Стиль как типологическая целостность представляет собой не только совокупность главных художественных особенностей конкретной культуры, но и являет

внутреннюю необходимость в определенном типе восприятия. Таким образом, появление стилевого подхода при изучении музыкальной литературы обусловлено, в первую очередь, целью приобщения учащихся к музыкальному искусству в его историческом становлении и развитии, а также потребностью умения применять полученные знания в творческой деятельности. Используя стилевой подход в изучении музыкальной литературы, следует рассматривать стиль в нескольких аспектах:

- Стиль как фактор творческого процесса (освоение композитором мира как единой художественной системы);
- Стиль как фактор художественного процесса (развитие художественной традиции, взаимодействие различных эпох);
- Стиль как фактор художественного воздействия искусства (характер эстетического влияния произведения).

Наличие стилового слуха у учащихся способствует увеличению их слухового опыта, развивает аналитические навыки. По мере накопления слуховых представлений у учащихся формируется художественный вкус, что служит основой для осознания стиля каждого композитора, развивает способность определять автора по новому произведению, ранее неизвестного. Основная задача состоит в воспитании особого интонационного чувства музыки, ведущего к внутренней активности слуха, при которой учащиеся воспринимают музыку, как мысль. Это пробуждает самостоятельный интерес к постижению законов музыки, осознанию эстетической ценности произведения.

Исходя из вышесказанного, можно обозначить следующие элементы стилового слуха:

1. эмоционально-образный (интонационно-содержательный);
2. когнитивный (структурно-аналитический);
3. деятельностный (реализация в слушательской, исполнительской и композиторской деятельности);
4. аксиологический (ценностный).

При развитии стилового слуха можно использовать следующие методы:

- Метод сравнительной стиловой характеристики (осуществляется по принципу контраста или сходства рассматриваемых стилей, выявляя закономерности и определяя специфику произведения);
- Метод стилового варьирования (изменение элементов музыкальной речи, композиции,

принципов изложения, использованных композитором в данном произведении, отмечая уникальность именно этого композиторского решения);

- Метод статистики (выявление в произведении закономерностей формы и выразительных средств музыки);
- Метод тестирования (определение стиловой принадлежности музыкальных произведений).

Формы работы могут быть следующими:

1. Изучение информации: анализ стилических проявлений в других видах искусств (литературе, живописи, архитектуре).

2. Изучение творческого пути композитора — его личности, этапов развития, обстоятельств, при которых было создано произведение.

3. Изучение данного конкретного произведения композитора, используя стилевой подход (стилевой анализ).

4. Изучение произведений одного композитора в различных жанрах.

5. Изучение нотного текста, указаний композитора, основных стилических черт.

6. Изучение различных редакций текста, а также интерпретаций исполнения.

План проведения стилового анализа:

1. Прослушивание музыкального произведения.
2. Анализ эмоционально-образного содержания.
3. Анализ выразительных средств музыки.
4. Анализ признаков стиля.
5. Вокальное или инструментальное исполнение характерных интонационных построений и оборотов.
6. Закрепление в памяти знаний при помощи тестирования.

Таким образом, данные методы и формы работы, опираясь на знание основных элементов музыкального языка и накопленный слуховой опыт, целенаправленно развивают следующие навыки:

1. способность определить принципы мелодического изложения, характерные для каждого стиля;
2. способность определить метроритмические и ладогармонические особенности, типичные для данного стиля;
3. способность определить фактуру произведения.

Развитый стилевой слух является не только неотъемлемой частью профессионального музыкального образования, но и способствует более полному и глубокому восприятию произведения искусства, осознанию его основных характеристик.

Список литературы:

1. Критская Е. Д. Методы интонационно-стилевого постижения музыки. – М.: Наука, – 1998.
2. Михайлов М. К. Стиль в музыке. – Л.: – 1981.
3. Назайкинский Е. В. Стиль и жанр в музыке. – М.: Владос, – 2003.
4. Николаева А. Стилевой подход в музыкальной педагогике. – М.: Владос, – 2001.
5. Скребков С. С. Художественные принципы музыкальных стилей. – М.: – 1973.

Linkov Alexander Yordanov,
University of Plovdiv "Paisii Hilendarski", Bulgaria,
Senior Assistant Professor PhD, The Faculty of Pedagogy
E-mail: starcom2@abv.bg

The Dalton technology in the field of new educational realities

abstract: What unites most of the contemporary pedagogical technologies are several new basic principles and a need for a more in-depth analysis of the psychophysical and individual characteristics of the people trained. Realisation of the gradual substitution of the less effective verbal (word) method of knowledge transfer for a system-active approach, possibilities to design the learning process and the organisational forms of interaction between teachers and students in an active learning environment, polyvalent in character.

Keywords: educational system, educational medium, school values, pedagogical technologies.

What makes an impression about the conditions in which the modern educational system exists — as a world trend and especially as a national doctrine — above all, is the common requirement for development of the informational field of students in the course of their personal growth and completion.

The contemporary stage of development of our society is characterised by dynamic changes, many of which have no analogue in human history. More and more deepening processes of societal globalisation and internationalisation are being observed. As well as this, both the nature of labour itself and the technical base and organisational structures of economy are changing; new types and varieties of activity are emerging, while many of the ones that have existed so far are gradually becoming out of date. The changes in the economic base exert influence on the social sphere as well: the structure of society and the relationships between different social groups are undergoing change.

The progressive development of democratic processes in civil society leads to a considerable change in the orientation of values, behaviour, way of life and the relationships between people. Education becomes a key factor and condition in societal development, performing social, economic, cultural and many other functions. Education provides some continuity in society, passing on knowledge and experience which humanity has gained over time. It recreates and develops

human potential, which allows society to renew itself constantly.

According to Ivan Velchev, tangible changes are taking place in Europe, connected above all with “the processes of economic and cultural globalisation”. As one of the significant indicators characterising the educational medium, PISA points out *student engagement*. This indicator contains two components — a sense of belonging to school life and participation in the educational process. The former carries information about the identification of a 15 year-old with his/her school results (whether he/she thinks that education contributes to his/her individual development and material prosperity in the future), as well as how he/she accepts school values, and how he/she is accepted and estimated in the school environment. The second component of the indicator registers presence in classes, preparedness for the lessons, completion of assignments, attention in class, as well as participation in extra-curricular activities such as sport or interest clubs [1].

G. K. Selevko gives a versatile definition of the term “pedagogical technology”, formulating — along with the purely lexical interpretations — some possible etymological relations built on the basis of its complex application in school practice.

1. Technology can be viewed as a mixture of methods, applied in a purposeful and planned way, to a concrete piece of work, when demonstrating mastery in art.

2. Pedagogical technology is a mixture of psychological and pedagogical rules defining a special set and combination of forms, methods, techniques and nostrums of teaching, as well as means of education; it also includes organisational and methodological instruments of the pedagogical process (according to B. T. Lihachev).

3. Pedagogical technology is a “description” of the process of achieving planned educational results (according to P. I. Volkov).

4. Pedagogical technology is a meaningful “technology” for the realisation of the educational process (according to V. P. Bepalko).

5. Teaching technology is an integral “procedural aspect” of didactic systems (according to V. M. Shepel) [12, 14–15].

A report with the working title “Key Data on Education in Europe”, published in 2012 by the Education Audiovisual and Culture Executive Agency (EACEA P9 Eurydice) placed great emphasis on the “assessment of schools and teachers. In the majority of countries, there has been introduced a system of external assessment of schools, usually carried out by an inspectorate, as well as a system of internal assessment conducted by the school staff or sometimes by other members of the school community. The individual assessment made by teachers has only recently been introduced and established in several countries, such as Belgium (Flemish Community), Portugal, Slovenia and Liechtenstein, sometimes within the framework of a common result assessment system for all state institutions.” In most of the countries, the grades that students receive in external assessment tests are used along with the results from school assessment procedures, from the monitoring and control of their own educational systems [4].

The pedagogical technologies based on classic formulations, which were an inseparable functional part of their functional models, are also subject to corrections, amendments and additions.

What unites most of the contemporary pedagogical technologies are several new basic principles (they are difficult to classify as defining, fundamental or determining, but rather have the meaning and status of a standard for the various methodological variants of realisation):

- a need for a more in-depth analysis of the psychophysical and individual characteristics of the people trained;
- realisation of the gradual substitution of the less effective verbal (word) method of knowledge transfer for a system-active approach;

possibilities to design the learning process and the organisational forms of interaction between teachers and students in an active learning environment, polyvalent in character [13].

I. I. Poltava and G. I. Kozlova, in line with the new views on the place and role of pedagogical technologies, maintain that one group of them is of considerable importance to the fulfilment of effective school work throughout the various school grades. In this group, they undoubtedly include the following manifestations of pedagogical technology (providing that these technologies are applicable under all educational circumstances and specific school subjects): technology of module training; technology of students’ development of critical thinking; technology of analysis of concrete situations; research technology of training students from upper ages and grades; technology of the organisation of group interaction; technology of project training; technology of play training; technology of problem-based training; technology of individual work organisation [8, 35].

The active educational space at school, which very often changes its reference limits; the changed role and status of teachers, who are most of the time discreet supervisors of the self-teaching process; the increased informational communicativity of students within the diffuse groups formed (formations of students whose behaviour is determined by the presence of specific interests linked to the assimilation of educational material or the realisation of a group-selected stereotype of behaviour in class) create the necessary organisational methodological conditions in order to fulfil various pedagogical approaches, some of which have the priority of being called system technologies.

A similar technology, which has a large field of activity and methodological realisation, is the Dalton technology; it can also be called “project-research methodology” at the beginning of the empirical analysis.

The consolidation of knowledge about a project (well-known in school practice, beyond the natural understanding of “project training”), as well as the development of skills for the fulfilment of research behaviour and mentality in students (similar, for instance, to the application of the technology of analysis of concrete situations, which are essentially mono-research problem-based situations) create the feeling that what is meant is a method (a private technology) which will combine two methodologically proven pedagogical nostrums.

Dalton is a city in the USA (the state of Massachusetts), where this technology (its initial variant) was first used in city schools.

In 1911, the American educator Helen Parkhurst reached the conclusion that in modern schools students are not enabled to “show their natural desire and striving to voice their thoughts publicly, to ask questions, to play.” She created an innovative method, known as the “Laboratory Plan”, through which she tried to activate the socium of children, developing above all their bodies, minds and abilities. This idea is underpinned by the requirement to reach a unity between the activities of teachers and students, on the basis of individualisation of the learning goals.

H. Parkhurst began her research work when she was only a village teacher. In the beginning, she worked with a group of 40 children, dividing them into 8 groups. She faced a real dilemma: how to organise the work of these 7 reduced groups while purposefully dealing with the students of the last, 8th group. She came up with a brilliant solution — the best way was to give every child a task while she was finishing work with the others. In the beginning, older students helped her in this initiative.

Many literary sources confirm the version that for her systematic school and research work, she did not only use the classroom, but also all sorts of other premises (“for this purpose, I even reorganised the warehouse, transforming it into a room in which every subject found its corner”). The lack of specialised material facilities in those days made her think that she could create the so-called by her “subject laboratories”. As she herself admitted, those were “corners” where almost 7/8 of all the classes took place. Consequently, the idea of creating subject laboratories became a main programme and conceptual feature of the “Dalton Plan” [11].

The formation and implementation of the idea of “subject laboratories” created conditions (strictly methodological and subject ones) to move to a cardinal reorganisation of school stereotypes and educational behaviour. The first steps in this regard were made in the remote 1913, when in the school where H. Parkhurst had conducted her experiment the schedule was partially reorganised, and in 1915 the schedule of classes — in their traditional form of presentation as a weekly timetable — was altogether absent. She had worked for more than 9–10 years on this idea (starting with the original approbation in 1911), and in 1919 applied this technology for the first time in a systematic plan when teaching disabled children. One year later, she carried out her long planned research into the upper school grades. For this purpose, she chose the city of Dalton, located in the state of Massachusetts, which in its own way promoted this so successful educational technology.

She was a follower of M. Montessori and J. Dewey. According to her, students ought to work at a pace adequate to their abilities, since a forced pace of work is ineffective. She believed that the natural rhythm of school activity is disrupted by breaking it down into classes.

“She claimed that the failure and backwardness of children at school are associated with the established schedule of weekly classes. H. Parkhurst’s idea is to provide children with maximum independence for the realisation of peaceful and productive activity. The lesson is cancelled as a form. The classroom is replaced with a laboratory for doing one’s own research. The subject school system is restructured. School disciplines are divided into basic (maths, English, history, science, foreign languages and geography) and non-basic (music, art, sport, physical education, home economics). At the beginning of the school year, the teacher familiarises his/her students with the annual plan, which includes tasks on individual subjects” [6, 69–70].

Conceptually and functionally, the Dalton technology aims to ensure the active expression of students’ personalities; to ensure active development of their social experience at the expense of the more active use of the method of cooperation, as well as to foster taking responsibility in educational and cognitive activities.

The Dalton technology fulfils three basic principles, which in a complete whole exert influence on the learning process: freedom, independence, cooperation [17].

At this stage, it could be stated that in the separate countries around the world, particularly in the European and English speaking ones, it is not uncommon to see such technologies striving to implement that trinity: the Jena Plan, the Dalton Plan, Waldorf, the target act method, the projects-based method. A point of interest is the Jena Plan, having been used for over 40 years in Dutch schools. The idea set in it relies on “the perception of school as a place where a community in which one can be taught and live simultaneously can successfully be created and operated”. The main activities are dialogue, games, work and holidays.

“One of the great advantages of working on the Jena Plan is the possibility to receive help from a classmate, from a group the same or higher in age or achievements. On the other hand, the person who provides assistance improves his/her own competencies and therefore the children are taught responsibility and collaborative work. In order for this to happen, an important prerequisite is textbook literature, which is skillfully constructed in order to allow building upon the educational content, through the usage of the spiral approach for its arrangement” [17, 176].

The main principle set in this pedagogical technology is based on the self-development of each student on the basis of his/her cooperation with the ones surrounding him. The student is placed in a different environment, not so strictly fixated on time and space, facilitating his/her choice regarding the studied topics and thematic units; he alone sets and complies within optimal range a fixed pace for work; the search method, selection and systematisation of the necessary educational information; independent choice of the methods and ways of evaluation of the accumulated knowledge by the teacher.

Each student has the complete organisational freedom to participate in classes by choosing in advance the manner (form) of participation: individually; grouped; or by creating a pair with another student [3].

An interesting methodological issue occurs immediately, related to the question — to what extent is the student able to “manage the henceforth achieved educational freedom” of action? In a purely methodological aspect, such freedom is possible within the limits of where it would be accountable for by the teacher. Realisation of training, at the base of which is the interpersonal educational training, to some extent delegates other possible boundaries that depend on the degree of “achieved” (“reached”) personification of the educational plan and the ability of each student to impose an optimal working pace.

I. G. Voronchihina, based on the historical and pedagogical research conducted by her, asserted that between the Dalton Plan and project-based training there were many common features (an interesting historical retrospection, having in mind the various historical lags of comparison). Both the Dalton Plan and the project-based method can be considered distinct combinations of the application of a series of mono-didactic systems, which with the Dalton Plan suppose more systematic management. The traditional education is characterised by the systematic form of the informational process and “manual” management tools; the “consultant” monosystem; “the usual academic book”; gradually channeling the informational process towards the realisation of automatic means of control.

In the composition of the methods, typical of the traditional project training, the following systems are included: traditional training; “consultant” and “the usual academic book”. A peculiar method of the projects is the presence of the monosystemic “small group” and “tutor”, generated on the basis of closed control and the predominant use of manual tools for managing the process of project activity of students [2].

Collaborative learning, based on the example shown, originated at the beginning of the 1920s. Within the limits of a possible pedagogical technology, collaborative training begins to take form actively after 1970. The basic terms and principles were set through the participation of three American scientists: R. Slavin (1990), R. Johnson and D. Johnson (1987), D. Aronson (1978) with the active participation of a group of Israeli scientists, headed by Shlomo Sharan (1988).

The two conceptual methods have certain differences, which in no way can be classified as being “principle” ones. In the USA, the primary programme objective of collaborative learning is “the formation of certain habits and skills; assimilation of concepts; of theoretical and applicable knowledge, designated in the curriculum. In Israel, and in many countries across Europe, a similar in nature tuition possesses for a main educational and functional determiner “the project activity of students”, with active group discussions being organised and conducted”. Not only on the sole basis of these comparisons can the conclusion be made that these two options complement each other very well. Indexation at certain stages of the learning process of the phenomenon “error” goes to show that the student failed to assimilate, in the required system and methodological depth, the necessary learning material and that he/she needs additional practice. Since the teacher, at times, is incapable of providing effective support, these rights are naturally delegated to others — the students. The process of active socialisation gives an opportunity for many of the students to develop systematic communication skills [15].

According to A. V. Hutorsky, learning through collaboration should be regarded as a person-centred type of technology, based on the establishment of individual educational trajectory under the guidance of a teacher. This is made possible with the realisation of the following methodological options:

- freedom of choice and expression of the individual meaning and purpose in each course, topic and lesson;
- the right to personal interpretation and understanding of the fundamental concepts and categories;
- the right to compose individual educational programs for the target course during the term and the year;
- freedom of choice to set an individual pace of learning, forms and methods of solving educational programmes, means of control, reflection and self-evaluation;
- individual choice of additional topics and creative activity based on subjects [16, 1–2].

In many of the declared features, which are included in collaborative learning, postulates are found underpinning the concept of the Dalton Plan.

According to A. V. Hutorsky, the person-centred approach implies increasing the role of the student in the learning process, its activity focus. The objectives, content, forms and methods of learning; the control of the results and the other didactic elements, reveal their need to be measured to the interests and the inclinations of the students. To provide a choice for the individual educational trajectory, within the boundaries of each studied course. The personal orientation in the present case does not focus directly on the student, but rather is derived from the student him-/herself [9, 7].

Thus, the so topical of late act of “self-determination” of the student regarding the specific educational content; educational issue; learning problem; training course enable him/her to set for him-/herself specific goals and objectives, on the basis of which he/she can afterwards perform his/her individual educational trajectory. The student has the right to designate the scientific problems which interest him/her, presented in many of the cases in an axiomatic aspect, and consult with the teacher on the basis of this discernment and selectivity; to coordinate his/her individual program with the common educational program [14].

I. S. Yakimanska emphasises that the person-centred training presupposes the availability of a correlation between certain requirements in which these clearly dominate:

- design of the study material, taking into account the subjective experience from the previous period of tuition of the student; organisation of the study material in such a way as to enable the student to achieve a specific, rationalised choice in the course of performing the study tasks;

- active encouragement of the student to display self-evaluative educational activity in order to ensure the necessary capabilities for self-education, self-development, self-expression in the course of acquiring academic knowledge;

- stimulation of the student towards individual choice of various didactic methods and means of re-working the study material, which is of compulsory and regulatory nature;

- ensuring monitoring and evaluation not only on the final result of the training, but also on the very process of learning [19, 8].

For the realisation of the training strategy, related to the Dalton Plan, several didactic performances (positions) are planned and gradually implemented:

1. Formulating the fundamental functional principles upon which the concept of this pedagogical strategy is built, namely:

- 1.1. principle of freedom of choice;

- 1.2. principle of autonomy in actions;

- 1.3. principle of cooperation in the course of practical training.

2. The training tasks, due to their specific place in the general methodological scheme, have a number of characteristics, which are mandatory in the course of the preliminary design of the curriculum and in the course of choosing the methods and instruments for its realisation.

3. Cooperation and individual freedom in the course of programmed tuition is achieved by using the following organisational lesson forms:

- 3.1. role and location of the training “laboratory”;

- 3.2. significance of the “combined” lesson in the course of personalised training;

- 3.3. place of the Dalton class and the conference in the course of realisation of the individual study plan of each student.

The principle of freedom consists in the right of the student to choose the subject, topic, partner, forms, methods and forms of work. In this case, all these variables are subject to a mandatory curriculum. In the course of realisation of the particular curriculum, every student accounts for him-/herself individually in front of the teacher, thus combining the freedom of choice and activity with the responsibility of their own actions and behaviour.

The principle of cooperation finds the most functional relations in already existent traditional forms and methods: individual, group, paired, in the boundaries of established diffusional or referential monogroups. The student has the right to refer to every single possible subject, which by his/her own judgement could help the process of solving the problematic tasks set: teachers, classmates, parents, acquaintances, specialists in one or another scientific or productive sphere.

The principle of autonomy overlaps, in a certain functional regard, with the principle of collaboration, as it generally sets a choice and planning for the independent subjective and cognitive activity of the student in the boundaries of the chosen thematic course [5].

A. I. Savenkov devotes a lot of time from his research endeavours to the idea of applying the Dalton Plan in Russia, a country which is characterised by a variety of pedagogical models, which at the beginning of the century did not follow a certain classic

model, realised to a certain degree in the other European countries.

In 1919, a certain pedagogical technology became a fact in Russia, which by its many distinctive features resembles the Dalton Plan.

It is named in a similar way — “studio system”. Scientists like R. B. Vendrovskaya, who deal with the history of pedagogy, advocate the thesis according to which this Russian pedagogical technology is the idea of P. P. Blonsky and his research “The labour school”, which was published during the also interesting year 1919. The main operational feature of the “studio system” is aimed strictly at the use of “research methods of education”. This, in its nature, is in significant methodical discrepancy with the conception which advocates the Dalton Plan, where tuition is established on the basis of using reproductive methods of tuition, which brings this innovational technology closer to its traditional form [11].

At this final stage, an interesting question of ascertainment emerges. Why under the conditions of educational indefiniteness do all “modern pedagogical technologies” attempt to turn towards models which have acted in a totally different social-public environment, and have solved seemingly easier educational and norm-oriented tasks?

The answer possibly lies in the strong “pragmatism” of the old pedagogical models with regard to modern ones. The modern educational environment is indefinitely conservative regarding two very important methodical moments: achieving freedom in the actions of the student; achieving professional freedom in the activity of the teacher.

The aspiration to unite pedagogical technologies, providing that the feature of subjective (communicative) freedom is missing, is simply untenable.

The modern pedagogical technologies, a large part of which interpret complexly presented models or such that have proven their efficiency in other conditions and other educational environment, can be verified based on the following dominant variables.

1. Pedagogical technologies, which in their own methodological basis rely on the “personal orientation of the educational process”.

2. Pedagogical technologies, which rely on the realisation of the requirement for “activation and intensification” of student activity.

3. Pedagogical technologies that rely on the realisation of the condition to perform “didactic improvement and reconstruction of the study material”.

4. The group of subjective pedagogical technologies, in which are usually included the subject technologies for native-language and mathematical training (in the models of R. A. Zaytsev; R. G. Hazankin).

5. Nature-oriented theories related to the natural instruction in literacy (by the model of A. M. Kushnir) and the technology of self-development of M. Montessori.

6. The popular group of pedagogical technologies, associated with the development training, presented in the works of L. V. Zankov, D. B. Elkonin, V. V. Davidov, G. S. Altschuler.

7. The group of “alternative technologies” by the classical models of: the Waldorf pedagogy, “the technology of free labour”, “the technology of educational probability” (in the works of A. M. Lobok), “the technology of pedagogical workshops”.

8. Pedagogical technologies which became known by the name of “technologies of author schools”, with representatives: E. Y. Yambur, M. A. Ballaban, D. Howard, A. A. Katolikova [7].

An interesting idea is proposed by T. A. Prishtepa within the bounds of the traditional problem-oriented pedagogical technology (based on the formation of a positive inner motivation for learning). She names the pedagogical variation of group work “Alternative”, in the field of training heuristic in nature (advocated as an educational conception most strongly and confidently by A. V. Hotorsky).

The main tasks which the author of this concept sets are associated with:

- Enhancing the component of “conscious attitude” in real life situations; by the significance of their own perspective.

- Developing habits for “constructive, sequential, structured thinking”.

- Nurturing a culture of exchanging views, “freedom from aggressive pushiness”.

- Developing the abilities to see “emotions”, feelings and to understand their role in the process of thinking.

- Forming an understanding of the fact that complex situations exist, where a person is unable to realise all aspects of the problem, firstly through the “demonstration of the ambiguity of the possible solutions”.

In a functional aspect, the author relies on the realisation of cooperative activity of educational subjects:

- Own subject activity (the subject activity, as a rule, is dependent on the degree or element of complexity implied in the academic task).

– A set of processes that realise various connections and relations between the people during the course of such activity [10].

Reconsidering the place of pedagogical technologies, which despite their historical distance from the present have realised in action dynamic methodological models (here can be mentioned the place of the Winnetka Plan and its creator C. Washburne; the contribution of E. Collins, A. Flexner), a question arises — within what limits can modern schools become a kind of an experimental site, like the aforementioned “experimental schools” that

have contributed, albeit within limited boundaries, to change the basic educational paradigm of the constantly altering school?

Although only partial, the answer could lie in the need to achieve unity of the four major methodological components: the subject assimilation of academic information; development of reflexive activity at any given moment of the training; the formation of precise behavioural models in order to optimise the process of educational socialisation; achieving personal freedom within the bounds of group interaction.

References:

1. Velchev Iv. Quality of Education: National Realities and Global Project. Electronic resource. <http://litenet.bg/publish9/ivelchev/kachestvo.htm>.
2. Veronchihina E. G. Comparative analysis The Dalton Plan and the Method of Projects. The author's dissertation. Electronic resource. http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/557/05_03_005.pdf?sequence=2.
3. The Dalton technology. An electronic resource. http://studopedia.net/9_18825_dalton-tehnologiya.html.
4. Key data on the education in Europe, 2012. http://eacea.ec.europa.eu/education/eurydice/documents/key_data_series/134BG.pdf.
5. Krushin V. S. Pedagogical Technologies – the Dalton technology. <http://www.univer5.ru/pedagogika/pedagogicheskie-tehnologii-kukushin-v.s/Page-66.html>.
6. Mircheva K. Non-Traditional Pedagogical Approaches. Psychological Schools and Tendencies. Stara Zagora, – 2012, – p. 69–70.
7. Basic Educational Technologies. An electronic resource. <http://psyvision.ru/help/pedagogika/45-teory2/499-pedoby55>.
8. Poltava I. I., Kozlova G. I. Modern Pedagogical Technologies in a Modern Lesson. Zlatoust. Publisher MMC, № 74205, – 2009, – p. 35.
9. Prokopiev I. I. Pedagogics. Basics of General Pedagogics. Didactics/Studies tool. I. I. Prokopiev, N. V. Mihalkovich – Minsk: Tetra Systems, – 2002. – p. 7.
10. Prishtepa T. A. Pedagogical Technology “Alternative” in Problem-Based Training. <http://www.eidos.ru/journal/2005/0520-01.htm>.
11. Savenkov A. I. From “Class-audience” to “Class-laboratory”. Press issue. http://www.researcher.ru/issledovaniya/arhiv/a_3rs7ni.html.
12. Selevko K. G. Modern Educational Technologies: the Manual. – M.: National Education, – 1998. – p. 14–15.
13. Modern Pedagogical Technologies. Electronic resource. <http://nsportal.ru/blog/shkola/obshcheshkolnaya-tematika/all/2011/11/04/sovremennye-pedagogicheskie-tehnologii>.
14. Structurally-Functional Model for Realisation of the Person-Centred Approach. shs_marh.krch.zabedu.ru/dop/pedvas/obraschenie.doc.
15. Technology of Cooperative Training in the Russian Language in Groups. SPO. Electronic resource. http://www.pomochnik-vsem.ru/load/publikacii_pedagogov/russkij_jazyk_literatura_razvitie_rechi_obuchenie_gramote/tekhnologija_obuchenija_v_sotrudnichestve_na_urokakh_russkogo_jazyka_v_gruppakh_spo/16-1-0-4796.
16. Todorina D. Variations of Person-Centred Technologies of Training. “Personal development of the students in modern education and society”, – Blagoevgrad, Sankt-Peterburg, Elec, – 2007, – p. 1–2.
17. Totseva Janka. Collection Contemporary Training between Theory and Practice. S, – 2009, – p. 176.
18. Shubin.V. S. Dalton Technology in the Literary Education of Senior Students. <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=562800>.
19. Iakimanska I. S. Technology of the Person-Centred Education. School Principal. Special issue № 7, – 2000, – p. 8.

*Mishutina Olga Valerievna,
Novosibirsk State Pedagogical University,
Associate Professor of Foreign languages Dept
at the Institute of Natural and Socio-Economic Sciences
E-mail: purus@sibmail.ru*

Self-realization of students of pharmaceutical specialties and the peculiarities of their vocational training for professional activity in Science and Technology Park

Abstract: This article presents the peculiarities of vocational training of students of pharmaceutical specialties for the professional activity in innovative nature of Science and Technology Park. The great value of such vocational training is in formation of social and professional experience of a self-determination based on competence approach. It implies a development of social and professional self-determination.

Keywords: self-realization, professional training, students of pharmaceutical specialties, professional activity, Science and Technology Park.

*Мишутина Ольга Валерьевна,
Новосибирский государственный педагогический университет,
доцент кафедры иностранных языков
Института естественных и социально-экономических наук
E-mail: purus@sibmail.ru*

Самореализация студентов-фармацевтов и специфика их подготовки к профессиональной деятельности в условиях технопарка

Аннотация: в статье показана специфика профессиональной подготовки студентов-фармацевтов к профессиональной деятельности в инновационных условиях научного и технологического парка. Большое значение в этой подготовке отводится формированию социального и профессионального опыта самоопределения будущего специалиста на основе компетентностного подхода, предполагающего развитие опыта социального и профессионального самоопределения.

Ключевые слова: самореализация, профессиональная подготовка, студенты-фармацевты, профессиональная деятельность, технопарк.

Расширение спектра высокотехнологичных производств, которые сосредоточены в научных и технологических парках, актуализирует проблему качества взаимодействия вузов с научно-исследовательскими институтами и возможностей реализации компетентностного подхода в профессиональной подготовке студентов.

В отечественной психолого-педагогической литературе значимый вклад в разработку вопросов, относящихся к профессиональному самоопределению и самореализации в профессиональной сфере принадлежит таким исследователям, как Н. Л. Иванова, Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, З. А. Решетова, В. В. Сохранов-Преображенский, В. А. Толочек и др. [6–10]. В зарубежной научной литературе вопросы профессионального самоопределения представлены

в работах А. Маслоу, Э. Дэси, Р. Райана, К. Рифф, Э. Эриксона и др. [11; 12].

Опираясь на результаты исследований вышеозначенных ученых, на базе Института естественных и социально-экономических наук (ИЕСЭН) Новосибирского государственного педагогического университета проводится подготовка студентов по специализации «Фармацевтическая химия». ИЕСЭН сотрудничает с Институтом медицинской биотехнологии Федерального государственного учреждения науки Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор» с филиалом в городе Бердск Новосибирской области. Студенты старших курсов ИЕСЭН пишут курсовые работы и проходят производственную практику, в том числе на базе этого Института. Ключевым моментом этого

сотрудничества является теория самоопределения и самореализации личности, которая рассматривается в качестве ключевого аспекта достижения профессионального благополучия через основные психологические потребности (независимость и компетентность), психологический рост (уровень мотивации) и самоидентификацию [5, 146–147]. Готовность студентов к реализации этих личностных характеристик актуально, прежде всего, в условиях технопарков.

Технопарки предъявляют определённые требования к сотрудникам, в числе которых соискатель работы в том или ином кластере должен обладать определённым набором компетенций, как общих (социально-личностных, общенаучных) [3, 61], профессиональных (специализация в определённой сфере деятельности), так и универсальных (необходимых образованному человеку независимо от специализации или профиля подготовки) [2, 106].

Следует отметить, что в число необходимых качеств работника научного и технологического парка входит уровень мотивации выше среднего, поскольку незаинтересованный в результатах своего труда человек не всегда в состоянии предоставить качественный итоговый продукт своей деятельности. В качестве мотивационных составляющих для сотрудника технопарка в условиях современного рынка, помимо финансового вознаграждения, служит «закрепление» за автором того или иного достижения — соответствующего направления исследований или производства. Поддержке творческого потенциала сотрудников технопарков на должном уровне также способствует возможность опубликования достигнутых ими результатов в научном журнале (в случае открытости информации), а также проявить себя участием в конференции, прочитать лекцию, провести практическое или лабораторное занятие со студентами в вузе и т. п.

На содержательном уровне высоко ценятся знания сотрудника технопарка, относящиеся к систематизации информации, а также умению работать в команде, грамотной и тактичной постановке вопросов, содержательным ответам на вопросы собеседников, обладанию навыками быстрого чтения и письма. Компетенции, необходимые для успешной деятельности в инновационной среде представляют собой целый комплекс общекультурных, общепрофессиональных и специальных.

На регулятивном уровне важным критерием готовности специалиста к профессиональной деятельности в условиях технопарка является самооценка, в её субъективном и объективном проявлении.

На эмоционально-ценностном уровне ведущее место отводится способности сотрудника научного и технологического парка к актуализации ценностей по принципу личностных, общекультурных и профессиональных.

Когнитивный уровень представлен важностью присутствия критического мышления и как минимум, мышления репродуктивного, ситуативного проявления самостоятельности. Оценочно-результатирующий компонент характеристики специалиста, способного успешно работать в инновационных условиях — это объективная, ситуативно-объективная и субъективная самооценка.

Необходимо дополнить, что во внимание принимается и этика самореализации, поскольку специалист по кадрам отслеживает в социальных сетях страницы претендента на должность сотрудника технопарка, для оценки серьёзности личности и образа её активности в интернет-пространстве.

Итак, «накапливая дидактическое знание и опыт образовательной деятельности, переводя их в социальный и профессиональный опыт самоопределения, личность формирует модусы самореализации» [4, 164]. «В контексте традиционного модуса идентичность определяется объективным положением дел, основанных на достижении определённых жизненных целей, в посттрадиционном модусе идентичность строится на создании различных смысловых построений Я-образа из отдельных элементов жизненной практики» [1].

В числе модусов самореализации студента-фармацевта, которые являются залогом успеха в профессиональной деятельности в условиях научного и технологического парка, назовём следующие:

– содержательный уровень: умение систематизировать общую и узкоспециализированную информацию в области химии и фармацевтики; готовность и умение работать в команде, сплочённо решая поставленные задачи; тактично и профессионально вести диалог (как в устной, так и письменной форме, включая online режим коммуникации); обладать достойным специалиста уровнем грамотности и навыками быстрого чтения.

– регулятивный уровень: наличие объективной, ситуативно-объективной и субъективной самооценки. Насколько возможно, необходимо помогать студентам фармацевтической специализации рассматривать свои возможности и реализовывать их исходя из широкого спектра мнений окружающих и коррекции своих действий с эталоном профессионала.

– эмоционально-ценностный уровень: актуализация ценностей студентом по принципу личностных, общекультурных и профессиональных.

– когнитивный уровень: критическое мышление, проявление самостоятельности в практическом действии.

В заключение добавим, что зарубежные технопарки требуют проявления со стороны людей, занятых

в инновационной сфере следующих компетенций: коммуникативной (умение строить отношения — *interpersonal skills*, ведение переговоров, деловой переписки и т.п. — *communication skills*, умение работать в команде); общекультурной: стрессоустойчивость, критическое и аналитическое мышление, навыки догадки; профессиональной: систематизация знаний, умение выбирать нужное из многого предложенного и т.п.

Список литературы:

1. Аполлонов И. А. Традиционный и посттрадиционный модусы личностной идентичности: к постановке проблемы//И. А. Аполлонов/Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. № 2. – с. 12–17. – URL: [<http://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-i-posttraditsionnyy-modusy-lichnostnoy-identichnosti-k-postanovke-problemy>] – Дата обращения: 20.05.2014.
2. Камалеева А. Р. О необходимости формирования основных компетенций выпускников вузов в условиях создания Единого Европейского пространства высшего образования//А. Р. Камалеева/Вестник ТГПУ. – 2011. № 1. – URL: [<http://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-formirovaniya-osnovnyh-kompetentsiy-vypusknikov-vuzov-v-usloviyah-sozdaniya-edinogo-evropeyskogo-prostranstva>] – Дата обращения: 19.05.2014.
3. Ксенофонтова Х. З. Модель компетенций управленческого персонала – фактор конкурентоспособности организации//Х. З. Ксенофонтова/Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – № 12 (16) – 2009 – с. 60–62.
4. Сохранов В. В. Становление опыта профессионально-педагогического саморегулирования студентов в процессе их образования//В. В. Сохранов/Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. № 16 (20) – 2010 – с. 163–167.
5. Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being//R. M. Ryan, E. L. Deci/Annual Review of Psychology. – 2001. Vol. 52: pp.141–66 – URL: [<http://www.youblisher.com/p/132794-HEDONIC-AND-EUDAIMONIC-WELL-BEING/>] – access 31.05.2014.
6. Иванова Н. Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа//Психологический журнал, – 2004. Т. 25, № 1. Январь-февраль, с. 52–61.
7. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. – М.: «Академия», – 2004, 2-е изд.
8. Пряжников Н. С. Методы активизации личного и профессионального самоопределения. – М.: Московский психолого-социальный институт, – 2002.
9. Сохранов-Преображенский В. В. Смысл как основа самореализации личности: монография. – Пенза: Приволжский дом знаний, – 2012.
10. Толочек В. А. Современная психология труда. – СПб.: Питер, – 2010.
11. Маслоу А. Мотивация и личность. Киев: Psylib, – 2004.
12. Lee W. & Reeve J. Teachers' estimates of their students' motivation and engagement: being in synch with students//Educational Psychology: an International Journal of Experimental Education Psychology, 32. Vol.6, pp. 727–747. – URL: [http://johnmarshallreeve.org/yahoo_site_admin1/assets/docs/Lee_Reeve_Teachers_estimates2012.1043405.pdf].

*Matyash Nadezhda Yurievna,
Ph. D. in Pedagogy, Leading Research Fellow of the Laboratory
for Chemical and Biological Education of the Institute of Pedagogy
under National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine
E-mail: matyash_2@ukr.net*

Synergetic approach to development of target component for methodological system of biology teaching as regards base school students

Abstract: The article reveals certain principles of synergy (hierarchy, openness, integrativeness) in development of target component for methodological system concerning biology teaching at base school. The author shows target component content for methodological system as to biology teaching at base school from the standpoint of a synergetic approach and implementation of the principle of hierarchy represented in the “pyramid of goals”. The research results can be useful for pedagogical universities professors while teaching students, for lecturers of postgraduate pedagogical education institutes to retrain biology teachers, as well as for teachers who train biology at secondary schools.

Keywords: synergetic approach, target component, methodological system, biology, students, base school.

*Матяш Надежда Юрьевна,
кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории химического и биологического образования
Института педагогики НАПН Украины
E-mail: matyash_2@ukr.net*

Синергетический подход к разработке целевого компонента методической системы обучения биологии учащихся базовой школы

Аннотация: В статье раскрыты отдельные принципы синергетики (иерархичность, открытость, интегративность), использованные в разработке целевого компонента методической системы обучения биологии в базовой школе. Автор показала содержательное наполнение целевого компонента методической системы обучения биологии в базовой школе с позиций синергетического подхода и реализацию принципа иерархичности выраженного в «пирамиде целей». Результаты исследования могут быть полезны преподавателям педагогических университетов при методической подготовке студентов, институтов последипломного педагогического образования при переподготовке учителей, а также учителям в процессе обучения биологии в общеобразовательной школе.

Ключевые слова: синергетический подход, целевой компонент, методическая система, биология, учащиеся, базовая школа.

Общая постановка проблемы. Актуальность проблемы пересмотра подходов к организации процесса школьного образования в целом и биологического в том числе обусловлена некоторыми аспектами развития современного мира. Первый аспект — это стремительное развитие информационных технологий, которые создают возможность современному ученику входить в транскультурный диалог. Второй аспект — открытость к транскультурному диалогу является весомой частью жизни современного человека. Третий аспект — это необходимость формирования

человека с новым, транскультурным, типом мышления, основой которого является ответственность за истину человеческого бытия в целом. Четвертый аспект — это нестабильность в мире цивилизаций, которой характерны взаимные переходы от порядка к хаосу и наоборот (В. Аршинов, 2007) [1]. К этим аспектам можно добавить также тенденцию к формированию педагога и ученика, умеющего составлять целевую программу обучения (например, биологии), основой которой являются общечеловеческие ценности: знания, сохранение жизни на Земле, здоровье

человека. Эти и другие аспекты являются предпосылкой для формирования нового стиля мышления педагога и ученика, поэтому возникла необходимость пересмотра подходов к разработке целей образования и их реализации.

Цель написания статьи — раскрыть применение синергетического подхода к разработке целевого компонента методической системы обучения биологии в базовой школе направленного на формирование учащегося с транскультурным типом мышления, умеющего смотреть на проблему глобально и локально, самостоятельно создавать и выполнять собственную целевую программу.

Анализ последних исследований и публикаций показал, что конец XX – начало XXI ст. характерны тем, что в педагогическую науку вводится применение синергетического подхода к содержанию образования и организации процесса обучения.

В Украине последние исследования философии образования направлены на обоснование методологии синергетического подхода (В. Ильин, В. Кремень и др.) [3], на применение синергетического подхода как общенаучного для характеристики биологического образования (А. Степанюк, 1999) [8], процесса обучения в целом (И. Малафеев, 2007) [5], организации обучения химии (Л. Величко, 2007) [2] и др. Недостаточно раскрыт синергетический подход к разработке целевого компонента методической системы обучения биологии с учетом формирования субъекта с транскультурным типом мышления, умеющего мыслить как глобально так и локально, нести ответственность за свою жизнь и жизнь других людей.

Основное содержание статьи. В. Ильин и В. Кремень отмечают, что «формирование новых стратегий педагогического мышления не возможны сегодня вне синергетики и для построения общества знаний самым продуктивным является сегодня синергетический подход, на основании которого формируется новый стиль мышления и знания» (Кремень, Ильин, 2012) [3, 7].

А. Степанюк обосновала новую концепцию систематизации знаний, в основу которой заложила синергетический подход к трактовке «возникновения порядка с хаоса в процессе последовательного приведения разрозненных знаний в систему на уровне целостной картины живой природы; положения о неаддитивности свойств системы сумме свойств ее составляющих и т. п.» (А. Степанюк, 1997) [8, 7].

И. Малафеев также применил синергетический подход к формированию в учащихся системности

знаний. В своих работах он отмечает, что «создание или функционирование любой системы преследует определенную цель, каждая система имеет свое, только ей, свойственное назначение. Выполнение этого назначения и определяет сущность функции любой системы. Функция методической системы является интегративным результатом, суперпозицией функций каждого элемента системы и, как мы уже отмечали, элементы системы часть своих функций передают самой системе» (И. Малафеев, 2009) [5].

Л. Величко применила синергетический подход к организации процесса обучения химии [2].

Анализ научных достижений является основанием того, что методическая система обучения биологии включает такие структурные элементы: цели, содержание, формы, методы, средства обучения, а участники процесса обучения: учитель и учащиеся — составляют образовательную среду. Каждый элемент системы базируется на автономности, поэтому в системе имеет статус подсистемы.

Методическая система обучения предмета, как и любая другая система, функционирует в определенной среде, и большей или меньшей мерой связанная с ней. Она имеет открытый характер, поэтому для нее имеют значение внешние связи, которые не входят в ее состав, но принадлежат среде, в которой она функционирует. Отсюда, функция системы — это способ проявления ее активности в ее внешнем окружении.

Методическая система обучения предмета тесно соединена с социальной системой и соответственно от нее зависит. В такой социальной системе, например, как школа, наблюдается структурная упорядоченность, основой которой является цель и достижение ее (результат обучения и воспитания). Она также имеет определенную иерархию: самое близкое звено — класс (учитель-учащийся (учащиеся) и отдаленное (общество) [7].

Учитывая возможности сети Интернет, современный ученик может расширить пределы своего информационного пространства и выйти в разные образовательные сообщества, которые имеют свою иерархию: «Европейское образовательное сообщество» и «Всемирное образовательное сообщество». Только, первые три иерархические звенья (общество-школа-класс), тесно соединены между собой, взаимозависимы и поддаются мониторингу.

Общественные изменения влияют на потребности человека и соответственно выдвигают новые требования к школе, ответственной за общее образование, а школа в свою очередь требует от учителя

изменений в организации процесса обучения и достижения общеобразовательных целей. В Украине, в традиционной школе, запуск и функционирование методической системы обучения конкретного предмета по сути осуществляется в классе (определенном ученическом коллективе), в котором постоянно происходит организация процесса обучения и реализация соответствующих целей.

Результаты многолетнего педагогического опыта автора статьи дают основание констатировать, что, цель, которая недостаточно определена, приводит к нарушению упорядоченности в системе обучения в целом, что приводит к хаосу. Во время реализации методической системы обучения предмета учителю необходимо учитывать образовательную среду (класс, в котором он работает) и четко определять цель каждого занятия, исходя с «пирамиды» или «дерева» целей. Игнорирование этими требованиями чаще всего приводит к снижению активности функционирования методической системы обучения предмета в целом и ее реализации на каждом занятии. Среди самых характерных проявлений снижения активности методической системы обучения предмета является снижение познавательного интереса и как следствие нарушение учащимися дисциплины на уроке и снижение учебных достижений [6].

Важным в разработке методической системы обучения предмета (например, биологии) является определение и разработка содержания ее компонентов. Мы остановимся на содержательном наполнении целевого компонента методической системы обучения биологии учащихся базовой школы с позиций синергетического подхода.

Цель — это первый элемент методической системы, который дает ответ на вопрос: «Чему учить?». Во время разработки целевого компонента методической системы обучения биологии в основной школе, мы использовали отдельные синергетические принципы: иерархичность, уровневость, интегративность.

Методически важно составить систему целей с учетом принципа иерархичности: от общего (стратегической цели) к конкретному (тактических) целей.

Система целей может иметь вид «пирамиды целей» или «дерева целей», в последнем варианте — главная цель выражена в виде «ствола дерева», а конкретные цели — в его разветвлении (разнообразных веточках).

В любом выражении цели носят мноуровневый характер и образуют определенную иерархию. Учитывая

возможности учебного предмета «Биология», рассмотрим разные цели и взаимосвязи между ними.

Цель первая — это ствол дерева или вершина пирамиды, стратегическая цель, обусловлена мировым сообществом, которая направлена на сформированность транскультурной личности с развитым глобальным (планетарным) мышлением в сфере сохранения жизни на Земле, понимания своего предназначения на Земле, общечеловеческих ценностей, важности биологических знаний как части общего образования.

Цель вторая обусловлена социальным заказом общества отдельной страны. Такая цель сформулирована в Конституции страны (например, Украины) и конкретизирована в Законе «Об образовании» и направлена на сформированность самодостаточной личности, способной найти свое место в обществе с определенными экономическими условиями, духовной культурой и жизненными ценностями, общественной ориентацией жить в нем с максимальной реализацией природных способностей и удовлетворением социальных потребностей, умением решать социальные и экологические проблемы.

Первая и вторая цели тесно взаимосвязаны между собой и являются стратегическими.

Цель третья уже более конкретная и направлена на реализацию содержания биологического образования целостного учебного предмета «Биология. 7–11 классы» (украинская учебная программа) и на сформированность в учащихся понимания биологической картины мира, научного мировоззрения и осознание биосферной этики.

Цель четвертая направлена на реализацию учебного курса «Биология. 7–9 классы» в основной школе (украинская учебная программа). Она направлена на формирование ценностных ориентаций на сохранение живой природы, понимания ценности таких категорий как жизнь, природа, здоровье, овладение основными методами познания живой природы, а также средства для дальнейшего обучения в старшей (профильной) школе.

Цель пятая соответствует уровню учебного курса, например, «Биология, 9 класс» (раздел «Человек») (украинская учебная программа). Она направлена на сформированность в учащихся понимания места человека в системе живой природы, его биосоциальной природы, сохранения здоровья и создание сознательной мотивации на здоровый образ жизни.

Цель шестая соответствует уровню учебного материала отдельной темы, например, темы «Размножение

и индивидуальное развитие человека». Их основная функция направлена на развитие в учащихся знаний о размножении как необходимом свойстве живых систем, которое обеспечивает продолжение жизни на Земле.

Цель седьмая — это самая конкретная цель, которая соответствует уровню учебного материала отдельного занятия (урока). Например, цель урока «Половое созревание» — сформировать в учащихся социокультурные и здоровьесохраняющиеся компетенции через знания о первичных и вторичных половых признаках человека, причины их возникновения; умения называть и объяснять половые различия; делать выводы о необходимости сохранения репродуктивного здоровья.

Отсюда, цели высшего уровня обобщения (предыдущие в иерархической системе) являются стратегическими для целей из низшим уровнем обобщения, а последующие — тактическими для предыдущих. Между целями существуют связи согласования (координации) и связи соподчинения (субординации). Таким образом, тактические цели отвечают конкретным обстоятельствам и являются соподчиненными стратегии и соответственно обеспечивают стратегический успех.

Отсюда, в иерархии целей биологического образования конструктивные цели трансформируются в оперативные, учебно-познавательные материализуются в реальном процессе обучения, в конкретных условиях конкретного класса.

Учебно — познавательные цели стоят перед учащимися в форме учебно-познавательных заданий каждого занятия. Эти задания учитель определяет к каждой теме, к каждому уроку и раскрывает содержание учебного предмета, а деятельность определяет методы его усвоения. Именно в этом и является сущность целей как звена, которое соединяет содержание образования и методы обучения в методической системе (В. Курсон, 2006; А. Степанюк, 2000) [4, 9].

Не менее важным является применение *принципа открытости* к разработке целей или их коррекции с помощью учащихся, а также к реализации заранее определенных целей. Знакомство учащихся с «пирамидой» или «деревом» целей, их непосредственное участие в постановке или коррекции цели конкретного занятия, повышает эффективность реализации методической системы обучения биологии в целом. Прежде всего, такой подход повышает осознание цели занятия, ответственность и важность ее достижения, улучшение дальнейшего осуществления рефлексии ее достижения.

Применение *принципа интегративности* между целями дает возможность учащемуся основной школы отслеживать достижения каждой цели и в результате достичь основоположной (стратегической) цели — понимания своего предназначения на Земле, важности биологических знаний как части общего образования, а также средства для дальнейшего обучения в старшей (профильной) школе.

Учитель же имеет возможность отслеживать функционирование методической системы обучения биологии на каждом уроке, понимать ее целостность, а также развивать в учащихся умения создавать собственную целевую программу.

Выводы и перспективы дальнейшего накопления знаний о применении синергетического подхода. Содержательное наполнение целевого компонента методической системы обучения биологии в основной школе с позиций синергетического подхода создает основание для полноценного ее функционирования в любом ученическом коллективе с учетом его состава и учебных возможностей учащихся; расширения условий повышения уровня учебных достижений учащихся; формирования в учащихся самостоятельного типа мышления, в частности выраженного в умении создавать собственную целевую программу.

Применение синергетического подхода ко всем компонентам методической системы обучения биологии является перспективой его развития.

Список литературы:

1. Аршинов В. И. Становление субъекта в постнеклассической науке и образовании/В. И. Аршинов, В. А. Белов, П. М. Гордин//Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс-Традиция, – 2007. – с. 123.
2. Величко Л. Синергетичні характеристики навчального процесу/Людмила Величко. – Біологія і хімія в школі. – 2006. – № 3. – с. 8–10.
3. Кремень В. Г., Ільїн В. В. Синергетика в освіті: контекст людиноцентризму: монографія/В. Г. Кремень, В. В. Ільїн; [Національна академія педагогічних наук України]. – К.: Педагогічна думка, – 2012, – 368 с.
4. Курсон В. Цілі та завдання шкільної біологічної освіти/Валентина Курсон. – Біологія і хімія в школі. – 2006. – № 2. – с. 15.

5. Малафійк І. В. Дидактика. Навчальний посібник/І. В. Малафійк//К.: Кондор, – 2009. – 398 с.
6. Матяш Н. Ю. Системотвірні підходи до розроблення методичної системи навчання біології/Н. Ю. Матяш. – Педагогіка і психологія. – 2011. – № 6. – с. 30–33.
7. Плахотник В. Параметри методичної системи/Василь Плахотник//Біологія і хімія в сучасній школі. – 2013. – № 2. – с. 45–47.
8. Степанюк А. В./Алла Василівна Степанюк//Методологічні та теоретичні основи формування цілісності знань школярів про живу природу: Автореф. дис... д-ра пед.наук: 13.00.01/Інститут педагогіки АПН України. – К., – 1999. – 36 с.
9. Степанюк А. В. Нові підходи до визначення мети і змісту біологічної освіти школярів/А. В. Степанюк. – Педагогіка і психологія. – 2000. – № 2. – с. 28–34.

*Panova Olga Sergeevna,
Volgograd state physical education academy, Volgograd,
Ph. D., Senior Lecturer, Department of Theory and Methods of athletics
E-mail: Kole235@mail.ru*

Features a capacity assessment of system of training athletes the regional

Abstract: Developed a unified model to assess the potential of a regional system of training athletes. Highlighted 25 key factors that have a significant impact on the potential (potential effectiveness) functioning regional system of training young athletes at the stage of preliminary preparation and initial specialization; training system perspective young athletes at the stages of the in-depth training and sports improvement, as well as the system of training of highly skilled athletes.

Keywords: athletics, sports training, regional system, management, effectiveness.

*Панова Ольга Сергеевна,
Волгоградская государственная академия физической культуры,
Кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры теории и методики легкой атлетики, Волгоград
E-mail: Kole235@mail.ru*

Особенности оценки потенциала региональной системы подготовки легкоатлетов

Аннотация: Разработана унифицированная модель оценки региональной системы подготовки легкоатлетов. Выделены 25 основных факторов, оказывающих существенное воздействие на потенциальные возможности (потенциальную эффективность) функционирования региональной системы подготовки юных спортсменов на этапах предварительной подготовки и начальной специализации; системы подготовки перспективных молодых спортсменов на этапах углубленной тренировки и спортивного совершенствования, а также системы подготовки высококвалифицированных легкоатлетов.

Ключевые слова: легкоатлеты, спортивная тренировка, региональная система, эффективность.

Система подготовки высококвалифицированных легкоатлетов целиком и полностью опирается на систему подготовки легкоатлетического резерва, интегрируя ее в себя в качестве подсистемы. Конечный результат работы системы напрямую зависит от продуктивности работы каждого звена и ее элементов. Для оценки работы региональных систем подготовки легкоатлетов нами была разработана

унифицированная модель оценки потенциальных возможностей таких систем подготовки.

На основе бесед с компетентными специалистами и анализа специальной литературы нами были выделены 25 основных факторов, оказывающих существенное воздействие на потенциальные возможности (потенциальную эффективность) функционирования региональной системы подготовки легкоатлетов (РСПЛ).

Далее группа квалифицированных экспертов по нашей просьбе заполнили специальные таблицы — так называемые матрицы парных сравнений, в которых сопоставляемые объекты (факторы) фиксируются дважды — в строке и столбце. При этом более весомый фактор из сравниваемой пары оценивался в 1 балл, а менее весомый — в 0 баллов. Усредненные оценки по итогам проведенной экспертизы позволили выявить значимость того или иного фактора:

а) в региональной системе подготовки юных спортсменов на этапах предварительной подготовки и начальной специализации;

б) в системе подготовки перспективных молодых спортсменов на этапах углубленной тренировки и спортивного совершенствования;

в) в системе подготовки высококвалифицированных легкоатлетов.

Иерархия значимости основных факторов, оказывающих влияние на потенциальную эффективность региональной системы подготовки юных легкоатлетов на этапах предварительной подготовки и начальной специализации, отражена на рис. 1.

Высокая значимость (усредненная взвешенная оценка — 0,75 и выше) выявлена у следующих 7 факторов:

- наличие необходимой организационной структуры (ДЮСШ, СДЮШОР, УОР, спортклубы и т. д.) (0,9583);
- эффективная подготовка тренерских кадров (0,9167);
- профессиональный уровень работающих тренеров (0,9167);
- эффективная система спортивного отбора и селекции (0,8750);
- наличие необходимой материальной базы для занятий (0,7917);
- достойное материальное стимулирование работников (0,7917);
- медицинское обеспечение тренировочного процесса (0,7500).

Как средние по значимости (усредненная взвешенная оценка — от 0,74 до 0,5) охарактеризованы 3 фактора:

- эффективная система повышения квалификации кадров (0,7083);
- доступность мест занятий, инвентаря, экипировки (0,6250);
- научное и методическое обеспечение подготовки (0,5000).

Низкая значимость (усредненная взвешенная оценка — от 0,49 до 0,2) выявлена у следующих факторов:

- рациональный региональный календарь соревнований (0,4583);
- профессиональный уровень спортивных работников (0,4583);
- эффективное моральное стимулирование работников (0,4583);
- руководящая деятельность ОФЛА (0,4167);
- эффективное планирование спортивной подготовки (0,4167);
- эффективное управление тренировочным процессом (0,4167);
- должное финансирование подготовки спортсменов (0,4167);
- возможность участия в соревнованиях на выезде (0,3750);
- индивидуализированный подход к подготовке легкоатлетов (0,3750);
- эффективное руководство со стороны ВФЛА (0,2500);
- использование современных тренировочных концепций, нетрадиционных тренировочных средств (0,2500).

Значимость остальных 4 факторов оценена экспертами менее чем в 0,2 балла.

Согласованность мнений экспертов в итоге оказалась высокой: коэффициент конкордации $W=0,877$ ($p<0,01$).

Иерархия значимости основных факторов, оказывающих влияние на потенциальную эффективность региональной системы подготовки перспективных молодых легкоатлетов на этапах углубленной тренировки и спортивного совершенствования по данным опроса экспертов, отражена на рис. 2.

В этом случае высокая значимость (оценка выше 0,75) выявлена у следующих 5 факторов:

- профессиональный уровень работающих тренеров (0,9583);
- наличие необходимой организационной структуры (ДЮСШ, СДЮШОР, УОР, спортклубы и т. д.) (0,9167);
- наличие необходимой материальной базы для занятий (0,8333);
- доступность мест занятий, инвентаря, экипировки (0,8333);
- достойное материальное стимулирование работников (0,8333).

Нагруженность
факторов

0,9583

Система спортивной подготовки

0,9167

Эффективная система подготовки
тренерских кадровПрофессиональный уровень
работающих тренеров

0,8750

Эффективная система спортивного
отбора и селекции

0,7917

Наличие необходимой
материальной базы для занятийДостойное материальное
стимулирование работников

0,7500

Медицинское обеспечение тренировочного
процесса

0,7083

Эффективная система повышения
квалификации кадров

0,6250

Доступность мест занятий, инвентаря,
экипировки

0,5000

Научное и методическое обеспечение
подготовки

0,4583

Рациональный
региональный календарь
соревнованийПрофессиональный уровень
спортивных работниковЭффективное моральное
стимулирование работников

0,4167

Руководящая
деятельность областной
федерации л/аЭффективное
планирование
спортивной
подготовкиЭффективное
управление
тренировочным
процессомДолжное финансирование
подготовки спортсменов

0,3750

Возможность участия в
соревнованиях на выездеИндивидуализированный подход к
подготовке л/атлетов

0,2500

Эффективное руководство со
стороны ВФЛАИспользование современных
тренировочных концепций, нетрадиционных
тренировочных средств

0,1667

Возможность организации и проведения
УТС в удобные сроки (в том числе – в
среднегорье)Применение восстановительных
мероприятий

0,0417

Применение недопинговых
фармакологических средств повышения
спортивной работоспособности

0,0000

Эффективная система посттравматической
реабилитации

Рис. 1. Иерархия основных факторов, оказывающих влияние на потенциальную эффективность региональной системы подготовки юных легкоатлетов на этапах предварительной подготовки и начальной специализации (данные опроса экспертов)

Нагрузочность
факторов

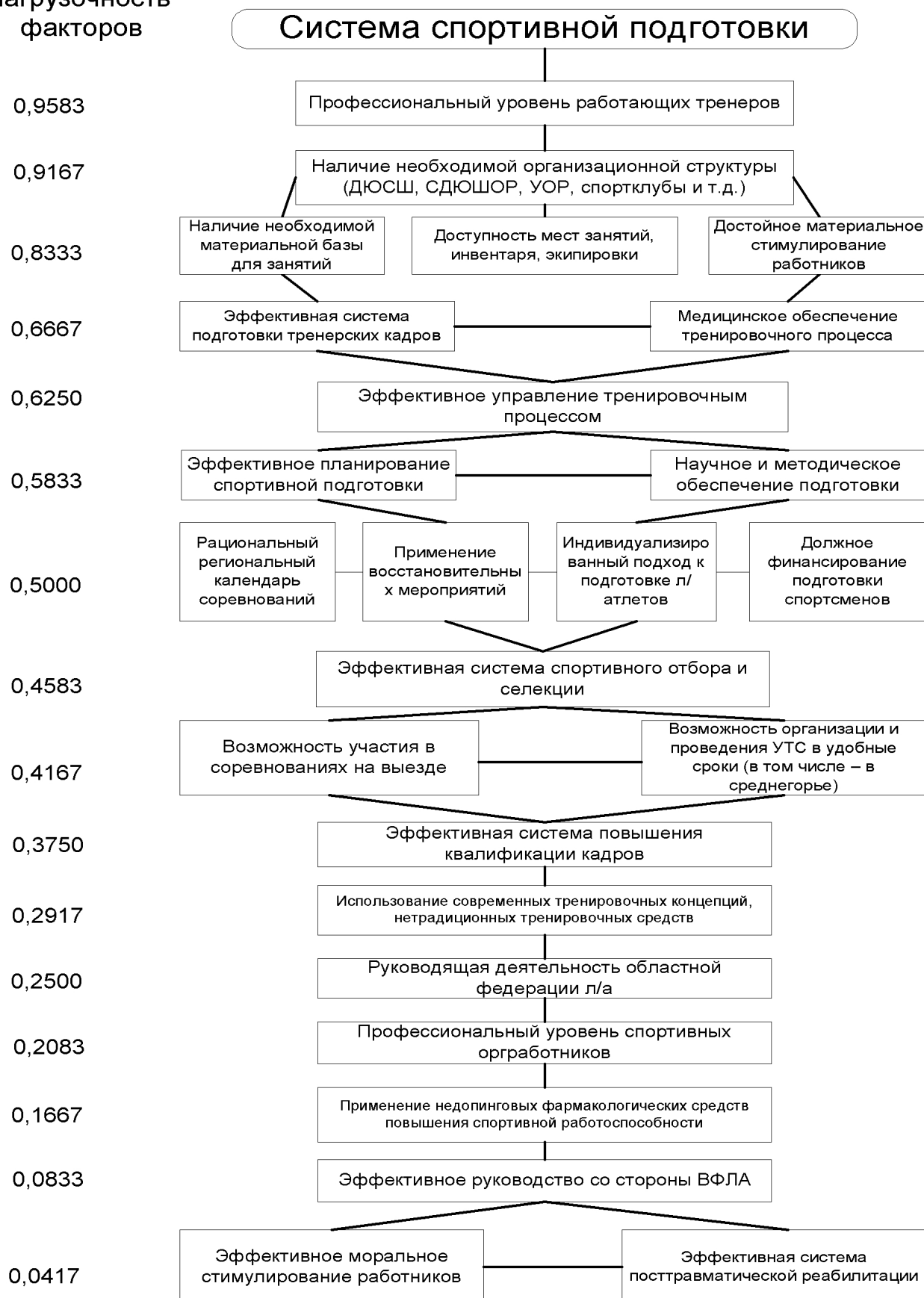

Рис. 2. Иерархия основных факторов, оказывающих влияние на потенциальную эффективность региональной системы подготовки перспективных молодых легкоатлетов на этапах углубленной тренировки и спортивного совершенствования (данные опроса экспертов)

Нагрузочность
факторов

Система спортивной подготовки

1,0000

Профессиональный уровень работающих тренеров

0,8750

Наличие необходимой материальной базы для занятий

0,8333

Эффективная система подготовки тренерских кадров

0,7500

Наличие необходимой организационной структуры (ДЮСШ, СДЮШОР, УОР, спортклубы и т.д.)

Достойное материальное стимулирование работников

Должное финансирование подготовки спортсменов

0,7083

Индивидуализированный подход к подготовке л/атлетов

0,6667

Эффективное планирование спортивной подготовки

Медицинское обеспечение тренировочного процесса

0,6250

Возможность участия в соревнованиях на выезде

Эффективное управление тренировочным процессом

0,5833

Возможность организации и проведения УТС в удобные сроки (в том числе – в среднегорье)

Применение восстановительных мероприятий

0,5417

Эффективная система повышения квалификации кадров

Доступность мест занятий, инвентаря, экипировки

0,3750

Научное и методическое обеспечение подготовки

0,2917

Эффективная система посттравматической реабилитации

0,2500

Применение недопинговых фармакологических средств повышения спортивной работоспособности

0,2083

Эффективное руководство со стороны ВФЛА

Руководящая деятельность областной федерации л/а

Профессиональный уровень спортивных оргработников

Использование современных тренировочных концепций, нетрадиционных тренировочных средств

0,1250

Рациональный региональный календарь соревнований

0,0833

Эффективная система спортивного отбора и селекции

0,0000

Эффективное моральное стимулирование работников

Рис. 3. Иерархия основных факторов, оказывающих влияние на потенциальную эффективность региональной системы подготовки высококвалифицированных легкоатлетов (данные опроса экспертов)

Средняя значимость (диапазон оценок — от 0,74 до 0,5) выявлена у 9 факторов:

- эффективная система подготовки тренерских кадров (0,6667);
- медицинское обеспечение тренировочного процесса (0,6667);
- эффективное управление тренировочным процессом (0,6250);
- научное и методическое обеспечение подготовки (0,5833);
- эффективное планирование спортивной подготовки (0,5833);
- рациональный региональный календарь соревнований (0,5000);
- применение восстановительных мероприятий (0,5000);
- индивидуализированный подход к подготовке легкоатлетов (0,5000);
- должное финансирование подготовки спортсменов (0,5000).

Низкая значимость (оценки в диапазоне от 0,49 до 0,2 баллов) — у следующих факторов:

- эффективная система спортивного отбора и селекции (0,4583);
- возможность участия в соревнованиях на выезде (0,4167);
- возможность организации и проведения УТС в удобные сроки (в том числе — в среднеморье) (0,4167);
- эффективная система повышения квалификации кадров (0,3750);
- использование современных тренировочных концепций, нетрадиционных тренировочных средств (0,2917);
- руководящая деятельность областной легкоатлетической федерации (0,2500);
- профессиональный уровень спортивных работников (0,2083).

Значимость остальных 4 факторов оценена экспертами менее чем 0,2 баллами.

Согласованность мнений экспертов в итоге также оказалась высокой: коэффициент конкордации $W=0,819$ ($p<0,01$).

Иерархия значимости основных факторов, оказывающих влияние на потенциальную эффективность функционирования региональной системы подготовки высококвалифицированных легкоатлетов, отражена на рис. 3.

Высокая значимость (оценка выше 0,75) выявлена у следующих 6 факторов:

- профессиональный уровень работающих тренеров (1,0000);
- наличие необходимой материальной базы для занятий (0,8750);
- эффективная система подготовки тренерских кадров (0,8333);
- наличие необходимой организационной структуры (ДЮСШ, СДЮШОР, УОР, спортклубы и т. д.) (0,7500);
- достойное материальное стимулирование работников (0,7500);
- должное финансирование подготовки спортсменов (0,7500).

Средняя значимость (диапазон оценок — от 0,74 до 0,5) была выявлена у следующих факторов:

- индивидуализированный подход к подготовке легкоатлетов (0,7083);
- эффективное планирование спортивной подготовки (0,6667);
- медицинское обеспечение тренировочного процесса (0,6667);
- возможность участия в соревнованиях на выезде (0,6250);
- эффективное управление тренировочным процессом (0,6250);
- возможность организации и проведения УТС в удобные сроки (в том числе — в среднеморье) (0,5833);
- применение восстановительных мероприятий (0,5833);
- эффективная система повышения квалификации кадров (0,5417);
- доступность мест занятий, инвентаря, экипировки (0,5417);

Низкая значимость (оценки в диапазоне от 0,49 до 0,2 баллов) была выявлена у следующих факторов:

- научное и методическое обеспечение подготовки (0,3750);
- эффективная система посттравматической реабилитации (0,2917);
- применение недопинговых фармакологических средств повышения спортивной работоспособности (0,2500);
- эффективное руководство со стороны ВФЛА (0,2083);
- руководящая деятельность областной федерации легкой атлетики (0,2083);
- профессиональный уровень спортивных работников (0,2083);

- использование современных тренировочных концепций, нетрадиционных тренировочных средств (0,2083).

Значимость остальных факторов оценена менее чем 0,2 баллами.

Согласованность мнений экспертов вновь оказалась высокой: коэффициент конкордации $W=0,859$ ($p<0,01$).

Получение взвешенных оценок значимости основных факторов, влияющих на потенциальную эффективность функционирования РСПА применительно к тем или иным квалификационно-возрастным уровням занимающихся, позволяет выйти на унифицированную модель оценки потенциала данной системы, сложившейся в том или ином регионе России.

Предлагается следующий алгоритм действий.

1. Квалифицированные эксперты заполняют специальную анкету, в которой указаны 25 основных факторов, влияющих на потенциальную эффективность функционирования РСПА применительно к тому или иному квалификационно-возрастному уровню занимающихся. Реальное действие (проявление) каждого фактора оценивается экспертами в баллах от 0 до 10.

2. Усредненные экспертные оценки умножаются на полученные ранее факторные веса (нагрузочность факторов), и все показатели складываются.

Согласно расчетам, максимальная сумма баллов, которая характеризует «идеальное» функционирование РСПА применительно к этапам предварительной подготовки и начальной специализации, будет равна 125, применительно к этапам углубленной тренировки и спортивного совершенствования — 122,5, а применительно к подготовке высококвалифицированных взрослых легкоатлетов — 124,6. В этой связи предлагается РСПА, «набравшую» от 125 до 100 баллов, считать высокоразвитой, от 99 до 75 баллов — перспективной, 74 балла и менее — приоритетно нуждающейся в модернизации.

С использованием унифицированной оценочной модели представляется возможным достаточно надежно охарактеризовать потенциальную эффективность системы подготовки легкоатлетов, сложившейся в том или ином регионе России. Для этого необходимо в каждом случае сформировать группу квалифицированных и независимых в своих суждениях экспертов, провести их инструктаж (в том числе для повышения последующей согласованности оценок) и собственно процедуру анкетирования. После обработки анкетных материалов получаем искомые оценки потенциальной эффективности конкретной РСПА.

*Safuanov Rafael Mahmutovich,
doctor of Economics, Professor, Director, the Ufa branch
of the Finance Academy under the Government of the Russian Federation
E-mail: Safuanov54@mail.ru*

*Kashipova Ilgiza Rashidovna,
Ph. D., associate Professor of the Department «Finance and credit»
E-mail: Kitt79@yandex.ru*

*Vychuzhanova Diana Rishatovna,
Deputy head of the educational-methodical Department
E-mail: DMVychuzhanova@fa.ru*

*Murtazina Diana Maratovna,
head of the educational Department
E-mail: DMMurtazina@fa.ru*

Comparative analysis of indicators of the state accreditation, monitoring the effectiveness of educational institutions of higher education and public accreditation

Abstract: the article discusses the topical issues of implementation of the accreditation procedures for effectiveness evaluation of educational organizations in order to ensure the quality of the education system at different levels, the main mechanism of which is the education management on the basis of regular monitoring of reliable information about the state system of higher education, and trends, and the factors affecting the quality of educational services.

Keywords: state accreditation, monitoring, educational organization, higher education, public accreditation.

Сафуанов Рафаэль Махматович,
д. э. н., проф., директор,
Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: Safuanov54@mail.ru

Кашипова Ильгиза Рашидовна,
к. э. н., доцент кафедры «Финансы и кредит»
E-mail: Kitt79@yandex.ru

Вычужанова Диана Ришатовна,
заместитель начальника учебно-методического отдела
E-mail: DMVychuzhanova@fa.ru

Муртазина Диана Маратовна,
начальник учебной части
E-mail: DMMurtazina@fa.ru

Сравнительный анализ показателей государственной аккредитации, мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования и общественной аккредитации

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы реализации аккредитационных процедур оценки эффективности образовательных организаций в целях обеспечения качества системы образования на различных уровнях, основным механизмом которого является управление образованием на основе регулярно получаемой в процессе мониторинга достоверной информации о состоянии системы высшего образования и тенденциях ее изменения, а также факторах, влияющих на качество оказываемых образовательных услуг.

Ключевые слова: государственная аккредитация, мониторинг, образовательная организация, высшее образование, общественная аккредитация.

Растущий спрос на образовательные услуги благоприятствует развитию организаций, способных их оказать.

Существует большое разнообразие форм и типов образовательных учреждений, которые различаются и по видам образовательных программ, и по качеству их реализации.

Повышение доступности качественного образования требует объективности и прозрачности процедур оценки деятельности образовательных учреждений. Это влечет за собой создание системы обеспечения качества образовательной деятельности.

Современное законодательство к элементам системы контроля качества образования относит: государственную аккредитацию, мониторинг эффективности образовательных организаций высшего образования, а так же общественную аккредитацию.

Учитывая практическое совпадение целей трех компонентов контроля системы качества образования, рассмотрим их практическое применение на примере Уфимского филиала Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования

«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

I. Система показателей, используемых при процедуре государственной аккредитации

Целью государственной аккредитации образовательных программ является подтверждение соответствия содержания и условий реализации образовательных программ требованиям федеральных государственных образовательных стандартов (ФЗ № 273 статья 96 п. 2).

Государственная аккредитация основных профессиональных образовательных программ проводится по укрупненным группам направлений подготовки и специальностей, к которым относятся заявленные к государственной аккредитации основные профессиональные образовательные программы (ФЗ № 273 статья 92 п. 7).

Перед государственной аккредитацией образовательные учреждения проводят самообследование. Материалы самообследования рассматриваются при проведении аккредитационной экспертизы.

Целями проведения самообследования являются обеспечение доступности и открытости информации

о деятельности организации, а так же подготовка отчета о результатах самообследования.

В процессе самообследования проводится оценка:

- образовательной деятельности;
- системы управления организацией;
- содержания и качества подготовки обучающихся;
- организации учебного процесса;
- востребованности выпускников;
- качества кадрового, учебно-методического, библиотечно-информационного обеспечения, материально-технической базы, функционирования внутренней системы оценки качества образования;
- выполнения показателей, устанавливаемых федеральным органом исполнительной власти,

осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования.

Результаты самообследования организации оформляются в виде отчета, включающего аналитическую часть и результаты анализа показателей деятельности организации.

Рассмотрим показатели самообследования образовательной деятельности на примере Уфимского филиала Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Таблица 1. – Соответствие показателей самообследования образовательной деятельности Уфимского филиала Финуниверситета требованиям ГОС/ФГОС

Показатель	Требования ГОС/ФГОС	Показатель филиала	Соответствие показателей
1	2	3	4
Специалитет (ГОС)			
Трудоемкость освоения ООП (в зач. единицах)	279	279	соответствует
Объем учебной нагрузки обучающихся (академические часы)	54	54	соответствует
Общий объем каникулярного времени в учебном году (недели)	7–10	7–10	соответствует
Доля преподавателя имеющих ученую степень и/или ученое звание, в общем числе преподавателей, обеспечивающих образовательный процесс по данной ООП	не менее 50 %	73,3 %	соответствует
Наличие печатных и/или электронных изданий	0,5 единиц на одного студента	0,9	соответствует
Бакалавриат (ГОС)			
Трудоемкость освоения ООП (в зач. единицах)	201	201	соответствует
Объем учебной нагрузки обучающихся (академические часы)	54	54	соответствует
Общий объем каникулярного времени в учебном году (недели)	7–10	7–10	соответствует
Доля преподавателя имеющих ученую степень и/или ученое звание, в общем числе преподавателей, обеспечивающих образовательный процесс по данной ООП	не менее 30 %	81,7 %	соответствует
Наличие печатных и/или электронных изданий	0,5 единиц на одного студента	0,9	соответствует
Бакалавриат (ФГОС)			
Трудоемкость освоения ООП (в зач. единицах)	240	240	соответствует
Трудоемкость освоения ООП по очной форме обучения за учебный год (в зач. единицах)	60	60	соответствует
Объем учебной нагрузки обучающихся (академические часы)	54	54	соответствует

Продолжение таблицы 1.

1	2	3	4
Максимальный объем аудиторных учебных занятий в неделю при освоении ООП в очной форме обучения (академические часы)	27	27	соответствует
Общий объем каникулярного времени в учебном году (недели)	7–10	7–10	соответствует
Доля преподавателя имеющих ученую степень и/или ученое звание, в общем числе преподавателей, обеспечивающих образовательный процесс по данной ООП	не менее 60 %	78,6 %	соответствует
Наличие печатных и/или электронных изданий	0,5 единиц на одного студента	0,9	соответствует
Магистратура (ФГОС)			
Трудоемкость освоения ООП (в зач. единицах)	120	120	соответствует
Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах	не менее 50 %	51,2 %	соответствует
Удельный вес занятий лекционного типа	не более 30 %	27,7 %	соответствует
Объем учебной нагрузки обучающихся (академические часы)	не более 54	54	соответствует
Общий объем каникулярного времени в учебном году (недели)	7–10	7–10	соответствует
Доля преподавателя имеющих ученую степень и/или ученое звание, в общем числе преподавателей, обеспечивающих образовательный процесс по данной ООП	не менее 80 %	85,5 %	соответствует
Наличие печатных и/или электронных изданий	0,5 единиц на одного студента	0,9	соответствует

Данные, приведенные в таблице 1 позволяют сделать вывод, что в целом содержание и условия подготовки обучающихся Уфимского филиала Финуниверситета по образовательным программам высшего образования соответствует требованиям ГОС/ФГОС.

II. Система показателей, используемых при процедуре мониторинга эффективности образовательной организации высшего образования

Мониторинг системы образования представляет собой систематическое стандартизированное наблюдение за состоянием образования и динамикой изменения его результатов, условиями осуществления образовательной деятельности, контингентом обучающихся, учебными и внеучебными достижениями обучающихся, профессиональными достижениями выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, состоянием сети организаций, осуществляющих образовательную деятельность (ФЗ № 273 статья 97 п. 3).

Организация мониторинга системы образования осуществляется федеральными государственными

органами и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими государственное управление в сфере образования, органами местного самоуправления, осуществляющими управление в сфере образования.

Мониторинг имеет ряд отличительных особенностей. Во-первых, он представляет собой целостную систему, реализующую множество функций. Во-вторых, мониторинг обладает следующими особенностями: непрерывностью (сбор данных происходит постоянно); диагностичностью (подразумевание наличия модели и критериев, с которыми можно соотнести реальное состояние отслеживаемого объекта, системы или процесса); информационной оперативностью (критерий для отслеживания включают наиболее проблемные показатели, на основании которых можно сделать вывод об искажении в отслеживаемых процессах); обратной связью, которая позволяет носить коррективы в отслеживаемый процесс; научностью (способствует применению обоснованных моделей и отслеживанию параметров).

Целью мониторинга является формирование статистических и аналитических материалов для последующего принятия решений в отношении вузов и их филиалов, отнесенных к «группе образовательных организаций, имеющих признаки неэффективности».

Основными показателями эффективности образовательных учреждений являются:

1. Образовательная деятельность: средний бал ЕГЭ студентов, принятых по результатам ЕГЭ на обучение по очной форме по программам бакалавриата и специалитета с оплатой стоимости затрат на обучение физическими и юридическими лицами (минимально допустимое значение для филиалов ВУЗов 60 баллов).

2. Научно-исследовательская деятельность: доходы от НИОКР (за исключением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, государственных фондов поддержки науки) в расчете на одного НПР (минимально допустимое значение для филиалов ВУЗов 51,28 тыс. руб.).

3. Международная деятельность: удельный вес численности иностранных студентов (кроме стран СНГ), обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент) (минимально допустимое значение для филиалов ВУЗов 1 %).

4. Финансово-экономическая деятельность: доходы образовательной организации по всем видам финансового обеспечения (деятельности в расчете

на одного НПР) (минимально допустимое значение для филиалов ВУЗов 1327,57 тыс. руб.).

5. Инфраструктура: общая площадь учебно-лабораторных помещений в расчете на одного студента (минимально допустимое значение для филиалов ВУЗов 13,92 кв. м.).

6. Приведенный контингент студентов (минимально допустимое значение для филиалов ВУЗов 220 чел.).

7. Дополнительный показатель: число НПР, имеющих ученую степень кандидата и доктора наук, в расчете на 100 студентов (минимально допустимое значение для филиалов ВУЗов 2,78 единиц).

Рассмотрим вышеперечисленные показатели эффективности на примере деятельности Уфимского филиала Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Из таблицы 2 видно, что Уфимский филиал Финансового университета в 2013 году был оценен по шести показателям, пять из которых подтверждают эффективность данного образовательного учреждения.

В 2014 году образовательные учреждения оценивались по семи показателям. Как видно из данных, приведенных в таблице 2, четыре показателя Уфимского филиала Финансового университета выше установленных критериальных значений.

Таблица 2. – Сравнительный анализ основных показателей мониторинга эффективности деятельности Уфимского филиала Финансового университета за 2013 и 2014 гг.

№ п/п	Наименование показателя	2013 г.		2014 г.	
		Значение показателя филиала	Пороговое значение	Значение показателя филиала	Пороговое значение
1	Образовательная деятельность	0	50	61,6	60
2	Научно-исследовательская деятельность	20,66	1,7	↓13,24	51,28
3	Международная деятельность	–	–	0	1
4	Финансово-экономическая деятельность	2262,73	700	2185,19	1327,57
5	Инфраструктура	39,61	5	61,48	13,92
6	Приведенный контингент студентов	233,7	220	273,2	220
7	Доля кандидатов и докторов наук (%)	67,45	60	–	–
8	Дополнительный показатель (единиц)	–	–	2,15	2,78

Филиалу в текущем периоде предстоит уделить повышенное внимание выполнению НИР, международной деятельности — привлечению к обучению иностранцев.

Такие изменения произошли, в связи с тем, что пороговые значения показателей эффективности образовательных организаций изменились, а так же был введен дополнительный показатель.

III. Система показателей, используемых при процедуре общественной аккредитации

Под общественной аккредитацией понимается признание уровня деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность, соответствующей критериям и требованиям российских, иностранных и международных организаций. Порядок проведения общественной аккредитации,

формы и методы оценки при ее проведении, а также права, предоставляемые аккредитуемой организации, осуществляющей образовательную деятельность, устанавливаются общественной организацией, которая проводит общественную аккредитацию (ФЗ № 273 статья 96 п. 2).

Организации, осуществляющие образовательную деятельность, могут получать общественную аккредитацию в различных российских, иностранных и международных организациях.

Работодатели, их объединения, а также уполномоченные ими организации вправе проводить профессионально-общественную аккредитацию профессиональных образовательных программ, реализуемых организацией, осуществляющую образовательную деятельность.

Организации, которые проводят общественную аккредитацию и профессионально-общественную аккредитацию, обеспечивают открытость и доступность информации о порядке проведения соответствующей аккредитации.

Сведения об имеющихся у организации, осуществляющей образовательную деятельность, общественной аккредитации или профессионально-общественную аккредитации представляются в аккредитационный орган и учитываются при проведении государственной аккредитации.

Общественная аккредитация и профессионально-общественная аккредитация проводятся на добровольной основе и не влекут за собой дополнительные финансовые обязательства государства.

Профессионально-общественная аккредитация дает образовательному учреждению внешнюю независимую оценку и квалифицированные рекомендации, но при этом не дает государственных гарантий.

Рассмотрев элементы государственной системы качества образования можно сделать следующие выводы.

На основании результатов государственной аккредитации аккредитационный орган может принять решение о государственной аккредитации вуза или об отказе в государственной регистрации.

Таким образом, вузы, получившие государственную аккредитацию, уже признаны соответствующими установленным государственным требованиям.

Использованные в мониторинге критерии позволяют оценить лишь некоторые аспекты деятельности вуза, которые в основном связаны с оценкой престижности профессии, самого вуза. При этом вопросы оценки качества образования в условиях перехода к компетентностной модели подготовки выпускников практически выпадают из мониторинга.

Подход к определению качества высшего образования через эффективность деятельности вуза имеет свои несовершенства как содержательного (связанного с сутью выбранных показателей и их пригодностью для комплексной оценки деятельности вуза), так и процедурного характера (связанного с «потерей» и «преобразованием» показателей). В виду этого эффективность деятельности вуза может быть лишь одним из критериев качества предоставляемого им образования, но отнюдь не единственным [5].

Практически все вузы, попавшие по результатам мониторинга в список неэффективных (или с признаками неэффективности), имеют свидетельства об аккредитации и государственную лицензию на право ведения образовательной деятельности. Они реализуют программы, которые аккредитованы в соответствии со всеми установленными правилами. В этом случае результаты мониторинга эффективности по сути либо дублируют систему аккредитации, либо опровергают ее. Возникает ситуация при которой одно и то же ведомство признает один и тот же вуз достойным получения государственной аккредитации и при этом неэффективным [5].

Список литературы:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 № 1039 «О государственной аккредитации образовательной деятельности».
3. Положение о государственной аккредитации образовательной деятельности (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 1039).
4. Аккредитация высших учебных заведений в России: учебное пособие/В. Г. Наводнов, Е. Н. Геворкян, Г. Н. Мотова, М. В. Петропавловский. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, – 2008. – 166 с.
5. Бордюрные камни госаккредитации: электронный журнал об образовании/Г. Н. Мотова, В. Г. Наводнов, 2013.//akvobr.ru>bordurnye_kamni_gosakkreditacii.html

Toktarova Vera Ivanovna,
Mari State University, Candidate of Pedagogics, Associate Professor,
Head of the Research and Scientific Department
E-mail: toktarova@yandex.ru

Korobeynikova Alexandra Andreevna,
Mari State University, Student of Department
of Applied Mathematics and Computer Science
E-mail: alexandra.korobejnikova@mail.ru

Implementation of interdisciplinary connections in the university e-learning environment

*This work is supported by the grant from the President of the Russian Federation
for young scientists, № MK-1634.2014.6*

Abstract: The article deals with the problem of implementation of interdisciplinary connections in modern university e-learning environment. It explores the ways in which technology is used in higher education settings. The functions and types of interdisciplinary connection are considered, the results of the experimental work are given.

Keywords: e-learning, e-learning environment, interdisciplinary connections, educational process, higher education system, university.

The present stage of intensive computerization invariably leads to the renovation of higher education system in the context of e-learning. According to the Federal Law «On Education in the Russian Federation», while implementing basic curriculum e-learning can be also used along with traditional methods regardless of the forms of teaching, moreover all necessary conditions should be created to supply students with all teaching materials to allow them to complete education programs regardless of their locations. Signed this year Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation [1] establishes the rules for the application of e-learning and distance learning technologies while implementing basic curriculum, defines teaching load and procedure of providing training and guidance for students.

According to GOST R 53620–2009 certificate, *e-learning environment* (ELE) is a system of tools and resources to ensure the conditions for the implementation of educational activities with the use of information and communication technologies. According to the authors of the research study [2], *e-learning environment* is also a pedagogical structure, which aims to create conditions for the organization and development of innovative processes of interaction of active participants in educational environment.

Taking into account the specificity of time university e-learning environment should support implementation of the conceptual approaches and requirements of the federal and state educational standards of higher education. While carrying out research work on interdisciplinary connections within e-learning system it was found

out that students are often faced with the problem of fragmentation of knowledge because such educational resources are often reduced to a brief description of the course content. Thus, one of the important tasks in pedagogical designing of e-learning environment is the organization of interdisciplinary connections.

The concept of *interdisciplinary connection* is many-sided and describes the connections that exist between the disciplines. Such scientists as I. D. Zverev, V. M. Monakhova, V. N. Maximova, G. I. Baturina, V. N. Fedorova, P. G. Kulagin have dedicated their research work to the problem of organization and implementation of interdisciplinary learning.

In the scientific literature, *interdisciplinary connections* are regarded as a didactic condition for the development of cognitive activity and independence that enhance scientific aspect and availability of learning. The effectiveness of the training depends directly on the number of required connections between concepts, phenomena, processes, examples which contribute to the restoration of knowledge gained before. The main functions of interdisciplinary connections are the following [3]:

- *methodological*, which is associated with the provision of scientific knowledge, the formation of a scientific outlook and the whole person;
- *forming*, which implies the solution of educational, developmental and educational problems;
- *constructive*, which contributes to the modernization of the educational process, including its contents, forms and methods;

- *dialectic*, which controls the existence and nature of interdisciplinary connections;
- *psychological*, which is associated with the development of students' thinking.

As research shows [4] interdisciplinary connections are classified according to time parameter into the following groups:

- *previous* — connections which occur in limited and successive periods of the academic year;
- *related* — connections which occur between a small number of related disciplines and act synchronously;
- *perspective* — connections which occur between a small number of related disciplines and act for a long period of time (two to three years).

As a rule, in higher education system interdisciplinary connections are implemented in a random way, unfocused. As a result of such organization, students receive professionally disorientated, disparate knowledge. Lack of conscious integration of professional subjects reduces training level and simplifies the mechanism of storing material, and this in turn leads to the «gaps» in knowledge and skills, as well as uncertainty in their application in practice.

In the context of e-learning environment the working group of the Department of Applied Mathematics and Informatics of Mari State University has developed a system of interdisciplinary connections between professional subjects of the basic curriculum for the students who get a degree in 010400.62 «Applied Mathematics and Computer Science». They examined fourteen academic disciplines connected with languages, technologies and programming techniques. For the implementation of interdisciplinary connections both internal (links between components, limited by one discipline) and external (links between the concepts of the entire cycle of disciplines) relations were established.

Primarily, ELE of the department realizes educational function, so it is represented by a set of interconnected computer systems and electronic learning resources for teaching disciplines. Efficiency in learning will be higher if the contents of each component of educational resources are chosen carefully and the relationship between them as well as possible ways of learning are determined accurately. Connection between disciplines allows students to evaluate the same phenomenon from different perspectives, to find and establish relationships between disparate facts. This is typical for any kind of training, but is particularly important while implementing e-learning.

The factor that improves the quality of vocational education and training of students is the process of connecting and combining scientific knowledge, its synthesis, which is formed by establishing the connections between disciplines. The more links between old concepts, processes and phenomena and the new ones, the higher the quality of the educational process. Thus, the formation of new associations and connections based on previous knowledge occurs.

The system of interdisciplinary connections can be represented in the following ways:

- as a graph, which identifies the main connections between different educational topics of related courses and represents nodal threads with the highest number of links;
- as matrices of logical connections of educational components and their sequencing in the learning process.

All this allows us to see which concepts or themes should be used to achieve a particular cognitive objective, whether a base for the introduction of new concepts is created, whether the cause-and-effect relationships in the studied phenomena are determined, whether the general ideas are specified or new hypothesis are proved, etc. Therefore it is better to combine different approaches to planning interdisciplinary connections in the construction of the training course.

Determination of a set of interdisciplinary connections allows to fix the values of dominant training components in the structure of the discipline. According to the theory of structural analysis, the rank is a number that characterizes the current connections. There are several ways to calculate them. Comparison of the values allows to draw a conclusion about the importance of each unit. When developing modules of disciplines with high rank, a careful didactic design is required. For example, the graphic illustration (Figure 1) represents a complete graph of the structure of teaching materials for the discipline B.3.12 «Java». In this case, modules № 1 «The syntax of the programming language» and № 2 «Object-oriented principles of Java» have the highest rank value, that is why a lot of attention has been paid on these components while designing the training course while implementing e-learning.

During the 2013–2014 academic year, an experimental study with students who were getting a degree in 010400.62 «Applied Mathematics and Computer Science» was carried out in the e-learning environment. We have got the following results of the survey and interviews. The vast majority of respondents

(96.8 %) stated that e-learning is the current form of education, 94.4 % of respondents stated that it is necessary to develop and organize learning activities in the e-learning environment. According to the students, an important advantage of ELE is the opportunity to study under conditions of constant free access, regardless

of time and place. 84.7 % of the students responded positively to the question «Do you think interdisciplinary connections influence the quality of education?», but 36.8 % of the students admitted that they could hardly apply the knowledge of other sciences to the process of studying the discipline.

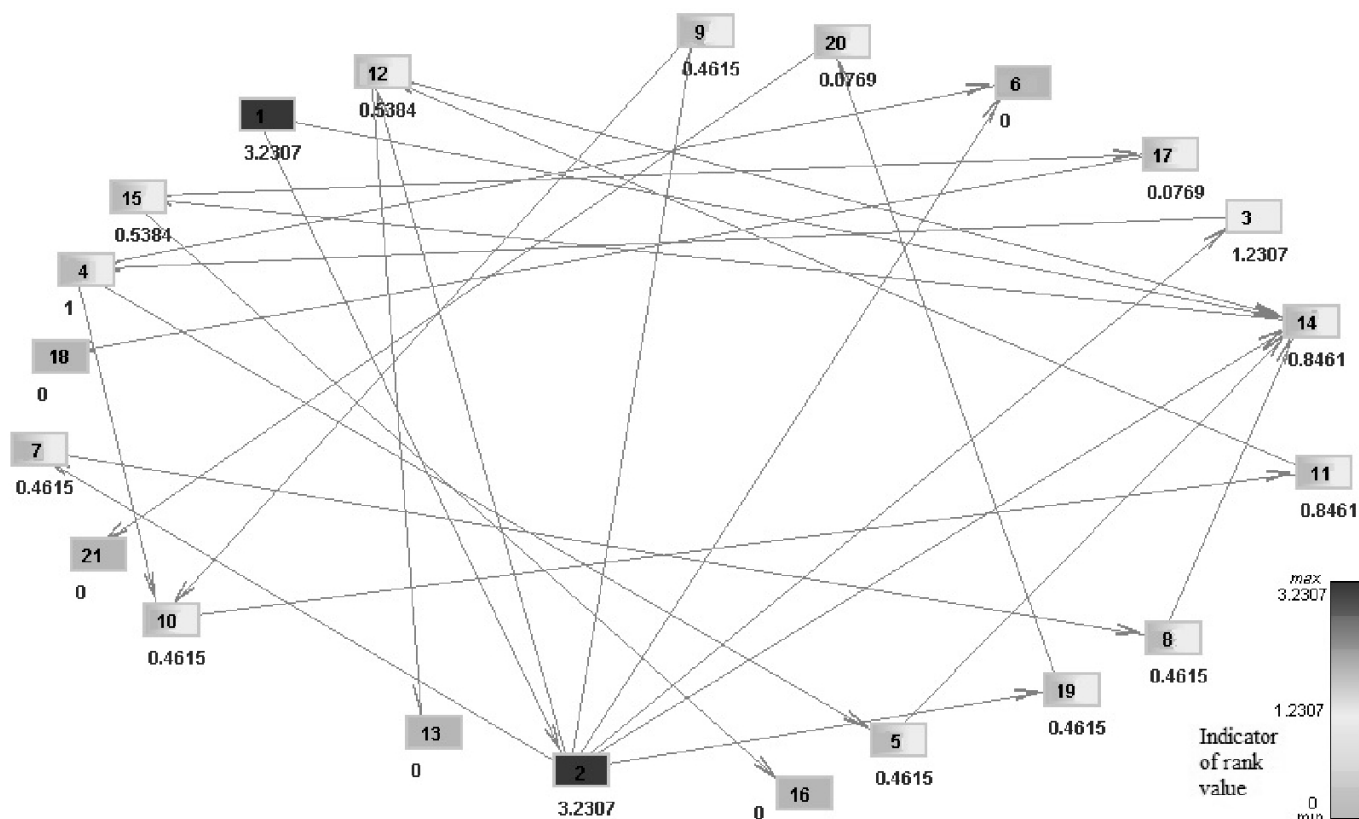

Fig. 1. Graph structure of teaching materials for discipline «Java» that illustrates interdisciplinary connections of educational components and ranking-dominance values

The results of the experimental work suggest about the effectiveness of the technology. Training in the e-learning environment that engages interdisciplinary connections helped students to organize, develop and deepen their knowledge, apply it in practice correctly

and confidently, including the study of other disciplines. Overcoming the focus on only one discipline contributed to the removal of the unbalanced learning, cognitive and professional activities of future professionals, to the development of their independence.

References:

1. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 09.01.2014 g. N 2 "Ob utverzhdenii Poryadka primeneniya organizatsiyami, osushchestvlyayushchimi obrazovatel'nyuyu deyatel'nost', elektronno obucheniya, distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy pri realizatsii obrazovatel'nykh programm" [Order of the Ministry of Education and Science of the RF N 2 from 09.01.2014].
2. Lebedeva M. B. Distantsionnye obrazovatel'nye tekhnologii: proektirovanie i realizatsiya uchebnykh kursov [Distance education technologies: design and implementation of the training courses]. – St. Petersburg, – 2010. – 336 p.
3. Medvedev V. E. Didakticheskie osnovy mezhpredmetnykh svyazey v professional'noy podgotovke uchitelya [Didactic principles of interdisciplinary connections in the professional training of teachers]. – Moscow, – 2000. – 380 p.
4. Fedorova V. N., Kiryushkin D. M. Mezhpredmetnye svyazi [Interdisciplinary connections]. – Moscow, – 1972. – 152 p.

*Forostovskaya Tatiana Alexandrovna,
Kirovohrad Volodymyr Vynnychenko State Pedagogical University,
lecturer, the Department of Natural and Geographical Sciences
E-mail: forostovskaja@rambler.ru*

The narrative form of presentation of chemical knowledge

Abstract: The paper analyzes the concept, functions, features and value of narrative. The concept of educative narrative is observed as a didactic narrative category. Functions and values of educative narrative are depicted in the process of teaching.

Keywords: narrative, narrative approach, educational narrative function narrative training.

*Форостовская Татьяна Александровна,
Кировоградский государственный педагогический университет
им. Владимира Винниченко, преподаватель,
естественно-географический факультет
E-mail: forostovskaja@rambler.ru*

Нарративная форма представления химических знаний

Аннотация: В статье проанализированы понятия, функции, свойства и значение нарратива. Раскрыто понятие учебного нарратива как дидактической категории. Показаны функции и значение учебного нарратива в процессе обучения.

Ключевые слова: нарратив, нарративный подход, учебный нарратив, функции учебного нарратива.

В современном мире нарратив является одним из способов упорядочивания наших знаний о мире. Понятие нарратива сейчас находится в центре внимания не только гуманитарных наук: философии, нарратологии, лингвистики, психологии, социологии и т. д., но и за их пределами, в том числе и в естественных науках. Современная наука в целом становится все более нарративной. Исследователи в области нарратологии (Ж. М. Адам, Ж. Женетт, Т. Павел, Ш. Римон-Кеннан, Дж. Принс и др.) связывают факт значительного роста «нарративных» исследований с осознанием важности нарративных рассказов в человеческой жизни — они сосредоточены не только в литературных текстах и обыденной речи, но и в научном дискурсе. К сожалению, о использовании нарратива в естественных науках, тем более при изучении дисциплин этого цикла в учебных заведениях, фундаментальных исследований нет.

Слово «нарратив» происходит от латинского *narrare* — речевой акт, рассказ, в то же время оно является родственным также латинскому слову *gnarus* — знать. Таким образом уже в переводе данного слова усматривается идея — перехода «знания» в «рассказ».

Начало исследования нарратива начал еще Аристотель в труде «Поэтика». Диалоги Платона и Софократа также можно отнести к нарративной форме

передачи знаний. Современное исследование нарратива началось еще в 20-е годы XX в., а в 60-х — 70-х годах возникла наука рассказа — дисциплина, которая занимается исследованием нарративов, их природы, форм, системы правил, в соответствии с которыми создаются нарративы и т. д.

Анализ литературных источников позволил нам найти целый ряд различных определений нарратива и разнообразие подходов к его изучению. На сегодняшний день не существует общепринятого научного определения. Большинство ученых ограничиваются узким определением его как объекта личного исследования.

Особое внимание, учитывая тему нашего исследования, привлекает к себе статья Карабаевой А. Г., посвященная значению нарратива в науке и образовании [1, 89–96]. Мы поддерживаем мнение исследовательницы, что нарратив является универсальной характеристикой культуры. По ее мнению рассказ — это не просто средство передачи информации или элементарный институт человеческой коммуникации, — это способ получения качественной (неколичественные) информации, связанной с нововведениями. «В основе нарративистских концепций объяснения лежит модель «объясняющего рассказа», основанная на принципиальной повествовательности природы знаний» [1, 89]. При этом автор ссылается

на известного исследователя А. Данто, который утверждает, что «рассказ уже по своему характеру является своеобразной формой объяснения». Карабаева А. Г. утверждает, что в настоящее время меняется статус знания. «Научное знание рассматривается как вид дискурса. Проблема науки все чаще связывается с проблемой языка, коммуникации, с лингвистическими теориями. Изменения в науке связаны с двумя функциями — исследованием и передачей информации и знаний ... Рассказ все чаще рассматривается как особый способ познания» [1, 93].

К значению нарратива в образовании в последнее время все чаще обращаются педагоги и философы образования всего мира. В частности в отчете британского фонда Наффилда «Beyond 2000: science education for the future» предлагается научному образованию активнее использовать «один из самых эффективных и популярных в мире способов распространения идей — нарративную форму» [2, 38].

Анализ возможности использования нарративного подхода при изучении дисциплин естественнонаучного цикла сделал Булюбаш Б. В. По мнению автора, нарративный подход в образовании должен выражаться как в стиле преподавания, в стиле учебника, так и в жанре письменных работ школьников [3, 15–21].

Использованию нарратива в учебно-воспитательном процессе по химии посвящена статья Л. П. Величко [4, 7–9]. Автор раскрывает значение нарратива как особой формы выражения научных химических знаний и подчеркивает, что значение нарратива в обучении возрастает в связи с требованием формировать оценочные суждения учащихся, выражать отношение к определенным знаниям. Чтобы осознать произошедшее его надо рассказать. Среди функций, которые выполняет нарратив, Л. П. Величко выделяет функции информирования, интерпретации, убеждения, интереса. Л. П. Величко предлагает ввести в оборот понятие учебного нарратива.

Мы попытались проанализировать нарратив как педагогическую категорию, как способ, с помощью которого возможно эффективное внедрение гуманитарной компоненты химического образования в классах гуманитарного направления.

Существенное отличие между обычным рассказом и нарративом заключается в том, что нарратив — не только рассказанная история, но и то, как говорит человек, и собеседник, которому она адресована; нарратив является не только рассказом, но и средством удержания внимания, заинтересованности и соучастия собеседника, который выступает как

соавтор нарратива. Собственно именно эта особенность нарратива является весомой для нашего исследования. Поскольку психологические особенности восприятия знаний учащимися-гуманитариями обусловлены именно применением в объяснениях повествовательных сюжетов. Это также связано с функциями нарратива.

По мнению Дж. Принса [5, 7], уникальной является способность нарратива не просто отражать некую последовательность событий, но открывать или изобретать то, что может произойти: «нарратив является посредником между законом того, что есть, и человеческой направленностью к тому, что может быть». Выполняя функцию специфического способа изложения знаний, нарратив не просто регистрирует события, он констатирует и интерпретирует их как значимые части осмысленного целого, причем целым может быть ситуация или общество, проект или событие и т. п. Нарратив может дать объяснение определенных понятий, отразить связь между ними и т. п. Для преподавания химии это существенно. Например, при изучении генетической связи между классами соединений. Показывая, что разные вещества образуют одну структуру (или наоборот), что означает, упорядочение системы химических знаний и связывает ее в единое целое присущим только ему способом, нарратив дает возможность трансформировать или переписывать эти взаимосвязи.

Не случайно сторонники нарратива (М. Л. Райан, Дж. Принс) среди факторов, обуславливающих ценность рассказа как метода, выделяют такие, от которых зависит его «повествовательность» (tellability). Определяют две нарративные инстанции: фабула — последовательность событий, как они «на самом деле» происходили, «то, что было на самом деле»; сюжет — то, как о них рассказывается в тексте, то есть «то, как о них узнал читатель» [5, 16]. Сюжет деформирует фабулу, делает ее ощутимой.

Правильное и органичное использования в нарративе сюжета и фабулы в обучении химии для гуманитариев является определяющим в нашем исследовании. Изобретательность рассказчика (учителя) приводит к тому, что последовательность, в которой ученики узнают о событиях (порядок сюжета) вовсе не совпадает с порядком фабулы. Нарратив — во власти учителя, от силы его индивидуальности и мастерства как рассказчика зависит то, насколько интересно будут донесены знания и насколько неповторимым выйдет сюжет.

На основании анализа научной и методической литературы можно утверждать, что нарратив, как способ и форму передачи научных знаний в процессе обучения можно считать дидактической категорией — учебным нарративом.

В процессе исследования мы пришли к выводу, что учебный нарратив — это форма передачи научных знаний в форме завершённого рассказа, который имеет следующие характеристики: последовательность и завершённость действия; хронологический или подчинен единой логике порядок расположения события; собственную оценку рассказчиком значимости событий.

Исходя из определения, можно выделить следующие функции учебного нарратива (сообразно с требованиями к знаниям учащихся):

- дидактические (образовательная, развивающая, воспитательная);
- информативная (передача определенного объема учебной информации);
- объяснительная (объяснение определенного понятия, факта или явления, отображение связи между ними и т. п.);
- убеждающая (процесс воздействия (поиск влияния) на мысли и поступки учащихся путем рассуждения или умственного обращения);
- функция упорядочивания (систематизирование, составление, подбор, структурирование учебного материала);
- интерпретационная (разъяснение, толкование, раскрытие содержания изучаемого факта или явления, личностное отношение рассказчика к этому);
- функция формирования интереса к обучению (заинтересовать учащихся в изучении учебного материала, активизация познавательной деятельности, усиление мотивации);
- трансформирующая (переосмысление реальности – акцентируется внимание на одних фактах, событиях, отводя на второй план другие, не существенные);

– темпоральная (установление связи между событиями).

В содержании курса химии помимо традиционных вопросов, касающихся химических элементов, веществ и реакций должно внимание уделяется освещению научного познания в химии, роли теоретических и экспериментальных исследований, экологической составляющей химических знаний, влиянию химических факторов на здоровье человека. Все эти вопросы могут служить фабулой для создания нарративов. Уже на основе фабулы учитель может развивать сюжет, излагать события в собственной интерпретации.

Учебный нарратив может принимать различные формы и представляться как учителем так и учениками. Создание учебных нарративов учащимися является особенно ценным, поскольку ища и отбирая научную информацию, они учатся ее критически оценивать, выражать свое отношение к данному вопросу, интерпретировать и т. д. Ученический нарратив может быть представлен в виде доклада, мультимедийной презентации, научного проекта, разнообразных «актуальных репортажей для телепередач», эссе, «фоторепортажей», «статей для публицистических журналов» и т. д. При этом учащиеся обнаруживают незаурядные творческие способности и живо включаются в обсуждение проблемы и поиски путей её решения.

Суммируя все выше сказанное, можем сделать вывод о том, что учебный нарратив — это дидактическая категория, поскольку является формой передачи научных знаний в виде завершённого рассказа, включающего в себя соответствующие характеристики. А потому является полезной и важной формой передачи химических знаний, поскольку «сокращает путь от носителя знаний к субъекту обучения, делает знания доступными и убедительными» [4, 8].

Список литературы:

1. Карабаева А. Г. Нарратив в науке и образовании/А. Г. Карабаева: сб. материалов конф. – СПб.: Санкт-Петербург. Филос. Об-во, – 2003. – Вып. 29. – с. 89–96.
2. За пределами двухтысячного года: естественнонаучное образование для будущего //(перевод с английского и предисловие Б. В. Булюбаша). – Нижний Новгород, НГЦ. – 2001. – 56 с.
3. Булюбаш Б. В. Нарратив между наукой и образованием/Б. Булюбаш. – М.: Знание–сила. – 2009. – № 1. – с. 15–21.
4. Величко Л. П. Наратив як форма вираження наукових хімічних знань/Л. П. Величко//Біологія і хімія в школі. – 2009. – № 6. – с. 6–8.
5. Prince G. A. Dictionary of Narratology/G. A. Prince. – Andershot (Hants), – 1988. – 126 p.

Cherevko Svetlana Wiktorowna,
Nationale Universität, Dnipropetrowsk, Ukraine,
Hochschullehrerin, Lehrstuhl für Leibeserziehung und Sport
E-mail: svcherevko@i.ua

Theoretische Begründung von Inhalt und Technologie des Lehrkurses «Grundlage von Gesundheitsaufbewahrung»

Abstrakt: In dem vorliegenden Artikel wird die Frage der Erarbeitung des Lehrkurses «Grundlage von Gesundheitsaufbewahrung» bei den künftigen Lehrern betrachtet. Es werden der Inhalt und die Technologie des Lehrkurses theoretisch begründet.

Keywords: Gesundheitsaufbewahrung, Lehrkurs, Inhalt, Technologie.

Черевко Светлана Викторовна,
Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара, старший преподаватель
кафедры физического воспитания и спорта
E-mail: svcherevko@i.ua

Теоретическое обоснование содержания и технологии учебного курса «Основы здоровьесбережения»

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы разработки учебного курса для будущих учителей «Основы здоровьесбережения». Теоретически обоснованы содержание и технология курса.

Ключевые слова: здоровьесбережение, учебный курс, содержание, технология.

Актуальность данной проблемы обусловлена сложностью обеспечения общей грамотности современного общества в вопросах здоровьесбережения и одновременно — острой необходимостью повышения организующей роли политической власти и государственных институтов в нейтрализации комплекса современных опасностей для человечества, среди которых — угроза здоровью.

Учеными признана роль образования ради здоровья и выявлена положительная корреляция приоритетов государственной образовательной политики ради здоровья с приоритетами в этой сфере, определенными в стратегических документах, а именно: Джакартская Декларация «Укрепление здоровья в 21 веке», Декларация тысячелетия, содержащая Цели тысячелетия в области развития, три из которых касаются здоровьесбережения; Глобальная стратегия Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ) «Здоровье для всех к 2000 году и далее»; Программа Европейского регионального бюро ВОЗ «Здоровье-21»; «Основы политики достижения здоровья для всех в XXI веке в Европейском регионе»; Европейская стратегия «Здоровье и развитие детей и подростков», 2005 г.; Глобальная стратегия по питанию, физической активности и здоровью, 2004 г.; Глобальные

рекомендации по физической активности для здоровья, 2010 г. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

В ходе исследования подтверждено, что развитые страны, например, страны — члены Европейского Союза, эффективно внедряют стандарты безопасности и качества здорового образа жизни, которые являются показателями общего качества жизни человека. По нашему убеждению, Украина сможет достичь желаемого уровня международных (европейских) стандартов жизни лишь при условии, что граждане будут иметь компетенции по здоровьесбережению, желание и возможность ими пользоваться. Достижению этих целей, безусловно, призвано способствовать образование, адаптированное ко всем этапам жизненного цикла человека и способное дать ему актуальные знания для защиты и самозащиты здоровья. Озабоченность государства по этому вопросу и актуальная стратегия изложены в базовых национальных нормативных документах, а именно: Концепции общегосударственной целевой социальной программы развития физической культуры и спорта на 2012–2016 годы (2011 г.) и Концепции общегосударственной программы «Здоровья 2020: украинский вимір на 2012–2020 роки» (2011 г.) [9; 10].

Следует отметить, что на теме внедрения здоровьесберегающих технологий в профессиональной

деятельности специалистов различных направлений сосредоточено внимание многих ученых и педагогов-практиков (Т. Авельцева, Т. Басюк, А. Безпалько, Т. Журавель, Н. Зимивец, Т. Лях, В. Молочный, С. Омельченко, Г. Радчук, А. Сущенко, Л. Сущенко, О. Тиунова, С. Харченко и др.). Однако, проблема требует постоянного развития, особенно в аспектах сочетания актуальной теории и ее внедрения в практическую работу.

Именно потому целью статьи является теоретическое обоснование содержания и технологии учебного курса для будущих педагогов «Основы здоровьесбережения».

В основу организации обучения основам здоровьесбережения положено системно-структурный подход: выявление и использование системно-целостных характеристик теории здоровьесбережения и тенденций ее развития в аспекте профессиональной деятельности. Если системный подход выступает как единство интеграции и дифференциации при доминировании тенденции к объединению (В. Ганзен), то методологическая специфика системно-структурного подхода определяется тем, что он позволяет систематизировать, структурировать и интегрировать накопленные знания, преодолевать их чрезмерное накопление, повышать эффективность системных исследований и процесса обучения, формулировать новые научные гипотезы, создавать системные описания явлений и т. п.

Отбор актуального содержания учебного курса, структурирование и компоновка учебного материала осуществлялись нами на основе принципов научности, дифференциации и интеграции знаний по основам здоровьесбережения, конфигурирования, профессиональной направленности, оптимального использования инновационных и традиционных методов и технологий, что дало возможность создать интегративное представление о здоровье человека.

Содержание подготовки будущих учителей к внедрению здоровьесберегающих технологий в профессиональной деятельности должно базироваться на современных научных исследованиях и широком использовании отечественного и зарубежного опыта валеологической подготовки, и реализовываться через подготовку по специальности, психолого-педагогическую подготовку и интегративный курс «Основы здоровьесбережения».

Содержательную основу курса составили смежные дисциплины, которые основываются на

положениях: валеологии, основ здорового образа жизни, основ здорового питания, основ педагогики и психологии, основ потребительского образования, информатики. Избирая интеграцию научного знания, мы учли мнение Р. С. Гуревича, что одним из принципов интеграции является уровень целостности, основной фактор которой – формирование новой дисциплины, которая имеет интеграционный характер и свой собственный предмет изучения [11, 95]. Интеграция наук предусматривает наличие разных взглядов, позволяет избежать какого-либо догматизма. Современные исследователи сходятся во мнении, что разные теории не только не исключают одна другую, а наоборот, что они дают комплексное представление о дисциплине, дополняя тем самым одна другую.

Стратегию построения курса «Основы здоровьесбережения» определяет система знаний, которая обеспечивает реализацию функций, возложенных на учителя в целом, возможность использования будущими педагогами знаний по основам здоровьесбережения на высоком качественном уровне как для самореализации и самоусовершенствования, так и для учебно-воспитательной работы со своими учениками.

При отсутствии условий имплементации курса в учебный процесс высшего учебного заведения как отдельной дисциплины, его модульная структура дает возможность: расширять содержание, границы известных традиционных теоретических и практических положений уже существующих дисциплин (физическое воспитание, валеология, основы потребительских знаний, педагогика и др.); отбирать необходимые модули и количество учебных часов в зависимости от специализации будущих учителей.

Структура предлагаемого модульного курса «Основы здоровьесбережения» имеет такой вид:

→ Модуль 1. Возникновение и развитие здоровьесбережения: научная и историческая парадигмы.

→ Модуль 2. Физическая активность как средство здоровьесбережения.

→ Модуль 3. Основы питания для здоровья.

→ Модуль 4. Основы потребительского образования. Формы обучения (семинары, лабораторно-практические, в т. ч. тренинговые занятия, самостоятельная работа).

Как представлено выше, предлагаемый курс состоит из четырех учебных модулей, каждый из которых имеет четкую структуру. Она объединяет содержательный (обеспечивает аудиторное и самостоятельное изучение учебного материала), технологический

(предполагает внедрение личностно-ориентированных технологий и реализуется через семинары, практические и тренинговые занятия, содержит задания для самостоятельной работы, инструкции, библиографию) и контрольно — диагностический (обеспечивает систему текущего и итогового контроля, самодиагностику и диагностику) компоненты.

Реализуя апробированные и оправданные временем традиционные формы обучения, мы считаем возможным несколько изменить технологию проведения семинаров и практических занятий, что позволяет преподавателю стимулировать внутренние резервы будущих педагогов.

Список литературы:

1. Джакартская Декларация: Укрепление здоровья в 21 веке [Электронный ресурс]/Женева, 1997//<http://www.euro.who.int/healthy-cities/Documentation/>.
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. – [Электронный ресурс]/Женева, 2000//http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
3. Global strategy for health for all by the year 2000. Geneva, World Health Organization (Health for All Series, No. 3).
4. Здоровье–21. Основы политики здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ: Введение./ВОЗ. – Копенгаген: Европ. регион. бюро, – 1998, № 5, – 40 с. (Европейская серия по достижению здоровья для всех).
5. Здоровье–21. Основы политики здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ: Введение. – Копенгаген: ВОЗ Европ. регион. бюро, – 1999, № 6, – 303 с. (Европейская серия по достижению здоровья для всех).
6. Европейская стратегия «Здоровье и развитие детей и подростков». – Копенгаген: ВОЗ Европ. регион. бюро, – 2005 г., [Электронный ресурс]/www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0020/132932/E91655R.pdf
7. Глобальная стратегия по питанию, физической активности и здоровью (WHA57.17)//Резолюция Всемирной Ассамблеи здравоохранения (WHA55.23), Пятьдесят седьмая сессия Всемирной Ассамблеи здравоохранения, пункт 12.6 повестки дня. WHA57.17, – 22 мая 2004. – 18 с. [Электронный ресурс]/<http://www.who.int/dietphysicalactivity/strategy/eb11344/ru/index.html>
8. Global recommendations on physical activity for health./Глобальные рекомендации ВОЗ по физической активности для здоровья. [Электронный ресурс]/http://whqlibdoc.who.int/publications/2010/9789244599976_rus.pdf. World Health Organization. – 2010. – 60 с. (ISBN 978 92 4 459997 6).
9. Концепція Загальнодержавної цільової соціальної програми розвитку фізичної культури і спорту на 2012–2016 роки, – 2011.
10. Концепція Загальнодержавної програми “Здоров’я 2020: український вимір” на 2012–2020 роки, – 2011.
11. Кудрявцева Г. А. Проблема безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в современной России: учеб.-метод. пособ. для студентов/Г. А. Кудрявцева, Ф. А. Мустаева, Г. В. Орлова. – Магнитогорск: МаГУ, – 2001. – 68 с.

*Shtonda Evgeniya Nikolaevna,
Poltava National Pedagogical University
named V. G. Korolenko, postgraduate student,
psycho-pedagogical faculty
E-mail: jein2880@yandex.ru*

The importance of motivation in the formation of mathematical culture

Abstract: Influence of motivation on the quality of learning mathematics and the formation of mathematical culture of building bachelors describes in the article.

Keywords: motivation, mathematical culture.

*Штонда Евгения Николаевна,
Полтавский национальный педагогический университет
имени В. Г. Короленка, аспирант, психолого-педагогический факультет
E-mail: jein2880@yandex.ru*

Значение мотивации при формировании математической культуры

Аннотация: В статье рассматривается влияние мотивации на качество изучение математики и формирование математической культуры бакалавров строительства.

Ключевые слова: мотивация, математическая культура.

Постановка проблемы. Проблема формирования математической культуры бакалавров строительного профиля является очень актуальной на данном этапе реорганизации высшего технического образования. Это социально обусловленное требование, поскольку высокая математическая культура бакалавра строительства является неотъемлемой частью образа высокопрофессионального специалиста своей отрасли. Для повышения эффективности математического образования в оговоренном аспекте, важное место отводится мотивации учебной деятельности.

Анализ публикаций по теме. Проблемой мотивации учебной деятельности занимались в разные годы Г. Абрамова, Л. Божович, О. Гребенюк, В. Давыдов, А. Дербенёва, Д. Эльконин, Т. Ильина, А. Маркова, М. Матюхина, Г. Щукина, П. Якобсон. Но важность мотивации при изучении высшей математики остаётся упущенной.

Цель статьи показать влияние мотивационной сферы на изучение математики и формирование математической культуры бакалавра строительства.

Изложение основного материала. Формирование математической культуры бакалавров строительного профиля — это многоуровневая и полиаспектная проблема. Она имеет тесную связь как со школьным математическим образованием, так и со всеми специальными дисциплинами высшей инженерной школы. Место математики в обучении каждого отдельного ученика или студента в системе украинского образования на данный момент не обозначается четко и однозначно. Путем к этому определению есть гуманистическое направление содержания естественно-математического образования, о котором идет речь в Государственной программе «Освіта» («Україна ХХІ століття»), в Законе Украины «Про освіту», в Концепции национальной системы образования.

Особого внимания заслуживает математическая подготовка будущих строителей в техническом университете. Она является неотъемлемой частью

профессиональной подготовки бакалавров строительного профиля, их интеллектуального развития, формирования научного мировоззрения, овладения методами математического моделирования ориентированного на будущую профессиональную деятельность и, что самое главное для нас, формирование высокого уровня математической культуры сознательного высококвалифицированного профессионала.

Личностно-ориентированное обучение требует индивидуального подхода к каждому отдельному студенту и уже не достаточно передать ему математические знания, а необходимо сформировать математическую культуру будущего инженера, которая, как показывает наше исследование, есть подсистемой профессиональной культуры и, в свою очередь, общей культуры человека.

Научно-теоретическое исследование подтвердило отсутствие единственной четкой дефиниции понятия «математическая культура», но мы для своей научно-практической работы определили математическую культуру бакалавра строительного профиля, как интегративное динамическое личностное качество, которое представляет собой комплексное объединение нескольких структурных элементов, таких как:

- математических знаний, умений и навыков, обусловленных профессиональной деятельностью строителя и развитием его интеллекта;
- математического мышления и логики действий;
- математического тезауруса, как ретранслятора математических и профессиональных идей и моделей;
- средств и методов математики для выделения математических ситуаций в профессиональной деятельности;
- математического самообразования, как способа и средства саморазвития;
- математического моделирования, как средства познания научной картины мира.

Если математические знания, умения и навыки являются одним из составляющих элементов

математической культуры, то наше задание состоит в оптимизации процесса обучения высшей математики будущих строителей. Как заставить студента изучать столь сложный предмет? И не просто освоить знания, а привить понимание о рациональности использования этих знаний в практичной профессиональной деятельности.

Наиболее эффективным обучение становится тогда, когда оно строится не на принуждении, а на осознанной потребности в каких-то конкретных знаниях, внутренних мотивах личности.

В начале нашей исследовательской деятельности было проведено анкетирование среди будущих бакалавров строительного профиля технического университета для обозначения наиболее противоречивых моментов в изучении высшей математики будущими строителями, их профессиональной потребности в этой дисциплине, и формировании математической культуры в процессе профессиональной подготовки. Понимание значения предмета для получения инженерного образования есть только у 78 % респондентов, что, по нашему мнению, является достаточно низким показателем. (более подробно с результатами этого опроса можно ознакомиться в журнале [2, 228–235]). Отсутствие такого осознания влечет за собою внутреннее отторжение математики как тяжелой обузы, изучения предмета ради предмета, а ни как средства получения профессионального строительного образования.

Размышляя над решением поставленной проблемы мы обратили внимание на такие, более психологические нежели педагогические, термины, как: *мотив, мотивация, потребность, стимул, внутренняя и внешняя, сознательная и подсознательная мотивация*. Понятия, на первый взгляд, далекие от математики, но неразрывно связанные с педагогическим процессом её изучения.

Мотив — это внутреннее побуждение личности к тому или иному виду активности (деятельность, общение, поведение), связанной с удовлетворением определенной потребности. *Мотивация* — это общее название для процессов, методов, средств побуждения учащихся к продуктивной познавательной деятельности, к активному освоению содержания образования.

Выделяют три типа отношения к учению: положительное, безразличное и отрицательное. Процесс формирования положительного отношения к учению является значимым и основополагающим как в школьном курсе, так и в процессе получения высшего

образования. Для этого мы должны учитывать несколько составляющих, о которых говорилось выше.

Оптимальным было бы выведение математической культуры для строителей на уровень потребности. *Потребность* — необходимость в ком-либо (чем-либо), которая требует удовлетворения, или то, без чего нельзя обойтись, требования, которые необходимо удовлетворить [1, 11]. Но цель будущего строителя не лежит в плоскости математической культуры, у него есть социальная потребность получить специальность и социализироваться в обществе, а математическая культура является совокупностью средств и способов удовлетворить эту потребность наиболее рациональным и, в некоторых моментах, единственно возможным путем. Задача преподавателя показать взаимосвязь фундаментальной дисциплины «высшая математика» и специальных дисциплин профессии строителя, математической культуры и высокообразованного креативного бакалавра строительства.

Учитывая выше изложенное, вернёмся к мотивации изучения математики и формирования математической культуры строителя в целом. Студенты первого курса ещё подвержены инерции учебной деятельности (это то, что они умеют делать). Для личностей, обладающих высоким логическим и эмоциональным интеллектом изучение математики сродни внутреннему мотиву, это входит в сферу их интересов как новая жизненная задача, от удачного решения которой они получают ощущение мгновенного счастья и удовлетворения. Для студентов, которые по разным причинам не «так тепло относятся к высшей математике», преподавателю необходимо вывести её сначала на уровень внешних мотивов, и тогда есть шанс перевести изучение предмета на внутреннюю мотивацию.

Однозначно сказать, что внешняя мотивация изучения математики и, как следствие, формирование математической культуры, является отрицательной — мы не можем. Ведь если следовать логике построения отраслевого стандарта обучения бакалавра строительства, то высшая математика — это фундаментальная дисциплина, она в большей степени служит средством получения профессии, качественного изучения спецпредметов, помощником и операционным багажом в процессе профессионального обучения и дальнейшей профессиональной деятельности. То есть, изучение содержания предмета высшей математики в глобальном масштабе не является целью профессионального образования строителя,

а является средством достижения иной цели — получении специальности. В более скромных масштабах целью может быть хорошая оценка, похвала, получение диплома, как символа окончания обучения, получение стипендии, признание авторитета однокурсниками и тому подобное.

На начальном этапе обучения это тоже достаточно хороший результат, так как внешняя мотивация может послужить вовлечением пытливого ума в учебную деятельность и активизировать внутреннюю мотивацию.

Следующий момент, который хотелось бы обозначить и о которых не должны забывать преподаватели высшей школы, это стимулы. Какой бы сознательный не был обучаемый индивид, но существует масса косвенных факторов, которые гасят интерес к учебному процессу. Ведь *стимулы* — это награды, которые мотивируют поведение [1, 9]. Стимулы могут быть такими, которые активизируют внешнюю мотивацию (она более краткосрочная): получение оценки, стипендии,

и такими, которые активизируют внутренние мотивы (более долгосрочные): похвала, признание, авансированная оценка.

Выводы. Таким образом, поскольку мы ставим перед собой цель формирования математической культуры будущих строителей, а составляющим её элементом есть математические знания, умения и навыки, то мы должны принимать во внимание эффективность процесса изучения математики. И каждый преподаватель, заинтересованный в её повышении, обязан принимать во внимание мотивацию обучения и стремиться к её активизации и поддержанию её высокого уровня. В этом пригодятся все выше перечисленные аспекты, а также уже существующие методики изучения уровня мотивации учебной деятельности и её динамики (Т. Ильиной, А. Дербенёвой, О. Гребенюка), которые при необходимости возможно адаптировать под математику. Это поможет рациональнее подбирать содержание дисциплины и выбирать средства и методы работы.

Список литературы:

1. Дербеньова А. Г. Усе про мотивацію/уклад. А. Г. Дербеньова. – Х.: Вид. група «Основа», – 2012. – 207, – [1] с.: схеми, рис., табл. – (Серія «Золота педагогічна скарбниця»).
2. Штонда Є. М. Проблеми математичної підготовки бакалаврів напряму «Будівництво» у період переходу до оновленої дидактичної системи/Штонда Є. М. // Проблеми сучасної педагогічної освіти. Сер.: Педагогіка і психологія. – Випуск 27. – Ялта, – 2010. – с. 228–235.

*Eshboyeva Durdona Alisher kizi,
Gulistan state university,
2nd year student, Philological faculty
E-mail: eshboyeva94@mail.ru*

Effective Teaching English Grammar as an improving English Speaking

Abstract: For children with learning disabilities and children who are low achievers, systematic phonics instruction, combined with synthetic phonics instruction produced the greatest gains. Synthetic phonics instruction consists of teaching students to explicitly convert letters into phonemes and then blend the phonemes to form words. Across all grade levels, systematic synthetic phonics instruction improved the ability of good readers to spell.

Keywords: grammar, comprehensive, ludicrous, immersed, transferable, combination of methods.

Encourage students to ask questions, during class, to understand difficult topics. Learning style and ability vary in each child. Teaching English and grammar require knowledge of different learning styles and methodologies successfully to reach every student in the classroom. Sometimes called “differentiation,” using many different teaching methods appeals to the widest possible range of students and helps improve

comprehension and self-confidence by finding their strengths and expanding on them.

Why does grammar retain such glamour when research over the past 90 years reveals not only that students do not learn it and are hostile towards it, but also that the study of grammar has no impact on writing quality. ...Until we have such knowledge, the grammar sections of a textbook should be treated as a reference

tool that might provide some insight into conventions of mechanics and usage. It should not be treated as a course of study to improve the quality of writing.

There are many ways to teach English, but it is cumbersome to find a perfect way to teach. Maybe it is impossible to find the perfect and easy way to teach. However, as we would consider (?) ourselves as decent educators, we just have to find effective ways to teach English well. It will be ludicrous to say that native speakers of English are the best English teachers. Just because one can speak English well, does not mean that he/she is an excellent English teacher.

Experimental research has raised an important question that can best be answered by descriptive studies, for example, case studies of why writers make certain syntactic choices or how concern for syntax assists or interferes with planning and composing. A consideration of questions like these would be a fruitful direction for future research.

Grammar cannot be taught as a stand-alone activity. What is the point of that? Children begin to understand grammar concepts, and start to apply them in their own writing, when they start to read with a writer's mind. Punctuation rules and techniques are drawn from shared texts, texts that the children have already been immersed in and have a good understanding. Exploring these and embedding them creatively is how the learning takes place.

Answer To, too, and two. Three words, all different meanings. Public schools everywhere have been preaching this concept for years, yet for some mystical reason, society cannot seem to figure it out. If one is truly honest about the topic, he or she will have to admit that the collective grammar of this country is simply tragic. With rampant fragments, run-ons, and the sentence, "Your to old for me, I ain't got no reason to date u," the people are demanding a remedy.

Learning style and ability vary in each child. Teaching English and grammar require knowledge of different learning styles and methodologies to reach successfully every student in the classroom. Sometimes called "differentiation," using many different teaching methods appeals to the widest possible range of students and helps improve comprehension and self-confidence by finding their strengths and expanding on them.

Learning English requires command of the four key skills: reading, writing, speaking and listening. Receptive skills are reading and listening as the learning is simply absorbing information and attempting to make sense of it. English teachers should test receptive skills often

throughout a single class period to ensure students are processing information correctly. To check reading comprehension, introduce a piece of appropriate text verbally with the class as a group and explain any difficult words or concepts. Ask the students to read the text and answer a few multiple-choice questions. Listening can be tested in the same way by using recorded conversation or pieces of music. Encourage students to ask questions about any reading or listening selections.

In regards to the students, both eighth graders and seventh graders, such an approach — asking them why they chose to write things the way they did. Instead of telling them this is the way they should write would, I believe, be a much more effective approach to teaching grammar than the rote teaching (either through Shurley English, or through worksheets out of a book, or any other textbook-style method) that is currently despised and forced down by students.

Into whose lap does this task fall? English teachers. Teaching English grammar to a group of students is a job that should grant super human status to any teacher who manages to do it successfully. There is a steaming buffet of options to pick from when it comes to choosing the best way to teach this age old and ever-relevant area of study. There is the traditional "sit down, get out your grammar books, turn to page 134, listen to me drone on for 15 minutes about verbals, and then do pages 135, questions one through sixty" method.

There is the new-age method of teaching grammar, which ironically doesn't actually teach grammar at all, but instead hopes students just sort of "pick it up" as they read different texts; then, there is a method somewhere in the middle, the "discuss some grammatical concept in a mini-lesson format, then analyze that concept as students read and write" method. Each method depends on who is doing the teaching, what kind of students occupy the classroom, and the demands of the school system, and each method has plenty to smile about and sneer upon.

The traditional method of teaching grammar is still very popular among experienced teachers and teachers that have been in the profession for a while. Everyone knows these kinds of teachers. They're the ones who stamp their little feet and say, "Back in MY day, when children had some RESPECT..." and similar mantras. They proclaim this world has gone to the deepest pits of hell in the roughest of hand baskets, and truly, the rest of the teachers wonder why they are still teaching at all [3].

A few young, fresh, brave souls enter the teaching field and follow the example set by their teachers in high school the traditional, grammar book, worksheet, right

or wrong example. Regardless of whether they look at the student population and see the wasting away of society or a field of young and potential-filled flowers, these teachers see grammar as something that should be taught in isolation. It should be given its own time, its own unit, and its own space in the curriculum. Correctly, they see their chosen field of study as something so highly important that it cannot be ignored nor tainted with other subjects; the students must learn it because, well, that is what students do: they learn grammar. Period.

Placing students in cooperative groups or using peer coaching is especially helpful in an ELL classroom where students are or can be at mixed levels of learning English. When this is the case it is best to place them in groups that are chosen by the teacher in a manner that places higher level students with lower level ones. In this way the higher level student is learning, practicing, and perfecting techniques through teaching; and the lower level student is acquiring new knowledge and receiving help from a peer. This can also be used to place higher level students together to work on an assignment while the lower level students stay with the teacher to learn new information. In this way the teacher is able to optimize learning by provide new information to both levels without actually having to make one or the other sit through information that is either below or above their learning level.

Based on this information, many have decided to abandon the practice of teaching grammar all together. They have brushed it off as worthless and have instead chosen to cross their fingers in hopes that if students read enough and write enough, they will start to naturally see the patterns of the English language. For some students this may work. In fact, it may work for many students [1]. However, teachers may collide into a problem with this system. In every state, teachers have a curriculum to follow, a list of “to-do” if you will that they must be covered in a year’s time. These curriculum lists usually contain a set of pure grammatical skills that the students must learn, and unless the teacher wants to rebel against the curriculum (and, therefore, the school and state boards) that teacher must teach those things. Ah, the endless dilemmas of the English teacher.

As a future teacher, I have known colleagues who have abandoned grammar all together and then right before testing they experience a sort of panic of the conscience. They realize, “Oh wow, I have ignored grammar all year. It is going to be on the test and my students are not going to know it! They are not going to know how to distinguish an infinitive from a gerund! Oh, and those dreadful dangling modifiers! I should have been teaching those things

all along. Stupid, stupid me. I’m going to get fired, because their test scores are going to be in the toilet!” The panic continues until summer break when the teacher’s mind has gone into somewhere between the “at least I survived” mode and the “nothing I can do about it now” mode.

For those teachers who are neither traditional nor rebellious, there is a middle road of grammar instruction. This type of instruction combines grammar with reading and writing as an everyday experience in the classroom. The teacher usually introduces a grammatical concept; let us say «adjective series» that the students need to know. He or she gives a short “mini-lesson” on the issue and maybe has the students do a quick activity (not a worksheet, more like a creative exercise like, “Write a paragraph about your ideal career and include two adjective series in the paragraph.”) [2].

Then, the students may read a story, discuss the story, and then find examples of the grammatical concept in the story. This method is very much dependent on the teacher’s creativity and his or her ability to weave grammar into every other area of the English classroom. It is by no means the easiest way to teach grammar, but as research has shown, it may be the most effective. Definitely the method that takes the most time and creativity on the part of the teacher, but for a dedicated professional, these are both secondary concerns to the level of learning the students achieve.

Grammar is one of those issues that does not have an easy solution. It is tricky and it is tough, kind of like all-important things in life. It is not for the faint of heart or the creatively shallow. There are teachers who make the traditional method work; somehow, they have found a way to get bits of information to implant themselves into student minds like tiny eggs of precious information [1]. There are teachers who do not handle grammar at all, but they make their students read enough and write enough that somehow, they pass their state tests and grow up with a basic knowledge of the concepts; and there are teachers who creatively combine grammar to other classroom activities.

Which method works the best is up to the individual teacher, but one thing is certain: “there, they’re, and their” all have different meanings, and it is the English teacher’s job to make sure this information is cleverly presented. If it is not presented for the benefit and advancement of the students, it must be done at least for the sake of nile-biting, socially disenchanted Grammar police everywhere who look at their news feed on the internet and shed a little tear with every non-agreeing subject/verb pair.

References:

1. Hillocks G. Ways of thinking, ways of teaching. – New York: Teachers College Press. – 1999.
2. Lucy Pollard. Introduction to Teaching-English, Lucy Pollard – 2008.
3. Wyse D. Teaching English, language and literacy: From new theory to classroom practice. Invited presentation at Beijing Language and Culture University (BLCU), Department of English, Beijing. – 2012, 12 March.

*Jakowlewa Irina Wassiljewna,
Samsonowa Swetlana Nikolaewna,
Die Jelezki staatliche Universität von ihm. I. A. Bunina,
der BewerberFakultät für Pädagogik und Psychologie der Vorschule
E-mail: yakovlevairinavas070882@mail.ru*

Die Entwicklung des freien Verkehrs der Vorschulkinder

Abstrakt: der Vorliegende Artikel ist dem Problem der Entwicklung des freien Verkehrs der Vorschulkinder gewidmet. Es sind die möglichen Richtungen, die Aufgabe, die Spiele und andere Tätigkeitsarten in der Arbeit mit den Kindern vorgestellt.

Keywords: die Entwicklung, die Sprechaktivität, den freien Verkehr, die produktive Tätigkeit.

*Яковлева Ирина Васильевна,
Самсонова Светлана Николаевна,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
соискатель, дошкольный факультет
E-mail: yakovlevairinavas070882@mail.ru*

Развитие свободного общения дошкольников

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме развития свободного общения дошкольников. Представлены возможные направления, задания, игры и другие виды деятельности в работе с детьми.

Ключевые слова: развитие, речевая активность, свободное общение, продуктивная деятельность.

Умение общаться это целое искусство, сложнейший, многоуровневый процесс установления и развития отношений между людьми. Чтобы ребенок своевременно и качественно овладел устной речью, необходимо, чтобы он пользовался ей как можно чаще, вступая в контакт со сверстниками и со взрослыми, т. е. обладал определенной речевой активностью. Речевая активность — фактор, предполагающий общую активность в игре и социальной жизни, быстрые речевые реакции в диалоге и выбор слов, интенсивное построение фразы [1].

Большинство сложностей и ошибок возникают в результате неумения слушать, натянутости разговора, влезания вне очереди, негативного настроения, желания быть правым всегда и во всем, засорения нелитературными элементами, недостаточной интонационной выразительности речи и многого другого. В результате чего между детьми дошкольного возраста разворачивается сложная и порой драматичная картина отношений.

Они ссорятся, чувствуют обиду, ревнуют, высказывают претензии, а иногда делают мелкие гадости. Подобная ситуация может привести к возникновению негативных форм поведения у детей, отклонениям в развитии (замкнутости, агрессивности, тревожности, неуверенности в себе, неадекватности поведения).

Возникает острая необходимость своевременно обратить внимание на такие проявления детей и помочь преодолеть их. Умение планировать и направлять свои действия и поступки во взаимодействии с миром, развитие свободного общения ребенка со сверстниками и взрослыми, является тем фундаментом, на котором строится дальнейшее развитие личности ребенка. Этот первый опыт существенно обогащает жизнь детей, раскрашивает красочными лучами сферу их ощущений, во многом определяет характер отношения ребенка к тому, что его окружает.

С увеличением инновационных технологий (компьютер, телевизор, айфон), серьезное волнение и

беспокойство вызывает коммуникативное развитие дошкольников. Лучшими друзьями детей становятся компьютерные игры и мультфильмы. Отсюда столько проблем в овладение свободной речью, что приводит к трудностям в обучение и накладывают отпечаток на последующую деятельность, так как не всегда имеется возможность устранить речевой недостаток в детстве.

В федеральных государственных стандартах отводится особое место решению такой задачи, как развитие свободного общения дошкольников. Что в дальнейшем может привести к разрешению ряда таких вопросов, как ограниченный круг общения, не владение навыками активного слушания, не умение создавать благоприятную обстановку для разговора, не способность улаживать конфликт.

Именно с этой целью, выделяем следующие направления:

- развитие инициативности и самостоятельности ребенка в общении;
- использование элементов описательных монологов и объяснительной речи;
- выработка потребности в деловом и интеллектуальном общении;
- формирование умения воспринимать и понимать эмоции собеседника;
- развитие ситуативно-делового общения в различных видах деятельности.

Чтобы добиться необходимых, а главное эффективных результатов, способствующих развитию свободного общения дошкольников, предлагаем следующие виды деятельности с детьми.

1) Расскажи стихотворение без слов: «Кошкин дом» С. Я. Маршак, «Мойдодыр» К. И. Чуковский.

2) «Праздник в семье» (детям предлагается рассказать о подготовке и проведение любого семейного праздника: Новый год, Рождество и т. д.).

3) «Самое яркое впечатление в твоей жизни» (если ребёнок затрудняется, можно предложить ему рассказать о его мечте или помочь наводящими вопросами).

4) Проблемная ситуация: младший брат или сестра просят у тебя новую игрушку, с которой ты не хочешь делиться. Как бы ты поступил?

5) Детям предлагается послушать сказку «**Витя — озорник**».

Жил в небольшом городке мальчик Витя. Он постоянно животных обижал, дразнил, растения выдёргивал. И вот однажды, налетел ветер — буян, подхватил Витю и унёс его в волшебный лес. А там всё горит и сверкает солнечным светом, словно в сказке, эту

таинственную тишину нарушает лишь шорох птиц, притаившихся на ветвях деревьев. В лесу кипит жизнь. По травинкам снуют букашки, в воздухе жужжат дикие пчелы. Идёт Витя и вдруг видит, упал маленький птенчик из гнезда и никак не может забраться назад. Сжалился над ним Витя — помог птенчику попасть домой. Идёт он дальше и вдруг — ручеек, сидит около него Хомка — хомячок, мохнатенький бочок и горько плачет. Спрашивает его Витя: «Что ты плачешь, Хомячок?». А тот отвечает: «Налетел вчера ураган и завалил ручеек ветками, сучками да листьями. Затопила вода мою норку. Где мне теперь жить — поживать, зиму — зимовать?». «Давай я помогу тебе», — отвечает Витя: «Почищу ручеек». Сделал мальчик доброе дело и пошёл дальше. Видит, сидит в капкане Зайка — зайка и горюет. Сжалился над ним Витя и освободил из железной ловушки. Узнал о добрых поступках Вити ветер — буян и перенёс его обратно домой. Перестал Витя плохие поступки совершать, а стал жить — поживать, животным и людям помогать.

После рассказа сказки с детьми проводится беседа по её содержанию и дошкольникам предлагается придумать добрые дела и поступки.

6) Игры.

Игра «Самый — самый».

Цель. Учить детей образовывать новые слова с помощью суффикса — ейш, знакомить с оттенками лексических значений слов.

Ход игры. Ребёнку задают вопрос:

– «Карандаш какой?»

– Длинный.

– А этот карандаш самый длинный, значит он какой?

– Длиннейший.

– Снег какой?

– Белый.

– А этот снег самый белый, значит он какой?

– Белейший.

Игра «Отгадай, чья голова?».

Цель: упражнять дошкольников в образовании притяжательных прилагательных.

Ход игры. У кошки голова чья? — кошачья. У собаки голова чья? — собачья. У кролика — кроличья, у грача — грачиная, у вороны — воронья, у сороки — сорочья, у журавля — журавлиная, у бобра — бобровая, у моржа — моржовая, у зубра — зубровая.

Игра «Мир, в котором мы живём».

Цель. Расширять словарь детей, развивать грамматический строй речи, воображение, познакомить с разными видами животных.

Ход игры. Детям задают вопрос:

– Какие животные прыгают?

– Зайцы, кенгуру, белки.

– А ты знаешь, что зайцы бывают разные: есть заяц русак, беляк, полосатый заяц.

– Как вы думаете, почему они получили такое название? (ответы детей).

Далее рассказывают детям об этих животных.

– Какие животные ползают?

– Черепаха, ящерица, варан, змея.

– Черепахи тоже бывают разные: красноухая, зелёная, звёздчатая.

– Почему они так называются? (ответы детей).

– А кто плавает?

– Дельфин, рыбы, акулы.

– Акулы бывают разных видов: тигровая, гигантская, акула – молот, белая.

– Давайте подумаем, почему они получили такое название? (ответы детей).

– Давайте вспомним, кто летает?

– Птицы, бабочки, мухи, комары, жуки, стрекозы.

– А каких птиц вы знаете?

– Голубь, ворона, галка, скворец, аист.

– Ребята, аист бывает белый, чёрный, аист-клювач.

– Почему аист так называется? (ответы детей).

– А сейчас, давайте придумаем предложения со словами заяц, черепаха, акула, аист.

Игра как ведущий вид деятельности в дошкольном возрасте, создаёт благоприятные условия для личностного и психического развития, помогает освоить родной язык, что в свою очередь способствует возникновению у ребёнка желания активно участвовать в общении.

И именно игровая деятельность помогает создать такие ситуации, в которых самые необщительные, стеснительные и нерешительные дети вступают в речевое общение и раскрываются.

Таким образом, это позволяет ребёнку вступать в свободное общение с детьми и взрослыми в самых разнообразных видах деятельности, проявлять к нему свой интерес, договариваться о совместных действиях, узнавать эмоциональное состояние собеседника. Формируется произносительная и темпоритмическая сторона речи, четкость произношения каждого слова, правильность ударения в слове, умение формулировать свою мысль, развиваются диалогическая и монологическая речь, обогащается словарный запас и формируются предпосылки письменной речи.

Список литературы:

1. Красильникова, Л. В. Развитие речевой активности детей 6–7 лет: учебно – метод. пособие / Л. В. Красильникова. – Н. Новгород: НГПУ, – 2009. – 160 с.

Section 6. Political science

Секция 6. Политология

*Burganova Inna Nikolaevna,
Orenburg State Pedagogical University, Associate Professor
E-mail: Burganovain@yandex.ru*

The idea of a common space from Vladivostok to Lisbon: Pro et Contra

Abstract: The article reveals the idea of creating a common space from Vladivostok to Lisbon. The author pays particular attention to the factors conducive to the eventual integration of the EU, Russia and the countries of the Customs Union. Considered the claim of Moscow and Brussels in relation to each other.

Keywords: common space from Vladivostok to Lisbon, the European Union, the Customs Union integration cooperation.

*Бурганова Инна Николаевна,
Оренбургский государственный педагогический университет,
кандидат политических наук, доцент
E-mail: Burganovain@yandex.ru*

Идея общего пространства от Владивостока до Лиссабона: Pro et Contra

Аннотация: Статья раскрывает идею создания общего пространства от Владивостока до Лиссабона. Автор акцентирует особое внимание на факторах, благоприятствующих возможной интеграции ЕС, России и стран Таможенного союза. Рассматриваются претензии Москвы и Брюсселя по отношению друг к другу.

Ключевые слова: общее пространство от Владивостока до Лиссабона, Европейский союз, Таможенный союз, интеграционное сотрудничество.

Международные отношения в XX–XXI вв. соответствует двум важнейшим тенденциям мирового развития. С одной стороны, происходит глобализация хозяйственных, экономических, культурных связей между национальными государствами. С другой — наблюдается интенсификация регионального сотрудничества на уровне интеграционных объединений (ЕС, СНГ, НАФТА, МЕРКОСУР и пр.).

Однако сегодня можно увидеть стремление политических лидеров и элит к взаимодействию не только на уровне отдельных регионов, но и между интеграционными союзами. Такая форма партнерства решает сразу несколько стратегических задач: выстраивание взаимовыгодного торгового сотрудничества, налаживание политического диалога и решение дискуссионных вопросов. Поэтому анализ возможностей существования такого объединения поможет понять, насколько оно осуществимо. Так

и позволит определить, что может препятствовать подобному сотрудничеству.

В условиях мирового кризиса многие государства столкнулись с дилеммой потери рынков сбыта, уменьшения производства, сокращения рабочих мест. Поэтому поиск новых торговых партнеров позволит странам решить проблему спасения национальных экономик.

Россия также заинтересована, как и другие национальные акторы в диверсификации стратегического взаимодействия на международной арене.

Не смотря на то, что РФ активно сотрудничает с государствами на постсоветском и азиатском направлениях, тем не менее, в 2010 г. В. Путиным была высказана идея альянса между Российской Федерацией и Европейским Союзом.

Причины такого союза лежат в плоскости экономических связей. В условиях уязвимости российского

и европейских рынков, Москва предложила Брюсселю унифицировать таможенные тарифы и стандарты технического регулирования [2].

Также было озвучено предложение об отмене визового режима [1]. Эти меры позволили бы оптимизировать сотрудничество не только на уровне двухстороннего сотрудничества между отдельными государствами, но и на уровне межгосударственных структур ЕС и Таможенного Союза, куда входит Российская Федерация, Казахстан и Белоруссия.

Возможности идеи альянса между Москвой и Брюсселем близки к реализации в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, существует географическая близость территорий указанных акторов.

Во-вторых, эволюция отношений России и европейских стран прошла многовековую историю;

В-третьих, существует взаимозависимость экономик, которая позволяет партнерам повысить конкурентоспособность как российской, так и европейской продукции. Торговое партнерство всех государств, участвующих в интеграционных проектах Европейского Союза и Таможенного союза позволит создать единое экономическое пространство.

В-четвертых, РФ и ЕС являются важнейшими гарантами безопасности в регионе, поэтому обе стороны заинтересованы в укреплении обороноспособности, нивелировании современных угроз и пр.

В-пятых, возрастают культурные и образовательные обмены, что способствует активизации дальнейшего сотрудничества Москвы и Брюсселя.

Таким образом, векторы российско-европейского партнерства во многом совпадают, что со временем может привести не только взаимовыгодному сотрудничеству, но и может вырасти в реальную интеграцию от Владивостока до Лиссабона. При этом условия существования такого объединения можно определить, как: совместные цели создания; наличие общих географических границ, исторически сложившихся хозяйственных связей и транспортных коммуникаций.

Однако условия такого взаимодействия подвержены нескольким факторам, которые в целом выступают препятствиями в интеграции РФ и ЕС:

1. Сотрудничество Москвы и Брюсселя всегда было достаточно сложным в свете «холодной войны».

2. Неоднозначная позиция РФ и ЕС по поводу таких спорных вопросов, как статус Калининграда, события в Южной Осетии, ситуация с правами человека, энергетическая безопасность, неодинаковая оценка своего влияния на постсоветском пространстве и др. не может не отобразиться на интенсивности контактов российской и европейской сторон.

3. События на Украине застопорили и без того сложное сотрудничество Российской Федерации и Европейского Союза. Лавина санкций со стороны европейских стран и угрозы со стороны России летом 2014 г. показали, что альянс вряд ли возможен в ближайшее время. ЕС заморозил практически все важнейшие совместные проекты с РФ.

4. Взаимодействию Москвы и Брюсселя мешает излишняя политизация отношений, когда политические разногласия стоят выше экономических интересов [3].

5. Определенные сложности присутствуют в признании жизнеспособности Таможенного союза со стороны ВТО. Только российская сторона является полноценным членом данной организации, в отличие от Казахстана и Белоруссии. Поэтому говорить о близких перспективах интеграции Европейского союза и Таможенного союза вряд ли стоит.

Таким образом, подобное сотрудничество возможно только в том случае, если это выгодно всем партнерам, принимающим участие в объединении. При этом выстраивание других форм взаимодействия вряд ли возможно, поскольку требует серьезных компромиссов на политическом уровне. Однако необходимо помнить, что самым главным условием является совместная воля стран-участников объединения. К сожалению, в современных условиях это вряд ли возможно, поскольку политические лидеры и элиты РФ и ЕС не доверяют друг другу. Эта реакция связана с украинскими событиями. Механизм санкций и ограничительных мер Москвы и Брюсселя перекрывают дальнейшие перспективы альянса на неопределенное время.

Значительная роль же России в интеграции от Владивостока до Лиссабона обусловлена ее пограничным положением между Европой и Азией. При этом насколько Москва сумеет, дипломатичным путем стать путеводным мостиком, будет зависеть не только ее роль на международной арене, но и зависит положение стран Европейского союза и Таможенного союза.

Список литературы:

1. Бурганова И. Н. Политическое взаимодействие России и Европейского Союза // Материалы за 7-а международна научна практична конференция, «Найновите постижения на европейската наука», – 2011. Том 23. Филологични науки. Политика. – София. «Бял ГРАД БГ» ООД. – 88 с.

2. Путин предложил Европе экономический альянс от Владивостока до Лиссабона [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2010/11/25/wirtschaft> (дата обращения: 24.08.2014).
3. Судьба континентальной интеграции зависит от России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opes.ru/1665844.html> (дата обращения: 24.08.2014).

*Bolshakov Andrew Gyeorgievich,
Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Conflict Studies
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru*

*Mavrin Oleg Viktorovich,
PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Conflict Studies,
Institute Social Sciences and Communications
Kazan (Volga Region) Federal University
E-mail: mavrin_oleg@mail.ru*

Threat to stability in the Russian regions and the possibility of using mediation procedures in etnodomestic conflicts (for example, the Republic of Tatarstan)

Abstract: this paper discusses etnodomestic conflicts in modern Russian regions. As an example, analyzes the Republic of Tatarstan, where the authorities have successfully cope with the existing problems by applying for this pre-emptive administrative and police resources and preventive measures. In other regions, the situation is not so well. Currently, the practice of Russian regions no use of conciliation procedures, which would make the process of conflict management etnodomestic more efficient, reduce costs of this process.

Keywords: etnodomestic conflict, regional practices, uncontrolled migration, administrative and police resources, conciliation, conflict management.

*Большаков Андрей Георгиевич,
заведующий кафедрой конфликтологии,
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru*

*Маврин Олег Викторович,
доцент кафедры конфликтологии,
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: mavrin_oleg@mail.ru*

Угрозы стабильности в российских регионах и возможности использования примирительных процедур в этнобытовых конфликтах (на примере Республики Татарстан)

Аннотация: В статье рассматриваются этнобытовые конфликты в современных российских регионах. В качестве примера анализируется Республика Татарстан, где власти удачно справляются с существующими проблемами, применяя для этого преимущественного административно-силовые ресурсы и профилактические меры. В других регионах положение не столь благополучно. В настоящее время в практиках российских регионов отсутствует использование примирительных процедур, что позволило бы сделать процесс управления этнобытовыми конфликтами более эффективным, снизить издержки этого процесса.

Ключевые слова: этнобытовой конфликт, региональные практики, неконтролируемая миграция, административно-силовые ресурсы, примирительные процедуры, управление конфликтом.

Конфликты в постсоветской России являются нормой общественной жизни. В последние годы происходит изменение характера этнических конфликтов в современной России. Противоречия статусного

характера, территориальные конфликты, языковые противоборства, исторические обиды постепенно отходят на второй план. Основными постепенно становятся этнические конфликты, которые связаны со столкновением интересов старожильского населения и мигрантов.

Территории, на которых распространены этнические конфликты, постепенно расширяются. Если раньше конфликты были связаны преимущественно с Югом России и, прежде всего, Северным Кавказом, то в настоящее время они характерны для ряда регионов Поволжья, Северо-Запада и Центра России, Москвы, Санкт-Петербурга, точки напряжения и конфликтности присутствуют в ряде субъектов федерации Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Этнические конфликты постоянно расширяют сферу своего распространения, их пока можно отнести к столкновениям малой интенсивности. В них четко выражена бытовая подоплека и относительно часто присутствует криминализация. Этнический, религиозный, бытовой, криминальный факторы очень часто присутствуют одновременно в одном конфликте, поэтому ученые не выработали четкой схемы анализа подобных противоборств. Отсутствует и общепринятая терминология в обозначении данных конфликтов. Их называют: «этническими», «этнорелигиозными», «этнополитическими», «межэтническими» и «криминально-бытовыми» конфликтами. Одним из наиболее адекватных современных названий является понятие — «этнобытовые конфликты». Однако оно пока фактически не введено в научный дискурс.

Интересно, что рост напряженности и конфликтности стал характерен в последние годы для ряда регионов, которые считались до этого спокойными и стабильными. Не стала исключением из этого правила и Республика Татарстан, которая использовала имидж «территории межконфессионального и межэтнического согласия» для получения больших зарубежных и российских инвестиций, денежных трансфертов из ряда федеральных программ. Потенциальная потеря привлекательности за рубежом и в России заставляет власти Республики Татарстан предпринимать активные действия по укреплению стабильности, отражению информационных атак на регион, выявлению угроз безопасности данному субъекту федерации.

Этнические конфликты в Татарстане выступают индикаторами протестов некоторых старожильских групп населения, которые не встроены в социально-экономическую модель региона. Нельзя сбрасывать

со счетов и фактор влияния зарубежных исламских государств на развитие ситуации в Татарстане, неконтролируемую миграцию, которая значительно усилилась в последние пять-семь лет и отсутствие рычагов воздействия у республиканских властей на миграционную политику общероссийского масштаба.

Российские регионы фактически оказались заложниками противоречий в миграционной сфере, где России, с одной стороны, необходимо для привлечения союзников либерализовать свою политику по отношению к миграционным потокам ряда постсоветских стран, а, с другой стороны, объемы миграционных потоков (прежде всего, незаконных, нелегальных мигрантов) дестабилизируют внутреннюю обстановку в России, угрожают ее государственной безопасности. Конфликты в Кондопоге, Сагре, Пугачеве, Арзамасе и ряде других населенных пунктов носят исключительно деструктивный характер.

Жесткое противостояние жителей, властей, мигрантов, криминалитета, националистов в Бирюлево продемонстрировало пределы административно-силовых действий властей по разрешению ситуации. Необходим комплекс мер для управления миграционной ситуацией и межэтническими отношениями старожильского населения и приезжих в России. Стратегия и тактика новых подходов еще только формируется в практиках современного российского общества.

Этнобытовые конфликты в Республике Татарстан и их влияние на стабильность региона

В 2012 году в Татарстане был осуществлен теракт против двух руководителей традиционного ислама в республике, последующие события и спецоперации федералов против боевиков получили большой резонанс в общественном мнении и СМИ. Менее известна ситуация с несколькими конфликтами, которые произошли в 2012–2013 гг. в Рыбно-Слободском, Нурлатском районах, г. Альметьевске Республики Татарстан. Все эти конфликты первоначально возникли на бытовом уровне, имели значительную криминальную составляющую, позволили группам граждан конструировать в Интернете и СМИ противостояние между старожильским населением (русскими, татарами, чувашами, марийцами и др.) и мигрантами из Таджикистана, Азербайджана, российского Дагестана на этнической основе.

Все ситуации удалось локализовать, в том числе и с помощью силовых действий властей, но конфликтные противоречия остались. По своей сути данные противостояния стоят в одном ряду с конфликтами

в других регионах России, которые известны не только ученым, но и широкой общественности, стали фактически нарицательными (например, «Кондопога»).

С 2010 года в республике выработалась достаточно четкая схема реагирования силовых структур на деструктивные конфликты, террористические опасности, проявления экстремизма. Предотвращением терактов, захват и уничтожение террористов находятся в ведении ФСБ. Очень часто спецоперации проводят подразделения этого ведомства, вызванные из федерального центра. Проявления экстремизма, массовые драки обычно подавляются силами МВД, прежде всего, ОМОНа. Операции проводятся, как правило, при поддержке вертолетами с воздуха, которые осуществляют патрулирование больших территорий.

После завершения силовых фаз операций органы власти и управления республики используют различные правовые и административные меры для проведения расследования и стабилизации ситуации. Органы государственной власти и управления региона пытались управлять вышеописанными конфликтами и делали это достаточно успешно. Районные руководители различного ранга, которые не справились со своими обязанностями, не могли грамотно действовать в ситуации конфликта, были постепенно отстранены от своих должностей, а в республике стала осуществляться политика «расселения», суть которой сводится к недопущению образования анклавных поселений мигрантов.

Теперь местные власти, по разным основаниям, вынуждены отказывать гражданам в приобретении земли, собственности, если они являются мигрантами и не имеют отношения к старожильческим группам населения. Такая политика достаточно эффективна, является фактически единственно возможной на республиканском уровне, поскольку миграционное законодательство и его регулирование находится в исключительной компетенции федерального центра. Однако нормы закона соблюдаются при такой политике не всегда. Прокуратура Республики Татарстан, УФС Росийской Федерации по Республике Татарстан часто не реагируют на жалобы, и не всегда защищают интересы мигрантов.

Понятно, что эффективность подобной политики достаточно велика, но она не может осуществляться постоянно, оспаривается мигрантами в российских судах. До сих пор не выработаны алгоритмы действий властей по отношению к тем мигрантам, которые уже живут на территории Татарстана. Кроме

того, появление больших общин армян или аварцев в районах (особенно это характерно для юго-востока республики) воспринимается местным населением негативно и может вызвать социальную напряженность, хотя очень многие из этих мигрантов являются гражданами России.

Все методы, которые используются властями Республики Татарстан, носят силовой или административный характер. Они действенны на определенное время, эффективны в ситуации обострения конфликтов, их применение осуществляется без лишней жесткости, при минимальном использовании оружия и специальных средств. Тем не менее, на мой взгляд, весь данный набор средств недостаточен при предупреждении потенциальных столкновений, при регулировании и разрешении конфликтных ситуаций.

Для получения эффективных результатов управления конфликтами, сглаживания последствий террористической и экстремистской деятельности необходима система конфликтологической экспертизы, включающей мониторинг ситуаций социального напряжения, а так же применение комплекса согласительных процедур. Они могут помочь при налаживании коммуникаций, расширить круг потенциальных участников межкультурного диалога, определить технологии взаимодействия между руководителями района, сельских поселений, представителями правоохранительных органов, старожильческих общественных организаций, средств массовой информации, общин мигрантов.

Примирительные процедуры в процессе управления конфликтами

Мировая и российская практики показывают, что использование только административных и силовых мер со стороны различных органов власти или общественных организаций не приводит к желаемым результатам. Эффект может быть достигнут, если включается ресурс гражданского общества во взаимодействии с властью. Примирительные процедуры в таких случаях становятся реалистичным и действенным механизмом досудебного урегулирования споров. Этнические конфликты относятся к категории наиболее ригидных противостояний, которые не снимаются только административными действиями. Примирительные процедуры характеризуются тем, что переводят договоренности на уровень субъектов конфликта с участием доверительной и компетентной третьей стороны.

В центре внимания данной статьи находится, прежде всего, культура посредничества в регулировании

этно-бытовых конфликтов. Использование некоторых видов посредничества в регулировании подобных конфликтов может способствовать как снижению социальной напряженности, так и возникновению потенциальных конфликтных ситуаций. В своей деятельности посреднические структуры следуют общепринятому подходу к регулированию межэтнических и межконфессиональных отношений, стратегической целью которых является установление и сохранение социального порядка и согласия в обществе. Порядок ненасильственного разрешения религиозных и этнических конфликтов должен устанавливаться государством. В целом такие конфликты разрешаются: путем посреднических процедур разбирательства или путем рассмотрения судебными или административными органами государственной власти и управления.

Применение этих способов может быть различным; в разных ситуациях они могут заменять либо исключать друг друга, а также осуществляться последовательно. В регулировании этнических конфликтов выделяют два основных метода: судебный и внесудебный. В рамках внесудебного способа регулирования конфликтов выделяется целый ряд посреднических процедур.

Посреднические процедуры принято разделять на несколько составляющих: третейский суд, согласительная процедура, консилиация, медиация, неформальное содействие, экспертная оценка проблемы или консультация. В целом, посредничество может быть принудительным и добровольным. При принудительном посредничестве присутствие сторон конфликта, их участие в процедуре примирения является обязательным. Во втором случае посредничество необязательно, и стороны могут отказаться от него [1, 280]. В данном случае оно будет более результативным, поскольку добровольно соглашаясь на процедуру разрешения спора стороны психологически уже готовы пойти на уступки и договариваться о чем-либо.

Разрешение конфликта на каждой из стадий может быть самостоятельным и исчерпывающим либо осуществляется последовательно. На стадии примирения оппонентов в разбирательство вступает лицо, либо орган, нейтральный по отношению к сторонам конфликта, чтобы помочь субъектам противостояния беспристрастно выработать адекватное соглашение, удовлетворяющее всех участников конфликта. Посредник должен способствовать достижению согласия между ними, его деятельность носит исключительно рекомендательный характер. Окончательное решение по существу спора принимают

сами стороны конфликта, поскольку они являются наилучшими экспертами в нем.

Посредничество может осуществляться как единолично, так и коллегиально. Иногда индивидуальное и коллективное посредничество представляют собой последовательные стадии процесса примирения: при невозможности урегулировать конфликт с помощью индивидуального посредника он передается на рассмотрение коллегии.

В качестве посредника могут выступать как частные, так и должностные лица. Они могут назначаться для рассмотрения данной конкретной конфликтной ситуации, либо действовать постоянно для рассмотрения определенных категорий неурегулированных споров. Однако во всех случаях кандидатуры посредников должны быть согласованы со сторонами конфликтов, что в свою очередь уже будет небольшим положительным шагом в направлении сближения их позиций.

Таким образом, можно предположить, что наиболее распространенным видом посредничества в регулировании этнических конфликтов может выступать согласительная процедура, поскольку ее особенностью является сбор фактов, аргументов, неизвестной оппонентам информации и выработка рекомендаций, необязательных к исполнению, но достаточно значимых, чтобы склонить стороны к принятию соглашения. В данном случае, для дальнейшей проработки исследования перспективно дополнять теоретический материал результатами прикладных данных, подтверждающих обозначаемую здесь гипотезу.

Примирительные процедуры в практиках решения региональных конфликтов

Принятие Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в декабре 2012 года повлекло разработку ряда концепций на региональном уровне. Эти документы были скорректированы с целью приведения их в соответствие с российской Стратегией, основной упор в них был сделан другими народами, которые населяют республику.

Для введения в действие положений программных документов федерального и регионального уровня необходима система технологий. В качестве таковых, на мой взгляд, выступают примирительные процедуры: переговоры, медиация, арбитраж, фасилитация и др. Каждая из них имеет свои возможности и издержки. В настоящее время среди методов регулирования этнобытовых конфликтов преобладают бюрократические практики, силовые меры различного характера, попытки решения проблем

на основе существующего законодательства. Это обеспечивает определенный эффект, но помогает скорее «заморозить» конфликт, чем двигаться к его урегулированию.

Понятно, что примирительные процедуры не всегда эффективны, их применение зависит от конкретной ситуации в конфликте, но постоянный диалог власти, общества, конфликтующих групп необходим. На мой взгляд, примирительные процедуры — это адекватная альтернатива бездействию муниципальных органов власти и управления, силовым методам государства, митинговой анархии, самосуду толпы и т. п. Использование примирительных процедур — это институционализация диалога различных субъектов конфликта, которая в совокупности с уже предпринятыми мерами может существенно изменить ситуацию в сторону уменьшения негативной конфликтности [2, 147–186].

В ряде субъектов Российской Федерации этнические столкновения тесно переплетены с криминально-бытовыми конфликтами. Объективные тенденции в современной России свидетельствуют об усилении этнического самосознания, росте разнообразия этнических общностей и усложнении форм и характера взаимоотношений между ними.

С другой стороны, стремительно нарастает конфликтогенность фактора миграции на территориях с большим наплывом вынужденных мигрантов. Массовые драки на этнической почве, противостояние старожильского населения и приехавших мигрантов стали свидетельствовать о неэффективности государственной политики, делающей основную ставку на административные методы управления в рамках привычных подходов «вертикализации власти». Примеры конфликтов в Бирюлево, Пугачеве, Арзамасе и других населенных пунктов в 2013 году являются наглядными в этом смысле.

Теряются навыки уважительного отношения к межэтническому диалогу, культуре общежития. Стало проявляться отсутствие целенаправленной всесторонней работы по упреждению и профилактике этнических противоречий, обучению институционализированным процедурам и приемам их регулирования. Упование исключительно на силовые структуры государства в урегулировании конфликтов не приносят должного эффекта, конфликтная напряженность только возрастает, а методы ее регулирования, предупреждения и т. п. не применяются. Очень часто конфликты замалчиваются местными жителями, органами власти, муниципальными СМИ

с надеждой, что о них никто не узнает, а они скоро закончатся сами собой.

Общественные организации России, общественное мнение пока не оказывает действенного влияния на существующие противоречия и конфликты. Их организационный и интеллектуальный потенциал слабо используется органами исполнительной власти.

Требуется осознание очевидного факта, что невозможно снижение этносоциальной напряженности без активного сотрудничества со структурами гражданского общества. Обращение к его ресурсам позволит привить навыки использования механизмов технологий примирительных процедур для предотвращения и урегулирования конфессиональных и этнических конфликтов, даст возможность наметить пути сотрудничества и объединения усилий научного сообщества, некоммерческих организаций, представителей власти, бизнеса, силовых структур.

Основная проблема, на снижение остроты которой должны быть направлены усилия современной конфликтологии, заключается в том, чтобы устранить возникшее противоречие. С одной стороны, имеется богатый прикладной опыт анализа, урегулирования и разрешения этнических и криминально-бытовых конфликтов, а также существуют носители знаний по данному направлению — региональные конфликтологи и медиаторы, но их опыт слабо востребован на практике. С другой стороны, в разрешении нарастающих межэтнических напряжений начинает преобладать силовые методы регулирования конфликтов, что не приводит к ослаблению ситуаций конфронтации, а отодвигает их потенциальное разрешение во времени, усиливая эффект «скачка», выпуск пара из которой можно привести к разрушительным последствиям.

Ослабление этого противоречия может быть достигнуто посредством повышения информированности представителей гражданского общества и власти о возможностях примирительных процедур в профилактике и урегулировании межэтнических противостояний, обучения и формирования навыков использования механизмов диалога и примирения конфликтующих сторон, создания переговорных площадок для такой работы.

Примирительные процедуры — альтернатива силовым методам государства, мерам превентивной государственной политики в социальной сфере. Использование примирительных процедур — это институционализация диалога потенциальных или реальных субъектов конфликта. Активизация

примирительных процедур, на мой взгляд, содействует становлению прикладной конфликтологии и когорте специалистов-миротворцев, что будет способствовать снижению социальной напряженности в обществе и готовности к управлению новыми конфликтными ситуациями.

Вернемся к этнобытовым конфликтам в Татарстане. Для них характерны локальные территории возникновения и протекания, адекватные административно-силовые меры властей, государственное влияние на контент средств массовой информации, толерантная ментальность старожильческого населения, которое привыкло жить в условиях постоянного межэтнического диалога. Дестабилизировать ситуацию в Республике Татарстан подобные конфликты не в состоянии, но важно постоянно держать ситуацию под контролем и не давать возможностей для роста интенсивности и масштабов локальных противостояний.

В настоящее время существующие официальные институты политической системы в Республике Татарстан не справляются до конца с функцией представительства разнообразных общественных интересов. Институты гражданского общества не вышли из стадии своего формирования, не всегда эффективны для принятия решений, но они усиливают давление на власть в вопросах социальной безопасности, добровольчества, развития некоммерческих проектов общественной значимости. Именно развитое гражданское общество может способствовать предупреждению деструктивной конфликтности и поддержанию межкультурного диалога.

Политическая система Республики Татарстан способна поддерживать постоянную стабильность в обществе, но не может быть интегратором и выразителем всех настроений и интересов социума. Часть граждан выражают свои интересы в волнообразной

протестной активности, у небольшой части граждан она носит противоправный характер и противоречит основам конституционного устройства России. Подобная ситуация может дестабилизировать существующее положение и может закончиться неконтролируемым кризисом регионального сообщества, потерей управляемости общественными и политическими процессами.

Этнобытовые конфликты последних лет носили в целом деструктивный характер, поэтому грамотное управление ими требует дальнейших усилий структур гражданского общества и властей [2, 99–146]. Угрозы терроризма, экстремизма и деструктивной конфликтности должны быть в постоянном фокусе внимания ученых республики. Грамотное и системное противодействие возникающим рискам и угрозам позволит полностью стабилизировать ситуацию, избежать развития событий по «северокавказскому сценарию», интенсивной конфликтности с жертвами, беженцами и материальными разрушениями [3, 126–140].

Таким образом, практики российских регионов в целом и Республики Татарстан, в частности, свидетельствуют, что применяемый арсенал силовых и административных методов управления этническими конфликтами недостаточен. Наиважнейшим институтом, который смог бы корректировать действия государства при регулировании деструктивных конфликтов могли бы стать согласительные процедуры. Их внедрение расширило бы возможности традиционного межкультурного диалога в республике, позволило бы привлечь к позитивной деятельности на благо региона сообщество прикладных конфликтологов, усилило возможности для представительства различных точек зрения на этнорелигиозные проблемы, которые не противоречат нормам законодательства и традициям межкультурного согласия.

Список литературы:

1. Шаленко В. Н. Трудовые конфликты: методология, теория и управление. Монография. – М.: АПК ППРО, – 2008.
2. Зайцев А. В. Диалогика гражданского общества. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, – 2013.
3. Колесник Н. В. Консолидация российского общества: социальные возможности региональных элит // Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН/отв. ред.: А. В. Дука, И. И. Елисеева. – СПб.: Нестор-История, – 2010.

*Guriiivska Valentyna Nikolaevna,
doctoral candidate, National Academy of Public Administration,
Office of the President of Ukraine, associate professor
of the faculty «Parliamentarianism and Parliamentary Activities»
E-mail: hurivval@gmail.com*

The system approach in solving problems arising in the process of public administration

Abstract: The article presents the theoretical analysis of scientific approaches to the definition and understanding of the problems. Socio-psychological technologies are considered as a method of management practices improvement that can be used in solving problems that arise in the process of public administration.

Keywords: socio-psychological technologies, problem, public management activities, public administration.

*Гуриевская Валентина Николаевна,
докторант Национальной академии государственного управления,
Офис Президента Украины, доцент факультета
«Парламентаризм и парламентская деятельность»
E-mail: hurivval@gmail.com*

Системный подход в решении проблем, возникающих в процессе государственного управления

Аннотация: В статье представлен теоретический анализ научных подходов к определению и пониманию проблемы. Социально-психологические технологии рассматриваются как метод управленческой практики улучшения, которые могут быть использованы в решении проблем, которые возникают в процессе государственного управления.

Ключевые слова: социально-психологические технологии, проблемы, государственное управление деятельность, государственное управление.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Сегодня реалии государственного управления требуют от руководителей и лидеров новых подходов к определению и решению проблем, возникающих в государственно-управленческой деятельности. Современные психологические технологии системного подхода включают в себя достаточный арсенал наработанных знаний и практики по их решению. Для этого необходимо проанализировать психологические подходы к определению и пониманию проблем, с учетом социально-психологических факторов и возможности дальнейшего применения в государственно-управленческой практике.

Анализ последних исследований и публикаций. В научном поле государственного управления анализа и определению проблем посвящено значительное количество научных работ отечественных и зарубежных специалистов.

В частности, инновационным проблемам и поиском новых подходов к решению сложных, неизвестных проблем, посвящены исследования В. Д. Бакуменко.

Автор в своих исследованиях дает классификацию проблем государственного управления. Ученый отмечает, что в зависимости от масштаба, проблемы имеют характер мировых, межгосударственных, национальных, межрегиональных, региональных, территориальных, местных, а от направлений приложения управленческих воздействий являются внешними или внутренними [1].

В. Д. Бакуменко дает следующее определение проблемной ситуации в государственном управлении: «ситуация, которая, с позиции системной философии, возникает вследствие несоответствия существующего и желаемого состояния системы государственного управления» [1].

В широком смысле в научной литературе наиболее распространенным является определение проблемы как сложного теоретического или практического вопроса, что требует изучения, решения [2].

Философский подход рассматривает проблему как несоответствие между желаемым и существующим состояниями системы. Еще одним распространенным определением является утверждение о том, что

проблема – это несоответствие в какой-либо деятельности между целями и ситуацией.

В. Д. Бакуменко указывает на повседневную пространенное определение «проблемы», что в практике часто связывается с различными и нередко непредсказуемыми проблемами, которые необходимо преодолеть.

Однако кроме объективных факторов, влияющих на ситуацию и в той или иной степени способствующих решению или же наоборот углубляют проблемное поле государственного управления, существуют субъективные факторы, относящиеся к психологическим аспектам и в большинстве случаев имеющие преобладающее влияние на ситуацию. Субъективные факторы как феномены изучаются и исследуются психологией управления.

В настоящее время, психология управления работала значительный теоретический и практический опыт, который может быть применен в государственном управлении, а именно при решении проблем, возникающих в государственно-управленческой деятельности.

Несмотря на достаточное количество научных трудов по данной тематике в данном исследовании сосредоточимся на **нерешенных частях общей проблемы, которым посвящается статья** и решению следующих **задач**: проанализировать современные психологические подходы к определению и пониманию проблем; рассмотреть психологические аспекты системного подхода при определении проблем; определить уровни, на которых могут быть применены социально-психологические технологии; сформулировать базовые принципы применения социально-психологических технологий как средства решения проблем в государственно-управленческой деятельности.

Изложение основных результатов и их обоснование. Традиционным в государственном управлении Украины есть стереотипный подход, при котором государственные служащие чаще всего возникновения проблемы связывают с руководством, а руководство в свою очередь, эти же проблемы связывает с безответственностью служащих. Таким образом, в системе государственного управления поляризуются группы служащих, которые чтобы решить проблему, пытаются найти ответ на вопрос: — Кто виноват?

На наш взгляд, прежде всего, для решения проблем важным является изменение стереотипов мышления и подходов к решению государственно-управленческих задач. Таким ресурсом может быть

системный подход, который предлагает формирования системного мышления, при котором фокусом является прежде всего системное понимание вопроса, что отражает главную идею возникновения проблем, при которых не система «имеет» проблему, скорее наоборот — вокруг какого-то, возможно, даже случайного поведения, деятельности или темы в процессе коммуникации о проблеме образуется ситуационно-характерная социальная система. Такой подход показывает, что проблемы не выражают собой «врожденной дисфункциональности» социальной системы, а является следствием системного процесса. Проблемная система может состоять из совершенно разных действий различных участников, действующих на разных уровнях. Согласно этому совсем другой вид имеют и интервенции (определенным образом сформулированные вопросы), ориентированные на решение проблемы. Проблема считается решенной, если все или по меньшей мере «важные» люди сочтут ее решенной [4, 98].

Техники системного подхода исследуют проблемы, связанные с общим конструированием людьми окружающей действительности в рамках социальных систем и влияние на поведение контекста и категорий, которые мы конструируем и используем еще до акта восприятия и которые определяются нашим мышлением [3, 4].

Так, по мнению К. Людевига, проблема — это любая тема коммуникации, которая содержит в себе нежелательные, но потенциально способные к изменениям компоненты, то, что с одной стороны рассматривается кем-то как нежелательное состояние, которое требует изменений [3, 143].

Ученый акцентирует свое внимание на коммуникативных аспектах и делает предположение, если проблема возникает на коммуникационном уровне то изменив коммуникацию мы можем решить проблему.

Именно этот факт субъективности учитывается при определении проблемы в системном подходе, при котором исследователь обращает внимание прежде всего на контекст и на то, что находится в тени, на те факторы, о которых забывают упоминать, или на что не обращают внимание.

На наш взгляд, алгоритм определения и идентификации проблем К. Людевига, который мы рассмотрим с учетом его практического применения в государственно-управленческой практике.

Так, за К. Людевигом процесс определения и идентификации проблемы содержит следующие компоненты:

1. «Состояние»: проблема определяется экспертами или участниками государственного–управленческого процесса как определенное состояние, определяют приоритеты (из многих одновременных процессов выбрано и поставлено в центр внимания один или несколько). Этому состоянию предоставляется свое название, а другие процессы отступают на задний план.

2. «Кто» выступает экспертами: выявление и описание определенного «состояния» осуществляется одним или несколькими наблюдателями, которые определяют такое «состояние» как важное, обращают на него внимание и могут соглашаться или спорить по этому поводу.

3. «Нежелательный или тот, что требует изменений»: определение того, что требует изменений, является основой для мотивации для себя или побуждения других к внесению изменений.

4. «Способность к переменам»: выявление тех в государственно-управленческом процессе, кто может взять ответственность, или хотя бы верит в то, что ситуацию можно изменить [4, 99].

Исследование этих составляющих (феноменов) может найти свое применение при анализе проблемных ситуаций в государственном управлении. Данные понятия являются материалом для построения гипотез о наличии проблемных зон, так и стратегии дальнейшего развития системы государственного управления.

В целом системный подход в психологии управления следует рассматривать как способ перевода проблемного состояния в не проблемное, то есть расширение контекста ситуации, которую считают проблемной, возможность нахождения других интерпретаций, которые способствуют принимать адекватные государственно-управленческие решения.

Исследователи Н. М. Лебедева и А. А. Лебедева выделяют шесть уровней, на которых могут быть применены прикладные психологические технологии как средство решения проблем, возникающих в процессе государственно-управленческой деятельности (речь идет не о иерархических, а о структурных уровнях): индивидуальный (интраперсональный — внутриличностный); межличностный (интерперсональный — личность и группа); субгрупповой (уровень подгрупп); групповой или командный; межгрупповой и уровень целостной организации как системы [5, 115].

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать основные принципы применения социально-

психологических технологий при решении проблем на различных уровнях системы государственного управления, к которым относятся:

1. Все, что происходит на одном уровне системы, имеет отражение на других. Поэтому, уважая сложность учреждения, следует помнить о золотой середине, когда много изменений приводит к хаосу, а мало — не имеет существенного влияния.

2. Руководителям и лидерам управленческого процесса необходимо дифференцировать уровни системы и учитывать процессы, происходящие на других уровнях. Осознание взаимосвязи всех уровней влияет на построение стратегии влияния.

3. Выбор уровня зависит от определения потребности людей, с которыми непосредственно работает руководитель, а также от того, куда направлено больше энергии.

4. Отсутствие доступа к различным уровням может ограничивать выбор. Важно, чтобы осознание, достигнутое на одном уровне, получило распространение и стало достоянием всей системы.

5. Наиболее эффективным для изменений является высокий из возможных уровней. Проблемы, которые разрешены на высшем уровне, «снимаются» сразу и на низших. При этом наиболее качественным изменениям является активный опыт в противовес пассивному.

6. На любом уровне важен контакт с людьми относительно их контактов с окружающими. Циклы изменений могут иметь место на любом уровне. Завершение цикла изменений на одном уровне часто определяет изменения на других. Циклы изменений важно завершать на том уровне, где они начались [5, 131].

Таким образом, можно сделать **вывод**, что практическое применение социально-психологических технологий при решении проблем, возникающих в процессе государственно-управленческой деятельности направлено на оптимизацию государственно-управленческой практики. Предполагается, что результатом их применения будет повышение психологической компетентности управленцев, расширения личностного осознания, увеличение выносливости к стрессам, и вместе с тем улучшение морального климата системы государственного управления в целом.

Перспективы дальнейших научных исследований видим в разработке практического инструментария и адаптации современных психологических технологий к их использованию в государственно-управленческой практике.

Список литературы:

1. Спицнадель В. Н. Основы системного анализа: учеб. пособие/В. Н. Спицнадель. – СПб.: Издат. дом “Бизнес-пресса”, – 2009. – 326 с.
2. Бакуменко В. Д. Державно-управлінські рішення: Навчальний посібник/В. Д. Бакуменко// – К.: ВПЦ АМУ, – 2012. – 344 с.
3. Людевіг К. Системна терапія: Основи клінічної теорії і практики/К. Людевіг. – М.: Видавництво “Verte”, – 2004. – 280 с.
4. Фон Шліппе А., Швайцер Й. Системна психотерапія та консультування. – Львів: ВНТЛ-Класика, – 2004. – 320 с.
5. Лебедева Н. М. Организационное консультирование: гештальт-подход/Н. М. Лебедева, А. А. Лебедева. – СПб.: Речь, – 2009. – 256 с.
6. Вебер Гунтхард. Практика семейной расстановки: системные решения по методу Берта Хеллингера./Гунтхард Вебер//Институт консультирования и системных решений. – М.: 2007. – 382 с.

*Romanov Yuri Aleksandrovitch,
East-Siberian State University of Technology and Management,
PhD in Sociology, Associate Professor
without certification, the Department of “Philosophy”
E-mail: georgeorff@mail.ru*

Political system in Russia: the present state, problems and prospects

Abstract: The article refers to the Russian political system. Also disclosed is a modern state, problems and discusses the prospects of its development.

Keywords: political system, modernization, political game, identity crisis, political actors, federalism, pluralism of the party system, mediocracies.

*Романов Юрий Александрович,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
Кандидат социологических наук, доцент без сертификации, кафедра “Философии”
E-mail: georgeorff@mail.ru*

Политическая система России: современное состояние, проблемы и перспективы

Аннотация: В статье говорится о политической системе России. Также раскрывается современное состояние, проблемы и рассматриваются перспективы ее развития.

Ключевые слова: политическая система, модернизация, политическая игра, кризис идентичности, политические акторы, федерализм, плюрализма партийной системы, медиакратии.

В современном мире многие страны решают проблему перехода общества от политически простых к более сложным формам организации политической жизни. Особую актуальность эти вопросы имеют для России. В настоящее время в центре внимания исследователей находятся политические процессы в странах Восточной Европы, Китае, СНГ. Основное внимание современных исследователей политической модернизации чаще всего сосредоточивается на трудностях политического развития, кризисных явлениях. В результате возникли концепции «частичной модер-

низации», «тупиковой модернизации», «кризисного синдрома модернизации».

Модернизация политической системы в настоящее время, занимает то возрастающее место, от которого в дальнейшем, будет зависеть ее способность адаптироваться к новым образцам целей и создавать новые виды институтов, обеспечивающих развитие, как социальной системы, так и гражданского общества.

При этом общей причиной кризисов развития является характерное для стран, переживающих или переходящих от переходного состояния общества

к противоречиям между новыми универсальными стандартами и старыми традиционными ценностями. Данное сосуществование новых демократических политических институтов с прежними, проявляется в росте неудовлетворенности населения.

Так, кризис идентичности связан с проблемой политической и национальной идентификации социального субъекта (индивида, группы, социального слоя). В условиях политической идентификации выделяются три основных типа кризиса идентичности. Первый тип характеризуется требованиями национального или территориального самоопределения, что мы часто наблюдаем в современной России. Второй характеризуется социальной дифференциацией общества, когда резкие социально-классовые различия препятствуют национальному объединению. Модернизация социально-экономической системы общества приводит к качественному изменению социального статуса различных групп населения. Многие прежние группы разрушаются, резко растет численность маргинальных слоев общества. Это приводит к тому, что люди, утрачивая свой прежний социальный статус, не знают, к какому социальному слою, они принадлежат, не осознают своих интересов, не имеют четких представлений о новых правилах политической игры. Подобная ситуация наблюдается в настоящее время и в нашей стране.

Третий тип характеризуется конфликтом между этнической и субнациональной принадлежностью.

Одним из типичных проявлений кризиса идентичности является рост этнического национализма. Разрушение прежних социальных связей усиливает роль национальности как важного канала социальной идентификации. Усиление националистических тенденций и настроений связано также и с преодолением комплекса неполноценности для маргинальных слоев общества. Подобные настроения часто используются политиками для привлечения масс. Кризис идентичности характеризуется также социальным патронажем. Политические лидеры прямо апеллируют к населению, минуя традиционные для цивилизованного общества каналы.

Преодоление кризиса идентичности является сложной задачей, которую невозможно решить за короткий период времени. Современные россияне, особенно старшего и среднего поколения, в большинстве своем продолжают оставаться «лицами советской национальности». Утрата веры в социальную справедливость, чувство ущемленности и «ностальгия по советскому прошлому» не позволяют многим закрепить идентификационный признак «Я — россиянин». Кризис идентичности для молодого поколения,

обусловлен социальными практиками постсоветского периода, когда само социальное бытие оказалось размытым, нестабильным, изменчивым. Политическое поле российского общества, которое невозможно охарактеризовать как демократическое или авторитарное не позволяет наполнить идентичность определенным, конкретным содержанием. Несомненно, что политические лидеры харизматического типа способны объединить национальную или территориальную общность и тем самым содействовать людям в поисках чувства идентичности. Но в условиях неразвитых демократических традиций нацеленность на одного лидера чревато ростом авторитаризма. Важную роль в решении этой задачи может сыграть система образования. К сожалению, состояние российской системы образования в данный момент не в состоянии решить данную задачу.

Все это приводит к возникновению кризиса легитимности, который обуславливается следующими факторами. Во-первых, не все основные группы интересов получают доступ к сфере принятия политических решений. Во-вторых, статус основных традиционных институтов подвергается угрозе в процессе политической модернизации. Можно выделить характерные черты кризиса легитимности: отсутствие согласия в обществе относительно политической власти, признания гражданами процесса принятия решений; чрезмерная конкуренция в борьбе за власть; политическая пассивность масс, не обращающих внимание на призывы власти к легитимности; неспособность правящей элиты усилить свое политическое господство.

Основным условием успешности модернизации является наличие конкуренции. Российская же действительность не предполагает конкуренции между основными политическими силами, акторами. Элита, как политическая, так и экономическая, не являются активными проводниками реформ. Оппозиционные силы, представленные как политическими силами, так и общественными объединениями не имеют ни четко сформулированных политических целей, ни широкой социальной базы, которая бы их поддерживала.

Поэтому для большинства россиян характерен государственно-центристский, патерналистский тип ментальности, который способствует росту пассивного отношения к политическим преобразованиям. Патернализм россиян выражается не столько в «поддержке», а сколько в «невмешательстве» в ход модернизации.

Особую роль в процессах модернизации современной России, играли проблемы федерализма, которые оказали существенное воздействие на устойчивость места и роли верхней палаты парламента

(Совета Федерации) в системе общегосударственной власти, это выросло в проблему ее сомнительной легитимности. Решение данной проблемы остается насущной задачей в плане упрочения политической системы и стабильности государственного строя России.

Своеобразным «тормозом» на пути модернизации политической системы становится чрезмерная бюрократизация характерная для России. Так, всевластие чиновничества и как следствие коррупция вызывают недовольство со стороны населения, но вследствие пассивности последнего не приводят к массовым протестным действиям.

Тем самым политические институты России, являющиеся демократическими по форме, по сути, становятся недейственными, так как политическая модернизация в России в целом характеризуется преувеличением негативных итогов. Положительные моменты носят частичный характер и практически не затрагивают ценностную сферу.

Распад СССР и уход КПСС с политической системы привел к росту модернизации российского общества в первой половине 90-х годов XX столетия. Политическая система не имела четких контуров, а партии были представлены в самом широком спектре от коммунистических до демократических, от ортодоксальных до либеральных. Наглядно, этот посыл, иллюстрировался, тем, что практически все партии имели слабо проработанные идеологические платформы (в основном для них были характерны лозунги). Отсутствие четких стратегических целей (формирование широкой базы, планомерное партийное строительство, работа с регионами и т. п.) и нацеленность только на лидера привели к тому, что, насколько правомерно вообще характеризовать современные параметры российской политической жизни с системных позиций.

Но и тут выявляются неповторимые, чисто российские, особенности (если отвлечься от опыта родственных по происхождению стран СНГ, а также ряда балканских государств, где политические процессы задерживались гражданскими и межэтническими войнами). К таковым можно отнести запаздывающий процесс партийного строительства и генезис структур гражданского общества и местного самоуправления, которые власть вынуждена искусственно форсировать с неизвестными пока для себя и для общества результатами.

Но, если говорить об основных параметрах политической системы, определяющих как ее геополитические так и более непосредственные структурно-

функциональные черты, бросается в глаза существенная разница в темпах их становления, по сравнению с исторической, дореволюционной Россией и даже по сравнению с советской системой.

Темпы складывания постсоветской политической системы в России более сравнимы с соответствующими темпами советской, чем дореволюционной ситуации. Становление генотипа в целом заняло чуть более двух лет (1991–1993), а многие существенные параметры структурно-функционального плана находились в стадии более или менее окончательного оформления уже в 2000 г. и получили достаточно ясное завершение в течение последних трех лет.

Применительно к современной России эта тенденция не только не завершилась, а лишь наметилась, и ее закрепление не столько через негативные явления, сколько через позитивные процессы лишь находится в стадии развития.

Так в начале XXI в. в России произошла кристаллизация политических партий. Так в 2000-х гг. по мере сокращения конкурентности и плюрализма партийной системы многие сегменты идейно-символического пространства стали не востребуемыми. Внутрисистемные партии во многом переориентировали свои программы на интересы административных правящих элит, а возможности распространения своих программ у оппозиционных партий значительно сократились. Проведенное нами сравнение партийной системы России 2011 года, включавшее в себя изучение тенденций из развития и результат постсоветской трансформации позволило сформулировать совокупность практических выводов.

Произошла постепенная институционализация партийной системы. Этот процесс отличал постепенный уход от крайнего плюрализма и значительного количества партий, большинство которых лишены возможности прийти к власти.

Политическая система с доминирующей партией в России в целом сформировалась. Доказательство тому — ее устойчивость на протяжении трех сроков работы Государственной Думы (2003–2007 годы, 2007–2011 годы и с 2011 года по настоящее время).

Современная российская партийная система полиархична. Однако, ее полиархичность — умеренная, проявляющаяся в виде политической борьбы крупных партий, существующая в условиях наличия доминирующей партии.

Так, согласно конституции в России установлена республиканская форма правления, то есть источником власти является народ, а высшие органы

государственной власти формируются через выборы. Тем не менее, по мнению многих юристов, российская республика является суперпрезидентской. Таким образом, в России центральная власть чрезвычайно сильна, что способствует нарастанию контроля исполнительной власти над партийной жизнью и противодействию трансформации партийной системы в модель крайнего плюрализма.

Законодательная база РФ с ее изменениями 2005–2011 годов способствует появлению крупных, массовых, сильных партий. Общее количество зарегистрированных партий в 2011 году составляло 7, отсутствовали узко-региональные партийные структуры.

Ввиду отсутствия в базовых соглашениях о ценностях и приоритетах смена партий в современной России, обязательно вызывает претензию на глобальную смену политического курса.

Так, исходя из данного посыла, возникает следующая конфигурация построения партийных систем:

1. Модель с доминирующей партией, сформировавшаяся в российской партийной системе лишена коалиционного характера. Это ограничивает возможности оппозиции, во многом наделяет все выборы смыслом референдума о доверии власти, а не механизма ее формирования. Данная ситуация, теоретически, может быть преодолена либо через запуск процесса создания реальных фракций внутри партии власти по примеру японской партийной системы, либо последующего перехода к двухпартийной модели в рамках одной системы ценностей и появления двух партий с одинаково весомой ресурсной базой.

2. Доминирующая партия в России дает государству управляемость, поэтому полностью отказываться от ее роли в настоящее время — нецелесообразно. Для приумножения обратных связей, обеспечения большей открытости системы существуют иные ресурсы в виде общественно-консультативных органов, широкого всенародного обсуждения наиболее

значимых законопроектов, регулярной кадровой ротации на проблемных участках системы, партийных праймериз и так далее.

Подобная конфигурация при условии ее осуществления может закрепить сильные и нивелировать слабые стороны выше указанных партийных систем.

Дальнейшее изучение партийной системы России может затрагивать векторы ее преобразования с тем, чтобы выработать наиболее оптимальные рецепты последующей трансформации партийных систем, позволяющие оптимизировать работу всего «партийного ансамбля», и сделать его способным решить стоящие перед государствами задачи, максимально отвечающие вызовам времени.

Будущие структуры партийных систем должны будут учитывать всю специфику изучаемых нами государств, дабы не только служить задачам продвижения интересов избирателей, выработки эффективного политического курса, но также всячески укреплять центростремительные тенденции, подавляя тем самым центробежные. Подобный результат, наряду с артикуляцией, агрегацией сигналов социума создаст благоприятные условия для общей управляемости, возможности обеспечивать стабильное развитие государств, искать и находить оптимальные форматы политической системы с максимально соответствующей ее параметрам партийной системой. В этом случае характер преобразований станет носить осмысленный характер, который пойдет на благо и государствам, и их народам.

Все выше перечисленное и рост протестных настроений электората в условиях мирового кризиса 2008–2012 гг. в большей мере находит непартийные формы институционализации, сохранении демократических трендов в публичной политике и объясняется тенденциями медиакратии и новыми методами производства политических идей. Это свидетельствует о возможностях аккумуляции политического капитала для поиска выхода из кризиса.

Список литературы:

1. Соловьев А. И. Политология. – М.: Аспект Пресс, – 2006.
2. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, – 2000. – с. 156.
3. Соловьев А. И. Принятие государственных решений. – М.: Кнорус, – 2009.
4. Россия. XX век: Документы и материалы. Кн. 1/под ред. А. Б. Безбородова. – М.: Высшая школа, – 2004.
5. Россия сегодня. Политические портрет в документах 1985–1990 гг. – М., – 1991. – с. 22.
6. Панарин А. С. Модернизация в современной России//Вестн. Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – № 1, – 2000 – с. 16.
7. Петров В. К., Селиванов С. Г. Устойчивость государства: научное издание – М.: Экономика, – 2005.

*Rubanov Victor Vladimirovitch,
Ph. D, in Philosophy, Associate Professor of politology department
of V.N. Karazin Kharkiv National University
E-mail: victor.rubanov@gmail.com*

Political expert: theoretical essence and methodological specifics of professionals' activities

Abstract: the article establishes the necessity of clearly distinguishing and institutionalizing the two different professions, those of a political analyst and a political expert. The author argues that basic criteria allowing to differentiate adequately the specific functions of the one and the other lie in the purposes of their respective researches as much as in the very nature of the methods and procedures employed by each one in the process of thoroughly analyzing the stages of planning, decision-making, and implementation of various political projects and programs.

Keywords: quantitative and qualitative methods and procedures of political analysis; political analyst; political expert.

*Рубанов Виктор Владимирович,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кандидат философских наук, доцент кафедры политологии
E-mail: victor.rubanov@gmail.com*

Политический эксперт: теоретическая сущность и методологические особенности профессиональной деятельности

Аннотация: обосновывается необходимость демаркации и институционализации профессий политического аналитика и политического эксперта. Доказывается, что основными критериями, позволяющими адекватно разграничивать их профессиональные функции являются не только цели исследования, но и природа методов и процедур, которые они используют в аналитическом процессе подготовки, принятия и реализации политических решений и программ.

Ключевые слова: количественные и качественные методы и процедуры исследования политики, политический аналитик, политический эксперт.

Актуальность исследования теоретической сущности и методологических особенностей профессиональной деятельности политического эксперта диктуется, с одной стороны, недостаточной разработанностью указанной проблематики в современной политологической литературе, а с другой — ее практической значимостью в оптимизации механизма принятия научно-обоснованных политических решений и программ. Это обусловлено тем, что политический эксперт, также как и политический аналитик выступает в этом процессе самостоятельным субъектом научного познания политики, и от уровня их совместной специальной подготовки, соответствующей профессиональной деятельности, напрямую зависит и качество принимаемых политических решений и программ.

Особо актуальным является участие указанных субъектов экспертно-аналитического процесса по подготовке политических решений и программ

в постсоветских обществах, где профессии политического эксперта и политического аналитика пока еще не институционализированы. Одной из основных причин этому является отсутствие в специализированной литературе научно-обоснованной характеристики профессиональных функций политического аналитика и политического эксперта в экспертно-аналитическом процессе подготовки, принятия и реализации политических решений и программ.

Цель статьи — попытаться адекватно идентифицировать теоретическую сущность и методологические особенности профессиональной деятельности политического эксперта, отличающие его от политического аналитика.

Приступая к реализации поставленной цели, сразу же отметим, что, на наш взгляд, основными критериями, позволяющими адекватно разграничивать профессиональные функции политического

аналитика и политического эксперта в научном процессе подготовки, принятия и реализации политических решений и программ являются не только цели исследования, на что справедливо указывают отдельные ученые [1], но и природа методов и процедур, используемых ими для достижения поставленных целей.

Это вызвано тем, что одни методы и процедуры — количественные — теснее связаны с аналитической деятельностью субъектов политической аналитики, а другие — качественные — с синтезирующей их деятельностью.

Иначе говоря, если у политических аналитиков преобладающими в их профессиональной деятельности выступают строго формализованные, количественные методы и процедуры исследования,

Таблица 1. – Прямые связи и специфические отличия в профессиональной деятельности политического аналитика и политического эксперта при подготовке итоговых аналитических документов

Сфера отличий	Вид аналитического документа	
	Исследование политики	Анализ политики
Аудитория	Предназначен для других специалистов политики	Предназначен для разработчиков решений
Направленность	Движимый проблемой: общие рекомендации и информация о проблеме политики	Движимый клиентом: проектирование конкретной политики для реализации в конкретной ситуации
Методология	Может включать большой объем первичных исследований	Редко включает первичные исследования
Стиль изложения/языки	Может быть специально — терминологическим и сугубо научным	Должен быть очень ясным и простым
Объем	До 20000 слов	Обычно не больше 5000 слов

Как следует из содержания приведенной таблицы, политические эксперты *лишь иногда* включают в сферу своей непосредственной профессиональной деятельности *первичные* исследования по сбору необходимой информации, а *большую часть* своей работы по составлению аналитических документов для принятия политических решений базируют на *результатах* профессиональной деятельности *политических аналитиков*. И это не удивительно, поскольку не только теория, но и сама практика научного исследования политики показывают: строго формализованные методы и процедуры исследования наиболее эффективны в процессе решения задач рутинного характера, то есть на первом этапе исследования. И, наоборот, на втором этапе исследования — в условиях неопределенности и нарастании динамичности анализируемой ситуации, управленческие процедуры неминуемо усложняются, а потому требуют анализа многочисленных альтернатив и применения качественных методов и процедур исследования [3, 155].

то у политических экспертов — качественные методы и процедуры анализа политики. Отмеченная нами закономерность проявляет себя не только во время сбора аналитиком и экспертом первичной эмпирической информации, необходимой для научного исследования политических проблем, но и в процессе дальнейшего ее анализа. В том числе, и на фазе совместной разработки аналитиком и экспертом оптимальных вариантов политических решений и программ.

Убедительным тому подтверждением являются зафиксированные Э. Янгом и Л. Куинни [2, 21], прямые связи между этими *различными по своей сущности* областями профессиональной деятельности при подготовке итоговых аналитических документов (см. табл. 1).

Тем самым, в реальном экспертно-аналитическом процессе такое разграничение процедурных функций его участников закономерно приводит не только к строгой специализации указанных видов аналитической деятельности, но и неизбежному в этом случае преобладанию: *количественных* методов и процедур исследования — в профессиональной деятельности *политических аналитиков*, и *качественных* методов и процедур исследования — в профессиональной деятельности *политических экспертов*.

Не случайно С. Братченко, исследуя сущность научной экспертизы, пишет: «Экспертные методы принято использовать в тех случаях, когда нет готовых решений и искомая информация не может быть получена с помощью инструментальных методов измерения» [4, 63]. Соответственно формируется и сама логика экспертного исследования: «если нет возможности изучать тот или иной аспект реальности, то можно подвергнуть анализу *представления*

специалистов об этой реальности — в расчете на то, что в конечном итоге удастся лучше понять и саму эту реальность» [4, 65].

В этих условиях «... выводы экспертизы формулируются, как правило, в терминах описания изучаемых аспектов действительности, но делаются они на основании анализа не самой этой действительности, а **мнений** о ней» [4, 68].

Естественно, что такой процесс познания реальности «редко выступает в качестве непосредственного «продукта» экспертизы, так как в большинстве случаев рассматривается как «субъективное сырье», которое проходит статистическую и иную обработку, в результате чего превращается во вполне формализованные «объективные данные» [4, 67]. Благодаря этому и сама научная экспертиза также развивается сегодня в двух основных направлениях: с одной стороны в русле более точных измерений и применения *строго формализованных методов и процедур* исследования, с другой — с опорой на гуманитарную парадигму и применения *качественных методов и процедур* анализа социально-политических проблем.

При этом важно отметить то, что многие варианты современных экспертных исследований не просто допускают включение разных методик анализа, но и требуют также строгого следования принципу интерфейса, то есть осознанному использованию комплекса методов и процедур, существенно различающихся по своей природе. А потому прав С. Братченко, который подводя итог своим размышлениям о сущности и типах современной научной экспертизы, отмечает, что при сравнении выделенных типов экспертиз важно иметь ввиду два существенных, на его взгляд, момента.

Во-первых, «необходимо понимать и учитывать условность такого разделения. Экспертиза всегда имеет сложную природу и включает в себя элементы как субъективного («личностного») знания так и объективных данных. Разные методы проведения экспертизы, по мнению ученого, различаются прежде всего соотношением этих двух базовых составляющих экспертного процесса» [4, 72–73].

Во-вторых, «полностью исключить один из компонентов вряд ли возможно (да и не нужно) — даже в интуитивном «личном суждении» эксперт всегда опирается (пусть и в неявной, «свернутой» форме) на те или иные *объективные данные*; а попытка полного исключения субъективной составляющей равносильна *полному отказу* от экспертизы как таковой

и подмене ее процедурами сравнения с эталоном, вычисления по заданному алгоритму и т. п.» (курсив наш — В. Р.) [4, 73].

Примечательно то, что выделенный нами весьма продуктивный подход С. Братченко в исследовании сущности научной экспертизы как таковой, достаточно тесно коррелирует с подходом и концептуальными выводами другого, не менее известного, российского ученого — А. Филиппова, специально исследовавшего специфику именно политической экспертизы. В статье «Советники суверена», последний особо обращает внимание исследователей на тот факт, что современный «ученый, — это идеальный наблюдатель, регистратор и аналитик происходящего, но отнюдь не участник» [5, 110]. Политический же эксперт, в отличие от аналитика — активный участник происходящего, а потому политическая экспертиза пристрастна и заангажированна. «Подобно любому другому эксперту, пишет А. Филиппов, политолог не является в строгом смысле слова ученым (он вполне может быть *также и ученым*, но его действия, и, говоря несколько устаревшим языком социологии, его *социальная роль* не тождественны действиям и роли ученого), но ссылается на науку, использует ее результаты и ее понятия» [5, 107]. Сомнительный характер политологической экспертизы «усугубляется тем простым обстоятельством, справедливо замечает ученый, что ни одно из формулируемых в ее русле суждений не является сугубо научным объяснением или предсказанием, регистрацией наблюдений или нейтральным обобщением» [5, 111]. «Это не значит, что она обязательно ложна и неэффективна. Она всего лишь занимает место, которое могли бы занимать действительно *импортируемые* из системы науки суждения о политической реальности, ассимилированные для нужд текущей коммуникации и отвечающие реальным потребностям в экспертизе» [5, 111].

На наш взгляд, в пользу такого размежевания профессиональных функций политического эксперта и политического аналитика как самодостаточных субъектов экспертно-аналитического процесса свидетельствует прежде всего тот непреложный факт, что «... опыт накапливается медленно, а события во многих сферах анализа во многом обладают уникальными мобильными характеристиками» [6, 64]. Однако влияние указанного фактора на размежевание профессиональных функций политического аналитика и политического эксперта практически никто из современных политологов, если не считать

нашу скромную попытку, должным образом не анализировал.

По крайней мере, как уже было показано выше, в современной научной и учебной политологической литературе до сих пор нет устоявшихся определений специалистов-аналитиков, обеспечивающих процесс подготовки, принятия и реализации политических решений и программ. Исключением является разве что современная прикладная социальная психология, где на сегодняшний день явно наметились два основных продуктивных подхода в процедурно-ролевой характеристике субъектов экспертно-аналитического процесса — *инженерный* и *клинический*. Одни авторы безоговорочно относят их к сфере прикладной психологии, другие — к социологии. Во втором случае инженеров называют — *engineering sociologists*, клиницистов — *clinical sociologists*. И хотя термин «клиника» чаще других используют медики и психиатры, первым социологом-клиницистом по праву считают Эмиля Дюркгейма [7, 180]. Именно практика проведения социологических исследований впервые как раз и показала: общее, что объединяет *инженера-социолога* и *социолога-клинициста* — это возможность заимствовать друг у друга и с успехом применять в своей профессиональной деятельности самые различные методы и процедуры научного исследования анализируемых проблем. Речь идет о том, что и первый и второй, реализуя возложенные на них аналитические задачи так или иначе применяют в этом процессе все многообразие существующих количественных и качественных методов и процедур исследования.

Тем не менее, различия в профессиональной деятельности инженера-социолога и социолога-клинициста есть, и они, как показывают соответствующие научные исследования, существенны. Прежде всего указанные различия проявляются в том, что *инженер-социолог* для достижения поставленной цели исследования использует чаще всего, обычную *статистику* и *количественный* анализ переменных, а *социолог-клиницист* — преимущественно *качественные* методы и процедуры исследования [7, 180–181].

Соответственно, происходит и неизбежная при этом дифференциация и специализация их профессиональных функций. Если в круг профессиональных обязанностей первого входит решение вопросов, связанных с организацией и сбором исходной первичной информации: решение проблем выборки, конструирования вопросника и техники

опроса, то в круг непосредственных обязанностей второго — управленческое консультирование. А именно: на основе полученной инженером-социологом первичной научной информации — просвещение и научение клиента (Заказчика) снимать возникающее психологическое сопротивление организационным нововведениям.

Помимо этого, различие, и весьма немаловажное, обнаруживается еще и в том, что инженер — социолог, как кстати и политический аналитик, оперирует скорее очевидным нежели латентным и исключительно лишь только той количественной информацией, которую лично сам получил в процессе осуществления непосредственного социологического опроса [7, 180].

В то время как социолог — клиницист, подобно политическому эксперту, используя преимущественно качественные методы и процедуры исследования, интересуется глубоко скрытой от нас сущностью явлений, вскрывает латентные переменные и выясняет отклонения (патологию) реальных процессов [7, 180–181]. Его непосредственная задача как раз и заключается в том, чтобы «поставить диагноз, предложить альтернативу, проконсультировать и наметить терапевтические меры» [7, 180]. Именно поэтому, в отличие от инженера-социолога, он чаще всего оперирует не количественными, а качественными методами и процедурами анализа проблемы.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что в профессиональной деятельности современного социолога-инженера, использующего преимущественно количественные методы и процедуры исследования, и современного социолога-клинициста, использующего преимущественно качественные методы и процедуры исследования, наблюдаются те же самые тенденции дифференциации и специализации профессиональных функций, которые мы выявили в процессе исследования особенностей профессиональной деятельности политического аналитика и политического эксперта как самостоятельных субъектов политической аналитики. При этом важно отметить и то общее, что объединяет анализируемых нами субъектов, независимо от их названия и научной отраслевой принадлежности: выполняемые ими профессиональные функции, как и используемые при этом методы и процедуры, — органически взаимосвязаны и взаимообусловлены в экспертно-аналитическом процессе.

Таким образом, исходя из вышеизложенного есть все основания утверждать:

1. Адекватное определение теоретической сущности и методологических особенностей профессиональной деятельности политического эксперта возможно лишь только в том случае, если учитывать ту функциональную роль, которую он реально выполняет в системе общественного разделения труда с политическим аналитиком. А именно: если политический аналитик в экспертно-аналитическом процессе олицетворяет собой науку, то политический эксперт — искусство политического анализа.
2. Главная особенность процедурных функций политического эксперта в экспертно-аналитическом процессе заключается в осуществлении им специфического, творческого вида аналитической профессиональной деятельности — синтеза той первичной информации, которую выработал в процессе научного исследования политики, политический аналитик.
3. Указанное разграничение профессиональных функций политического аналитика и политического эксперта в экспертно-аналитическом процессе диктуется не только целью, но и природой методов и процедур, используемых ими в процессе научного исследования политических проблем. Если политический аналитик, используя преимущественно количественные методы и процедуры, формирует исходное научное знание, необходимое для осуществления самого этого процесса, то политический эксперт, используя преимущественно качественные методы и процедуры анализа, обобщает это знание и формирует на его основе легитимное научное знание. То есть, такое ценностно обоснованное политико-управленческое научное знание, которое может быть принято всеми без исключения участниками процесса принятия политических решений и программ, и оценено позитивно.

Список литературы:

1. Кальниш Ю. Г. Суб'єкти політичної аналітики в державному управлінні [Електронний ресурс]/Ю. Г. Кальниш. – Режим доступу: <http://www.academy.gov.ua/ei/ei1/txts/kalnish.htm>. – Назва з екрану.
2. Янг Э. Как написать действенный аналитический документ в сфере государственной политики в Центральной и Восточной Европе/Э. Янг, Л. Куинни; пер. с англ. Ю. Д. Полянского; науч. ред. А. И. Килиевич. – К.: К. И. С., – 2003.
3. Рейни Х. Анализ и управление в государственных организациях: [пер. с англ.]/Х. Рейни. – М.: ИНФРА-М, 2004.
4. Братченко С. Л. Мир экспертизы – попытка определения координат/С. Л. Братченко//Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности/под ред. Г. В. Ивченко, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – с. 63–75.
5. Филиппов А. Советники суверена/А. Филиппов//Апология. – 2005. – № 1. – с. 102–111.
6. Курносов Ю. В. АНАЛИТИКА: методология, технология и организация информационно-аналитической работы/Ю. В. Курносов, П. Ю. Конотопов. – М.: Русаки, – 2004.
7. Добренков В. И. Современная социология: теоретико-методологические основания и перспективы/В. И. Добренков, А. И. Кравченко. – М.: Академический проект, – 2014.

*Telyatnik Tatiana Evgenievna,
Kuban State University,
lecturer of the chair of politology and political management
E-mail: neptuneus@yandex.ru*

Political communications in the sphere of public policy of modern Russia

Abstract: The article deals with features of functioning of political communications in the field of the new actual direction of modern political science — public policy. In modern Russia the author mentions formation of information society through the analysis of dynamically developing information technologies. The author focuses attention on theoretical works of foreign and domestic scientists on a research subject.

Keywords: communication, public policy, information society, mass information, communication theories.

Телятник Татьяна Евгеньевна,
Кубанский государственный университет,
преподаватель кафедры политологии и политического управления
E-mail: neptuneus@yandex.ru

Политические коммуникации в сфере публичной политики современной России

Аннотация: В статье представлены особенности функционирования политических коммуникаций в области нового актуального направления современной политической науки — публичной политики. О становлении информационного общества в современной России автор упоминает через анализ динамично развивающихся информационных технологий. Автор акцентирует внимание на теоретических работах зарубежных и отечественных ученых по теме исследования.

Ключевые слова: коммуникация, публичная политика, информационное общество, массовая информация, теории коммуникации.

Исследования политических коммуникаций в публичной политике связаны с множеством трансформационных тенденций, охвативших все стороны общественной жизни благодаря активному использованию динамично развивающихся информационных технологий. Возросшее значение информации, каналов коммуникации способствует появлению новых исследовательских задач и ставит на повестку дня тему политических отношений в информационном обществе современной России. В политической системе происходит усложнение и преобразование схемы политической коммуникации, становится иным ее значение. Кроме того, в современном российском обществе происходит сращивание сфер массовой информации и политики, обусловленное высоким значением масс-медиа как мощного инструмента политического воздействия. Политика приобретает все более открытый и одновременно сложный способ осуществления.

Эффективная политическая коммуникация превращается в одну из центральных проблем для существования публичной сферы. Под влиянием новых информационных и коммуникативных технологий изменилась система взаимоотношений человека с материальным миром, по-иному выглядит приоритет потребностей современного человека [1, 61]. Можно отметить, что использование в политике телекоммуникационных систем привело к появлению как новых типов трансляции информации, так и новых форм коммуникации в сфере публичной власти. Трансформировав систему представительства гражданских интересов, электронные средства массовой информации превратили политику в медиа-процесс, одновременно стимулировав и соответствующие изменения в процессе коммуникации, представив нам мир

виртуального пространства, гиперреальность и другие новейшие механизмы поддержания конкуренции за государственную власть. В складывающемся информационном обществе массовая коммуникация оказалась важнейшим инструментом формирования и самопрезентации политики.

Известно, что и в России, и на Западе происходит скачок в развитии информационно-коммуникативных технологий. Эти процессы, являющиеся неотъемлемой чертой постиндустриального общества, приводят к усилению влияния масс-медиа в политическом плане. Связь между средствами массовой информации и политическими объектами становится все явственнее и прочнее. В настоящий момент мы можем говорить о сращивании масс-медиа и политики — медиатизации политической сферы. Но остановимся подробнее на вопросе о понятии публичной политики и роли политической коммуникации в сфере ее функционирования.

В российской политической науке понятие публичная политика представляется относительно новым. С одной стороны, под публичной политикой понимаются новейшие технологии политического менеджмента, применяемые для анализа и оценки результатов и последствий принимаемых государственных решений, а также для анализа расходов, потребовавшихся в ходе соответствующих действий управленческого аппарата.

В западной политологической литературе сохраняются и более традиционные трактовки публичной политики. Например, для объяснения данного феномена сопоставляются такие понятия как «policy» и «politics». Здесь, первое понятие означает легитимные, принятые со всеми надлежащими процедурами, формальные решения, оформленные в правовых

документах. Второе понятие в самом общем смысле подразумевает «план действий», будь то индивид, группа или бизнес, правительство.

В более общем понимании публичная политика — это политика, которая предполагает соответствие государственной политики общественным нуждам, взаимодействие государственных и негосударственных структур на всех стадиях принятия, реализации, контроля и оценки результатов государственных программ, проектов, решений. Предприняв самостоятельную попытку сформулировать определение публичной политики, можно предположить, что это некий симбиоз научной рефлексии, политического действия и акта масс-медийной коммуникации. Публичную политику невозможно представить без аналитиков, экспертов, специалистов в области политических и социальных наук, публицистов, журналистов. Изучая публичную политику, мы исследуем «особое» поле политики.

Изучение публичной политики восходит к ставшему общепринятым различию между «policy» — политикой как программой действий, и «politics» — политикой как системой взглядов. Европейская, в частности, французская традиция анализа данной проблематики опираются на анализ государства и его роли в регуляции публичной сферы, рассматривают ее в аспекте становления, а затем, впоследствии и кризиса модели «государства всеобщего благоденствия». Проблема публичной политики рассматривается здесь в том направлении, которое указывает на недостаточную способность современного государства решать социальные проблемы населения. С одной стороны государство ожидает помощи и поддержки от гражданского общества, его институтов, с другой стороны оно незаметно перекладывает всю ответственность именно на эти структуры и надеется на эффективные разработки экспертов и аналитиков из научной среды. Задача публичной политики заключается в достижении консенсуса, общественного согласия по фиксированным проблемам. Публичная политика не может быть редуцирована лишь к институциональным формам практики, таким как деятельность экспертов или коммуникация в средствах массовой информации. Характерная черта рассматриваемого вида политики проявляется в сильной дифференциации институционализированных форм политических практик.

Со времен греческого полиса оппозиция, публичное/частное служит политическому самопониманию и правовой институционализации гражданской

общественности. Как считает известный теоретик коммуникативистики Ю. Хабермас, в современном обществе сфера действия постоянно расширяется, а политическая действенность снижается [2, 45]. «Мы можем различать коммуникативно порожденную и административно применяемую власть. В политической публичности встречаются два противодействующих процесса: процесс коммуникативного производства легитимной власти... и процесс достижения легитимации через политическую систему... Как осуществляются оба эти процесса, спонтанное формирование воли в автономных объединениях общественности и организованное достижение лояльности масс, и какой из них господствует над другим — эмпирический вопрос» [3, 87–90]. Здесь, автономными Ю. Хабермас называет лишь те объединения общественности, которые не производятся политической системой в целях легитимации, и не являются частями этой системы. По мысли немецкого философа, эти объединения должны возникать спонтанно из повседневных практик, иметь проницаемые границы.

Таким образом, теория публичной сферы Ю. Хабермаса позволяет сформулировать несколько базовых понятий, необходимых для анализа современной политики. Ученый, обосновывая понятие «публичной сферы», работал в первую очередь с процессом коммуникации между властью и обществом, где вся публичная сфера представляется как некое единое коммуникативное пространство, в котором индивиды выражают свои позиции и взаимодействуют друг с другом, создавая общественное мнение, которое сдерживает влияние на власть и подвергает критике многие ее решения. Кроме того, нельзя не отметить, что Ю. Хабермас сформулировал понятие политического дискурса как социального капитала, который лежит в основе анализа любой социально значимой коммуникации [3, 76].

Процесс медиатизации политики можно охарактеризовать несколькими чертами. Две из них подробно рассмотрел исследователь Д. А. Авдиенко. Ученый отмечает, что первая характерная черта выражается в том, что политике придается все большая публичность, экспансивно расширяемая. Например, частная сфера, становясь публичной, превращается одновременно и в политическую. Здесь, термин «политика» вовсе не сводится только к публичной политике, но публичная политика все время захватывает новые пространства корпоративной борьбы. По мнению Д. А. Авдиенко, отмеченные тенденции

приобретают самостоятельный характер, что придает политическому процессу неуправляемый характер, по крайней мере, в том смысле, что поле политики перестает быть самодостаточным и самовоспроизводящимся по внутренним правилам. Вторая из выделенных ученым черт медиатизации политики заключается в том, что современные правила телевидения, которые задают тон и всему информационному процессу, определяются сюжетной фрагментарностью и, соответственно, заставляют в некотором роде подстраиваться под них [4, 16–17].

Российская политика характеризуется целым рядом тенденций и процессов, составляющих единое информационное пространство, объединенное системой коммуникативных практик. Мы можем отметить, что изучение механизмов реализации публичной политики и само понимание и структурирование понятия «публичная политика» имеет несколько значимых аспектов и влияет на понимание и структурирование системы политической коммуникации. Задача изучения публичной политики как коммуникативного процесса приобретает все большую актуальность. Кроме того, современная политика переходит в сферу публичного коммуникации, что влечет за собой возникновение необходимости изучать основные тенденции и механизмы политической коммуникации с целью выявления наиболее эффективных способов осуществления публичной политики для обеспечения широкого гражданского диалога и развития разнообразных форм политического участия.

Необходимость изучения системы политических коммуникаций направляет нас на более глубокое постижение смысла механизмов реализации политики в современном мире. Это позволяет нам выявить принципы формирования новой повестки дня в политике, основные механизмы взаимодействия индивида и общества, ценностные ориентиры граждан и их эволюцию, а также степень фрагментации политического пространства.

Так, ряд узко сфокусированных теорий политической коммуникации позволяет найти необходимые подходы к пониманию микроуровня функционирования публичной политики в России. Отечественную историографию публичной политики представляют работы Н. А. Шматко, Г. Овчинникова; исследования российских центров публичной политики и политической коммуникации В. А. Римского, А. Ю. Сунгурова, Б. Г. Капустина, И. К. Пантина, В. О. Рукавишникова и др. [5].

Например, Ю. А. Красин обращает внимание на тот факт, что при идеальной модели публичной политики система государственной власти и управления должна быть как бы «погружена в публичную сферу, которая охватывает все многообразие частных интересов, впитывая в себя через процесс постоянной рефлексии публичный интерес, в котором сублимировано богатство индивидуальных, групповых и корпоративных интересов, и который выдается будто из плавильного котла жизненных коммуникаций... В российском обществе, в силу трансформационных тенденций, запросы, требования, предложения поступают в «черный ящик» политики, в основном минуя публичную сферу. Поступают эти запросы и требования непосредственно от частных и корпоративных интересов: от бизнес-сообществ, от корпораций, от гражданских организаций, которые не всегда представляют главные сегменты гражданского общества, от различных кланов государственной бюрократии... [6, 45–47] Но, здесь нельзя не упомянуть о том, что последние политико-административные преобразования в России существенно увеличили способности государства как института публичной политики. Одна из важнейших задач власти сегодня это постоянное стремление к укреплению своей легитимности.

Мы можем констатировать, что неотъемлемым элементом развития публичной сферы в современных условиях становится политическая коммуникация. Получается, что с одной стороны, развитие информационно-коммуникационных технологий привело к усилению влияния политической коммуникации на поле публичной политики и механизмы государственного управления. С другой стороны, трансформация общественно-политической структуры детерминирует развитие технологий и способов политической коммуникации.

Таким образом, изучая вопрос о роли политических коммуникаций в сфере публичной политики современной России, можно отметить, что при существующей сегодня модели коммуникации, во многом увязанной с типом российской политической культуры, основная задача современности состоит в активации потенциала публичной политики с целью гармонизации системы политической коммуникации. Анализируя ряд исследовательских работ по данной теме, мы пришли к выводу, что эффективное функционирование системы политической коммуникации и политической системы в целом напрямую зависит от среды, формирующей сферу публичной политики.

По пути становления информационного общества, с развитием средств телекоммуникации, сети Интернет и электронных СМИ предполагается дальнейшая

фрагментация публичной сферы. Но, возможно, данная проблематика будет касаться будущих проектов и исследовательских задач.

Список литературы:

1. Арлякова Е. В. Специфика коммуникаций в информационном обществе. – СПб., – 2003.
2. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия//Вестник Московского университета. Серия 7: Философия.– 1993.№ 4. – с. 43–63.
3. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы. – М., – 1989.
4. Авдиенко Д. А. Влияние в процессе политической коммуникации//Политический журнал. – 2001. – Вып. № 3. – с. 15–28.
5. Сунгуров А. Ю. Публичная политика и экспертиза//Пчела. – 2004. – № 1 (45). – с. 15–16.; Шматко Н. А. Феомомен публичной политики//Социологические исследования. – 2001. – № 7. – с. 106–112.
6. Красин Ю. А. Публичная политика в России/под ред. Ю. А. Красина. – М: Альпина Бизнес Букс, – 2005. – 358 с.

*Yashkova Tatiana Alekseevna,
doctor of Political Sciences, a member of Russian Political Science Association,
vice president of the Academy of Geopolitical Problems, Head of the International Centre
for Geopolitical Analysis and business cooperation, Professor, Department of Public Administration,
Institute of Economics, Management and Law, Russian State Humanitarian University, Moscow
E-mail: Yashkova@Yandex.ru*

Eurasian integration as a priority of Russian foreign policy

Abstract: The main topic covered in this study — the Eurasian integration. In the long term examined possible options of Eurasian integration in the global arena.

Keywords: modernization, the concept of modernization, integration, eurasian integration, integration processes and development, post-Soviet space.

*Яшкова Татьяна. Алексеевна,
доктор политических наук, член Российской ассоциации политической науки,
вице-президент Академии Геополитических проблем, руководитель отделения
Международного Центра геополитического анализа и делового сотрудничества,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института экономики, управления и права РГГУ, г. Москва
E-mail: Yashkova@Yandex.ru*

Евразийская интеграция как приоритетное направление российской внешней политики

Аннотация: Основная тема, затронутая в данном исследовании — евразийская интеграция. В перспективе просматриваются возможные варианты евразийской интеграции на мировой арене.

Ключевые слова: модернизация, концепция модернизации, интеграция, евразийская интеграция, интеграционные процессы и развитие, постсоветское пространство.

В современном мире наблюдается высокая тенденция стран к интеграции. Интеграционные процессы ярко заявили о себе в начале XX века на европейском пространстве, затем в Латинской Америке, а сейчас на евразийском пространстве. При этом, интеграцию необходимо рассматривать с двух по-

зиций: как процесс и как результат взаимодействия стран и народов.

Возникает вопрос о том, сможет ли Евразийский союз успешно функционировать и оставаться объединяющим звеном для стран постсоветского пространства?

Так, по мнению Саркисяна, первое, что нужно понять, так это что Евразийский и Европейский союзы — совершенно разные вещи. «Евросоюз — это ряд развитых государств, которые договорились по стандартам по принципу консенсуса. ЕС — это союз стандартов. А то, что сегодня происходит под названием «построение Евразийского союза» [1], является, по сути, разработкой нагромождения нескольких двух- и более сторонних документов, регулирующих отношения между отдельными государствами», — считает эксперт.

Хотелось бы подробнее остановиться на новом проекте XXI века — Евразийский Союз (ЕАС).

Под Евразийским союзом подразумевается проект конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным, культурным пространством, предполагаемого к созданию на базе союза Казахстана, России и Беларуси. Союз строится по модели мощного наднационального объединения, способного стать самодостаточным рынком (население которого должно составлять не менее 200–250 миллионов человек) и одним из геополитических «полюсов» современного мира, играющего при этом роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом.

По инициативе В. В. Путина дальнейшая интеграция стран постсоветского пространства, обладающих исторически обусловленными устойчивыми экономическими взаимосвязями и сложившимся характером межгосударственных отношений, будет происходить в рамках Евразийского Союза, планируемого по образцу ЕС. Этот союз будет являться связующим звеном между ЕС и Азиатско-Тихоокеанским регионом — «эффективной «связкой» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [2]. Главный стратегический приоритет своего президентства Владимир Путин изложил в статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в «Известиях» в октябре 2011 года.

В ответ на эту статью президент Белоруссии А. Лукашенко выразил готовность тесно взаимодействовать с руководством России и Казахстана, чтобы реализовать на практике эту правильную, на взгляд А. Лукашенко, стратегию глубокой интеграции. Он заявил: «Построить такой союз — дело непростое. Ведь достигнув максимально возможного уровня экономической интеграции, мы вплотную подойдем к необходимости создания прочной социально-

политической надстройки — с общими ценностями, правовой системой, жизненными стандартами и ориентирами. Здесь не обойтись без постепенного консенсусного формирования неких наднациональных органов, в том числе, возможно, политических. Допускаем, что в таком случае в практическую плоскость перейдет и вопрос о введении новой единой валюты. Время покажет» [3]. Дискуссию продолжил глава Казахстана Н. Назарбаев [4], в свою очередь, поддержавший идею и высказавший свое видение ситуации, выделив следующие важнейшие черты Евразийского Союза как «мегапроекта будущего»:

- Евразийский Союз должен изначально создаваться как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение.
- Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития.
- Евразийский союз должен формироваться как самодостаточное региональное финансовое объединение, которое будет частью новой глобальной валютно-финансовой системы.
- Добровольный характер объединения.
- Необходимость широкой общественной поддержки.

По результатам ежегодного исследования ВЦИОМ, большинство россиян поддерживают идею создания интеграционного объединения на постсоветском пространстве (48 %), как в формате восстановления СССР на добровольной и равноправной основе (23 %), так и Таможенного (15 %) и Евразийского экономического (10 %) союзы [5,77].

Проект ЕАС (Евразийский Союз) — это поиск точек соприкосновения, расширения зон согласия, сотрудничества и доверия между народами. Лидер современной консолидации «Евразийского движения», доктор политических наук А. Дугин заявил: «Ориентация на создание Евразийского союза — это не только проект, ориентированный на сближение между собой экономик постсоветских государств, но еще и модель полицентричного мира... Создание такого объединения — также и заявка на национальную идею евразийства. То есть, интеграция постсоветского пространства — это средний уровень, который имеет внутривнутриполитическое и глобальное политическое измерение. Все вместе представляет собой евразийство как позицию, которая включает в себя интеграцию постсоветского пространства, как один из элементов, но не исчерпывается и не сводится к ней» [6].

При этом ученый выделяет три слоя внешнеполитической составляющей в контексте евразийского континента:

- ядро интеграции — современная Российская Федерация (называемая геополитиками «heartland», сердечной землей);
- зона Евразийского Союза (территория стран СНГ, предполагающая вхождение в единое политическое образование, своего рода Конфедерацию);
- политическое пространство всей Евразии, структурированное вокруг других силовых полюсов (Китай, Индия, Пакистан, Иран, Турция, Афганистан и т. д.)

Учитывая вышеперечисленные факторы, хотелось бы заметить, что Россия может не только консолидировать свое цивилизационное пространство, не допустить превращения его в пространство «всемирной войны» эпохи глобализации (глокализации)» [7,113], но предложить мировому сообществу новую модель интеграции — геополитическую «матрешку», состоящую из нескольких уровней интегративного развития.

Первая геополитическая «матрешка» — это собственный проект возрождения на основе «масштабируемой» (Н. Талей), инновационной экономики и построения сильного государства. Вторая «матрешка» формируется параллельно с первой, — это Евразийский союз (ЕАС), на первоначальном этапе в составе Белоруссии, Казахстана и России.

По мере укрепления ЕАС, эта «матрешка» будет разрастаться, включая в себя другие страны Содружества (Армения, Киргизия) и, возможно, другие евразийские страны (Абхазия, Монголия, Южная Осетия). При этом следует подчеркнуть, что объективно Евразийский союз направлен как на стабилизацию самой России, так и Евразии в целом.

Параллельно с этими процессами должна получить развитие третья «матрешка». Шанхайская организация сотрудничества может трансформироваться в Евро-Азиатский союз с участием таких стран как Индии, Ирана, Афганистана и Пакистана. В дальнейшем состав, может расширяться, но ключевая роль в нем будет принадлежать Российской Федерации, Китайской Народной республики и Индии. Таким образом, может быть сформирован альянс континентальных держав (цивилизаций) как альтернатива англосаксонскому проекту по созданию «управляемого хаоса» на пространствах Евразии.

Четвертой «матрешкой» должны стать широкие континентальные и межконтинентальные союзы,

такие как БРИКС, АСЕАН и т. д., в основе которых будет лежать новое стратегическое видение развития мироустройства.

Новейшая история убедительно доказала, что в условиях усиления борьбы за власть, территории и ресурсы ни Россия, ни другие страны постсоветского пространства в одиночку не смогут противостоять внешнему давлению, прямой или косвенной агрессии (по примеру «цветных революций» и «арабской весны»). Однако именно РФ, обладающая самыми мощными на постсоветском пространстве экономическими, военными, политическими, информационными и психолого-волевыми ресурсами, может стать не просто одним из геополитических центров Евразии, но отправной точкой возникновения новой архитектуры мира.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что интеграция приносит реальную пользу гражданам Российской Федерации, Белоруссии и Казахстана. Евразийская интеграция — это открытый проект. Присоединение к нему — суверенное право каждого государства, которое этого пожелает, исходя из собственных национальных интересов. Но, с другой стороны, для того, чтобы вступить в эти «продвинутые» интеграционные структуры, его потенциальным участникам необходимо всесторонне подготовиться к этому и отвечать определенным требованиям.

Президент Нурсултан Назарбаев утверждает, что в современном мире процветают только открытые государства. Ни одно закрытое государство не может развиваться и стать процветающим. Существует множество исторических примеров, доказывающих, что закрытые границы не дают развития. «А в условиях Казахстана это особый случай. Мы материковая страна, у нас нет выхода к морям. Для того, чтобы провести товар из Казахстана к Черному морю, необходимо преодолеть около 2 тысяч километров. Если на этих двух тысячах километрах нам будут ставить таможенные барьеры и вводить тарифы, наш товар, приходя к Черному морю, станет в два раза дороже. Мы теряем конкурентоспособность. А интеграция дает возможность убрать таможенные барьеры. Поэтому у нас чисто прагматический экономический интерес» [8].

Современные консолидационные и интеграционные процессы идут не просто. Национальные интересы одних государств сталкиваются с интересами других стран, объединений, регионов. При этом, очевидно, что будущее Российской Федерации за большой евразийской интеграцией.

Список литературы:

1. Электронный ресурс: – <http://www.regnum.ru/news/polit/1598579.html>
2. Электронный ресурс: – <http://kp.ru/daily/25766.4/2751048/>
3. Электронный ресурс: – <http://www.izvestia.ru>
4. Электронный ресурс: – <http://www.izvestia.ru>
5. Яшкова Т.А. Евразийская интеграция: перспективы модернизации постсоветского пространства. – Геополитика и безопасность, Санкт Петербург, Выпуск 3 (19) – 2012., – с. 72–78.
6. Электронный ресурс: – <http://www.russianskz.info/politics/2308-soyuz-evraziyskiy-respublik-svobodnyh-uzhasy-tak-i-prut.html>
7. Фурсов А. И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории //Русский исторический журнал. – 2001. – Т. IV. – с. 113.
8. Электронный ресурс: – http://forbes.kz/process/nazarbaev_predlozil_politikam_ostyit

Sectoin 7. Psychology

Секция 7. Психология

*Kameneva Tatiana Vitalievna,
Zaporozhye national university, Ukraine
E-mail: davidushka2014@gmail.com*

The professional speech of psychologists of different specializations

Abstract: The author considers features of professional speech of psychologists which works in different sectors. Carried out a theoretical analysis of the psychologist-scientist, psychologist-practices, psychologist-pedagogue, psychologist-consultant. Highlighted integrative qualities that are important for psychologists all majors specializations.

Keywords: professional speech, specializations, consultant, psychotherapist.

*Каменева Татьяна Витальевна,
Запорожский национальный университет, Украина
E-mail: davidushka2014@gmail.com*

Профессиональная речь психологов разных специализаций

Аннотация: автор рассматривает особенности профессиональной речи психологов, которые работают в разных секторах. Проведены теоретический анализ, психолог-ученый, психолог-практик, психолог-педагог, психолог-консультант. Выделены интегративные качества, которые важны для психологов всех специальностей и специализаций.

Ключевые слова: профессиональная речь, специализации, консультант, психотерапевт.

Актуальность исследования. Проблема анализа профессиональной речи психолога чрезвычайно актуальна. На сегодня в научной мысли обостряются некоторые противоречия, связанные с заинтересованностью в углубленном понимании феномена профессиональной речи психологов и недостаточной разработкой этой проблемы; также между расширением теоретического базиса новых отраслей психологии и не достаточным исследованием аспекта профессиональной речи психологов разных специализаций. Поэтому всесторонний анализа современных исследований и опыта известных ученых поможет нам лучше понять особенности профессиональной речи психологов разных специализаций.

Цель исследования состоит в исследовании и систематизации взглядов о профессиональной речи психологов, которые работают в разных отраслях.

Методология исследования. Были проанализированы современные подходы к пониманию профессиональной речи психологов разных специализаций [1–5]. Среди теоретических методов

были использованы анализ, синтез, сравнение, обобщение и систематизация научно-теоретических исследований, предоставлен анализ собственного опыта автора статьи. Среди эмпирических методов были использованы: наблюдение, анализ продуктов деятельности студентов-психологов и практикующих психологов.

Анализ исследований. В зарубежной психологии основы общей теории речи были исследованы Д. Миллером [10], Ч. Осгудом [11], Н. Хомским [8]. Значительный вклад в решение взаимоотношений языка и речи был внесен Л. Выготским [2]. О. Леонтьев исследовал речь, как творческую интеллектуальную деятельность. Основы анализа проблем языка и речи в психолингвистике были заложены Н. Жинкиным [3]. Среди современных ученых, занимающихся проблемами профессиональной речи психологов следует выделить О. Бондаренко, В. Семиченко, Н. Шевченко, Ю. Паскевскую, Н. Калину, О. Варфоломееву.

Изложение основного материала. Обобщая результаты многих исследований, мы объединили

некоторые положения системного, деятельностного, акмеологического подходов и пришли к выводу, что профессиональная речь психолога — это вид речевой деятельности людей психологической области знаний, который находит проявление в пользовании речью. Профессиональная речь психолога может быть как процессом так и результатом речевой деятельности. Она исполняет профессиональные задачи, включает профессиональные термины и высказывания.

Анализируя профессиональную речь психолога, обязательно необходимо обратить внимание на некоторые особенности профессиональной речи специалиста-психолога разных специализаций. На сегодняшний день продолжается активный дискурс: есть ли особенности профессиональной речи психолога-ученого, психолога-учителя, психолога-консультанта, психотерапевта, психоаналитика, организационного психолога?

Особенностью работы психологов в Украине является то, что выпускники отечественных ВУЗов преимущественно получают диплом практического психолога и психолога. Они могут работать практическим психологом, психологом-учителем, психотерапевтом немедицинского профиля, заниматься исследовательской деятельностью. Немецкие психологи только в прикладных сферах насчитывают около 60-ти специализаций психолога, каждая из которых имеет свои особенности профессиональной деятельности, профессиональной речи.

Представляется, что профессиональная деятельность психолога, в зависимости от цели, заданий, предметной организации, сферы реализации прежде всего разделяется на научную и практическую. В российских и украинских источниках существует традиция противопоставлять академическую (научную) и практическую психологии. Например, речь психолога-исследователя насыщена специальными терминами, тогда как речь практического психолога мало отличается от обыкновенной речи. В исследовательской психологии единица анализа — отдельный психологический процесс или феномен, искусственно отделенный от целостной личности и помещенный в специальные лабораторные условия, а в практической психологии такой единицей является индивидуальная история личности. Логика исследовательской психологии состоит в выделении двух-трех независимых переменных и исследовании корреляции между ними, тогда как практическая психология стремится не только количественно описать отдельные связи, а и качественно осмыслить целостную детерминацию личности и ее состояний [1].

Глубинные когнитивные отличия практической психологии от психологии академической, обусловленные принципиальными отличиями подходов, направленных на научное исследование и практическую помощь человеку в свое время подробно описал А. Эткин [6].

Некоторые исследователи акцентируют внимание на сближении академической и практической психологии. Как пишет В. Татенко, необходимо обращать внимание и на то, что научная и практическая психологии имеют один и тот же объект, предмет и методы [5].

Кроме разделения на практическую и научную психологии, мы условно выделили и рассмотрели такие виды деятельности (специализации) психолога: научную деятельность (академический дискурс, экспериментальные и другие исследования); педагогическую деятельность (обучающе-воспитательная); практически-психологическую деятельность (психодиагностика, психокоррекционная и развивающая работа, консультирование); деятельность психолога-консультанта и психотерапевта в сфере немедицинской психологии (психотерапия, консультирование). Мы определили специфику профессиональной речи психолога, который работает в разных сферах.

Мы считаем, что особенностью научной деятельности психолога, если речь идет о письменном тексте (научная статья...), личность психолога почти не презентуется, так как адресат имеет дело преимущественно с интеллектуальным аспектом работы автора. В эмпирико-исследовательской деятельности речевые действия связаны с проведением бесед, психодиагностических тестирований, тренингов, интервью. Речь может быть реальной и отложенной во времени; непосредственной и аудиальной.

Наши исследования показывают, что преподавательская деятельность психолога взаимосвязана с проблемами развития личности психолога, наработками профессионального опыта, в том числе и в речевой деятельности. В процессе преподавания психолог использует все модальности и весь потенциал речи, применяя речевые способности и умения, ориентируясь на лингвистические, лингво-дидактические критерии. При этом психолог-преподаватель использует различные стили речи. Речь психолога-преподавателя имеет полифункциональный характер. Такой речи присуща коммуникативная функция (слово-средство общения), индикативная (слово-средство указания на предмет), интеллектуальная, познавательная функции.

Мы считаем, что в практически-психологической деятельности особенное значение приобретают такие

составляющие речи психолога, как умение общаться, эмпатийность, способность к активному слушанию, логически-смысловые речевые умения. Практический психолог имеет целью осуществить воздействие на сознание, ценности, особенности поведения конкретной личности, что требует понимания этики психологом, правильной мотивации речи. Основной социальной функцией речи практического психолога является коммуникативная функция. Также, с помощью речевой деятельности психолог формирует необходимый уровень знаний, умений, поведения, отношений, настроения тех, кто обучается. Особое значение для речи психолога имеет коррекционная, развивающая, социальная, информативная, культурологическая функции.

Представляется, что в психотерапевтической деятельности особое значение приобретает умение вести диалог. Терапия и консультирование может быть при этом опосредовано техническими средствами, или совершаться напрямую. В первом случае, особое значение приобретает техника речи: интонация, дикция, тембр голоса. В телефонном и компьютерном режиме психотерапевту советуют обратить внимание на установление открытых, доверительных отношений. В непосредственном общении, по определению Н. Калиной, большое значение имеет амплитуда диалога (глубина межличностного общения), его интенсивность, динамика речевых инициатив, отношение между внутренним диалогом клиента и его внешним диалогом с психологом.

Анализ современных исследований помог нам сделать вывод, что в разных видах профессиональной деятельности психолога есть много общего. Ведь реализация заданий психолога совершается через такие обобщенные виды профессиональной деятельности, как: психодиагностика, коррекция, реабилитация, прогностика. Базовым, интегративным видом

деятельности практического психолога, который проникает и обуславливает все выше перечисленные виды, является психологическое консультирование как особая форма взаимодействия психолога и его клиента. В этом виде деятельности основным методом влияния является определенным образом построенная беседа. Именно в беседе, интервью проявляются и формируются профессионально важные качества психолога — личностная и профессиональная рефлексия, конгруэнтность, а также профессиональная речь психолога.

Особенностями речевых умений и навыков в консультировании являются: гуманистическая направленность речи, искреннее стремление решить проблемы клиента, умение внимательно выслушивать клиента, умение понимать содержание беседы и оттенки чувств клиента, умение объяснять клиенту роль консультанта и цели психологического консультирования, умение проявлять толерантность и эмпатийность в речи, умение находить логические решения проблем клиента, креативность речи, умение ставить совместные с клиентом цели и планы.

Таким образом, речевая деятельность психолога-преподавателя, психолога-консультанта, практического психолога имеют много общего. Особенно это касается фонетической и лексической структуры речи, логически-смысловых речевых умений психолога, умения вести консультацию.

Вывод. В связи с тем, что психология постоянно дифференцируется на новые отрасли, имеют перспективу дальнейшие теоретические исследования особенностей, составляющих компонентов, критериев развития профессиональной речи психологов с разной специализацией. А также эмпирические исследования психологических условий, факторов, влияющих на развитие профессиональной речи психологов разных специализаций.

Список литературы:

1. Андрієвська В. В. Діяльність психолога як простір мови і мовлення: проблема інтегральної моделі мовно-мовленнєвої компетенції//Наук. зап. Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка/за ред. С. Д. Максименка. – К.: Ніка-Центр, – 2009. – Вип. 37.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология/Под ред. В. В. Давыдова. – М.: Педагогика, – 1991. – 480 с.
3. Жинкин Н. И. Психологические основы развития речи//В защиту живого слова. – М.: Просвещение, –1966. – с. 5–25.
4. Леонтьев А. А. Деятельность, сознание, личность. – М., – 1975. – 304 с.
5. Татенко В. О. Психологічна наука і психологічна практика: зовнішні та внутрішні чинники продуктивного синтезу//Практична психологія: теорія, методи, технологія: Матер. наук. семінару 9–10 червня 1997 р. – К.: НІКА-ЦЕНТР, – 1997.
6. Эткінд А. М. Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания//Вопр. психологии. – 1987. – № 6. – с. 20–30.

7. Bandura A. Social learning theory. – Englewood Cliffs, NJ: Pentice-Hall, – 1977. – 375 p.
8. Chomsky N. Cartesian Linguistics. New York: Harper and Row. 1965. Reprint. Certesian Linguistics. A Chapter in the history of Rationalist Thought Lanham. Maryland: University Press of America, – 1986.
9. Maslow A. Motivation and personality. – New York: Viking press, – 1971.
10. Miller G. Language and speech. – San Francisco: Freeman, – 1981.
11. Osgood Ch. Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Praeger Publishers, – 1988. ISBN 0-03-059433-2
12. Whorf B. The relation of habitual thought and behavior to language/New-York, – 1956.

*Kapirenkova Oxana Nikolaevna,
Smolensk Landesuniversität, Anwarter der psychologischen Wissenschaften,
der Dozent der Abteilung der allgemeinen Psychologie
E-mail: oks-kap@mail.ru*

Sozialmittel als der Faktor des Formteils von kreativnosti der Beschaffenheit

Abstrakt: Grundidee des Artikels diese Studie und eine Studie des Formteils von kreativnosti der Beschaffenheit im Sozialmittel. Auf die Sonderbedingungen des Führens des möglichen kreativnosti der Beschaffenheit in das dringende gesetzt zu werden Akzent. Frühe Diagnose von kreativnosti, Entwicklung seines Niveaus und Kreation der optimalen Bedingungen tragen zur Wirksamkeit des Formteils des dringenden kreativnosti der Beschaffenheit bei.

Keywords: kreativnost der Beschaffenheit, dringendes kreativnost, mögliches kreativnost, Sozialmittel, pädagogisches Mittel, kreativnyy Führer, Diagnose von kreativnosti, kreativnyy Lehrer.

*Капиренкова Оксана Николаевна,
Смоленский государственный университет,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии
E-mail: oks-kap@mail.ru*

Социальная среда как фактор формирования креативности личности

Аннотация: Основная идея статьи это изучение и исследование формирования креативности личности в социальной среде. Акцент ставиться на особых условиях перехода потенциальной креативности личности в актуальную. Ранняя диагностика креативности, выявление ее уровня и создание оптимальных условий будет способствовать эффективности формирования актуальной креативности личности.

Ключевые слова: креативность личности, актуальная креативность, потенциальная креативность, социальная среда, образовательная среда, креативный лидер, диагностика креативности, креативный педагог.

Креативность как ключевое качество личности, необходимо формировать с целью развития творческих задатков, способней воспринимать и анализировать, и уметь делать выводы, принимать нестандартные решения в современной действительности. Главной проблемой современного общества, на наш взгляд, была и остается проблема формирования активной творческой личности, в быстро меняющихся условиях существования, а именно поэтапное становление личности в социуме. Психологи и педагоги делают основной акцент на раннее развитие креативности личности: детский сад, школа, при этом остается без

должного внимание становление и дальнейшее формирование креативности в профессиональных образовательных учреждениях. От суда, приоритетной задачей средне профессиональных и высших образовательных учреждений является, не только передача профессионально направленных знаний и навыков, но и создание благоприятных условий, и продуманной системы работы для активного участия каждого студента в организации самообразования, для глубокого и полного раскрытия его личности, и эффективного процесса перехода потенциальной креативности в актуальную. Научить проявлять креативное начало

большое искусство, требующее от преподавателя глубоких знаний, незаурядного педагогического мастерства, любви к своей профессии, понимания студентов, интереса к своему предмету.

Порой проходит не один год, прежде чем выпускник ВУЗа приобретает необходимые знания и навыки, станет настоящим мастером своего дела, а раскрытие его творческого потенциала еще в учебной деятельности, будет способствовать быстрой адаптации к современным условиям профессиональной деятельности. В начале обучения будущих специалистов многие педагоги сталкиваются с рядом проблем: отсутствием устойчивого интереса студентов к предметам, слабым стремлением их к самообразованию, снижением читательской активности, низким уровнем творчества при выполнении самостоятельной работы, с неспособностью организовывать свою внеаудиторную работу. Но не только, проблемы со стороны будущих специалистов являются основными, а и сама позиция преподавателей, как показали исследования ряда авторов (A. J. Cropley, J. W. Getzels, P. W. Jackson), по отношению к творческим студентам фактически в основном отрицательна. Когда попросили педагогов описать каких студентов, они предпочитали видеть у себя на занятиях, главным образом студентов с высоко развитым интеллектом, а не креативностью. Авторы объясняют это тем, что креативные личности часто показывают «превосходство над педагогом» и от них «всегда неизвестно чего можно ожидать», в то время как интеллектуалы всегда оправдывают ожидания педагогов, адекватно выполняя их требования. Поэтому необходимо изменить отношение к самому процессу подачи знаний студентам, преподаватель, прежде всего, должен позволять студентам высказывать свои творческие идеи, находить для этого время, внимательно выслушивать студента, быть восприимчивым слушателем [5]. Таким образом, создание благоприятного климата для креативных студентов должно привести к изменению социального статуса самого учащегося, с одной стороны, а с другой — изменить «ценностную ориентацию» всех студентов в группе, повысить престиж творческого мышления, что, в свою очередь, должно повлиять на развитие креативности членов всей студенческой группы. Дж. Фостер приводит результаты исследования, проводимого Розенталем и Джакобсоном, суть которого заключалась в следующем: психологи на основании проведенного обследования расположили учащихся по уровню проявившихся у них в тестах интеллектуальных способностей. Затем, отобрав учащихся в случайном порядке

(в число их входили учащиеся с самыми низкими показателями креативности), сообщили педагогам, что они провели «особый вид тестирования», согласно которому перечисленные в списке учащиеся должны показать «выдающиеся успехи» в проявлении способностей через 12 месяцев. Через 8 месяцев эти учащиеся, отмеченные для преподавательского внимания, действительно показали выдающиеся успехи, хотя педагоги только ожидали от них этих успехов. Преподаватели должны уметь видеть креативные проявления учащихся не только во время аудиторных или специальных заданий, но и в любой другой внеаудиторной деятельности. Для этого следует включать студентов в самые разнообразные виды деятельности. Как известно креативность лучше всего раскрывается именно в той деятельности, к которой у учащегося имеются специальные способности. Поощрение проявлений специальных способностей студентов может способствовать формированию у них индивидуально-го стиля деятельности, характеризующегося самостоятельностью и креативностью [4]. Следующее условие формирования креативности как относиться к педагогу и заключается в воспитании педагогом своей креативности, т. е. педагог сам должен постоянно преодолевать в себе силу инерции, шаблона, формальности в преподавании. Он должен стремиться приравнивать свою работу к труду исследователя, внимание которого направлено на изучение объекта его деятельности, т. е. на учащихся, на поиск наиболее оптимальных и всегда новых путей к развитию креативных потенциалов студентов (организация дискуссий, постановка новых целей, совет, разумное молчание, внушение и т. п.). Таким образом, можно выделить общее для успешности формирования креативности, а именно: обеспечение оптимального базового развития студента, который формирует общие черты творческой личности, творческую личность оптимально формирует творческий преподаватель, исследовательский подход к обучению и воспитанию — главное условие формирования творческой личности студента в любом типе учебных заведений, дифференциация и индивидуализация обучения естественно реализует возможность общей и специальной креативности [2].

Уровень базового развития будущего специалиста должен быть зафиксирован в начале первого года его пребывания в учебном заведении. Такой подход позволяет видеть начальный уровень сформированности креативности личности. Студент должен пройти тестирование по параметрам, позволяющим выявить показатели его креативных возможностей. Критерии

по определению уровня креативности позволяют определить уровень подготовки к исследовательской работе студента в начале обучения и перед выпуском из учебного заведения. Так как основными качествами креативности являются такие, как сообразительность, пытливость, наблюдательность, смелость мысли в действии, решительность, инициативность, самоуважение, уверенность и требовательность к себе, коммуникативность, социальная активность, способность к сотрудничеству, то в соответствии с этими качествами можно определиться в отборе критериев сформированности креативности на начало обучения в учебном заведении. Студенты на первом курсе продиагностировав такое свое качество исследователя, как креативность, видят уровень его сформированности, что может дать толчок к дальнейшему развитию креативности, т. е. такая диагностическая работа может быть и развивающей. Это будет способствовать активизации не только творческой деятельности, но и активизировать познавательную деятельность студентов, углублять знания по изучаемым дисциплинам, расширению общего кругозора; содействовать раскрытию, проявлению и непрерывному развитию индивидуальных особенностей юношества; разовьет умение самостоятельно работать; сформирует нравственные качества личности студента, повысит культуру общения (при организации работы коллективного характера), создаст благоприятную обстановку для процесса обучения и воспитания. Сложность работы по развитию креативности заключается в дифференцированном подходе к студентам, учете общей подготовки группы. Так как каждый студент выбирает задание самостоятельно, опираясь на свои индивидуальные способности, преподаватель должен помочь ему в выборе. Задача преподавателя нацелить студента на поиск лучшего «образца» творческой работы. Хотя «образца» творчества и не существует, но ориентация на него позволяет создавать еще более оригинальные и интересные работы. Это избавляет от штампов в работе и приводит к стремлению студентов создавать идеальный образец работы, творчески совершенствуя свои знания, умения, способности, это избавляет преподавателя от проверки безликих, ориентированных на абстрактные цели работ [1]. Рассмотрим другие рекомендации по разработке учебных программ, способствующих развитию креативности. Прежде всего, необходимо расширить круг дисциплин, непосредственно связанных с творчеством. К их числу в первую очередь относятся дисциплины, связанные с изобразительной деятельностью — живописью, лепкой,

художественным конструированием и т. п. Это объясняется тем, что данные виды художественной деятельности не требуют длительного времени на овладение навыками исполнения. Кроме того, сам процесс овладения навыками изобразительной деятельности включает в себя тренировку элементов, необходимых в любом виде творческой деятельности: развивает восприятие и виденье, тренирует зрительно-двигательные навыки, способствует развитию воображения и фантазии, приобщает к непосредственному творчеству. Нами на базе Смоленского гуманитарного университета в течение четырех лет проводилось исследование оптимальных социальных условий перехода потенциальной креативности личности в актуальную.

В эксперименте приняло участие 27 групп (17 студенческих групп психологического факультета и 11 групп экономического факультета), что составило 748 человек (445 студентов психологического факультета и 303 экономического), 530 лиц женского пола, 208 лица мужского пола. Проанализировав теоретические и практические исследования по проблеме креативности личности было решено использовать субтест «Завершение картинок» теста Торренса и социометрический метод, для определения неформального лидера и выявления уровня его креативности. По результатам экспериментального исследования можно сформулировать следующие выводы, в группах психологического факультета 53 % неформальных лидеров имеют уровень креативности личности выше среднего, а у 12 % неформальных лидеров высокий, что дает возможность говорить о наличии у неформальных лидеров креативности в актуальном или потенциальном виде. Студенты экономического факультета показали, следующие результаты 18 % неформальных лидеров имеют высокий уровень креативности личности, 55 % – выше среднего уровень креативности личности и 27 % – средний креативности личности. Таким образом, большинство членов малой социальной группы (в нашем случае студенческая, учебная группа) при выборе неформального (эмоционального) лидера руководствуются не только эмоциональной привлекательностью выбираемого члена группы, но и наличием у данного члена креативности личности, как значимого фактора при выборе, т. е. креативность личности членов группы играет роль в социальной интеграции. Сравнительный анализ полученных данных показал, что 64 % групп экономического факультета и 53 % групп психологического факультета имеют среднеарифметический уровень креативности личности членов микрогрупп, где непосредственно находится

креативный неформальный лидер выше, чем уровень креативности других микрогрупп данной группы, таким образом, можно предположить, что уровень креативности личности неформального лидера влияет на уровень креативности личности членов своей малой группы, т. е. является «образцом» для формирования креативности и способствует переходу потенциальной креативности в актуальную. 53 % исследуемых групп психологического факультета и 46 % групп экономического факультета имеют социальную интеграцию в норму, т. е. оптимальной, при чем уровень креативности личности неформального лидера в данных группах выше или выше среднего. Математическая обработка осуществлялась с помощью программного пакета Statistica 6.0. с использованием корреляционного анализа Спирмена и выборочной статистики (определение достоверных наблюдений, среднего, стандартного отклонения, максимума и минимума). Определялся корреляционный анализ показателей креативности личности и социального статуса студента в студенческой группе между собой. Затем выявлялись переменные, имеющие корреляционные связи на высоком уровне значимости ($p > 0,01$). Статистическая обработка результатов показала 100 % положительную связь на всей выборки, коэффициент корреляции ($r = 0,75$) на высоком уровне значимости ($p > 0,01$), в нашем случае прямопропорциональная связь между креативностью личности и межличностными отношениями, доказывает предположения о связи креативности личности и интегративными процессами в малой социальной группе, что даст возможность использовать креативного неформального лидера в процессе проявления и формирования креативности личности у других членов группы, т. е. переходу потенциальной креативности личности в актуальную. Если создать условия для максимального проявления процессуальных характеристик творческой (т. е. ее межличностный характер и адресованность другому человеку), то это

даст возможность для использования собственной индивидуальности для выявления и проявления индивидуальности другого человека, что даст возможность, по нашему мнению, для формирования и развития креативности у студентов, которые имеют ее в потенциальной форме. Анализ исследований многих авторов, наши собственные данные позволяют сделать акцент на следующих моментах: креативность является одной из наиболее важных высших психических подсистем упорядочения системы человек-мир. Безусловно, креативность неразрывно связана со всеми остальными психическими функциями человека, с его сознанием, подсознанием, общими установками и диспозициями, личностными структурами, эмоциональной сферой и т. д., но основные функции креативности это максимальное приспособление к миру, окружению, нахождение решений во всех случаях, когда создаются новые, непредвиденные проблемы, требующие именно творческого подхода. Люди и их социальные системы во все эпохи решали сложные проблемы. Следовательно, они управляли своей креативностью, создавали комплексы необходимых для креативности условий. Однако они делали это на основе далеко не всегда осознаваемой и во всех случаях не полностью осознаваемой саморегуляции. Задача науки состоит в том, чтобы постоянно обогащать пути сознательного воздействия на креативность личности, сознательного управления развитием и формированием креативности. Прежде всего, сюда следует отнести современное воспитание и обучение. В этом отношении необходимо сказать, что до последнего времени задача обучения творческому мышлению, выявлению и формированию креативности оставалась по существу не более чем хорошим пожеланием и реализовалась в очень ограниченной степени, главным образом за счет отдельных чисто эмпирических находок. Но и эти находки, как правило, не поддавались должному обобщению и систематизации, а потому и не внедрялись в учебную деятельность.

Список литературы:

1. Гнатко Н. М. Проблема креативности и явления подражания. – М., – 1993. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – Санкт-Пб., – 2000.
2. Дружинин В. Н. Ситуационный подход к психологической диагностике способностей // Психологический журнал, № 2, – 1991, – с. 94–105.
3. Gelade G. A. Creativity in conflict: The personality of the commercial creative // J. Genetic Psychol. – 1997. V. 158. № 1. – p. 67–78.
4. Hollander E/P., Julian J. W. Studies in leader legitimacy, influence and innovation. Advances in experimental social psychology. – N. Y., – 1970.
5. Haddon F., Lytton H. Teaching approach and divergent thinking abilities // British Journ of Educational Psychology, – vol. 138, – 1968.

*Pashkevich Oksana Borisovna,
Academy of the Federal penitentiary service of Russia,
adjunct, the faculty training of the teaching staff
E-mail: su_88@mail.ru*

Personality who was first convicted in the condition of modern penitentiary system in Russia

Abstract: This article discusses the convicts' personalities in conditions reform of penitentiary system in Russia. The paper presents analysis of the persons who was first convicted.

Keywords: convicted personality, first convicted, reform of penitentiary system in Russia.

*Пашкевич Оксана Борисовна,
Академия права и управления ФСИН России, адъюнкт,
факультет подготовки научно-педагогических кадров
E-mail: su_88@mail.ru*

Личность впервые осужденного в условиях развития современной уголовно-исполнительной системы России

Аннотация: В данной статье рассматривается личность осужденного в условиях реформирования пенитенциарной системы России. В работе дан анализ личности впервые осужденного. Проводится анализ отдельной категории лиц, содержащихся в местах заключения свободы — впервые осужденных.

Ключевые слова: личность осужденного, впервые осужденный, реформирование пенитенциарной системы России.

В последнее десятилетие в пенитенциарной психологии произошли значительные перемены. Одним из факторов стало изменение взглядов государства на уголовно-исполнительную систему России. Особый масштаб приобрело развитие сотрудничества с иностранными пенитенциарными системами и международными организациями. Этому содействовал обмен опытом между странами, что существенно помогло интенсификации реформ и адаптации пенитенциарной системы России к международным стандартам. Концепция развития УИС РФ до 2020 года [1] яркое тому доказательство.

Бесспорно, после утверждения данной концепции в Уголовно-исполнительной системе, произошли значительные перемены. Но часть специалистов данной области принимают и видят дальнейшее благоприятное влияние таких перемен для пенитенциарной системы России, а другая часть заявляет о пагубном влиянии данных изменений на уже устоявшуюся исполнительную власть РФ.

По прошествии четырех лет со дня принятия Концепции развития УИС РФ до 2020, мы можем говорить о значительных изменениях, произошедших в пенитенциарной системе. Помимо «внешних» изменений, таких как перестройка зданий, изменение бытовых условий, компьютеризация учреждений и т. д.,

активно происходят и «внутренние» изменения — среди осужденных. Всеобъемлющий процесс гуманизации деятельности исправительных учреждений, «открытость» процесса исправления дела делает акцент на личность осужденного и наполняет ее новыми, социально значимыми качествами.

На данный момент каждый осужденный знает, что обладает такими же правами как и любой другой гражданин страны, что свои интересы, в местах заключения свободы, он может отстаивать наравне со всеми. Но осознает ли осужденный, что для того, чтобы исполнительная система наказания действительно защищала и отстаивала права ему самому необходимо быть личностью? Ведь на сегодняшний день большинство из тех, кто находится в местах заключения свободы абсолютно утратили стремление к развитию, улучшению качества своей жизни, воспитания духовных, моральных, нравственных качеств. Большинство из осужденных, впервые оказавшихся в исправительных учреждениях убеждены в том, что государство имеет перед ними своеобразное обязательство. За совершенное преступление они жертвуют своей свободой, а исправительное учреждение в свою очередь должно обеспечить все необходимые условия для того, чтобы весь срок отбытия наказания они могли провести ни в чем не нуждаясь.

К сожалению мы видим, что осужденные подвергаются изменениям «тюремной среды», которые влияют на их личность не смотря на то, что на данный момент, система исполнения наказаний полностью поменяла свою концепцию. И за период отбывания наказания их мысли занимает не раскаяние за совершенное деяние, а установление своих прав и свобод в обществе других осужденных. Не только использование новых методов работы с осужденными, но и индивидуализация подхода, глубинное изучение личности осужденного будет способствовать главной цели исправительного учреждения — исправлению личности осужденного и возвращения его в общество уже полноценной, социально адаптированной личностью. Это определяет актуальность исследования личности осужденных в пенитенциарных условиях. Как писал Ю. Ю. Бехтерев еще в начале 20 века: «Исследование осужденного должно проникать во все подразделения учреждения, обеспечивая решение следственных задач: правильной классификации осужденных в пределах одного учреждения, установления соответствующего режима для каждой категории заключенных; разумной организации трудовых процессов; целесообразной постановкой школьной и внешкольной работы; правильного учета пенитенциарного воздействия; повышения педагогической квалификации пенитенциарных учреждений» [4, 17–18].

Говоря об осужденных, как о специфической социальной группе, необходимо отметить значимость личности осужденного как объекта и субъекта процесса психологического воздействия в пенитенциарных учреждениях. Проблема изучения личности осужденного до сегодняшнего дня остается одной из наиболее обсуждаемой и актуальной. Юристы, психологи, педагоги — все определяют значимость исследования как физиологических, так и психологических механизмов и изменений происходящих с личностью осужденного в период отбывания наказания. Знание о причинах изменений и их следствии определяет направление всей деятельности пенитенциарных учреждений. Личность осужденного в современной литературе — это конкретный человек, отбывающий наказание, рассматриваемый сквозь призму его социальных качеств [5, 94]. Под социальными качествами мы понимаем — фиксирующее те или иные общественно определенные характеристики личности, социальных групп и классов, неотделимые от способа существования и деятельности исторических субъектов [6].

Какие же социальные качества характеризуют микросреду осужденных в местах лишения свободы?

Бесспорно, самыми яркими являются стремление к поддержанию традиций уголовного мира, противодействие сотрудникам федеральной службы исполнения наказания, низкое стремление к обучению (как в профессиональном плане, так и в саморазвитии), подавление индивидуальности, установление межличностных контактов основанных на личной выгоде, пропаганда «праздного» образа жизни, поощрение конфликтов с сопутствующим применением физической силы или морального давления, активное употребление жаргона, сленга, которые в свою очередь полностью обезличивают осужденного и много другое. Все вышеперечисленные отличительные особенности среды исправительных учреждений влияют на личность осужденного и противодействуют ее гармоничному развитию. Многие исследователи в области психологии, социологии, юриспруденции в категории «личность» отмечают главную составляющую — личность как субъект социальных отношений. Соответственно и личность осужденного необходимо рассматривать в контексте системы социальных отношений образованных внутри исправительных учреждений.

Личность осужденного, как и любая другая личность, характеризуется такими особенностями, которые выражаются в ее индивидуальности, отношениях с окружающими людьми, совместной деятельности, а так же самосознании. Нельзя не обратить внимание на устойчивость и динамичность психического склада личности, типичности некоторых психологических свойств и качеств. Как мы отметили выше, в местах заключения свободы формируются отлительно новые социальные качества, которые в свою очередь и подвергают различным изменениям личность осужденного. Эти изменения ведут за собой смену направленности, целей, мотивов поведения. Принимая на себя иную социальную роль — преступившего закон, осужденные делают это осознанно, при этом понимая, что последствия таких изменений оставят пагубный след в их личности. В последствии лишь немногие в процессе ресоциализации, достигнут положительных изменений. В первую очередь это осужденные характеризующиеся достаточным уровнем развития духовных, моральных, волевых качеств, а так же имеющие прочные положительные социальные связи за пределами исправительного учреждения, способные к принятию самостоятельных решений.

Задачей всех исправительных учреждений является исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы, в процессе которого разными по содержанию

средствами воздействия необходимо достичь эффективного исправления осужденных. После перепрофилирования возникли такие исправительные учреждения, в которых отбывают наказание только впервые осужденные. Для данной категории лиц характерно наиболее яркое проявление дезадаптации по сравнению с неоднократно судимыми, а так же повышенная тревожность, агрессия, повышенная экспрессивность и т.п. Это проявляется в трудностях адаптации, идентификации своей личности в новых для нее условиях, правильного использования внутреннего резерва в виде адаптационных способностей для преодоления пенитенциарного стресса и многое другое. Личность впервые осужденного — это личность преступника, приговором суда направленная в исправительное учреждение. Как и любая человеческая личность, личность осужденного — это постоянно изменяющаяся, «подвижная система» [3, 178]. Вектор развития личности осужденного будет зависеть от того что или кто запустит эту «систему», и на сколько в процессе отбывания наказания данная личность сможет адаптироваться и подготовиться к жизни после отбытия наказания. А так как личность, отбывающая наказание, всегда находится в системе отношений с другими осужденными, то нельзя отрицать значительный факт влияния групп осужденных на эту личность.

В среде осужденных группа вырабатывает свои собственные критерии эффективности деятельности каждого из своих членов. С их помощью группа либо позитивно принимает эффективно действующую личность (и тогда это признак благоприятно развивающихся отношений в группе), либо не принимает ее вообще (и тогда это сигнал о назревании конфликтной ситуации). В исправительных учреждениях чаще всего проявляется второй вариант исхода событий. Следовательно, впервые осужденные получают негативный опыт поведения, который в последствии становится для них нормой. Сотрудникам уголовно-исполнительной системы необходимо не допускать развитие и установление тюремной субкультуры как единственного образца поведения. Следует проводить пропаганду социально приемлемого общения, образа жизни, который поможет адаптироваться к последующей жизни после освобождения. На специальных занятиях психологов, начальников отряда, социальных работников, служащих различных конфессий необходимо обучать осужденных методам и способам личностного развития. К сожалению, на данный момент, осужденные, которые прошли специальные программы возвращаются обратно в среду,

пропагандирующую асоциальный образ жизни. В результате все полученные навыки и знания, без положительного подкрепления, не вносят должного вклада в развитие личности осужденного.

Впервые осужденные — это своеобразная группа людей. В нее входят и бывшие воспитанники воспитательной колонии, лица преступившие рамки закона в мелком воровстве и те, чьи преступления отличаются особой тяжестью. Так же разнообразен и возраст осужденных, уровни социального благополучия, уровень интеллектуального развития и др. К сожалению, мы можем наблюдать то, что в исправительных учреждениях осужденные, обладающие значительными внутренними резервами, подавляются осужденными, не имеющих таковых. В последствии, личность осужденного начинает отражать те условия, которые ее окружают и процесс «вхождения в среду исправительного учреждения» заканчивается для большинства принятием норм и правил поведения характерных для осужденных. Ключевым моментом в этих переменах для впервые осужденных становится то, что за весь срок отбытия наказания большая часть принимает эти правила как единственно верные и уже после освобождения продолжает им следовать, что и приводит к рецидиву преступлений.

На данный момент, в исправительных учреждениях активно ведется работа с осужденными в разных направлениях, но исходя из того, что любая помощь оказывается только с личного согласия осужденного — многие из них не осознавая важности этих мероприятий не проявляют своей заинтересованности. Для предотвращения повторных преступлений с впервые осужденными необходима достаточно серьезная работа со стороны всех отделов и служб учреждений. Осужденные не просто должны выполнять установленные правила отбывания наказания и внутренний регламент учреждения, а проходить все необходимые мероприятия (психологического, воспитательного характера) для развития своей личности. Не только исправление в поступках, но и развитие новых, положительных личностных качеств, необходимых для дальнейшей жизни после отбытия срока наказания — вот конечная цель в деятельности всех подразделений и служб пенитенциарных учреждений. Как отметил один из выдающихся исследователей в юридической психологии Е. А. Антонян: «Сама личность осужденного является единственным объектом исправительного воздействия. От того, насколько оно достигает цели, зависит оценка эффективности всей уголовно-исполнительной системы.» [2, 24]. Резюмируя вышесказанное,

хотелось бы отметить необходимость внедрения современных методов работы с осужденными, углубленное изучение личности осужденного. Ведь от

принятых мер зависит не только успешность проводимого реформирования уголовно-исправительной системы, но и благополучие нашего государства.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: № 1772-р».
2. Антонян Е. А. Психология исправительного воздействия на осужденных в местах лишения свободы/Е. А. Антонян//Юридическая психология. – 2006. – № 1.
3. Афанасьев В. Г. Ценностная структура человеческой личности/В. Г. Афанасьев//Проблемы исследования систем и структур: материалы конференции. – Москва, – 1965. – с. 178.
4. Бехтерев Ю. Ю. Изучение личности заключенного: история, задачи, методика и техника/Ю. Ю. Бехтерев. – Москва: Изд-во НКВД РСФСР, – 1928. – с. 17–18
5. Дмитриев Ю. А. Пенитенциарная психология/Ю. А. Дмитриев, Б. Б. Казак. – Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, – 2007. – с. 94
6. Кравченко А. И. Краткий социологический словарь [Электронный ресурс]/Альберт Иванович Кравченко. – Учебное издание.: Изд-во Проспект, – 2009. – Режим доступа: http://mirslivare.com/content_soc/kachestvo-socialnoe-6348.html.

*Smyk Julia Victorovna,
East-Siberian State Academy of Education, Irkutsk
assistant professor of educational psychology
and personality development, Ph. D.
E-mail: smyk.75@mail.ru*

Value of the subjective factor in the development of aggressive behavior of adolescents

Abstract: The article deals with the problem of aggressive behavior in adolescents. The intermediate and the predictive role of the subjective factor of adolescents' attitude to parental punishment in the development of aggressive behavior in adolescents.

Keywords: the aggressive behavior, family education, subjective attitude of adolescents.

*Смык Юлия Викторовна,
«Восточно-Сибирская государственная академия образования», г. Иркутск,
доцент кафедры психологии образования и развития личности,
кандидат психологических наук
E-mail: smyk.75@mail.ru*

Значение субъективного фактора в развитии агрессивного поведения подростков

Аннотация: В статье рассматривается проблема агрессивного поведения подростков. Показана опосредующая и прогностическая роль фактора субъективного отношения подростков к родительским наказаниям в развитии агрессивного поведения подростков.

Ключевые слова: агрессивное поведение, семейное воспитание, субъективное внутреннее отношение подростков.

Проблема агрессивного поведения личности не теряет своей актуальности в условиях современного российского общества. Возрастание подростковой

преступности, проявления негативных сторон развивающейся личности (цинизма, жестокости, враждебности, агрессивности) привлекают внимание

исследователей и с неизбежностью приводят к изучению причин, механизмов и путей коррекции агрессивного поведения в подростковом возрасте — периоде, наиболее чувствительном к действиям взрослых, когда формируются основы сознательного поведения, нравственные представления, социальные и ценностные установки развивающейся личности.

В психологической науке накоплено большое количество сведений относительно факторов, провоцирующих агрессивное поведение. Ведущими в его возникновении называются внешние стимулы, эмоциональные и когнитивные компоненты личности, социальные условия. Многие психологи указывают на необходимость поиска первопричины агрессивных проявлений ребенка в наиболее близкой ему сфере человеческой жизни, в его ближайшем окружении, семье, без обращения к политическим, экономическим и социальным процессам в обществе.

Безусловно, внутрисемейные отношения и собственно процесс семейного воспитания являются определяющими для развития личности факторами, закрепляющими проявления агрессивного поведения в подростковом возрасте. К изучению семьи, семейного воспитания и их роли в развитии агрессивного поведения ученые подходят с разных позиций, фиксируя внимание на различных семейных составляющих. Так, М. Раттер говорил, что учащение агрессивных реакций подростков является свидетельством негативного изменения семейных отношений, на фоне которых учащается использование наказаний [1, 143]. Отечественные психологи Смирнова Е. О. и Быкова М. В. в своих исследованиях отмечают изменение структуры родительского отношения в процессе взросления ребенка, снижение доли личностного начала и доминирование предметного отношения родителей. Итогом подобных изменений является возрастание уровня требований, оценочной позиции родителей, ужесточение стратегии их поведения в отношениях с взрослеющим ребенком [2, 13–14]. Горьковая И. А. в качестве ведущего в формировании агрессивного поведения фактора рассматривает непоследовательность воспитательных воздействий родителей, что выражается в чередовании психологического принятия и эмоционального отвержения подростка [3, 61].

В целом, стоит отметить, что в большинстве исследований семейного воспитания его изучение и определение однополярно, осуществляется с учетом только одной стороны — родителей, и описывается в виде их воспитательных действий (воздействий) по отношению к ребенку. При таком подходе

ребенок как бы исключается из воспитательного процесса и всей семейной среды. Данная проблема поднималась Д. И. Фельдштейном, подчеркивающим, что «реально, фактически взрослые относятся к ребенку как объекту, на который направлены их воздействия, ведя речь все время именно о действиях по отношению к ребенку» [4, 526]. Однако сам ребенок есть неотъемлемая часть семейной среды и активный участник воспитательного процесса. Он также как и родители формирует, изменяет, дополняет и развивает внутрисемейные взаимоотношения, а значит, является соучастником собственного развития.

С этой точки зрения нам ближе развиваемый сегодня психологической наукой субъектный подход. В рамках этого подхода при определении и изучении семейной воспитательной среды подчеркивается особая взаимосвязанность позиций родителей и ребенка. Не только родители влияют на подростка, но и сам подросток влияет на родителей и, тем самым, создает условия для своего собственного развития. Как отмечал А. В. Брушлинский, «... По мере взросления в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответственно больший удельный вес принадлежит внутренним условиям, через которые всегда только и действуют внешние причины, влияния и т. д.» [5, 71].

В связи с этим, для понимания роли семьи в развитии ребенка важно понять субъективное внутреннее отношение ребенка к отдельным аспектам его взаимоотношений с родителями. И в первую очередь понять отношение к воспитательным воздействиям, так как чаще всего через различные формы воспитания родители пытаются оказывать влияние на ребенка, изменять его личность и поведение.

Нами было проведено исследование подростков с разным уровнем агрессивности, направленное на выявление у них преобладающего субъективного отношения к воспитательным воздействиям со стороны родителей. Исследование показало, что подростки по-разному интерпретируют родительские воздействия. Так, наказания со стороны отца большинством подростков воспринимаются как проявление дисциплинарных требований (хотя в некоторых случаях как жестокость), а любые наказания со стороны матери — как следствие непонимания ею своего ребенка. Такие формы воздействий как принуждение и материальные наказания также оцениваются подростками как результат родительского непонимания, а вот запретительные действия и физические наказания воспринимаются как проявления мести со стороны

родителей. Таким образом, отдельные родительские действия неодинаково переживаются подростками, а значит, оказывают разное влияние на развивающуюся личность, вызывая часто непонятные взрослым ответные реакции в поведении подростков. Ведь на одно и то же поведение родителей ребенок может реагировать разными способами, с учетом своего понимания (интерпретации) ситуации.

Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что преобладающее у подростков субъективное, внутреннее отношение к родительским воспитательным действиям, в частности, отношение к наказаниям, изменяется с уровнем агрессивности подростков. Для высокоагрессивных подростков характерно преобладание отрицательного отношения к воспитательной практике родителей: наказания рассматриваются ими как жестокость (17,1 %), проявление родительской силы (9,8 %) и мести (7,3 %). Подобная негативная оценка высокоагрессивным подростком воспитательных действий родителей принимает тотальный характер, распространяясь как на отдельные воспитательные приемы, так и на родительское отношение в целом. Вследствие этого, даже отдельные позитивные, ненасильственные действия взрослых в отношениях с подростком не достигают желаемых результатов. Подросток, привыкший к обвинительной, директивной тактике родителей будет демонстрировать невосприимчивость к их ситуативным положительным воздействиям, в результате чего становятся возможными вспышки агрессивных подростковых реакций и, как следствие, возвращение родителей к прежним жестоким формам воспитания.

У подростков с низким уровнем агрессивности на фоне негативной интерпретации родительских наказаний (жестокость — 14,3 %, сила — 9,5 %, месть — 4,8 %) наблюдается положительное оценивание жестких наказывающих действий родителей. Используемые родителями подавляющие, запретительно-принудительные формы воспитания подростки с низким уровнем агрессивности интерпретируют как проявления родительской любви (21,4 %). Тогда как этот показатель у высокоагрессивных подростков был в значении 7,3 %. Можно предположить, что подобный характер внутреннего, субъективного отношения подростков с низким уровнем агрессивности является следствием демонстрируемого ими высокого уровня социальной желательности и невозможности (нежелания) противостоять родителям. Отрицая социально неодобряемую и потенциально тревожную информацию о жестокости родителей,

подросток выстраивает барьер психологической защиты, поддерживая в своих представлениях иллюзию социального благополучия. В той связи, внутренние, субъективные отношения подростков к родительской воспитательной практике можно рассматривать как защитные механизмы, сформировавшиеся в условиях жестких воспитательных форм и помогающие подросткам с разным уровнем агрессивности адаптироваться к воспитательным действиям родителей.

Характер внутреннего субъективного отношения подростков к воспитательному процессу в семье играет ведущую роль в развитии и поддержании агрессивного поведения в подростковом возрасте. Известно, что жестокость родительского воздействия оказывает разрушающее влияние на личность подростка, поддерживая ее агрессивность. В наших исследованиях получены доказательства того, что влияние жестокости родительского воздействия на агрессивное поведение подростков опосредуется фактором внутреннего отношения подростков к семейному воспитательному процессу.

Формируясь в условиях семейной среды под влиянием внутрисемейных взаимодействий родителя и ребенка, складывающееся внутреннее субъективное отношение ребенка в дальнейшем начинает опосредовать (усиливать или ослаблять) негативные воздействия на развивающуюся личность родительской воспитательной практики. Благоприятный фон внутрисемейных отношений, низкая конфликтность семейных взаимодействий родителей с ребенком поддерживает позитивные представления ребенка о семье и задает оправдательный характер оценки родительских действий. В этом случае отдельные даже крайне жесткие формы родительского воспитания будут восприниматься ребенком более позитивно. Такой позитивный контекст субъективного отношения способен снижать агрессивные проявления в подростковом возрасте.

И наоборот, конфликтность в отношениях ребенка с родителями стимулирует негативный взгляд подростка на процесс семейного воспитания, в том числе и на отдельные позитивные воспитательные действия родителей. Сформированное негативное отношение подростка к воспитательной родительской практике увеличивает подростковые агрессивные тенденции.

Также можно утверждать, что такой субъективный фактор как отношение подростка к родительскому воспитанию является прогностическим, позволяя объяснить существующие в обществе воспитательные традиции, преемственность в поколениях жестких

форм воспитательного воздействия. Для подростка с позитивным отношением к наказывающим воздействиям перенос наказывающего родительского опыта в собственную семью будет являться достаточно осознанным, и осуществляться из самых благих намерений по отношению к своему ребенку, т. к. будет существовать уверенность, что ребенок должен интерпретировать подобные воздействия таким же позитивным образом, как проявления родительской любви. В группе подростков, интерпретирующих родительские наказания как проявление любви, выражено стремление подростков в будущем наказывать собственных детей.

Подросток с негативным отношением к жестким родительским действиям не желает использовать подобные приемы в воспитании собственных детей (более 45 % таких подростков не хотели бы наказывать своих детей). Однако отсутствие другого воспитательного опыта приведет к неизбежному его обращению к насильственным формам воспитания.

Таким образом, понимание психологом внутреннего, субъективного отношения подростка к семейной воспитательной практике позволяет

прогнозировать поведение подростка в своей будущей семье, характер воспитания им собственных детей, что важно для проведения своевременных коррекционных мероприятий по предупреждению жестокости и насилия в семье и обществе.

Рассматриваемый субъективный фактор является значимой составляющей семейного воспитательного процесса и играет важную роль в развитии личности подростка. Характер внутреннего субъективного отношения подростков к семейной воспитательной практике является той промежуточной субъективной переменной, которая корректирует влияние жестких форм воспитания на проявления агрессивности в подростковом возрасте и закрепляет цикличность насилия и жестокости в обществе. Поэтому в профилактической или коррекционной работе психолога по предупреждению насилия в семье, работе с последствиями пережитого насилия, работе с агрессивными проявлениями подростка, работе с семьей необходимым является развитие семейных представлений ребенка и родителей, поддержание позитивного их отношения друг к другу.

Список литературы:

1. Раттер М. Помощь трудным детям. – М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, – 1999.
2. Смирнова Е. О., Быкова М. В. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения // Вопросы психологии. – 2000. – № 3. – с. 3–14.
3. Горьковая И. А. Влияние семьи на формирование делинквентности у подростков // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 2. – с. 57–64.
4. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. – М.: Моск. психол.-социал. ин-т; Флинта, – 1999.
5. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. – М.: Институт психологии РАН, – 1994.

Section 8. Regional studies and socio-economic geography

Секция 8. Регионоведение и социально-экономическая география

*Niemets Lyudmila Nikolaevna,
V.N. Karazin Kharkiv National University,
Doctor of geographical sciences, Professor,
Head of the Department of Social and Economic Geography*

*Segida Katerina Yurievna,
V.N. Karazin Kharkiv national university,
Department of Social and Economic Geography,
PhD of geographical sciences, associate professor
E-mail: kateryna_segida@bk.ru*

*Telebeneva Evgenia Yurievna,
V.N. Karazin Kharkiv national university, PhD student,
the Department of Social and Economic Geography
E-mail: telebenevae@mail.ru*

Regional settlement system as the basis of the territorial differentiation of socio-economic development (on the example of Kharkiv region, Ukraine)

Abstract: The article deals with the socio-economic development of districts of Kharkiv region as one of the main causes of the territorial distribution of the population. An index of population concentration was calculated, and three key districts of population distribution were highlighted. The main factors that influence on the spatial distribution of settlements were defined. Conclusions regarding the relevance of the issue and further research were done.

Keywords: population settlement, the index of concentration of population, population density.

The current state of the economy of Ukrainian regions is characterized by significant destruction of the main elements of the socio-economic potential. Inefficient use of natural resources, lack of adequate social policies, unstable formation conditions for scientific and technological development, underdevelopment and lack of European mechanisms, methods and organizational forms of territorial management, optimum utilization of labor potential led to the actual collapse of the productive forces, inability of rapid reproduction of their elements. Imperfect policy of using the economic potential of the regions of Ukraine not only contributes to the negative development of economic processes, but also acts as an independent factor of deepening of socio-economic crisis. So, now there is need for a comprehensive study

of problems related to the influence of the economic potential and its use in the development of the economic system and its individual subsystems and components as the basis for improving the level and quality of life, building a democratic society.

Modern regional economy of Kharkiv region historically is a very powerful economic complex, which in its industrial and scientific-technical potential can be attributed to the largest in Ukraine. The territory of Kharkiv region takes 5.2 % of Ukraine, the number of residents is 6 % of the entire population of Ukraine, the region produces 5.8 % of GDP (on this indicator region yields only to Kyiv, Donetsk and Dnipropetrovsk regions) [1]. Industry of the region is represented by most industries available in the economy of Ukraine. The

relatively well-developed non-productive sphere, part of which is scientific and technical potential (research and design institutions, universities), financial institutions, trading companies, and others.

The region is capable of producing up to 7 % of gross industrial and agricultural production of Ukraine and has pronounced features of industrial development. Industrial output per capita was higher than average for the country. Well-developed manufacturing industries, especially engineering, production of cereals and industrial crops, waste, land transport modes — rail, road, pipeline. There is the air traffic between the cities of Ukraine and some other countries [4]. The largest employment of population in Kharkiv region is in service sector (trade, transport and communications, financial transactions, education, scientific research, tourism and other) reached 68.6 % [3, 5]. Significantly decreased the proportion of employment in the industrial sector — 21 % increase in agricultural — 10.4 %. The current structure of production GRP in Kharkiv region is almost identical to the general indicators in the country and the moderately countries.

So, among the regions of Ukraine, Kharkiv region remains one of the most developed, its economy covers the needs of the population of the region and do not need government subsidies substantial, but instead has a large share in the formation of the state budget. Accordingly, Kharkiv region is one of the leading regions of Ukraine. In the socio-economic development region played an important role in the economic, social and political life of the country and is characterized by considerable diversity of natural, economic, demographic, historical, geographical, geopolitical characteristics that have a significant impact on the nature and trends of socio-economic processes. In particular, in the region observes significantly different conditions and trends of socio-economic processes, due to the settlement system, which was formed over a long historical period [2]. Under the settlement, as a scientific category, understand the distribution of population in a particular area, which is characterized by differences in population density, and is the result of the formation of a network of settlements [6]. In administrative-territorial structure the region includes 27 districts (rural districts), 17 cities, including 7 of regional importance (regional authority) (Izium, Kupiansk, Lozova, Lyubotin, Per-vomajskyj, Kharkiv, Chuguyiv) and 10 of district importance, 61 urban villages, 1680 villages, 138 villages, 441 village council. Administrative center — the city of Kharkiv, founded in 1654 [5].

Kharkiv region is highly urbanized. The territorial distribution of the population of Kharkiv region shows that the urban population predominates in more densely populated districts, the population density increases towards the geographical and administrative center of the region. Peripheral districts have the lowest rate of population density, due to a considerable distance from the center of the region. The average population density of the Kharkiv region is 87 persons/km², higher than the nationwide rate; This is due to the presence of the major cities and town millionaire; without taking into account the urban population, the average density is 33 persons/km² which is lower than that of Ukraine.

Index of population concentration in the region is 63.6 %, which indicates a very uneven distribution of population on its territory of Kharkiv region. This confirms the fact that the region's population is concentrated mainly in the central districts and near Kharkiv in the suburbs. Calculations with the exception of cities shows that the figure is 27.3 %, which is uneven, but it approaches the uniform (uniform considered $IKN \leq 20\%$) [6].

The research of population settlement by tsen-trohafichny method showed that the concentration index in Kharkiv region distinguished three main centers of population distribution that are on or near the regional center — this is the city of Kharkiv with density — 4710 people/km², Lozivska District Council — 3748 people/km² and Chuguevaska City Council with density 2592 people/km². The analysis shows a large concentration of population in the area and not only in regional cities, but also in the neighboring districts. This is due to the concentration of population near major economic, industrial, social and cultural center, where there is a place for work and better living conditions for the majority of the population. This is where much of the population is concentrated. So the center of gravity of population in Kharkiv region is located in the regional center. Given the economic, industrial and cultural potential of the city, Kharkiv is not only an administrative center, but the center of gravity of the population [6].

On the spatial distribution of populated areas had a significant influence historical process of development in natural and geographical conditions of the region. The population is concentrated in the center of the region and near the regional center, which is the result of a number of reasons such as the availability of jobs, developed educational and scientific spheres, economic and social development of the territory, the operation developed cultural sector, including social

infrastructure necessary to provide services. These and other factors led to the attraction of population to the regional center and its suburban areas. The system of settlement in the region is monocentric and close to the arm-ring-type reference frame residence. Today can be roughly set this network of cities nearly formed agglomeration centered in Kharkiv. Corresponds to the settlement system and territorial structure of economic potential, resulting in very high spatial concentration of economic potential in Kharkiv. Against the backdrop of its total variance of grassroots administrative districts

(52.2 % of the economic potential is concentrated in the regional center [1]).

Thus, comprehensive studies of individual components of the socio-geographical process appropriate conduct in the context of three key levels of territorial organization: regions, cities of regional subordination, the regional center. Within each of these levels there is the greatest similarity, respectively, result clustering, comparison and analysis will be most reasonable to identify the main problems of socio-economic development and optimization of the settlement system of the region.

References:

1. Голіков А. П. Харківська область, регіональний розвиток: стан і перспективи: монографія/А. П. Голіков, Н. А. Казакова, М. В. Шуба/За ред. чл.-кор. НАН України, проф. В. С. Бакіров. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – 224 с.
2. Немець Л. М. Демографічний розвиток Харківського регіону: монографія/Л. М. Немець, К. Ю. Сегіда, К. А. Немець. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, – 2012. – 200 с. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/86>
3. Офіційний сайт Головного управління статистики в Харківській області [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://uprstat.kharkov.ukrtel.net>
4. Офіційний сайт Державної служби статистики України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua>
5. Офіційний сайт Харківської обласної державної адміністрації [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.kharkivoda.gov.ua>
6. Сегіда К. Ю. Розселення населення Харківської області: територіальний аспект/К. Ю. Сегіда//Збірник наукових праць «Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна: Геологія – Географія – Екологія». – Випуск № 1049. – Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, – 2013. – с. 165–170.

Section 9. Religious studies

Секция 9. Религиоведение

*Bohorod Anatolii Vladimirovych,
Borys Grinchenko Kyiv University,
Postgraduate of Philosophy Department,
E-mail: abc.boh@mail.ru*

Ritual dance in the system of common — slavic religious culture

Abstract: The problems of development of ritual dancing culture of slavs in the conditions of domination of different religious world outlook cults are considered.

Keywords: dance, ritual dance, dancing culture, dancing customs, dancing traditions, ritual, heathendom, Christianity.

*Богород Анатолий Владимирович,
Киевский университет имени Бориса Гринченка,
Аспирант кафедры философии,
E-mail: abc.boh@mail.ru*

Ритуальный танец в системе общеславянской религиозной культуры

Аннотация: Рассмотрены проблемы развития ритуальной танцевальной культуры славян в условиях господства различных религиозно-мировоззренческих культов.

Ключевые слова: пляска, ритуальный танец, танцевальная культура, танцевальные обычаи, танцевальные традиции, ритуал, язычество, христианство.

Танцевальная культура и танцевальные обычаи — неотъемлемая составляющая духовного наследия всякого, без исключения, племени и народа в независимости от религиозных предпочтений и верований, от политических и идеологических приоритетов и установок.

Нет народа без танцевального прошлого и настоящего. И, все же, необходимо констатировать тот факт, что, с течением времени, многие народы утратили свои древние танцевальные традиции и древнюю танцевальную культуру. Славяне, и в особенности украинцы, также потеряли большую часть своих танцевальных обычаев и традиций. Из всего многочисленного танцевального наследия украинцев, россиян и белорусов остались только некоторые древние ритуальные хоробы и отдельные разрозненные образцы “бытовых” танцев (для досуга и веселья). Но даже в этих останках не всегда просматриваются национальные черты [14].

Известно, что в далеком прошлом, особенно в дохристианский период и переходные века “двоеверия”,

большая часть народных праздников естественно сопровождалась танцами и подтанцовками: колядовскими (колядничскими) ритуальными плясками, пасхальными, троицкими (весенними), купальскими, петровскими, зажинковыми, обжинковыми хоробами и прочим многочисленным массивом танцевально-игровой культуры взрослых и детей, известных современной науке как ритуальные (обрядовые), сакральные (священные), религиозные и магические танцы.

Цель исследования — проанализировать ритуальные танцы славян, как важный и существенный фактор общеславянской дансологической культуры, его исторические и религиозные особенности.

Для достижения этой цели необходимо:

- собрать разрозненные исторические упоминания о ритуальной танцевальной культуре славянских народов до и после крещения Руси;
- проследить взаимосвязь дансологических традиций славян с религиозными культами,

бытовавшими на протяжении всех историко-религиозных периодов: язычества, христианства и атеизма;

- определить место ритуального танца в современной дансологической культуре славянских народов.

Ритуальной дансологией славян на протяжении двух последних веков интересовались только отдельные представители отечественной науки: в России — А. Афанасьев, К. Голейзовский, Б. Рыбаков, Н. Бачинская, Т. Шкурко, Г. Адамович, А. Толмачев; в Украине — К. Василенко, О. Мерлянова, О. Видул, О. Гуцуляк, К. Киндер, О. Бойко и др.

По подсчетам А. Ермолова у восточнославянских народов было от 120 до 150 праздничных дней [7, 84–85]. Неотъемлемой частью народных и религиозных праздников были танцы, которые сформировались и стали традиционными еще в дохристианские времена. Танцами русичи угождали древним языческим богам и своим покойным предкам, пляски и хороводы использовали для магического (колдовского) влияния на окружающую природу и “мифологических” существ, в танцах находили себе пару по нраву (норову), т. е., темпераменту, в танцах “выливали” состояние своей души, настроение: веселость, радость, изящество и удаль [2, 7]. По убеждению родоначальника украинской этнодансологии В. Костива (Верховинца), “в [ритуальных] танцах, также, есть своя весна, лето, осень и зима” [2, 7].

Следовательно, большая часть знаменательных общественных и семейных праздников сопровождалась музыкой, танцами и танцевальным песнопением. Если учесть, что большинство этих праздников в дохристианские времена были неразрывно связаны с религиозным (языческим) мировоззрением славян, то естественно и безусловно, многие славянские традиционные танцы были ритуальными. Но, после трансформации праздничного языческого календаря и языческих религиозных культов в синкретические или в народно-христианские, танцы продолжили свое существование чаще как “бытовые” — как танцы для веселья, инициации и поиска пары.

Враждебное отношение христианских священников и церковно-государственной власти к танцевальной языческой культуре и танцевальной деятельности общества вообще [13], сказалось на постепенный упадок языческой танцевальной ритуалистики и деградацию танцевальных традиций славянских народов. Древние христианские летописи и поучения христианских монахов строго осуждают русичей-христиан,

танцующих на традиционных языческих ритуальных праздниках” [15, 114]. В мировоззренческом аспекте это осуждение призвано безапелляционно “ликвидировать” танцевальную культуру славянского народа полностью и безвозвратно, ибо в редакциях древних летописей нет ни единого упоминания о танце, как о благословенном и полезном деянии, как о возвышенном богоугодном искусстве.

Народ, формально принимающий христианство, еще несколько веков подряд сохранял и поддерживал танцевальные традиции своих языческих предков. На это в своем Послании князю Константину Острожскому (1599–1600) раздраженно указывает украинский монах-аскет И. Вишенский, призывая православных христиан окончательно и безвозвратно “уничтожить” и “прогнать” все “бесовские” праздники и забавы”, называя их оскорбительными словосочетаниями: “дьявольские коляды”, “дьявольская ругань”, “офира сатане”, “квас поганьский”, “дьявольское позорище”, “[сатанинские] прелести” [3].

Послание И. Вишенского нельзя считать исключением из правил, ибо еще почти тысячелетие до написания этого ортодоксального “Послания” два известные и авторитетные Вселенские соборы христианской Церкви Лаодикийский (в 343 г. н. э.) и Трульский (в 680–692 г. н. э.) основательно определили свое враждебное отношение к танцевальным ритуалам вообще [10].

Христианское усмирение плоти и, почти ежедневная грусть по мученикам, постепенно усмирили прежний веселый характер древнеславянского святочного годового и семейного календаря. Славянская духовность, сформированная на протяжении многих тысячелетий, стала уступать христианской духовности и религиозным канонам. Но полностью искоренить давнее языческое мировоззрение славян христианству все же не удалось.

Что же касается танца и танцевальной ритуалистики, то его бескомпромиссно и систематически искореняли из всех народно-религиозных праздников и ритуалов новой религии “греческого обряда” [9], как проявление “бесовства”, “дьяволизма” и “сатанинства”. Согласно записям в дневнике, сделанным путешественником-иностранцем Адамом Олеарием, московский “патриарх..., велел разбить все инструменты кабацких музыкантов, какие оказались на улицах, затем запретил русским вообще инструментальную музыку, велел забрать инструменты в домах, и однажды пять телег, полных ими, были отправлены за Москву-реку и там сожжены” [13].

Подобное происходило и в Украине, но с некоторыми особенностями. Подобная практика была обычной вплоть до XX в. [16].

Исследователи XX в. придерживаются различных мнений по поводу влияния христианской церкви на развитие танцевальной культуры и традиций славян. Так украинский этнодансолог К. Василенко убежден, что “влияние от церковного “содружества” и “сосуществования” на музыку, поэзию и танец, был незначительным [1, 9]. В противовес этому убеждению русский балетолог К. Голейзовский утверждал, что русская народная плясовая культура стала только лучше и получила некую пользу от “жестокых” и “беспощадных” христианских гонений [5, 7]. Каковы же на самом деле результаты таких исторических и религиозных процессов — это еще одно из направлений религиоведческих исследований наряду с поиском глубинных мифо-идеологических корней антидансологической философии и противотанцевального мировоззрения христианства и прочих авраамических религий.

Некоторые современные исследователи (В. Волчукова, Т. Акиндинова, А. Амашукели), протестантские теологи и проповедники (В. Бюне, А. Коломийцев, В. Юнак) все же пытаются найти компромисс в отношениях христианской религии и танцевальной культуры. В. Волчукова исследовала то время, когда танец входил в ритуалы христианской церкви [4]. Но со временем танец исчезает из христианских церковных ритуалов и навсегда теряет свое культово-религиозное значение. Традиционные христианские направления до сих пор не изменили своего крайне критического и крайне враждебного отношения к танцевальной культуре в целом и болезненно воспринимают любые попытки использовать танец и танцевальных движения в пределах религиозных сооружений или во время христианских богослужений.

Если Ян Ласицкий еще в 1592 году в “De Russo-gum...” описывал танец в христианской церкви, который заводил сам священник после обряда церковного венчания [8, 14–15], то уже в 1819 году З. Доленга-Ходаковский призывал исследователей “поспешить под крышу крестьянина, где... в танцах простых людей просматриваются имена старых Богов” [17].

В 1780 г. “ритуальный” танец в христианской церкви в подробностях записал Адам Олеарий. Уже сегодня исполнение танцев или танцевальных движений в исконных (ортодоксальных) православных и католических церквях воспринимается как “кошунство” и “насмешки дьявола [11].

Исчезая из религиозной жизни во времена распространения, становления и господства ортодоксального христианства, древнеславянские (в особенности, древнеукраинские) ритуальные танцы в деритуализованном виде появляются в танцевальных обычаях свободных казаков Запорожской Сечи, ибо Хортица была местом, куда сходились представители почти всех украинских земель и каждый приносил с собой танцевальную культуру и танцевальные образцы своей местности. Согласно мнения В. Купленника “[танец] “козак” вобрал в себя основные движения предыдущих танцев” [12]. Какие именно танцы стали почвой для формирования новых козацких танцев, у современных дансологов нет ответа. Вероятно, это уже были танцы утратившие всякое религиозное значение, но содержавшие этнокинетический “арсенал” традиционной танцевальной ритуалистики русичей (праукраинцев). Так, к примеру, тяжелые притопы в танцах “козак” и “гопак” — это сродни “магическим” движениям, способствовавшим в языческой ритуальной традиции пробуждению земли весной от зимнего “сна” [18, 46]. А на Сечи их исполняли не по назначению — обычно, ввремя козацкого досуга или после победных походов. Но ритуально-тризновое (погребальное) значение, кстати, долгое время сохраняли танцы, исполняемые иногда старыми козаками во время обряда “прощания с миром” и безвозвратным уходом в монастырь “спасаться”. Этот ритуал спасения поэтически описали украинские писатели XIX ст. Т. Шевченко (“Монах”), П. Кулиш (“Черная Рада”).

Уже в конце XIX – в начале XX века почти все исследователи отмечали, что во многих местностях Украины, Беларуси и России исчезли древние дохристианские народные праздники Купало, Коляда и др., постоянно преследуемые церковно-государственной властью. А с ними забывались народные, в особенно ритуализованные танцы украинцев, белорусов и россиян.

Сегодня молодежь исполняет “украинские” танцы только на сцене, но почти все эти танцы, обычно, плод фантазии и творчества профессиональных или полупрофессиональных балетмейстеров и танцоров-любителей. В науке их до сих пор продолжают ошибочно называть “народными” или “народно-сценическими”, не смотря на то, что ни один из этих танцев не существовал и не исполнялся в естественной среде: на народных праздниках и гуляниях.

Современные многолюдные хороводы зимой возле новогодних елок, весной на христианскую Пасху и летом на Ивана Купала ничего общего с танцевальными ритуалами далеких предков не имеют и

представляют, чаще всего, “плохую пародию” на языческие ритуалы Древней Руси [6].

Вывод. Сознательное возрождение славянских народов должно происходить, прежде всего, вместе

с основательной и объективной переоценкой и полной реабилитацией всего лучшего из духовного наследия прошлого, включая этнотанцевальную культуру и древнее родовое славянское мировоззрение.

Список литературы:

1. Василенко К. Український танець/К. Василенко: Підручник. – К., – 1997. – 282 с.
2. Верховинець В. Теорія українського народного танцю/В. Верховинець. – К.: Музична Україна, – 1990. – 150 с.
3. Вишенский И. Сочинения/И. Вишенский. – М.; Ленинград, – 1955. – 374 с.
4. Волчукова В. Проблеми розвитку і роль ритуального танцю у ранньохристиянській культурі: Автореф. дис... канд. мистецтвознав.: 17.00.01/В. Волчукова; Харк. держ. акад. культури. – Х., – 2002. – 19 с.
5. Голейзовский К. Образы русской народной хореографии/К. Голейзовский. – М.: Искусство, – 1964. – 368 с.
6. Грушевський М. Історія української літератури/М. Грушевський: В 6 т., 9 кн. – К.: Либідь, – 1993. – Т. 1. – 392 с.
7. Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах/А. Ермолов. – СПб., – 1905. – Т. 2. Всенародная агрономия.
8. Здоровега Н. Нариси народної весільної обрядовості на Україні/Н. Здоровега. – К.: Наукова думка, – 1974. – 159 с.
9. Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. – М., – 1995.
10. Карташев А. Вселенские соборы/А. Карташев. – М., – 1963. – 359 с.
11. Кирилл, патриарх. Дьявол посмеялся над нами [Видео]. – Режим доступа: <http://youtu.be/Uamcr-E4RS4> (Название с экрана).
12. Купленник В. Нариси до історії українського народного танцю/В. Купленник. – К., – 1997. – 63 с.
13. Олеарий А. Описание путешествия в Московию/А. Олеарий. – М.: Русич. – 2003.
14. Петроченко Н. Народный танец в современных условиях: к вопросу о понятии и методологии исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/91> (Название с экрана).
15. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 года/Перевод.: Д. Лихачева, О. Творогова. – СПб.: Вита Нова, – 2012. – 512 с.
16. Свидницький А. Великдень у подолях//Свидницький А. Твори. – К.: Наукова думка, – 1985. – 574 с.
17. Українські народні пісні у записах Зоріана Доленго-Ходаковського. – К., – 1974.
18. Холопова В. Музыка как вид искусства/В. Холопова. – М.: Печатник – 1990. – Ч. 1. – 140 с.

Section 10. Sociology

Секция 10. Социология

*Berkuntsova Svetlana Aleksandrovna,
Volgograd State University, student Institute of law
E-mail: svetlanablik@mail.ru*

The radio audience as a sociological category: deepening concepts, basic characteristics, typology

Abstract: Describes the attempts of understanding the notion audience of Western and Russian sociologists. Presents the main characteristics of the radio audience, considered several typologies of this notion.

Keywords: radio audience.

*Беркунцова Светлана Александровна,
Волгоградский Государственный Университет, студент, Институт права
E-mail: svetlanablik@mail.ru*

Радиоаудитория как социологическая категория: углубление понятия, основные характеристики, типологии

Аннотация: Описаны попытки осмысления понятия аудитория западными и отечественными социологами. Представлены основные характеристики радиоаудитории, рассмотрено несколько типологий данного понятия.

Ключевые слова: радиоаудитория.

Попытки осмысления понятия «аудитория» предпринимались теоретиками западной социологической мысли еще в начале XX века. К примеру, Г. Блумер определил «аудиторию» «... как новую форму коллективности, возникшую благодаря изменениям в экономической сфере общества и развития СМИ» [1, 90–98]. Понятие «аудитории» Г. Блумер сопоставил с понятием «массы», в результате чего он дифференцировал между собой аудиторию, социальную группу, толпу и публику. Аудиторию трактовал, как большую дисперсную совокупность людей, между которыми нет личностных взаимодействий (отношений), и, которая может постоянно изменять свой состав [2]. «Примерно таких же взглядов придерживались представители Франкфуртской школы: М. Горкгаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, которые считали, что аудитория — это безличностная масса, которой манипулируют СМИ, навязывая им стереотипные мысли и взгляды» [1, 92–95]. Помимо этого подхода, аудитория может быть представлена как потребитель информации, услуг и товаров, более того, аудитория сама может быть рассмотрена в качестве товара, за об-

ладание которым борются все СМИ. И, наконец, аудиторию можно видеть в качестве партнера по коммуникации, участника формирования информационного поля. В зависимости от выбранного угла рассмотрения, подбираются методики ее изучения. Составители российской социологической энциклопедии, определяют аудиторию как «устойчивую совокупность людей, возникающую на основе общности их информационных интересов и потребностей (вытекающих из их социальной принадлежности), а также форм, способов и каналов удовлетворения этих потребностей» [3, 324]. Аудитория, согласно известному советскому и российскому социологу Г. В. Осипову является «одним из важнейших структурных элементов духовного общения людей наряду с источником и содержанием информации» [3, 324]. Сущность аудитории, согласно Осипову, заключается в том, что она отражает взаимосвязи людей между собой, с обществом в целом в процессе общения [3, 325]. Исследователи массовой коммуникации И. В. Гостенина и А. Г. Киселев, считают, что «величина аудитории – является показателем социальной значимости и масштабов влияния определенного

источника информации, завоевание все более широкой аудитории для источников информации представляет один из важных практических результатов информационно-пропагандистской деятельности государства, различных общественных организаций и объединений граждан» [4, 376].

В современном обществе тяжело найти человека, который не был бы знаком с масс-медийными плодами западной цивилизации, соответственно, все слои и группы населения выступает аудиторией потребления масс-медиа. Структурными элементами всеобщей аудитории масс-медиа, являются аудитория прессы, аудитория телевидения, аудитория Интернета, аудитория радио. Радиоаудитория, является составной частью общей аудитории потребителей, обладает собственными, только ей присущими характеристиками. Правительственная комиссия по телерадиовещанию, дала следующее определение аудитории радио: «радиоаудитория — это абсолютное значение (в тысячах человек) целевой группы, слушавших радиостанцию» [5, 41]. Аудитория радио может быть типизирована как реальная/потенциальная, регулярная/нерегулярная, целевая/нецелевая, массовая/элитарная. Данная типизация имеет трехуровневую структуру: первый уровень распространяется на систему СМИ в целом, второй на конкретный источник масс-медиа, например, аудиторию радио, а третий уровень, касается аудитории конкретной радиостанции. Потенциальной аудиторией радиостанций является все общество, то есть все слушатели, находящиеся в зоне охвата радиовещания. Реальной аудиторией является часть потенциальной аудитории, которая ориентирована на прослушивание радио и регулярно совершает данные практики. Неаудиторией выступает разница между потенциальной аудиторией и реальной. Аудитория, которая регулярно, на протяжении длительного отрезка времени прослушивает радио, называется регулярной. Нерегулярная радиоаудитория, соответственно, совершает практики прослушивания радио редко, время от времени. Целевой аудиторией, называется часть общей аудитории радио, на которую воздействует источник информации, с конкретной целью, «донесения» информации до определенного адресата (молодежная, женская аудитория). Радиоаудитория которая обладает определенным набором культурных потребностей, отличающихся от массовых, называется элитарной. Институализированной аудиторией называется аудитория, где потребителями информации выступают не частные лица и не определенные сообщества, а государственные институты.

Современную радиоаудиторию можно сегментировать еще по ряду признаков: социально-демографическим (полу, возрасту, роду занятий, уровню образования, уровню доходов, семейному положению, социальному статусу); географическим (мировая, общероссийская, региональная, местная); месту прослушивания (дом, автомобиль/общественный транспорт, работа); профессиональным (должностное положение, содержание труда, уровень квалификации); психологическим (социальные установки, ценностные ориентации, информационные запросы, музыкальные предпочтения); величине (большая, меньшая, малая); устойчивости (статичная, динамичная), каналам потребления радио (эфирное радио, спутниковое телевидение, интернет), способам прослушивания (коллективное, индивидуальное) [6, 176]. Радиоаудитория, как мы видим, имеет сложную социальную природу и структуру. Во-первых, она является субъектом потребления информации, во-вторых, объектом получения информации, в-третьих, «творцом» информационного поля. Радиоаудитория меняется под воздействием информации и в тоже время меняет систему ее создающую, аудитория радио не является неподвижным конструктом, наоборот, она все время находится в динамике. Аудитория радио может быть фрагментирована по различным показателям, она имеет неоднородную структуру, сложный состав и характеризуется динамичностью. Нами рассмотрено несколько типологий дифференцирующих аудиторию радио по ряду признаков. Первая типология относится как к аудитории масс-медиа в общем, так и к аудитории радио в частности, рассмотренные понятия: реальность/потенциальность аудитории, регулярность/нерегулярность прослушивания, неаудитория, целевая аудитория, призваны определить количество и частоту прослушивания, направленность воздействия радиоинформации. Вторая типология, описывает социо-демографические, ценностно-ориентационные, психологические и другие характеристики радиоаудитории, она дает всеобъемлющее представление о сегментах слушателей, способах потребления радиоинформации, географических, гендерных особенностях радиоаудитории. Наблюдается двойной процесс: радиоаудитория меняется под воздействием радиоинформации, повышается/понижается ее культурный уровень, и в тоже время радиостанции формируют репертуар, ориентированный на вкусы и предпочтения своего слушателя, информационно/музыкальная система, таким образом, формирует сама себя.

Список литературы:

1. Агамян Е. Ю. Взаимодействие с аудиторией посредством интерактивных программ на социальные темы как один из способов повышения эффективности программирования радиостанции [Текст]/Е. Ю. Агамян//Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки, – 2009. – Том 9, выпуск 4. – с. 90–98.
2. Массовые и групповые общности [Электронный ресурс]//Режим доступа. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Novik/16.php (Дата обращения: 20.04.2014). – Заглавие с экрана.
3. Российская социологическая энциклопедия. [Текст]/под общей ред. академика РАН Г. В. Осипова. – Москва: НОРМА-ИНФРА-М, – 1998. – с. 324.
4. Зарва М. В. Слово в эфире: О языке и стиле радиопередач: Произношение в радио – и телевизионной речи. – 2 изд. [Текст]/М. В. Зарва. – Москва: Наука, – 1991. – 376 с.
5. Ермолаева О. Я., Шариков А. В., Петрулевич С. А. и др. Единый словарь терминов, определений, показателей и параметров радио аудитории. [Текст]/О. Я. Ермолаева, А. В. Шариков [и др.] – Москва: НП «Медиа комитет» при поддержке Роспечати РФ, – 2012. – с. 41.
6. Агамян Е. Ю. Изучение и привлечение радиоаудитории посредством интерактивного взаимодействия [Текст]/Е. Ю. Агамян//Вестник Костромского Гос. Университета. – 2010. – № 1. – с. 176.

*Yakovleva Tatiana Nikolaevna,
Astrakhan State University, assistant professor of sociology, sociological sciences
E-mail: markus2000@bk.ru*

*Mironova Yulia Germanovna,
Astrakhan State University, Department of Sociology,
Associate Professor, sociological sciences
E-mail: lysjakova@mail.ru*

Features manifestations of interethnic tolerance among students of multicultural region

Abstract: This article discusses the features of the manifestation of inter-ethnic tolerance among students of different nationalities enrolled in the territory of a multicultural region. The article presents an analysis of the author's case study.

Keywords: tolerance, inter-ethnic relations, multicultural region.

*Яковлева Татьяна Николаевна,
Астраханский государственный университет,
доцент кафедры социологии, к. с. н.
E-mail: markus2000@bk.ru*

*Миронова Юлия Германовна,
Астраханский государственный университет,
кафедра социологии, доцент, к. с. н.
E-mail: lysjakova@mail.ru*

Особенности проявления межэтнической толерантности в студенческой среде мультикультурного региона

Аннотация: В статье рассматриваются особенности проявления межэтнической толерантности среди студентов разных национальностей, обучающихся на территории мультикультурного региона. В статье представлен анализ авторского социологического исследования.

Ключевые слова: толерантность, межэтнические отношения, мультикультурный регион.

В современном мире, характеризующемся многонациональностью больших групп населения и изменениями социальной структуры, нередко наблюдается настороженность в отношении представителей этнических меньшинств

или иммигрантов перерастает в нетерпимость, которая проявляется не только на бытовом уровне, но и на уровне общественных институтов. Данная проблема является весьма актуальной для России в целом и для Астраханской области в частности, где проживает более двадцати крупных этнических групп относящихся к различным конфессиям. Астраханская область не считается проблемной зоной в плане этнической напряженности, но вопросы миграционной политики, взаимоотношений власти и коренных жителей с иммигрантами, проблемы межкультурной коммуникации в студенческой среде, в частности, связанные с адаптацией студентов из таких регионов России, как Чечня и Дагестан, ближнего и дальнего зарубежья, остро встают на повестке дня.

С целью изучения уровня межэтнической толерантности и степени ее проявления среди студентов Астраханского государственного университета было проведено социологическое исследование. Все респонденты были поделены на две группы: экспериментальную, в которую вошли — студенты русской национальности, и контрольную, в которую вошли студенты, представляющие другие этнические группы и национальности. Всего в опросе приняли участие 400 человек по 200 в каждой группе. Целью исследования было определить степень толерантности русских студентов, их отношение к представителям других национальностей и народностей, их отношение к проживанию в мультикультурной среде; определить уровень толерантности студентов разных национальностей, их восприятие своей идентичности, комфортность проживания в мультикультурном регионе.

В качестве инструментария были разработаны две разные анкеты, которые позволили не только получить интересные данные, но и сопоставить особенности проявления межэтнической толерантности студентов титульного населения и студентов представителей других этносов.

Первый блок вопросов в контрольной группе студентов представителей титульного населения был нацелен на получение базовых сведений об отношении респондентов к многокультурности и многонациональности России. Опрошенные респонденты по — разному относятся к тому, что Россия многонациональная и многокультурная страна. Большинство опрошенных респондентов (65 %) считает, что в этом есть и польза и вред одновременно. Часть студентов (22 %) признают в этом пользу, однако есть и такие (7 %), кто считает, что многонациональный состав приносит только вред.

Радикально настроенных студентов среди опрошенных меньшинство. Поддерживают лозунг «Россия для русских» только 10 % опрошенных, а большинство (72 %) не поддерживает или осуждает тех, кто его провозглашает. Настораживает другое, почти 8 % опрошенных не определились со своей позицией, а значить они могут примкнуть к деструктивным экстремистским группам.

Результаты нашего исследования подтвердили многонациональный состав Астраханского региона. Несмотря на то, что все опрошенные в контрольной группе студенты представители коренного населения, однако они отметили что в состав проживающих по соседству входят: татары, дагестанцы, казахи, азербайджанцы.

Проживание на одной территории сближает народы, создаёт условия для их тесного общения, проникновения культур. Не случайно респонденты на первые места поставили, как результат совместного проживания — обогащение культур (40 %), кулинарного мастерства (36 %), истории (16 %), приобретение нового знания в области семейных отношений (14 %).

Оценивая влияние соседства с представителями разных национальностей, респонденты ответили, что «многое переняли у них». Значительная часть опрошенных отмечают культуру (40 %), что может свидетельствовать о позитивных оценках влияния другой культуры на собственную. Такое отношение говорит о том, что значительная часть опрошенных студентов-жителей города достаточно хорошо адаптирована к иной культуре, оставаясь самостоятельным субъектом межэтнического взаимодействия, с уважением относясь к чужой этнической (культурной) принадлежности.

Однако не все русские респонденты проявляют интерес к особенностям людей другой национальности, их культуре и обычаям. Так, большинство опрошенных (67 %) мало знакомы с особенностями других этносов, треть опрошенных (31 %) не знакомы с обычаями, обрядами, традициями и своего народа, и только 16 % отметили, что знакомы с культурой других народов.

Скептически респонденты оценивают вклад представителей национальных меньшинств в развитие российской культуры и науки. Часть студентов (18 %) считают, что значение этого вклада сильно преувеличено, пятая часть опрошенных (26 %) относится к данной проблеме безразлично, чуть меньше половины респондентов (42 %) не имеют определенного

мнения по этому вопросу и только 14% считают, что представителями национальных меньшинств действительно внесен большой вклад в развитие российской науки и культуры.

Проявление толерантности, безусловно, проявляется в межличностных отношениях с представителями других этнических групп в учебных группах, в общежитии, на совместных мероприятиях и т. д. Поэтому нас интересовало, как русские студенты

воспринимают постоянное общение в мультикультурной среде и готовы ли к нему.

Как видно из рис. 1 толерантным такое отношение не назовешь, его отмечают только 38%, а 26% респондентов толерантны до поры до времени — пока это не затрагивает их интересов, 23% — толерантность проявляют избирательно, а 15% опрошенных высказали различное мнение — от безразличного до недовольных теми «кто понаехал».

Как Вы относитесь к представителям других национальностей?

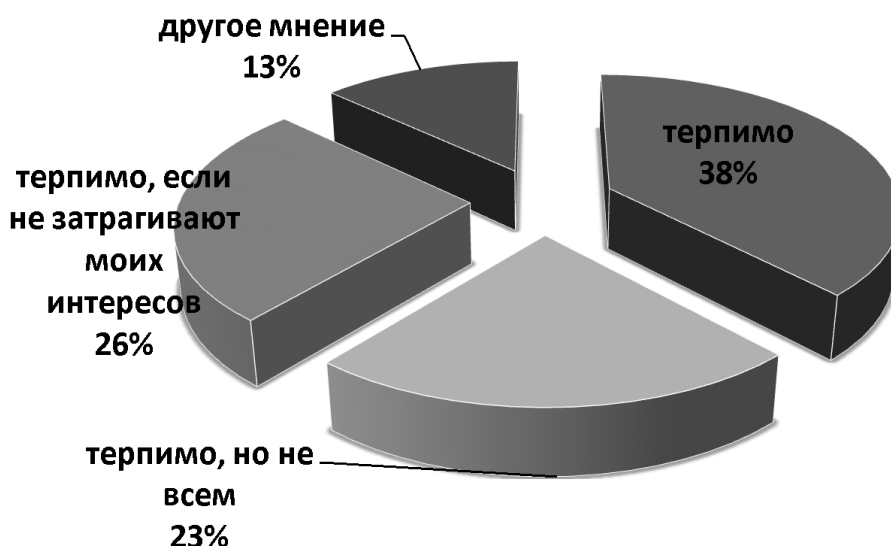

Рис. 1. Отношение студентов к представителям других национальностей

Формирование личностных национальных установок безусловно начинается в семье. Результаты контрольной группы показали, что значительная часть респондентов оценивает отношение к другим национальностям в своей семье как «скорее благоприятное» (45%); «нечто среднее» — указали 17% опрошенных; «благоприятное» — 35% и только у незначительной части студентов (3%) в семье относятся к другим национальностям и народам негативно.

Определяя факторы, оказавшие существенное влияние на формирование личностных толерантных установок по отношению к представителям других национальностей и этносов, студенты указали на следующие: 1) семья (54%), 2) политика (24%), 3) сложившиеся стереотипы (35%). Причем большинство представителей других этнических групп (75%) отметили сильное влияние семьи, в то время как среди русских студентов — только 38% респондентов.

Опрашивая студентов в экспериментальной группе (а все они проживают на территории Астраханской области), мы предполагали, что у них имеет опыт общения с представителями других этносов.

Респонденты проживают по-соседству с представителями других национальностей (72%); учились в школе (68%), имеют друзей (43%), имеют родственников, находящихся смешанных браках (18%). Отмечая особенности общения с представителями других национальностей в прошлом, студенты отмечают доброжелательный характер (71%), нейтральный (28%), и только у 1,1% опрошенных отношения в прошлом носили конфликтных и недоброжелательный характер.

Поэтому позитивный опыт в прошлом оказал влияние на межэтнические отношения в студенческой среде и по результатам опроса большая часть респондентов (75,6%) демонстрирует позицию межэтнической толерантности, нейтральную позицию занимают 22,2% и «национальную изолированность» демонстрируют всего 2,2% опрошенных.

Наибольшее раздражение вызывают у русских — студенты различных этнических групп с Северного Кавказа («кавказцы») — это мнение высказали — 64%. Что конкретно раздражает русских студентов показано на рис. 2

Мнение русских студентов о том, что их раздражает в представителях других национальностей

Рис. 2. Распределение раздражающих факторов

Русские студенты высоко оценивают свою собственную национальность и гордятся ей (75%), однако есть и такие, для кого национальность роли не играет (8%), довольно часто испытывают стыд из-за своей принадлежности к русской национальности (4%), а 6% предпочли бы родиться человеком другой национальности.

Проживание в мультикультурном регионе в тесной близости с представителями других этносов ведет к появлению межэтнических браков. Русские студенты в этом вопросе оказались самыми толерантными. Для большинства опрошенных (54%) национальность супруга или супруги не имеет значения, но другая часть респондентов имеют противоположное мнение.

Казалось бы, постоянное общение со студентами других национальностей должно способствовать дружбе и толерантности, но опрос русских студентов показал, что так считают не все. На вопрос «Что вы испытываете при знакомстве с человеком другой национальности?» — только 32% отметили позитивные чувства (интерес, уважение), 46% — испытывают раздражение и недоверие (21% и 25%) и 22% — заняли нейтральную позицию в этом вопросе, а 10% респондентов своё отношение обязательно будут связывать с национальностью (т. е. какие то национальности им нравятся, а какие-то нет).

Культурно-массовые мероприятия, проводимые в Астраханском государственном университете сближают студентов, помогают расширить круг общения, знакомят с особенностями культуры разных национальностей, несут важный воспитательный социализирующий характер, позволяют улучшать межличностные отношения в мультикультурной среде.

Как показало исследование, фактор участия в совместных культурно-массовых мероприятиях со студентами других этносов и национальностей никак не влияет на характер общения. Анализ взаимосвязи между ответами на вопрос «Участвуете ли Вы в культурно-массовых мероприятиях?» и уровнем толерантности показал, что среди студентов, активно принимающих участие в данных мероприятиях, и редко принимающих участие уровень толерантности примерно одинаков (61,9% и 61,1%). Скорее можно говорить о том, что участие в данных мероприятиях, как и активный интерес к истории и культуре других народов (замеряемый другими вопросами) направлен на поддержание уровня толерантности, а основные установки закладываются в более ранний период (в семье, школе, круге близких друзей).

Вторая анкета была предложена контрольной группе студентов — представителям других этносов и национальностей (рис. 3).

Понятие толерантность большинство студентов (79,1%) понимают как — «терпимое отношение к другому образу жизни». Не у всех студентов, обучающихся в мультикультурном регионе, терпимое отношение к другим национальностям: 60% — терпимы к другим национальностям, 29% такую терпимость в себе не отмечают. Наиболее интолерантными показали себя студенты — казахи (5%), дагестанцы (7%) и азербайджанцы (4%).

Модальную группу студентов (60%) все устраивает во взаимоотношениях. Среди не устраивающих студентов сторон в их взаимоотношениях с товарищами по учебе равнозначными по наполненности и близкими по смыслу оказались ответы, указывающие на индивидуализм своих коллег, их заносчивость

и высокомерие (33 %) и то, что каждый сам за себя (33 %). К ним примыкают студенты, примерно один из десяти, указавшие на отсутствие общих интересов, отсутствие поддержки со стороны товарищей по учебе, конкуренцию в учебе. То есть, в целом

набирается еще 30 % студентов недовольных различными формами проявления индивидуализма в процессе межличностных взаимоотношений. Все это свидетельствует о достаточно высокой степени разобщенности студентов.

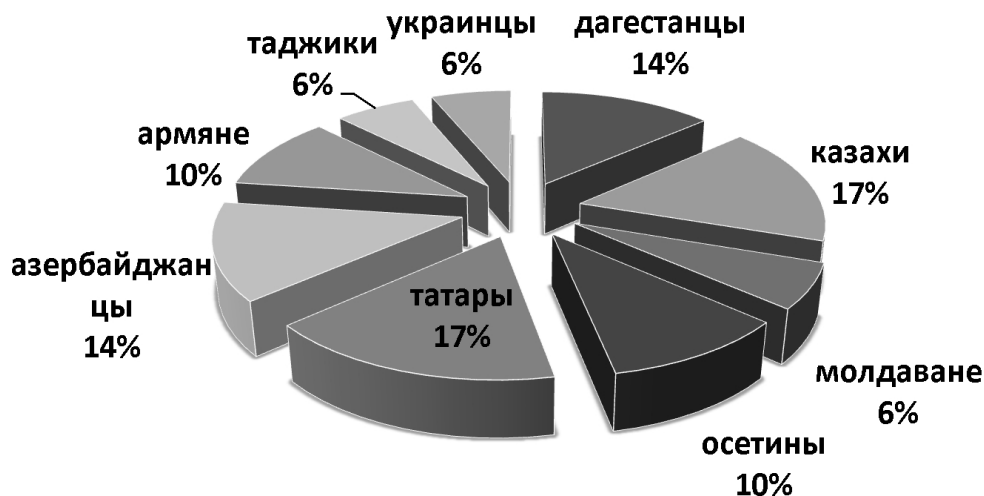

Рис. 3. Национальный состав контрольной группы

К числу наиболее укоренившихся в студенческой среде практик можно отнести использование мата в общении. Студенты — представители других национальностей, отметили использование мата среди русских студентов как одно из самых неприемлимых для их культуры явления. Только 5 % не знают, что это такое, явное большинство опрошенных (60 %) это раздражает, остальные относятся к данной практике либо терпимо (27 %), либо считают мат средством повышения эффективности общения (8 %).

Проведенный опрос выявил отношение студентов к практике обособления по национальной принадлежности. Во-первых, почти пятая часть опрошенных (19 %) ничего об этом явлении не знает,

во-вторых большинство (62 %) знает о данном явлении и относится к нему отрицательно. Однако есть и такие студенты, которые считают, что в обособлении нет ничего плохого (12 %), а некоторым (7 %) это даже помогает. Следует заметить, что поддерживают такую практику в основном дагестанцы (75 % от числа представителей этой национальности), таджики (63 %), осетины (55 %), азербайджанцы (41 %).

Уровень высокой напряженности в межнациональных отношениях характерен для современной России, поэтому нас интересовало как студенты разных национальностей поведут себя в условиях межнационального конфликта, примут ли участие в нем, какую позицию займут. Результаты отражены в табл.1.

Таблица 1. – Сравнение мнений студентов двух групп о возможном участии их в межнациональном конфликте

№	Национальность	Активное	Пассивное	Формальное	Затрудняюсь ответить
1	Русские-	25 %	15 %	6 %	4 %
	ИТОГО	50 %	20 %	25 %	5 %
2	Татары	5 %	3 %	8 %	2 %
3	Осетины	10 %	–	–	–
4	Молдаване	3 %	1 %	1 %	1 %
5	Казахи	2 %	10 %	2 %	3 %
6	Дагестанцы	14 %	–	–	–
7	Украинцы	2 %	–	1 %	3 %
8	Таджики	–	2 %	2 %	2 %
9	Армяне	4 %	1 %	1 %	4 %
10	Азербайджанцы	6 %	4 %	2 %	2 %
	ИТОГО	46 %	20 %	17 %	17 %

Как видно из таблицы — самыми активными будут представители «кавказских» народов — дагестанцы, осетины, азербайджанцы. Но что удивило — почти 70 % русских (активно-50 % и пассивно-20 %) станут участники конфликта на национальной почве. Самую выжидательную позицию займут — татары, казахи и таджики. Поэтому с уверенностью заявлять о сформировавшейся толерантности у опрошенных респондентов пока рано.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

– Степень толерантности русских студентов находится на среднем уровне – только 38 % опрошенных считают себя толерантными, а остальные 26 % и 23 % проявляют ее избирательно. Тем, не менее, толерантных студентов среди респондентов больше, о чем свидетельствуют данные приведённые в таблице 2.

– Большинство студентов (60 %) – представителей других национальностей проявляют толерантность. Относительно комфортности проживания в мульти-

культурной студенческой среде можно сделать следующие выводы: представители контрольной группы отмечают достаточно высокую степень разобщенности студентов, указывая на такие качества русских студентов как заносчивость и высокомерие (33 %), «каждый сам за себя» (33 %), и другие (30 %); раздражает использование мата в разговорной речи русских студентов (60 %); не поддерживают практику обособления студентов по национальной принадлежности (54 %).

– Можно предположить, что толерантные отношения поддерживаются в мультикультурной среде до определенного момента, в случае возникновения межнационального конфликта — 50 % русских студентов, 46 %- студентов-представителей других национальностей примут самое активное участие в таком конфликте, а остальные — пассивное (20 % и 20 %), формальное (25 % и 17 %). Данный факт свидетельствует о том, что представления и мнения студентов, как русских, так и других национальностей неустойчивы, и подвержены влиянию сложившихся стереотипов и различных политических сил.

Таблица 2. – Отношение русских студентов к представителям других национальностей

Толерантное	Интолерантное
65 % опрошенных читают что проживание в России представителей др. национальностей приносит пользу	67 % – мало знакомы с особенностями других этносов и 31 % – вообще не знакомы
72 % – против лозунга «Россия для русских»	Придают значение вкладу в развитие российской культуры и науки представителей национальных меньшинств только – 14 %
100 % согласны что совместное проживание обогащает народы	У 64 % опрошенных вызывают раздражение «кавказцы»
42 % семей формирует толерантное отношение к представителям других этносов; 30 % скорее благоприятное	46 % при знакомстве с человеком другой национальности испытывают раздражение (21 %) и недоверие (25 %)
Те же, кто участвует в совместных культурно-массовых мероприятиях со студентами др. национальностей – 61,9 % демонстрируют позицию открытости	52 % русских студентов (иногда или редко) участвуют в совместных культурно-массовых мероприятиях со студентами др. национальностей
67,1 % имели в школе доброжелательные отношения с представителями др. национальностей	
54 % студентов при вступлении в брак не придают значение национальности супруги (га)	

Section 11. Philology and linguistics

Секция 11. Филология и лингвистика

Dribniuk Vira Tarasivna,
Chernivtsi National University
E-mail: catgirlwit@gmail.com

English evaluative speech social, pragmatic and cognitive characteristics

Abstract: The article views social, pragmatic and cognitive peculiarities of English evaluative speech. Every given characteristic shows how unique the English are.

Keywords: evaluation, social characteristics, pragmatic characteristics, cognitive characteristics.

Дрибнюк Вера Тарасовна,
Черновицкий национальный университет
E-mail: catgirlwit@gmail.com

Социальные, прагматические и когнитивные характеристики оценочной речи англичан

Аннотация: Статья исследует социальные, прагматические и когнитивные особенности оценочной речи английского народа. Каждая данная характеристика показывает насколько уникальными есть англичане.

Ключевые слова: оценка, социальные характеристики, прагматические характеристики, когнитивные характеристики.

Язык — знак принадлежности его носителей к некоторому социуму. Каждое слово, предложение или текст, которые есть оценкой действительности, квалифицируют индивида как представителя некоторой социальной группы. Между жизнью общества и спецификой языка, которым это общество пользуется, есть очень тесная связь. Оценка как социальная категория обосновывается на таких понятиях как история, мораль, этика, психология и т. д. Как позитивные, так и негативные оценки вымогают некоторых ограничений относительно статуса коммуникантов. К социальным характеристикам оценочной речи англичан относят профессиональные, возрастные и другие особенности.

К примеру, в романе Грэма Грина «Комедианты» на корабле, который плывет на Гаити, возникает недо-
разумение.

I was almost as embarrassed as he was. On a cargo-steamer there are few passengers and it is uncomfortable to nourish a resentment. The steward with his hands folded said to him righteously, "There's really nothing I can do, sir. The cabin was reserved for this gentleman. For Mr. Brown."

Smith, Jones and Brown — the situation was improbable. I had a half-right to my drab name, but had he? I smiled at his predicament, but Jones's sense of humour, as I was to find, was of a simpler order. He looked at me with grave attention and said, "This is really your cabin, sir?"

"I have an idea it is" [7, 6].

В каюте, которую занимает мистер Браун, хочет жить мистер Джонс. Пассажиры решают недо-
разумение со сдержанностью, свойственной английским джентльменам.

Оценочная речь — это речевая деятельность, которая характеризуется некоторыми мотивами говорящего и оценочными стереотипами, принятыми в данном обществе. «Оценочная деятельность сознания — это деятельность прагматическая» [2, 13]. На реальный мир накладывается совокупность ценностей некоего человека, которая формирует его индивидуальную оценочную «картину мира», а также система ценностей социума, которые необязательно должны совпадать. Социальная оценка, как прагматическая категория, всегда обозначает оценку событий, суждений, теорий с точки зрения некоторых

социальных, классовых или партийных интересов. Прагматический анализ оценочной речи включает цель высказывания: выражение мотива говорящего в сообщении конкретной оценки и ожидании некоторой реакции на услышанное.

Нейтральная оценочная позиция говорящего — это информирование слушающего о некоем предмете обсуждения без позитивной или негативной оценки. Мотив — передать свое нейтральное отношение к событию, явлению или собеседнику. Желание говорящего включает выражение своей индифферентности, безразличия, незаинтересованности и т. п.

В романе «Механический апельсин» Энтони Берджесса главный персонаж Алекс — подросток-разбойник жалуется на свою плохую судьбу в тюрьме и клинике, где лечиться.

There was a lot of govorreeting and arguing then and I just stood there, brothers, like completely ignored by all these ignorant bratchnies, so I creeched out: "Me, me, me. How about me? Where do I come into all this? Am I just some animal or dog?" And that started them off govorreeting real loud and throwing slovos at me. So I creeched louder, still creeching: "Am I just to be like a clockwork orange?" I didn't know what made me use those slovos, brothers, which just came like without asking into my gulliver. And that shut all those vecks up for some reason for a minoota or two. Then one very thin starry professor type chelloveck stood up, his neck like all cables carrying like power from his gulliver to his plott, and he said: "You have no cause to grumble, boy. You made your choice and all this is a consequence of your choice. Whatever now ensues is what you yourself have chosen" [3, 99].

Алекс называет себя «механическим апельсином» (*a clockwork orange*). Нейтральная позиция профессора констатирует факт того, что это был собственный выбор юноши и теперь он пожинает плоды своих действий (*you made your choice and all this is a consequence of your choice*). Реакция профессора нейтральная: ему безразлично, поскольку за свои действия человек должен отвечать сам (*whatever now ensues is what you yourself have chosen*). В этой ситуации проявляет себя английское умение скрывать свои чувства (характерная сдержанность), а также сказывается профессиональный этикет: в деятельности врача нет места жалости.

Негативная оценочная позиция говорящего — оповещение слушающего о некотором предмете обсуждения с негативной оценкой. Мотив — выразить свое негативное отношение к явлению или собеседнику. Желание говорящего содержит ненависть, неуважение, сарказм, возражение, отказ и т. п.

Роман Джона Фаулза «Коллекционер» рассказывает о желании Фредерика наладить отношения с девушкой, которую он украл, и мечтах Миранды вновь обрести свободу.

"It's despair at the lack of feeling, of love, of reason in the world. It's despair that anyone can even contemplate the idea of dropping a bomb or ordering that it should be dropped. It's despair that so few of us care. It's despair that there's so much brutality and callousness in the world. It's despair that perfectly normal young men can be made vicious and evil because they've won a lot of money. And then do what you've done to me."

"I thought you'd get on to that."

"Well, you're part of it. Everything free and decent in life is being locked away in filthy little cellars by beastly people who don't care" [5, 119].

Преисполненная отчаяньем, Миранда высказывает всю ненависть к своему похитителю и такого бессердечного мира, частью которого есть Фредерик. В своем диалоге девушка использует существительные и прилагательные негативной оценки: *brutality* (жестокость), *callousness* (бессердечность), *despair* (отчаянье), *beastly* (гадкий), *evil* (злой), *filthy* (мерзкий), *vicious* (злой). Миранда пытается достучаться к Фредерику, поскольку она хочет на свободу. Повтор слова «отчаянье» подчеркивает стан, в котором находится девушка. Злость и беспомощность Миранды не вызывают никаких эмоций в её похитителя.

Позитивная оценочная позиция говорящего — это передача некоторой информации с позитивной оценкой. Мотив — выражение позитивного отношения к событию или предмету. Желание говорящего — передать поддержку, соглашение, солидарность, восторг и т. п.

Из романа «Черный принц» Айрис Мердок, читатель узнает о родственности двух душ: писателя-неудачника Брэдли и дочери его друзей Джулиан.

"I'd very much rather you didn't tell your parents at present."

"All right," she said, after a pause, drawing apart from me, kneeling there, her face suddenly childish with doubt.

The shadow between us was unbearable to me. If I was embarked upon this thing let me be embarked. I would have to trust myself completely to her sense of truth, even to her naivety, even to her inexperience, even to her foolishness. I said, "My perfect darling, you must do whatever you feel is right to do. I leave it entirely to you. I love you absolutely and I trust you absolutely and what will be — will be."

"You think the parents won't like it?"

"They'll hate it" [8, 217].

Брэдли любит Джулиан и понимает, что родители девушки плохо воспримут их связь. Тем не менее он ей полностью доверяет (*My perfect darling, you must do whatever you feel is right to do. I leave it entirely to you*) и сильно любит (*I love you absolutely and I trust you absolutely and what will be — will be*). Доверчивость поэта обусловлена его профессией. Для людей такого рода деятельности характерна сильная вера в любовь. Поддержка Брэдли очень важна для девушки, однако возможная реакция родителей вызывает в ней сомнения.

Национальный менталитет — это национальный способ восприятия и пояснения действительности, которая зависит от некоторых когнитивных стереотипов нации. «Охватывая разные сферы деятельности человека, оценочный тезаурус английского языка складывает когнитивно-семантическую совокупность значений, в которой концентрируются практический оценочный опыт человека, представление о ценностях, нормах, соответствие общепринятым социальным стандартам, то есть все то, что можно определить как оценочную картину мира языкового сообщества» [1].

В романе Себастьяна Фолкса «Пение птиц» автор рассказывает читателю о любовной связи англичанина Стефана и замужней француженки Изабель. Пара влюблена и не обращает внимания ни на кого и ни на что.

Isabelle was waiting inside. She wore a robe with some oriental pattern in green and red.

She said, "I was so afraid."

He sat down next to her on the stripped bed. "What do you mean?"

She took his hand between both of hers. "When you wouldn't look at me last night I was afraid that you'd changed your mind."

"About you?"

"Yes."

He felt invigorated by Isabelle's concern. It still seemed improbable to him that she could really want him so much [4, 52].

В общении мужчины и женщины читатель замечает разницу в мышлении и восприятии разных культур. Изабель, как представитель французской культуры, разговаривает намеками и недомолвками, Стефан, как англичанин, мыслит рационально и последовательно. Поэтому для их общения характерные переспрашивания юноши, что она имеет в виду (*What do you mean?*).

Николас убегает из Англии, ощущая, что ему все надоело, он хочет новой обстановки и приключений (роман Джона Фаулза «Волхв»). Юноша знакомится с Кончисом, которым начинает сильно восхищаться.

I was increasingly baffled by Conchis. At times he was so Germanically dogmatic that I wanted to laugh, to behave in the traditionally xenophobic, continentals-despising way of my race; at times, rather against my will, he impressed me, and not only as a rich man with some enviable works of art in his house. And now he quite definitely frightened me. It was the kind of illogical fear of the supernatural that in others made me sneer; but all along I had felt that I was invited not out of hospitality, but for some other reason. He wanted to use me in some way [7, 97].

Николаса мучит непонимание: он как представитель английской нации должен воспринимать Кончиса с типичной ксенофобией (неприветливое отношение к иностранцам), однако в новом наставнике есть какая-то надчеловеческая особенность, которая в то же время и притягивает и отпугивает Николаса. Такие изменения в типичном английском видении окружающей действительности иррациональны и нелогичны.

Социальные особенности оценочной речи англичан характеризуются полом, возрастом, профессией, должностью и взаимоотношением коммуникантов. На прагматические особенности оценки влияют специфические черты английского характера: сдержанность, скрытие чувств, завуалированность, а также особенности профессии и статуса коммуникантов. Когнитивная специфика оценочной речи англичан проявляется в особенностях мировосприятия и шкале ценностей данного народа: рациональности, логичности, последовательности мышления и т. п.

Список литературы:

1. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний і гендерний аспекти: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. Л. Бессонова. – К., – 2003. – 39 с.
2. Шинкарук В. Д. Словотвірна категоризація суб'єктивної оцінки / В. Д. Шинкарук, Л. Б. Шутак. – Чернівці: Рута, – 2007. – 128 с.
3. Burgess A. A Clockwork Orange [Electronic Resource] / A. Burgess // Мультязыковой проект Ильи Франка. – 144 p. – Access Mode: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:20-&catid=1:english&Itemid=3.

4. Faulks S. Birdsong [Electronic Resource]/S. Faulks//Мультиязыковой проект Ильи Франка. – 353 p. – Access Mode: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3.
5. Fowles J. The Collector [Electronic Resource]/J. Fowles//Мультиязыковой проект Ильи Франка. – 243 p. – Access Mode: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3.
6. Fowles J. The Magus [Electronic Resource]/J. Fowles//Мультиязыковой проект Ильи Франка. – 670 p. – Access Mode: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3.
7. Green G. The Honorary Consul [Electronic Resource]/G. Green//Мультиязыковой проект Ильи Франка. – 266 p. – Access Mode: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3.
8. Murdoch I. Black Prince [Electronic Resource]/I. Murdoch//Мультиязыковой проект Ильи Франка. – 325 p. – Access Mode: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=771:-20-&catid=1:english&Itemid=3.

*Yenalyeva Olga Anatolievna,
Doktorandin der Tschornomorskyj Staatlichen
Petro-Mohyla-Universität Mykolajiw
E-Mail: schreib_mir@bk.ru*

Entwicklung der realistischen Kinderliteratur in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Deutschland

Abstrakt: Im Artikel wurde die Entwicklung der realistischen Kinderliteratur der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts beschrieben, besondere Aufmerksamkeit wurde auf die 1960er und 1970er Jahre geschenkt. 3 Untergattungen der realistischen Kinderliteratur wurden geschildert.

Keywords: realistische Kinderliteratur, realistischer Kinderroman, psychologischer Kinderroman, Bewegung „Kinderladen“.

*Енальева Ольга Анатольевна,
аспирантка Черноморского государственного
университета имени Петра могилы
E-Mail: schreib_mir@bk.ru*

Развитие детской реалистической литературы в Германии во второй половине XX века

Аннотация: В статье кратко описано развитие и становление детской реалистической литературы во второй половине XX века в Германии, особенное внимание на 60-е — 70-е года XX века, которые являются пунктом отчета новой детской литературы. Дано характеристику трем подвидам детского реалистического романа.

Ключевые слова: Реалистическая детская литература, реалистический детский роман, психологический детский роман, движение „Kinderladen“.

Вторая половина XX века характеризуется резкими изменениями во всех сферах деятельности человечества, исключением не является и детская литература. Большинство исследователей немецкой литературы отмечают, что переломным моментом считаются 60-е — 70-е года XX века. Именно в этот

период на арену детской литературы вместе с фантастикой выходит детская реалистическая литература.

Цель статьи — проследить развитие детской реалистической литературы в Германии во второй половине XX века и дать краткие характеристики основным подвидам детской реалистической литературы.

В послевоенное время новая детская немецкая литература практически не выдавалась по понятным причинам. Но в конце 40-х активно начали практиковать переводы детских книг английских, французских или скандинавских писателей, что имело большое влияние на немецких авторов детской литературы. Переломным моментом в западной Германии считается 1949 год, когда гамбургское издание Отингер („Oetinger“) опубликовало перевод книги Астрид Линдгрэн «Пеппи долгий чулок». Изображение главной героини — юной бунтарки, мать которой умерла, когда девочка была еще крошкой, а отец — капитан, а впоследствии вождь темнокожих, девочка живет одна на вилле — это новое в изображении картины ребенка в литературе, что и вызвало бурную реакцию критиков и педагогов. Этот детский роман заставил взрослых пересмотреть старую концепцию изображения ребенка в литературе и обратил внимание на новые идеалы воспитания ребенка. В это же время Эрих Кестнер своим романом «Двойная Лоттхен» („Das doppelte Lottchen“) впервые затрагивает тему-табу для детской литературы — развод родителей и его влияния на психику ребенка. При этом Э. Кестнер уже изображает ребенка, как равного партнера взрослым.

Пик развития детской реалистической литературы отмечается в 60-х – 70-х годах XX века. На сцену выходят такие авторы: Ursula Wölfel, Winfried Bruckner, Michael Ende, James Krüss, Paul Maar и многие другие. В их произведениях уделяют внимание ребенку как личности со своим внутренним миром и проблемами.

Причинами такого активного развития детской литературы послужили много социально-политических факторов того времени: послевоенный период в Германии, затем «экономическое чудо» в 50-х годах, улучшения уровня жизни и последующий за ним кризис в конце 60-х. Похожая ситуация и в других странах, что вызывает забастовки. В Берлине в то время проходят также многочисленные протесты молодежи, которые имеют не только политическое направление, но и имеют отношение к сфере образования.

Молодежь выступает против авторитарного стиля воспитания. Происходит переосмысления роли ребенка, отношения к нему, сфере образования стали уделять больше внимания. Вместо обычных детских садики начинают появляться т.зв. «Kinderladen» (дословно: детские магазины (название происходит от типа использованных помещений, поскольку для

таких садики использовали бывшие магазины)) Эти дошкольные заведения открываются за инициативы родителей и их главной особенностью выступает то, что они практиковали антиавторитарную модель воспитания, цель которой ориентация не на бюргерский идеал покорного и очень воспитанного ребенка, а на целостную личность — независимую, которая умеет критиковать рационально мыслить и имеет свои идеалы.

Со временем принципы антиавторитарного воспитания начали использоваться и в школах, что не могло обойти стороной и детскую литературу, поставив перед ней новые цели и задания, которые требовали быстрых решений. И первым большим прорывом стало то, что детская литература была признана в конце 70-х годов в немецкой литературной критике. Предшествовало этому в 1978 году вручение премии Астрид Линдгрэн за ее творчество; статьи критиков детской литературы в периодике. В литературе 60-х годов Шайнер [4, 40] выделяет 2 тенденции в развитии реалистической литературы: первая — «скандинавский стиль», то есть фантастические обыгрывание реальности, а вторая — «изображение внутренних изменений и процессов взросления ребенка». Последняя тенденция в конце 60-х занимает важное место в детской литературе, способствует развитию детской литературы, а также введению этих книг в школьную программу. Это время ознаменовалось появлением большого количества детской литературы, которая уже пыталась учитывать потребности нового общества.

Традиционная воспитательная функция детской литературы уступила место т.зв. «социальной» функции, главное задание которой знакомить юного читателя с порядком общественных законов и учить его понимать социум. Теперь ребенок не просто будущий взрослый, а равноправный член коммуникации, маленький человек, что познает мир и есть его частью [2, 21]

Начинается новая фаза развития детской реалистической литературы, которая качественно отличается смыслом. В этой литературе начинают активно использовать темы табу, в центре ребенок, с его проблемами, чувствами и переживаниями. На первое место выходит реалистический роман, которой исследователями (Армбрюстер-Гро Е. [1], Штеффенс В. [5] и Кройцер Т. [3]) разделен на 3 подвида:

- Детский проблемно-ориентированный роман с доминантой социального реализма;

- Детский комический семейный роман с доминированием детского юмора;
- Детский психологический роман с ориентированием на психологический реализм.

Рассмотрим эти подвиды:

А) Детский проблемно–ориентированный роман с доминантою социального реализма. Уже с название можно сделать выводы, что этот подвид романа особое внимание уделяет социальным процессам в жизни ребенка как равноправного члена социума. В критической литературе точкой отсчета считается появление сборника Урсулы Вьёльфел «Серые та зеленые поля» (1970) (Ursula Wölfel „Die grauen und die grünen Felder“) Она раскрывает проблемы детей с неблагополучных семей, затрагивает темы алкоголизма, наркомании, расизма та бедности третьих стран.

Б) Особенностью детского комического семейного романа является постоянное присутствие комического среди серости трудовых будней. В центре этого подвида всегда находится семья, но о традиционных ролях родителей здесь не может быть и речи. Главными представителями этого романа являются Кристина Нёстлингер и Кирстен Бойе.

В) В детском немецком психологическом романе изображаются конфликтные ситуации, в которых оказываются дети из-за развода родителей, смерти близких людей, неизлечимые болезни и прочее. Изображая ребенка в кризисной ситуации, писатель обращает внимание на изображение внутреннего состояния, мыслей или чувств.

Этот тип романа от других отличается «ориентированием на изображение внутреннего состояния протагониста» [5, 310]. Для того, чтобы передать внутреннее состояние писатели стали использовать новые для детской литературе нарративные средства — непрямая речь, внутренний диалог, элементы потока сознания. Также в романе описывается краткий промежуток времени, изменение временных форм, повествование вводится от первого лица, то есть герой выступает рассказчиком [5, 312]. Еще одна особенность — открытый конец. Как видим, этот подвид детского романа использует инструменты «взрослой литературы», происходит размытие границ. Безупречным образцом этого подвида считается роман Гудрун Мебс «Воскресный ребенок» (1982) (Gudrun Mebs „Sonntagskind“).

Итак, подведем итоги.

Вторая половина XX века отличается активным развитием детской литературы с качественно новым смыслом. На такое развитие имели влияния не только политическая ситуация, но и изменения в социуме. Новое общество требовало новых решений. Именно таким решением и стала детская реалистическая литература, которая изображает ребенка как личность, который переживает такие же проблемы, как и взрослые. Немецкая детская реалистическая литература приблизилась к «взрослой литературе» не только спектром тем, но и художественными средствами, которые раньше не использовались в детской литературе.

Список литературы:

1. Armbröster-Groh. E. Der moderne realistische Kinderroman: Themenkreise, Erzählstrukturen, Entwicklungstendenzen, didaktische Perspektiven/Elvira Armbröster-Groh. – Frankfurt a. Main: Peter Lang, – 1997. – 298 S.
2. Ewers H.-H. Die Emanzipation der Kinderliteratur. Anmerkungen zum kinderliterarischen Formen- und Funktionswandel seit Ende der 60er Jahre/Hans-Heino Ewers//Zwischen Bullerbü und Schewenborn. Auf Spurensuche in 40 Jahren deutschsprachiger Kinder- und Jugendliteratur/R. Raecke, U. D. Baumann [Hrsg.]. – München: Arbeitskreis für Jugendliteratur e. V., – 1995. – S.16–28.
3. Kreuzer T. König Kind? Literarische Figuren zu Beginn des 21. Jahrhunderts in der realistischen Kinder- und Jugendliteratur/Tillmann Kreuzer. – Würzburg: Königshausen&Neumann GmbH, – 2009. – 236 S.
4. Scheiner, Peter: Realistische Kinder- und Jugendliteratur. In: Haas, Gerhard (Hrsg.) – 1984: Kinder- und Jugendliteratur. Ein Handbuch.3., völlig neu bearb. Aufl. Stuttgart, – S. 37–62
5. Steffens W. Der psychologische Kinderroman – Entwicklung, Struktur, Funktion/W. Steffens//Taschenbuch der Kinder- und Jugendliteratur/G. Lange [Hrsg.]. – Baltmannsweiler: Verlag Hohengehren, – 2005. – (Bd. 1. Grundlagen – Gattungen). – S. 308–332.

*Kolyadich Tatiana Mikhailovna,
Moscow state pedagogical university,
philological faculty Doctor of Philology, professor
E-mail: kapfedor@mail.ru*

D. Rubina's landscape representations

Abstract: In article features and the main functions of a landscape in Dina Rubina's prose on the example of the novel "White Pigeon of Cordoba" are considered.

Keywords: modern Russian prose, novel, landscape, coloristics.

*Колядич Татьяна Михайловна,
Московский государственный педагогический университет,
филологический факультет, доктор филологических наук, профессор
E-mail: kapfedor@mail.ru*

Пейзажные представления Д. Рубиной

Аннотация: В статье рассматриваются особенности и главнейшие функции пейзажа в прозе Дины Рубиной на примере романа «Белая голубка Кордовы».

Ключевые слова: современная русская проза, роман, пейзаж, колористика.

Восприятие художественного произведения всегда связано с пониманием особенностей идиостиля автора, тех приемов, которые отличают его творческую манеру. Особую сложность для иноязычного читателя представляет постижение тех частей произведения, которые непосредственно не связаны с действием. Среди них — пейзажные зарисовки, которые несут в себе не только определенную информацию, но и требуют особого понимания. Чтобы проникнуть в их значение, следует осознать их роль в структуре произведения, связь с фабулой и понять приемы организации.

В настоящей статье рассмотрены особенности создания пейзажа в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» (Второй роман трилогии «Люди воздуха», состоящей из романов «Почерк Леонардо» (2007), «Белая голубка Кордовы» (2009), «Синдром Петрушки» (2010)). Выбранное нами слово «представление» отражает особенности организации данного структурного элемента произведения, одновременно указывая на авторские интенции.

Традиционно пейзаж является равноправным компонентом структуры, образуя различные топосы и участвуя в характеристике героев, обозначая различные состояния действующего лица. Возможно, появление многочисленных пейзажей объясняется тем, что в центре романа Рубиной находится судьба гениального подделывателя картин Захара Кордовина. Его профессиональная деятельность очерчивается подробно, в произведении встречаются разные описания полотен: «Картина являла собой пейзаж.

На переднем плане — куст, за ним виден серый дачный забор и небольшой участок тропинки, по которой идет смутная в сумерках женщина. На заднем плане — красная крыша дома и купа деревьев...» [1, 25].

Становясь частью биографии героя, пейзаж входит в его размышления и воспоминания: «И тогда — страшно вымолвить! — тогда бы в их жизни не было Питера: ни школы, ни лип Летнего сада, изумрудно зеленеющих весной, ни мутного серого льда на Неве, по которому так просто перебежать на другой берег, спустившись по ступеням от сфинксов академии; ни красных кленов Приморского парка, ни блеклого солнца на крупах клоттовых коней, летящих в руках у возникших, ни бронзовой под луной воды Обводного канала, ни звенящих в ночи трамваев, завораживающих на круг, ни ночного, холодающего сердце: «цок-цок-цок!» — каблучками — по гулкой лестнице парадного...» [1, 311].

Образующие пейзаж существительные наделяются автором общеупотребительными определениями (красные клены, блеклое солнце, бронзовая вода). Повествовательную динамику создает введение в авторскую речь несобственно-прямой речи и восклицательных конструкций, обозначающих состояние героя (наречием состояния «страшно») и его перемещения (использована звукопись). Повтор временного наречия «тогда» усиливает указание на состояние героя («раньше казалось лучше, чем сейчас»), равно как и определение «ночного, холодающего сердца».

Заключает описание резюме героя, выраженное реминисценцией: «Не было бы этого странно тлеющего белыми ночами невесомого города, от которого теперь так трудно оторваться, даже на неделю...» [1, 311]. Связь с произведениями Достоевского прослеживается и в других произведениях Рубина, в частности, на оппозиции двух героев, как в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание», выстроена интрига первого романа трилогии «Почерк Леонардо». Используемая в нашем случае модальная конструкция «не было бы» также обозначает чувства персонажа.

В соответствии с традицией пейзаж используется для обозначения места действия. Сельские и городские пейзажи соседствуют друг с другом, указывая на перемещения героя. Чаще других описываются Толедо, Кордова, Петербург, места в Иерусалиме, виды на горы и море, альпийские луга. Они образуют общее эпическое пространство единой нарративной интонацией: «Раннее утро в глубокой альпийской тени гор: немыслимая картинная красота, противоположенная любому живописцу» [1, 219].

В романе встречаются как краткие, коннотационного типа пейзажи в виде ремарки, так и развернутые, подробные, обозначающие переход к дальнейшему описанию событий, обычно происходящему в значимом для автора топосе: «Иорданские горы, библейские горы Моав пребывали в туманной розовой дымке» [1, 39]. Позже появляется, красно-кирпичная, с развевающимися штандартами Сиена, «розово-горчишный городок на горе» [2, 413–415].

Цветовые определения становятся ключевыми словами, организующими читательское восприятие и четко фиксирующими пространственные отношения в романе. Заметим, что в каждом романе они свои, обычно доминируют те, что связаны с авторскими интенциями, в нашем случае как обозначение мест южных стран.

Постепенно топос сужается, переходя в локус, гостиницу, куда стремится герой и откуда он смотрит на город: «Дом на горке, напротив Алькасара, и вправду был очень стар, о чем свидетельствовали настоящие черные базальтовые камни подвальных стен» [1, 113].

Городской пейзаж динамичен и наполнен действием: «Между тем вокруг оцепенелой замкнутой скалы Толедо, закупоренной гигантской серебряной пробкой — сияющим Собором — кипела жизнь: текли по опоясавшему город шоссе огни машин, добрасывая сюда, в потусторонний мир, в сердцевину черепичных перепончатых крыл и нереальных тлеющих фонарей, отчетливые гудки и шумы из другого

мира» [1, 121]. Глаголы движения и создают внутренний повествовательный ритм.

Значимый для автора мотив жизни, проходящий через произведение лейтмотивом, усиливается глаголами прошедшего времени и деепричастием: «кипела», «текли», «добрасывая». Авторские определения соседствуют с распространенными эпитетами: «оцепенелой замкнутой скалы Толедо, закупоренной гигантской серебряной пробкой — сияющим Собором». Сравнение, обозначенное эпитетом «гигантский», явно усилительного свойства. В результате выстраивается емкое и конкретное описание, законченное по смысловой емкости.

В ряде случаев городской пейзаж плавно перетекает в сельский: «Вся округа за рекой Тахо погрузилась, наконец, в непроглядную темень и тишь. У колоколов будто вырвали языки, фонари погасли, и только некоторые из них — отрешенно белые — придавали городу обморочно безмолвный и мертвенный вид.

Огромная луна царила над этой скалой, изливая призрачный блеск на дружные острия церквей и тесные островки кипарисов. Ее холодный жесткий свет выбеливал пластиковый стол и стулья на балконе; черные тени удлинляли силуэт каждого дома и каждой колокольни... Так кисть гениального Грека удлиняла фигуры на полотнах» [1, 123]. Снова содержится косвенное указание на восприятие окружающего мира человеком, причастного к миру искусства. Одновременно обозначается и его особая функция, Творца, создателя, хотя и с отрицательным значением, персонаж явно инфернального свойства, на что указывает описание его внешности (черный).

В итоге перед читателем возникает характерный и типичный пейзаж, в котором нет ничего неожиданного, кроме стремления автора перевести повествование из плана конкретного в план ирреальный, условный: «только некоторые из них — отрешенно белые — придавали городу обморочно безмолвный и мертвенный вид».

Подчеркнем, что небесные светила регулярно появляются в пейзажных зарисовках, «он задумчиво и неподвижно смотрел на то, как неуклонно поднимается в тучах солнце, выпирая то в одном, то в другом месте тонкого серого слоя — так плод ворочается во чреве матери, прокатывая перламутровые шары по внешним покровам своего обиталища, словно пытаясь ощупать внешний мир изнутри. Так и солнце ощупывало мир из-за облачного покрова, находя все новые лазейки для того, чтобы выплеснуть жгучие языки желтого ослепительного света на колокольню

собора, на его стрельчатые окна и драконий хребет остроконечной крыши» [1, 173]. Традиционное использование для Рубины качественно — обстоятельное наречение «так» служит своеобразным сигналом, усиливая зрительность описания.

Заметим, что ракурс видения остается прежним, герой смотрит на собор, первоначальное впечатление дополняется новыми подробностями, расширяя первичное описание, автор тем самым усиливает повествовательную динамику: «выплеснуть жгучие языки желтого ослепительного света на колокольню собора, на его стрельчатые окна и драконий хребет остроконечной крыши»». Только появляются новые детали, описание дополняется цветовыми определениями, наречиями состояния и сравнениями.

Постоянные для идиостиля писателя метафорические сравнения превращают неживой предмет в равноправного участника действия. «Ближайшие полчаса солнце еще будет держать город под прицелом, неохотно сдавая позиции». «Все больше солнца будет перетекать в нижние слои облаков, словно бы наполняя длинную глубокую рану заката в темно-зеленом теле небосвода» [1, 115]. «Солнце, валясь за противоположный берег, выжигает в волнах Буга кипящую кровавую рану» [1, 194]. Среди использованных автором цветов — глухой, серовато-песочный, краснеющий темный янтарь, розово-серый, темно-зеленый, мутно-кофейный.

Расширяя точку обзора, автор вводит описание, обозначающее начало перемещений героя, и этот пейзаж изображен через его мировосприятие: «Выехав за городские стены, он повернул в сторону бельведера, что вблизи скита Вирхен дель Валье. Здесь, на высоком холме по эту сторону Тахо, мучительно пробивающей дорогу в скальных породах, он всегда останавливался и смотрел на зачарованное, опоясанное неширокой, бурно-зеленой рекою, толковище домов, церквей, дворцов, мостов, каменных оград и кипарисов: прощался...

С этой точки обзора Грек писал свой «Вид Толедо», по которому и сейчас можно сверять городскую топографию. В мягком рассеянном свете утра Алькасар, собор и колокольни всех церквей желтовато-розового, дробно-выпуклого стиля мудехар еле заметно вибрировали в бездонном воздушном пространстве» [1, 177].

На несобственно-прямую речь указывает глагол прошедшего времени: «прощался». В остальном автор и герой неразличимы, топос создается словом «мудехар», выделяемым автором графически и указывающим на синтетический стиль в архитектуре, живописи и декоративно-прикладном искусстве

Испании XII — XVI вв. «Толковище» как обозначение множества фиксирует именно авторскую точку зрения.

Завершив наше рассуждение о небесных светилах, очевидно, что они важны для автора, позволяя расширить пространство, включить временные и географические подробности. Они вводят космический план, соединяющийся с планом земным, образуя общую эстетическую реальность. «От этих цветных пятен, от черепичных крыш под синим вздыбленным, со сметанными островками небом, глазу становилось безотчетно весело» [1, 44].

Разговор о библейской составляющей заслуживает специального разговора (вводится ключевыми словами «небо», «небесный» и цветовыми определениями — «синий», «голубой») и не является нашей задачей. Заметим только, что за свои прегрешения, попытку заменить Бога и стать творцом, героя ждет возмездие. Пейзаж небесный становится выражением идеи, что скоро произойдет перемещение героя (восхождение на эшафот), поэтому фиксируется «запекшаяся вечность» в «оживающем глубинными огнями» Толедо. Во вставном элементе, сие героя, также обозначается переход, упоминается сияющее звездное небо [1, 467].

Следуют и определения небесных светил: «желтая ломкая луна», «окно со зрелой напряженной луной над взводом кипарисов, сбегających по улице вниз», «желтоватый свет дымчатой луны». «В этот миг солнце прорвало блокаду серых туч, на город рухнул ослепительный вал утреннего света, и вспыхнула — как вскрикнула разом! — карминная, пурпурная, оранжевая черепица крыш» [1, 175]. Описание выстраивается на перечислении, основанном на цветовой номинации, риторическая конструкция внутри авторского повествования поддерживает динамику. Окружающий мир одушевляется и предстает равноправным участником действия.

Колористичность и цветовая живописность сохраняются и в описаниях луны, inferнальное значение не подчеркивается: «Черная вода океана мерно и грозно вспухала у берега голубым прибоем. На воду, на широкую пустынную полосу серого песка истекал желтоватый свет дымчатой луны» [1, 463]. «Вечная, как мир, мистерия лунного города, травленная в черни и серебре, стыла в ожидании знака, по которому могла подняться и истаять в небе, тихо дотлевая в холодных просторах серого рассвета» [1, 123–124].

Смена времен года обозначается также точно, упоминается «апрельское солнце», «местная золотая осень», слинявшая «под косым дождиком». Органично вписывается изображение человека: «В ярком

солнечном сегменте под апельсиновым деревом сидела на скамейке девушка с книгой. Оранжевая, под цвет плодов, юбка, черная блузка — во всей ее позе, во всей этой, случайно сложившейся картине была такая скульптурная и живописная законченность» [1, 479].

Реальное изображение больше походит на словесное описание условного пейзажа и выглядит как сценка из традиционного классического романа. Соединение указания на пространство «под апельсиновым деревом» с цветовым обозначением одежды контрастного характера («оранжевая, под цвет плодов юбка, черная блузка») усиливает впечатление.

Если выделять разновидности пейзажей, то заметим, что в произведениях Рубиной статический пейзаж встречается редко, пейзажные зарисовки буквально переполнены глаголами движения: «луна то взмывала», «то опускалась вниз», то раскачивалась как на качелях. Движение передано посредством метафоры «и вдруг сорвалась и помчалась, ускоряя и ускоряя темп, едва ли не задыхаясь в этой гонке, пока не застонала, не забила, не вздрогнула освобожденно, и — не затихла», в изнеможении повиснув где-то на задворках небес» [1, 16].

Кажется, что возникает одна сценка за другой, благодаря солнечному освещению пейзаж высветливается и подчеркивается: «Пегая, влажная, запятнанная лишаями плесени черепица толедских крыш еще таяла в седой утренней тени, и только кафедральный собор уже красовался первым пурпурным накатом еще низкого солнца, чей одинокий луч брандспойтом бил в прореху синей тучи» [1, 171–172].

Хотя описание выстраивается на определениях, динамика не утрачивается, и театральность сохраняется. Она определяется и системой деталей («запятнанная лишаями плесени черепица»). Отметим и скрытое сравнение с цветовым номинатом — «синей тучи».

Сценическое устройство, построение из отдельных эпизодов — свойство прозы Рубиной. Она всегда неторопливо (на первый взгляд) создает историю из конкретных зарисовок, но глаголы движения всегда обозначают динамический пейзаж: «Солнце уже покинуло холмы, и только небо еще отдавало ровный тускло-оранжевый свет, придавая странный светящийся тон белым камешкам на дорожке, круто сбегавшей от ворот с вершины холма» [1, 236]. Цветовые номинаты усиливают повествовательную динамику, хотя в данном случае они не отличаются традиционной для автора яркостью, относятся к распространенному типу (в описании использованы оранжевый, белый, желтый, черный цвета).

Постоянную, даже нарочитую узнаваемость через интертекстуальные и реминисцентные отсылки подчеркивает повествовательный дискурс, кажется, что с таким описанием читатели уже встречались, оно номинативно и конкретно, и все же остается авторским, потому что отличительная особенность Рубиной заключается в подборе глаголов движения: «Голое весеннее солнце освещало изумрудные стволы старых деревьев и деревянный мостик с мшистыми опорами, по которым снизу, от воды, катились и катились переливчатые солнечные жемчуга...» [1, 247].

Кроме отдельных реплик, усиливающих сценичность повествования, отмечаются и более пространные описания, тогда природа вновь становится в соответствии с традицией действующим лицом и соответственно одушевляется: «В пригородах явственной чувствуешь смену времен года: не зашнурованная в каменный корсет улиц природа раскинула тела и вольно дышит на влажных лиловых холмах» [1, 469]. Отсылка на классический текст («раскинула тела») звучит парафразированной иронической реминисценцией.

Иногда пейзажная зарисовка организуется как вне-текстовый элемент, поэтому легко вычленяется: «В эти утренние часы неподвижное озеро предьявляло все оттенки зеленого: малахит, бирюзу, лазурь, прозрачную цельность изумруда... Днем его затягивала истомная жарь. Оно останавливалось, зависало. Зависали рыбы в воде, стрекозы над кустами. Вверху зависало бездумное небо... Вода становилась непроницаемо, травянисто зеленой, отполированной» [1, 222].

Автор постоянно, но не прямо, а опосредованно указывает оттенки цвета, в частности, используется сравнение с разными камнями. Авторские эпитеты «истомная жарь» и «бездумное небо» усиливают описание. Следует и своеобразное резюме (в речи автора): «Вода становилась непроницаемо, травянисто зеленой, отполированной». Перечисление с наречием оценочного свойства («непроницаемо») усиливает общее впечатление.

Подобные описания обычно включаются в речь автора, вклинивающуюся даже в несобственно-прямую речь героя: «По мере того как солнце поднималось над морем, ежеминутно менялось освещение, состояние воздуха, цвет воды: вначале нежная бирюза с длинными прожилками темного малахита, затем лазоревая гладь с каждой минутой все более сгущалась до изумрудной зелени. Наконец чистый и яркий сапфировый слиток больно засиял в окружении пепельно-розовых гор...» [1, 40–41]. Описание больше похоже на рассказ о картине.

Герой часто предстает активным наблюдателем, внимательно следящим за происходящим («любую переменчивой игрой изумрудно-кобальтовых тонов справа»), «С первыми признаками усталости небосвода он усаживался на балконе с вином и закусью, и держал свою вахту заката, прослеживая все стадии перевоплощения города и неба за эти часы» [1, 115]. Снова небесное и земное смыкаются. Появляется пейзаж и в разговоре героев, где также подмечается характерное: «Тоledo, в общем, угрюмый город, да еще в дождливом апреле...» [1, 21]

Отметим и доминантные приемы. Мотив тени обычно сопровождает описания Петербурга, как на картинке представителей объединения «Мир искусства» он предстает в описании одного из эпизодических персонажей: «никогда не видел Питер таким красивым, как в блокаду: мертвый город, заиндевевшие, как на хорошей гравюре, здания. Этому скорбному городу, выстроенному на болоте и на костях, идет умирание. Тень ему идет больше, чем солнце, и питерцы это чувствуют. Вообще, в этом городе человек упивается метелью, тьмой, одиночеством...» [1, 327]. Реминисцентные связи усиливаются определением «мертвый город» и ключевыми для «петербургского текста» номинациями: «метель», «тьма», «одиночество».

«Картинности» изображения способствуют и сравнения: «Темно-лиловая гора на равнине в сумерках напоминала поставленную среди поля

гигантскую пелерину черного испанского плаща...» [1, 475]. «Уходящее солнце всадило кинжальный клин в знаменитый апельсиновый дворик Кордовской мечети, и, словно четки, перебирало мягкие блики в воде фонтана» [1, 479].

Подобные описания сопровождает постоянная авторская скрытая ирония: «Уже вовсю хлопотали птицы в плюшевом теле огромного кипариса напротив — там обитала целая колония крошечных, как жули, сизо-зеленых юрких птах. У них были налажены дипломатические отношения с удодами...» [1, 423].

Рубиной свойственны особые колористичность и метафорическая емкость. «В этот миг солнце прорвало блокаду серых туч, на город рухнул ослепительный вал утреннего света, и вспыхнула — как вскрикнула разом! — карминная, пурпурная, оранжевая черепица крыш» [1, 174]. «Туман очень скоро рассеялся, солнце яичным желтком окрасило осенние поля, небрунные сгнившие подсолнухи. Вдали открылась мягкая линия заснеженных гор...» [1, 533].

В большинстве случаев пейзажи настолько органично внесены в общую повествовательную структуру, что их воспринимаешь как значимую часть общего повествования, необходимую для представления места действия, понимания поступков действующих лиц и взаимоотношений между ними. Реминисцентные связи и аллюзии участвуют на равных в создании авторской картины мира.

Список литературы:

1. Рубина Д. Белая голубка Кордовы». – М.: ЭКСМО, – 2009.
2. Колядич Т. М. Библийская составляющая в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» (проблемы интерпретации инокультурных текстов) // Polska-Rosja: dialog kultur. Tom poświęconny pamięci profesora Jeleny Sybienko. Науч. ред. Володзко-Будкевич А., Луцевич Л. – Варшава, – 2012. – с. 403–415.

*Lemish Nataliya Yevgenivna,
Kyiv National Linguistic University, Associate Professor, PhD, Doctorate Student
E-mail: nataliyalemish@yandex.ru*

A Structural and Semantic Typology of the Causal Complex in English

Abstract: The paper under discussion deals with the structure and semantics of the causal complex in the English language. It is argued that the causal complex in English can be realized by a set of various syntactic structures different from other languages.

Keywords: the causal complex, a syntactic concept, a verbal type, tertium comparationis, a structural scheme, a semantic block.

1. Introduction

The paper proposed deals with the structure and semantics of the causal complex in the English language.

The causal complex (being a mental-logic construction in our understanding and containing five semantic blocks such as cause-effect, reason-conclusion, condition-result,

concession-consequence, and means-purpose) in different languages can be realized by a set of various syntactic structures. The correlation between mental-logic, semantic, and syntactic structures is rather disputable and evokes discussions among scientists all over the world [6; 7; 9; 10 etc.]. The most topical is the tertium comparationis choice [1, 81–85; 5; 8]. The complexity of such a task is determined by the relation between deep and surface structures arisen by N. Chomsky [4].

In our previous work we've already grounded the use of a syntactic concept as the tertium comparationis for such a purpose [2, 107–108]. The major argument mentioned is that a syntactic concept possesses two plans — a plan of content and a plan of expression. Following Z. D. Popova [3, 27] we define a syntactic concept like a typical proposition with structural schemes as a basis.

The *aim* of the present paper lies in defining and describing the semantic and structural types of the causal complex in English. To achieve this aim the following *tasks* should be solved: 1) to analyse the causal structures chosen from the Canon Technical Manual in English (the abstract from which being the illustrative corpus for the present paper); 2) to distinguish syntactic concepts from the causal blocks of the lingual material under analysis and build up the structural schemes of the analysed constructions using the syntactic verteral types; 3) to compare the obtained results with those received in the previous research; 4) to sum up and give the prospectives.

2. Basic Positions

The syntactic concept (SC) of causality in our research is represented by a universal type and its verteral types. A universal syntactic concept of causality is common for all the languages and can be represented like [SMB/SMTH TO BRING ABOUT/PRODUCE SMB/SMTH]; the verteral ones “as if reflect somebody's different point of view” (“verteral” is our term proposed in 2014 in [2, 108]).

In our description below we use the following designations:

[...] — explaining the content of an SC;

{...} — representing a structural scheme an SC can be realized with;

<...> — an implied component introducing;

(1) — an illustration number;

I, II, III, ... — designations for verteral types of the SC of causality;

1, 2, 3, ... — designations for verteral subtypes;

a, b, c, ... — verteral subtype variants;

Pron pers — a personal pronoun;

Pron dem — a demonstrative pronoun;

Pron rel — a relative pronoun;

N inan — an inanimate noun;

N anim — an animate noun;

N abstr — an abstract noun;

N 1–6 — a noun in one of the possible cases;

Inf — a bare infinitive of a verb;

toInf — an infinitive with the particle *to*;

V mod — a modal verb;

V f3s — a finite verb in the 3 person singular;

cop — a copulative verb;

Adj — an adjective;

Part pres — a present participle.

3. Verteral Types, Subtypes, and Variants

As it has been mentioned before the ability of the universal SC of causality to be implemented in different types of sentences determines the need to distinguish between various verteral types (VT) in its structure. 8 VT of the SC of causality have been found for simple sentences and parts of complex, and compound sentences in English (the illustration corpus from Canon MF 3010 Manual abstract [11] makes (83) items) where different semantic blocks are realized. They are: I — resulting (51), II — causing (15), III — preventing (10), IV — damaging (5); V — leading (2), VI — being harmful/hazardous (1/1), VII — danger existing (1), VIII — generating (1). Each VT in its turn can be represented by the structural schemes fixed in the language/speech:

I — resulting (51): [SMTH TO RESULT SMTH ELSE] — 4 subtypes, 12 variants: 1 subtype — 5 variants, 2–2, 3–4, 4–1.

1 subtype is distinguished in a subclause of a complex sentence:

1a (8) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = this, V mod = may, Inf = V res/result;

1b (7) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = this, V mod = can, Inf = V res/result;

1c (1) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = it, V mod = may, Inf = V res/result;

1d (1) {Pron rel + V mod + Inf + N inan4}: Pron rel = which, V mod = may, Inf = V res/result;

1e (1) {Pron rel + V mod + Inf + N inan4}: Pron rel = which, V mod = could, Inf = V res/result;

2 subtype — in a main clause of a complex sentence:

2a (2) {N inan1 + V mod + Inf + N inan4}: V mod = may, Inf = V res/result;

2b (7) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = this, V mod = may, Inf = V res/result;

3 subtype — in a simple sentence:

3a (2) {N inan1 + V mod + Inf + N inan4}: V mod = may, Inf = V res/result;

3b (7) {N inan1 + V mod + Inf + N inan4}: V mod = can, Inf = V res/result;

3c (1) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = this, V mod = may, Inf = V res/result;

3d (1) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = this, V mod = could, Inf = V res/result;

4 — in a participial construction equal in meaning to a relative clause:

4 (13) {Part pres + N inan4}: Part pres = V ing/resulting.

II — causing (15): [SMTH TO CAUSE SMTH ELSE] — 5 subtypes, 9 variants: 1 subtype — 2 variants, 2–1, 3–1, 4–4, 5–1.

1 subtype — in a subclause of a complex sentence:

1a (2) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4 + toInf}: Pron dem = this, V mod = may, Inf = V caus/cause;

1b (1) {Pron rel + V mod + Inf + N inan4}: Pron rel = which, V mod = can, Inf = V caus/cause;

2 — in a main clause of a complex sentence:

2 (1) {N inan1 + V mod + Inf + N inan4}: V mod = may, Inf = V caus/cause;

3 — in a part of a compound sentence:

3 (3) {<Pron dem> + <V mod> + Inf + N inan4}: <Pron dem> = this/it, <V mod> = may/can, Inf = V caus/cause;

4 — in a simple sentence:

4a (1) {N inan1 + V mod + Inf + N inan4 + toInf}: V mod = can, Inf = V caus/cause;

4b (1) {N inan1 + V mod + Inf + N anim4 + toInf}: V mod = may, Inf = V caus/cause;

4c (3) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4 + toInf}: Pron dem = this, V mod = may, Inf = V caus/cause;

4d (1) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = this, V mod = can, Inf = V caus/cause;

5 — in a participial construction equal in meaning to a relative clause:

5 (1) {Part pres + N inan4 + toInf}: Part pres = V ing/causing.

III — preventing (8): [TO BE CAREFUL NOT TO DO SMTH DANGEROUS] — 2 subtypes, 3 variants: 1 subtype — 2 variants, 2–1.

1 subtype — in a main part of a complex sentence:

1 a (3) {V be/imp + Adj careful + (NOT) toInf + N inan3 + toInf};

1b (3) {V be/imp + Adj careful + (NOT) toInf + N inan4};

2 — in a simple sentence:

(2) {V be/imp + Adj careful + (NOT) toInf + N inan4}.

IV — damaging (5): [SMTH TO DAMAGE SMTH ELSE] — 4 subtypes, 4 variants: each subtype has 1 variant.

1 subtype — in a subclause of a complex sentence:

(1) {<Pron dem> + <V mod> + Inf + N inan4}: <Pron dem> = this, <V mod> = may, Inf = V caus/damage;

2 — in a main clause of a complex sentence:

(1) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = it, V mod = may, Inf = V caus/damage;

3 — in a part of a compound sentence:

(2) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = this, V mod = may, Inf = V caus/damage;

4 — in a simple sentence:

(1) {N inan1 + V mod + Inf + N inan4}: V mod = can, Inf = V caus/damage.

V — leading (2): [SMTH TO LEAD TO SMTH ELSE] — 2 subtypes, 2 variants: each subtype has 1 variant.

1 — in a subclause of a complex sentence:

1 (1) {Pron dem + V mod + Inf + N inan3}: Pron dem = this, V mod = may, Inf = V caus/lead;

2 — in a simple sentence:

2 (1) {N inan1 + V mod + Inf + N inan3}: V mod = can, Inf = V caus/lead.

VI — being harmful/hazardous (1/1): [SMTH TO BE HARMFUL/HAZARDOUS TO SMTH/SMB ELSE] — 2 subtypes, 2 variants: each subtype has 1 variant.

1 — in a simple sentence:

1 (1) {N inan1 + V mod + V be + Adj}: V mod = can, Adj = Adj harmful;

2 — in a main part of a complex sentence.

2 (1) {N inan1 + V mod + V be + Adj}: V mod = can, Adj = Adj hazardous.

VII — danger existing (1): [THERE TO BE (NO) DANGER OF SMTH] — 1 subtype, 1 variant.

1 — in a subclause of a complex sentence:

1 (1) {There + V f3s + (NO) + N abstr1 (2)}: V f3s = is, N abstr1 = danger.

VIII — generating (1): [SMTH TO GENERATE SMTH ELSE] — 1 subtype, 1 variant.

1 — in a simple sentence:

1 (1) {N inan1 + V f3s + N inan4}: V f3s = V caus f/generates.

Thus in the universal SC of causality in English 8 verteral types have been distinguished: I — resulting (51), II — causing (13), III — preventing (8), IV — damaging (5), V — leading (2), VI — being

harmful/hazardous (1/1), VII — danger existing (1) VIII — generating (1). The procedure of distinguishing the verteral subtypes and variants of structural schemes has been arranged depending upon the semantic content of the major actants in a sentence/sentence part (N and V), VT realization in simple, compound, or complex sentences, the number of illustrations per each type/subtype/variant, as well the order of their position in the sentence. Summing up 8 VT in English are represented with 21 subtypes and 34 variants, i. e. each subtype can be implemented in from 1 to 5 variants.

4. Illustrations

To have an idea of correlation between SC, VT, verteral subtype and variants in practice we propose herewith to have a closer look at the most numerous VT: I — resulting (51). It has 4 subtypes, each of which can be represented with various variants of the structural schemes: 1 — with 5 (a, b, c, d, e), 2 — with 2 (a, b), 3 — with 4 (a, b, c, d), 4 — only with 1. The detailed information is given for subtype 2:

2 subtype — in a main clause of a complex sentence:

2a (2) {N inan1 + V mod + Inf + N inan4}: V mod = may, Inf = V res/result: [**The following conditions may result in fire**], *so please contact your local authorized Canon dealer or the Canon help line* [11]. In the given illustration the part in bold contains the causative-consecutive block: some conditions → fire, though conditions themselves (possible causes for fire) are mentioned further in the text (thus for the determining a cause itself we need to apply to the forward context).

2b (7) {Pron dem + V mod + Inf + N inan4}: Pron dem = this, V mod = may, Inf = V res/result: *Do not install the machine in a location near alcohol, paint thinner, or other flammable substances. If flammable substances come into*

*contact with electrical parts inside the machine, [**this may result in a fire or electrical shock**]* [11]. This illustration (the part in bold) contrary to the previous one addresses us to the previous context to know the possible cause for a fire or electrical shock, i. e. there should be taken into account the backward context.

5. Conclusion

Comparing the obtained data with the similar research in Dutch and Ukrainian we can state that in fact in English we have distinguished 8 VT with 21 subtypes and 34 variants; in Dutch — 11 VT, 17 subtypes and 25 variants; in Ukrainian — 7 VT, 14 subtypes and 10 variants (see [2] for details). The most numerous in English is verteral type [SMTH TO RESULT SMTH ELSE] (51), in Dutch — [SMTH TO HAVE SMTH ELSE AS A CONSEQUENCE] (25), in Ukrainian — [SMTH TO LEAD TO SMTH ELSE] (44). Though Dutch has demonstrated the biggest amount of VT (11), English shows the highest figures in subtypes and variants. We explain this with the fact that it is English that belongs to one of the most analytical languages in the world and therefore requires more syntactic structural elements to reflect properly the corresponding meaning.

As a result of our research in future we expect that the comparison of the causal complex blocks in the languages of different structures (such as English, Dutch, Spanish, Ukrainian, Russian, etc.) realized with the help of those verteral syntactic concepts will make it possible to define common and specific features of the deep semantics of causality in both languages on the cognitive level. It will also afford to make the comparative analysis of structural schemes to differentiate the cognitive mechanisms of different peoples' thinking.

References:

1. Кочерган М. П. Основи зіставного мовознавства: підруч. [для студ. філол. спец. вищ. навч. закл.]. – К.: ВЦ «Академія», – 2006. – 424 с.
2. Леміш Н. Є. Синтаксичний концепт як tertium comparationis при встановленні типології структур каузального комплексу (на матеріалі нідерландської та української мов)//Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. – К.: Вид. центр КНЛУ, – 2014. – Т. 17. – № 1. – с. 107–114.
3. Попова З. Д. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация//Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, – 2004. – № 2. – с. 27–31.
4. Chomsky N. Syntactic Structures. – 2nd ed. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, – 2002. – 117 p.
5. Connor U., Moreno A. Tertium Comparationis: A vital component in contrastive research methodology//Directions in Applied Linguistics: Essays in Honor of Robert B. Kaplan/[eds P. Bruthiaux, D. Atkinson, W. G. Eggington, W. Grabe, V. Ramanathan]. – Clevedon, 2005. – p. 153–164. – (England: Multilingual Matters).
6. Cuenca M. J. Cognition, pragmatics and grammar//Noves SL.: Revista de Sociolingüística. – Hivern, 2003. – p. 1–7.
7. Di Pietro R. J. Language structures in contrast. – Rouley (Mass.): Newbury House Publishers, – 1978. – p. 15–51.

8. Jaszczolt K. M. On Translating "What Is Said": Tertium Comparationis in Contrastive Semantics and Pragmatics//Meaning Through Language Contrast/[eds K. M. Jaszczolt, K. Turner]. – Amsterdam: J. Benjamins, – 2003. – Vol. 2. – P. 441–462.
9. Langacker R. W. Cognitive Grammar: Introduction to Concept, Image, and Symbol//Cognitive Linguistics: Basic Readings/[ed. D. Geeraerts]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, – 2006. – p. 29–67.
10. Sanders T., Sanders J., Sweetser E. Causality, cognition and communication: A mental space analysis of subjectivity in causal connectives//Causal Categories in Discourse and Cognition/[eds T. Sanders, E. Sweetser]. – The Hague: Mouton de Gruyter, – 2009. – p. 19–59.
11. Canon MF 3010 Manual. – Korea: Canon Inc., – 2012. – p. 2–5.

*Makovij Maria Gkrigorievna,
Kyiv National University of Construction and Architecture,
Senior Lecturer, Department Ukrainoznavstvo
E-mail: mmg2006@bigmir.net*

Features of conflict of socially-psychological drama Svetlana Novitzka «Крейзи»

Abstract: The article defines different types of conflicts in play by S. Novitzka that supplement with each other and coincide with focus of metaphysical confrontation eternal struggle between light and dark virtues.

Keywords: conflict, role, drama, play.

*Маковий Марія Григорівна,
Київський національний університет будівництва і архітектури,
старший преподаватель, кафедра українознавства
E-mail: mmg2006@bigmir.net*

Особенности конфликта социально-психологической драмы Светланы Новицкой «Крейзи»

Аннотация: В статье раскрыто разные типы конфликтов в пьесе С. Новицкой, которые дополняют друг друга и сходятся в фокусе метафизического противостояния, вечной борьбы светлых и тёмных сил.

Ключевые слова: конфликт, роль, драма, пьеса.

Социально-психологическая драма С. Новицкой, посвященная жизни подростков, продолжила стремительное развитие в 2000-е годы, вобрав художественный опыт «новой волны» и сделав новые открытия. Эти открытия предопределены не только изображением новых социальных обстоятельств, но и поиском адекватных приемов художественной интерпретации, в частности, синтезированием принципов «жестокости реализма» предела веков, модернизма, постмодернизма, актуализацией приобретений барокко.

Пьеса С. Новицкой написана в 2000-м году. Она стала этапным произведением в художественных поисках писательницы, была поставлена впервые на сцене Черновицкого музедрамтеатра им. О. Кобылянской и с той поры пользуется заслуженным успехом. Пьеса получила позитивные оценки критики (преимущественно буковинской), привлекала

внимание зрителя, но при этом остается до сих пор недостаточно изученной, не введенной в научный оборот, который является типичным для современного «кризиса интерпретации» молодой драматургии.

Цель статьи: определение векторов творческого поиска молодой писательницы, выяснение конфликта в пьесе «Крейзи».

Базовой интенцией пьесы С. Новицкой становится, на наш взгляд, осложнение художественной условности. Это отобразилось, в частности, в многослойной природе конфликта произведения. Можно выделить несколько типов конфликта, в зависимости от сферы их развертывания. В соответствии с жанровыми требованиями социально-философской драмы и в продолжение традиций «новой волны» особенную роль в произведении играет социальный конфликт. Это столкновение так называемой

золотой молодёжи, «элиты», с человеком, который представляет другая социальная прослойка, более низкая. На одном полюсе оказывается Татьяна, которая имеет все прекрасные человеческие качества, но не имеет больших состояний, а на другом — одноклассники из элитного лица, они лишены духовности и культуры, но чувствуют себя хозяевами жизни благодаря материальному статусу. Следовательно, в подтексте просматривается конфликт духовного и материального начал. Столкновение разворачивается очень остро, ведь Татьяне сразу дают понять, где ее место, а она, в свою очередь, признает свою полную несовместимость с новым культурным и социальным обществом. Примером может служить диалог, в котором мать и дочь дают характеристики элитному лицу.

«*Мати*. В цьому лиці працюють найкращі спеціалісти, в ньому навчаються діти високоповажних людей...

Таня. Еге ж. І серед них я — позашлюбна дочка якогось гусара!» [1, 11].

Показательную характеристику, которая подчеркивает социальное неравенство, дают Тане ее одноклассники — «дворяжка місцева» [1, 22]. Эту «дворяжку» ребята противопоставляют своим одноклассникам, подчеркивая социальную элитарность и невозможность чужому элементу интегрироваться в их систему. «На чорта вона нам? У нас всі телички з найкращих стаєнь!» [1, 22]. Здесь показательным является и факт обращения к животному коду, который освещает низость элиты, ее бездуховную суть и раскрывает отношение автора к золотой молодёжи. Автор демонстрирует, что такие же низкие отношения существуют и в обществе. Даже дружба строится не на духовной близости, а на расчётах. Например, Алина так реагирует на поведение Натальи, которая слишком обкурилась травкой и едва не сожгла дорогой ковёр: «Забери її звідси... Увесь кайф перебила! От курка дурнувата. Коли б не її дідусь професор, була б вона мені подругою!» [1, 22]. Конфликт выливается в формы бытовых столкновений, которые не прекращаются, ведь «элита» считает, что может безнаказанно издеваться над «дворяжкой», отношения между собой выстраивают по другой схеме — системе расчета и достаточно осторожного взвешивания сил.

Социальный конфликт перерастает в психологический, в противостояние характеров, а затем делается выразительнее и в столкновении мировоззренческих позиций. На одном полюсе оказываются

вечные моральные нормы, а на другом — новые правила игры «элитарного» общества, которое осознает себя как единство.

«*Оля*. (розтираючи кулак) Хто не з нами — той проти нас!

Аліна. А хто проти — той приречений. Так що, поміркуй добряче, скористайся мізками, якщо вони в тебе є.

Таня. Не турбуйтеся, розуму у вас позичати не буду. Це вже певно!» [1, 7]. Достойное поведение Тани воспринимается «элитным» классом как вызов. Это вызов миропониманию, в котором нет места ни высоким ориентирам, ни отстаиванию собственного достоинства. Об этом свидетельствует наполненная не только иронией, но и ненавистью, характеристика одноклассников: «А ось і героїня дня!» [1, 13]. Конфликт ценностей приобретает форму борьбы аморальной стаи волков против героя-одиночки, идеалиста. Сопротивление вызывает ненависть, ведь взрывает понимание мира, выработанное «элитой», концепцию приоритета материальных ценностей и упадка духовных, подчинения всех новым правилам игры. Столкновение мировоззренческих позиций сполна логично подкрепляется другим типом конфликта — между нормой и ее нарушением, хотя каждая из сторон оппозиции понимает норму по-своему. Для Тани — это духовность и человеческие отношения, для стаи — материальные и карьерные ценности, антидемократизм, унижение более «низких», агрессивное навязывание собственных правил игры. Примером актуализации концепта «нормы» и столкновения разных его интерпретаций может служить ряд диалогов и реплик.

«*Макс*. Дівчинка наривається. Треба її провчити. (Хлопці насувають на Таню).

Аліна. Заспокойтесь — класна йде.

Вчителька. Таню, як ти себе почуваш, нормально?

Таня. Дивлячись, що приймати за норму.

Вчителька. Зрозуміло. Якщо ти в своєму репертуарі — тоді все гаразд» [1, 13].

Татьяне настойчиво предлагают перейти на другие нормы, принять новые правила поведения в социуме, хотя и в таком случае никто не собирается относиться к ней, как равной, но сдача позиций стала бы победой стаи над «чужой», бунтаркой. «*Аліна*. У мене немає проблем! Якщо будеш цяця, ти їх теж не матимеш. Випий, зазнай насолоди життя» [1, 23].

Поведение Тани, наличие у нее моральных принципов, достоинства, является вызовом для «элитных» одноклассников и одновременно проверкой

на человечность для других. Да, отказ соседа Вадима (который служит охранником в доме Алины) помочь Тане и спасти ее от изнасилования одноклассниками свидетельствует о его подчинении новым аморальным правилам жизни, раскрывает в нём не человека, а слугу аморальной стаи.

«Таня. Пустіть мене! Вадиме, допоможи мені...

Вадим. Мені дуже прикро, маленька, але це суперечить наказу господині. Ти ж чула...» [1, 23].

В пьесе С. Новицкой разворачивается традиционный для драм о юности конфликт поколений. В «Крейзи» изображаются слабые родители, которые вызывают лишь разочарование своей небрежностью: «Нащо ти взагалі мене народила» [1, 10], — закидывает Татьяна матери, которая полностью погрузилась в свою трагическую любовную историю и не слышит, не понимает дочь. Так же не заинтересован проблемами ребёнка «гусар» отец. Разворачивается конфликт недоразумения, разрыва коммуникации, взаимных обвинений (устроив дочь в элитный лицей, она сделала для подростка все нужное, а дочь ее несправедливо презирает). С духовным тщедушием родителей контрастирует сила «дедов», то есть другого поколения, которое в драме олицетворяет культурный корень не конкретной семьи, а всего народа. Не случайно такую роль человека-опоры играет в пьесе не родная бабушка (ее нет), а соседка Ильинична. Она интересуется проблемами девушки, говорит с ней, поддерживает, дает советы, то есть перебирает функции матери. Важными являются еще два момента. Во-первых, Ильинична рассказывает о своей судьбе, которая воспроизводит трагические испытания всего народа в XX веке, вводит Таню в широкий исторический контекст, укореняет молодую личность. Во-вторых, Ильинична передает Тане эстафету воспитанности. Соседка, дворянка, дарит девушке старинное семейное обручальное кольцо как наследство и символ следующих поколений, единства (в противовес разрыва с родителями).

Ильинична становится оберегом Татьяны, ее мистическим охранником (в противовес не только родителям, но и образу Мистической учительницы из сна, которая выступает в роли холодного соратника издевательств, воплощения тёмной силы). В финале пылкая молитва Ильиничны и просьба к Богу взять ее жизнь вместо молодой, спасает девушку

от смерти, творит чудо спасения и берёт ответственность оправдать бабушкины надежды в будущем правильной жизни. Таким образом, конфликт поколений переходит из сферы социальной, психологической на уровень более широких обобщений. Идет речь о сохранении или уничтожении духовного и культурного корня народа, содержания, или же разрушения наследственности.

Осуществлённый анализ позволяет сделать такие выводы:

В пьесе «Крейзи» предложена новая модель молодого героя, которая базируется на развитии достижений «новой волны» и одновременно существенно развивает приобретение предшественников, предлагает новые параметры интерпретации и художественного обобщения. Новаторской является сама художественная установка драматурга: фиксируется процесс поиска молодым героем себя, переживания разных реальных и фантастических ситуаций, которые предлагают многочисленные ориентиры самоидентификации. Согласно авторской концепции, позитивный молодой герой — это человек, который обречён искать себя в хаосе «безумного», перевернутого мира, пережить сомнения в ориентирах и возродиться, чтобы нести из поколения в поколение ориентиры любви и человечности.

Такой объёмный образ отражает общую тенденцию к усложнению художественной системы, к усилению условности. Это отражается в стилевом синтезе. В произведении переплелись признаки «жестокости реализма» «новой волны», традиции барокко, модернизма и постмодернизма. Актуализация принципов этих стилей осуществляется избирательно и служит общей цели отображения сложной картины современности и преисполненного противоречий характера молодого героя. Автор ведет диалог с литературными традициями, развивая или пересматривая их.

Существенные изменения испытал конфликт пьесы. Он является полиаспектной системой, в которой разные типы конфликта дополняют друг друга, но все сходятся в фокусе метафизического противостояния, вечной борьбы светлых и тёмных сил. Такая актуализация давней традиции отвечает закону художественной инверсии, присущему переходному художественному мышлению, то есть обращению к самому давнему культурному опыту.

Список литературы:

1. Новицкая С. Антология молодой драматургии «В поисках театра». — Киев, «Смолоскип», — 2003.

Posobchuk Oksana Oleksandrivna,
 Nationale Universität „Kiewer-Mohyla Akademie“,
 Doktorandin, Fakultät für Geisteswissenschaften
 E-mail: oksana.posobchuk@gmail.com

Basismodelle der präpositionalen Wortäquivalente im Ukrainischen, Deutschen und Spanischen

Abstrakt: In diesem Beitrag handelt es sich um einen Versuch, die Ausdrucksform der präpositionalen Wortäquivalente des Ukrainischen, Deutschen und Spanischen zu forschen, die Basismodelle bilden; es werden Systemverbindungen zwischen den Untersuchungselementen konstruiert.

Keywords: Wortäquivalent, präpositionales Wortäquivalent, Modell, Basismodell, Präpositionalisierung.

Das Interesse der Sprachwissenschaftler zum Problem der Sprachdynamik in der Synchronie nimmt mit den Jahren zu. Als ein Beispiel von solcher Dynamik kann die Wortäquivalenz betrachtet werden, einschließlich des Funktionierens von so genannten Wortäquivalenten. Diese Einheiten gehören zu keinen Strukturkategorien der Sprache und gelten als Elemente der Übergangsstufen des Sprachsystems.

Insbesondere werden durch diese Einheiten infolge der verschiedenen Übergänge zwischen Wortarten Präpositionalsysteme von vielen Sprachen ständig erweitert.

Im vorliegenden Beitrag ist der Terminus *präpositionales Wortäquivalent* zur Bezeichnung der lexikalisch-grammatischen Einheiten, die aus zwei und mehr Komponenten bestehen und nach deren semantischen und grammatischen Merkmalen mit den zusammengescribenen lexikalischen Präpositionen zusammenfallen.

Präpositionale Wortäquivalente erweisen sich im Ukrainischen, Deutschen und Spanischen.

In linguistischen Studien sind solche Einheiten theoretisch eindeutig nicht definiert, die Frage bezüglich deren Status beleibt strittig. Manchmal werden sie zu den Phraseologismen gezählt [3; 4].

In der Arbeit „Präpositionswertige Präpositionalfügungen“ weist E. Beneš darauf hin, dass es kaum nützlich wäre, die Frage nach dem grammatischen Status solcher Ausdrücke zu stellen, wenn man auf einer strikten Einordnung („Einschachtelung“) dieser Fügungen in die Klassen von Phraseologismen oder Präpositionen beharrte [1, 33]. Seiner Ansicht nach, sinnvoll wird diese Frage, insofern man zu ihrer Lösung die Unterscheidung von Zentrum und Peripherie sprachlicher Kategorien bzw. Einheiten heranzieht [1, 33]. Nach der Auffassung der Prager Schule unterscheiden sich die Peripherieelemente von den zentralen dadurch, dass sie ins System weniger fest integriert, weniger funktional belastet und auch weniger frequent sind [2, 13]. F. Daneš ist der Meinung, dass nicht nur die Grenzen

zwischen Zentrum und Peripherie einer Kategorie, sondern auch die zwischen zwei benachbarten Kategorien offen und fließend sind, so dass zwischen diesen eine Übergangszone besteht [2, 14].

Die Forschung der präpositionalen Wortäquivalente widerspiegelt sich in den wissenschaftlichen Arbeiten von O. Antonova, L. Butko, J. L. Cifuentes Honrubia, D. Coufal, V. Garcia Yebra, K. Koike, Ch. Lehmann, Ch. Linqvist, A. Luchyk, J. Meibauer, M. Morera, E. Náñez Fernández, R. Rogozhnikova, J. Schröder, H. Ueda, A. Zagnitko und anderen Sprachwissenschaftlern. Es gibt dagegen in der modernen Linguistik keine systematischen Vergleichsstudien zu den präpositionalen Wortäquivalenten des Ukrainischen, Deutschen und Spanischen, woraus sich die Notwendigkeit des vielseitigen Vergleichs von diesen Einheiten ergibt.

Im vorliegenden Beitrag wird Aufmerksamkeit in erster Linie dem Vergleich der Ausdrucksform der präpositionalen Wortäquivalente des Ukrainischen, Deutschen und Spanischen zugewendet. Das lässt sich damit erklären, dass im Werden der Ausdrucksform der Prozess der Entstehung des Sprachzeichens vollendet wird [6, 16]. Die präpositionalen Wortäquivalente des Ukrainischen, Deutschen und Spanischen werden nach verschiedenartigen Modellen gebildet. Die Prinzipien der Modellierung der Wortäquivalente und Methodik deren Forschung wurden von A. Luchyk detailliert erarbeitet [5, 8]. Unter Bezugnahme auf die Arbeiten von A. Luchyk verstehen wir unter dem Modell eine linguistisch aufgestellte Struktur der grammatischen Konstruktionen, die den Mechanismus der Erzeugung durch die Sprache von deren Einheiten darstellt [5, 4].

Die Basismodelle sind die einfachste Art der Modelle der präpositionalen Wortäquivalente. Sie bestehen aus einer Anfangskomponente und einer Entfaltungskomponente. Die Basismodelle sind auf den präpositionalen Wortäquivalenten gebildet, die lexikalischen

und grammatischen Parameter der Komponenten von welchen mit anderen Untersuchungselementen nicht zusammenfallen.

Im Ukrainischen und im Deutschen bestehen je 17 Basismodelle, im Spanischen — nur 3. In allen drei Sprachen herrschen die Basismodelle präpositional-nominaler Herkunft vor. Das Ukrainische und Deutsche weisen je 13 solche Wendungen auf, das Spanische dagegen — 2.

Im Ukrainischen sind die Präpositionen in allen 13 Basismodellen der präpositionalen Wortäquivalente präpositional-nominaler Herkunft in Prästellung zu Substantiven, im Deutschen — in 11 Basismodellen. Im Spanischen sind die Präpositionen in beiden präpositionalen Wortäquivalenten präpositional-nominaler Herkunft in Poststellung zu den nominalen Komponenten. Im Deutschen wurde 2 Basismodelle gebildet, in denen präpositionale und nominale Komponente in Zirkumposition sind: *an ... Statt* und *um ... willen*.

Im Ukrainischen sind Präpositionen *за* und *на* gleichermaßen produktiv als Anfangskomponenten. Jede von denen erweist sich in drei Basismodellen dieser Art: *за* → *винятком*, *за* → *посередництвом*, *за* → *рахунок*, *на* → *правах*, *на* → *чолі*, *на* → *засадах*. Grammatische Variante des Letzteren ist Verbindung von der Präposition *на* mit einem weiblichen Substantiv in der Form des Lokativs Singular (*на* → *засади*).

Im Deutschen erweisen sich als am meisten produktive Anfangskomponenten Präpositionen *an*, *auf* und *in*. Jede von denen ist in zwei Basismodellen präpositional-nominaler Herkunft, wo Präpositionen in der Prästellung zu den nominalen Komponenten sind: *am* → *Ende*, *an* → *die Adresse*, *auf* → *den Namen*, *auf* → *Kosten*, *in* → *die Tiefe*, *in* → *Sachen*.

Im Spanischen sind die Präpositionen in beiden Basismodellen der präpositionalen Wortäquivalente präpositional-nominaler Herkunft in Prästellung zu den nominalen Komponenten. Im ersten Basismodell *gracias* → *a* fungiert als Anfangskomponente weibliches Substantiv in der Form des Plurals *gracias*, und als Entfaltungskomponente — Präposition *a*: **Gracias a** *esta decisión, él y su comité consiguieron en poco tiempo tener bien herrada la bolsa, dando así un carpetazo a todas las formas pueriles y románticas del activismo político* (F. Arrabal). Im zweiten präpositional-nominalen Basismodell des Spanischen *merced* → *a* ist Entfaltungskomponente auch Präposition *a*, und als Anfangskomponente fungiert weibliches Substantiv in der Form des Singulars *merced*.

Außer den präpositional-nominalen Modellen wurden im Ukrainischen und Deutschen auch je ein

präpositional-pronominales Basismodell gebildet, die ähnliche Struktur aufweisen und semantische zwischen-sprachliche Äquivalente sind: *при* → *всьому* (*всій, всіх*), *bei* → *allem...* (*aller, allen*).

Das dritte Basismodell des Spanischen *junto* → *con* ist eine adverbial-präpositionale Wendung. Da verbindet sich das Adverb *junto* durch syntagmatische Beziehungen mit der Präposition *con*: *Tuvo la sensación de que por primera vez desde que llegó a México, o al menos desde que se instaló en aquella gran casa, con todo su servicio precontratado de algún modo ya por Indalecio o adquirido quizás junto con la casa en la subasta, oía hablar a su doncella* (A. Pombo).

Adverbial-präpositionale Basismodelle der präpositionalen Wortäquivalente wurden auch in anderen Untersuchungssprachen gebildet. Im Ukrainischen gibt es 2 solche Konstruktionen. Im ersten Modell fungiert als Anfangskomponente Adverb *вдовж*, das sich mit der Präposition *по* verbindet. Dieses präpositionale Wortäquivalent hat eine phonetische Variante *удовж* *по*: *І посідають удовж по вулиці на завалинах, на колодках і, де можна, по під тинами* (H. Kvitka-Osnyvanenko). Das zweite adverbial-präpositionale Modell des Ukrainischen *вслід* → *за* hat 3 Varianten: *услід* → *за*, *слідом* → *за*, *слідком* → *за*. Im Deutschen wurde ein adverbial-präpositionales Basismodell gebildet: *zusammen* → *mit*.

Außer präpositional-nominalen, präpositional-pronominalen und adverbial-präpositionalen Basismodellen weist das Untersuchungsmaterial des Ukrainischen und Deutschen je ein Modell, das Partizipien enthält. Im Ukrainischen ist das partikular-partizipiales, im Deutschen — partizipial-präpositionales Modell. Deren graphische Darstellung sieht wie folgt aus: *не* → *враховуючи*, *beginnend* → *mit*.

Im Deutschen wurde ein Modell gebildet, das keine Äquivalente unter Basismodellen der anderen Sprachen hat. Das ist partikular-präpositionale Konstruktion *nicht* → *ohne*. In diesem Modell fungiert als Anfangskomponente Negationspartikel *nicht*, und als Entfaltungskomponente — Präposition *ohne*: *Das Auto überstand diese Torturen heil, aber nicht ohne Kritik* (W. Hars); *Das hat Hawa nicht ohne Süffisanz über den Tisch hinweg seinem Gegenüber, dem Tschup, gesagt* (F.J. Degenhardt).

Also auf dem Untersuchungsmaterial des Ukrainischen und Deutschen wurden je 17 Basismodelle der präpositionalen Wortäquivalente gebildet, auf dem Untersuchungsmaterial des Spanischen — nur 3.

Aus der Analyse der Herkunft der Komponenten der Basismodelle der präpositionalen Wortäquivalente

ergibt sich, dass die überwiegende Mehrheit der Modelle von drei Untersuchungssprachen präpositional-nominale Konstruktionen sind. Im Ukrainischen wurde 13 Basismodelle präpositional-nominaler Herkunft gebildet, im Deutschen — 13, im Spanischen — 2. Außerdem wurde im Ukrainischen zwei adverbial-präpositionale Basismodelle gebildet, im Deutschen und Spanischen — je ein. Das Untersuchungsmaterial weist auch je ein Basismodell der ukrainischen und deutschen präpositionalen Wortäquivalente präpositional-pronominaler Herkunft auf. Darüber hinaus wurde auf den ukrainischen präpositionalen Wortäquivalenten ein partikular-partizipiales Modell, und im Deutschen — ein partikular-präpositionales und ein partizipial-präpositionales Modell.

In den Basismodellen der ukrainischen präpositionalen Wortäquivalente herrschen die nominalen Komponenten in der Form des Lokativs und des Instrumentalis vor. Im Deutschen hat die Mehrheit der nominalen Komponenten der präpositionalen Wortäquivalente der Basismodelle die Form des Akkusativs, weniger — des Dativs. Für spanische präpositionale Wortäquivalente ist die Kategorie des Kasus nicht relevant, da für diese Sprache der Verlust des morphologisch markierten Kasus typisch ist. 8 ukrainische Basismodelle der präpositionalen Wortäquivalente enthalten die nominalen Komponenten sächlichen Geschlechts, 4 — männlichen Geschlechts, 1 — weiblichen Geschlechts. Im Deutschen herrschen in den Basismodellen der präpositionalen Wortäquivalente die nominalen Komponenten mit den Merkmalen des Femininums (5 präpositionale Wortäquivalente) vor, im Ukrainischen — substantivische Komponenten des Neutrum (8 präpositionale Wortäquivalente), im Spanischen — lediglich Komponenten des Femininums

(2 präpositionale Wortäquivalente). Nominale Komponenten der Mehrheit der Basismodelle der präpositionalen Wortäquivalente präpositional-nominaler Herkunft haben Singularform: im Ukrainischen nominale Komponenten von 10 präpositionalen Wortäquivalenten haben Singularform und nur 3 — Pluralform; nominale Komponenten von 11 Basismodellen des Deutschen haben Singularform und nur 2 — Pluralform; im Spanischen erweist sich je ein Modell mit Form von Singular und Plural.

Der Vergleich der Struktureigenschaften der präpositionalen Wortäquivalente des Ukrainischen, Deutschen und Spanischen gewährt also die Möglichkeit, die Wege der Erweiterung und Tendenzen der Entwicklung der Wortklasse Präposition im System der genannten Sprachen zu prognostizieren. Mit Rücksicht darauf, dass die ukrainische, deutsche und spanische Sprachen zu drei verschiedenen Gruppen der indoeuropäischen Sprachfamilie (zu den Slawischen, Germanischen und Romanischen Sprachen) gehören und in der Struktur deren präpositionalen Wortäquivalente eine Reihe der ähnlichen Merkmale entdeckt wurde, eröffnet die vorliegende Forschung weitere Perspektiven der komparativ-typologischen Analyse der Präpositionalisierungsprozesse in anderen Sprachen mit unterschiedlicher Struktur. Schlussfolgernd kann man sagen, dass das kontrastive Studium der präpositionalen Wortäquivalente in den Sprachen der anderen Gruppen und Familien neue Horizonte für weitere theoretische Untersuchungen im Bereich der Eigenschaften des Sprachsystems und des Sprachwandels eröffnet. Solche Studien können zur Entwicklung sowohl der kontrastiven, als auch der allgemeinen Sprachwissenschaft, Typologie und Übersetzungswissenschaft beitragen.

Referenz:

1. Beneš E. Präpositionswertige Präpositionalfügungen/E. Beneš//Sprachsystem und Sprachgebrauch: Festschrift für Hugo Moser zum 65. Geburtstag. – Düsseldorf: Schwann, – 1974. – S. 33–52.
2. Daneš F. The relation of centre and periphery as a language universal/F. Daneš//Travaux linguistiques de Prague 2: Les problemes du centre et de la peripherie du systeme de la langue. – Prague, – 1966. – S. 9–21.
3. Авксентьев Л. Г. Сучасна українська мова. Фразеологія: [навч. посіб. для студ. філол. факул. ун-тів]/Авксентьев Л. Г. – Харків: Вид-во при ХДУ видавничого об'єднання «Вища школа», – 1983. – 136 с.
4. Божко Ю. О. Варіанти фразеологічних одиниць прийменниково-відмінкової моделі/Ю. О. Божко//Лінгвістичні дослідження: зб. наук. праць. – Х.: ХДПУ, – 2004. – Вип. 13. – с. 54–57.
5. Лучик А. А. Властивості форми вираження еквівалентів часток в українській мові/А. А. Лучик//Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВЦ КДПУ, – 2003. – Вип. 48. – с. 3–9.
6. Лучик А. А. Принципи моделювання форми вираження прислівникових еквівалентів слова/А. А. Лучик//Наукові записки. – Сер.: Філологічні науки (мовознавство). – Вип. 35. – Кіровоград, – 2001. – с. 12–19.

*Tykhonina Svetlana Ivanovna,
Odessa National Maritime Academy,
postgraduate student, the Faculty of Philology
E-mail: tilcy@rambler.ru*

The Variation of Vowel Phonemes in Actor's Speech (based on British and American English)

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the actress's speech vowels' variation in the feature films' context: "The Devil Wears Prada" (2006) and "The Iron Lady" (2011). starred by Meryl Streep. The results of the analysis revealed slight variation of the analyzed vowels in accordance with pronunciation standards of the two variants of English — British and American.

Keywords: variation; pronunciation standard; vowels; actor's speech.

*Тихонина Светлана Ивановна,
Одесская национальная морская академия,
аспирант, факультет романо-германской филологии
E-mail: tilcy@rambler.ru*

Вариативность гласных фонем в актерской речи (на материале британского и американского вариантов английского языка)

Аннотация: В статье представлен анализ вариативности гласных фонем в речи актрисы Мерил Стрип в контексте двух художественных фильмов: «Дьявол носит Prada» (2006) и «Железная леди» (2011). Результаты анализа показали незначительную вариативность анализируемых гласных в соответствии с произносительными стандартами двух вариантов английского языка — британского и американского.

Ключевые слова: вариативность, произносительный стандарт, гласные актерская речь.

Общеизвестно, что вариативность фонем является основной характеристикой языка, в наибольшей мере проявляющейся в разговорном стиле. Понятие вариативности непосредственным образом включает подсистему аллофонного варьирования, когда в процессе реализации консонантно-вакалического комплекса той или иной языковой системы происходит употребление вариантов звуковых единиц [1, 45]. В свою очередь, аллофонное варьирование включает комбинаторно-позиционное и свободное варьирование. Так называемый факультативный (свободный) вариант фонемы может оказаться историческим или диалектным чередованием фонемы.

Актуальность представленной работы заключается в необходимости исследования вариативности гласных фонем в речи актрисы, представляющей британский и американский варианты английского языка.

Новизна исследования определяется тем, что впервые в качестве объекта сравнительного анализа избирается актерская речь в двух вариантах английского языка, британском и американском, в аутентичном исполнении в контексте художественного фильма.

Цель работы состоит в определении вариативности гласных в речи американской актрисы Мерил

Стрип, играющую британку и американку в контексте художественных фильмов.

Данная цель предполагает решение следующей **задачи:** рассмотреть особенности гласных в слитной речи в двух вариантах языка.

Материалом для анализа послужили 10 аудиозаписей из фильмов «Дьявол носит Prada» (2006 г.) и «Железная леди» (2010 г.) с Мерил Стрип в главных ролях. В фильме «Дьявол носит Prada» Мерил Стрип играет главного редактора известного модного журнала, в фильме «Железная леди» — премьер-министра Великобритании.

Были исследованы одно-, двух- и трехсложные слова, выделенные из потока речи и содержащие в своем составе исследуемые монофтонги: [I], [i:], [e], [æ].

При проведении аудиторского анализа мы рассматривали реализацию исключительно ударного гласного в слоге. Следует подчеркнуть, что слог как феномен звучащей речи понимается как «единство сегментных и супraseгментных единиц, образующих квазипостоянную наименьшую структуру, функционирующую в потоке речи, характеризующуюся объективными (акустическими и артикуляторными) признаками

и вычленяемую носителями языка при восприятии речевого потока» [4, 60].

В первом этапе аудиторского анализа принимали участие десять аудиторов иностранцев: 5 британцев и 5 американцев, представляющих средний класс британского и американского общества. Пять британцев (из Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса и Лондона) и пять американцев (из Нью-Джерси, Калифорнии и Нового Орлеана, Миннесоты и Иллинойса). Все аудиторы имеют высшее образование.

Во втором этапе принимали участие аудиторы, имеющие высшее филологическое образование, в том числе аспиранты факультета РГФ Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, специализирующиеся в области фонетики.

Перед аудиторами-иностранцами стояли следующие задачи:

1. прослушать и определить территориальную принадлежность актера — Великобритания или США;
2. из какого региона Великобритании и США.

Задачей второго этапа для аудиторов-филологов являлось прослушать и отметить, какие произносительные особенности указывают на американский или британский вариант произношения.

Двум группам аудиторов была представлена аудиоверсии исследуемых фильмов.

Результаты первого этапа аудиторского анализа показали, что аудиторы-британцы отметили в 80 % случаев произношение Мерил Стрип в фильме «Железная леди» как британское, хотя затруднялись определить из какого региона Великобритании актриса. Около 40 % определили регион как Юг Англии, остальные отказались отвечать на данный вопрос. 20 % аудиторов-британцев все же посчитали произношение Мерил Стрип как американское.

Американские аудиторы отметили, что произношение актрисы в фильме «Дьявол носит Prada» соответствует американской произносительной норме в 90 % случаев, и лишь 10 % затруднялись определить. В отношении регионов США, то здесь мнения разделились: 60 % аудиторов отнесли произносительные особенности речи к Северу США, 30 % — к восточным регионам, 10 % затруднялись ответить.

Британские аудиторы:

Происхождение:

Великобритания — 80 %;

США — 20 %.

Регион:

Великобритания, Юг — 40 %;

США, Восток — 10 %;

США, Север — 10 %.

Американские аудиторы:

Происхождение:

США — 90 %;

Затруднялись ответить — 10 %.

Регион:

США, Север — 60 %;

США, Восток — 30 %;

Великобритания (?) — 10 %.

Результаты второго этапа аудиторского анализа, где перед аудиторами стояла задача — определить гласные фонемы, являющиеся индикаторами территориальной принадлежности актрисы. Были представлены для прослушивания следующие гласными: [I], [i:], [e], [æ].

Гласный [I]

Данный гласный оценивался всеми аудиторами как отодвинутый назад по ряду в роли британского премьер-министра. В отношении движения в вертикальной плоскости наблюдается достаточно противоречивая картина, а именно: с одной стороны гласный по оценке аудиторов «движется вверх» (в роли британки), с другой стороны является более открытым, то есть «движется вниз» (в роли американской героини). Последняя оценка монофтонга свидетельствует о его сближении с нейтральным звуком, а также о значительной степени редукции. Особенно явно такое сближение было отмечено аудиторами в речи актрисы в позициях после сонанта (например, в слове swimming), а также в позиции после глухого шумного согласного (think).

Следует отметить, что аудиторы при восприятии гласного [I] описали реализацию гласного как приближенную к [e] в 40 % случаев, как аллофон [i:] в 30 % случаев реализации, в 10 % — как нейтральный гласный. Необходимо подчеркнуть несомненное влияние предшествующего сонанта на тембральные характеристики монофтонга, проявляющееся в большей открытости гласного.

Гласный [i:]

Анализ ошибок в восприятии дифтонгоида [i:] подтверждает существование различных тенденций в произнесении данного гласного. В составе слов более задняя артикуляция звука по сравнению с его стандартным произнесением находит свое выражение в том, что гласный иногда принимается за монофтонг [I], в то время как восприятие монофтонга [I] в качестве дифтонгоида встречается реже. Реализации [i:] в контексте также часто воспринимаются как [æ].

Те же ошибки, в других, однако, пропорциях, зарегистрированы и для некоторых позиционных реализаций краткого гласного, но если последний в ряде случаев принимается за [ʌ], то гласный ни в одном из проанализированных случаев с [ʌ] не смешивается. Наиболее верно гласный определяется аудиторами в позиции абсолютного начала, где гласный не подвержен влиянию предшествующего согласного.

Хотелось бы отметить, что гласный [i:] был оценен аудиторами как более открытый гласный по подъему в большинстве случаев реализации в контексте. Этот вариант реализации может быть интерпретирован двояко:

1) с одной стороны, качественная редукция данного дифтонгоида свидетельствует о его сближении с монофтонгом [I];

2) с другой стороны, такое движение гласного назад по ряду и большая степень открытости свидетельствует о его стремлении к центру фонетического пространства.

Более того, варьирование этого гласного определяется, в первую очередь, не позиционным положением в слове, т. е. зависимостью от предшествующего или последующего согласного, а тем, что гласный [i:] обладает набором акустически устойчивых характеристик, что позволяет ему являться маркером британской фонетической системы. Необходимо добавить, что в речи актрисы аудиторами отмечена наименьшая степень варьирования гласного, а также сближение его с кратким [I].

Гласный [e]

По сравнению со стандартным звучанием гласный оценивался аудиторами как более централизованный произносительный вариант. Практически в 40 % случаях его реализации отсегментированный гласный в речи актрисы в фильме «Дьявол носит Prada» интерпретировался аудиторами либо как звук [з:], либо как нейтральный гласный (50 %). Наиболее часто гласный воспринимался таким образом в положении после сонанта, а также после звонких согласных. В речи Мерил Стрип в фильме «Железная леди» гласный оценивался аудиторами как звук [e]. Во всех рассмотренных случаях восприятия гласного аудиторами — профессиональными фонетистами изменение гласного оценивалось как продвижение

в горизонтальной плоскости вправо (ретардация) в речи актрисы в американском фильме.

Гласный [æ]

В контекстуальной реализации и, зачастую, вне ее рассматриваемый монофтонг в речи американских актеров часто воспринимается как [e]. Данная ошибка в восприятии аллофона гласного не случайна, а легко объяснима с позиций найденных спектральных характеристик смешиваемых гласных. Гласный [æ] чаще всего воспринимается за [e], особенно в условиях контекста.

Сужение гласного приводит к тому, что его акустическое сходство с [e] еще более усиливается, что и обуславливает смешение [æ] именно с этим монофтонгом. Противоположная тенденция — сдвиг в сторону более задней и закрытой артикуляции. Проявлением более экстремальной тенденции можно считать восприятие аллофонов [æ] как звуков [ʌ], [ɔ].

Итак, в ходе проведения аудиторского анализа экспериментального материала в контексте художественных фильмов «Железная леди» и «Дьявол носит Prada» нами были выявлены следующие особенности восприятия отсегментированного гласного в речи актрисы Мерил Стрип:

1) в 20 % случаев гласный был оценен аудиторами как отодвинутый назад по ряду, то есть приближенный к варианту [ʌ].

2) доминирующим в 30 % реализации [æ] в ходе аудиторского анализа было признано смешение рассматриваемого гласного с гласным [e]. Более закрытый и продвинутый вперед по ряду вариант реализации монофтонга проявляется в восприятии гласного как в фонетическом контексте, так и вне его.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволило нам утверждать, что аудиторы в 80 % случаев отнесли речь актрисы М. Стрип в фильме «Железная леди» к британской произносительной норме, а в фильме «Дьявол носит Prada» речь актрисы в 98 % соответствует американской произносительной норме. Анализ вариативности гласных фонем в речи актрисы, проведенный аудиторами-филологами, показал незначительную вариативность произнесения исследуемых гласных, т. е. произношение соответствует стандартам британского и американского вариантов английского языка.

Список литературы:

1. Златоустова Л. В. Общая и прикладная фонетика. — М.: Высшая школа, — 1997. — 416 с.
2. Маковский М. М. Английская диалектология. Современные английские территориальные диалекты Великобритании. — М.: Высшая школа, — 2006. — 190 с.

3. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского и канадского вариантов английского языка). – М.: Фоллис, – 1992. – 284 с.
4. Шахбагова Д. А. Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка. – М.: Высшая школа, – 1982. – 128 с.
5. Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. – М.: Высшая школа, – 1990. – 142 с.
6. Labov W. Atlas of North American English: Phonology and Phonetics. Berlin: Mouton/de Gruyter, – 2006. – 244 p.
7. Lippi-Green R. English with an Accent. Language, Ideology and Discrimination in the United States. – London and New York: Routledge, – 1997. – 286 p.
8. Wolfram W. American English. Dialects and Variation. – Oxford: Blackwell, – 1999. – 398 p.

Section 12. Philosophy

Секция 12. Философия

*Egorow Anatolij Grigoriewitsch,
Kandidat der philosophischen Wissenschaften,
Dozent des Instituts für Philosophie,
Politologie und Sozialkunde der Fakultät «Wirtschaft und Management»
der Petersburg Universität der Verkehrswege von Aleksandr I
Email: anatoijegor@yandex.ru*

Gesetz der Synarchie

Abstrakt: Hauptaufgabe dieses Artikels ist die europäischen Denker mit den tiefsten Ideen des russischen esoterischen Philosophen, wenig bekannten nicht nur in Europa, sondern auch in Russland, W.A. Schmakow bekannt zu machen. In der angebotenen Abhandlung ist die kurze Analyse des Gesetzes der Synarchie, der wichtigen Schlüsselkonzeption W.A. Schmakow, der die neuen Horizonte im Verständnis der weltweiten Evolutions- und Involutionenprozesse eröffnet.

Keywords: Sinarchie, Evolution, Involution, W. Schmakow.

Wladimir Aleksejewitsch Schmakow ist ein profilierter und tiefer russischer Philosoph, der nicht nur den europäischen, sondern auch russischen Denkern wenig bekannt ist. Dazu gibt es viele Gründe. Ein der Gründe ist mit den epochalen Ereignissen, die in Russland in den ersten Drittel des XX. Jahrhunderts geschahen, anderer damit verbunden, dass W.A. Schmakow nach seinem Wesen ein gegenwärtige esoterische Philosoph ist. Seine Ideen und Konzeptionen war es schwierig, sogar den professionellen Philosophen anzueignen, besonders unter den Bedingungen der Herrschaft des Totalitarismus in Russland in der sowjetischen Zeit.

Wladimir Aleksejewitsch Schmakow wurde in Moskau, ungefähr in die achtziger Jahre des XIX. Jahrhunderts (eine der Versionen der Forscher seines Lebens — 1887, jedoch dokumentarisch nicht bewiesen) geboren. Er war ein Sohn des bekannten Juristen und Publizisten, rechtsgerichteten Persönlichkeit des öffentlichen Lebens A. S. Schmakow.

Nach der Bildung ist W.A. Schmakow Verkehrsingenieur. Aber solange misslang es festzustellen, in welchem Institut er studierte — in Petersburger (Institut der Ingenieure der Wege der Mitteilung) oder in MIIT (Moskauer Institut der Ingenieure des Transportes). Den großen Teil des Lebens beschäftigte sich W.A. Schmakow mit der esoterischen Philosophie, er war im Stande

um sich nicht wenig talentvoller Vertreter verschiedener philosophischer Richtungen, aber hauptsächlich die Mystischen, sammeln.

Unter dem Druck der bekannten Verhältnisse, die in Russland nach 1917 und besonders in Herbst 1922 entstanden, emigrierte er mit der Familie zuerst in Deutschland, dann in Tschechoslowakei. Jedoch zieht er bald in Argentinien (andere Version — in die Schweiz). Er ist in Oktober 1929 vom Hirnschlag gestorben.

Während seiner allgemein kurze Lebensdauer, geschafft W.A. Schmakow nur zwei große Werke zu schreiben und zu veröffentlichen: «Das Heilige Buch von Thoth. Große Fangschlinger Taro» (M, 1916) und «Grundlagen der Pneumatologie» (M, 1922). Und nur nach den mehr als 70 Jahren waren seine Werke wieder, zuerst in der Ukraine, und später und in Russland [13; 14; 15], herausgegeben. Außerdem hat er noch ein wichtiges Werk „Gesetz der Synarchie und Lernen über die zweifache Hierarchie der Monade und Mengen“ geschrieben (aber nicht wie vorhergehend zwei geschliffen); dieses Werk hat W. Schmakow noch in 1915 geschrieben, aber zum ersten Mal war das in Kiew nur in 1994 herausgegeben. Es gibt auch die Mutmaßungen, dass W.A. Schmakow noch ein epochales Werk „Hauptgesetze der Architektonik der Welt. Einheit — Binär, Ternär und Quartner“ geschafft zu schreiben. Jedoch ist bis jetzt der Text dieses Werkes nirgends aufgedeckt.

Aber es gibt die Informationen, dass die Hauptideen dieses Werkes von ihm in den deutschen philosophischen Zeitschriften, herausgegeben vor 1916, in Deutsch dargestellt waren.

Obwohl alle verfügbaren Werke von W.A. Schmakow in die Letzten zwanzig Jahre mehrfach verlegt wurden, ist seine philosophische Konzeption bis jetzt von niemandem solide untersucht. In Russland bis jetzt gibt es nur wenige Forscher der Philosophie von W.A. Schmakow, die die Reihe der Abhandlungen, die seinen grundlegenden Ideen gewidmet sind, veröffentlicht haben. [Sehen Sie 1–8]

In der Philosophie von W.A. Schmakow hervortreten vor allem zwei Schlüsselideen. Es ist die Idee der Pneumatologie, der sogenannten theoretischen Mechanik des Entstehens des Geistes, in der er die Synthese der Philosophie, der Religion und des archaischen, mythologischen und poetischen Wissens versucht zu machen hat. Das Objekt der Pneumatologie ist wie transzendent, als auch immanent, das heißt die empirische, Realität. Und auch die Idee des Gesetzes der Synarchie, die in dieser Abhandlung eben betrachtet wird.

Das Gesetz der Synarchie ist das Hauptgesetz des Daseins und das Hauptprinzip des Daseins unseres Bewusstseins. In Synarchie findet den Ausdruck Dialektik der Einheit des Geistes und allgemein Hierarchie des Daseins.

1. Was ist Synarchie? Synarchie (griechisch — Mit-Verwaltung). Zum ersten Mal wurde dieser Begriff von Saint-Yves d'Alveydre (1842–1909) eingeführt. Synarchie ist das Gegenteil von der Anarchie, einiges hierarchisches Gesetz der Existenz des perfekten Organismus der Menschheit.

Synarchie ist ein Urbild des Kosmos. Jedes Bewusstsein ist ein Teil der weltweiten Synarchie. Die ganze Welt ist Synarchie. Die Welt des Noumenon, das heißt die intelligible Welt ist ganzheitliche Synarchie — die ideale Erschließung der Absolute. Jedoch «... ist das ein Prototyp der Synarchie, aber nicht eine realisierte Synarchie, Synarchie des Kosmos» [13,35]. Wirkliche Synarchie ist das Wesen der wahren Anlage des Kosmos, in dem alle Teile der Hierarchie organisch immer in der ganzen hierarchischen Raum ewig verknüpft sind.

Synarchie in sich ist Sofia, das „nicht die Substation, nicht die Erscheinungsform der Realität, nicht das konkrete Werk, sondern die Etappe des transzendenten dialektischen Prozesses, die Idee des Öffnens Wahr solch“ ist [14, 106]. Sofia (Vidya in der indischen Philosophie, Hokhmah und Daat in Kabbala) ist potentielle Synarchie.

Sofia, oder die Weisheit, ist das Prinzip der Weiblichkeit, das ist ein Inhalt der göttlichen Erkenntnis, der Mutter aller, was außer dem Gott existiert [10,9]. Die grundlegende Eigenschaft Sofias — der Aufenthalt in sich, die innere Eigenbehauptung [15,368]. Sofia ist die Trägerin des vorewigen schöpferischen göttlichen Vorhabens, des idealen Urbildes der Welt [12, XII]. Sofia ist die kluge Konzentration-in-sich, kluge Umsetzung vor dem Übergang in Differenzierbarkeit, Materialität der Welt [9, 432]. Sofia ist ein weltweiter und superweltweiter Verstand, der jedoch von jener Seite gegeben ist, die zur Welt und die gewandt ist deshalb ist ein System der schöpferischen Ideen, die die Prinzipien möglichen Andersseins überhaupt darstellen, oder ihrem rein Bedeutungsbild [9, 482].

Also, Sofia ist die vierte Erscheinungsform der Gottheit (wie meinte W. S. Solowjew), aber sie ist auch kein Teil der geschaffenen Welt. „Sie ist der reine Widerschein des ewigen Lichtes und der reine Spiegel der Handlung Gottes und die Weise seiner Güte“ (Buch der Weisheit Salomos. VII, 24–27) [14, 106]. Mit anderen Worten, Sofia ist das innere Selbstbewusstsein der Gottheit. Sofia war, wenn es noch nichts war. Sofia war vor dem Nichtsein. Solcher Zustand Sofias ist über jedem Wortes und unaussprechlich [15, 69–70].

2. Gesetz der Synarchie. Gesetz der Synarchie ist das Hauptgesetz der Welt, sein Wesen, das Ziel und der Mechanismus des ganzen Daseins. „Die Welt ist ein organisches Ganzes“ — das ist ein Elementarausdruck des Gesetzes der Synarchie. Die Verwirklichung des Schaffens und die Behauptung des Gesetzes der Synarchie sind nach dem Wesen die adäquaten Ideen.

Das Gesetz der Synarchie enthält zwei binäre Gesetze (das heißt die Gesetze, die sich in den binären Beziehungen befindend): das Gesetz der hierarchischen Struktur, wie die Antithese Binärs, zeigt den Inhalt der These seines Binärs, und das Gesetz der Einheit. Mit anderen Worten, das Gesetz der Synarchie aufschließt sich in der Antinomie (das heißt vertikal Binär oder Binär der zweiten Art), wo die These die Idee der allgemeinen Einheit ist, und die Antithese ist die Idee der Hierarchie [13, 150].

Jede höchste Stufe der Hierarchie ist in Bezug auf die niedrigsten Stufen die Quelle des Elementes der allgemeinen Einheit, das heißt ist ein Begleiter des Elementes der allgemeinen Einheit [14, 451]. Die höchsten und niedrigsten Stufen irgendwelchen hierarchischen Gliedes bilden ein Binär der ersten Art (das heißt eine vertikale Binär), wo die höchste Stufe die These solcher Binär, und die niedrigste seine Antithese ist [14, 457]. Außerdem

geschehen in schöpferischen Entwicklungsprozess in einem beliebigen hierarchischen Glied die Erschließung der These dieser Binär und die Evolution seiner Antithese. Die These solcher Binär ist etwas ähnlich stationäre Monade und der Gesamtheit Noumenon-Kategorien, und die Antithese ist das dynamische aktuelle Bewusstsein und einige Gesamtheit der kategorialen kinetischen Agenten [14, 458].

Je die höhere Stufe der Hierarchie erreicht in seiner Bewegung einem konkreten Menschen, desto über die große Würde er verfügt, tief und vielfältig ist er mit anderen Arten des Daseins des Kosmos verbunden. In solchem Menschen Allgemein findet den tiefen und breiten Ausdruck, und allmählich, immer mehr adäquat, wird in ihm reproduziert. Man muss auch berücksichtigen, dass die vertikale Hierarchie „nach dem Gesetz des qualitativen Anwachsens der Natur, der unteilbaren Entdecken der Realität“ aufgebaut ist, während „die horizontale Hierarchie nach dem Gesetz des quantitativen Anwachsens des Inhalts ihrer aktiven Gliederungen aufgebaut ist“ [14, 470].

Das Gesetz der Synarchie ist das Gesetz der hierarchischen Struktur des Kosmos. Der Kosmos ist etwas einheitlich, ganz, das heißt, er ist ein Organismus. Und mal der Kosmos ist ein Organismus, so sind seine abgesonderten Teile nach dem Gesetz des Anwachsens der Typen, das heißt nach dem Gesetz der Hierarchie, gelegen. Der Kosmos, als konkret und empirisch, ist eine Objektivierung des plastischen, in der Vorstellung werdenden, Stroms [14, 562]. Der Kosmos, wie das hierarchische System, entsprechend zwei verknüpften Prinzipien aufgebaut ist: des Anwachsens der qualitativen Würde und des damit harmonierenden Anwachsens der Freiheit des Einzelnen. Je das höhere Niveau erreicht der Mensch, desto mehr qualitative Tiefperspektive verfügt seine Natur, mehr Möglichkeiten hat er, mehr Gesetze des Daseins weißt und verwirklicht er [14, 580]. Nichtsdestoweniger soll der Mensch sich immer erinnern, dass sich der Kosmos von einer unendlichen Menge der parallelen Pläne bildet, die der Mensch, bis er nur den Menschen bleibt, wenn auch des sehr hohen Niveaus der Würde, in der Einheit und der Ganzheit niemals aneignet. „Die Pläne des Kosmos gleichzeitig endlich eben unendlich sind; sie sind voneinander isoliert und koexistieren gegenseitig; sie sind in der Einzelheit konkret und gleichzeitig sind Allgemein immanent“ [14, 644]. Der Kosmos ist eine widersprüchliche, antinomische Einheit der Diskontinuität und der Kontinuität. Der Kosmos kommt aus den Antinomien, das heißt aus Binärs, er wird in den Antinomien geöffnet und auf den Antinomien gründet. Deshalb ist

das Dasein, das Leben des Kosmos die Tragödie, es ist ein grenzenlos anwachsender tragischer Prozess [13, 179]. Nichtsdestoweniger, „in der kosmischen Evolution werden nur die disharmonische Bildungen zerstört, es kommen nur die scheinbaren Werte und falsch Synthese um, im Gegenteil alle organischen Bildungen, die realen Reichtümer und gültige Synthese nur ununterbrochen entwickeln sich und werden geschmückt, von einer Stufe der Hierarchie auf andere übergehend“ [13, 265].

Das Leben des Kosmos verläuft wie die ständige Realisierung des Inhalts der Einheit in der Vielfalt und die Harmonisierung der Vielfalt in der Einheit. Im Kosmos immer sind zwei parallele Hierarchien anwesend: die Hierarchie der Einheiten und die Hierarchie der Vielfalt [13, 45]. Und gerade der Mensch verbindet in sich diese zwei Hierarchien, deshalb er ist die Achse des Kosmos.

Ein beliebiger Organismus ist ein natürliches Symbol des Gesetzes der Synarchie, eine objektive Konkretisierung seines Spekulationssinnes. Aber gerade im Menschen wird das Gesetz der Synarchie am meisten adäquat reproduziert und realisiert: „weil er von der Einheit alle Stufen aller Hierarchien durchdringt und wieder wiedervereinigt sie in der synthetischen Einheit“ [14, 316]. Der Übergang von kosmischen Synarchie zu evolutive Aktualisierungen verwirklicht sich nur mit der Geburt der konkreten erkennenden Subjekte, und zwar mit der Übertragung der Subjektivität aus Absoluten Einheit in die Perspektive der zweifachen Hierarchie der Monaden und Mengen, in die individuellen Gliederungen der Synarchie [14, 99, 198].

Die Erkenntnis des Gesetzes der Synarchie ist ein Endziel der ganzen Evolution des Menschen auf dem Weg der Vernunft. Das Gesetz der Synarchie zu verstehen bedeutet nicht nur den ganzheitlichen Inhalt des Anfanges der Vernunft zu behalten, sondern auch der ausführlichen Weise, die intelligible Gestalt des Weltalls wahrzunehmen [13, 14]. Das Gesetz der Synarchie ist seiner Art Imperativ, der ins Bewusstsein von außen kommt.

Den niedrigsten Gürtel der Synarchie, das heißt die physische Welt, erkennt der Mensch mit Hilfe der Kategorien der Materie, der Form und der Energie.

Den höchsten Gürtel der Synarchie, das heißt die Noumenon-Welt, erkennt der Mensch mit der Hilfe der pneumatologischen Kategorien des Willens, der Mystik und der Vernunft. Die Errungenschaft der Einheit in dieser Erkenntnis gibt dem Menschen die Weisheit — den positiven synarchischen Inhalt, in dem die subjektive Synarchie unzertrennlich, aber zweigleisig mit der objektiven Synarchie verknüpft ist. Für den Aufstieg bis zum

Niveau der positiven Synarchie dem Menschen ist es notwendig, einerseits, die Einheit mit der ganzen Menge der privaten Einheiten zu erreichen, von anderer Seite, ist ihm die Errungenschaft der Einigkeit mit ihrem höchsten, synthetisch weiten Einheit notwendig.

Aus dem Vorstehenden kann man viel wichtiger Schlussfolgerungen und Empfehlungen machen. Jedoch erlaubt der begrenzte Umfang der vorliegenden Arbeit

es nicht. Deshalb, angesichts der Ereignisse und der Prozesse, die in Russland im XXI. Jahrhundert geschehen, werden wir nur bemerken, dass die Zentralisierung der Macht, den Vertrieb der zentralisierten bürokratischen Systeme dem Gesetz der Synarchie widersprechen und behindern das synarchischen Anwachsen, das heißt sind die Durchbrechung des Gesetzes der Synarchie, mit allen dazugehörigen Folgen.

Referenz:

1. Геворкян А. Р. Проблема Диониса и Аполлона у Ф. Ницше и В. Шмакова // Вопросы философии. – 1999. Вып. 6. с. 121–132.
2. Егоров А. Г. Владимир Шмаков – инженер и философ / Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2014»». – Выпуск 1. Том 31. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. – С. 17–21. ЦИТ: 114–735.
3. Егоров А. Г. Соотношение рационального и иррационального в философии Владимира Шмакова // Философия XX века: школы и концепции. Материалы научной конференции 23–25 ноября 2000 года. СПб., 2000, с. 412–414.
4. Егоров А. Г. Пластичность и монадность / Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2013»». – Выпуск 3. Том 28. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. – С. 76–85. ЦИТ: 313–0935.
5. Егоров А. Г. Место и роль бинарности в мире монад / Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2013»». – Выпуск 4. Том 31. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. – С. 19–23. ЦИТ: 413–1063.
6. Ерёмин В. И. Забытый гений России // Дельфис. – 2004. – № 2. С. 29–31.
7. Ерёмин В. И. Закон синархии В. Шмакова – философская основа социогенетики // Социогенетические основания трансформации общества. – Кострома. 2004. – С. 129–133.
8. Зорина Е. В. Шмаков, Владимир // Большая биографическая энциклопедия. [dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/120041/Шмаков] [По состоянию на 25.02.14].
9. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм. – М.: Искусство, 1980.
10. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
11. Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. – М.: Аграф, 2000.
12. Хоружий С. С. О философии священника Павла Флоренского // Столп и утверждение истины. Том 1., М., 1990, с. XII.
13. Шмаков В. Закон синархии и учение о двойственной иерархии монад и множеств. Киев.: «София». Ltd., 1994.
14. Шмаков В. Основы пневматологии. Киев.: «София», Ltd., 1994.
15. Шмаков В. Священная книга Тота. Великие Арканы Таро. Киев. 1993.

*Egorow Anatolij Grigoriwitsch,
Kandidat der philosophischen Wissenschaften,
Dozent des Instituts für Philosophie,
Politologie und Sozialkunde der Fakultät «Wirtschaft und Management»
der Petersburg Universität der Verkehrswege von Aleksandr I
Email: anatolijegor@yandex.ru*

Über die Pneumatologie von W. A. Schmakow

Abstrakt: Hauptaufgabe dieses Artikels ist die europäischen Denker mit den tiefsten Ideen des russischen esoterischen Philosophen, wenig bekannten nicht nur in Europa, sondern auch in Russland, W. A. Schmakow bekannt

zu machen. In der angebotenen Abhandlung ist die kurze Betrachtung der Hauptideen der Pneumatologie — des Lernens über die Gesetze des Entstehens des Geistes erstellt.

Keywords: Pneumatologie, Mystik, Vernunft, Wille, W. A. Schmakow.

Der absoluten Mehrheit der europäischen Denker ist es nicht nur den Inhalt der Arbeiten russischen Philosophen Wladimir Aleksejewitsch Schmakow, aber sogar sein Name sicher nicht bekannt. Jedoch war er einen profilierte Denker, einen der tiefsten, geheimnisvollen und esoterischen Philosophen Russlands im ersten Drittel des XX. Jahrhunderts, verfügend über das kolossale Wissen, besitzend viele europäische und alte Sprachen. Die Werke des W. A. Schmakow sind mit der riesigen geistigen Energie, der intellektuellen Intuition und der Gelehrsamkeit des höchsten Niveaus gesättigt. Die Aufgabe der angebotenen Abhandlung ist die Wissenschaftler Europas mit den grundlegenden Ideen dieses originellen russischen Philosophen bekannt zu machen.

Aufgrund der Ereignisse, die auf Russland gerade im ersten Drittel des XX. Jahrhunderts hereinbrachen, ist es über das Leben und das Schaffen des W. A. Schmakow sehr wenig bekannt (erfreulicherweise mit Ausnahme seiner philosophischen Werke, die fast alle bis zu unserer Zeit gekommen sind). Jedoch sind einige Nachrichten über sein Leben und des Schaffens erhalten geblieben.

Wladimir Aleksejewitsch Schmakow wurde in Moskau, ungefähr in die achtziger Jahre des XIX. Jahrhunderts (laut einer der Versionen der Forscher seines Lebens das Jahr seiner Geburt — 1887, jedoch dokumentarisch ist dieses Datum nicht bestätigt) geboren. Er war ein Sohn des bekannten Juristen und Publizisten, rechtsgerichteten Persönlichkeit des öffentlichen Lebens A. S. Schmakow.

Nach der Bildung ist W. A. Schmakow Verkehrsingenieur. Den großen Teil des Lebens beschäftigte sich W. A. Schmakow mit der esoterischen Philosophie, er war im Stande um sich nicht wenig talentvoller Vertreter verschiedener philosophischer Richtungen, aber hauptsächlich die Mystischen, sammeln.

Unter dem Druck der bekannten Verhältnisse, die in Russland nach 1917 und besonders in Herbst 1922 entstanden, emigrierte er mit der Familie zuerst in Deutschland, dann in Tschechoslowakei. Jedoch zieht er bald in Argentinien (andere Version — in die Schweiz). Er ist in Oktober 1929 vom Hirnschlag gestorben.

Während seiner allgemein kurze Lebensdauer, schafft W. A. Schmakow nur zwei große Werke zu schreiben und zu veröffentlichen: «Das Heilige Buch von Thoth. Große Fangschlinger Taro» (M, 1916) und

«Grundlagen der Pneumatologie» (M, 1922). Und nur nach den mehr als 70 Jahren waren seine Werke wieder, zuerst in der Ukraine, und später und in Russland, herausgegeben. Außerdem hat er noch ein wichtiges Werk „Gesetz der Synarchie und Lernen über die zweifache Hierarchie der Monade und Mengen“ geschrieben (aber nicht wie vorhergehend zwei geschliffen); das war zum ersten Mal in Kiew in 1994 herausgegeben [Sehen Sie 10; 11; 12]. Es gibt auch die Mutmaßungen, dass W. A. Schmakow noch ein epochales Werk „Hauptgesetze der Architektonik der Welt. Einheit — Binär, Ternär und Quartner“ geschafft zu schreiben oder einen Entwurf gemacht hat. Jedoch ist bis jetzt der Text dieses Werkes nirgends aufgedeckt. Aber es gibt die Informationen, dass die Hauptideen dieses Werkes von ihm in den deutschen philosophischen Zeitschriften, herausgegeben vor 1916, in Deutsch dargelegt waren.

Obwohl alle verfügbaren Werke von W. A. Schmakow in die Letzten zwanzig Jahre mehrfach verlegt wurden, ist seine philosophische Konzeption bis jetzt von niemandem solide untersucht. In Russland bis jetzt gibt es nur wenige Forscher der Philosophie von W. A. Schmakow, die die Reihe der Abhandlungen, die seinen grundlegenden Ideen gewidmet sind, veröffentlicht haben [1–9]. Es gibt keine monographischen Forschungen. Und es ist nicht merkwürdig. Die Aneignung der philosophischen Meinungen von W. A. Schmakow fordert die solide philosophische Vorbereitung und langwierige Bemühungen.

In der Philosophie von W. A. Schmakow hervortreten vor allem zwei Schlüsselideen. Es ist die Idee der Pneumatologie, der sogenannten theoretischen Mechanik des Entstehens des Geistes, in der er die Synthese der Philosophie, der Religion und des archaischen, mythologischen und poetischen Wissens versucht zu machen hat. Das Objekt der Pneumatologie ist wie transzendent, als auch immanent, das heißt die empirische, Realität. Pneumatologie selbst enthält die Statik — das Lernen über drei grundlegend pneumatologische Kategorien — des Willens, des Geistes und der Vernunft und die Kinematik (in der Terminologie von W. A. Schmakow manchmal wirkt sich seine technische Ingenieurbildung offenbar aus) — das Lernen über den dialektischen Charakter der Prozesse, die wie im Bewusstsein, als auch in einen Wechselwirkungen mit der Umwelt verlaufen.

In dieser Abhandlung betrachten wir die grundlegenden pneumatologischen Ideen von W.A. Schmakow.

Pneumatologie ist das Lernen über das ontologische Wesen des Entstehens der Monade, mit anderen Worten, die Aufgabe der Pneumatologie besteht in der Erschließung des ontologischen Wesens des Entstehens der Realität. Der pneumatologische Prozess ist das Wesen, den Träger und den Mechanismus des Lebens. Gerade äußert sich in diesem Prozess das Wesen eines beliebigen Schaffens aus.

Der pneumatologische Prozess ist nur noumenal oder nur phänomenal nicht, darin ist sowohl jene als auch andere in der organischen, dialektischen Kupplung anwesend. Der pneumatologische dialektische Prozess ist nicht ein metaphysischer Zyklus der konsequenten Emanationen, nicht eine Kette der logischen Entfaltung des primären Begriffes, sondern ein konkret Spekulationswesen des organischen Lebens [11, 123].

Die allgemeine Formel des kosmischen dialektischen Prozesses ist dies: die primäre Einheit (die These), sich die Vielfalt (die Antithese) entgegensetzend, schafft die Gesamtheit der Hierarchien und, in ihnen geöffnet worden, stellt die allgemeine Einheit wieder her, das heißt behauptet die Konkretheit [11, 122]. Mit anderen Worten, es ist die schöpferische Kupplung der aktiven potentiell-konkreten Subjektivität mit der passiven potentiell-diskreten Objektivität, bringend zur Geburt der aktuellen konkreten Subjekt-Objektivität. Es ist die Einführung des Geistes in die Materie und die Erhöhung ihres hierarchischen Potentials bis zur Geisteswelt.

Die Mystik, die Vernunft und der Wille sind drei pneumatologische die Kategorien, die die organische Modus des Geistes sind, die in unserer phänomenalen Welt gezeigt werden. Diese drei grundlegenden Kategorien wenden, entsprechend dem Prinzip Binäres oder der Binarität, in zwei Systemgruppen pneumatologische Kategorien: das transzendente System, in dem „die Potenzialität der transzendente pneumatologische Kategorien in der Abwesenheit der Begreiflichkeit in ihnen tiefen Verschmelzung und der lebenswichtigen Zusammenarbeit mit dem plastischen Strom besteht“ [11, 535] und das immanente System — ein quasi-selbständige System der pneumatologischen Kategorien. Damit dem Dasein aktuell zu werden, muss er sich brechen, sich in allen drei diesen Kategorien realisieren [11, 96].

Die Mystik ist das Wesen, das die organische Einheit des Kosmos schafft. Sie ist das Wesen und der Inhalt eines beliebigen Daseins. Die Kategorie der Mystik wird sich im gegebenen Bewusstsein in solchem Maß aufgeschlossen,

in welches es von der Empfindung des kosmischen Daseins durchgedrungen wurde. In der Kategorie der Mystik verbinden sich alle Stufen der Wahrnehmung der Synarchie des Kosmos, es geschieht die Verschmelzung mit noumenal und phänomenal. In der Mystik wird die unmittelbare Empfindung solcher Realität die Empfindung der Substantialität des Daseins, die Durchdringung von „Ding an sich“ [11, 86] in die Natur, realisiert. In der Kategorie der Mystik nimmt das aktuelle Bewusstsein den inneren Inhalt aller Formen des Daseins wahr [11, 94]. Die Idee der Liebe ist ein dynamischer Ausdruck des Wesens des Mystikers [11, 214].

Die Kategorie der Mystik hat den zentrierenden Charakter, während die Kategorie der Vernunft peripherisch ist. Die Mystik, wie die These des Binärs (die Mystik — die Vernunft), in sich unveränderlich ist, aber sie wird sich in die evolutionär steigende Reihe des Modus mit Hilfe der aufmachenden Handlung der Vernunft schöpferisch aufgeschlossen [11, 107]. Die Mystik und die Vernunft gelten in den polar-entgegengesetzten Richtungen. Wenn bei der einseitigen Handlung der Vernunft die Behauptung der eigenartigen Eigenart der gegebenen Monade, objektivieren die Besonderheiten der Individualität und ihr Wesen geschieht, so sind bei der einseitigen Handlung des Bewusstseins des Menschen nach der Kategorie der Mystik „... alle Abgrenzungen und Objektivierung, erfüllt früher von der Vernunft, spurlos verloren. Unendlich und Zeitlos löst in sich die individuelle Welt vollständig auf, die sofort winzige und beklagenswerte wird. Der Mensch wird mit dem pulsierenden Strom des unabhängigen kosmischen Daseins zusammengezogen, und letzt, was dabei die erlöschende Vernunft fängt, ist eine Empfindung der unerklärlichen Glückseligkeit“ [11, 280].

Die Mystik ist die Grundlage der Idee der Einheit, während die Vernunft die Grundlage der Idee der Vielfalt ist. Die Mystik, wie das Gefühl der Einheit und der Ganzheit, die Bewegung wie *eine ununterbrochene* Erscheinung, während die Vernunft unmittelbar wahrnimmt, wie der Anfang teilend und plural, ganz wie die *Gesamtheit der bildenden Teile* wahrnimmt [11, 155].

Vom ontologischen Standpunkt, die Vernunft ist ein Macher, die die hierarchische Perspektive des Kosmos schafft, behauptend die subjektive Eigenart und die Form jedes einzelnen Daseins, die „... ist die Quelle und der Umsetzer der Differenzierung des Inhalts des absoluten Daseins und der wiederkehrenden Organisation der Vielfalt seines Modus in der einheitlichen Synarchie“ [11, 86–87].

Vom pneumatologischen Standpunkt, die Vernunft ist die aktuelle Eingliederung des

Bewusstseins bis zu den kosmischen Hierarchien, die schöpferische Verteilung des Inhalts des Daseins nach den Stufen verschiedener privater Hierarchien, der Gliederungen der globalen Synarchie. „Gerade in der Kategorie der Vernunft geschieht der Prozess der hierarchischen Selbstbestimmung des aktuellen Bewusstseins nach der Beziehung wie zu noumenal, als auch phänomenal“ [11, 87].

Vom ontologischen Standpunkt, „der Wille ist das schöpferische Entdecken der Substation, das den Kosmos zum Dasein und konkret machenden kosmischen dialektischen Prozesses primär herbeiruft“ [11, 87]. Der Wille ist die Quelle und der Motor des Lebens.

Vom pneumatologischen Standpunkt, „die Kategorie des Willens wird im Bewusstsein jedes konkreten Wesens ausgeschlossen, da es in sich die kosmische Sucht für das Selbstbewusstsein im Schaffen realisiert“ [11, 88]. „Der Wille ist das Element des konkreten Entdeckens des Geistes in der schöpferischen Differenzierung der Modi des Daseins und in ihrer schöpferischen Organisation in der Synarchie“ [11, 88]. Der Wille wird mittels ontologischen Binärs „die Mystik — die Vernunft“ abgeschlossen. Der Wille ist das äußerliche Selbstbewusstsein des Geistes. Der Mensch in solcher Stufe verwaltet seinen Willen, in welchen er sich des eigenen Geistes bewusst ist [Sehen Sie 12, 76].

Pneumatologie von W. A. Schmakow beschreibt sehr tief und aufschließt zwei globale Krisen der Kosmogonie.

Die erste Krise besteht in der Hierarchisierung der pneumatologischen Kategorien: „Im transzendenten dialektischen Prozess ereignet sich die Kupplung und gegenseitig Zuordnung der Pole des höchsten Binärs: die Einheit — die Vielfalt, wodurch zum Dasein die potentielle-konkrete Idee der hierarchischen Struktur entsteht. *Das ist ein Akt des potentiellen Einschlusses vom Dasein der Idee des Andersseins, des Einschlusses vom Zentrum der Idee der Peripherie*“ [11, 149].

In der zweiten Krise begreift in sich das hierarchische System der pneumatologischen Kategorien die synthetische Kategorie der Reihenfolge: „Das ist ein Akt des aktuellen Einschlusses vom Dasein des Andersseins wie des perspektivischen Entdeckens der Spekulationskonkretheit, der Aktion der Subjektivität der Monade aus dem Zentrum auf die Peripherie, aus der genetischen Einheit in die Vielfalt, damit im Endergebnis des Prozesses wieder, in die Einheit, aber schon synthetisch zurückzukehren“ [11, 150].

So sehen wir sogar in diesen kurzen Notizen die Tiefe und die Großzügigkeit des Denkens und die intellektuelle Einsicht von W. A. Schmakow. Klar sind die Spuren der Hegels Philosophie: im dialektischen Herangehen an die Kategorien des Bewusstseins, in der Analyse der Dreifaltigkeit der Prozesse in der Welt und dem Bewusstsein. Und es wird der ernsthafte Versuch gleichzeitig gefühlt, auf das höhere Niveau der Synthese hinaufzusteigen, als es beim großen deutschen Philosophen war. Die wahrhafte Philosophie ist ein denkendes Hellsehen, eine mystische Denkweise. In solcher Philosophie ist die Vernunft eine geistig bewusste Intuition.

Es ist auch den Einfluss auf die Konzeption von W. A. Schmakow der Ideen von A. Schopenhauer und W. Solowjew zu bemerken. Die Philosophie von W. A. Schmakow ist auch den Existentialismus verwandt: das Dasein beim W. A. Schmakow trägt den hell geäußerten existentialen Charakter. Insgesamt, die kosmogonische Methode der Philosophie von W. A. Schmakow ist an der Philosophie des russischen Kosmismus sehr nah. Die bedeutende Stelle in der Philosophie von W. A. Schmakow nimmt auch die philosophische Anthropologie ein: der Mensch ist ein kompliziertes, widersprüchliches, binär-ternäres Wesen; er gleichzeitig sowohl das Werk als auch der Schöpfer.

Referenz:

1. Геворкян А. Р. Проблема Диониса и Аполлона у Ф. Ницше и В. Шмакова // Вопросы философии. – 1999. Вып. 6. с. 121–132.
2. Егоров А. Г. Владимир Шмаков – инженер и философ / Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2014'». – Выпуск 1. Том 31. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2014. – С. 17–21. ЦИТ: 114–735.
3. Егоров А. Г. Пластичность и монадность / Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2013'». – Выпуск 3. Том 28. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. – С. 76–85. ЦИТ: 313–0935.
4. Егоров А. Г. Место и роль бинарности в мире монад / Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2013'». – Выпуск 4. Том 31. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. – С. 19–23. ЦИТ: 413–1063.

5. Ерёмин В. И. Забытый гений России // Дельфис. – 2004. – № 2. С. 29–31.
6. Ерёмин В. И. Закон синархии В. Шмакова – философская основа социогенетики // Социогенетические основания трансформации общества. – Кострома. 2004. – С. 129–133.
7. Ерёмин В. И. Философские основы геополитики: российские корни // Национальная безопасность и геополитика России. – 2004. – № 3–4. С. 163–169.
8. Зорина Е. В. Шмаков, Владимир // Большая биографическая энциклопедия. [dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/120041/Шмаков] [По состоянию на 25.02.14].
9. Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. – М.: Аграф, 2000. С. 109.
10. Шмаков В. Закон синархии и учение о двойственной иерархии монад и множеств. Киев.: «София». Ltd., 1994.
11. Шмаков В. Основы пневматологии. Киев.: «София», Ltd., 1994.
12. Шмаков В. Священная книга Тота. Великие Арканы Таро. Киев. 1993.

*Yerzhanova Feruza Meribekovna,
Kazakh National Pedagogical University named Abay,
PhD., Department of Philosophy and Methodology of Science
E-mail: f_yerzhanova@mail.ru*

World of values in the history of the Turkic worldview

Abstract: new philosophical understanding of the monuments of ancient Turkic writing allows you to conduct onto-epistemological analysis of the spiritual phenomenon of “faith” as a valuable component representing the structural integrity of the Turkic world.

Keywords: language and mentality, the concept of “faith”, axiology, Ancient Turkic Culture Tengriism.

As known, in the history of philosophy, the problem of the nature of faith and its relation with the knowledge was first formulated initially in Christianity. Over the centuries, Christian theologians and philosophers have discussed it, offering a variety of interpretations. Christianity, with its New Testament, from the very beginning identified the faith as an area of transcendent and therefore inaccessible nor for knowledge nor for experience of a man, and thus setting the knowledge below of faith. This has influenced the way to solve the problem of correlation between faith and knowledge for almost half millennium for the whole of Western culture. With special urgency the issue was raised in works of K. S. Tertulliana, St. Augustine, Thomas Aquinas, Thomas a Kempis, where there are several distinct ideological lines, “I believe because it is absurd”; “I believe in order to understand”; “harmony between faith and knowledge.” These ideological lines in Western philosophy can be grouped into two basic approaches: 1) the priority of faith to the mind, and 2) the priority of reason concerning faith. Historically, the first approach prevailed in Western culture since the establishment of Christianity to the New Times. Since the New time, when a mathematical science has declared itself in full force and when religion was to take its positions, there began to develop a tradition that has given priority to reason and knowledge,

compared with faith and the truths of Revelation.

In medieval Arab-Islamic philosophy, as in Western philosophy and theology, there are two main versions of interpretation of relationship between faith and knowledge: 1) the priority of faith in relation to the knowledge and reason, and 2) the priority of knowledge and reason regarding faith. However, unlike Western philosophy, where there is dominated the first version first, then the second, at the Middle East, both versions appeared almost simultaneously and co-existed throughout the Middle Ages. This was due to the release of speculative direction Kalam within Islam, whose members sought to logical explanation and justification of the tenets of the religion.

With regard to the twentieth century, theologians and religious philosophers have not oppose faith and reason in the form of polar incompatible opposites. On the contrary, they strongly emphasize communication and even the unity of faith and reason. For example, Paul Tillich notes that “if the meaning of faith misunderstood ... that faith and reason are mutually exclusive. But if faith is understood as a state of the utmost interest, no conflict should not be” [1, 181]. I. A. Ilyin says: “True faith is reasonable in itself, and not insane and not against reasonable and therefore caution of reason is included in it...” [2, 119].

In this article it is important to discover and analyze the most complex and rich period in the history of Turkic philo-

sophical thought the understanding of “faith” and “knowledge” in ancient Turkic culture, to reflect and encourage the further development of the national philosophy.

The first and most important feature of “faith” in the ancient Turkic language is its interpretation as “trust”, “reliability”, “honesty”, “directness”, “sincerity”, which clearly traced following fundamental functions:

a) trust as a condition of holistic human interaction with the world: *adaş qoldas erdäs tutun umdusuz/inanýil anar sen* — gain unselfish friends and fellows,/trust them [7, 611];

b) trusting relationship between man and the Creator-Tengri: *Tañri, Umai iduq jir sub basa barti arinč* — Sky (the goddess), Umai and sacred land-water [homeland] — here they are, I suppose, given [us] victory [happiness] [7, 35];

c) trust ancestral spirits — “aruaham” as spirits of intercessors, which contributed to the merger in human perception of the past, present and future in a single integrated act: “Let the name, fame, honor, that moved by the Turks from fighting ancestors, not perish without a trace!» [7, 37];

d) trust and faith in this man’s swear, in word: “... being deceived by their sweet words and soft silk, you Turkish people, died» [7, 166].

It is especially necessary to emphasize in ancient Turkic culture about quivering, sacred respect for the Word for the Turks. This is clearly evidenced by the legend of Korkut. God told Korkyt that he would live forever, provided that he never — in thought, no loud — not to mention the word “death.” Reassured Korkyt occurs once to meet shepherd in his path, vainly trying to catch up the motley cow. Korkyt wants to help him, but unsuccessfully. In the heat of the chase, he shouted: “I will die, but the catch!” Hearing this, God does not send death to Korkyt, but gives him a warning sign: at the eyes of Korkyt the cow begins to turn to stone, having to say a quatrain to itself. An important element here is the act of the Word. Word — is always an expression, understanding, and not just a thing or meaning in itself. On this occasion, Chingiz Aitmatov wrote in his poetry: “The word grazes God in heaven, the Word milks the Universe and feeds us with that milk from generation to generation, from century to century. And, therefore, out of the Word, beyond the Word there is no God, no Universe, and there is no force in the world, exceeding the power of the Word, and there is no flame the world, that superior heat and power of the Word” [3, 12].

Conceptual analysis of “faith — trust” shows how closely intertwined the value of this concept with such

concepts as “shame”, “conscience”, “honor”, “dignity”. This is not surprising, since these are the main attributes of Tengri and its basic requirements in relation to man. In this regard, it is important to emphasize that for the ancient Turks “the whole world of life” — is a circle of trust, which in human life was accepted as certainly significant.

The second meaning — “fidelity”, based on loyalty to the ideals of their ancestors; loyalty and obedience of their lords and people to their Kagan, as a necessary condition for the existence of the state, sanctified by authority of Tengri. In “Big inscriptions for Kul Tegin” it is said: “Because of infidelity of lords and people/Because of incitement and deceive of the people Tabgach/Because of its (people Tabgach) temptations,/Because that it (people Tabgach) quarrels younger brothers with senior ones... the Turkish people upset their already formed state» [7, 163].

What conclusion does “The Title” make of the erroneous action of the Turkish people? “Turkic people, repent!/Before his wise Kagan that has elevated/you/that you have been loyal in front of your virtuous state/You made a mistake and you have done wrong” [7, 164]. Note that this appeal to the Turkic people is unshakable pillar of the state. It is addressed to the people the words: “Before your wise Kagan that has elevated you, you should be loyal!”. In turn, Kagan, possessing the state wisdom, all its abilities, time, life devotes preservation, strengthening and development of the Turkic states: “For the Turkic people, I did not sleep nights, sat afternoon saying:” Yes, I exalt people! “; “... Their gold and shining silver, their well-woven silks, their drinks produced from the grain, their riding horses and stallions, their black sables and blue squirrels I got to my Turkish people” [7, 164].

The third meaning of “faith” is expressed in such words as “believe”, “superstition”, “sign”. The concept «yrk» («yrym»), as evidenced by the encyclopedia of ancient Turkic beliefs and superstitions “The book of proverbs” (“Yrk bitig”), played a huge role in understanding of the world, the cosmos, the Absolute. According to the beliefs of the Turks, the world items are hylozoistic, you can not offend the water, the fire — blowing on them, spitting on them, you can not cut down a tree, pluck unripe fruits. You can not hurt the animals; a horse can only sit on the left side, to go in to a house only from the right side, to give anything with your right hand, etc. Every phenomenon in the nature, as well as a thing or an object, has the function of “yryma.” Proper positioning of the moon — a good sign: «Aj otyryp tuwdu» — «The moon has appeared vertically — it will be good»; «Aj

salqajyp tuwdu» — «The moon has appeared horizontally — expect troubles» [4, 338]. Thus, it should be noted that each sign of life is the recognition of an invisible and comprehensive connection of everything with everything in the Universe.

Of particular interest is the belief in Tengri, omnipotent creator of all things on the Earth: *jayız jer jaşıl kök kün aj birla tün torätti* — brown earth, blue sky, the sun, the moon and the night he created [7, 580]; *täñri jalıjuq jaratty* — God created a man; punishing and blessing: “the Heaven, Umai, Sacred Ground-Water will punish (literally, will crush) us!; “By the grace of Tengri, the warriors of my father were like wolves, and their enemies like sheep” [7, 138].

In these contexts, the belief in Tengri has more pragmatic than religious character, as all is aimed at uniting people in the name of creating a powerful state. Serving and the faith to supreme Creator Tengri, honesty and loyalty, all that act as natural foundations of life that make up the true nature of man. It is this idea of innate faith made it (faith) of the inner essence of Turkic civilization, determined its high spirituality and morality. This same idea, which does not need external manifestation — verbalization and ritualism, has shaped a feeling of indifference, disregard of nomads to religion from outside observers. In this connection, it is possible to quote Deleuze-Guattari, “the nomads have the feeling of absolute, but essentially atheistic” [5, 12].

The last meaning is “worship, reverence” is stand out especially: the good and evil spirits inhabiting the so-called world of men: “Yer-Sub” — the spirit of Earth-Water, “Igə» — the Spirit Master, «Yale» — the evil spirit, «Yek» — demon and others in the minds of ancient people were not perceived as independent phenomena, they were inseparable from the object itself.

As known, with respect to the Yare-Sub, literally «earth-water», Turkic peoples used the epithet *yduk* «yduk Yer-Sub», literally «The Holy Earth — Water». The fact that the Turks revered the Yer-Sub — the earth, and all that is on it — mountains, rivers, lakes, trees, rocks, etc. evidenced by numerous place names: *yduk bash kidirima* — «Holy key behind» (in the west); *Tamag yduk bashda sunushdimiz* — «We fought at the top of the sacred Tamag»; *Turk yduk Yari* — «Turkic sacred land»; *Oz yarim yduk* — «My sacred (native) land»; *Yduk Otukan* — «Sacred Otuken» (name of the place). Thus, being an epithet of many geographical features, the word «yduk/yyyk» has the meaning of «holy, saint, blessed, honored,» but not «deified.»

As noted by V. V. Radlov: «this land is so close to a

man, as in nature, even akin to him that he appeal to it without a fear. Therefore, each person brings Yer-Su (kut of land) sacrifices and gifts in order to show their gratitude and reverence. Eulogize it in songs and pious sayings and everyone can honor it without any damage for himself» [6, 162].

Based on all these facts, we can make some mental conclusions. It is obvious that «faith related» properties comprehended by ancient Turkic as basic moral and ethical rules governing the relations between people, Tengri, and the world.

Thus, we can say that the concept «faith» in the ancient Turkic society was called upon to carry out three main functions:

- 1) to implement the moral law of Tengri;
- 2) to maintain the necessary relationship with the Creator-Tengri and with all the forces from which their well-being is somehow affected;
- 3) to adjust the order and harmony of the cosmos and man. Valuable sense of faith is that the person in the act of faith shall bring to perfection such spiritual and ethical qualities as «conscience», «shame», «wisdom», «justice», shall use them for the benefit. Hence, it is not the nature and society determines the moral perfection of man, but faith.

Internal form of faith, or the essence of faith is not only recognition of existence of God, belief in the supernatural, not only in the confidence that this world exists for a man, but the belief that represents the essence of the god himself, expressed as a dominant humanity. Faith at this stage performs as spiritual, religious and rational functions.

In general, for understanding of the ancient Turkic picture of the world it is required to take into account the main provisions, which together formed the worldview of the ancient Turks. Firstly, the supreme Reason, the Creator-Tengri was an important need for an ancient man, his vision of the world and the moral consciousness, without which he was unable to navigate in the world. Tengri was the essence of «faith» and «reason», the ultimate truth, around which are grouped all the concepts and ideas, he was the focal point of the ancient Turkic world picture. Secondly, the belief in Tengri called a man to worthy causes, for heroic actions, obliged to moral purity. Thirdly, having a broad-minded and logical thinking, he had unlimited trust and openness to life. Fourthly, understanding of the world and the meaning of life in the worldview of the ancient Turk — is the continuity of life, its constant renewal. It may be noted that in the written records, it was not just about life, but about enjoying it. Finally,

at this level, a man was openly directed to the Cosmos, to the outside world, where everything is full of «ad-amgershilik» — «humanity.» In this true beginning

of spiritual life, there were laid such features as openness to new things, trust and ability to maintain someone's internal unity.

References:

1. Tillich P. Favorites. Theology of Culture. – M.: Lawyer, – 1995. – 479 p.
2. Ilyin I. A. Axioms of religious experience. Research. – VI – II. M.: LLP «Rarog», – 1993. – 448 p.
3. Aitmatov Ch. When Mountains Fall (Eternal Bride): A Novel, short story. SPb., ABC-classic, – 2008. – p. 28.
4. Tenishev E. Dybo A. Comparative-historical grammar of Turkic languages. Pra-Turkic language – the basis. Picture of the world of pra-Turkic ethnos according to Turkic language. – Moscow: Nauka, – 2006. – 912 p.
5. Deleuze Z., Guattari F. Capitalism and Schizophrenia, V. 2 Thousand of planes. // Tamyr, – 2007. – № 1, – 84 p.
6. Radlov V. V. Turkic step nomads. 2nd edition. additional. – Astana: «Altyn kytap», – 2007, – V. 3. – 389 p.
7. DTC – Ancient Turkic vocabulary.

*Savelova Evgeniya Valeryevna,
Khabarovsk State Institute of Arts and Culture,
Doctor of Sciences in Philosophy,
Professor of the Chair of Theory and History of Culture
E-mail: jane_sav@yahoo.com*

Education in context of the Karl Jaspers's conception of existential communication

Abstract: This paper reveals the complex of ideas, connected with philosophical and culturological interpretation of education in the context of the Karl Jaspers's conception of existential communication. Author concludes that there is an interaction between human being and education, regards one of the important meaningful cultural function of education — the function of communication.

Keywords: education, human being, meaning, existence, communication, culture.

*Савелова Евгения Валерьевна,
Хабаровский государственный институт искусств и культуры,
доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры
E-mail: jane_sav@yahoo.com*

Образование в контексте концепции экзистенциальной коммуникации Карла Ясперса

Аннотация: В этой статье рассматривается комплекс идей, связанных с философско-культурологической интерпретацией образования в контексте концепции экзистенциальной коммуникации Карла Ясперса. Автор делает вывод о взаимодействии бытия и образования, рассматривает одну из важнейших смыслообразующих культурных функций образования — функцию коммуникации.

Ключевые слова: образование, бытие, смысл, экзистенция, коммуникация, культура

Согласно философской традиции экзистенциализма, образование предстает как неотъемлемый атрибут человеческого бытия, задает условия для его экзистенциального переживания и раскрытия подлинности, манифестирует свободу и личностный выбор как неотъемлемые, родовые свойства человека, как важнейшие факторы его формирования. Образование реализует свои специфические задачи в «раз-

мыкании бытия» [3, 7] и последовательно актуализируется в своем становлении на экзистенциальном уровне формообразования, в интересующем смысле в пространстве культуры и в институциональном пространстве социума как совместного бытия. Иными словами, в образовании одновременно разворачивается процесс как самопонимания, так и взаимопонимания, что свидетельствует о выполне-

нии образованием одной из основных культурных функций — функции коммуникации. На экзистенциальном уровне бытия эта функция реализуется как *функция экзистенциальной коммуникации*.

Обосновывая специфику экзистенциального бытия образования, мы опираемся на концепцию духовной коммуникации, разработанную К. Ясперсом [4]. Основная идея К. Ясперса заключается в том, что поиск истины и возвышение к экзистенции возможны только в коммуникации, вне коммуникации экзистенции быть не может. К. Ясперс считает, что именно коммуникация является универсальным условием человеческого бытия; «она настолько составляет его всеохватывающую сущность, что все, что есть человек и что есть для человека ... обретается в коммуникации» [1, 17].

Человек экзистирующий — это человек возможный, его движение к себе через переживание Другого «избыточно» для существования, но необходимо для подлинного бытия. В моменты экзистирования проявляется «открытость» бытия как возможность, как «понимание» возможного, и только коммуникация дарит человеку его подлинную сущность, понимание своего бытия, его оснований. В процессе коммуникации может состояться становление, «схватывание» индивидом своего Я, своей самости как уникальное и неповторимое экзистенциальное событие в каждой единичной ситуации.

В пространстве *образования* коммуникация между «своим» и «иным» определяется спецификой смыслового взаимодействия, а именно: совокупностью перетекаемых из зоны «Своего» в зону «Другого» смыслов, маркированных тем или иным способом и обуславливающих изменение структуры коммуникативного пространства. Размышления об особенностях корреляции смысловых и коммуникативных процессов в образовании позволяют выделить три варианта подхода к этому вопросу.

Во-первых, образование может быть рассмотрено как «высвечивание» своего смысла через предъявление иного смысла, существующего независимо от субъекта. Особенность Другого, согласно Э. Левинасу, заключается в том, что он несет в себе принципиально иную смысловую нагрузку, некий смысл, неравный и нередуцируемый моему смысловому опыту [2, 60]. Асимметричность смысла является важнейшим условием актуализации коммуникативных процессов.

Встреча с Другим порождает необходимость понимания как установления предельного смыслового отношения, и образование в этом контексте становится формой встраивания нового смысла в уже

существующий континуум, включения области понимаемого в область познанного. В этом случае образование наиболее ярко демонстрирует свою *гносеологическую функцию*, определяя процесс познания как экзистенциальное событие «разомкнутости» бытия, включение в него нового смысла и переживание его смысловой целостности и единства.

Нам представляется, что коммуникация с Другим в этой ситуации выстраивается следующим образом. Другой является носителем иного смыслового содержания и воспринимается как «значимый Другой», статус которого не подвергается сомнению или рефлексии. Выступая в роли смыслообразующего центра, Другой предлагает варианты смысловых связей, которые воспринимаются и переживаются как безусловные. Движение к новому смыслу, лежащему вне границ оформившегося смыслового пространства, и принятие его в качестве собственного экзистенциального выбора существенно расширяет пространство образования и трансформирует его границы *извне*.

Во-вторых, образование может расширить границы своего и Другого за счет **внутреннего** приращения смыслом. Во внутренне устойчивом континууме смыслов, составляющих осознанный культурный опыт, конституируется область «чужести», отчуждения смыслов, формируется разделенность внутреннего-своего и внутреннего-другого. Внутреннее-другое как «очужденное свое» возникает в результате рефлексии, переосмысления, носящих творческий характер и способствующих дальнейшему процессу смыслопорождения.

В-третьих, границы образования могут зависеть от процесса смыслового выбора в диалоге, в коммуникации, в **одновременном** соединении и разграничении пространств своего и Другого. Эта ситуация характеризуется активным («ответным») участием обеих сторон, в результате которого смыслы «вспыхивают», «мерцают», создают общее диалогическое пространство, область нового «третьего» смысла.

Границы образования и для своего, и для Другого при этом накладываются друг на друга, становятся общими для двух смысловых систем. Во взаимоотношении двух субъектов смысл переживается и творится так, что ни один из субъектов не является для другого объектом. Возникающий смысл обнаруживается не в отчужденном знании, а в осознании нерасторжимо совместного духовного бытия обеих сторон «пнимающего» процесса. Иными словами, образование как самоопределение, как движение к осуществлению своего проекта в бытии, своего смыслового мира, своей возможности не означает исключения Другого

из поля взаимодействия. Наоборот, проблематичность Другого может быть осознана и отрефлексирована в стремлении к преодолению «чужести» и восстановлению утраченной в процессе смыслообразования всеобщей онтологической связи «всего со всем».

Далее, определяя особенности экзистенциальной коммуникации, следует отметить ее отличие от коммуникации как передачи информации. Как замечает Э. Левинас, информационный обмен характеризует аспект «говорить о...», в то время как коммуникация — это вхождение в отношение, предполагающее аспект «говорить к...» [2, 392].

В основе экзистенциальной коммуникации лежит *экзистенциальное переживание*, которое затрагивает самые глубинные структуры человеческой личности. Оно не существует актуально в «готовом виде», а дано лишь как потенциальное. Это глубоко личностный акт, он должен состояться как акт самораскрытия и самопонимания в экзистенциальной коммуникации с Другим. Экзистенциальное переживание возможно лишь на экзистенциальном уровне проявления «стихии бытия». При дальнейшем движении от внутреннего опыта к внешнему на уровень культурных текстов и социального взаимодействия проявление экзистенции становится проблематичным. Ни культурное, ни социальное бытие человека не гарантируют возврат к экзистенциальному переживанию и, следовательно, становление подлинного бытия, в том смысле, в каком его понимал К. Ясперс. Утрата или рассеянность экзистенциального переживания выхолащивают коммуникативный процесс, лишают его экзистенциальной наполненности, духовной целостности.

Образование представляет собой пространство, в котором актуализируется экзистенциальная потребность в «обнаружении самости» человека, противопоставленная предметному бытию, объективному и обезличенному. Поэтому экзистенциальное переживание в образовании связано с процессом осознания уникальности индивидуального бытия, его смысловой неповторимости и единственности.

Экзистенциальная тревожность в момент оформления пространства «своего» генерирует рефлексивный поиск Другого, снимающего ощущение тотального одиночества и одновременно позволяющего сохранить самоидентичность. Различение «лица Другого» [2, 88], обладающего статусом автономии, катализирует устремленность к коммуникации, дальнейшее самоопределение и творческое смыслообразование.

Таким образом, на экзистенциальном уровне образование оказывается способом определения пре-

жде всего себя в коммуникативном отношении с Другим. Выполняя эту функцию, образование сохраняет сферу «своего» как доминантную, как сферу притяжения смыслов и актуализации процессов изменения и развития. Исходный импульс и посыл во внешний смысловой мир вновь возвращается в границы внутреннего опыта.

На уровне культуры и социума образование отчетливо демонстрирует расширение и изменение спектра функций, в результате чего экзистенциальное переживание в его «чистой» форме оказывается невозможным. Так, например, функциями образования становятся *трансляционная, аккультурирующая и социализирующая* функции; в реализации каждой из них экзистенциальное переживание «дробится» на ряд более слабо выраженных составляющих.

К. Ясперс определяет три типа коммуникативных процессов на социальном уровне, в которых «свободная необходимость» экзистенции подвержена риску превращения или исчезновения и, следовательно, не гарантирована подлинность бытия, бытийная «радость ведения» (М. Хайдеггер). Во всех трех типах коммуникации существенное влияние и на коммуникативный процесс, и на его результат оказывает социокультурная среда. Ее аморфность, индифферентность или, наоборот, агрессивное и властное доминирование препятствуют «высветлению» бытия, осуществлению экзистенциального переживания.

Первый тип коммуникации — коммуникация по принципу утилитарной ценности *эмпирического* существования человека. Она решает задачу вынужденного взаимодействия людей перед лицом какой-либо опасности или угрозы, когда целью становится выживание эмпирического индивида, его исключительно индивидуальный, эгоистический интерес. Абсолютизация эгоистического «Я» и манипулирование другими в своих интересах существенно меняет содержание и структуру коммуникативного процесса, исключает из него «доверительные» отношения, оправдывает насилие и произвол.

При этом типе коммуникации не возникает потребности в образовании как глубоко личностном акте самоопределения через смысловое полагание Другого. Изменение смыслового пространства «своего» происходит в результате не экзистенциальной коммуникации, а информационного обмена с заведомо чуждым «иным». Тем самым пространство внутреннего опыта индивида сужается, его смысловая структура упрощается, направленность «вовне», в социокультурный мир ограничивается сугубо праг-

матическими и целеориентированными задачами.

Второй тип коммуникации предполагает «тождественность всех «Я» на уровне «сознания вообще» [1, 13] и, соответственно, признание формального права и формального равенства каждого индивида. Это уровень предметного сознания, для которого характерна коммуникация на основании общего для всех закона, будь это закон социального мира или закон некоего надындивидуального бытия, трансцендентной реальности.

Разумность этого типа коммуникации неоспорима, однако в нем отсутствует живое проявление «стихий бытия», личностное экзистенциальное переживание. «Я» и «Другой» уравниваются в своих правах, но и ограничены в своих возможностях, в предельных, асимметричных смысловых проявлениях.

Личностные акты экзистенциально-духовной коммуникации разворачиваются в образовании лишь в результате свободного выбора, рефлексивного самополагания, творческой устремленности. Наличие внешней установки, определяющей равенство смыслов «своего» и «иного» или их предпочтительный характер, лишает возможности осуществить собственный выбор, собственный бытийный проект. Признание формального права Другого быть равным в данном случае не подкреплено подлинным экзистенциальным переживанием и, соответственно, ничего не меняет во внутренней структуре индивидуального опыта.

Третьим, наиболее высоким типом коммуникации К. Ясперс называет коммуникацию *на уровне духа*. В этом случае каждый индивид является органической частью целого — культурной традиции, народа,

нации, государства, социальной группы. Он разделяет общую духовную идею и осознает себя как особый смысл внутри целого, хотя и ограниченный в выполнении собственного бытийного проекта.

В этом варианте коммуникации свое личное «Я» надежно защищено общим духовным единством, духовным целым, которому делегированы все права и преференции на смысловое ориентирование личности. Наличие такой смысловой «буферной» зоны между личностью и миром предполагает большую степень устойчивости и безопасности при возникновении смысловых разрывов. Внешние «Другие», «Иные» определяют коммуникативный процесс не с уникальной свободной личностью, а с личностью, олицетворяющей собой общую социальную или культурную идею. Фактически социокультурное целое выступает от лица личности как своей части.

На наш взгляд, именно при этом типе коммуникации проявления экзистенциальной коммуникации в образовании оказываются наиболее вероятными. Существование человека в социокультурном пространстве накладывает свои ограничения на его самоопределение и смыслополагание, поэтому в образовательном пространстве экзистенциальное переживание будет определяться соотношением с той или иной культурной программой, культурной традицией, культурными предпочтениями. В том случае, если этот культурный универсум действительно воспринимается человеком как свое целое, образование будут выполнять свою формальную и функциональную задачу, осуществляя в акте подлинной коммуникации переживание «понимающего» бытия.

Список литературы:

1. Гайденок П. П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, – 1994. – с. 5–26.
2. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М.; СПб.: Культурная инициатива; Унив. книга, – 2000.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad marginem, – 1997.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, – 1994.

Sukhareva Victoria Alekseevna,
Ural Federal University, MA student, faculty of philosophy
E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

The cosmic philosophy of Konstantin Tsiolkovsky

Abstract: this article is devoted to the original philosophical system of the great Russian scientist, inventor and philosopher Konstantin Tsiolkovsky, where he raised issues of the unity of the universe and the infinity of subjective existence.

Keywords: cosmic philosophy, monism, the monism of the universe, the sensitivity of the atom, the principle of true egoism, cosmic expansion.

Сухарева Виктория Алексеевна,
Уральский федеральный университет, магистрант, философский факультет
E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

Космическая философия К. Э. Циолковского

Аннотация: данная статья посвящена оригинальной философской системе великого русского учёного, изобретателя и мыслителя К. Э. Циолковского, в рамках которой разрабатывалась его идея о единстве вселенной и бесконечности субъективного существования.

Ключевые слова: космическая философия, монизм, монизм вселенной, чувствительность атома, принцип истинного себялюбия, космическая экспансия.

Введение

«О возможности путешествий вне нашей планеты мечтать я начал ещё с 17 лет... ничто меня так не занимает, как задача одоления земной тяжести и космические полёты» [2, 350], — пишет Константин Эдуардович Циолковский о себе в небольшой статье, озаглавленной «Только ли фантазия?». Данную статью Циолковский пишет уже в конце своей жизни. Она была опубликована в газете «Комсомольская правда» в 1935 году. Здесь, возможно, Константин Эдуардович подводит своеобразные итоги работы всей своей жизни и с надеждой ставит вопросы, ответы на которые он искал всю свою жизнь.

Невероятная мечта о космических путешествиях с юного возраста до глубокой старости сопровождала К. Э. Циолковского. Она нашла своё отражение в его трудах, посвящённых вопросам ракетостроительства, в его литературных работах а так же в замечательной оригинальной космической философии. Размышляя о космосе, он создал совершенно особую философскую систему, которая, с одной стороны, радикально отличается от классических философских концепций, из-за чего Циолковского долгое время отказывались признавать как философа, а, с другой, позволяет называть его «мыслителем планетарного масштаба».

Космическая философия К. Э. Циолковского

К. Э. Циолковский стоит на позициях чистого материализма. Весь космос, все физические, химические и биологические процессы являют собой сугубо механические процессы. Вся вселенная с его точки зрения — это бесконечный и невероятно сложный механизм. Сложность этого механизма настолько велика, что он может показаться произволом, случайностью и неожиданностью. Философ не признаёт ничего, кроме материи, которая и составляет космос во всей его сложности и во всём его многообразии. Материя, в свою очередь, едина, то есть обладает одинаковыми свойствами на всех уровнях сложности организации. Философ выделяет четыре

основных свойства материи: пространственность, временность, масса и чувствительность, — которые представляют собой неотъемлемые, фундаментальные её характеристики. С точки зрения К. Э. Циолковского, каждая частица вселенной чувствительна, то есть способна ощущать приятное и неприятное. «Всё непрерывно и всё едино. Материя едина, так же её отзывчивость и чувствительность» [1], пишет К. Э. Циолковский. Чувствительность присуща всем элементам вселенной, интенсивность её и степень увеличивается и уменьшаются от нуля до неопределённо больших величин в зависимости от степени усложнения материи. Чем сложнее материя, тем выше степень чувствительности целого. Наивысшей степени чувствительности материя достигает в телах живых организмов. По сравнению с животными, а, особенно, с человеком, чувствительность неорганической материи практически равна нулю. Таким образом, говорит философ, «как живой мир по своей сложности и совершенству представляет непрерывную лестницу, нисходящую до «мертвой» материи, так и сила чувства представляет такую же лестницу, не исчезающую даже на границах живого» [1]. Пусть степень чувствительности «мёртвой» материи настолько мала, что возможно условно или приблизительно считать её отсутствующей, но, с математической точки зрения, вся вселенная оказывается живой, в ней «всякий атом материи чувствует сообразно окружающей обстановке» [1]. Попадая в существа, достаточно высоко организованные, атом живёт их жизнью, чувствует приятное и неприятное. В неорганическом же мире атом как бы спит, пребывает в бесчувствии, подобном небытию. Даже в одном существе атом постоянно блуждает по телу и живёт то жизнью мозга, то жизнью других органов, то мыслит, то прозябает в бесчувствии. К. Э. Циолковский сам о себе пишет так: «я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей вселенной» [1]. Вся существующая материя в любой

момент при благоприятных условиях может перейти в органическое состояние, то есть ожить. «Мы можем условно сказать, что неорганическая материя потенциально жива» [1].

Во вселенной, по мнению К. Э. Циолковского, действует закон повторяемости. Пространство и время, говорит К. Э. Циолковский, бесконечны, а там, где есть пространство и время, так же присутствует и материя. Следовательно, количество материи во вселенной, как и сама вселенная, бесконечно. Миллионы спиральных туманностей, галактик, подобных млечному пути, известные человечеству, составляют всего лишь одну астрономическую единицу, которую К. Э. Циолковский назвал «эфирным островом». Его понятие «эфирный остров» соответствует современному понятию «метagalактика», которое обозначает видимую часть вселенной. Однако, воображение и ум подсказывают нам, что эфирный остров — это всего лишь малая часть вселенной: эфирных островов во вселенной миллионы. «Мы приходим к выводу, что и эфирных островов имеется без конца. Их группа составляет единицу 5-го порядка. Число разрядов астрономических единиц, вероятно, так же бесконечно, как время и пространство» [1]. Явления космоса же представляют собой периодичность и бесконечную повторяемость. К. Э. Циолковский говорит о том, что вселенная всегда имела один и тот же вид. Материя постоянно изменяет свою форму, солнца гаснут и становятся планетами, дают жизнь низшим, а потом разумным организмам, после чего планеты погибают и вновь возвращаются в солнца. Солнца, галактики сливаются между собою, образуя новые галактики, новые солнца и новые планеты. В перспективе бесконечного времени существования вселенной эти процессы повторялись, повторяются и будут повторяться заново бесконечное количество раз, «и наша солнечная система много раз должна умереть и возникнуть» [1]. Таким образом, любое состояние вселенной или её части — есть лишь один из бесконечно повторяющихся периодов, и ни один из этих периодов, ни одно из состояний вселенной мы не можем считать началом вселенной, кроме как только условно. Так, например, условным началом существования нашей галактики, с точки зрения К. Э. Циолковского, можно считать его газообразное состояние.

Подобно тому, как вселенная существует в виде бесконечной последовательности различных периодов и состояний, материя бесконечно преобразуется из простых структур в сложные и наоборот. Вся материя вселенной непрерывно и периодически изменя-

ется и преобразуется. К. Э. Циолковский так же предполагает существование некой первичной единой материи, которую можно принять за субстанцию, или сущность, начало. Именно из этой материи в последствии образуются 90 «простых тел» или основных химических элементов, которые, уже в свою очередь, образуют все многообразие материи вселенной.

Таким образом, К. Э. Циолковский пишет, всё строение космоса как будто обусловлено принципом монизма. Все во вселенной устроено единообразно, действует согласно одним и тем же законам. Идея всеобщего единства или монизма вселенной позволяет К. Э. Циолковскому говорить о том, что между планетами различных солнечных систем существует много общего. Все они составлены из одних и тех же веществ, при достаточной величине имеют атмосферы, освещаются своими звёздами, подчиняются законам всемирного тяготения, подвержены сменам суток и времён года. Некоторые из бесконечного множества планет, существующих во вселенной, должны иметь условия, схожие с земными условиями, а следовательно, многие планеты могут быть (когда-то были или будут) пригодными для жизни. В перспективе бесконечности вселенной, можно говорить о том, что, так или иначе, всё вещество во вселенной периодически оживает, воплощаясь в живых существах. В сущности, К. Э. Циолковский утверждает логическую возможность (и даже метафизическую необходимость) существования внеземных цивилизаций с различной степенью развития.

Простейшее живое существо, с точки зрения монизма К. Э. Циолковского, — это атом, как минимальная, далее не делимая частица материи. Всякое животное или любой другой живой организм, представляет собой ни что иное как союз множества простейших существ. В результате этого союза получается не единое существо, а всего лишь сложный механизм, цель которого — «могущество» или достижение максимума силы и сознательности. Все части живого существа подчиняются единому управлению, однако, все его части имеют свою собственную волю и своё ощущение. Как пример, подтверждающий эту мысль, К. Э. Циолковский приводит следующий опытный факт о продолжающейся жизнедеятельности клеток, отделённых от тела и помещённых в благоприятные условия. Тогда и всякая смерть не может считаться уничтожением, но только распадением союза существ на отдельные существа, которые вступают в другие новые союзы, становятся частью других существ.

Периоды воплощения атомов чередуются с пери-

одами их бесчувственного существования. Промежутки между жизнями могут составлять миллионы и миллионы лет. Эти громадные периоды небытия характеризуются минимальной степенью чувствительности атомов. Для характеристики субъективного состояния материи в эти периоды неорганического существования К. Э. Циолковский использует буддистское понятие «нирвана». Состояние нирваны характеризуются особым переживанием времени, а так же особой степенью чувствительности. Данное состояние К. Э. Циолковский сравнивает с глубоким обмороком или глубоким сном, в котором практически отсутствует переживание времени: «течение времени тут совсем почти незаметно. Не только годы, но и миллиарды миллиардов лет пролетают как секунда живого существа» [1]. Кроме того, в этом состоянии чувствительность атома практически приравняется к нулю. Поэтому длительные периоды небытия как бы не существуют для атомов. И как бы ни были коротки периоды жизни, периоды воплощённого существования атомов, в виду их бесконечного количества, все они сливаются в одно бесконечное состояние жизни, субъективное и абсолютное время. Вся жизнь вселенной, с точки зрения К. Э. Циолковского, представляет собой ряд сменяющихся, подобно снам, жизням, в которых материя воплощается заново в новых и новых образах, в новых и новых существах.

Устройство вселенной кажется К. Э. Циолковскому удивительным. «Обдуманность космоса удивительна» [1], пишет философ. Всё во вселенной указывает на наличие некой причины, которая есть источник всего в космосе, а также и самого космоса. Причина должна быть уже потому, что существует вселенная, считает К. Э. Циолковский. Кроме того, изучая вселенную, мы должны прийти к выводу, что причина намного превосходит космос, подобно тому, как мастер выше своего произведения. Причина принципиально несоизмерима со своим творением. Она создала и вещь, и энергию. По сравнению с причиной, всё, что представляется человеческому разуму безначальным и бесконечным, ограничено и неполно, в том числе и сама безграничная вселенная. Космос представляет собой, по отношению к причине, лишь одну из вещей, одну незначительную часть всего её творения. Помимо нашей вселенной существует так же множество других частей творения причины, о которых наш разум никогда не узнает. Вот что пишет К. Э. Циолковский о соотношении причины и космоса: «причина, с человеческой точки зрения, во всех отношениях бес-

конечна по сравнению со вселенной, которая, в свою очередь, бесконечна по отношению к любой части космоса: к человеку, Земле, Солнечной системе, Млечному Пути, к группе спиральных туманностей, ко всему известному миру» [1]. В сущности, К. Э. Циолковский утверждает, на основании научных фактов и законов логики, множественность вселенных. Его утверждение находит подтверждение в современных физических теориях. Причина, так же, должна быть всемогущей по отношению к созданным ею предметам, в том числе и к космосу. Кроме того, К. Э. Циолковский вводит в характеристику понятия причины этический компонент: причина, с точки зрения философа, создала вселенную для того, чтобы доставить атомам ничем не омрачённое счастье. Поэтому причина с необходимостью должна быть доброй. Более того, «её доброта, счастье, мудрость и могущество бесконечны по отношению к тем же свойствам космоса» [1], пишет К. Э. Циолковский. Философ усматривает некое подобие между причиной и её произведениями (творениями): космосом и частями космоса. Если «причина есть высшая любовь, беспредельное милосердие и разум» [1], то космос и совершенные существа выражают те же свойства, но в несколько более ограниченном варианте. Таким образом в мире устанавливается некая единая иерархия, которая ведёт мир к единой цели: от причины исходит космос, от космоса — совершенные существа, подобные человеку, а от совершенных существ исходит абсолютная истина, которая ведёт вселенную к радости и устранению страданий.

К. Э. Циолковский, утверждая монизм вселенной, приходит к пониманию того, что высший смысл и цель существования вселенной — это счастье, довольство, поддержание в космосе постоянного состояния совершенства. Основной этический принцип, вытекающий из учения о монизме вселенной — это принцип истинного себялюбия или истинного эгоизма. К. Э. Циолковский проясняет этот принцип, для того чтобы избежать неверных его трактовок. Всякому живому существу присуще себялюбие, как желание величайшего возможного добра самому себе. Однако это стремление к добру для себя есть сущностная характеристика не только живых существ, но, что следует из принципа монизма вселенной, и для всей вселенной в целом. Таким образом, поскольку сущность жизни вселенной зависит от жизни и самочувствия атомов, можно сказать, что эгоизм присущ материи вселенной как таковой. Атом блуждает по всей вселенной, периодически воплощаясь в живых существах. Поскольку периоды небытия (неорганического существования) неощу-

тимы, каждый атом субъективно живёт бесконечной и непрерывной органической жизнью. «Счастье вселенной есть счастье атома, и наоборот: счастье атома, то есть моё счастье, зависит от атома вселенной» [1], пишет К. Э. Циолковский. Следовательно, рассуждает философ, если во вселенной будут существовать только совершенные существа, то атом не будет иметь возможности попасть в несовершенное существо. Отождествляя совершенство с принципом счастья, К. Э. Циолковский заключает, что, если во вселенной не останется несовершенных существ, то в мире также не останется никакого зла и никаких страданий. Таким образом атом, блуждая во вселенной, будет всюду наткаться на одно только счастье и совершенство. Развитие жизни возможно на множестве планет, с точки зрения монизма вселенной, и оно должно происходить в соответствии с одним и тем же сценарием совершенствования и распространения совершенства по всей вселенной, который К. Э. Циолковский показывает в своих работах на примере Земли и человечества.

На данный момент времени, по мнению К. Э. Циолковского, Земля находится в младенческом возрасте, и далека от совершенства. При этом вся вселенная полна жизни уже достигших совершенства существ. К. Э. Циолковский видит пути и возможности будущего развития и совершенствования человечества. К. Э. Циолковский также видит необходимость в усовершенствовании человеческой природы, для того, чтобы достичь целей всеобщего совершенства. Человеческое тело, с его точки зрения, имеет множество недостатков, которые возможно и даже необходимо устранить «путём упражнения, подбора, скрещивания, операций и другими способами», «у людей нет ни одного совершенного, или безукоризненного, органа» [2, 302]. К. Э. Циолковский, исследуя взаимосвязь земных условий и различных особенностей человеческого организма, приходит к выводу, что эволюция человека в иных физических и химических условиях могла бы пойти по совершенно иному пути. Так же он считает возможным в будущем возникновение (естественным или искусственным путём) таких

существ, которые могли бы свободно существовать в эфире (космическом пространстве). «Можно вообразить, что в первой стадии своей жизни оно развивается, как и земные животные, ... затем понемногу преобразуется, теряет потовые железы, лёгкие, органы пищеварения, покрывается непроницаемой кожей, одним словом, изолируется от окружающей среды и становится тем необыкновенным существом ... оно живёт только солнечными лучами, не изменяется в массе, но продолжает мыслить и жить как смертное или бессмертное существо» [2, 306].

Заключение

Космическая философия К. Э. Циолковского открывает перед нами масштаб и величие мира, в котором мы живём. Его работы вызывают настоящее головокружение и благоговение перед мощью вселенной с одной стороны, и невероятными возможностями, открывающимися перед человечеством, с другой. Поставленный К. Э. Циолковским вопрос: «только ли фантазия?» до сих пор остаётся без ответа. Он оставлен нам одновременно и как вызов, и как предупреждение.

Конечно, космический старт человечества был осуществлён намного раньше, чем представлял себе К. Э. Циолковский. Уже через 20 лет после его смерти на околоземную орбиту был выведен первый искусственный спутник, после чего освоение космоса стало осуществляться ускоренными темпами. И многие идеи космической философии К. Э. Циолковского оказались в какой-то степени пророческими. Некоторые высказанные им тогда положения подтверждаются и осуществляются современной наукой. Но вместе с тем, все те знания, которыми владеет человечество, все те успехи, которых удалось достичь нашей цивилизации, — всё это суть ничто по сравнению с «бесконечностью бесконечностей» вселенной.

Как говорил сам К. Э. Циолковский, всякая истина может быть только условной, временной и переменной. «Про ограниченность нашего знания можно сказать то же, что и про Землю, Солнце, Млечный путь и Эфирный остров: оно неизмеримо мало» [2, 326].

Список литературы:

1. Циолковский К. Э. Космическая философия [Электронный ресурс] // Libes.ru: онлайн библиотека. – 2013. – URL: <http://libes.ru/361858.read?page=1>
2. Циолковский К. Э. Путь к звёздам. – М.: Издательство Академии наук СССР, – 1960. – 352 с.
3. Емельянов Е. В. Русский космизм: основные направления. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, – 2006. – 220 с.
4. История русской философии: учебник для вузов./под. ред. М. А. Маслина. – М., – 2001.

*Stasiuk Larysa Oleksandrivna,
Zhytomyr Ivan Franko State University,
PhD student, Chair of Philosophy
E-mail: lastasuk@ukr.net*

Transformation of the tolerance matter in historical, philosophical and religious tradition

Abstract: This article considers the evolution of the tolerance phenomenon in the context of studies of philosophers and theologians from the Reformation period to the modern era. It is shown that the problem of tolerance was revealed at first as a problem of religious tolerance in philosophical tradition. There are prospects for further studies of tolerance in the structure of values of modern philosophical thought.

Keywords: tolerance, religious tolerance, patience, Protestantism.

*Стасюк Лариса Александровна,
Житомирский государственный университет
им. Ивана Франко, докторант, кафедра философии
E-mail: lastasuk@ukr.net*

Трансформация содержания толерантности в историко-философской и религиозной традиции

Аннотация: В статье рассматривается эволюция феномена толерантности в контексте исследований философов и богословов от реформационного периода до современной эпохи. Показано, что в философской традиции проблема толерантности сначала выявлялась как проблема веротерпимости. Намечены перспективы дальнейших исследований толерантности в структуре ценностей современной философской мысли.

Ключевые слова: толерантность, веротерпимость, терпимость, протестантизм.

На современном этапе состояние социально-политических, этнических и религиозных проблем нередко приобретает конфликтный, антагонистический, экстремистский характер, потому для достижения согласия, мира в поликультурном и поликонфессиональном социуме, в частности, для уравнивания межконфессиональных, государственно-конфессиональных отношений, необходимо утверждение таких жизненных приоритетов и ценностей, которые будут нивелировать напряженность в обществе и способствовать формированию уважения и терпимости к «Другому». Таким узловым принципом и ценностной основой для гармоничного общего бытия и развития новейшего сообщества становится свобода совести, плюрализм и толеризация межкультурных, межэтнических, межконфессиональных отношений.

Своеобразным поворотом в контекстуализации толерантности в европейской философской мысли стала Реформация — историческая и социокультурная парадигма. Как и в предреформационный период, в XVI–XVII вв. толерантность представлена в контексте веротерпимости, но в ее интерпретации как пассивной, добровольной терпимости к «Другому». К его религи-

озной вере было привнесено такие ее детерминации как сдержанность, разрешение на свободомыслие и религиозную терпимость, что практически сказывалось в признании государством и официальной Церковью за отдельно взятым верующим человеком или даже целыми конфессиями права на собственное понимание Божественной истины. В частности, М. Лютер, Ж. Кальвин, их последователи, а также гуманисты Э. Роттердамский, С. Кастеллио, Т. Мор и др. постигали проблематику веротерпимости в контексте свободы совести.

В гуманистически-плюралистических идеях представителя моралистической литературы М. Монтеня, который, отрицая догматизм и схоластику в познании и одобряя христианские постулаты, осудил религиозный фанатизм и призвал к справедливому, доброжелательному и сдержанному отношению к «Другому». По выражению французского философа, мы «должны снисходительно относиться к разным мнениям, если мы не согласны, будем все же спокойно их выслушивать» [1, 446]. Развивая этот тезис и наделяя человека способностью к изменениям и совершенствованию, М. Монтень закладывает теоретические основы рефлексии толерантности.

В XVII в. Б. Спиноза и Дж. Локк сосредоточили внимание на возможности утверждения искренних христианских убеждений путем добровольного и осознанного выбора вероисповедания, а, следовательно, — отказа от насилия. Так, еще Дж. Локк в своих исследованиях, предлагая выбрать между терпимостью и принуждением как более эффективными средствами обеспечения мира, стабильности и роста благосостояния государства и гражданского общества, показал степень влияния именно терпимости на благосостояние и трудолюбие народа, а также ее потенциал в обращении к полноценной вере. Он утверждал, что укреплению государственности может способствовать воспитание единомышленников, кроме того избежание насильственных форм убеждения в истинности определенного вероисповедания, которое может повлечь за собой взаимное предубеждение, и тогда, — продолжает философ, — каждый будет «вынужден принимать и исповедовать разные и противоположные догматы лютеран, кальвинистов, ремонстрантов, анабаптистов и других сект» [2, 134].

Основанием для легитимизации терпимости становится и осознание того, что государство и церковь, имея различные задачи и способы их реализации, не должны использовать принудительность и прибегать к политической или религиозной экспансии. В этом тезисе Дж. Локк развил мысль Ф. Аквинского, который, в свою очередь, вслед за Аристотелем, провозгласил идею автономии и независимости государства как естественного института от религиозных структур. В своих интерпретациях религиозных феноменов Дж. Локк склонялся к конкретной вероисповедной традиции. Современные ученые Дж. Уолдрон и С. Мендус [3] выделили протестантскую составляющую его теории веротерпимости как моральной добродетели христианина. Эту идею развернул и исследователь русской религиозной философии М. Хомяков, который в работе «Проблема веротерпимости в философии Дж. Локка и Р. Уильямса» указал на протестантское понимание Дж. Локком Церкви. Кроме того, современный ученый проследил непосредственную связь между протестантской экзегезой и религиозной свободой и между религиозной свободой и толерантностью, о чем сделал вывод: идея толерантности XVII века — продукт протестантизма. Здесь нам нужно разграничивать идею толерантности, подхваченную в незначительной степени отдельными сторонниками протестантской ортодоксии, и проявления толерантности в период становления этого третьего направления христианства, когда

протестантские ортодоксы, приняв концепцию христианского государства, не удосужились обеспечить полноценную религиозную терпимость и разделение государства и церкви.

В XVIII в., когда последователи протестантской ортодоксии, будучи непосредственно связаны с пиеизмом, не вступали в противоречие с рационализмом эпохи Просвещения, Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Г. Лессинг и др., благодаря которым понятия толерантности закрепились в политических словарях, подхватили идею религиозной терпимости, а именно отрицали принуждение, признали преимущество свободы религиозного выбора и поддерживали традицию двух предыдущих веков по внедрению терпимости во избежание социальной нестабильности. Так, Ш. Монтескье, уверяя в том, что благосостояние и процветание общества зависят от совершенства системы законов и беспрекословного соблюдения их гражданами, решительно осуждал религиозный фанатизм, а в религиозной нетерпимости видел источник многочисленных противостояний. Однако философ убеждал, что «христиане начинают освобождаться от духа нетерпимости, которым они были проникнуты раньше» [4, 101]. Еще один, наряду с Ш. Монтескье, деятель формирования просветительской мысли, философ, политик Ф. Вольтер, придерживаясь принципов всеобщей толерантности, в «Трактате о веротерпимости» настаивал на защите тех, кто пострадал от религиозного фанатизма и нетерпимости как «бессмысленного и жестокого» [5, 162] явления, причины господства которого кроются в отсутствии, по мнению просветителя, положительного влияния церкви как социального института на общество.

Исторические корни исследования вопроса терпимости следует искать в эволюции религии с присущими ей проявлениями нетерпимости, обусловленными тем, что иное христианское вероучение считалось неистинным или даже опасным для ведущей религиозной конфессии. При условии идентификации вероучения с другим государством его часто отождествляли с другой культурой, с потенциальной угрозой устойчивости местных обычаев, традиций и моральных ценностей общества или государственной власти. Развитие самой идеи толерантности не обходилось без перманентной связи как соответствующей определенной исторической эпохой, так и государства с политико-правовой мыслью, потому проблематика толерантности часто рассматривалась в контексте теолого-политических координат. Даль-

нейшие интенции определения места смысловых дихотомий толерантности в мировоззренческом горизонте приводят, по П. Рикеру к культурному сдвигу, который переориентирует «от политического до теологического оправдания толерантности» [6, 322].

Поэтому далее мы будем апеллировать к И. Канту, который привлек наше внимание, поскольку, с одной стороны, его концепции интересовали протестантских теологов тем, что, во-первых, в одной из них появлялись протестантские постулаты, согласно которых постичь Бога можно только с Божьей помощью, и только с Его благодатью человек в состоянии преодолеть грех и отчуждение от Бога; во-вторых, философ стремился обосновать с научной точки зрения свойственную протестантам уверенность в самостоятельности веры относительно знаний. С другой — создатель немецкой классической философии развил идею гражданской толерантности относительно всего мироздания. Алгоритм этой идеи охватил прежде всего уважение к «Другому» с тождественным ему чувством равенства, из которого возникает справедливость. И, наконец, плюрализм как таковую позицию, при которой «Я» имеет следующую внутреннюю структуру: «Я» феноменальное — познает мир, «Я» ноуменальное — является основой феноменального «Я» и «Я мыслю» — сопровождает все представления человека. При единстве плюрализма с человеческим «Я» в его трех ипостасях такое «Я» предстает «гражданином мира». Гениальность И. Канта как раз и заключалась в том, что он мог предвидеть ход развития культуры и предположить, что на рубеже тысячелетий, в условиях глобализации мира категория «толерантность» приобретет статус метакатегории.

Среди современных основных методологиче-

ских тенденций, разделяющих использование понятия «толерантность», выделяют, во-первых, ее отождествление с проблематикой «Я-Другой» (Г. Плеснер, К. Леви-Стросс), где толерантность имеет достаточно разноаспектную категориально-содержательную трактовку; во-вторых, применение толерантности в образовательных и воспитательных концепциях и практиках; в-третьих, определение толерантности как сближение измерений человеческой бытийности с общечеловеческими политическими, экономическими, социокультурными и религиозными процессами, в контексте которых и осуществлено наше исследование. Учитывая широкое применение и многозначность смыслового наполнения понятия «толерантность», мы ограничились лишь близким к нашей тематике и пониманию толкованием, согласно которому толерантность рассматривается украинским философом П. Саухом не только как «уступка, снисхождение или угождение кому либо, это активное действие, сформированное на основе признания универсальных прав и засад свободы человека» [7, 4].

Таким образом, толерантность должна стать тем фундаментом, на котором будут выстраиваться основы взаимопонимания как необходимые условия межконфессионального сосуществования и взаимодействия в период влияния глобализации на развитие отдельных культур, этносов и мирового сообщества в целом. Общий менталитет и поликонфессиональный исторический опыт европейского сообщества априори обуславливают необходимость межконфессионального диалога как значимого фактора не только для существования, но и сосуществования верующих с отличными культовыми практиками.

Список литературы:

1. Монтень М. Опыты. Избранные главы: Пер. с фр. – М.: Правда, – 1991. – 656 с.
2. Локк Дж. Послание в веротерпимости/Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, – 1988.
3. Mendus S. Locke: Toleration, Morality and Rationality//John Locke: A Letter Concerning Toleration in Focus/Ed. by J. Horton, S. Mendus. – NY: Routledge, – 1991.
4. Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», – 2002.
5. Вольтер Трактат о веротерпимости/Философские трактаты и диалоги. – М.: Изд-во Эскимо, – 2005.
6. Рикер П. Толерантность, нетерпимость, неприемлемо/Рикер П. Вокруг политики. – К.: Дух и буква, – 1995.
7. Саух П. Толерантность как социогуманитарная проблема современности/II Международная научно-теоретическая конференция: сб. мат. – Житомир: изд. центр ЖДУ имени Ивана Франко, – 2009.

Section 13. Economics and management

Секция 13. Экономика и управление

*Bezpalov Valeriy Vasilievich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Institute of Management, Moscow State University
of Economics, Statistics and Informatics (MESI)
E-mail: valerib1@yandex.ru*

Types of efficiency of restructuring the regional system control selection criteria and specific indicators of calculation

Abstract: The article describes the main theoretical and methodological approaches to determining the effectiveness of the restructuring of the regional species management systems. The parameters of evaluation and criteria for the selection of indicators. The basic methods of calculating the basic indicators, taking into account functional specificity.

Keywords: Regional management, restructuring, efficiency, performance evaluation of the effectiveness, criteria for selecting indicators.

*Безпалов Валерий Васильевич,
к. э. н., доцент кафедры Государственного и Муниципального управления
института Менеджмента, Московского Университета
Экономики, Статистики и Информатики (МЭСИ)
E-mail: valerib1@yandex.ru*

Виды эффективности реструктуризации региональной системы управления, критерии выбора показателей и специфика их расчета

Аннотация: В статье рассмотрены основные теоретические и методические подходы к определению видов эффективности реструктуризации региональных систем управления. Предложены показатели их оценки и критерии отбора показателей. Приведены основные методы расчета основных показателей с учетом функциональной специфики.

Ключевые слова: Региональная системы управления, реструктуризация, эффективность, показатели оценки эффективности, критерии выбора показателей.

Вопросы оценки эффективности реструктуризации региональной системы управления становятся все более актуальными в условиях проведения административной реформы и модернизации российской экономики [1, 75–83; 2, 109–115]. Осуществляемая в целях модернизации экономики реструктуризация системы управления российскими регионами требует особого внимания с точки зрения обеспечения высокой эффективности осуществляемых мероприятий, а также высокой результативности реализации программ реструктуризации региональных систем управления в целом. В силу этого, оценка эффективности реструктуризации системы управления регионом

должна проводиться как с учетом специфики объекта и предмета исследования, так и решения первоочередной задачи ускорения процессов модернизации российской экономики [3, 112–120].

Региональная система управления представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих единое целое. Система управления регионом относится к категории систем мезоуровня, но должна рассматриваться в совокупности с другими системами микро и макроуровней, поскольку включает в себя подсистемы микроуровня и одновременно является подсистемой макроуровня. В силу этого, региональная система управления обладает

определенными специфическими особенностями, которые накладывают отпечаток на все показатели ее деятельности [4, 207–216].

Главной функцией системы управления регионом является обеспечение процесса государственного и муниципального управления для достижения поставленных целей на мезоуровне — в регионе. В соответствии с этим, процесс реструктуризация региональной системы управления нацелен на улучшение выполнения ею основных функций, а эффективность реструктуризации можно и нужно оценивать через целый комплекс различных показателей, отражающих как достигнутое состояние, так и динамику его изменения.

На наш взгляд следует выделить следующие виды эффективности реструктуризация региональной системы управления:

- функциональная эффективность;
- экономическая эффективность;
- текущая (результативная) эффективность;
- модернизационная эффективность.

Эти четыре вида эффективности реструктуризация региональной системы управления описывают достигнутое состояние двух основных составляемых любой системы управления (и региона, в том числе) — управляющей подсистемы (субъекта управления) и управляемой подсистемы (объекта управления). Анализ эффективности деятельности только управляющей подсистемы изолированно от управляемой недопустим, поскольку основное назначение управляющей подсистемы заключается в воздействии на управляемую подсистему и формировании ее конкретного состояния. Поэтому и оценка эффективности функционирования системы управления (в том числе определение достигнутого успеха в процессе ее реструктуризации) должна производиться только с учетом результатов изменения деятельности объекта управления (управляемой подсистемы).

В свою очередь каждый из перечисленных выше видов эффективности (функциональная, экономическая, текущая и модернизационная) складывается из более детальных (промежуточных) показателей эффективности деятельности (достижения определенного результата), относящихся к разным сферам функционирования регионального хозяйства. Так, функциональная эффективность субъекта управления определяется через такие показатели деятельности как:

— показатели эффективности стратегического управления системой социально-экономического развития региона [5, 192; 6, 333–338];

— показатели эффективности реализации федеральных и региональных целевых программ и проектов [7, 211–214; 8, 771–777];

— показатели эффективности реализации социальных программ и проектов [9, 138–144; 10, 9–12];

— показатели бюджетной эффективности функционирования региона [11, 7–13; 12, 263–267];

— показатели уровня развития и эффективности электронного правительства и деятельности региональных органов исполнительной власти [13, 188–200; 14, 42–46];

— показатели эффективности информационной обеспеченности реализации процессов управления и оказания государственных услуг населению [15, 169–179; 8, 771–777];

— показатели эффективности управления региональной инновационной системой [16, 41–43];

— показатели эффективности развития международных связей региона, мер по укреплению экономической безопасности региона, «открытости» регионального правительства и т. д.

В свою очередь эти и другие промежуточные показатели эффективности деятельности системы управления регионом складываются из частных показателей, общее число которых, по нашим подсчетам, достигает к настоящему времени 300 и более. Совокупность этих показателей включает отчетные показатели региональных органов государственной власти и управления, местных органов власти и самоуправления (в том числе в рамках программы оценки эффективности деятельности муниципалитетов), официальные данные региональных органов государственной статистики, а также различные аналитические показатели, рассчитываемые экспертами, исследователями, рейтинговыми агентствами и т. д. В настоящем исследовании мы не будем останавливаться на оценке и расчетах всех этих частных показателей, поскольку, как уже отмечалось, на нижнем уровне — уровне частных показателей и исходных данных — их насчитывается порядка 300, каждый из которых имеет собственную формулу расчета. Целью же настоящего исследования является характеристика основных видов эффективности реструктуризации региональной системы управления — т. е. комплексные показатели верхнего уровня регионального управления.

Рисунок 1 в схематическом виде отражает комплекс показателей эффективности реструктуризации региональной системы управления в его элементом и иерархическом видах, а также системе взаимосвязей. При этом показатели эффективности

управляющей и управляемой подсистем рассматриваются как комплексные, рассчитываемые на основе показателей более низких иерархических уровней. Также существует четкое соотнесение четырех базовых видов эффективности реструктуризации региональной системы управления с ее основными

подсистемами: функциональная и экономическая эффективность описывают состояние управляющей подсистемы, а текущая и модернизационная эффективность — состояние управляемой подсистемы, которые в свою очередь зависят от множества частных показателей (см.рис. 1).

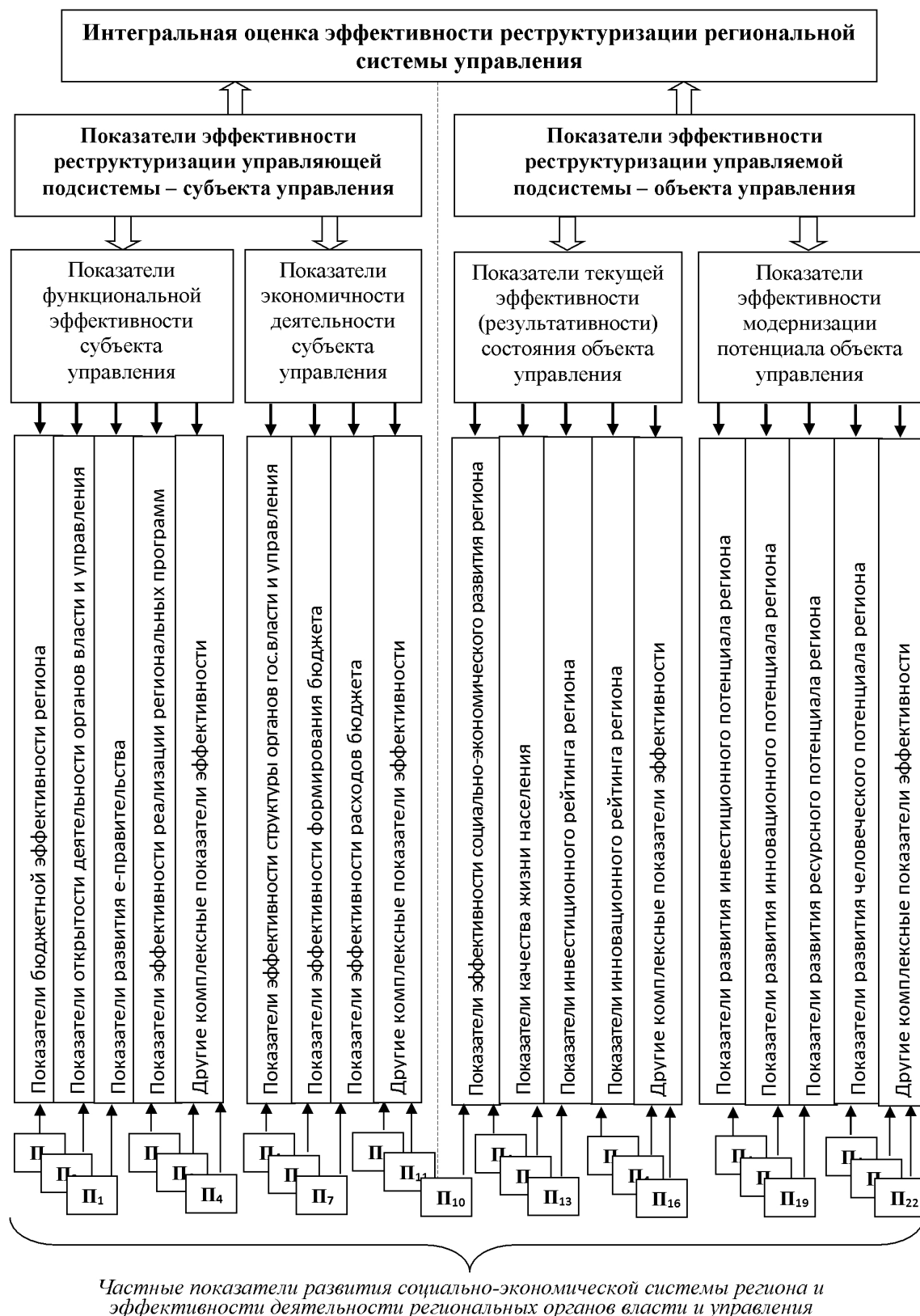

Рис. 1. Комплекс показателей эффективности реструктуризации региональной системы управления

В то же время набор частных показателей для оценки показателей более высокого иерархического уровня значительно больше, чем отражено на рис. 1. Например, для расчета показателей бюджетной эффективности функционирования региона может быть

использован целый ряд различных количественных показателей, индексов и коэффициентов, опирающихся в свою очередь на первичную статистическую и аналитическую информацию. Часть таких первичных показателей, индексов и коэффициентов приведена в табл. 1.

Таблица 1. – Комплекс частных показателей, коэффициентов и индексов развития бюджетной системы региона

Показатели	Расчет
Частные показатели	
П1. Доходы консолидированных бюджетов на душу населения, млн.руб.	$\Sigma Д_{кб} / \text{численность населения}$
П2. Доля налоговых поступлений в общем объеме доходов консолидированных бюджетов, %	$\Sigma \text{налогов} / \Sigma Д_{кб}$
П3. Расходы региона на социальную поддержку граждан на душу населения, руб.	$\Sigma Р_{кб} / \text{численность населения}$
П4. Доля расходов консолидированных бюджетов на социальную сферу в общем объеме расходов бюджетов, %	$\Sigma Р_{соцсфера} / \Sigma Р_{кб}$
П5. Доля расходов консолидированных бюджетов на здравоохранение в общем объеме расходов бюджетов, %	$\Sigma Р_{здрав} / \Sigma Р_{кб}$
П6. Доля расходов консолидированных бюджетов на образование в общем объеме расходов бюджетов, %	$\Sigma Р_{образ} / \Sigma Р_{кб}$
П7. Доля расходов консолидированных бюджетов на ЖКХ в общем объеме расходов бюджетов, %.	$\Sigma Р_{жкх} / \Sigma Р_{кб}$
П8 Пn	
Индексы	
И1. Индекс доходов консолидированных бюджетов	$I_{Дкб1} / I_{Дкб0}$
И2. Индекс расходов консолидированных бюджетов	$I_{Ркб1} / I_{Ркб0}$
И3 Иn	
Коэффициенты	
К1. Коэффициент дефицита бюджета	$И1 / И2$
К2 Кn	

Конечно, приведенный в таблице 1 перечень показателей, коэффициентов и индексов развития бюджетной системы региона не является исчерпывающим для отражения всех процессов, происходящих в бюджетной системе региона в процессе ее функционирования и управления ею, а также возникающих в результате проведения реструктуризационных мероприятий. Сюда также относятся и коэффициенты бюджетной обеспеченности региона, и показатели (в том числе в динамике) исполнения бюджетной дисциплины отдельными субъектами, и показатели собираемости по отдельным видам налогов и т. д.

В отечественной научной литературе существуют различные подходы к оценке отдельных комплексных показателей эффективности региональной системы управления [17, 54–59; 18, 1–23; 19, 461–464; 20, 155–167; 21]. Так, например, для расчета интегрального показателя эффективности управляющей подсистемы – субъекта управления – органов государственной власти и управления российские исследователи

предлагают использовать коэффициент достигнутой (фактической) эффективности ($\mathcal{E}_{\text{фак}}$) [22, 95; 23, 43–50]. В общем виде он рассчитывается по формуле:

$$\mathcal{E}_{\text{фак}} = \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i,$$

где $\mathcal{E}_i$ — итоговое значение i -го показателя эффективности, рассчитываемое по формуле:

$$\mathcal{E}_i = B_i \cdot UB_i,$$

где B_i — балльное значение показателя (ед.), которое может иметь максимальное значение равное 10 баллам; UB_i — удельный вес группы, к которой относится i -й показатель, %.

Далее, полученное расчетное значение коэффициента фактической эффективности показателя сравнивается с максимально возможным значением ($\mathcal{E}_{\text{max}}$), определяемым по формуле:

$$\mathcal{E}_{\text{max}} = \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_{i \text{ max}},$$

где $\mathcal{E}_{i \text{ max}}$ — максимальное итоговое значение i -го показателя. $\mathcal{E}_{i \text{ max}}$, в свою очередь рассчитывается по формуле:

$$\mathcal{E}_{i \text{ max}} = 10 \cdot UB_i.$$

Здесь цифра «10» в формуле означает максимальное количество баллов, которое может быть присвоено каждому показателю.

На основе приведенных выше формул можно рассчитывать комплексный и промежуточные показатели для оценки уровня достижения целей реструктуризации по каждой группе (задаче), для оценки эффективности решения конкретных управленческих задач и осуществления реструктуризационных мероприятий, для оценки эффективности реализации целевых федеральных или региональных программ развития, а также для оценки общей эффективности деятельности органов государственной власти и управления.

Таблица 2. – Градация значений качественной оценки коэффициента эффективности реструктуризации управляющей подсистемы

Уровень	Качественная характеристика уровня	Фактическое количественное значение коэффициента эффективности в сравнении с эталонным
1	Высокий	$\mathcal{E}_{\max} \geq \mathcal{E}_{\text{фак}} \geq 0,75\mathcal{E}_{\max}$
2	Средний	$0,75\mathcal{E}_{\max} > \mathcal{E}_{\text{фак}} \geq 0,6\mathcal{E}_{\max}$
3	Удовлетворительный	$0,6\mathcal{E}_{\max} > \mathcal{E}_{\text{фак}} \geq 0,45\mathcal{E}_{\max}$
4	Низкий	$0,45\mathcal{E}_{\max} > \mathcal{E}_{\text{фак}} > 0,2\mathcal{E}_{\max}$
5	Очень низкий	$0,2\mathcal{E}_{\max} \geq \mathcal{E}_{\text{фак}} \geq 0$

В нашей оценке введена такая качественная характеристика уровня эффективности реструктуризации управляющей подсистемы как «Очень низкий» с интервалом изменений $[0; 0,2]$, поскольку эффект от реструктуризационных мероприятий может оказаться вообще не достигнутым ($= 0$).

Рассмотренные выше методика и алгоритм расчета коэффициента фактической эффективности ($\mathcal{E}_{\text{фак}}$) могут быть применены как к расчету комплексных показателей эффективности реструктуризации управляющей управляемой подсистем региональной системы управления, так и к расчету интегрального показателя эффективности реструктуризации региональной системы управления в целом.

В первом случае управляющая и управляемая подсистемы будут выступать как части более крупной системы, а количество групп первого иерархического уровня будет 2:

- $i1$ – управляющая подсистема;
- $i2$ – управляемая подсистема.

В этом случае интегральный показатель $\mathcal{E}_{\text{фак}}$ будет формироваться только из 2 групп, которым следует присвоить равный удельный вес (0,5).

Аналогичная картина существует и для расчета показателей 2 иерархического уровня, к которому относятся управляющая и управляемая подсистемы. Для их расчета также будут приняты только

В этом случае каждый последующий промежуточный показатель оценки эффективности реструктуризации отдельного элемента системы управления будет выступать в качестве итогового (комплексного) для системы более низкого иерархического уровня. При этом логика расчета, оценки и интерпретации показателя более низкого иерархического уровня остается аналогичной предыдущему. Итоговый же показатель высшего иерархического уровня является интегральным.

Что касается качественной интерпретации коэффициента эффективности $\mathcal{E}_{\text{фак}}$, то предлагается следующая его градация (см.табл. 2, приведено с дополнениями по [23, 49]).

2 группы, хотя общее число групп на этом уровне возрастет до четырех — $k1$ – $k4$. Таким образом, строится «дерево» показателей для оценки эффективности процессов реструктуризации региональной системы управления с учетом всех иерархических уровней (см.рис. 2).

Главным при выборе конкретных показателей для оценки эффективности процессов реструктуризации региональной системы управления является правильный отбор, выявление и расчет тех показателей, которые наиболее важны в конкретной ситуации. Для такого отбора применяется ряд критериев выбора. По нашему мнению, такими критериями являются:

— критерий производительности, показывающий соотношение достигнутых результатов и использованных региональными органами государственной власти ресурсов (финансовых, информационных, кадровых, материально-вещественных и др.);

— критерий экономичности, определяющий соотношение между затраченными ресурсами и принятыми стандартами (административным регламентам), отражающими минимально возможное качество государственных услуг);

— критерий результативности, позволяющий оценить достигнутые за определенный период изменения в социально-экономической ситуации в регионе с планируемыми или прогнозируемыми.

Высший уровень
управленческой
иерархии

2 уровень
управленческой
иерархии

3 уровень
управленческой
иерархии

4 уровень
управленческой
иерархии

Низший уровень
управленческой
иерархии

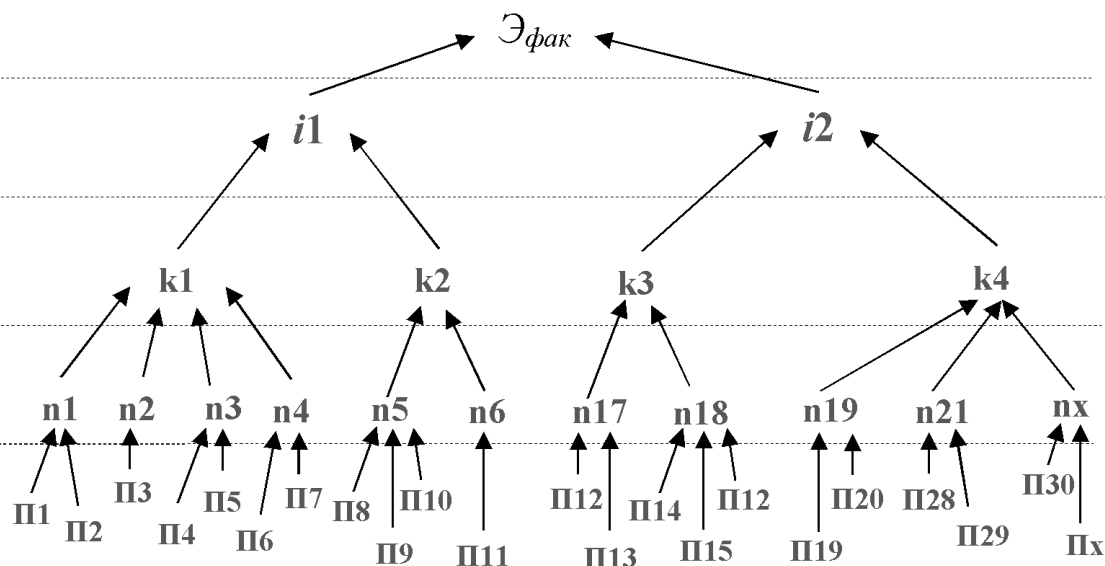

Рис. 2. «Дерево» показателей для оценки эффективности процессов реструктуризации региональной системы управления

В заключении отметим, что в отечественной практике оценки эффективности деятельности региональной системы управления используются и другие методики и методы анализа и оценки (методы сравнительного анализа плановых и фактических показателей, методы динамического анализа,

балльно-рейтинговая система оценки, балансовые методы оценки и др.), которые были апробированы на примере ряда регионов России, таких как Республика Татарстан [11, 7–13], южные регионы России [3, 112–120; 6, 333–338], Архангельская область [24, 72–85] и ряд других.

Список литературы:

1. Калинина А. Э. Интегральная многофакторная оценка эффективности управления регионом в условиях модернизации российской экономики. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2012. № 1. – с. 75–83.
2. Мингалева Ж. А. Политика структурной модернизации экономики. // Журнал экономической теории. – 2012. – № 2. – с. 109–115.
3. Калинина А. Э., Соколов А. Ф. Эффективность управления регионом в условиях модернизационных преобразований российской экономики и развития информатизации. // Экономика региона. – 2013. – № 3 (35). – с. 112–120.
4. Безпалов В. В. Особенности и проблемы диагностики при проведении мероприятий по реструктуризации региональной системы управления. // Экономика и менеджмент систем управления. – 2014. – Т. 11. – № 1.2. – с. 207–216.
5. Задорожнева Ю. В., Калинина А. Э. Многофакторная оценка эффективности реализации социально-экономической политики региона. // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – с. 192.
6. Пивень И. Г. Методика оценки эффективности системы стратегического управления социально-экономическим развитием региона. // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – с. 333–338.
7. Мингалева Ж. А., Паздникова Н. П. Оценка эффективности ресурсного обеспечения мониторинга целевых программ социально-экономического развития регионов. // Экономика региона. – 2009. – № 4. – с. 211–214.
8. Кошкарлов А. В. Разработка информационной системы поддержки управления процессами региональной экономической динамики и оценка ее эффективности. // Информационные технологии моделирования и управления. – 2011. – Т. 72. № 7. – с. 771–777.
9. Скопина И. В., Скопин О. В., Грабар А. А. Исследование и оценка эффективности развития социальной инфраструктуры региона. // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2010. – № 22. – с. 138–144.

10. Скопина И. В., Скопин О. В., Грабар А. А. Основные подходы к исследованию и оценке эффективности развития социальной инфраструктуры региона. // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 21. – с. 9–12.
11. Гайзатуллин Р. Р. Оценка эффективности регионального развития на основе бюджетных инструментов в системе государственного управления (на примере Татарстана). // Экономические науки. – 2007. – № 34. – с. 7–13.
12. Мингалева Ж. А., Паздникова Н. П. Развитие методов управления бюджетным потенциалом региона // Экономика региона. – 2007. – № 2. – с. 263–267.
13. Калинина А. Э., Петрова Е. А., Соколов А. Ф. Методологические аспекты формирования и развития электронного правительства региона. // Экономика региона. – 2008. – № 4. – с. 188–200.
14. Соколов А. Ф. Эффективность деятельности органов исполнительной власти в регионах России. // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 35. – с. 42–46.
15. Калинина А. Э., Соколов А. Ф., Елхина И. А. Информационно-аналитические методы мониторинга эффективности систем управления региональной экономикой. // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2012. – Т. 7. – № 13. – с. 169–179.
16. Рисин И. Е. Теоретические предпосылки оценки эффективности управления региональной инновационной системой. // Механизмы развития социально-экономических систем региона. – 2013. – с. 41–43.
17. Дубровина Н. А. Оценка эффективности регионального управления // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 8. – с. 54–59.
18. Никишин А. И. Разработка комплексной системы оценки эффективности деятельности региональных органов государственного управления. // Автореферат диссерт. на соиск. учен. ст. канд. экон. наук. Международный университет. – Москва, – 2007.
19. Осипов А. К., Матвеева И. В., Ложкина Е. Ф. Методические подходы к оценке эффективности регионального управления. // Технические университеты: интеграция с европейскими и мировыми системами образования. Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, – 2014. – с. 461–464.
20. Скопина И. В., Скопин О. В. Индикативный, критериальный и комплексный подходы к оценке эффективности регионального управления. // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2010. – № 22. – с. 155–167.
21. Фугалевич Е. В. Оценка эффективности деятельности администраций муниципальных образований в системе государственного управления региональной экономикой. // Дисс. на соискание учен. ст. канд. экон. наук / Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики. – Санкт-Петербург, – 2011.
22. Васильева М. В. Совершенствование управления экономикой регионов на основе применения методики сравнительной комплексной оценки эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2011. – № 36 (12). – с. 95.
23. Клочко С. Н. Систематизация целей и показателей эффективности деятельности регионального исполнительного органа власти // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 3. – с. 43–50.
24. Смирнова И. Г. Критерии оценки эффективности принятых управленческих решений в региональной экономической системе (на примере Архангельской области). // Актуальные вопросы образования и науки. – 2013. – № 1–2 (35–36). – с. 72–85.

*Efremov Vladimir Anatolievich,
Kazan (Volga region) Federal University, postgraduate student,
the Faculty of Department of State and Municipal Administration, IMTD
E-mail: vovefremo@yandex.ru*

*Davletshin Edward Alekseevich,
Kazan (Volga region) Federal University, postgraduate student,
the Faculty of Department of State and Municipal Administration, IMTD
E-mail: public.mail@kpfu.ru*

Movement of capital in tax havens

Abstract: The article discusses the problems associated with the flight of capital from different types of economies countries, with the aid of tax havens. A comparative analysis between country financial capital balances in tax havens and the main macroeconomic indicators.

Keywords: Tax havens, capital, capital flight.

*Ефремов Владимир Анатольевич,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, аспирант
кафедры государственного и муниципального управления, ИУТР
E-mail: vovefremo@yandex.ru*

*Давлетишин Эдуард Алексеевич,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, аспирант
кафедры государственного и муниципального управления, ИУТР
E-mail: public.mail@kpfu.ru*

Движение капитала в офшорных зонах

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы связанные с утечкой капиталов из стран различных типов экономик, через офшорные зоны. Проводится сравнительный анализ между показателями остатка финансового капитала стран в офшорах и их основными макроэкономическими показателями.

Ключевые слова: Офшорные зоны, капитал, бегство капитала.

В современном мире значительная часть финансовых резервов сконцентрировано в офшорных зонах. По статистическим оценкам на 2012 г. объем финансовых активов физических и юридических лиц в размере от 21 до 32 триллионов долларов США скрыты в Офшорах, что практически в 2 раза превышает ВВП экономики США. Данные показатели не учитывают предметы роскоши и недвижимость [1]. Наблюдается большой разрыв финансовой состоятельности мировых держав и развивающихся стран значительное влияние на эту динамику оказывают офшорные зоны. Необходимо рассмотреть роль офшорных зон в мировой экономической интеграции капитала.

Рассмотрим понятие офшорной зоны: офшор — небольшое государство или территория, привлекающие иностранные капиталы посредством предоставления налоговых и других льгот при проведении финансово-кредитных операций в иностранной валюте с иностранными резидентами. Офшор один из

самых известных и эффективных методов налогового планирования. Основой этого метода являются законодательства многих стран, частично или полностью освобождающие от налогообложения компании, принадлежащие нерезидентам. Оффшорная зона является одной из разновидностей свободных экономических зон. В используемых классификациях их относят к сервисным свободным экономическим зонам, особенностью которых является создание для предпринимателей благоприятного валютно-финансового, фискального режима, высокого уровня банковской и коммерческой секретности, лояльность государственного регулирования [1].

Возникновение оффшорных юрисдикций в большей мере это результат исторических процессов в виде интернационализации мировой экономики. Большой спрос на оффшорные юрисдикции в 60-х гг. XX века возник из-за качественно нового содержания экономической интеграции, которое оно получило благодаря развитию международных рынков

ссудных и производительных капиталов. Произошло это в результате стремительного развития во 2-й половине XX века транснациональных корпораций, когда их экспансия и быстрый рост международного товарообмена нуждалось не только в значительном увеличении финансовых ресурсов, но и свободного доступа к ним в любом месте на земном шаре. Такая потребность стала результатом внеациональных рынков капитала, и способствовала резкой интернационализации деятельности банков. Первые оффшорные зоны в современном понимании появились в Швейцарии. Именно здесь впервые был принят закон, который обязывал финансовые учреждения гарантировать конфиденциальность информации о состоянии банковских счетов клиента [4].

Для российского бизнеса оффшорные компании долгое время служили каналом для отмывания денег и вывоза капитала. Особой популярностью у российских бизнесменов пользовался Кипр, который до присоединения к Евросоюзу был крупнейшим государством-транспортом полукриминальных денег.

Рассмотрим типы оффшорных зон и компании ведущие деятельность на их территории.

По территориальному принципу оффшорные зоны можно разделить на три группы:

1) Европа. В состав данной группы входят принадлежащий Великобритании остров Мэн, Гибралтар, Люксембург, Лихтенштейн, Монако, Кипр, Мальта, португальский остров Мадейра, Нидерланды, Ирландия.

2) Атлантика и Карибы. В состав данной группы входят Бермудские острова, Багамские острова, Каймановы острова, Британские Виргинские острова, Гайана, Барбадос, Панама; иногда в состав данной группы относят уже упоминавшийся американский штат Делавэр, на территории которого действуют особые условия регистрации предпринимательских фирм — против этого, впрочем категорически возражают власти самого штата Делавэр.

3) Азия/Тихий океан. В состав данной группы входят Гонконг, острова Кука, Науру, Вануату, Лабуан, Сингапур.

Выбор места расположения оффшорной компании в первую очередь зависит от профиля ее деятельности. В мировой практике фирмы, расположенные в “налоговых гаванях” и местах с льготным налогообложением можно разделить на следующие виды:

1. Компании финансовой ориентации (оффшорные банки, финансово-посреднические компании, страховые компании);

2. Компании торгово-посреднического профиля (экспортно-импортные, закупочные, дистрибьюторские и т. п.);

3. Кроме того, для инвестирования за рубежом фирмы с международными активами могут создавать оффшорную компанию холдингового типа. К таким компаниям можно отнести: оперативно-холдинговые компании, инвестиционные, компании по владению интеллектуальной собственностью (лицензионные), недвижимостью, судами [3].

Оффшорные зоны играют значительную роль в мировой финансовой интеграции. В современном мире наблюдается тенденция оттока капитала из стран с слабо развитой экономикой и законодательной базой, что неблагоприятно влияет на инвестиционный климат в этих странах и их экономику в целом.

Оффшорный банковский бизнес занимает особое место в международной финансовой интеграции. Можно рассматривать его как инструмент движения капитала.

Активы оффшорных банков постоянно находятся в движении, принося их владельцам и менеджерам повышенные прибыли. Среди основных преимуществ оффшорных банков можно выделить: мобилизация и предоставление займов и кредитов, операции с европейскими и азиатскими валютами и долларами США, лизинговые и трастовые операции, инвестиции и т. п.

Являясь инструментом движения капитала, оффшорный банковский бизнес выполняет такие важные функции, как ускорение мировых финансовых потоков, он дает возможность вступить в мировой финансовый рынок; кроме того оффшорные банки способствуют обмену валют мира.

С помощью оффшорного банковского бизнеса формируются особые «финансовые каналы», по которым перемещаются активы. Фирма предоставляет кредит британской компании. Если бы кредит с процентом был возвращен в другую страну напрямую, что считалось бы доходом, фирма-кредитор едва бы вернула сумму изначально предоставленного кредита. В связи с этим создается цепочка фирм в оффшорных зонах и через них кредит с процентом возвращается.

Рассмотрим движение капитала через фирмы. Оффшорные центры помогают осуществлять свободное передвижение капитала по всему миру. Схемы движения капитала могут быть самыми разнообразными, кроме того каждая схема используется в каждом конкретном случае в зависимости от целей, которые преследует владелец капитала. Тем не менее, часто используются стандартные виды схем. Наиболее эффективная

схема использования офшорных компаний основана на координации деятельности филиалов материнским предприятием (см. рис. 1). Сначала в офшорной зоне создается нерезидентная фирма, которая получает от материнской фирмы первоначальный капитал.

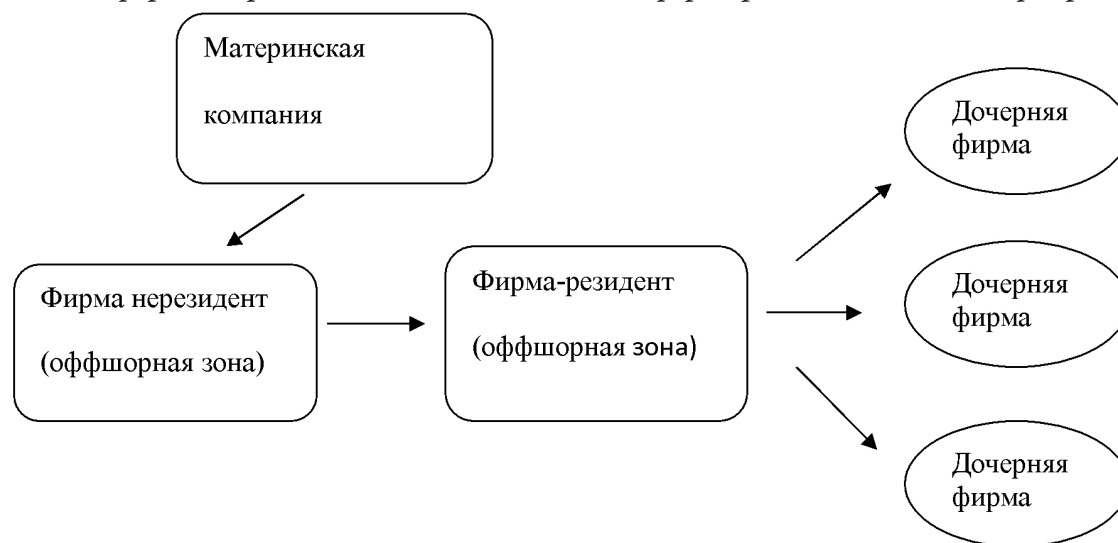

Рис. 1. Схема офшорных систем с материнской компанией

В зависимости от сферы деятельности создаваемой компании проводится анализ налоговых условий по странам, на основе которого разрабатывается схема проведения торговых и финансовых операций с вовлечением офшорной фирмы. Так финансовые компании обычно регистрируются в районах с низким налогом на прибыль и на распределение банковского процента. При открытии же страховой фирмы главным условием при выборе юрисдикции является не столько наличие налоговых льгот, сколько упрощенный порядок лицензирования и регулирования страховой деятельности, в частности более низкие требования к минимальному размеру уставного капитала, резервных и гарантийных фондов. Также при регистрации фирмы учитываются условия предоставления отчетности, стоимость регистрации и обслуживания фирмы в различных «налоговых гаванях». Однако создание офшорных фирм оправдывает себя только при условии осуществления широкой сети операции, иначе затраты на содержание компании не окупают себя.

Данный анализ показывает что на конец 2010 года 50 крупнейших частных банков генерируют 12,1 триллионов долларов США в офшорных зонах к сравнению в 2005 – 5,4 триллионов долларов США. Основными являются три крупнейших инвестиционных банка UBS, Credit Suisse и Goldman Sachs. По приблизительным оценкам 21 триллион долларов США находящихся в офшорных зонах на 2010 г, принадлежат 10 миллионам человек, а 9,8 триллионов из них лишь у ста тысяч

Потом через передачу управления по контракту секретарской компании данная компания приобретает резидентный статус. Далее фирма открывает дочерние компании за рубежом, причем будущие посреднические фирмы располагают так же в офшорных зонах [2].

человек по всему миру. Если сравнивать темп роста активов в офшорах с динамикой роста ВВП мировых держав то первая значительно выше (см. таблицу 1) [2].

Что касается России По словам председателя Центробанка С.М. Игнатьева, из России в 2012 году было вывезено 57 млрд. долларов США На протяжении последних лет — с 2005 по 2011 г. — такие страны, как Китай, Индия, Бразилия, ЮАР (все это страны BRICS), а также Польша, Турция имели почти непрерывный чистый приток капитала. Для Германии, Японии, Франции был характерен чистый отток частного капитала. В США и Великобритании в отдельные годы наблюдался как чистый приток, так и чистый отток частного капитала. Возможно следующее объяснение такого распределения стран между экспортерами и импортерами частного капитала. Частный капитал перетекает из стран, где наблюдается высокая насыщенность экономики капиталом, в страны, где наблюдается нехватка капитала, поэтому прибыльность капитала относительно высока. При этом учитываются риски, административные издержки и все то, что охватывается понятием «инвестиционный климат». То, что Россия не попала в число стран — импортеров капитала, выглядит довольно странным, поскольку по уровню экономического развития и насыщенности экономики капиталом наша страна сопоставима с такими импортерами капитала, как Бразилия, Польша, Турция. Видимо, влияние оказал не вполне благоприятный инвестиционный климат [6] (см. рис. 2).

Таблица. 1 – Топ оффшорных банков и анализ концентрации активов

Место 2005	Место 2010	Наименование Банка	2005	2010
1	1	USB	1349,2	1789,0
2	2	Credit Suisse	469,2	932,9
7	3	Goldman Sachs	166,2	840,0
19	4	Bank America	108,5	643,9
5	5	HSBC	183,0	390,0
6	6	Deutsche Bk	180,9	367,5
9	7	BNP Paribas	158,0	338,0
24	8	Wells Fargo	78,0	300,0
8	9	Morgan Stanley	165,0	297,0
4	10	JP MorganChase	187,0	284,0
Активы частных клиентов крупнейших банков инвестированные в фонды через оффшорные зоны			5,4	12,1
Динамика Финансовых активов в оффшорах (приблизительные данные) триллион долларов США			22,9	31,53
Динамика ВВП США			12,5643	14,4194
Динамика Среднего ВВП Европы и Центральной Азии			1,0059	1,6479
Динамика Среднего ВВП Восточной Азии Тихоокеанский регион			3,0672	7,6184
Динамика ВВП Китая			2,2569	5,9305
Динамика ВВП России			0,764	1,5249

Σ Топ 20 = \$ 7.6 триллионов

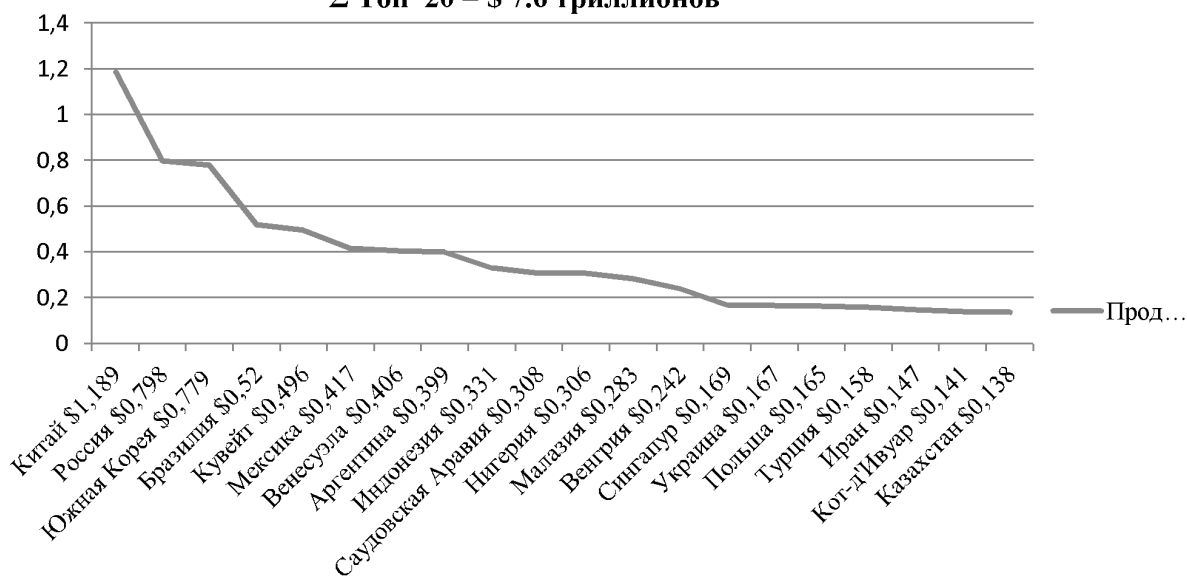

Рис. 2. Показатели бегства капитала по странам

Согласно статистическим данным совокупный внешний долг стран с низким и средним уровнем дохода на 2010 г. составляет 4,1 триллионов долларов США, но если принять во внимание не учтенные активы в оффшорах активы это приблизительно: $\Sigma 139$ стран = 9,4 триллионов долларов США. Картина кардинально меняется, данные страны выступают нетто-кредиторами не должниками. Согласно статистической оценке только 3 % от дохода возвращается в страны, если 30 % в виде подоходного налога поступало в экономики стран где наблюдается отток капитала через оффшорные

зоны, то это составляло приблизительно 190–280 млрд. долларов США. Для примера Организация экономического сотрудничества и развития тратит в два раза меньше на финансовую помощь экономикам стран по всему миру. Концентрация таких огромных активов ложится в руки небольшой группы лиц а их долги ложатся на плечи рядовых граждан.

Май 2013 года ознаменовался множеством мероприятий во всем мире под эгидой борьбы с оффшорами Образовался новый пул государств в составе США, с одной стороны, и Великобританией,

Германией, Испанией, Италией, Францией, с другой стороны под названием G5, которые приняли на себя обязательства по автоматическому обмену налоговой информацией. К ним примкнули Ангилья, Бермудские острова, Британские Виргинские острова, Монтсеррат, Тёркс и Кайкос, а также острова Мэн, Гернси, Джерси и Гибралтар [4].

К заседанию G8 под предводительством Великобритании в Белфасте Джеффри Оуэнс бывший глава налогового подразделения ОЭСР и Мик Мур из Университета Сассекса представили свой план действий для стран-участниц «большой восьмерки» который стал значительным дополнением для повестки дня заседания G20. По итогам саммита G20 в Санкт-Петербурге (Россия) в сентябре 2013 года, принята декларация, резюмирующая основные договоренности в сфере мировой экономики и финансов, получившая название Санкт-Петербургский план действий. Лидеры стран, входящих в «группу двадцати», подтвердили готовность совместно бороться с коррупцией, налоговыми преступлениями и офшорами, обеспечить плавный выход из политики количественного смягчения, определили финансовые институты, которые не могут быть обанкрочены, и взяли обязательства по снижению уровня безработицы. Одни эксперты видят в G20 чуть ли не прообраз будущего мирового правительства, другие настроены более критично, считая, что декларация сама по себе не предполагает строгого выполнения обязательств [5].

Подводя итоги стоит отметить, что офшорные центры дают возможность свободно перемещать капитал по всему миру, в то время как законодательство некоторых стран этому препятствует. Офшорные зоны влияют на международные «финансовые каналы», т. е. на пути перемещения капитала, и изменяют их направление. Офшорные зоны выступают как своеобразные мировые центры повышенной концентрации капитала. Другой важной ролью

офшорных центров является минимизация потерь при перемещении капитала. Как было отмечено ранее, в большинстве данных зон не взимаются налоги, соответственно, капитал может быть перемещен целиком, без потерь в виде налогов при проведении через другие страны. Офшорные центры способствуют ускорению мировых финансовых потоков. Отсутствие необходимости предоставления информации о финансовых операциях, легкая процедура регистрации фирм и т. п. позволяют быстро перевести капиталы в любую другую страну. В офшорных финансовых центрах сосредоточено более половины мировых финансовых средств. Это говорит о том, насколько велика роль офшорных центров в мировой экономике.

Что же касается экономики РФ: Офшорные зоны являются очень привлекательными для крупного и среднего бизнеса, что несет за собой негативное влияние на экономику страны. Так как основная доля финансового капитала находится в секторах крупного и малого бизнеса, утечка его отражается на бюджете и платежеспособности основного населения страны. Не стоит направлять все ресурсы на борьбу с офшорами, необходимо создавать все условия для сохранения капитала, и работать над инвестиционной привлекательностью страны. Интересен опыт США в рамках антиофшорных мер. Они разрешают регистрацию за границей предприятий, но требуют обязательное включение в состав облагаемой налогом прибыли, дивидендов от этих предприятий. Неоплата этого налога грозит административными и уголовными санкциями. В результате прямое использование офшоров не имеет эффекта для американских предприятий. Подпольное использование офшоров невозможно, допускается только использование внутренних «офшорных» штатов. Т. о., правительство стремится достичь компромисса между государственными и предпринимательскими интересами.

Список литературы:

1. Поляков Вадим, Туник Игорь Офшоры: пособие по увеличению прибыли. – Л.: Питер, – 2008.
2. The Tax Justice Network: [Электронный ресурс] – URL: http://www.taxjustice.net/cms/front_content.php?idcat=148 (дата обращения 08.08.2014).
3. Мировое и национальное хозяйство: [Электронный ресурс] – URL: http://mirec.ru/old/index.php?option=com_content&task=view&id=219.html (дата обращения 09.08.2014).
4. Forbes: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurenciya/233959-pochemu-rossii-pridetsya-pomogat-ssha-sobirat-nalogi> (дата обращения 10.08.2014).
5. Налоговый портал Податинет: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.podatinet.net/2013052731632/news/news/proekt-plana-dlya-g8-po-borbe-s-nalogovymi-ukloneniyami-i-ofshorami.html> (дата обращения 10.08.2014).

6. Центральный банк Российской Федерации: [Электронный ресурс] – URL: http://www.cbr.ru/pw.aspx?file=/press/press_centre/Ignatiev_20022013.htm (дата обращения 12.08.2014).
7. The World Bank [Электронный ресурс] – URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения 12.08.2014).

*Klepanchyk Olga Yuriyevna,
Lviv Academy of Commerce,
Researcher, Department of Economic Theory
E-mail: ks770@inbox.ru*

Adaptation of international experience to support small business to the realities of Ukrainian economy

Abstract: Foreign experience of state support of development of small enterprise and possibility of his use is examined in Ukraine. That government control of small business in Europe is carried out by a legislation, development and realization of the having special purpose programs of financial, technological, informative and skilled assistance development of small and middle enterprise is marked.

Keywords: tax system, tax deductions, small business, having a special purpose government programs, consultative services.

*Клепанчук Ольга Юрьевна,
Львовская коммерческая академия,
соискатель кафедры экономической теории
E-mail: ks770@inbox.ru*

Адаптация зарубежного опыта поддержки малого бизнеса к реалиям украинской экономики

Аннотация: Рассматривается зарубежный опыт государственной поддержки развития малого предприятия и возможности его использования в Украине. Отмечено то, что государственная регуляция малого бизнеса в Европе осуществляется путем законодательства, разработки и реализации целевых программ финансового, технологического, информационного и кадрового содействия развитию малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: налоговая система, налоговые льготы, малый бизнес, целевые государственные программы, консультационные услуги.

В странах с рыночной экономикой малое предпринимательство признано одним из главных факторов политической и социальной стабильности общества и национальной экономики. Финансовая поддержка малого бизнеса со стороны государства охватывает прежде фискальные методы воздействия, которые осуществляются непосредственно, через систему налогообложения.

В Украине малый бизнес не достиг должного уровня развития. Расширение сектора малого бизнеса тормозят: недостаточная финансовая база, несовершенная государственная политика по его поддержке, административные барьеры, низкая деловая активность населения, несовершенство законодательства. Поэтому для выявления возможностей улучшения сектора малого предпринимательства в Украине, важное значение приобретает изучение зарубежного

опыта организации малого предприятия как важного фактора развития рыночной экономики.

Государственное регулирование малого бизнеса в Европе осуществляется путем законодательства, разработки и реализации целевых программ финансового, технологического, информационного и кадрового содействия развитию малого и среднего предпринимательства. Также для стимулирования развития малого бизнеса были разработаны новые юридические модели (Европейская акционерная компания, Европейский пул экономических интересов), которые позволяют малым предприятиям из разных стран, вступающих в деловые отношения, эффективно решать проблемы разногласий правовых систем различных государств.

В Европе политика поддержки малого бизнеса осуществляется через деятельность государств и

через специальные программы, которые реализуются под эгидой Евросоюза. Финансирование мероприятий по поддержке малого бизнеса осуществляется с Структурных фондов Евросоюза, таких как Фонд регионального развития и Социальный фонд.

Еще до кризисных условий малый бизнес в Европе адаптировался наиболее эффективно, имея возможность маневрировать на рынке. Малые предприятия достаточно оперативно стали занимать ниши, которые были неинтересны крупным предприятиям, что в значительной степени помогает европейским странам преодолевать стагнационные явления в экономической сфере.

Большинство стран ЕС возрастающая роль малых и средних предприятий заставила признать необходимость разработки специальной налоговой политики, по нашему мнению, заслуживает особого внимания для отечественной модели налогообложения малого предпринимательства.

Существенным фактором успешного функционирования предпринимательства в Польше, Чехии, Венгрии государственная поддержка стимулирования и развития малого бизнеса.

Последовательная реализация государственных реформ для поддержки малого бизнеса в Польше предусматривала создание базовых организационных структур. Эти структуры в процессе взаимодействия с правительством и парламентом, обеспечивают предоставление достоверной информации о состоянии и перспективах развития предпринимательства в стране, обеспечивают предоставление кредитов малым предприятиям, способствуют развитию инновационных технологий и их применению в малом бизнесе. Финансовая поддержка малого бизнеса предусматривает использование системы проектного финансирования малых предприятий, то есть целевое кредитование заемщика для реализации инвестиционного проекта. На долю этого сектора приходится более 50 % ВВП страны и 60 % занятого населения [1].

Например, в Великобритании нет единого определения малого предприятия. В данной стране малые и средние предприятия, как правило, подчиняются таким же правилам расчета и декларирования доходов, как и другие налогоплательщики, хотя есть и значительные исключения. В Великобритании малые и средние предприятия рассчитывают и декларируют доходы на общих основаниях, хотя с определенными исключениями. Предприятия, годовой доход которых меньше 15 тыс. фунтов стерлингов, заполняют

простую налоговую декларацию без детальных данных о своей деятельности, активы или обязательства [3].

В системе налогового регулирования Великобритании заложены такие стимулирующие средства как прогрессивные ставки налогообложения — шкала ставок подоходного налога, основу которой составляет прибыль, подлежащая налогообложению. Зависимость величины налогов от суммы прибыли выражена в прямой прогрессии — чем выше доходы, тем выше налоги. Для малых предприятий, без сомнения, очень благоприятная система.

Значительную роль играет стимулирование капиталовложений в здания и сооружения. Действующая в Великобритании налоговая система и правила амортизации зданий и оборудования с целью налогообложения позволяют осуществлять списание по ставке 25 % от стоимости приобретения с учетом балансовой стоимости, снижается — так называемая “Налоговая скидка по списанию на износ”. Для ряда малых предприятий вычету может подлежать до 49 % от стоимости новых зданий и оборудования. Для получения права на эту льготу предприятие должно отвечать, по крайней мере, двум из следующим требованиям: годовой доход компании не должен превышать 11,2 млн. фунтов стерлингов; стоимость активов не должна превышать 5,6 млн. фунтов стерлингов; штат предприятия не должен превышать 250 человек [3].

Также в стране существуют и так называемые временные льготы, то есть, льготы, существующие на определенный период времени. Согласно действующему законодательству 100 % стоимости такого имущества можно отсчитывать с налогооблагаемой прибыли уже в год приобретения. Чтобы иметь на это право, малое предприятие должно соответствовать хотя бы двум следующим условиям: годовой оборот не может превышать 2,8 млн. фунтов стерлингов; активы не должны превышать 2,8 млн. фунтов стерлингов; число работников не должно превышать 50 человек.

А с 1 апреля 2000 года в Великобритании был введен еще один стимул в виде налоговых скидок на расходы, связанные с научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами. Основная цель данного стимула заключается в поощрении инноваций путем предоставления малым и средним предприятиям значительных стимулов, связанных с ростом инвестиций в инновационную сферу. Согласно закону о налоговые скидки, малое предприятие может списать 150 % расходов из облагаемого дохода. Компании, которые еще не получают доход, могут получить кредит в наличной

форме, которая составляет примерно 24 % понесенных расходов. Одновременно в Великобритании действуют различные налоговые стимулы для инвесторов в акции малых предприятий [4].

Приведем в пример еще одну страну — Швецию. В данной стране отсутствуют специальные налоговые режимы для малых и средних предприятий. Основной принцип налогового регулирования в Швеции — это принцип “нейтральности”, в соответствии с которым до всех предприятий независимо от их юридической формы, типа хозяйственной деятельности, размера, местонахождения, применяется одна и та же налоговая база, те же ставки налогообложения и обязанности по регистрации, подаче документов, отчетности, платежей. Таким образом, налоговое время будет одинаковым и для самозанятого предпринимателя, и для корпорации, если они занимаются одинаковым бизнесом [3].

Однако стоит отметить, что, в принципе “нейтральности” предусмотрены исключения в виде налоговых льгот, специально применяются к малым предприятиям. Самозанятые, мелкие торговцы и большинство предприятий с оборотом менее 720 000 крон, имеют право использовать кассовый метод учета. Также самозанятые, мелкие торговцы с любым оборотом не обязаны регистрировать свой бизнес в государственных органах. Им достаточно лишь зарегистрироваться в налоговой инспекции. Если годовой оборот предприятия составляет менее 1 млн. крон (примерно 110 тыс. дол. США), оно может подавать налоговую декларацию один раз в год, а не ежемесячно, как это обязаны делать все другие предприятия. Предприятия с оборотом менее 40 млн. крон (примерно 4,4 млн. дол. США) обязаны уплачивать НДС в течение 42 дней с момента окончания отчетного периода. Если оборот превышает 40 млн. крон, тогда платить НДС нужно в течение 26 дней после окончания отчетного периода.

Новому торговцу, который самостоятельно занят, или партнеру, если это отдельное лицо, разрешается вычитать убытки от хозяйственной деятельности по возможному доходу в течение первых пяти лет деятельности. А дивиденды, полученные от компаний, и которые не котируются на бирже или относятся к отдельным лицам, частично освобождаются от прибыли. Данная льгота призвана стимулировать инвестиции в малые предприятия и компенсировать им более высокую стоимость заемного капитала по сравнению с теми компаниями, которые котируются на фондовой бирже [3].

Одной из самых распространенных форм стимулирования развития сектора малого предпринимательства в развитых странах является создание для них преференций в налогообложении путем введения специальных налоговых правил (Франция) или применение общих правил по отдельным льготам для малых предприятий (США, Великобритания). Поэтому целесообразно рассмотреть международную практику применения упрощенных (специальных) режимов налогообложения малого предпринимательства и необходимость ее адаптации и применения в Украине.

Во Франции применяются специальные (упрощенные) налоговые режимы для малых и средних предприятий в зависимости от величины их оборота. Такие предприятия не подают декларации по налогу на добавленную стоимость, однако выплачивают подоходные налоги, уровень которых зависит от сферы деятельности (торговые операции, услуги и т.д.). При упрощенном налоговом режиме применяется упрощенная форма отчетности — малые и средние предприятия подают в налоговые органы основные данные о свой баланс, основные фонды, размер инвестиций и финансовые результаты деятельности. Предприятия, предоставляющие услуги, могут уменьшить свой налогооблагаемый доход, если пройдут проверку у официального аудитора. Учетный процесс на микропредприятиях Франции связан с ведением книг учета закупок и учета поступлений (приведенные суммы документально подтверждаются) и учетом копий счетов об уплате НДС (с пометками, что НДС не уплачивается, так как минимальное предельное значение величины годового оборота не превышено).

Для малых и средних предприятий во Франции действует упрощенный режим декларирования прибыли и уплаты налогов, по которому фактические расходы и расходы относятся на производство. Средние и малые предприятия обязаны регистрироваться плательщиками НДС, но платить указанный налог не ежемесячно, а ежеквартально. К учету и отчетности таких предприятий относятся менее жесткие требования по сравнению с крупными предприятиями.

Малые и средние предприятия, имеющие статус юридического лица и принадлежащие физическим лицам, применяют сниженную ставку налога на прибыль 19 %, а не 33,8 %. Часть налогооблагаемой прибыли, с которого взыскивается уменьшена ставка налога должна быть использована предприятием для капиталовложений.

В странах ЕС упрощенные системы налогообложения субъектов малого предпринимательства, аналогичные единому налогу в Украине, не используются. Зато получили распространение другие формы государственной поддержки этого типа предприятий: освобождение некоторых видов предприятий от необходимости ведения отчетности о результатах хозяйственной деятельности и внедрение упрощенной системы бухгалтерского учета и отчетности; введение специальных режимов налогообложения налогом на добавленную стоимость некоторых видов операций, характерных для фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов; использование налогов на оценочный доход и минимальные налоги [2].

За последние годы в Украине также пришли к пониманию особой социально-экономической роли малого бизнеса, который в кризисных условиях создает новые рабочие места без какого-либо финансирования со стороны государства, расширять самозанятость населения, привлекать к легальной экономической сферы те средства, которые сейчас находятся вне банковской сферы. К тому же, малый бизнес имеет

решающее значение и для формирования конкурентной среды и создание среднего класса.

Таким образом, в условиях трансформации налоговой системы, Украина стоит перенимать положительный опыт стран ЕС, связанный с поддержкой малого предпринимательства в форме консультационных услуг, сопряженных с общим снижением налогового давления в форме налоговых льгот. Также целесообразно привлечь для внедрения нововведений экспертов из наиболее развитых европейских стран.

По нашему мнению, положительным является опыт государственной политики в сфере малого бизнеса именно Польши, где развитию предпринимательства способствовали реформы, направленные на совершенствование правового поля, развитие инфраструктуры, содействие легкого доступа к кредитным ресурсам, либерализации налогового законодательства.

Итак, анализ мирового опыта показывает, что выполнение малым предприятием своей существенной экономической и социальной роли возможно только при условии взвешенной государственной политики всесторонней поддержки этого сектора экономики.

Список литературы:

1. Заярная Н. М. Международный опыт поддержки малого бизнеса и современные украинские реалии / Н. М. Заярная // Научный вестник НЛТУ Украины. – 2011. – Вып. 21. – с. 198–202.
2. Коспок А. Н. Особенности реформирования упрощенной системы налогообложения субъектов малого бизнеса: дисс. ... канд. экон. наук: спец. 12.00.07. – Национальный технический университет Украины. – 2011 – 40 с.
3. Основные положения законодательства ЕС относительно определения и налогообложения малых и средних предприятий. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tax.vsem.com.ua/embed/opodatkyvanna.doc>.
4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.academia.org.ua>.

*Kosmina Valentyna Valentiovna,
Applicant of the international finances department of Institute
of international relations, Taras Shevchenko National University of Kyiv
E-mail: val.ko@gmx.at*

Offshore outsourcing and export of transnational companies from newly industrialised countries of asia

Abstract: The paper analyzes the role of transnational corporations (TNC) in the export of newly industrialized countries of Asia. It discusses non-equity forms of TNC activities, in particular, export subcontract arrangements or offshore outsourcing. The paper shows that subcontractors are an important part of the international production network of transnational corporations. In many industries of the newly industrialized countries of Asia these offshore outsourcing local companies are an important channel for the dynamic development of exports.

Keywords: transnational corporations, offshore outsourcing, export subcontract arrangements, non-equity forms of operations, the newly industrialized countries of Asia.

*Космина Валентина Валентиновна,
соискатель кафедры международных финансов
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
E-mail: val.ko@gmx.at*

Оффшоринговый аутсорсинг и экспорт транснациональных фирм из новых индустриальных стран азии

Аннотация: В статье рассматривается роль транснациональных корпораций (ТНК) в экспорте новых индустриальных стран Азии. Анализируются неакционерные формы деятельности ТНК, в частности, субподрядные экспортные контракты или оффшоринговый аутсорсинг. Показано, что фирмы субконтракторы являются важной частью системы международного производства транснациональных корпораций. Во многих отраслях новых индустриальных стран Азии оффшоринговый аутсорсинг местных компаний является важным каналом динамичного развития экспорта.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, оффшоринговый аутсорсинг, субподрядные экспортные контракты, неакционерные формы операций, новые индустриальные страны Азии.

Постановка проблемы. Транснациональные корпорации оказывают все более ощутимое влияние на мировую экономику. Значительная часть экспорта принимающих стран, в частности, новых индустриальных стран (НИС) Азии связана с деятельностью этих компаний. В последние десятилетия ТНК активно развивают неакционерные формы операций, например, субподрядные кооперационные соглашения. Экспорт местных фирм новых индустриальных стран на основе таких соглашений в последние годы растет быстрыми темпами, что приводит к существенным структурным сдвигам в торговле и промышленности НИС Азии.

Анализ исследований и публикаций. Теоретические вопросы влияния прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и ТНК на экспорт принимающих стран занимают важное место в мировой экономической литературе. Дж. Маркузен одним из первых проанализировал механизм такого влияния в цикле своих публикаций в 1990–2004 годах и показал важность для слаборазвитых стран потенциала транснациональных фирм для роста промышленного экспорта [1, 5–32; 2, 694–707]. Дж. Гроссман, Е. Хелпман и А. Зейдл разрабатывали модели оптимальной стратегии построения международного производства ТНК, которые предусматривали экспортные кооперационные поставки их предприятий, специализированных в пределах разных стадий глобальной цепочки создания стоимости [3, 218].

Некоторые ученые специально разрабатывали теоретические модели стадийного механизма взаимосвязи между ПИИ и изменениями сравнительных преимуществ страны, при этом они обосновывали

свои выводы преимущественно на материалах стран Юго-Восточной Азии. Например, следует отметить известные исследования Б. Балассы, П. Чоу, С. Лалла и Т. Озавы. Так, Т. Озава предложил «модель структурных сдвигов в результате операций ТНК», которая аргументировала, что транснациональные корпорации приносят в страну капитал, технологию, знания и стимулируют промышленный экспорт. [4, 29–43]. Ф.Ву, Р. Синкович, Т. Кавузгил, А. Роат проанализировали разные каналы промышленного экспорта иностранных фирм и показали роль субконтрактных соглашений ТНК в увеличении экспорта из стран, где расположены их предприятия [5, 283–302].

Большая группа исследователей изучала экспортную деятельность ТНК на примере отдельных стран и показала особенности таких операций в развивающихся странах. Например, К. Клаузинг изучал операции ТНК США в 29 принимающих странах за 1977–1994 годы и обнаружил значительную позитивную связь между ПИИ и экспортом [6, 190–205]. Известный исследователь ТНК Р. Липси подтвердил позитивную корреляцию между притоком иностранных инвестиций и экспортом страны на материалах 40 стран мира [7, 2–3]. Дж. Левер и Н. Терри осуществили экономико-статистический анализ влияния ПИИ на торговлю стран АСЕАН в 80–90-е годы XX ст. По мнению этих исследователей, ПИИ обусловили значительную часть прироста промышленного экспорта стран АСЕАН, причем, это касалось не только торговли АСЕАН с другими странами, но и торговли между самими членами АСЕАН [8, 265–268].

Цель статьи. Показать роль субподрядных форм отношений транснациональных фирм с компаниями принимающих стран в развитии экспорта этих стран. Раскрыть механизм влияния оффшорингового аутсорсинга на формирование экспортного потенциала стран, привлекающих ПИИ.

Изложение основного материала. Масштабы системы международного производства в последние десятилетия были многократно увеличены благодаря чрезвычайно быстрому росту связей вследствие развития так называемых неакционерных форм операций транснациональных фирм. Экстернализация глобальных цепочек создания стоимости потенциально включает в этот процесс фирмы, которые связаны с ТНК неакционерными формами контроля и являются поставщиками отдельных товаров и услуг для потребностей ТНК. Такие поставки, то есть аутсорсинг, могут быть в пределах одной страны и в данном случае они не увеличивают ее экспорт. Но если аутсорсинг осуществляется из другой страны, он вызывает экспортные поставки полуфабрикатов и промежуточной продукции.

Снабжение из-за границы, или оффшоринг, может базироваться на механизмах производственной кооперации как связанных собственностью предприятий ТНК (тогда возникают внутрифирменные поставки филиалов), так и связанных неакционерным контролем фирм (поставки на основе субподрядных контрактов). В широком понимании оффшоринг включает все линии снабжения ТНК из-за границы. Особенной разновидностью оффшоринга является оффшоринговый аутсорсинг. Этот термин употребляют для обозначения субконтрактных поставок ТНК, вызванных их неакционерными формами операций. Если в 80–90-е годы XX ст. международная кооперация ТНК осуществлялась преимущественно в форме внутрифирменных операций между связанными акционерной собственностью подразделениями, то в 2000-е годы ТНК экстернализовали эти операции путем включения в свои глобальные цепи создания добавленной стоимости тысяч независимых субподрядчиков.

Такие компании являются формально независимыми от ТНК по линии акционерного владения, но их деятельность координируется и фактически контролируется транснациональными фирмами через разнообразные механизмы долгосрочных деловых отношений. Широкое распространение уже получил целый ряд неакционерных форм операций — например, субконтрактные соглашения о поставке продукции

и услуг, субконтрактное фермерское производство, франчайзинговые, управленческие, лизинговые, инжиниринговые и различные консультационные соглашения, подрядные соглашения на строительство, добычу сырья (нефти, газа) на основе контрактов о разделе продукции.

Наиболее важным элементом неакционерных форм операций ТНК являются контрактные (субподрядные) соглашения на производство и снабжение продукции и услуг транснациональным фирмам от других компаний. Они оказывают существенное и растущее влияние на развитие международной торговли и экспорта отдельных стран, в частности, на географические направления и товарную структуру таких экспортных потоков. Все большая доля экспорта этой продукции из развивающихся стран, в частности НИК Азии, осуществляется именно через аутсорсинг ведущих ТНК.

Общий объем мировой торговли, связанной с субподрядными поставками продукции и услуг и аутсорсингом ТНК (даже без субконтрактных фермерских соглашений), оценивался в 2010 году в 1,1–1,3 трлн. долл. Эта сумма включала продажи как капиталоемких высокотехнологических продуктов, например, электронику — 240 млрд. долл., автомобильные части — 230 млрд. долл., фармацевтические компоненты — 30 млрд. долл., так и низкотехнологические трудоемкие изделия, в частности, одежду — 205 млрд. долл., обувь — 55 млрд. долл., игрушки — 15 млрд. долл. Экспорт программного обеспечения, информационных и телекоммуникационных услуг на основе контрактов аутсорсинга достиг 100 млрд. долл. [9, 132, 133].

Особенно активно транснациональные фирмы используют неакционерные формы операций в новых индустриальных странах Азии. Местные компании этих стран выиграли от существования таких форм бизнес-отношений с ТНК. Многие из них, благодаря включению в международную производственную систему транснациональных фирм, выросли в крупные компании и стали известными экспортерами продукции.

Например, среди 10 самых больших мировых субконтракторов ТНК по поставке компонентов и готовых изделий электроники 7 первых мест занимают фирмы Тайваня и Сингапура. Так, продажи тайванской фирмы Foxconn/HonHai достигли в 2009 году 59 млрд. долл., а сингапурской компании Flextronics — 31 млрд. долл. [9, 135]. Эти фирмы экспортируют продукцию на основе субподрядных

соглашений с ТНК Dell, Hewlett-Packard, Apple, Sony и Philips. В производстве автомобильных запчастей известными субподрядчиками мировых ТНК стали южнокорейские фирмы, в частности, LG Chem и Hyundai Mobis, продажи которых составили соответственно 13,1 и 11,2 млрд. долл.

В фармацевтической отрасли позиции лидеров среди компаний развивающихся стран в сфере аутсорсинга для ТНК заняли фирмы Индии. Благодаря неакционерным формам операций фирмы Гонконга превратились в ведущих мировых экспортеров игрушек. Например, гонконгские компании Kader, Herald и Lerado Group имели ежегодные продажи этой продукции на 200 млн. долл. каждая.

Компании Тайваня и Гонконга являются также известными экспортерами одежды и обуви на основе контрактов о совместном производстве (co-production) с ТНК США и стран ЕС. Например, тайваньская фирма Pou Chen продала в 2009 году обувь на 6,8 млрд. долл., на ее предприятиях работало 330 тыс. рабочих. Субконтрактные соглашения с ТНК позволили тайваньской компании Stella International достичь объема реализации обуви 1 млрд. долл. в год.

Транснациональные фирмы — мировые производители одежды подавляющую часть всех полуфабрикатов также импортируют на основе оффшоринговых соглашений из НИК Азии, в частности, из Гонконга, Таиланда, Малайзии. Например, известный мировой субподрядчик ТНК гонконгская фирма Luen Thai продала в 2009 году одежды на 800 млн. долл., а фирма Tristate — на 400 млн. долл.

Ведущие позиции в экспорте одежды из Шри-Ланки и обуви из Вьетнама также занимают субподрядные местные компании, которые включены в неакционерные формы операций ТНК. В результате, удельный вес одежды достиг 18 % всего экспорта Шри-Ланки. Обувь также является третьей по важности экспортной позицией Вьетнама — 11 % всего экспорта. В Бангладеш экспорт одежды составляет 70–80 % общего экспорта страны. В Индии экспорт бизнес-услуг и продукции информационной индустрии дает 14 % всех экспортных доходов и в значительной степени также является результатом субконтрактных отношений местных фирм и ТНК [9, 140].

Еще одним свидетельством большого влияния неакционерных форм операций ТНК является то, что значительную часть экспорта новых промышленных стран Азии составляют промежуточные

продукты, полуфабрикаты. Рост торговли промежуточными продуктами и полуфабрикатами является прямым следствием развития оффшоринга и международной фрагментации производства. Именно эта продукция, в подавляющем большинстве случаев, и является предметом аутсорсинга ТНК.

Например, промежуточные товары и полуфабрикаты составляют большую часть экспорта новых промышленных стран Азии (без учета стоимости топлива). Их удельный вес колеблется от 52–54 % у Таиланда и Южной Кореи до 68–72 % у Сингапура и Тайваня [10, 85]. Все эти страны также импортируют значительные объемы промежуточных товаров для последующей переработки и экспорта. Например, почти 3/4 нетопливного импорта Филиппин, Малайзии, Тайваня, Южной Кореи приходится именно на эту категорию товаров.

Но особенно важную роль промежуточные продукты играют во внутрирегиональной торговле. Например, Гонконг в 2009 году экспортировал в другие страны Азии полуфабрикатов на 85 млрд. долл., что составляло 83 % его регионального экспорта. Экспорт промежуточных продуктов из Таиланда в страны региона составил 90 млрд. долл., или 73 % общей стоимости регионального экспорта этой страны. Еще больший объем экспорта промежуточных продуктов в страны Азии имеют Сингапур и Южная Корея — соответственно 150 млрд. долл. и 200 млрд. долл. [11, 87].

В электронной отрасли тайваньские фирмы Foxconn, Quanta, Compal, Wistron, Inventec по критерию объема доходов от продаж входят в группу 10 ведущих мировых субподрядных производителей. Они превратились в крупные транснациональные корпорации и имеют многочисленную сеть своих зарубежных филиалов в Азии, США, Японии и странах ЕС. Например, доходы от продаж тайваньской фирмы Quanta достигли 29 млрд. долл. Большинство мировых производителей компьютеров, в частности, Apple Inc, Compaq, Dell, Hewlett-Packard, Fujitsu, LG, Siemens AG, Sony, Gateway, Cisco, Toshiba развивают оффшоринговый аутсорсинг с этой компанией [9, 219].

Еще более важную роль неакционерные формы операций ТНК сыграли в экспорте Южной Кореи. Например, такие соглашения опосредствовали почти весь экспорт электроники из этой страны на его ранних стадиях. Но уже в 90-х годах XX ст. их удельный вес упал до 70–80 %. Так, Samsung постепенно снизил удельный вес таких соглашений с ТНК в его экспорте в эти годы до 40 % [12, 65].

Автомобильная корейская компания Hyundai также начинала свои экспортные операции с контрактного соглашения о зарубежных субподрядных сборочных работах, которое она заключила с ТНК Ford. Потом, когда было нужно получить доступ к более сложной технологии производства и конструирования новых моделей, она образовала совместное предприятие с ТНК Mitsubishi. Причем, в этой общей компании японская ТНК не имела контрольного пакета капитала. Следующим шагом была покупка ключевых технологий и ноу-хау на базе лицензионных соглашений с ТНК. В результате практически все компоненты для производства автомобилей стали производиться самой компанией Hyundai, что открыло путь к производству и экспорту ее собственных моделей [13, 178].

Выводы. В последние годы чрезвычайно большую роль в экспорте НИК начинают играть местные

фирмы-субконтракторы ТНК, которые интегрируются в систему их международного производства. Оффшоринговый аутсорсинг, то есть субконтрактные поставки, вызванные неакционерными формами операций ТНК, уже охватывает значительное количество местных компаний новых индустриальных стран. Такие контрактные (субподрядные) соглашения о производстве и поставке продукции и услуг по заказу транснациональных фирм оказывают существенное влияние на географические направления и товарную структуру экспортных потоков НИК. Особенно это касается электронных потребительских товаров, запасных частей к автомобилям, одежды и других товаров легкой промышленности, бытовой электротехники, отрасли программного обеспечения и других информационных услуг.

Список литературы:

1. Markusen J. Multinational Firms and the Theory of International Trade. – Cambridge: MIT Press, – 2002. – 342 p.
2. Markusen J., Maskus K. Discriminating among Alternative Theories of the Multinational Enterprise/J. Markusen, K. Maskus//Review of International Economics. – 2002. – Vol. 10. – p. 694–707.
3. Grossman G., Helpman E., Szeidl A. Optimal Integration Strategies for the Multinational Firm/G. Grossman, E. Helpman, A. Szeidl//Journal of International Economics. – 2006. – Vol. 70. – № 1. – p. 216–238.
4. Ozava T. Foreign Direct Investment and Economic Development/T. Ozava//Transnational Corporations. – 1992. – № 1. – p. 29.
5. Wu F., Sinkovics R., Cavusgil T., Roath A. Overcoming Export Manufacturers' Dilemma in International Expansion/F.Wu, R. Sinkovics, T. Cavusgil, A. Roath//Journal of International Business Studies. – 2007. – Vol. 38. – № 2. – p. 283–302.
6. Clausing K. Does Multinational Activity Displace Trade/K. Clausing//Economic Inquiry. – 2000. – Vol. 38. – № 2. – p. 190–205.
7. Lipsey R. Home and host country effects of FDI/R. Lipsey//NBER Working Paper. – 2002. – № 9293. – p.2–3.
8. Lewer J., Terry N. Capital Account and Foreign Direct Investment Policies in the Late Nineties: What Effect on Trade/J. Lewer, N. Terry//ASEAN Economic Bulletin. – 2003. – Vol. 20. – № 3. – p. 256–271.
9. World Investment Report 2011: Non-Equity Modes of International Production and Development. – Geneva and New York: United Nations, – 2011. – 325 p.
10. Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 2012. Pursuing Shared Prosperity in an Era of Turbulence and High Commodity Prices//United Nations, – 2012. – 200 p.
11. Trade Patterns and Global Value Chains in East Asia: from trade in goods to trade in tasks. IDE- JETRO and World Trade Organization. – 2011.– 129 p.
12. Cyhn J. Technology Transfer and International Production: The Development of the Electronics Industry in Korea/J. Cyhn. – Cheltenham: Edward Elgar, – 2002. – 180 p.
13. World Investment Report 2002: Transnational Corporations and Export Competitiveness. – Geneva and New York: United Nations, – 2002. – 347 p.

Krupina Nadezhda Nikiforovna,
the North Caucasus Federal University (Branch in Pyatigorsk),
Professor of the Department «State and municipal management»
E-mail: krupina_n17@mail.ru
Kipriyanova Elena Nikolaevna,
State University of aerospace instrumentation (St-Petersburg),
Professor of the Department of Innovation and quality management»
E-mail: kopr53@yandex.ru

The innovative approach to management of development of territory barrier industrial enterprises

Abstract: Defined the concept of “potential barrier SPZ”, its functions, features, and possible effects. The method ballroom capacity assessments.

Keywords: sanitary-protective zone (SPZ), potential barrier, the barrier function of the potential, ball assessment.

In old industrial cities of the country there is strong mutual penetration and mix of production and living (residential) areas, which leads to the deterioration of sanitary-hygienic conditions, comfort decrease, growth of population morbidity. Today, more than 60 million Russians live in critical ecological environment [1].

According to town-planning requirements between industrial and residential areas of the city is installed barrier territory, i. e. the territory with a special regime of land use, protecting the environment and people from the harmful anthropogenic impact. In the cities, this role of the sanitary-protection zone (SPZ) of enterprises in size from 50 to 2000 m, depending on the hazard categories of the enterprise [2]. The issue of management of such territories as the more powerful and socially meaningful content than just the sanitary protection. This requires consideration of the complex of factors influencing the dynamics of the modern urban environment.

In continuation of the author's research [3; 4] is invited to discuss the concept of “barrier potential of the SPZ”. Innovative approach to the management of the SPZ means implementation in practice of management of new analytical tools, aimed at the progressive transformation of industrial areas.

In urban planning practice traditionally performed a comprehensive assessment of the territory from the perspective of compliance with sanitary and hygienic conditions and the adequacy of social and communal infrastructure. Assessment can be differentiated, ballroom, cost or mixed. Its results are allocated to the functional areas of the city.

It is proposed to enter into scientific use the term “barrier potential of the SPZ” and use it to functional (point) assess compliance with regulatory requirements.

The potential is defined as the set of tools (skills, resources and opportunities (favorable circumstances) required to achieve a certain goal and specific tasks. The barrier potential of the SPZ is a combination of the availability and adequacy of resources of the enterprise, including resources within the territory of the SPZ, to ensure sanitary-hygienic and environmental regulatory requirements and achieve socio-ecological-economic benefits.

The barrier potential of the SPZ is an ordered set of specific assets (mainly gardening and landscaping), the effective use of which allows you to get many of the expected synergy effects. Quantitative assessment of the potential aimed at the solution of main tasks:

- formulation of a unified concept of urban reconstruction;
- revealing of reserves of territorial resources;
- determination of the limiting factors for the development of the SPZ and levels of expression of its specific features;
- substantiation of the most effective variants of engineering infrastructure, planning, and landscaping.

Define the key functions of the SPZ.

1. Sanitary protective — **Z**. Provided by the size of the SPZ, the selection of special breeds of trees and shrub planting and the organization of a special type of landings (filtration, insulation, combination, one — or multi-tier). The coefficient of landscaping, can be from 40 to 60 % depending on the category of danger of the enterprise. Landscaping protects employees and residents of the surrounding seliteb from acoustic and electromagnetic impact, wind, high temperatures, excessive solar radiation, dust and gas mixtures.

Indicators for evaluation: the coefficient of gardening, compliance and planning requirements (size, place

the objects, landscaping, corridors airing, the presence of the project and dendroplan); selection of plants with consideration of biological indicators and gazotoplivnoy; the level of physical wear of the trees; the irrigation system and other.

2. Utilitarian — **U**. Provided beautification elements: paved pedestrian paths and sidewalks, travel and pedestrian bridges, fences, exterior stairs, operating and emergency lighting, as well as benches, fountains (to increase humidity), protected from the wind and noise equipped places of rest for workers. Important are socially demanded objects — cycle paths, Parking lots, information boards, payment terminals, toilets, etc.

Consider a component of capacity measured in terms of the security of the territory of the SPZ of the corresponding elements.

3. Landscape — **L**. Manifested through spatial planning and landscaping, which to the maximum extent integrated into the local landscape, protect historical natural complexes and natural conditions. Estimated by the level of preservation and condition of ecological frame of the territory.

4. The architectural-esthetic — **AE**. Planning organization of the SPZ must interact harmoniously with the overall architectural-spatial infrastructure of the city, because the nature of the relief, climate, vegetation, fauna, population and culture ... man merge into a single harmonic unit" (L. Berg). Landscaping enhances the expressiveness of the building, the size, color and shape of the crown allow to create specific landscape composition around the shops and administrative buildings, to identify the most significant objects.

5. Information Research — **I**. To create an effective system of collection, processing, transmission line and reliable information. First, information about the state of environmental impacts in the territories. Secondly, the data for the preparation of statistical and non-financial reporting, public relations and business partners. It is implemented through the multilevel monitoring system of air environment: the I level control in the working area (at the site); II — in the area of smoke (the area of the most intensive pollution of the surface layer of the atmosphere); III — inside the SPZ; IV — at the external border of the SPZ; V — in the surrounding residential area. The basis of the monitoring system should be available innovative methods of bioindication.

6. Financial — **F**. The Individual assets of the SPZ, including land resources, can be used for commercial purposes, taking into account social demand a location nearby (Parking, toilets, car wash). The implementation

of the principle of self-sufficiency of the assets of the SPZ can enhance the competitiveness of this area, as part of the property complex of the enterprise.

Objective of the priority is the barrier, so complex expert (point) assessment of its weight is 50 %, the weight of the other functions are the same and amounts to 10 % each. Final evaluation of "barrier potential of the SPZ (B_{SPZ}) is calculated by the formula:

$$B_{SPZ} = 0,5 \cdot Z + 0,1 \cdot U + 0,1 \cdot L + 0,1 \cdot AE + 0,1 \cdot I + 0,1 \cdot F.$$

Assessment of the components of capacity is carried out on a scale of ten, and absence of functional elements corresponds to a score of 0:

- the gradual improvement of the organization of the SPZ in excess of regulatory requirements — 10 points;
- full compliance is 7–9 points;
- compliance only in part landscaping — 5–6 points;
- random selection of trees and shrubs and partial improvement — 3–4 points;
- compliance in the absence of SPZ planting — 2 points;
- absence of landscaping and improvement of the subject of the size of the SPZ — 1 point.

The state of the barrier potential of the SPZ can be compared with normative (ideal) model, which is characterized by higher is considered estimates (10 points). The coefficient of conformity of this model is calculated as follows:

$$K_{conf} = \frac{B_{SPZ}}{10} \cdot 100\%.$$

The scale of assessment of level of compliance of potential of the SPZ, K_{conf} :

- over 80 % — high;
- from 60 to 80 % — sufficient;
- from 50 to 60 % average (satisfactory);
- less than 50 % is not satisfactory.

The proposed approach was used to assess the state of the SPZ group of the enterprises of food industry (bakeries, dairies, winery, oil-extraction plant, flour milling plant) that form the infrastructure of the Central part of cities Georgievsk and Zelenokumsk (Stavropol region). Not found a high level of compliance barrier territories ideal model — from 30 to 48 %, which is associated with low landscaping (20 %), a high level of depreciation of trees and their "random" selection, lack of well-appointed leisure and socially significant objects of an accomplishment, unsightly appearance of the territories of the SPZ.

Optimization of functioning of the barrier territories of industrial zones must be considered as the most

socially popular city management, which requires compliance with certain principles of administration.

The main of them:

— the principle of priority of the protective functions of the SPZ. Are determining sanitary norms regarding the establishment of a special regime of land use planning organization, landscaping and site improvement;

— the principle of combination of public and private interests. Assumes combination of safety regulations and the effective freedom of economic activity of economic entities;

— the principle of continuity of the objects of the SPZ. When planting is not a random subset of the available plants and shrubs, and competent science-based multilevel system of green spaces. Full functional compliance improvement of the specific environmental, economic and social characteristics of adjacent residential areas and of the city as a whole.

Thus, the proposed approach to the positioning of the SPZ reflects modern condition and peculiarities of

activity of the industrial enterprises, to achieve synergy positive effects:

- to improve the quality of the urban environment, to ensure the implementation of requirements of sanitary and epidemiological welfare of the population;
- to increase the planting area and per capita landscaping;
- to rationalize the structure of trees and shrubs of the city;
- to control and monitor the state of the urban environment, including bioindication;
- to inform citizens about the state of the environment;
- to concentrate in social demand elements of improvement in places of location of residents of the district;
- link the assets of the territory of the SPZ in a single system self-supporting objects of property of a business entity.

References:

1. Bityukova V. R., Kasimov N. S., Vlasov D. V. Environmental portrait of Russian cities. Ecology and industry of Russia, – 2011, April, – p. 9–12.
2. SanPiN 2.2.1./2.1.1.2555–09 Amendment № 2 to SanPiN 2.2.1./2.1.1.1200–03 «Sanitary protection zones and sanitary classification of enterprises, structures and other facilities. New edition». – M: – 2009, – p.38.
3. Krupina N. N., Kipriyanova E. N. Unified sanitary-protection zone as innovative reception of reconstruction of the old industrial cities/Regional Economics: theory and practice, – 2014, № 14 (341), – p. 51–59.
4. Krupina N. N. Topical issues of governance problem «green» assets/Financial analyst, – 2014, № 1 (187), – p. 2–9.

*Lukianykhin Vadym Olexandrovykh,
Cand. Sci. (econ), associate professor
E-mail: luk_work@mail.ru*

*Baistriuchenko Nataliia Olegovna,
Cand. Sci. (econ), senior lecturer
E-mail: nataliya_sumy@mail.ru*

*Myroshnychenko Iuliia Alexandrovna,
Cand. Sci. (econ), senior lecturer,
Sumy State University, Faculty of Economics and Management
E-mail: elfida@ukr.net*

Human factor during the development and harmonization of territorial social, ecological and economic systems

Abstract: The article is dealing with the research of harmonization problem of social, ecological and economic system. The social, ecological and economic contradictions and the role of human factor have been analyzed.

Keywords: human factor, harmonization, environment, system.

The development of modern society is characterized by numerous social, ecological and economic contradic-

tions. Significant urbanization, urban concentration of people and material resources, industrial investments

and insufficient recognition of the natural factor priority in this development favoured the intensifying of contradictions.

The following contradictions can be distinguished as the principal ones:

- an expansion of the scale of anthropogenic activity, that inevitably leads to the significant pollution of the natural environment (NE) and, consequently, to the demand increase for high-quality natural raw materials and life quality deterioration;

- the necessity of rapid increase of the food providing level on a global scale is limited by the environment condition and its separate components that are also characterized by degradation and erosion of soil with paces that exceed the formation of new soils;

- the intensification of migration processes that lead to the demographic changes that are accompanied by the reduction of the local population in the industrialized countries at the expense of the decrease of natural growth and movement of cheap labour from the developing countries, that, in turn, creates ethnic contradictions and social conflicts;

- the extending development process of a single information space, development of microelectronics and automation that leads to the increasing of labour productivity and to the excess of low-skilled labour resources that requires the improving of the system, mechanism and practical instruments of social protection of the population (people who have lost their job);

- the development of genetics and nanotechnology on the one hand creates perspectives on solving the food problems and the development of ecologically safe materials, and on the other hand, it creates new unknown for mankind risks, especially in the distant future.

Modern urbanized territories give the human not only the opportunities for the fulfillment of creative, intellectual, professional potential, satisfying the material needs and needs in communication but also these territories are the places of the natural environment transformation, its operation in the interest of the economic development, the source of anthropogenic impact on its condition, the increase of the number and volumes of damage and the volumes of environmental disasters that cause the deterioration of human health and the reduction of life expectancy, i. e. has negative influence on human life quality.

All the above mentioned cause the necessity of looking for new paths of human development taking into account the coordination of three components of our society existence: social, ecological and economic. And their indissoluble interaction is obvious.

The problems of harmonization of social, ecological and economic systems were studied in the works of such domestic and foreign scholars as Balatskyi O. F., Veklych O. A., Grebnev L., Hofmann K. G., Guzev M. M., Volvach F., Sakhaev V., Miller L. G. and the others.

In justice to practical significance of the work of mentioned authors, it should be noted that the certain tasks list of conceptual and methodological character on the analysis of the influence of social, ecological and economic contradictions on human and his/her life quality requires further development and comprehension.

It is well known that the ecologically safe environment as the condition of its health and longevity, normal capacity for work that first of all is important for the health of future generations is the most important component of human life quality. Besides, it is necessary to emphasize that industrial and economic activity of people leads to the further more and more dangerous pollution of the natural environment. Thus, the paradox of mutual restrictions on the system development is formed. On the one hand, the pollution of environment components (soil, air, water), noise pollution and many other factors have an adverse influence on human health and lead to the increase of population morbidity and mortality. And, on the other hand, nowadays the conflicts between society and the environment are the real cause of retardation of the economic development due to the resource restrictions, including the human capital.

The social, ecological and economic contradictions are showed themselves more intensive at the local territorial levels where the direct and indirect (by the industrial production) interactions of society, natural environment and the individual take place (Fig. 1).

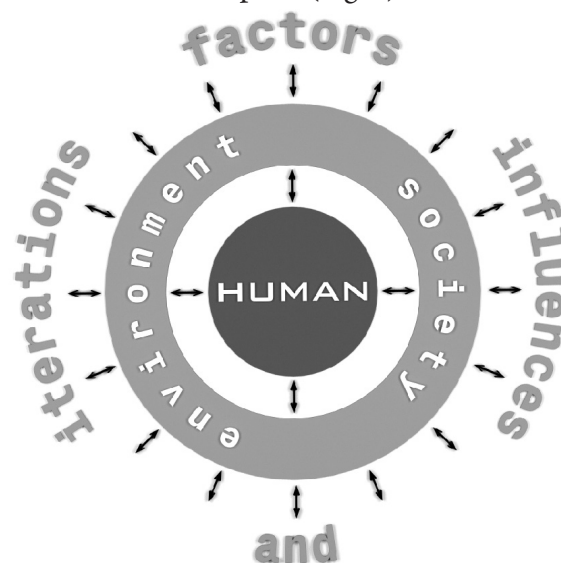

Fig. 1. Interactions within the system «society-human-environment»

All the above mentioned lead to the conclusion that it is necessary to take into account the intensifying influence of environmental component on all elements of the system of social and economic development more carefully. At the same time the necessity of environmental conscience formation increases. This moment

can become the criterion for the transition to the harmonization of social and ecological and economic relations. The transformation of existing interaction and the formation of the new complementary and adaptive social and ecological and economic system should be carried out in several stages, which are shown in Fig. 2.

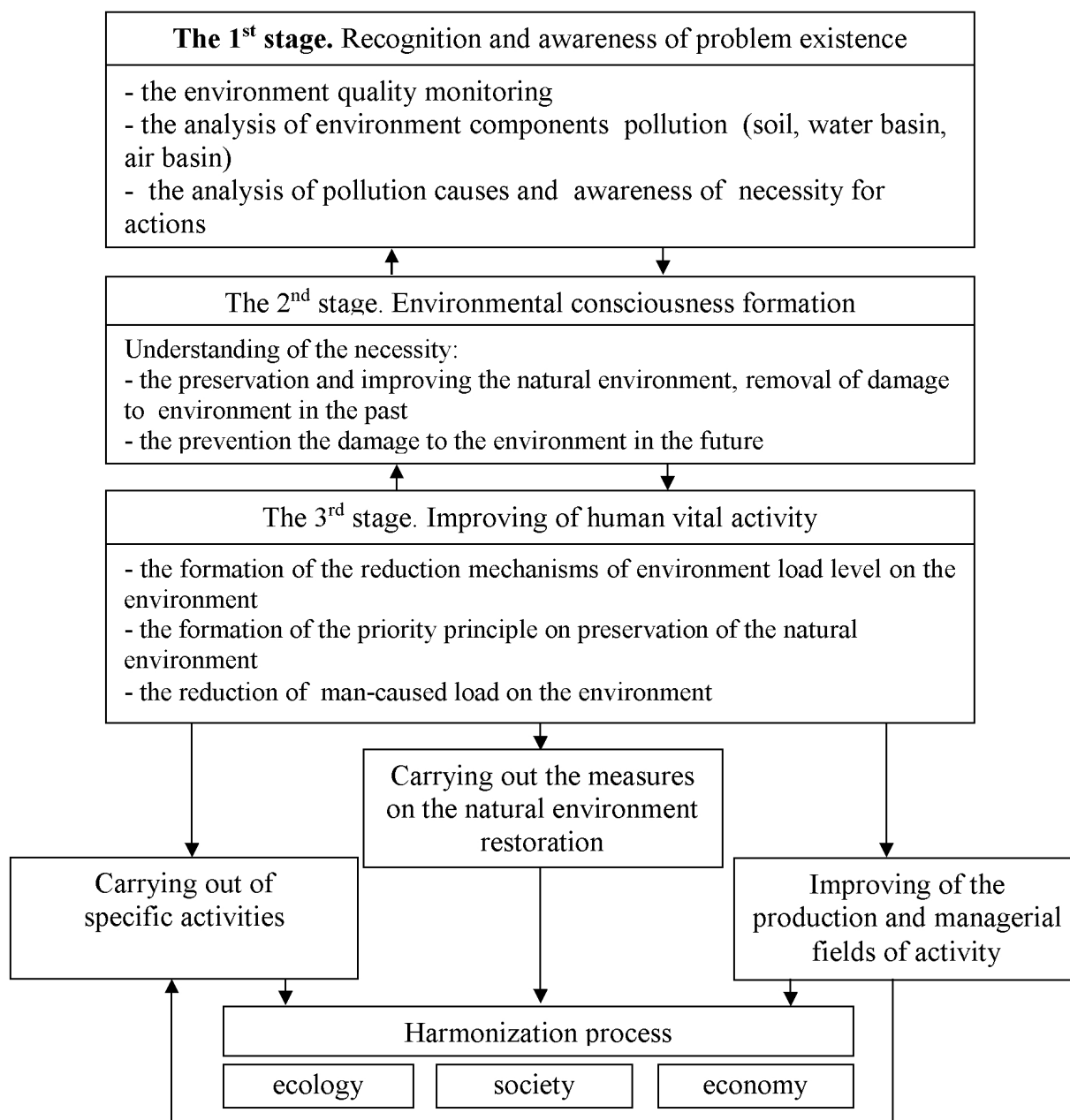

Fig. 2. The harmonization stages of social, ecological and economic contradictions

The awareness of the acute problem of environment pollution, the clarification of causes of adverse environmental conditions, identifying the necessary and sufficient conditions for their removal, and the most importantly, understanding of the urgent action necessity towards system harmonization should be the first stage on this system harmonization. At the second and third stages it is necessary to carry out considerable transformations in the human consciousness (individual as well

as «one common») to improve the human ecoculture in consequence of positive ecological result recognition, the formation of priority principle on the natural environment preservation during vital activity process. At the next stage provides the development and carrying out the measures on removal of adverse effect to environment caused by past events and the formation of set of measures on natural environment pollution prevention. That is also implemented by the carrying out of specific

activities that are directed at environment protection and improvement of the production and managerial activity of economic entity.

According to this concept it is necessary to be aware of complex solution of social, ecological and economic problems within their close interconnection under the condition of efforts coordination and close collaboration of the society and state. Formally, the sustainable development should be considered as harmonious development of three structural subsystems: society, economy and ecology:

- management of social subsystem involves the formation of conscious behavior of the individuals aimed at the preservation of the environment, improving of the ecoculture of the individual and society as a whole;

- management of ecological subsystem involves the necessity of the revealing of problems connected with the damage, pollution of the natural environment or its separate components, the preparing and carrying out the measures by central and local authorities and

professionals of industrial enterprises or other economic entities by notice (liquidation, compensation) of negative impact on the natural environment and also the elaboration of measures aimed at preservation and restoration of natural objects;

- management of economic subsystem involves the implementation of such production and managerial activity types by economic entities that will have the least adverse impact on the environment.

Unfortunately, in real life, each of these subsystems is aimed at self-sustainment, self-regulation and gaining of their maximum and sometimes to the damage of everyone else. The economic component that puts the business interests before the ecological and often social ones is the outstanding example.

The harmonization process of social, ecological and economic contradictions is time-expanded and continuous. The carried out analysis of existed works on this subject allows to form the following scheme of harmonious gaining of interaction within the system “society– human — environment” (Fig. 3).

Efficiency

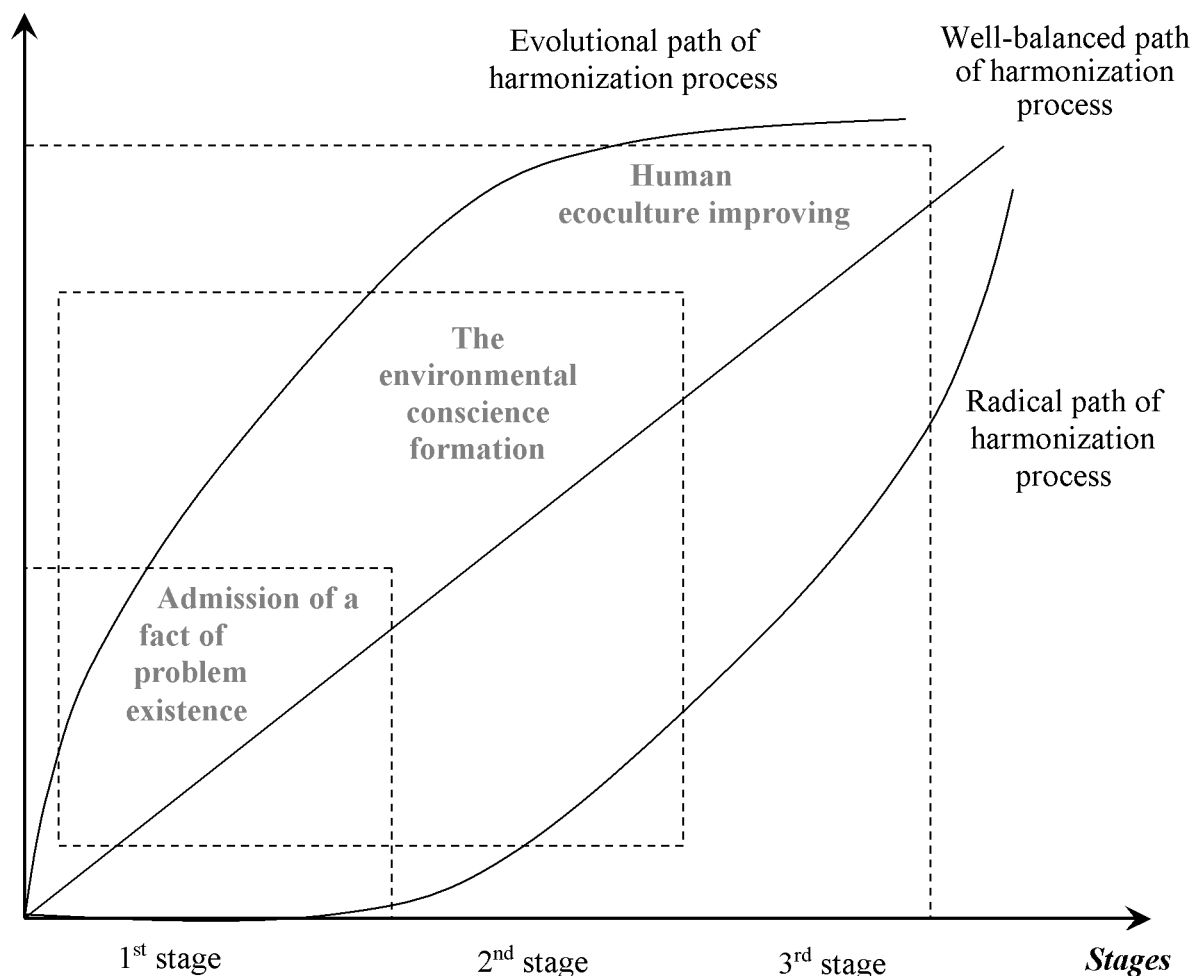

Fig. 3. The process of environmental conscience formation

In such case, the efficiency of the harmonization process is provided by the following ways:

1. government regulation of social and ecological and economic processes;
2. formation of the optimum relationship of material values production, the natural conditions of vital activity (quality of natural environment) and, accordingly, the existence of decent conditions of society existence;
3. reasonable inclusion of the environmental component that allows to balance and prevent the adverse trends in the social and economic fields to the evaluation processes of the social and economic processes;

4. organization and continuous monitoring of the natural environment in order to identify the adverse impact factors macroeconomic scale as well as the level of the individual business entity with subsequent regulation (management) of the social and economic processes.

From the point of view of environmental economics it is possible to ensure long-term social development only by reasonable combination of the economic growth processes and the use of natural capital which criteria is the human life quality.

The analysis of the international ratings of life quality of different countries (Table 1), allows to make a conclusion on a low level of life quality in Ukraine (the 73rd place) [1].

Table 1. – Life quality rating

Rating position		Country	Life	Economy	Freedom	Health	Safety	Climate
2011	2010							
1	7	The USA	76	100	100	90	100	85
2	5	New Zealand	69	59	100	91	100	84
3	15	Malta	68	62	100	83	93	100
4	1	France	58	65	100	100	100	88
9	25	Great Britain	60	72	100	82	100	84
12	23	Andorra	61	63	100	86	100	83
72	63	Namibia	74	53	83	40	82	75
73	68	Ukraine	67	27	75	72	71	79
74	79	Botswana	76	45	75	37	83	82
80	56	Moldova	73	46	58	69	71	92
118	84	Russia	55	45	25	68	67	72
194	194	Somalia	78	21	0	8	36	16

As already stated, the ecological factors are the fundamental factors of the environmental quality life formation as they form the environment of human and society.

Depending on the influence of the ecological factors, the state pursues a policy aimed at the improvement of the people's well-being, promotes the health population and its life quality and monitors observance of legal norms and relations in these fields. It is necessary to highlight the institutional, social and economic and demographic factors that influence the life quality. The influence of above mentioned factors can have synergistic effect of life quality improving that will be connected with the increase of its efficiency due to the systemacy and integration of mentioned driving forces to the common system. In such case, there can appear strengthening interconnections which will provide more effective development of productive forces particularly due to increase of the active life expectancy of the population and, all in all, the life quality.

Thus, the environmental activity must hold a central position in the system of social development, play a significant role in the vital activity conditions formation, and predetermine the prospects of territories development. Ignorance, lack of attention to the environmental problems, the lack of urgent managerial actions aimed at environmental activity stimulating under unfavorable impulse (e.g.: very large-scale pollution) can lead to the degradation of the whole system. Therefore, there is a need to develop a conceptual, system and institutional approach that allows the use of patterns of social and ecological and economic development taking into account the subjectivity of economic entities behavior guided by personal motivation of using the certain forms of ecological and economic relations and that objectify their behavior by creating formal and informal institutions. Institutionalization of social, ecological and economic system should harmonize the relations between the subjects that will allow to initiate, provide, distribute and evaluate the reproductive processes for the purpose of their further harmonization.

References:

1. Ковальчук И. Экономіку України поставили між Намібією і Ботсваною/І. Ковальчук [Електронний ресурс]. Режим доступу. – <http://www.segodnya.ua/economics/business/ekonomiku-ukrainy-postavili-mezhdu-namibiej-i-botcvanoj.html>
2. Эколого-экономические противоречия [Текст]: монография/О. А. Веклич; Академия наук УССР. Институт экономики. – Киев: Наукова думка, – 1991. – 144 с.
3. Вольвач Ф., Сахаев В. К вопросу о сущности эколого-экономической системы/Ф. Вольвач, В. Сахаев//Экономика Советской Украины. – 1988. – № 6. – с. 49–54.
4. Маслов Д. Г. О проблемах совершенствования диалектического метода исследования эколого-экономических систем/Д. Г. Маслов//Известия высших учебных заведений. поволжский регион. общественные науки. – Пенза: ПГУ, – 2010. – № 4. – с. 168–176.
5. Луденцов С. Ю. Экономические системы в условиях неопределенности/С. Ю. Луденцов//Системный анализ экономических процессов. – М.: Издательство МГУЭСИ, – 1999. – с. 92–99.

*Masliuk Elena Vladimirovna,
Sumy national agrarian university,
postgraduate student, the Faculty of Economic and Management
E-mail: maslyuk87@ukr.net*

Forming of strategic steps for increases of competitiveness of machine-building enterprises of Ukraine in the conditions of economic turbulence

Abstract: The problems of construction of strategic of development of machine-building enterprise in the conditions of economic turbulence are examined. The search of possibilities of height of basic constituents of potential enterprises is conducted. The strategic steps of further development of machine-building enterprise are formed.

Keywords: competitiveness, potential, engineer, turbulence, strategy.

*Маслюк Елена Владимировна,
Сумской национальный аграрный университет,
аспирант, факультет экономики и менеджмента
E-mail: maslyuk87@ukr.net*

Формирование стратегических шагов повышения конкурентоспособности машиностроительных предприятий Украины в условиях экономической турбулентности

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы построения стратегической карты развития машиностроительного предприятия в условиях экономической турбулентности. Проводится поиск возможностей роста основных составляющих потенциала предприятия, которые в совокупности и в соответствующей последовательности сформируют стратегические шаги дальнейшего развития машиностроительного предприятия.

Ключевые слова: конкурентоспособность, потенциал, машиностроение, турбулентность, стратегия.

В последние годы в экономической литературе появилось такое понятие как турбулентность экономических процессов, под которой понимается уровень неустойчивости и изменчивости экономики. Сегодня влияние турбулентности в украинской экономике является достаточно весомым, а сам этот процесс является непредсказуемым и трудно диагностируемым.

Для отечественного машиностроительного предприятия актуальным на современном этапе развития становится необходимость формирования стратегических карт дальнейшего развития с учетом турбулентных процессов в национальной экономике. При этих условиях руководству следует выработать четкий план действий и соответствующую поведенческую модель, согласно которых

предприятию удастся сохранить свои конкурентные позиции на рынке. Таким образом, перед машиностроительными предприятиями ставятся задания минимизации негативных последствий, связанных с турбулентностью в отечественной экономике, а также с разработкой эффективной системы управления в условиях нестабильности.

Сегодня в Украине, как и во многих других странах, имеет место турбулентность. Не будем останавливаться на тщательном изучении факта существования этого процесса в национальной экономике, поскольку в научной литературе можно найти достаточно большой перечень таких исследований [1; 2; 3]. Отметим только, что турбулентность является первопричиной выявления слабых сторон как в целом экономики, так и отдельных предприятий, а также нового роста компаний через появление новых возможностей их развития. Следовательно, целью нашего исследования и является выявления таких возможностей, которые в совокупности и в соответствующей последовательности сформируют стратегическую карту развития машиностроительного предприятия в ближайшей перспективе.

Исходным этапом в процессе построения стратегической карты развития машиностроительного предприятия будем считать идентификацию источников опасности, которая вызвана турбулентными явлениями в национальной экономике. На этом этапе является важным исследование количественных характеристик факторов турбулентности, которые оказывают влияние на стабильность развития машиностроительного предприятия.

Следующий этап должен предусматривать описание процесса влияния турбулентных факторов на результирующие показатели деятельности исследуемого предприятия. На этом этапе важным является проведение оценки количественной характеристики опасности.

И, наконец, завершающий этап предусматривает установление зависимостей между опасными факторами и противодействиями руководства предприятия и формирования концептуальной модели развития машиностроительного предприятия, которое будет являть собой перспективную стратегию его развития. На завершающем этапе менеджмента предприятия нужно учесть то, что мероприятия по уменьшению влияния турбулентных экономических процессов на деятельность машиностроительного предприятия должны быть реализованы с наименьшими расходами при ограниченности имеющихся ресурсов, которая

будет компенсировать результат возможной опасности, связанной с уменьшением конкурентоспособности субъекта хозяйствования, исходя из уровня его экономической устойчивости.

Следует отметить, что впервые понятие «турбулентность внешней среды» ввел И. Ансофф [4]. Шкала оценки внешней среды согласно И. Ансоффа базировалась на пяти уровнях турбулентности, которая определялась с помощью четырех показателей: сложность внешней среды; новизна событий в среде; скорость изменений в среде; виденье будущего.

На наш взгляд, такая оценка уровня турбулентности для среды, в которой осуществляют свою деятельность соответствующие предприятия, является достаточно субъективной, поскольку зависит от экспертных оценок по каждому показателю. Также проблемой достаточной адекватности уровня турбулентности является отсутствие соответствующих нормативных значений по каждому показателю, что позволило бы распределить исследуемые предприятия по соответствующей шкале в зависимости от степени влияния турбулентных явлений в экономике.

В рамках нашего исследования, уровень турбулентности внешней среды предлагаем оценивать с помощью индекса макроэкономического влияния на уровень конкурентоспособности машиностроительного предприятия. Опираясь на практические расчеты, проведенные нами для машиностроительных предприятий Украины, установим соответствующие предельные значения для определения уровня турбулентности в экономике. Так, при значении Индекса макроэкономического влияния больше или меньше «1» будем считать, что наблюдаются турбулентные явления, при значении «1» — есть нулевая турбулентность. На основе этого можно утверждать, что отечественная машиностроительная отрасль в течение 2008–2012 гг. характеризовалась турбулентными явлениями. Анализ показывает, что при изменении индекса макроэкономического влияния на конкурентоспособность промышленного предприятия больше чем на 20 % наблюдается существенные дисбалансы в стабильном развитии предприятия, которое отображается через его рентабельность. Таким образом, будем считать, что отклонение Индекса макроэкономического влияния до 20 % отображает умеренные турбулентные явления в экономике, а больше 20 % — высокую турбулентность. Корреляционный анализ показывает, что наиболее влиятельными факторами на уровень турбулентности в отрасли машиностроения стали степень внедрения инновационных

процессов в отечественной промышленности, увеличение инновационных расходов, а также степень государственного вмешательства в деятельность промышленных предприятий.

Интересным и важным в экономическом смысле есть исследование обратной реакции машиностроительных предприятий на проявление турбулентных явлений в национальной экономике. Исследуем особенности управления и корректировки главными показателями конкурентоспособности отмеченных предприятий в условиях турбулентности. В ходе исследования выявлено, что только одновременное улучшение интегрального показателя основных потенциалов предприятия и финансовой составляющей экономической устойчивости позволили предприятиям сохранить свои конкурентные позиции на рынке. Таким образом, считаем, что только комплексный подход относительно оценивания перспективных стратегических шагов машиностроительного предприятия позволит сформировать эффективный план действий для его руководства.

Следовательно, главной стратегической целью машиностроительного предприятия в рамках нашего исследования будем считать повышение конкурентоспособности на рынке машиностроения, а общей целью тогда будет выступать улучшение экономической устойчивости предприятия. Главными факторами успеха относительно достижения этих целей является финансовая составляющая потенциала предприятия, а также внутренние процессы, которые характеризуются проектным, объектным и процессным потенциалами.

С учетом расчетов определено, что ключевым заданием для всех без исключения отечественных машиностроительных предприятий является достижение финансовой устойчивости. Именно это показатель больше, чем на 90 % определяет уровень интегрального показателя конкурентоспособности машиностроительного предприятия. Кроме улучшения своей финансовой устойчивости, связанной с пропорциональным распределением собственного капитала и задолженности на предприятиях, для каждого субъекта ведения хозяйства нами выделены промежуточные параллельные задачи, реализация которых также будет способствовать наращению их конкурентоспособности. Так, например, для ПАО «Сумской завод насосного и энергетического машиностроения «Насосэнергомаш»» такими задачами, исходя из практических расчетов, является улучшение управления дебиторской задолженностью

и повышение эффективности реинвестирования полученной предприятием прибыли. Именно эти три причины являются слабым звеном в формировании финансовой составляющей ПАО «Сумской завод насосного и энергетического машиностроения «Насосэнергомаш»», которые комплексно влияют на основные потенциалы данного предприятия. После решения этих заданий, связанных с улучшением финансового состояния предприятия, предлагаем руководству ПАО «Сумской завод насосного и энергетического машиностроения «Насосэнергомаш»» обратить внимание на улучшение проектного и процессного потенциалов (объектный потенциал предприятия в сравнении со среднерыночными значениями находится на достаточно высоком уровне). В этом направлении руководству нужно особенное внимание уделить вопросу увеличения маркетингового ресурса на одного работника предприятия, а также уменьшению материалоемкости продукции.

Решение изложенных проблемных вопросов позволит ПАО «Сумской завод насосного и энергетического машиностроения «Насосэнергомаш»» существенно нарастить свою конкурентоспособность, исходя из средних показателей рынка отечественного машиностроения.

Формируя стратегическую карту развития того или другого машиностроительного предприятия, мы не можем не обратить внимания на причины, которые вызвали отклонение тех или других определяющих показателей, которые комплексно характеризуют общую конкурентоспособность предприятия на рынке. Так, для ПАО «Сумской завод насосного и энергетического машиностроения «Насосэнергомаш»» по состоянию на начало 2013 года таким показателями стали рентабельность собственного капитала, отношения расходов на персонал к добавленной стоимости, материалоемкость единицы продукции, рентабельность основных фондов, общая фондоотдача, логарифмическое увеличение маркетингового ресурса предприятия, увеличения маркетингового ресурса на одного работника. Само ухудшение этих показателей при параллельном повышении влияния турбулентных явлений в экономике способствовали снижению общего показателя конкурентоспособности данного предприятия.

Для ПАО «Сумской завод насосного и энергетического машиностроения «Насосэнергомаш»» с целью системного понимания обнаруженных проблем построим соответствующую диаграмму причин и результатов (рис. 1).

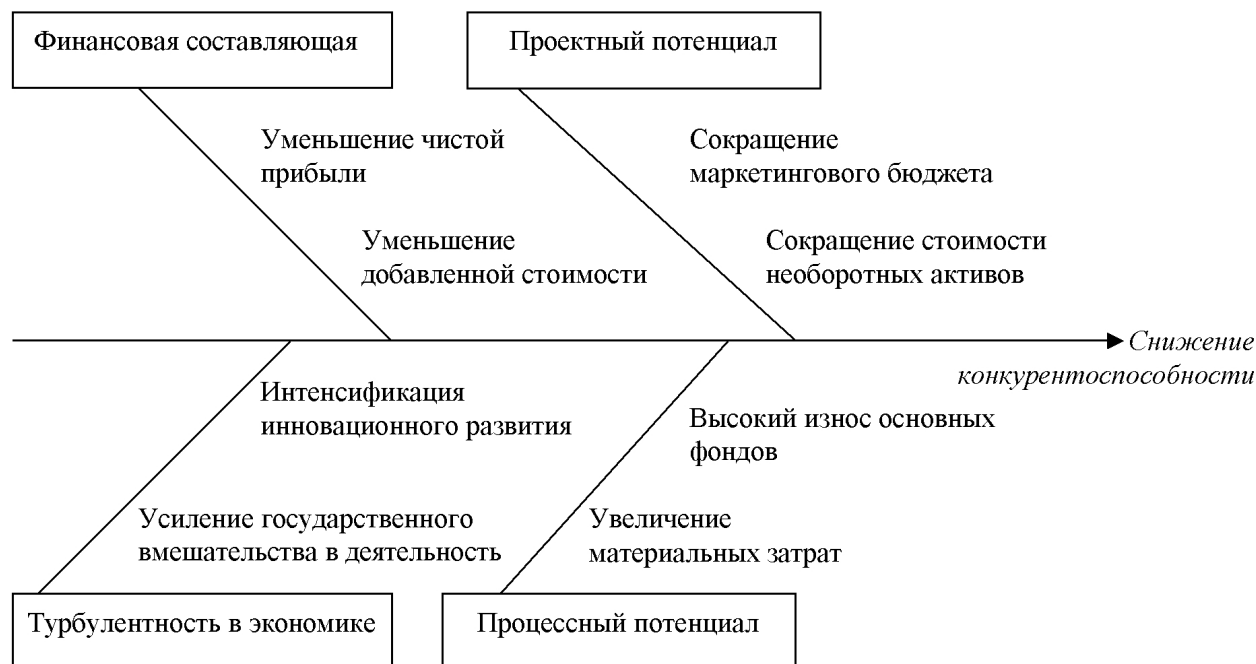

Рис. 1. Анализ основных причин снижения конкурентоспособности ПАО «Сумской завод насосного и энергетического машиностроения «Насосэнергомаш»», начало 2013 года (разработано автором)

Соответствующая диаграмма (рис. 1) может быть составлена для любого предприятия. Преимуществом данной диаграммы является то, что она позволяет структурировать основные причины, которые ведут к снижению конкурентоспособности предприятия, а это, в свою очередь, является основой для установления взаимозависимостей между обнаруженными показателями, которые являются индикаторами достижения главных целей предприятия в сформированных стратегических картах.

Как известно, турбулентность экономических процессов определяется большим перечнем факторов. Наиболее важными факторами для руководства «Насосэнергомаша» относительно наращивания своих конкурентных позиций на рынке машиностроения являются инновационные расходы и уровень государственного вмешательства.

Следовательно, предложенная нами система индикаторов конкурентоспособности машино-

строительного предприятия на основе его экономической устойчивости — это не просто набор индикаторов, а характеристика эффективной стратегии. Данные показатели четко информируют менеджмент предприятия о целях и рекомендациях относительно увеличения своей конкурентоспособности. Используя такую систему показателей конкурентоспособности предприятие получает надежную базу для формирования эффективного стиля управления с целью построения организации, которая ориентирована на соответствующую стратегию.

Предложенный подход развития машиностроительного предприятия в условиях турбулентности является гибким, поскольку имеет возможность адаптироваться к соответствующим группам основных потенциалов машиностроительного предприятия, а также к изменчивости турбулентных явлений в украинской экономике.

Список литературы:

1. Коміренко В. І. Хаос чи chaotics: у пошуках економічної парадигми епохи потрясінь (турбулентності)/В. І. Коміренко, Д. В. Коміренко//Сучасні питання економіки і права. – 2013. – № 1. – с. 37–41.
2. Чухрай А. І. Особливості функціонування підприємств на високодинамічних ринках/А. І. Чухрай//Вісник Національного університету «Львівська політехніка». – 2012. – № 727: Менеджмент та підприємництво в Україні: етапи становлення і проблеми розвитку. – с. 292–300.
3. Ярошенко Р. Ф. Турбулентність в управлінні програмами розвитку фінансових установ/Р. Ф. Ярошенко, Т. А. Ярошенко//Управління розвитком складних систем. – 2011. – № 7. – с. 73–75.
4. Ansoff I. H. Optimaing Profitability in Turbulent Environments: A Formula for Strategic Success/I. H. Ansoff, P. A. Sullivan//Long Range Planning. – 1993. – Vol. 26. – № 5. – p. 11–23.

*Melikh Olena Oleksandrivna,
Odessa National Academy of Food Technologies,
PhD, the Department of Economics of Industry
E-mail: olena_melikh@ukr.net*

Economical hysteresis-effect of the Ukraine's food enterprises

Abstract: The problems of adaptation of the Ukrainian food industry enterprises to competitive conditions of European management and production are examined in the article. The activity of the enterprises of food businesses for identifying economic hysteresis-effect is analyzed.

Keywords: sustainable development, economic hysteresis, ersatz, efficiency.

*Мелих Елена Александровна,
Одесская национальная академия пищевых технологий,
доктор философии, доцент кафедры экономики промышленности
E-mail: olena_melikh@ukr.net*

Гистерезис-эффект в экономике пищевых предприятий Украины

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы адаптации украинских предприятий пищевой промышленности к конкурентным условиям европейского менеджмента и производства. Проводится анализ деятельности предприятий пищевого бизнеса с целью определения экономического гистерезиса-эффекта.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономический гистерезис, эрзац, эффективность.

Заинтересованность и населения и государства в эффективном развитии пищевых предприятий обоюдна всегда и везде. Во-первых, промышленные предприятия являются реальными наполнителями государственного бюджета и рациональными пользователями продовольственных ресурсов страны; во-вторых, одновременно сбалансированное и доступное питание — основная проблема экономии и ведения здорового образа жизни многих семей. Однако при всех казалось благоприятных факторах развития (природных, человеческих, геополитических), пищевая промышленность Украины испытывает экономические трудности — проблемы ценообразования, ресурсоемкости, инвестиционные, инновационные, проблемы персонала и менеджмента.

Отечественная пищевая индустрия насчитывает множество производителей пищевых продуктов и напитков. Бизнес-каталоги Украины и зарубежных издательств содержат данные о более 100 тысячах предприятий, зарегистрированных Национальным классификатором Украины в секции перерабатывающей промышленности в разделе производства пищевой продукции (в 9 группах, до 7 классов в группе) и в 7 классах в группе производства напитков. Эти предприятия различной формы собственности производят около 20 % всей промышленной продукции Украины. Но продукция, созданная отраслью, во многих случаях остается малодоступной экономически.

По оценкам состояния продовольственной безопасности страны Министерством экономического развития и торговли Украины в 2009–2012 годах был зафиксирован удельный вес затрат на продукты питания в совокупных затратах населения на уровне 51,8–52 % (от 42,1 до 61,3 % по областям) [1–2]. В этот же период на продукты питания в указанном диапазоне расходовали [3, 14] жители: Гватемалы (Центральная Америка), где производится сахар, кофе, выращиваются фрукты и овощи, численность населения 14 млн. человек; Малави (Восточная Африка), где культивируется сахарный тростник, чай, табак, численность населения 16 млн. человек; Вьетнама (полуостров Индокитай), где культивируются кофе (около 18 % мирового производства), чай, рис, численность 90 млн. человек; Бангладеш (Южная Азия), где основными экспортными продуктами питания являются замороженная рыба и морепродукты, численность населения 150 млн. человек. В приведенных странах ярко выражены демографические и природно-климатические факторы, не способствующие развитию пищевой и перерабатывающей промышленности.

Проблемы рационального и качественного использования ресурсов и создания продукции по доступным ценам для потребителя в каждом пищевом бизнесе своеобразны, неоднородны они и территориально. Одни отрасли могут оставаться в достаточно устойчивом состоянии длительное время, другие

вот-вот исчезнут. Эта угроза существует и для отечественных производителей. В чем состоит феномен первых и неудача вторых — это и есть основной вопрос, ответ на который автор данной статьи попытается найти.

Рассмотрим основные тенденции в производстве мяса и мясных продуктов. Государственная служба статистики Украины и Министерство экономического развития и торговли Украины отмечают снижение производства мяса в целом и мясной продукции на душу населения за последние 20 лет [4]. Основной причиной является упадок животноводческой сферы сельского хозяйства, производство мяса в которой в убойном весе на душу населения в 1990 году составляло 84 кг в год, в 2012 году — 43 кг. в год [5]. Динамика показателей представлена на рис. 1–2.

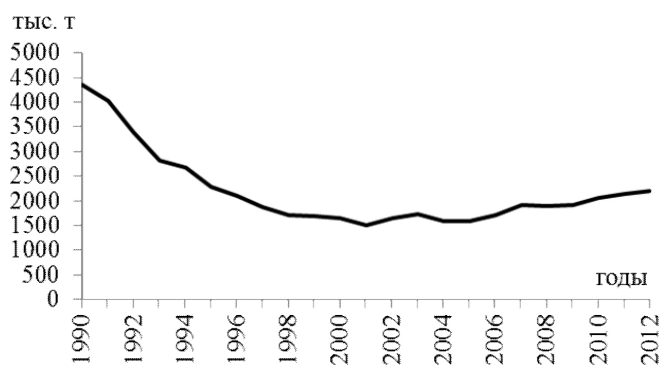

Рис. 1. Производство мяса в убойном весе

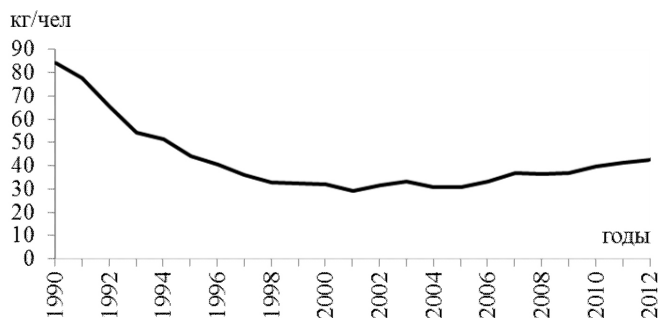

Рис. 2. Среднедушевое производство мяса в убойном весе

Как видно по рис. 1–2 глубокая впадина образовалась в 2001 году с показателями 1517,4 тыс. тонн производства мяса или 29 кг. на душу населения в год.

Согласно официальным статистическим данным о производстве мясных изделий [6], колбасные изделия занимают лидирующее место. По результатам исследования ФАО [7, 4–5] в Украине в 1991 году 72 % мяса в убойном весе, полученного в животноводстве, расходовалось на изготовление колбас, 50 % в 2001 году, 30 % в 2012 году, что позволило выявить

тренд и спрогнозировать к 2020 году потребление 20 % мяса, переработанного в колбасные изделия (рис. 3).

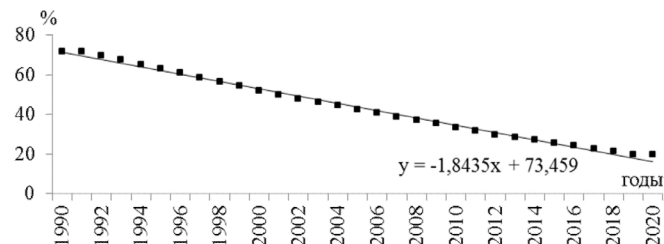

Рис. 3. Тренд удельного веса потребления колбасных изделий в структуре потребления мясной продукции

Как видно по рис. 3, ежегодно происходит снижение потребления колбасных изделий, вследствие чего можно допустить и подобного характера изменения в выпуске колбасных изделий. На рис. 4–5 отражена динамика производства колбасных изделий, где мы видим ложность этого допущения.

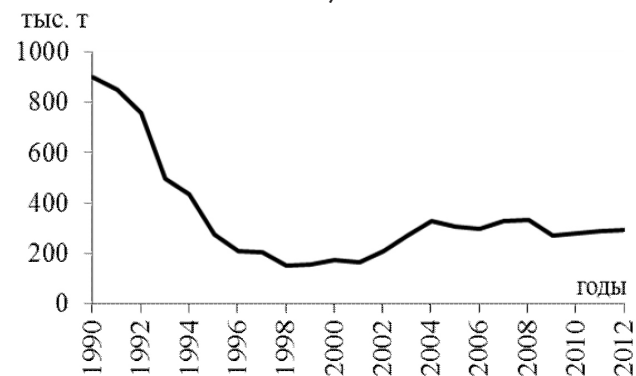

Рис. 4. Произведено колбасных изделий

Производство колбасных изделий (валовое и среднедушевое) в динамике испытало глубокую впадину в 1998 году. А в период впадины в производстве мяса в убойном весе (в 2001 году) напротив, замечен рост производства колбасных изделий, продолжающийся примерно до 2004 года, а далее с небольшими колебаниями заметно устойчивое производство на уровне 6–7 кг. на душу населения в год.

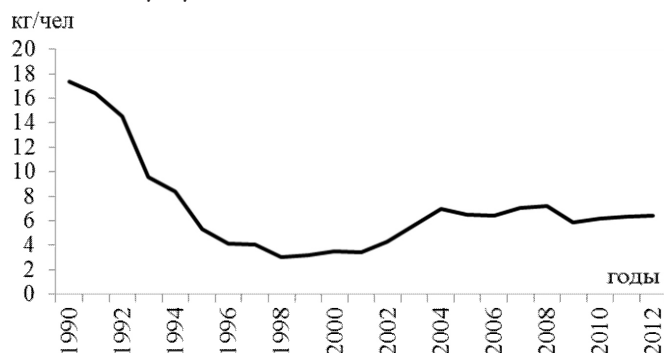

Рис. 5. Среднедушевое производство колбасных изделий

Рост выпуска колбасных изделий при угнетенном состоянии ресурсной базы может быть обеспечен

двумя методами: импорт мяса, пищевых мясных субпродуктов, жиров и масел животного происхождения; замена основного сырья мясной продукции на сырье растительного происхождения (крахмалы, растительная мука и др.). На рис. 6 отражена динамика импорта продуктов животного происхождения [8].

Рис. 6. Импорт продуктов животного происхождения

Пик импорта продуктов животного происхождения приходится на 2008 год, а до этого периода импорт достаточно стабилен (до 2004 года статистика товаров импортных и экспортных операций не велась). Таким образом, несовпадение траекторий производства мяса, колбасных изделий и импортного сырья свидетельствует о наращивании в последнее десятилетие производства эрзаца.

Логично снижение цен на продукцию при росте предложения при прочих неизменных условиях рыночного хозяйствования. В Украине изменения «прочих условий» (таких как занятость, доходы населения, численность населения) ухудшают состояние экономики. Поэтому несовпадение тенденций в ресурсной и производственной базе предприятий мясоперерабатывающей отрасли возможно из-за экономического гистерезиса. Это явление означает отклик на приложения к системе воздействия, но при этом запаздывание результатов воздействия на систему во многом определяется предысторией развития самой системы.

Гистерезис [9, 371–391; 10, 107–137; 11, 53–74] свойственен почти всем системам, в том числе экономическим и хозяйственным. Пищевая промышленность, как система не исключение.

Рассмотрим сочетание среднедушевого производства мяса и колбасных изделий. На рис. 7 по оси ординат показано производство мяса на душу населения

в год, по оси абсцисс — среднедушевое производство колбасных изделий. Предлагаемое сочетание статистических показателей формирует так называемую «петлю» гистерезиса.

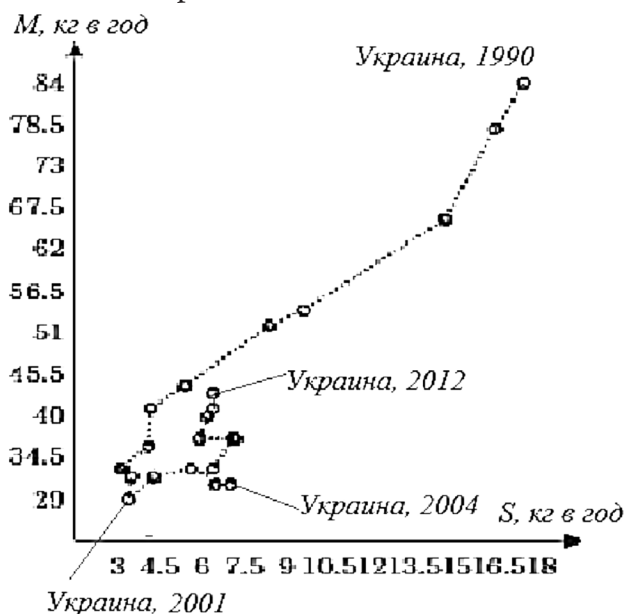

Рис. 7. Петля гистерезиса мясоперерабатывающей промышленности, где M — среднедушевое производство мяса; S — среднедушевое производство колбасных изделий

Рассмотрим ряд предприятий пищевой промышленности, анализ управленческой и производственной деятельности которых был детально проведен автором работы. В выборке участвовало 23 предприятия со среднесписочной численностью более 1000 человек; 59 предприятий с численностью от 250-ти до 1000 человек; 41 предприятие с численностью от 50-ти до 250-ти человек; 5 предприятий с численностью до 50-ти человек.

Период основания предприятий в большинстве (82 предприятия или 64 % выборки) приходится на вторую половину 20-го века (после II Мировой Войны), из них менее половины создано в период после 1991 года. Из числа предприятий, основание которых приходится на период до II Мировой Войны, 26 % — предприятия, основанные в 19-м веке. Согласно классификации экономических циклов [12, 10; 13, 318] около трети анализируемых объектов хозяйствования было создано в период Мирового технологического переворота (1981–2005 гг.), 23,4 % предприятий создано в период Великих потрясений (1921–1945 гг.). Для Украины эти периоды характеризуются состоянием экономики до и после распада СССР. Возможно изменения, предполагаемые авторами работ [12–13], посвященных Кондратьевским циклам, уже наступили в 2014 году. Они, безусловно,

связаны с политическими и экономическими коллизиями внутри страны и за ее пределами. Тем актуальнее поставленный вопрос автором данной статьи — вопрос о перспективах отечественного пищевого бизнеса в условиях неопределенности конкурентных отношений с зарубежными предприятиями, предлагающими на рынке пищевую продукцию-аналог.

Экономический и управленческий анализ деятельности предприятий по производству мяса и мясной продукции показал, что большинство из них созданы в период после распада СССР, все предприятия средние и крупные по численности работающих. В период, когда начала образовываться «петля» гистерезиса по рис. 7 (после 2001 года) создано ряд предприятий, претерпевших банкротство и вновь открытых в 2007 году, а в 2009 полностью реконструированных. Эти предприятия за период своего существования провели по 3–4 акции реконструкции, расширения, технического перевооружения.

Рассмотрим основные тенденции в производстве подсолнечного масла. Государственная служба статистики Украины и Министерство экономического развития и торговли Украины отмечают нестабильность выращивания подсолнечника [14] и производства масла [6] в целом и на душу населения за последние 20 лет [15] вследствие нарушения агротехнологий и истощения земель. Динамика показателей представлена на рис. 8–9.

Допустим отжим масла из подсолнечника 50 % объема валового сбора (маслянистость сортов Харьковской области составляет 52–55 %, Одесской и Запорожской – 50–52 % [15], для сравнения: средние показатели маслянистости подсолнечных семян в Аргентине 30–45 % [16]). На рис. 10 отражена динамика среднегодового производства масла при указанных условиях отжима.

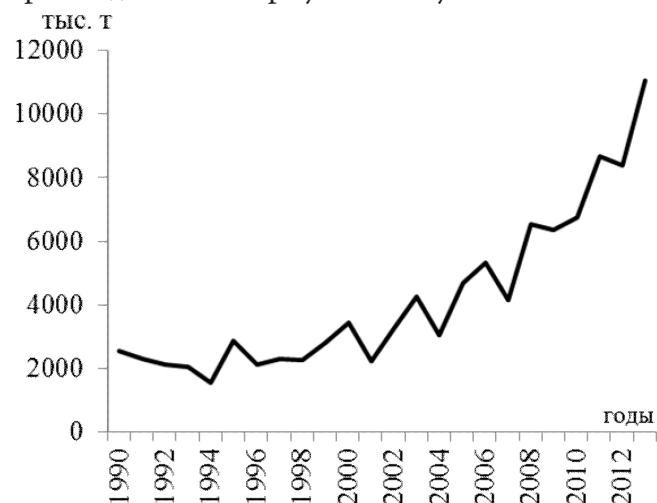

Рис. 8. Производство подсолнечника после доработки

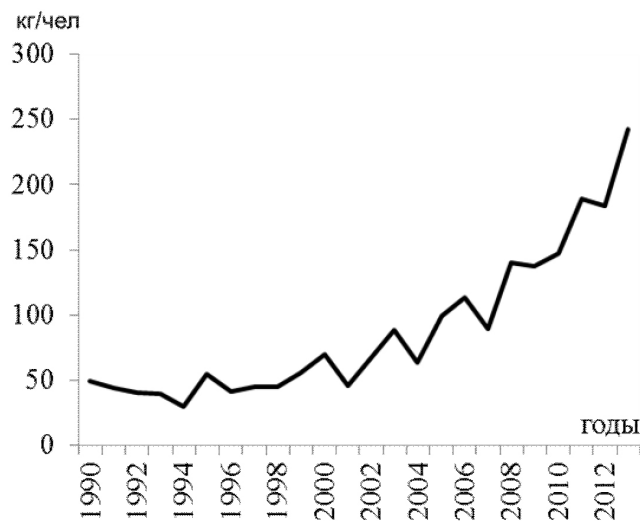

Рис. 9. Среднедушевое производство подсолнечника

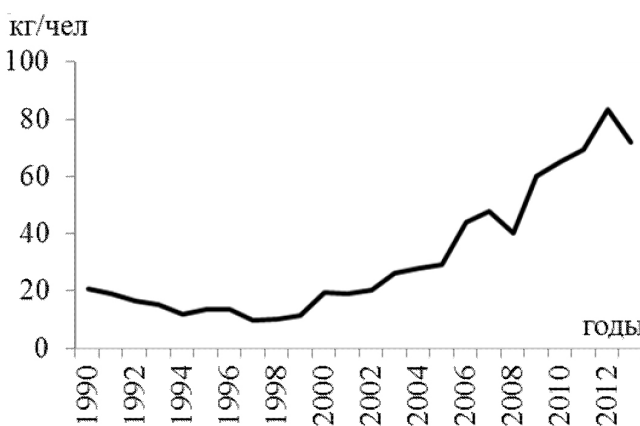

Рис. 10. Среднедушевое производство масла подсолнечного нерафинированного

Определим тренды максимально допустимого производства масла на душу населения из выращенного на территории Украины подсолнечника и среднегодового производства масла подсолнечного нерафинированного (рис. 11).

Рис. 11. Среднедушевое производство подсолнечного масла

Как видно по рис. 11, тренд допустимого производства масла значительно выше фактического (почти в 1,5 раза в последнем наблюдении), что дает возможность характеризовать выращивание подсолнечника и масложировую отрасль экспортоориентированными. Тем более что Министерством здравоохранения Украины рекомендована норма потребления растительных масел всех видов 13 кг. на душу населения [2], что в 6–7 раз меньше фактического отечественного производства.

Рассмотрим сочетание среднедушевого производства подсолнечника и масла растительного (рис. 12).

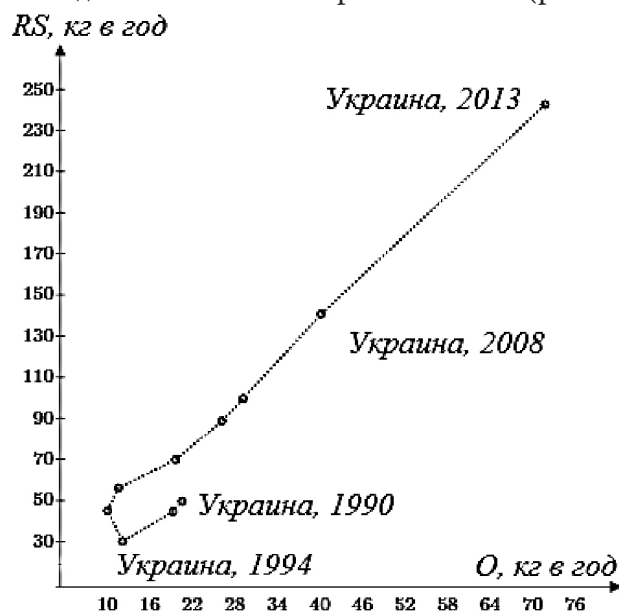

Рис. 12. Петля гистерезиса масложировой промышленности, где RS — среднедушевое производство подсолнечника; O — среднедушевое производство растительного масла

Экономический и управленческий анализ деятельности предприятий по производству растительного масла и животных жиров показал, что две трети из них созданы в период после распада СССР, все предприятия средние и крупные по численности работающих. В период, когда начала образовываться «петля» гистерезиса по рис. 12 (после 1994 года) они были созданы или осуществили полную реконструкцию и перевооружение. Таким образом, около 70 % объектов хозяйствования названного вида деятельности укрепили свои позиции в период позитивных отраслевых изменений. Этому благоприятствовали и природно-климатические условия в Украине и технологическая база самих предприятий.

Рассмотрим гистерезис-эффект в молокоперерабатывающей промышленности Украины.

По рис. 13–14 заметен спад производства молока в сельском хозяйстве Украины, а также спад жирных

сыров и масла животного происхождения, но при этом наблюдается рост молока питьевого.

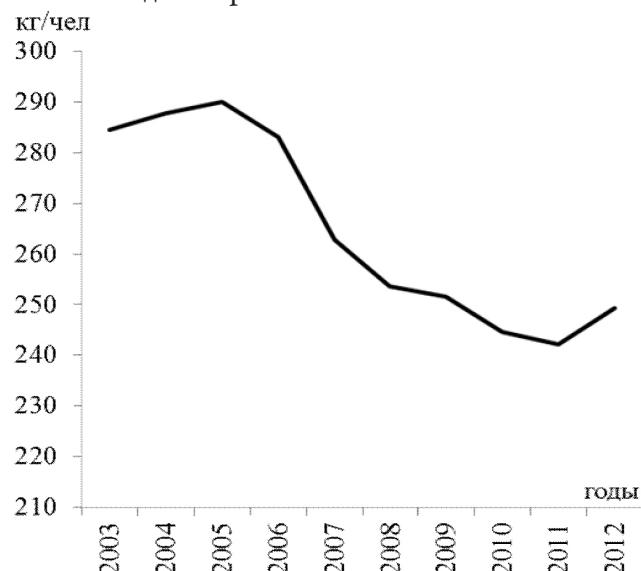

Рис. 13. Среднедушевое производство молока в сельском хозяйстве Украины

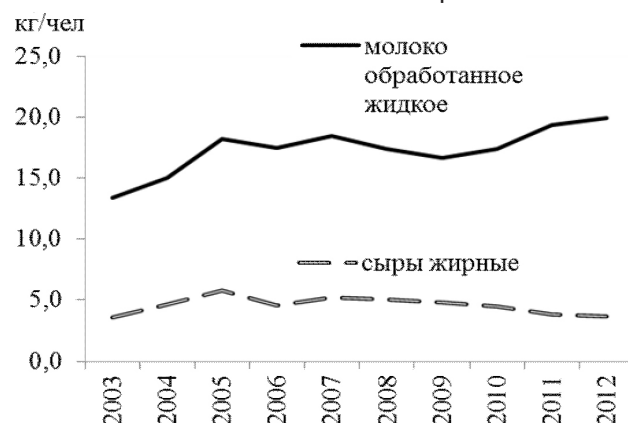

Рис. 14. Среднедушевое производство молочной продукции промышленными предприятиями Украины

Рассмотрим сочетание среднедушевого производства молока и молочных продуктов (рис. 15 а-б).

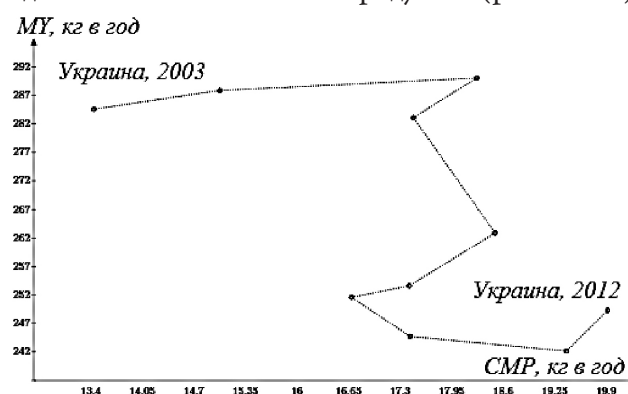

Рис. 15 (а). Гистерезис-эффект молокоперерабатывающей промышленности, где MY — среднедушевое производство молока в сельском хозяйстве (валовой надой); SMP — среднедушевое производство молока обработанного жидкого

Как видно по рис. 15 (а), в 2005–2010 гг. среднедушевое производство молока в сельском хозяйстве стремительно снижалось, а производство молока обработанного жидкого из года в год изменялось с колебаниями $\pm 1,5$ кг. на человека в год. На взгляд автора данной статьи в производстве жирных сыров еще менее заметна совершенная "петля гистерезиса", что заметно по рис. 15 (б).

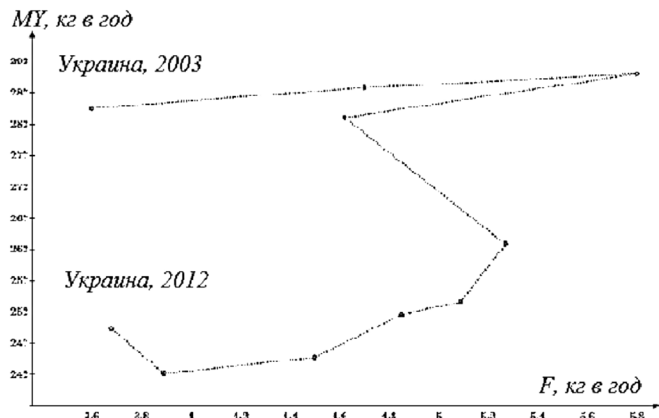

Рис. 15 (б). Гистерезис-эффект молокоперерабатывающей промышленности, где MY — среднедушевое производство молока в сельском хозяйстве (валовой надой); F — среднедушевое производство сыров жирных

Примеры развития отраслей пищевой промышленности Украины позволяют сделать несколько выводов: экономический гистерезис-эффект свойственен большинству перерабатывающих отраслей; совершенная «петля» гистерезиса той или иной хозяйственной системой определяет направленность развития бизнеса и его устойчивость.

Мясоперерабатывающая отрасль динамично развивается, «петля» гистерезиса образовалась в 2001 году, с некоторыми колебаниями к 2009 году формируется баланс развития ресурсной и производственной базы этой отрасли. К сожалению, в большинстве случаев при депрессивной ресурсной базе этот баланс сопровождается наращиванием производства эрзац-продуктов. Поэтому в отрасли конкуренция весьма жесточенная.

В масложировой отрасли устойчивость наиболее заметна, производство масла подсолнечного ориентировано на экспорт с достаточным насыщением внутреннего рынка. В этой отрасли сформировались лидеры рынка и конкуренция достаточно острая, но бизнес развивается устойчиво, начиная с 1994 года.

На сегодняшний день наименее устойчива с позиции гистерезиса-эффекта молокоперерабатывающая отрасль Украины: «петля» гистерезиса за период самостоятельного хозяйствования страны еще не совершенна. Конкуренция достаточно жесткая, однако в тот или иной период времени появляются новые лидеры рынка. Массовых конструктивных изменений в менеджменте и производстве в отрасли не наблюдается. Особенно проблематичен бизнес по производству сыров жирных, здесь ни качественно, ни количественно лидеры еще не дифференцированы, а от их деятельности будет зависеть поведение кривой гистерезиса-эффекта. Т. е. в данной отрасли все существенные изменения еще только в перспективе, в том числе, эти изменения должны улучшить качество выпускаемой продукции, иначе в конкуренции с европейскими товарами предприятиям не выдержать.

Список литературы:

1. Отчет о состоянии продовольственной безопасности Украины в 2009 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.me.gov.ua>
2. Отчет о состоянии продовольственной безопасности Украины в 2012 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.me.gov.ua>
3. The State of Food Insecurity in the World. How does international price volatility affect domestic economies and food security?/Food and agriculture organization of the United Nations. – Rome, – 2011.
4. Мясоперерабатывающая промышленность Украины. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrexport.gov.ua>
5. Животноводство. Государственная служба статистики Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/>
6. Производство основных видов промышленной продукции. Государственная служба статистики Украины. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/>
7. Среднесрочный прогноз для рынков сельскохозяйственных и сырьевых товаров: тенденции и возникающие проблемы./Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. – Рим, – 2012.
8. Внешняя торговля Украины товарами./Государственная служба статистики Украины. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/>
9. Elster J. A Note on Hysteresis in Social Sciences//Synthese. – 1976.

10. Dixit A. Investment and Hysteresis//Journal of Economic Perspectives, – 1992.
11. Cross R. On the Foundation of Hysteresis in Economic Systems//Economics and Philosophy, – 1993.
12. Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М.: Наука, – 2004.
13. Рудь А. И. Влияние фаз больших Кондратьевских циклов на регулятивные функции государства//Бюллетень Международного Нобелевского экономического форума. – вып. 1 [5]. – том 2. – Днепропетровск, – 2012.
14. Растениеводство. Государственная служба статистики Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrstat.gov.ua/>
15. Масложировая промышленность Украины. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrexport.gov.ua>
16. Sunflower seed. Description & Cultivation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fediol.eu>

*Muradkhanli Nigar,
Khazar University, PhD student,
the Faculty of Economics and Management
E-mail: nigar.muradkhanli@gmail.com*

Economic and geopolitical trends of the European gas market

Abstract: The aim of this paper is illustration of different models for diversification of the European gas infrastructure in order to increase supply volumes. The research is based on both qualitative and quantitative systematic analysis. The case study could be useful in evaluation of the economic and geopolitical factors of the existing European gas supply model.

Keywords: energy, gas, pipeline, diversification.

Europe as a whole is a major importer of natural gas. The European Union (EU) member states are expected to import over 80 % of natural gas needs by 2030 [1]. Europe's energy imports come primarily from Russia and the Middle East. Russia's 1700 trillion cubic feet (tcf) of natural gas reserves were the largest in 2004, making it both the world's largest gas producer and exporter [2]. About 80 % of Russian gas exports go to Europe, and about 30 % of the EU imports stem from Russia. Hence each party is dependent on the other, which may reduce the default risk for Europe. However the Russia-Ukraine political conflict could cause supply disruptions. More than a half of the import volumes from Russia are transported through pipelines via Ukraine, so a halt to these supplies could have a significant impact on the European gas market. The Russia-Ukraine gas dispute of 2009 caused a significant disruption of gas supplies to Europe, described as the worst gas crisis in the International Energy Agency's (IEA) history [3]. Moreover, current disputes between the two countries on the pricing of the Russian gas transit to the EU through Ukraine could affect prices of gas to be sold to Europe. Regarding the Middle East, European competition with other potential buyers and political instability throughout the region present challenges to potential for growth in

Europe's energy strategy with respect to the Middle East. Because of the security risks in natural gas supply, Europe will have to cope with several challenges. On the other hand, importing a high proportion of gas volumes from a single source or only a few suppliers increases the risk of political pressure and price increases, therefore supply sources and means of transport to Europe are subject to diversification.

Gas imports in the form of liquefied natural gas (LNG) reached 25 % of the European total gas imports over the past decade. Major LNG providers including Qatar, Algeria, Nigeria, also Egypt, Libya, Trinidad and Tobago increased supplies to Europe. Capacity expansions are explained partly by the US shale gas boom removed the need for the US to import LNG, consequently LNG originally intended for USA re-directed to other consumers, including Europe [4]. Thanks to LNG trading, gas pricing has moved away from dependence on oil pricing and a spot market has been rapidly developed.

LNG becomes more topical day by day in Europe. Germany provided 2 billion-euro financial guarantees to E.ON for the development of the Canadian Goldboro LNG export project. It is for the purchase of 5 million tonnes (8 billion cubic meters (bcm) of LNG per

year for two decades. In addition, E.ON is dealing in buying stakes in other LNG export projects in East Africa, South America and the Mediterranean using the government-backed guarantees [5]. It should be noted that the government of Germany had guaranteed only pipeline projects in the past. Building of terminal on Poland's Baltic coast to import LNG is supposed to cover a quarter of the country's gas demand. Lithuania's agreement with Norwegian Statoil on LNG imports aiming to cover 16 % of the country's gas demand is another bright sample of the raised interest in LNG [6]. Gazprom is also implementing a phased strategy of expanding its presence in the LNG market [7]. Japan currently buys approximately 40 % of the world LNG [6]. The government's plans on renewal of reactors could direct a significant amount of LNG to Europe in the future.

The discovery of the Shah Deniz (SD), one of the world's largest gas-condensate fields in Azerbaijan raised expectations on Caspian region's advantageous role in provision of gas to Europe. Signing the Declaration on the Southern Gas Corridor (SGC) between the EU and Azerbaijan in 2011 created a pivotal role for Azerbaijan, being the only gas supplier and anchor to open the SGC at the stage. The second stage of development of SD field serves for natural gas transportation to Turkey (6 bcm) and European market (10 bcm) through opening of the SGC, which is to be provided 10 % of the European energy demand by 2019 [8].

Turkey is becoming a major regional energy transit hub for the movement of natural oil and gas supplies from the Caspian region, Russia and the Middle East to Europe. The Trans Anatolian Natural Gas Pipeline (TANAP) Project agreement envisages gas transportation from the SD2 and other fields of Azerbaijan and other possible neighboring countries through Turkey to Europe. The mentioned gas volume dedicated to Turkey makes the 1805-kilometer TANAP practicable, as the project would not be economically viable with a startup volume of only 10 bcm. According to BOTAS, Turkey's natural gas demand is expected to increase to around 66 bcm by 2020 [9]. It is obvious that the mentioned 6 bcm of gas will not be sufficient to satisfy Turkey's rapidly growing gas demand. However TANAP would reduce Turkey's dependence on Russian and Iranian gas imports in the future. Additionally, gas from other Caspian countries could be directed to the TANAP pipe, transiting via Azerbaijan. The project is designed to be expandable ultimately to 60 bcm. The advantages of TANAP for Azerbaijan include new export opportunities and stable income. TANAP enables

Azerbaijan for the first time to realise its gas through its own pipeline, supplying directly European customers. Accordingly it will remove necessity of payment for the transit service, making Azerbaijani gas price-competitive in Europe.

The necessity of building a pipeline that would transport the SD gas into Europe beyond Turkey arose. As a result of a number of proposed pipelines, SD Consortium selected the Trans Adriatic Pipeline (TAP). TAP is designed to transport natural gas from the SD 2 field in Azerbaijan, via Greece and Albania, across the Adriatic Sea to Southern Italy, and further to Western Europe. The pipeline will connect with TANAP near the Turkish-Greek border at Kipoi. TAP's landfall provides multiple opportunities for further transport of Caspian natural gas to the largest European markets such as Germany, France, the UK, Switzerland and Austria. The pipeline's routing can facilitate supplies to several South Eastern European countries, including Bulgaria, Albania, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Croatia and others [10]. TAP had many advantages over the other competing projects including its shorter length, the initial diameter of 42 inches and accordingly lower transportation costs and capital investment. The project is expected to bring significant economic benefits to Southern Europe. Independent studies indicate that in Greece alone, the implementation of this project will be worth approximately €1.5 billion, it is supposed to create 2,000 direct and 10,000 indirect jobs, providing promotion for foreign investments.

In addition to SD, Azerbaijan has other natural gas reserves that could supply Europe in the long term. According to IEA Medium Term Gas Market Report 2013, thanks to the development of fields other than SD, Azerbaijan's gas production could reach 39–48 bcm between 2025–2030, of which 27–38 bcm could be directed to export [11]. Holding the world's fourth largest natural gas reserves, Turkmenistan could potentially supply Europe and South Asia. The proposed Trans-Caspian pipeline would transport Turkmen gas a short distance across the Caspian Sea to the Azerbaijani coastline. From there it would link to the system transporting SD gas to Europe.

Conclusion. The emergence of the transportation projects connecting Europe with Caspian region and LNG projects development are bright examples of the change in the European energy market. The SGC will bring additional supplies and price competition and bolster competitive natural gas market in Europe. The challenge for the next decade is to expand SGC's

capacity so it can make a greater impact on securing Europe's gas supply needs. LNG from a variety of sources will depend on global demand and price. It is likely to gain a larger role in the long-term perspective. However competition for LNG with Asian markets would affect supplies to Europe.

Russia's competition with other suppliers in the European market would affect the existing pricing model. However Russian volumes in Europe look secure for at least 10 years as for significant reduction of the reliance significant alternative sources of supply are needed, otherwise overall gas demand reduction is

required. The first option requires longer time, but the second is impracticable in respect to Europe.

Over the last years the European energy market's development showed a trend towards the growing power of energy companies. In fact gas infrastructure companies are expanding internationally, competing with each other for 'market share', innovating and diversifying. Independent operators would be a crucial factor in diversification of the European energy market. In all cases gas in its role as a transitional fuel will continue to be important for the foreseeable future of Europe.

References:

1. 'Market observatory for energy. Key figures'. European Commission. – 2011.
2. 'EU Energy Policy Data'. European Commission. – 2007.
3. 'Simulating security of supply effects of the Nabucco and South Stream Projects for the European natural gas market'. Caroline Dieckhöner, Institute of Energy Economics, University of Cologne. The Energy Journal, – Vol. 33, – No. 3., – 2012.
4. Industry briefing: 'The great game for gas in the Caspian. Europe opens the Southern Corridor'. A report from the Economist Intelligence Unit. – 2013.
5. 'Germany gives E.ON credit guarantees to strike LNG deals – source'. Reuters. August 21, – 2014. – <http://www.reuters.com/article/2014/08/21/e-on-lng-idUSL5N0QP3FS20140821>
6. E-source: <http://caspianbarrel.org/?p=17688>
7. E-source: Gazprom official web-site www.gazprom.ru
8. E-source: SOCAR official web-site www.socar.az
9. 'A step ahead towards the stage of maturation in Azerbaijani-Turkish relations: The Trans Anatolian Pipeline'. Dr. Burcu Gültekin Punsmann, Senior Foreign Policy Analyst, Economic Policy Research Foundation of Turkey.
10. E-source: TAP official web-site www.tap-ag.com
11. IEA Medium Term Gas Market Report 2013.

*Sokolova Irina Vladimirovna,
Kuban State University,
undergraduate of International economics and
management department
E-mail: bagira-08@bk.ru*

*Starkova Nadezhda Olegovna,
Kuban State University,
candidate of science in Economics, associate professor,
International economics and management department
E-mail: n.starkova@mail.ru*

Main trends and forms of marketing activity on electronic market

Abstract: The basic patterns and trends in the development of marketing communications in the Internet environment have been reviewed. The most relevant communication channels and tools of internet marketing in the global information network have been researched and characterized.

Keywords: information technology, internet marketing, communication, communication channel, marketing communications, network communications, target audience.

Соколова Ирина Владимировна,
Кубанский государственный университет,
магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: bagira-08@bk.ru

Старкова Надежда Олеговна,
Кубанский государственный университет,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: n.starkova@mail.ru

Основные направления и формы маркетинговой деятельности на электронном рынке

Аннотация: Представлен обзор основных форм и тенденций развития маркетинговых коммуникаций в интернет-среде. Исследованы и охарактеризованы наиболее актуальные коммуникационные каналы и инструменты интернет-маркетинга в глобальной информационной сети.

Ключевые слова: информационные технологии, интернет-маркетинг, коммуникация, коммуникационный канал, маркетинговые коммуникации, сетевые коммуникации, целевая аудитория.

В эпоху активного развития электронных и цифровых технологий трансформируются все сферы общества. Заметные изменения претерпевает и маркетинговая деятельность: меняются подходы и инструменты, трансформируется традиционная модель коммуникации. Взаимодействие компании с ее целевыми группами и контактными аудиториями становится интерактивным, более оперативным и многосторонним.

Активное проникновение глобальной сети во все сферы общества обуславливает ее значительную роль и актуальность для современного бизнеса. Глобальное информационное пространство открывает для бизнес-среды новые перспективные возможности: сбор информации о рынке, исследование потребительских предпочтений и моделей поведения, мониторинг конкурентов и т. д. [5]. На сегодняшний день всё больше специалистов в области маркетинга осознают необходимость присутствия компании в глобальной информационной среде [4, 7]. А тот факт, что в современных условиях роль и место интернет-среды в маркетинге становятся всё более значимыми, повышает интерес к исследованию этой взаимосвязи как теоретиками, так практикующими предпринимателями, экономистами, маркетологами и менеджерами.

Активно используемый в последнее время все большим числом компаний интернет-маркетинг представляет собой совокупность теоретического и прикладного инструментария интернета, применяемого фирмой для достижения маркетинговых целей. Специфические характеристики интернет-маркетинга состоят в появлении нового инструментария

проведения коммуникационных кампаний — в глобальной информационной сети традиционные инструменты маркетинга интегрируются с новейшими информационными технологиями.

Проведенные ранее исследования деятельности предприятий по формированию интеллектуальных активов с целью повышения их эффективности и перспектив долгосрочного пребывания на современном высоко динамичном рынке, выявили необходимость организации эффективного информационного обмена, осуществляемого посредством создания и развития и системы коммуникационных каналов, в том числе создаваемых в глобальной информационной сети [8]. Для того чтобы демонстрировать высокую эффективность маркетинг в сети интернет должен соответствовать общей стратегии предприятия и быть ее логичным продолжением в глобальном информационном пространстве. В настоящее время оказывается недостаточно правильно построенного, хорошо работающего и имеющего качественное актуальное наполнение сайта, чтобы выгодно отличаться от конкурентов, необходим охват максимального числа потенциальных клиентов и партнеров [12]. Электронный маркетинг должен включать в себя все составляющие маркетинговой деятельности офлайн, а именно: исследование рынка, целевых сегментов, продвижение продукции, брендинг, взаимодействие с деловыми партнерами и поставщиками, организация торговой деятельности [6].

В настоящее время можно выделить три основных направления маркетинга в интернет: маркетинговые исследования, коммуникационные кампании

по продвижению, интернет-торговля. С позиции этих трех направлений целесообразно рассматривать особенности и основные инструменты маркетинга в интернете.

Глобальное информационное пространство является наиболее благоприятной средой для исследования рынка, поиска новых возможностей для развития фирмы, проведения анализа конкурентной среды. Ключевым преимуществом проведения маркетинговых исследований в сети интернет является их доступность для любой организации, поскольку такие исследования не требуют значительных ресурсов [9]. Низкая эффективность бизнеса зачастую связана именно с недостатком информации о рынке, а ограниченность финансовых ресурсов не позволяют предприятиям мелкого бизнеса проводить маркетинговые исследования с привлечением специализированных консалтинговых агентств [3]. Интернет же открывает возможности для мониторинга рынка и сбора качественной информации с минимальными затратами, как первичной, так и вторичной.

В теории классического маркетинга существует два вида маркетинговых исследований: кабинетные (вторичные) и полевые (первичные). Та же классификация применима и для маркетинговых исследований в сети. В традиционной практике маркетинга при проведении кабинетного исследования основными источниками информации выступают разнообразные периодические, статистические и деловые издания, данные официальной статистики, материалы отраслевых деловых мероприятий (выставки, конференции, форумы), а также различные публикации в открытой печати. Аналогичную информацию, но в более полном объеме, можно получить в интернете, поскольку практически все печатные издания, государственные органы и органы статистики на сегодняшний день имеют собственные веб-сайты. Более того, данные из интернета можно получить гораздо оперативнее и с минимальными затратами, а по дате публикации и последнего обновления можно судить о новизне и актуальности полученных данных.

Следующим важным направлением электронного маркетинга является проведение коммуникационных кампаний по продвижению товара, услуги, или компании в целом. Опыт западных стран, в которых электронный бизнес более развит и маркетинг в сети уже давно является инструментом продвижения, коммуникационные кампании в интернете приносят ощутимый эффект [1]. Интернет дает возможность путем грамотной организации системы продвижения при-

влекать покупателей в онлайн-овые и обычные магазины, и, тем самым, увеличить объем продаж, повысить осведомленность и узнаваемость бренда [2]. Продвижение в глобальной информационной среде является сложным комплексным процессом, который включает в себя разработку и продвижение веб-ресурса организации, рекламу продукции/услуг, брендинг, взаимодействие с целевыми потребителями и контактными аудиториями, привлечение и работу с деловыми партнерами. Исходя из этого в глобальной информационной сети наряду с традиционными элементами маркетинга и рекламы необходима разработка корпоративного интернет-ресурса фирмы как площадки для позиционирования и продвижения в интернет-среде. Для продвижения корпоративного веб-сайта традиционно используют такие инструменты, как поисковое продвижение и контекстная реклама.

Достаточно быстро приобрела популярность, как за рубежом так и в нашей стране, интернет-реклама, которая наряду с традиционными медиа, стала считаться полноправным каналом для проведения информационных кампаний [10]. При этом, несмотря на то, что методика рекламной деятельности в интернете российскими компаниями еще сформирована не достаточно четко, в нашей стране именно она получила наибольшее распространение [11].

Сегодня многие специалисты сходятся во мнении, что интернет является более традиционным каналом, нежели традиционные медиа (радио, телевидение, печатные издания) [1, 4, 5]. Говоря об эффективности, имеется в виду соотношение результатов и затрат. При традиционном подходе применяются разные виды рекламных каналов и носителей, причем стоимость и результаты находятся в прямой зависимости. Так, например, реклама на телевидении является одной из наиболее эффективной с точки зрения качества, но и самой дорогостоящей, которую могут позволить себе лишь ограниченное число крупных компаний. Интернет же позволяет значительно снизить затраты на рекламу и в то же время повысить ее качество.

В результате исследования опыта проведения рекламных кампаний в сети, а также изучения специализированной литературы по данной проблеме, были выявлены следующие факторы, определяющие высокую эффективность интернет-рекламы.

1. Высокая степень таргетированности. Рекламные сообщения четко сфокусированы на целевой аудитории, вплоть до отдельно взятого пользователя, заинтересованного в товарах или же услугах компании.

2. Широкие возможности презентации продукта. Глобальная сеть является средой для максимально эффективного представления рекламируемой продукции. Это связано как с возможностью трансляции наиболее полной информации о товарах, так и с мультимедийной природой интернета, позволяющей использовать текст, графику, звук и видео.

3. Интерактивность. Всемирная информационная сеть дает организации возможность интерактивной коммуникации с потребителями в противовес односторонней передаче информации.

4. Прозрачность. Благодаря современным информационным технологиям, Интернет открывает небывалые возможности для оперативного анализа и всесторонней оценки коммуникационных кампаний за счет обратной связи с пользователями.

5. Глобальность. Интернет позволяет работать вне привязки к конкретной территории или локальному рынку, вне пространственных ограничений.

Разработка и реализация коммуникационной кампании в интернете должны базироваться на четком понимании используемых целевой аудиторией источников информации. Чем больше конкретный вид бизнеса зависит от общественного мнения, тем больше внимания организация должна уделять формированию своей репутации (паблисити) в сети. Для этого традиционно используется еще один важный инструмент интегрированных маркетинговых коммуникаций — связи с общественностью, применение которого позволяет существенно снизить затраты за счет перенесения акцента с традиционных средств, например, печатных изданий, на информационную форму представления в Интернет. Помимо этого бесспорным преимуществом глобального информационного пространства перед другими средствами связей с общественностью

является возможность оперативного обновления информации в режиме реального времени, не требующего дополнительных затрат. В Интернет могут быть представлены пресс-релизы или выложена актуальная информация для инвесторов, деловых партнеров, потребителей и т. д. Также инструменты интернет-маркетинга и связей с общественностью оправданы при реализации антикризисных информационных кампаний (антикризисный PR), когда традиционные медиа не могут быть использованы в силу своей предвзятости и низкой оперативности в данном случае.

В результате проведенного исследования и характеристики коммуникационных каналов и реализации инструментов маркетинговых коммуникаций в глобальной информационной сети можно сделать следующие выводы. Интернет-маркетинг, являясь новым видом маркетинговой деятельности, постепенно приобретает все большую популярность, значительно расширяя свои границы, а также возможности реализуемых в его пространстве маркетинговых коммуникаций. Применение инструментария глобальной информационной сети к реализации традиционных маркетинговых коммуникаций в интерактивном режиме позволяет добиться их максимального распространения и эффективности. При этом заданная высокая скорость информационного обмена в коммуникационных каналах глобальной сети создает и ряд сложностей, требующих постоянного контроля и корректировки. Это должны четко осознавать предприниматели и менеджеры компаний, практикующих интернет-маркетинг, в связи с чем они должны быть ориентированы на развитие новаторских направлений совершенствования бизнеса с учетом ускорения информационных процессов не только на рынке, но и в глобальной сети.

Список литературы:

1. Алексунин. В. А. Электронная коммерция и маркетинг в Интернете: уч. пос. – М.: Дашков и К, – 2010. – 380 с.
2. Кизим А. А., Старкова Н. О., Дырий А. П. Брендинг как приоритетное направление развития маркетинговой деятельности российских предприятий пищевой промышленности. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 6 (49). – с. 50–55.
3. Кизим А. А., Старкова Н. О., Михайлюк О. В. Аутсорсинг информационно-интеллектуальных процессов современного предприятия. Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2011. – № 35. – с. 147–154.
4. Костарева А. М., Старкова Н. О. Особенности применения вирусного маркетинга в развитии рыночной деятельности современных предприятий. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 88. – с. 642–652.
5. Никулина О. В., Шаламова Т. А. Применение маркетинговых инноваций в качестве повышения конкурентоспособности международной холдинговой структуры в условиях развития инновационной экономики. Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 1–2. – с. 419–424.

6. Никулина О. В., Хакуз А. С. Инновационные технологии по созданию и продвижению бренда международной компании на основе исследования запросов потребителей/Экономика и предпринимательство, – 2013, – № 9 (38). – с. 699–704.
7. Никулина О. В., Ларченко Е. С. Разработка инновационных маркетинговых технологий международных сбытовых компаний в вопросах увеличения доли рынка. Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 2 (31). – с. 278–283.
8. Старкова Н. О. Формирование внутрифирменной системы управления интеллектуальными активами: дис. канд. экон. наук: 08.00.05 – Краснодар, – 2001. – 202 с.
9. Старкова Н. О., Старков И. С. Применение современных подходов к управлению изменениями в информационной системе предприятия: Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 66. – с. 194–205.
10. Старкова Н. О., Кизим А. А. Управление маркетингом промышленных предприятий: Экономика устойчивого развития. – 2012. – № 9. – с. 183–189.
11. Черчилль Г. А. Маркетинговые исследования в Интернете. – СПб.: Питер, – 2008. – 418 с.
12. Юрасов А. В. Основы электронной коммерции. – М.: Горячая линия-Телеком, – 2007. – 480 с.

*Tatuev Arsen Azidovich,
Doctor of Economics, professor,
professor of Moscow State University of Food Productions, Moscow
E-mail: arsen.tatuev@mail.ru*

Structural priorities of monetary accumulation of the population

Abstract: In article the main negative tendencies in dynamics of savings of the population are allocated. Delay of process of formation of funds of accumulation and decrease in norm gross savings is shown. It is opened that the savings of the population making considerable part of all savings in economy, are mainly presented in the unorganized form which isn't used in reproduction processes.

Keywords: population savings, financial institutions, bank deposits, investments into fixed capital.

*Татуев Арсен Азидович,
Московский государственный университет пищевых производств, Москва,
Профессор кафедры экономической теории, анализа и отраслевой экономики
доктор экономических наук, профессор
E-mail: arsen.tatuev@mail.ru*

Структурные приоритеты денежных накоплений населения

Аннотация: В статье выделены основные отрицательные тенденции в динамике сбережений населения. Показано замедление процесса формирования фондов накопления и снижение нормы валового сбережений. Раскрыто, что сбережения населения, составляющие значительную часть всех сбережений в экономике, преимущественно представлены в неорганизованной форме, не используемой в воспроизводственных процессах.

Ключевые слова: сбережения населения, финансовые институты, банковские вклады, инвестиции в основной капитал.

Общественное развитие в сторону экономики знаний предопределяет ведущую роль человеческого капитала и, соответственно, растущую роль сбережений населения, от потребительского поведения которого зависят базовые воспроизводственные структуры [4]. Однако в российской экономике роль сбережений населения отстает от

функциональных требований постиндустриального общества.

На рисунке 1 представлены графики и диаграмма, иллюстрирующие изменение объема и динамики валового сбережения в период с 2000 по 2011 годы, в сопоставимых ценах. Из графиков видно, что за рассматриваемый период времени объем валового

сбережения в реальном выражении увеличился чуть более чем на четверть, достигнув в 2011 году значения в 15,5 трлн. руб. (3,4 трлн. руб. в ценах 2000 года).

В то же время размер экономики увеличился практически на две трети, достигнув в 2011 году значения в 54,6 трлн. руб. (11,9 трлн. руб. в ценах 2000 года).

Рис. 1. Объем и динамика валового накопления сбережения в период с 2000 по 2011 годы, в ценах 2000 года (графики и диаграмма рассчитаны, построены и составлены автором на основе данных [5])

Из чего становится видно, что количественные показатели развития процессов сбережения несколько отстают от показателей роста национальной экономики. Это выражается в снижении показателя нормы валового сбережения. Так, если в 2000 году на сбережения приходилось более трети объема ВВП (36,2 %), то к концу рассматриваемого периода доля сбережений в ВВП сократилась до 28,3 %, а минимум был достигнут в 2009 году — 21,1 %.

Между тем, помимо количественного замедления процесса сбережения следует отметить и его специфический качественный характер. Так, на рисунке 2

представлена диаграмма, отражающая структуру денежных накоплений населения, по состоянию на начало 2013 года. Из диаграммы видно, что большая часть сбережений населения представлена остатками на вкладах в банках. Речь идет об 11,7 трлн. руб., или 67 % совокупного объема сбережений населения (без учета вкладов на валютных счетах и денежной наличности в иностранной валюте у населения). В то же время порядка 4,1 трлн. руб., или 24 %, представлены остатками наличных денежных средств. И лишь 1,5 трлн. руб., или 9 %, — накоплениями в ценных бумагах.

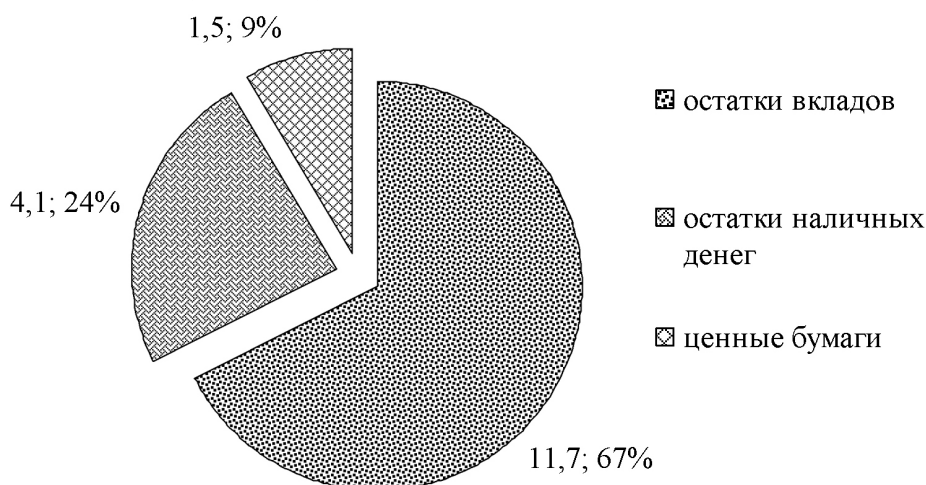

Рис. 2. Структура денежных накоплений населения, по состоянию на начало 2013 года, трлн. руб., % (диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных [6])

В целом, данная структура фондов накопления населения свидетельствует о сохранении высокой доли сбережений в неорганизованных формах — части денежной массы, противостоящей денежной массе находящейся в активном обороте [1]. Кроме того, сбережения, находящиеся в организованных формах, по большей части сформированы непосредственно при помощи банковских вкладов. Что также отличает отечественный сберегательный процесс от его зарубежных аналогов, где значительная часть сбережений организована через современные инструменты финансового рынка [3].

Во многом представленная специфика является следствием низкого уровня доверия населения современным финансовым институтам [2]. Так, на

рисунке 3 представлена диаграмма, отражающая структуру ответов респондентов на вопрос о предпочитаемых формах хранения сбережений населения. Из диаграммы видно, что лишь по 1 % респондентов отметили, что осуществляют взносы в негосударственные пенсионные фонды и/или участвуют в программах накопительного страхования. В то же время практически никто из респондентов не отметил, что осуществляет инвестирование средств в ценные бумаги, такие, как акции, облигации, паи паевых инвестиционных фондов, сертификаты долевого участия общих фондов банковского управления. При этом большинство опрошенных отметило, что для организации своих сбережений пользуется услугами банков, или осуществляет накопления в наличных.

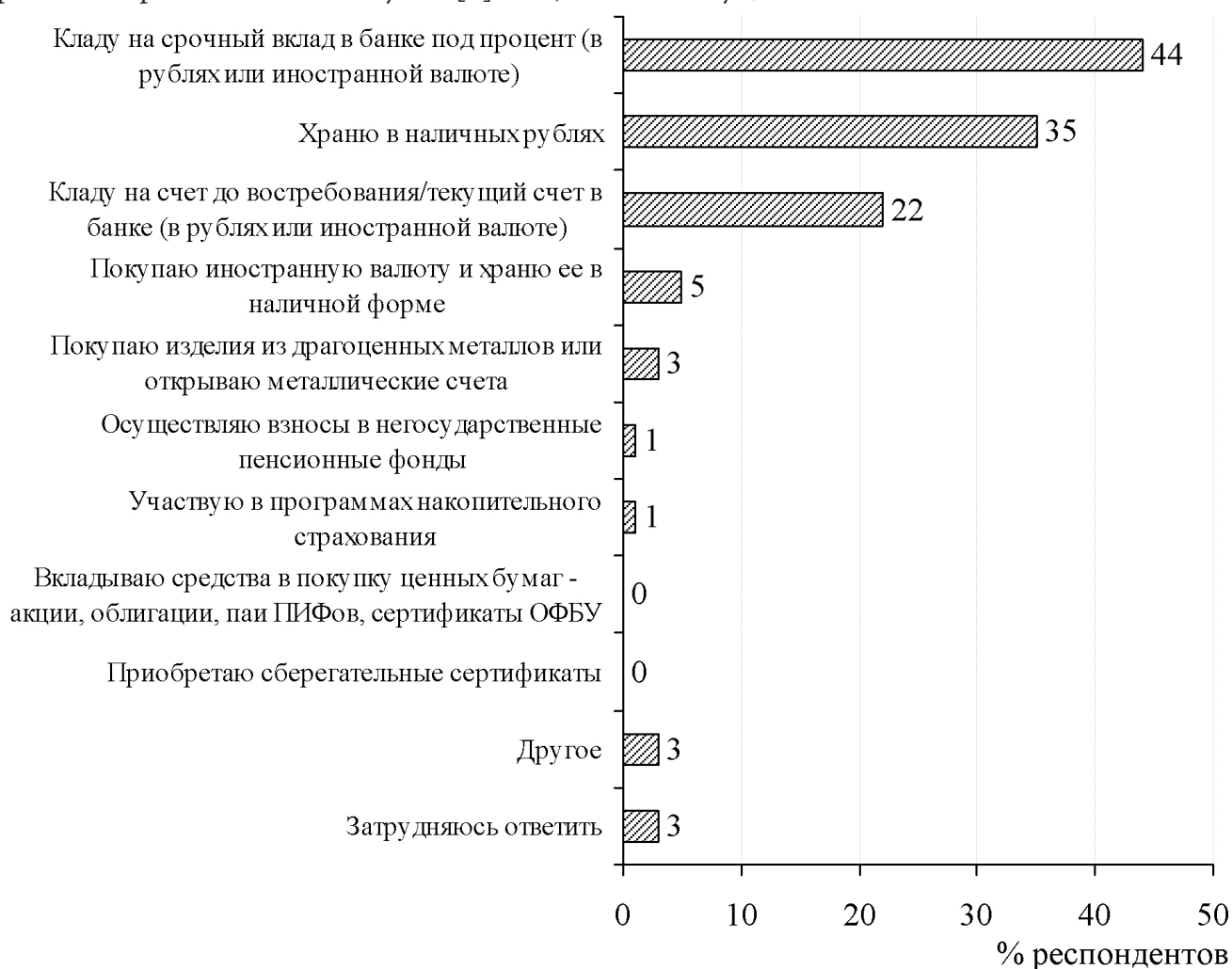

Рис. 3. Структура ответов респондентов на вопрос о предпочитаемых формах хранения сбережений, полученных в ходе исследования Национального агентства финансовых исследований, проведенного в 2012 году (диаграмма составлена автором на основе данных [7])

Таким образом, становится видно, что современный процесс сбережения в национальной экономике характеризуется рядом отрицательных моментов. Во-первых, происходит замедление самого процесса формирования фондов накопления, что иллюстрирует

снижение нормы валового сбережений. Во-вторых, сбережения населения, представляющие собой значительную часть всех сбережений в экономике, в существенной части представлены в неорганизованной форме, не участвующей в воспроизводственных процессах.

Другая же часть сбережений населения организована посредством классических инструментов банковского сектора. При этом роль современных инструментов финансового рынка в данном процессе остается незначительной. В совокупности это сказывается на низкой эффективности процессов трансформации фондов накопления денежных средств в инвестиционные ресурсы социально-экономической модернизации.

Для преодоления отмеченных тенденций целесообразно сформировать механизм, обеспечивающий трансформацию неорганизованной части

накоплений населения в организованную посредством использования инвестиционных инструментов, направленных на непосредственное преобразование финансовых инвестиций во вложения в расширенное воспроизводство. К такому типу инструментов можно отнести фонды прямых инвестиций. Основной целью функционирования данного типа фондов (в отличие от фондов портфельных инвестиций), является получение непосредственного дохода от вложения инвестиций в реальные активы или получения контроля над предприятием.

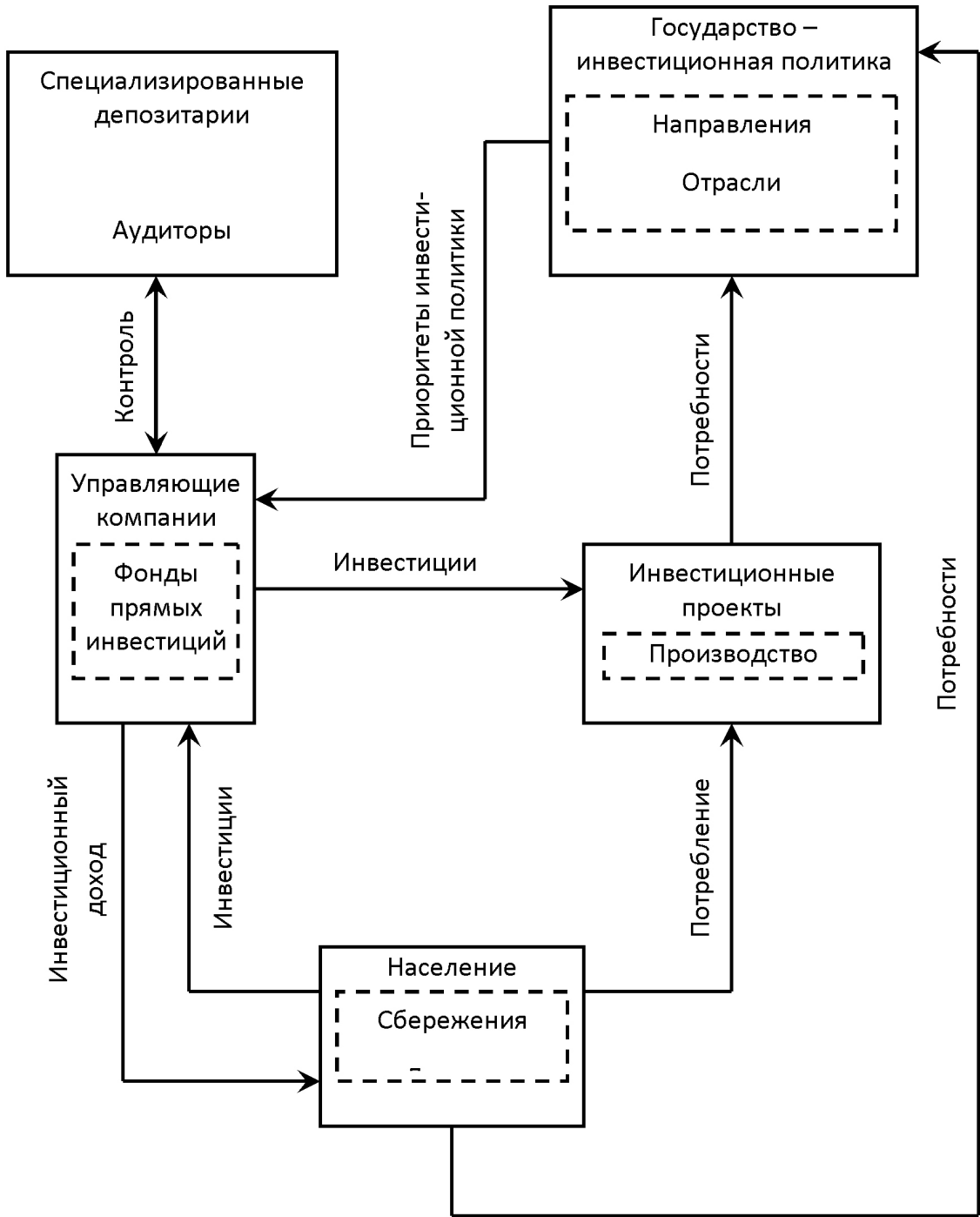

Рис. 4. Механизм трансформации сбережений населения в реальные инвестиции, основанный на использовании практики фондов прямых инвестиций (схема составлена автором)

На рисунке 4 представлена схема иллюстрирующая функционирование механизма трансформации сбережений населения в реальные инвестиции, основанного на использовании практики фондов прямых инвестиций. Принципиальным элементом данного механизма является непосредственное вовлечение государства в процесс трансформации сбережений населения в реальные инвестиции. В частности, органами государственной власти должны оцениваться наиболее актуальные потребности населения и бизнеса. На основе этих потребностей должна осуществляться разработка государственной инвестиционной политики, выделяющей перспективные направления, отрасли и проекты для осуществления первоочередных инвестиций.

Вторым важным элементом предлагаемого механизма являются частные управляющие компании, под управлением которых находятся фонды прямых инвестиций. К числу таких компаний можно отнести уже существующие, под управлением которых находятся фонды прямых инвестиций. Либо компании, под управлением которых находятся закрытые паевые инвестиционные фонды, ориентированные на осуществление прямых инвестиций.

В любом случае, основным требованием является следование предписаниям государственной инвестиционной политики и непосредственное осуществление прямых инвестиций.

В результате функционирования данного проекта, сбережения населения будут прямым образом вовлекаться в реализацию перспективных инвестиционных проектов и приносить инвестиционный доход, сформированный в рамках непосредственной производственной деятельности. С одной стороны, это обеспечит расширенное воспроизводство и будет способствовать расширению границ полной

занятости ресурсов и полного объема производства, а с другой — позволит приумножить доходы населения. В свою очередь, доходы населения будут стимулировать спрос на экономические блага, который будет уравниваться ростом производства в рамках новых границ. В целом это будет вести к росту ВВП и уровня жизни.

Кроме того, для повышения эффективности механизма, высоким потенциалом обладает вводимая федеральным законом РФ в рамках программы по информатизации государственных органов власти и организации межведомственного взаимодействия Универсальная электронная карта (УЭК). УЭК представляет собой электронный паспорт гражданина страны, содержащий помимо всего прочего и электронное банковское приложение, несущее данные, необходимые для осуществления банковских операций в платежной системе «Универсальная электронная карта». Так же, на УЭК могут быть размещены ключи усиленной квалифицированной электронной подписи и квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи, предоставляющие возможность владельцу УЭК совершать юридически значимые действия, в том числе приобретать услуги и совершать сделки в электронной форме.

Все это в целом позволяет интегрировать УЭК в механизм трансформации сбережений населения в реальные инвестиции, основанного на использовании практики фондов прямых инвестиций. В частности, на базе УЭК может быть реализовано непосредственное взаимодействие владельца карты с управляющими компаниями, что в значительной степени может снизить транзакционные издержки частных инвесторов и повысить общую ликвидность инвестиций в фонды прямых инвестиций.

Список литературы:

1. Белозеров С. А. Сбережения домашних хозяйств: сущность, функции, организационные формы // Экономика и управление. – 2013. – № 4 (90). – с. 55–61.
2. Ибрагимова Д. Х. О доверии населения финансовым институтам // Деньги и кредит. – 2012. – № 4. – с. 65–71.
3. Майорова Л. Н. Потенциал сбережений населения в инвестиционном процессе // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. – 2012. – Т. 2. – № 50. – с. 9–14.
4. Татуев А. А. Региональные особенности экономического воспроизводства // Terra Economicus (“Пространство экономики”). – 2012. – Т. 10. – № 3. – с. 89–98.
5. Официальная статистика/Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html3/11-08.htm; http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d3/11-08.htm; http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html3/11-01.htm; http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d3/11-01.htm

6. Официальная статистика/Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/doc3-1-2.htm
7. Больше сберегать не стали/Национальное агентство финансовых исследований. – URL: <http://nacfin.ru/novosti-i-analitika/press/press/single/10619.html>

*Starkova Nadezhda Olegovna,
Kuban State University, candidate of science in Economics,
associate professor, International economics and management department
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Makhov Maksim Vladimirovich,
Kuban State University, undergraduate
of International economics and management department
E-mail: maksim-mahov@mail.ru*

Role of intellectual assets in development of enterprises of telecommunication industry

Abstract: The status of the leading enterprises in the telecommunications sector in the context of the formation of intellectual assets and the development of innovative capacity have been analyzed. The role of intellectual assets in the development of their business and the formation of market value have been estimated.

Keywords: telecommunications, modernization, innovation development, intellectual assets, information and intellectual resources.

*Старкова Надежда Олеговна,
Кубанский государственный университет, кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Махов Максим Владимирович,
Кубанский государственный университет, магистрант кафедры
мировой экономики и менеджмента
E-mail: maksim-mahov@mail.ru*

Роль интеллектуальных активов в развитии предприятий телекоммуникационной отрасли

Аннотация: Произведен анализ состояния ведущих предприятий телекоммуникационной отрасли в контексте формирования интеллектуальных активов и развития инновационного потенциала. Оценена роль интеллектуальных активов в развитии их бизнеса и формировании рыночной стоимости.

Ключевые слова: телекоммуникации, модернизация, инновационное развитие, интеллектуальные активы, информационно-интеллектуальные ресурсы.

В сентябре 2009 года президент Российской Федерации Д. А. Медведев опубликовал знаковую программную статью «Россия, вперед!», в которой изложил свои масштабные планы по модернизации российской экономики и общества. В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Д. А. Медведев добавил к уже заявленной концепции четырех «И» – институты, инвестиции, инфраструктура, инновации ещё одну

составляющую – «интеллект». Это было зафиксировано в разработанной Правительством концепции развития России до 2020 года [5], которая активно реализуется в настоящее время.

Одним из приоритетных направлений современной государственной политики Российской Федерации является общее развитие страны по пути к инновационной экономике. Важнейшими составляющими инновационного развития отраслей и отдельных

субъектов национальной экономики являются интеллектуальный потенциал и интеллектуальные активы. Поэтому исследование формирования и развития интеллектуальных активов, представляющих собой совокупность результатов интеллектуального преобразования информационных ресурсов, создаваемых и используемых как внутри организации, так и в окружающей среде с целью формирования уникальных конкурентных преимуществ [12], является одним из прогрессивных направлений исследований современной экономики и менеджмента, имеющих большое теоретическое и прикладное значение.

Инновационное и интеллектуальное развитие отраслей современной отечественной экономики невозможно без развития прогрессивной инфраструктуры, одним из приоритетных элементов которой являются телекоммуникации и связь. С этой точки зрения телекоммуникационная отрасль является важнейшим звеном не только этого процесса, но и модернизации и развития всей экономической и социальной жизни страны.

Телекоммуникационная отрасль в последние годы развивается достаточно активными темпами, показывая значительный рост. При этом данная тенденция сохранила актуальность и в 2014 году. Современные исследователи и эксперты сходятся во мнении, что будущее отрасли за крупными консолидированными игроками, которые уже сегодня активно формируют ее структуру. По итогам 2012 года согласно статистике Министерства связи и массовых коммуникаций, общий доход всей отрасли связи РФ в 2012 г. составил 1 530 986,3 млн. руб., показав прирост по сравнению с данными 2011 года [4]. Ключевым драйвером отрасли стал сегмент передачи данных, а также контент-услуги в сегменте мобильной связи. При этом обращает на себя внимание тот факт, что на рынке телекоммуникаций существует явное перераспределение доходов, где выручка четырех лидеров составляет 90 % от совокупного объема выручки 30 крупнейших телекоммуникационных компаний отрасли и 77 % от показателя дохода всей отрасли страны. Так выручка МТС в 2012 году составила 337 900 000 тыс. руб., а годовой прирост данного показателя – 8,3 %, Вымпелкома – 285 400 000 тыс. руб. и 7,3 %, Ростелекома – 282 904 308 тыс. руб., и 31,8 %, Мегафона – 272 637 000 тыс. руб., и 12,4 % соответственно. В то же время выручка ТрансТелеКома, занимающего пятое место, уже на порядок ниже и составляет 27 100 000 тыс. руб., а выручка Космической связи (десятое место) ниже уже на два порядка – 6 500 000 тыс. руб.

В связи со сложившейся структурой рынка телекоммуникаций возникает вопрос об исследовании ресурсной составляющей компаний — лидеров ОАО «МТС» (22 % рынка), ОАО «Вымпелком» (19 %), ОАО «Ростелеком» (18 %) и ОАО «Мегафон» (18 %), и в первую очередь роли информационно-интеллектуальных факторов в их развитии.

По данным бухгалтерской отчетности предприятий телекоммуникационной отрасли за 2012 г. [1, 13, 14, 15] наибольшим объемом нематериальных активов в стоимостном выражении располагала компания ОАО «Вымпелком» — 272 337 тыс. руб. В то же время в период 2007 по 2011 годы лидером по этому показателю стабильно являлось ОАО «МТС». А вот ОАО «Ростелеком» демонстрировал на протяжении 2007–2012 гг. стабильное отставание развития интеллектуальной составляющей своего бизнеса. Стоимость его нематериальных активов на протяжении исследуемого периода намного уступала лидерам отрасли. Для сравнения стоимость нематериальных активов ОАО «МТС» в 2012 году составила 213 539 тыс. руб., а аналогичный показатель ОАО «Ростелеком» — 96831 тыс. руб., в 2011 году — 256682 тыс. руб. и 60106 тыс. руб.; в 2010 году — 306634 тыс. руб. и 328 тыс. руб.; в 2009 году — 374533 тыс. руб. и 382 тыс. руб.; в 2008 году — 378369 тыс. руб. и 437 тыс. руб.; 2007 году — 563630 тыс. руб. и 15 тыс. руб. соответственно.

В настоящее время существует множество различных методик, объединяющих как количественные, так и качественные показатели уровня инновационного потенциала и эффективности инновационной деятельности предприятия [2, 6, 8]. Одним из наиболее распространенных показателей уровня инновационного развития предприятия является коэффициент обеспеченности нематериальными активами, определяемый как отношение объема нематериальных активов к общему объему внеоборотных активов компании.

В результате обработки доступных данных бухгалтерской отчетности ведущих телекоммуникационных компаний за исследуемый период 2007–2012 гг. для расчета данного показателя были получены следующие результаты. Наиболее низкие значения показателя уровня обеспеченности нематериальными активами принадлежат ОАО «Ростелеком». Не смотря на то, что за исследуемые шесть лет значение индикатора Ростелекома выросло с 0,00032 % в 2007 г. до 0,1948 в 2012 г., оно почти в два раза было ниже значений ОАО «МТС», ОАО «Мегафон», ОАО «Вым-

пелком» за тот же период. В целом интеллектуальная обеспеченность этих трех компаний в 2007–2012 гг. отличалась не существенно. В 2012 г. лидером по результатам оценки данного показателя явилось ОАО «Мегафон», при том, что ОАО «Вымпелком» уступило ему всего на 0,002 %, а ОАО «МТС» на 0,005 %.

Возможно такое отставание ОАО «Ростелеком» связано с ориентацией на предоставление проводной связи, в чем у компании, занимающей почти 70 % рынка практически нет серьезных конкурентов, а, следовательно, пока нет и сильной заинтересованности в повышении своей конкурентоспособности за счет инвестиций в нематериальные активы. В то же самое время высокая конкуренция на рынке сотовой связи, лидерами которого являются ОАО «Мегафон», ОАО «Вымпелком» и ОАО «МТС» побуждает эти компании искать наиболее уникальные способы не только развития бизнеса, но и идентификации в глазах потребителей. В связи с этим современные менеджеры уже хорошо усвоили тот факт, что индивидуальные преимущества и лидерство во все большей степени становятся следствием эффективного использования уникальных по своей природе факторов нематериального характера [8], развитию которых в российском и зарубежном бизнесе уделяется все большее внимание [9].

Помимо этого специалистами доказано влияние интеллектуальных активов не только на эффективность функционирования бизнеса, но и на его рыночную стоимость [2, 8, 7]. Что также подтверждают статистические и отчетные данные о деятельности обследуемых телекоммуникационных компаний. Так рыночная стоимость ОАО «МТС» в 2012 году превысила балансовую более чем в 4 раза. По данным РА «Эксперт» [16] рынок оценил стоимость ОАО «МТС» в 2012 году в 507779,80 млн. руб., в то же время балансовая стоимость предприятия по данным бухгалтерского баланса составила 118352,59 млн. руб. Совершенно иным образом обстоят дела у ОАО «Ростелеком», рыночная стоимость которого в 2012 году была оценена ниже балансовой на 696,42 млн. руб. Рыночная стоимость предприятия в 2012 году составила 293413,40 млн. руб., а балансовая — 294109,82 млн. руб. Эти данные еще

раз свидетельствуют о том, что сделанная ставка на формирование интеллектуальных активов, затраты на создание которых ниже их рыночной стоимости [10], позволяет компании не только получать прибыль и эффективно функционировать в условиях высокой конкуренции на современном рынке сотовой связи, но и значительно преуспевать на фондовом рынке.

Этот факт не должен остаться без внимания управленцев лидера рынка проводной связи, обладателя крупнейшей магистральной сети связи в стране общей протяженностью около 500 тысяч км. ОАО «Ростелеком», так как именно в сфере высоких технологий материальные активы вытесняются интеллектуальными намного быстрее [11]. В связи с этим предприятию не стоит останавливаться только на модернизации основных направлений своей деятельности: предоставления высокотехнологичных услуг фиксированной и мобильной связи, широкополосного доступа в Интернет, платного телевидения и облачных решений для частных и корпоративных клиентов [3]. Эффективность предоставления услуг и предприятия в целом во многом может зависеть от формирования системы управления интеллектуальными активами, способной систематизировать и рационализировать подходы к формированию и использованию информационно-интеллектуальных ресурсов с момента их создания и до превращения в объекты собственности и коммерческие продукты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль интеллектуальных активов в формировании конкурентных преимуществ и рыночной стоимости телекоммуникационных предприятия в настоящее время приобретает все большую значимость. Поэтому необходимость создания базы таких активов и формирование эффективной системы управления ими становится насущной задачей не только лидеров рынка услуг телекоммуникаций и связи, стремящихся сохранить свою стабильность и увеличить инновационный потенциал роста, но и всех субъектов отрасли, активно вовлеченной в процесс модернизации отечественной экономики.

References:

1. Годовая бухгалтерская отчетность ОАО «Вымпелком». URL: <http://about.beeline.ru/documents/reports.wbp>
2. Козырь Н. С. Экономический механизм реструктуризации промышленных предприятий в системе управления капитализацией: дис. канд. экон. наук: 08.00.05 – Краснодар, – 2010. – 168 с.
3. Никулина О. В., Кизим А. А. Облачные технологии как модель внедрения инноваций: Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 1 (44). – с. 12–19.

4. Обзор телеком: 2013. CNews Telecom 2013: Крупнейшие телекоммуникационные компании России. – URL: http://www.cnews.ru/reviews/new/telekom_2013/review_table/26363b4534c2add6f4718835210a61fd03f5f689/
5. Послание Президента России Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 05.11.2008 // Российская газета. – 2008. 6 ноября. – № 4787. – с. 1–2.
6. Рзун И. Г. Метод синтеза и анализа проходимых автоматов в управлении технологическими процессами: дис. канд. физ-мат. наук: 05.13.01 – Саратов, – 2005. – 113 с.
7. Рзун И. Г., Кучеренко В. В. Автоматизация расчетов фондовых индексов: Материалы IV Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарного и естественнонаучного знания». Петрова Т. А. – Краснодар, – 2013. – с. 138–143.
8. Старкова Н. О. Формирование внутрифирменной системы управления интеллектуальными активами: дис. канд. экон. наук: 08.00.05 – Краснодар, – 2001. – 202 с.
9. Старкова Н. О. Перспектива интеграции России с ЕС: Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2010. – № 32. – с. 63–71.
10. Старкова Н. О. Формирование программы совершенствования системы управления интеллектуальными активами на предприятии: Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2010. – № 31. – с. 87–97.
11. Старкова Н. О., Старков И. С. Применение современных подходов к управлению изменениями в информационной системе предприятия: Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 66. – с. 194–205.
12. Старкова Н. О., Костецкий А. Н. Интеллектуальные активы фирмы: идентификация и управление: Экономика. Управление. Право. – 2000. – № 4. – с. 16–21.
13. Финансовая отчетность ОАО «МТС». URL: <http://www.company.mts.ru/comp/ir/report/>
14. Финансовая отчетность ОАО «Ростелеком», подготовленная в соответствии с Российскими стандартами бухгалтерского учета (РСБУ). URL: http://www.rostelecom.ru/ir/results_and_presentations/financials/RAS/2013/
15. Финансовая отчетность ОАО «МегаФон». URL: http://corp.megafon.ru/investors/shareholder/financial_report/2013/
16. Эксперт РА: исследования. URL: <http://www.raexpert.ru/researches/>

*Chichkina Vera Dmitrievna,
Branch of Samara State Technical
University in Syzran, Docent
E-mail: vd_@mail.ru*

*Toymontseva Irina Anatolyevna,
Dr.Econ.Sci., associate professor of marketing and logistics,
“The Samara state economic university”, Samara
E-mail: tia67@rambler.ru*

Corporate restructuring management concept

Abstract: Further competitiveness and present requirement is that the enterprise has to be in a condition of continuous response to environment changes. The most powerful method of corporate activities adaptation to external and internal environment changes is restructuring. This is complex process of corporate activities reforms. Successful realization of reforms is possible only on the basis of working-out and paperwork of restructuring process management integral concept. The article contains the main functions of concept of restructuring and role of basic elements of concept of restructuring in carrying out complex process of corporate activity reforms.

Keywords: restructuring, organizational reforms, organizational concept, strategic concept, controlling concept, reforms management process.

Чичкина Вера Дмитриевна,
 Филиал ФГБОУ ВПО Самарский государственный
 технический университет в г. Сызрань,
 кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
 E-mail: vd_@mail.ru

Тойменцева Ирина Анатольевна,
 ФГБОУ ВПО «Самарский государственный
 экономический университет», г. Самара,
 доктор экономических наук, доцент кафедры маркетинга и логистики
 E-mail: tia67@rambler.ru

Концептуальный подход к управлению реструктуризацией предприятия

Аннотация: Дальнейшая конкурентоспособность и требование современности заключается в том, что предприятие должно находиться в состоянии постоянного реагирования на изменения внешней среды. Наиболее эффективным способом адаптации деятельности предприятия к изменениям внешней и внутренней среды является реструктуризация. Это комплексный процесс преобразований деятельности предприятия, успешное проведение которых возможно только на основе разработки и документального оформления целостной концепции управления процессом реструктуризации. В статье рассмотрены основные функции концепции реструктуризации, а также роль основных элементов концепции реструктуризации в проведении комплексного процесса преобразований деятельности предприятия.

Ключевые слова: реструктуризация, организационные преобразования, организационная концепция, стратегическая концепция, контрольная концепция, процесс управления преобразованиями.

Социально-экономическое развитие предприятий требует проведения изменений в организации и управлении производственными процессами. Необходимость организационных преобразований актуализируется еще и тем, что единое экономическое пространство, возникающее в результате глобализации, изменяет не только масштабы конкуренции предприятий, но и ее условия: качество товаров и услуг, уровень производственных издержек, производительность труда, время подготовки производства. В результате приходится трансформировать бизнес, адаптируя его к возникающим новым, глобальным условиям, формируя новые конкурентные преимущества на основе таких свойств, как гибкость и мобильность организации. В большей степени подвержены такому воздействию крупные производственные компании, в которых неопределенность внешней среды и множественность элементов структуры предприятия в силу масштаба деятельности имеют свою неопределенность. «Свое проявление фактор неопределенности находит в изменении продолжительности и уровня действия стратегии в зависимости от прогноза развития, обстановки на тот или иной период времени, от экономической и политической обстановки, колебаний спроса и предложения на тот или иной вид услуги, объема предоставляемых услуг

тем или иным субъектом, рентабельности предприятий, противодействия конкурентов, межличностных отношений» [7, 262].

О. Виханский отмечает, что управление организацией, которое опирается на человеческий потенциал как основу организации, ориентирует производственную деятельность на запросы потребителей, гибко реагирует и производит своевременные изменения в организации, отвечающие вызову со стороны окружения и позволяющие добиваться конкурентных преимуществ, что в совокупности дает возможность организации выживать в долгосрочной перспективе, достигая при этом своих целей [1, 32].

Дальнейшая конкурентоспособность и существование компаний невозможны без пересмотра принципов функционирования, способов действий и подходов — необходимо осуществлять определенные преобразования, в соответствии с новыми условиями и задачами [4, 349].

Однако для обоснования направления реорганизации требуется выбор методов реструктуризации и принципов управления изменениями в структуре управления.

Анализ факторов, являющихся существенными причинами реструктуризации, даёт возможность провести следующую их классификацию:

- отсутствие четкой стратегии деятельности предприятия;
- неэффективность существующих бизнес-процессов;
- отсутствие ориентации на перспективу;
- ухудшение рыночной конъюнктуры, возникновение проблем с ликвидностью;
- интеграция хозяйствующих субъектов;
- дифференциация выпускаемой продукции или услуг;
- изменения во внешней экономической политике.

Использование приведённых факторов управления позволяет сгруппировать их на интенсивные и экстенсивные процессы. Под экстенсивными понимают простое приращение фактора (дополнительные производственные и управленческие мощности); под интенсивными — изменение и перегруппировка факторов, в результате которых инициируется рост.

Природа экономического роста характеризуется макроэкономическими закономерностями и достигает своего оптимума при достижении синергетического эффекта. Важным фактором при этом является сбалансированное развитие всех элементов производственной и организационной структуры экономического объекта. Таким образом, процесс управления изменениями представляет собой развитие стратегических факторов выявления и обеспечения сбалансированного роста элементов производственной системы. Отдельные дискретные изменения факторов роста элементов структуры обозначают как организационные изменения, представляющие плановые и спонтанные изменения в подсистемах организации, перестраивающие всю систему с целью повышения эффективности деятельности.

Сам же процесс управления экономическим развитием организации можно представить через целенаправленные преобразования экстенсивного и интенсивного характера, системное использование которых даёт синергетический эффект. С учётом различной направленности действия факторов, изменений в работе уточняется их дефиниция. Реструктуризация — комплексный процесс преобразования деятельности предприятия, направленный на формирование и поддержание его конкурентных преимуществ во всех сферах [5, 80]. Необходимость преобразований в деятельности предприятий может быть вызвана внешними факторами, складывающимися из макроэкономических условий, в которых функционирует предприятие и факторов, которые являются

следствием деятельности предприятия. К ним относятся различные элементы внутренней среды, которые подразделяются по функциональным областям деятельности: производство, финансы, маркетинг, управление.

Эффективное проведение преобразований возможно только на основе разработки и документального оформления целостной концепции реструктуризации, которая призвана ответить на следующие вопросы: какие приемы и методы могут быть использованы для оценки результатов реструктуризации, каков механизм обратной связи «планирование — реализация — контроль».

Важность разработки концепции реструктуризации предприятия проявляются в ее функциях:

- организационная концепция обеспечивает системный подход к проведению реструктуризации и взаимодействие функциональных подразделений предприятия для достижения поставленной цели;
- стратегическая концепция является инструментом стратегического планирования, так как содержит стратегию и цели реструктуризации, обеспечивая перспективное видение бизнеса;
- стимулирующая способствует повышению заинтересованности собственников и трудового коллектива предприятия в проведении реструктуризации, стимулируют вовлеченность и творческий подход работников, элиминирует сопротивление изменениям со стороны работников;
- контрольная концепция содержит четкие ориентиры деятельности и методы оценки их достижения, поэтому способствует максимально эффективному проведению реструктуризации.

Рассмотрим основные составные элементы концепции реструктуризации предприятия. Объектом реструктуризации на микроуровне являются отдельное предприятие, а также различные функциональные подсистемы его деятельности (подразделения, центры ответственности). В связи с этим можно выделить следующие виды реструктуризации: производственная, технологическая, инновационная, управленческая, финансовая, маркетинговая, организационная, структурная, информационная. Любое предприятие как объект реструктуризации представляет собой социотехническую систему, состоящую из ряда компонентов, определенным образом связанных

между собой и с внешней средой, поэтому ему присущи следующие черты: определенный набор ресурсов «на входе» (материальных, трудовых, информационных, финансовых и результатов «на выходе» (продукция, услуги, работы); наличие подсистемы распределения ресурсов и подсистемы управления; люди как важнейший элемент любой социальной системы; открытость системы по отношению к внешней среде.

Следовательно, субъектами реструктуризации выступают члены трудового коллектива (менеджеры различных уровней, руководители подразделений, сотрудники) и собственники предприятия. Всех субъектов объединяет наличие определенного набора полномочий и ответственность за принимаемые решения.

Процесс управления изменениями – это комплекс механизмов, выполняющих следующие функции:

- распределение ресурсов соответственно направлению развития;
- адаптация к внешней среде (как механизм приспособления к общим тенденциям развития экономики);
- внутренняя координация (как механизм синхронизации достижения целей организации).

По мнению М. Коленсо, «цель организационных перемен состоит в лучшем осуществлении организационной стратегии» [2, 8].

Анализ подходов к процессам управления изменениями показывает множественность моделей управления организационными преобразованиями. Значительный вклад в развитие теории управления изменениями внесла концепция, ориентированная на децентрализацию структуры. Увеличение степени концентрации функций управления, снижение управляемости при существенном усложнении производственной структуры предприятий, особенно крупных производственных комплексов, приводит к необходимости децентрализации управления. Именно эта концепция становится доминирующей в крупных производственных комплексах, эффективность управления которых снижалась при добавлении новых производственных подсистем. «Каждое предприятие, использующее стратегическое управление и стратегическое планирование, имеет свои подходы к выбору стратегии» [6, 214].

Децентрализация четко предопределяется соответствующими производственными условиями, но мера равновесия функций и полномочий зависит исключительно от конкретных процессов и соотношения затрат и выгод.

На базе данной концепции возникло множество прикладных управленческих концепций:

- концепция внутренних рынков корпораций;
- концепция интрапренерства (внутреннего предпринимательства);
- концепция развития сетевых организаций;
- концепция процессно-ориентированного управления.

Анализ концепций развития приводит к необходимости определения собственной организационной структуры, наиболее эффективно отвечающей целям и задачам экономических систем на разных уровнях развития рыночных отношений.

Исследование существующего опыта реорганизации позволяет сформулировать обобщенный алгоритм реструктуризационных преобразований:

- сформулировать цели и задачи и направления реструктуризации;
- определить круг исполнителей и ответственных лиц за проведение отдельных блоков реструктуризации, их права и обязанности;
- разработать методологию реструктуризации в соответствии с поставленными целями и потребностями в разнообразных ресурсах и выбрать методы анализа и оценки эффективности намеченных мероприятий.

Решение поставленных задач должно привести к интенсификации производственной деятельности, повышению конкурентоспособности, рыночной стоимости и инвестиционной привлекательности, эффективности и прибыльности предприятия.

Устойчивое развитие предприятия — это процесс постоянных изменений, при которых использование ресурсов, направление инвестиций, научно-техническое развитие, внедрение инноваций, совершенствование персонала и институциональные изменения согласованы друг с другом и направлены на повышение настоящего и будущего потенциала предприятия и достижение стратегических целей [3, 67].

Важным условием успешного проведения преобразований является также создание информационной системы на предприятии в контуре обратной связи «планирование — реализация — контроль». Эта система призвана обеспечить своевременное получение максимально полной информации о текущем положении на предприятии, состоянии внешней и внутренней среды его функционирования с тем, чтобы адекватно реагировать на возникающие изменения и вносить необходимые коррективы в деятельность.

Список литературы:

1. Виханский О. С. Стратегическое управление. – М.: Экономист, – 2005. – 296 с.
2. Коленсо М. Стратегии кайзен для успешных организационных перемен: Пер. с англ. – М., ИНФРА-М. – 2002. – 175 с.
3. Акимова Т. А. Мосейкин Ю. Н. Экономика устойчивого развития: учебное пособие. – М., Экономика, – 2009. – 430 с.
4. Чичкина В. Д. Роль организационных преобразований в повышении конкурентоспособности предприятия. Вестник Инжэкона Серия «Экономика», – вып. 1 (60) – 2013 – с. 349–352.
5. Чичкина В. Д. Реструктуризация в стратегии управления развитием предприятия. Российское предпринимательство. Всероссийский научно-практический журнал по экономике № 5 (2).г. – Москва – с. 80–83.
6. Тойменцева И. А. Стратегическое управление предприятием в условиях неопределенности с применением экономико-математических методов моделирования // Проблемы современной науки: Сборник научных трудов: выпуск 5. Часть 2. – Ставрополь: Логос, – 2012 г. – с. 210–218.
7. Тойменцева И. А., Сосунова Л. А. Экономико-математические методы выбора оптимальной стратегии управления предприятиями сферы услуг. Экономические науки. – 2011. – № 4 (77). – с. 259–264.

Section 14. Science of law

Секция 14. Юриспруденция

*Borisov Andrey Marksovich,
Kursk State University, Associate Professor of the Chair
of the Constitutional and Administrative Law
E-mail: andrei_borisov@mail.ru*

Object of law as topic for legal studies

Abstract: Jurisprudence as a scholar discipline offers a few perspectives on the category of the object of law. The article argues for the recognition of only the object of legal regulation and the object of legal relations and within the latter — the object of legal means of influence.

Keywords: The subject of law, the object of legal regulation, object of legal relations, law, legal relations.

*Борисов Андрей Марксович,
Курский государственный университет,
доцент кафедры конституционного и административного права
E-mail: andrei_borisov@mail.ru*

«Объект» в праве — проблема юридической науки

Аннотация: Юриспруденция как наука представляет различные взгляды на категорию «объект» в праве. В статье обосновывается мнение о возможности признания только объекта правового регулирования и объекта правоотношения, а в рамках последнего — объекта правового воздействия.

Ключевые слова: субъект права, объект правового регулирования, объект правоотношения, право, правоотношение.

Теория права содержит много нерешённых проблем, которые, «пересекаясь» с проблемами правовой герменевтики, образуют терминологические коконы, опутывающие и скрывающие юридическую истину, препятствующие углублённому изучению правового материала, уточнению направлений научно-юридической рационализации, а также надолго лишаящие нас понимания сущностных значений юридических терминов.

Герменевтика, как философская теория истолкования, применяемая для выявления смысла текста, исходя из его объективных (значения слов и их исторически обусловленные вариации) и субъективных (намерение авторов) оснований [1] позволяет преодолеть конфликтность многочисленных интерпретаций смыслов юридических терминов. Однако это возможно лишь при условии избрания в качестве основных критериев объективных оснований, которые может предложить только наука. Произвольность интерпретаций —

характеристика тупикового развития юриспруденции, которая, как и любая другая наука, должна основываться на языкознании. Служитель науки посредством этимологического анализа обязан проникать в смыслы первичных форм и значений слов.

Одна из дискутируемых проблем — объект в праве. Критически оценивая существующие трактовки, мы полагаем необходимым выработать единое понимание объекта в праве, которое обусловлено поведением субъекта права, образующим материально-правовое содержание правоотношения.

Правоведами представлены различные взгляды на категорию «объект» в праве, а ассимиляция юридических смыслов привела к распространению алогичных правовых терминов, включающих слово «объект», и, как мы полагаем, приводящих к неверному пониманию сущности правоотношения.

Давно Р. О. Халфиной выражен тезис о несостоятельности попыток «вымучивать» проблему

объекта в отдельных отраслях права [2, 215]. Однако до настоящего времени авторы соответствующих терминологических конструкций «грешат» избыточным творчеством, представляя собственные трактовки. Например, А. А. Тедеев и В. А. Парыгина предлагают считать объектом налогового права «аналитическое исследование общественных отношений в сфере налогообложения» [3, 34], сходя с правовой плоскости обсуждения на уровень социологического осмысления проблемы. Подобный опыт подпадает под смысл тезиса Р. О. Халфиной, но в контексте нерешённой теоретико-правовой задачи лишь актуализирует проблему объекта в праве и приводит к сомнениям относительно теоретико-познавательной и диалектической ценности выше-приведенного тезиса.

Многолетняя неопределённость во взглядах, незавершённость диспутируемой проблемы объекта в праве позволяет продолжить её обсуждение.

Несколько десятилетий используются термины «объект права», «объект воздействия объективного права», «объект нормы права» («объект воздействия» или «объект регулирования правовой нормы»), «объект правового регулирования», «объект правоотношения», «объект субъективного права», «объект прав и обязанностей» [4].

В представленной терминологической подборке такие категории как «объект воздействия объективного права», «объект регулирования правовой нормы», «объект субъективного права», «объект прав и обязанностей» нам представляются некорректными потому, что воздействие всегда оказывает субъект, а право (норма права), создаваемое и используемое человеком с определённой правовой целью, является всего лишь правовым средством.

Правовая норма не регулирует общественные отношения. Обращаясь к смыслу слова «регулирование» можно установить, что эта функция (регулирование) исполняется управомоченным субъектом на этапе нормативно регламентированного правотворчества при создании нового правила (установления новой нормы) или совершенствования прежней нормы для целей урегулирования общественных отношений. В этом случае норма права — результат правотворчества, приобретающий социальное значение правового регулятора и имеющий специально-юридическое значение для своих адресатов, а также форма юридизации явлений окружающего человека мира, в том числе и самого человека, общественных отношений и их результатов, а также форма

выражения идеальной модели правоотношения. Выражаясь предельно обобщённо, можно сказать, что с помощью правовой нормы устанавливается юридическое значение естественных и искусственных объектов материального мира, а также общественных отношений, в том числе актов поведения людей и их результатов, правовой статус субъектов правоотношений и порядок их действий в конкретных правоотношениях.

Следующий этап реализации права связан с конкретным правоотношением, но тогда речь идёт не о регулировании, а об урегулировании конкретных общественных отношений с помощью ресурса права, правовых норм.

Здесь имеются в виду такие формы реализации правовой нормы (права) как правоприменение (активное поведение), когда мы говорим о субъекте власти, и правоиспользование (активное поведение) — когда речь идёт о субъекте, не имеющем властных полномочий, но реализующим свои субъективные права и обязанности, например при заключении договора.

Исполнение и соблюдение предполагают пассивное поведение субъекта. Однако связь с активным волепроявлением обнаруживается, например, в случае исполнения, если речь идёт о правоприменительной форме исполнения, имманентной управомоченному лицу (другая форма — непосредственная). В самом общем смысле исполнение (предписаний) и соблюдение (запретов) могут восприниматься как использование права с определёнными целями (выполнения определённой социальной функции — исполнение, защиты здоровья — соблюдение).

В случае правоприменения происходит урегулирование правовых ситуаций (отношений) посредством применения нормы (урегулирование на основе и в соответствии с нормой права) в рамках управленческой деятельности. При правоиспользовании урегулирование осуществляется на началах равносубъектного положения участников правоотношения вне зависимости от характера общего (основного) правоотношения (управленческое или договорное). В обоих случаях норма права — правовой инструмент для достижения определённого юридического результата, которым окажется, в самом общем виде, новый статус одного из участников правоотношения (удовлетворённые интерес, запрос, притязание или претензия) или сохранённый статус (интерес) другой стороны. Поэтому рассматривая норму как средство правового регулирования мы

не имеем оснований говорить о её объекте, относимом к атрибутике исключительно живой материи.

Субъективное право и субъективная обязанность, представляя собой идеальные абстракции, нереализованные возможности, вероятностные правовые категории также не могут иметь объект. То же самое можно сказать об объекте прав и обязанностей.

Объект обнаруживается лишь при реализации участником правоотношения личного субъективного права (обязанности) посредством совершения конкретных действий, связанных с исполнением, соблюдением, использованием или применением правовых норм, посредством которых лицо наделяется субъективным правом (например, правом притязать на что-либо) как материально-правовой возможностью иметь желаемое и как процессуально-правовой возможностью достичь своей цели. Иными словами объект можно выделить лишь в деятельности субъектов права, состоящей из определённой последовательности актов их волевого поведения. В этом аспекте можно говорить только об объекте правового регулирования (конституционно-правового, административно-правового, гражданско-правового и т. д.) или объекте правоотношения, на что и обращала внимание Р. О. Халфина [2, 211].

Констатируя наличие проблемы по вопросу об объекте правового регулирования, который, зачастую представляется одновременно и как объект права, и как предмет правового регулирования, отметим сохраняющуюся теоретическую неопределённость его известного содержания.

Под объектом правового регулирования понимаются общественные отношения или акты волевого поведения людей [5, 394] как условно материальная основа надстроечного правового отношения.

Смысловая идентичность, которая придана С. С. Алексеевым общественным отношениям и актам волевого поведения (союз «или») проявляет убеждение учёного в том, что именно фактическое поведение лица можно рассматривать в качестве содержания общественного отношения.

Это обстоятельство представляется важным для последующего рассмотрения вопроса о содержании правоотношения, при котором, как мы полагаем, следует логически спроецировать на правоотношение исходную материалистическую установку на признание волевого поведения содержательным элементом общественного отношения и прийти к заключению о соответствующем значении правового акта поведения (волевой акт поведения, предусмотренный

правом). Однако мы не видим тождества между общественными отношениями и актами волевого поведения для того, чтобы рассматривать эти категории в качестве равнозначимых для целей их отнесения к объектам правового регулирования.

Свойства объекта скорее обнаруживаются у категории, обуславливающей поведенческий акт (индивидуальное, коллективное или общественное правосознание), ибо правовое регулирование направлено на обеспечение сознательно-правомерного поведения лица или определённого круга лиц по поводу чего-либо как ожидаемого результата и цели индивидуального или публичного значения, на моделирование общественных отношений, на нормативно заданное практическое проявление правосознания.

Право, рождённое сознанием человека, им же и используется для воздействия на своё сознание, сознание современников и последующих поколений, которое наполняясь правовым знанием приобретает форму правосознания.

Исследуя феномен правосознания, В. Н. Гуляихин говорит о нормальном правосознании и выделяет сектора нормального правосознания, подчёркивая, что последнее является «следствием «нормального» существования человека в определённых социально-правовых условиях [6].

Заметим, что собственно правовые условия образуют мощный фактор влияния на индивидуальное и общественное сознание, общественную жизнь и развитие общества.

Конкретные общественные отношения, материальным содержанием которых являются акты волевого поведения, связанные с чем-либо, при таком подходе приобретают свойства предмета правового регулирования, что находит своё конкретное, но не всегда корректное выражение в законодательных актах, определяющих предмет регулирования.

Если же выделять общий и непосредственный объект правового регулирования в виде, соответственно, общественных отношений и действий (деятельности) их участников, то, во-первых, очевидна их несоотносимость в качестве однопорядковых категорий (общий и непосредственный объекты), какими они представлены в некоторых изданиях [7, 102], поскольку общественное отношение и его материальное содержание [5, 343, 355] соотносятся как целое и содержательная часть этого целого. В связи с этим, полагаем, что непосредственный объект может отождествляться лишь с фрагментом общего объекта, а потому ему следовало бы в рамках

рассматриваемого подхода придать исключительно значение правоотношения, но не деяния. Например, общее правоотношение военной службы включает в себя ряд правоотношений, составляющих первое — отношения по поводу военной тайны, субординационные отношения, дисциплинарные отношения и др. Во-вторых, с позиций предлагаемого концепта объекта и предмета правового регулирования в данном решении состоялось «замещение» объекта предметом.

Обоснована позиция выделения объекта правоотношения и по этому поводу заметим, что в его определениях недостаёт целевой конкретизации правоотношения. Анализируя юридическую и материальную составляющие правоотношения, мы должны заметить, что первая — есть модель правомерного или противоправного поведения участников того или иного правоотношения, юридическая форма правоотношения, складывающаяся из материальной и процессуальной нормативных частей. Вторая — собственно фактическое правовое поведение, на что обращают внимание правоведы.

Представление о материально-правовой стороне правоотношения может быть дополнено элементом, характеризующим целевые установки сторон правоотношения. Речь идёт о реализованном

субъективном праве (обязанности) или защищённом субъективном или публичном праве, охватываемым понятием объект правоотношения, поскольку правоотношение всегда связано с реализацией или защитой субъективного или публичного права. Заметим, что такой двойной состав согласуется с представленной С. С. Алексеевым концепцией пассивного и активного типов правоотношения, когда для первого имманентна реализация права, а для второго — защита [5, 395–397].

Анализируя используемые термины «объект права», «объект воздействия объективного права», «объект нормы права», «объект воздействия правовой нормы», «объект регулирования правовой нормы», «объект субъективного права», «объект прав и обязанностей», «объект правового регулирования», «объект правоотношения», мы приходим к выводу о том, что единая позиция правоведов должна быть основана на признании только объекта правового регулирования, повторимся, конституционно-правового, административно-правового, гражданско-правового и т. д., или объекта правоотношения, включающего объект правового воздействия. Иные трактовки объекта в правоведении затрудняют сведение научно познанных фрагментов юридической истины в единую стройную композицию права.

Список литературы:

1. Энциклопедия культурологии. Словари и энциклопедии на Академике/В. С. Малахов. Культурология XX век. Энциклопедия. – М. – 1996; Большой толковый словарь по культурологии. Кононенко Б. И. – 2003. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/297/ГЕРМЕНЕВТИКА (дата обращения – 20.09.2013 г.).
2. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юр. лит. – 1974. – 340 с.
3. Тедеев А. А., Парыгина В. А. Налоговое право: Учебник/А. А. Тедеев, В. А. Парыгина. – М.: Изд-во Эксмо, – 2004. – 864 с. – (Российское юридическое образование).
4. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. – Ленинград: Изд-во Ленинградского Ун-та. – 1959. – 88 с. URL: <http://exjure.ru/law/news.php?newsid=607> (дата обращения – 20.06.2013 г.).
5. Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, – 2008. – 576 с.
6. Гуляихин В. Н. Структурно-функциональные особенности различных состояний правосознания человека//NB: Вопросы права и политики. – 2012. – № 2. – с. 90–116. – DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.153. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_153.html (дата обращения – 20.06.2013 г.).
7. Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права: Учебное пособие для вузов/Под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. – Право и закон, – М.: КолосС, – 2003. – 544 с.

*Veretennikov Ivan Nikolaevich,
Pacific state University, lecturer criminal-legal disciplines
E-mail: veretnn@mail.ru*

The grounds and procedure limits the constitutional rights of citizens rassledovanie military crimes investigation authorities of Russia

Abstract: the article describes the legal basis for restricting the constitutional rights of citizens during the investigation of the crimes of the military investigative agencies. The author comes to the conclusion that the norms of modern legislation authorizing the invasion of law enforcement agencies in the private lives of citizens, meet both the Constitution and international law.

Keywords: privacy, human rights, protection of the rights, the interests of society, limitation of rights, the judiciary, proof.

*Веретенников Иван Николаевич,
Тихоокеанский государственный университет,
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
E-mail: veretnn@mail.ru*

Основания и порядок ограничения конституционных прав граждан при расследовании преступлений военными следственными органами России

Аннотация: в статье раскрываются правовые основания и порядок ограничения конституционных прав граждан при расследовании преступлений военными следственными органами. Автор приходит к выводу, что нормы современного законодательства, санкционирующие вторжение правоохранительных органов в частную жизнь граждан, соответствуют как Конституции РФ, так и положениям международного права.

Ключевые слова: частная жизнь, права человека, защита прав, интересы общества, ограничение прав, судебная власть.

Правоприменительная практика военных следственных органов свидетельствует о том, что расследование преступлений, совершенных в условиях неочевидности, могут быть успешными при условии использования специальных средств и методов (негласных), затрагивающих, в том числе, наиболее существенные права человека — права на неприкосновенность частной жизни.

Статья 23 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину неприкосновенность частной жизни, в том числе тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Понятие «частная жизнь» определяется Г. Б. Романовским как «нематериальное благо, принадлежащее каждому гражданину от рождения, которое сознательно им сохраняется в тайне и подлежит безусловной защите в демократическом государстве ...» [1, 80].

Схожую точку зрения высказывает и И. А. Петрухин, полагая, что под частной жизнью следует понимать «сферу семейной жизни, родственных и дружеских связей, домашнего уклада и других личных

отношений, привязанностей, образ мыслей, увлечения и творчество» [2, 11].

Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ) говоря о защите прав на частную жизнь в Постановлении от 24 июня 2004 г. по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии» констатировал, что концепция частной жизни включает в себя физическую и психологическую неприкосновенность, которая в первую очередь направлена на обеспечение развития личности каждого человека в его отношениях с другими людьми [3].

В то же время следует признать, что объявление частной жизни (прав и свобод человека) высшей ценностью не означает отказа от признания ценности интересов государства и общества в целом. В этой связи В. В. Субачев обосновано замечает, что интерес государства заключается в наиболее рациональном сочетании интересов личности и их соотношения с интересами общества, которое далеко не всегда бывает однозначным и непротиворечивым [4, 24]. Более категорично по этому вопросу высказывается

А. А. Подмарев, который считает, что интересы общества требуют от государства принятия ограничительных мер в отношении интересов отдельных его членов затрагивающих интересы общества [5, 123–124].

Немаловажным остается вопрос, в каких рамках публичная власть вправе вторгаться в сферу личной жизни человека. На этот вопрос в некоторой степени дал ответ Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П. В частности Суд пришел к выводу, что публичные интересы могут оправдать правовые ограничения прав и свобод индивидуума, только в тех случаях, когда такие ограничения отвечают требованиям: во-первых, справедливости; во-вторых, являются адекватными; в-третьих, пропорциональными; в-четвертых, соразмерными и в-пятых, необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц [6].

Указанное Постановление не противоречит нормам международного права. Так, в соответствии с частью 2 статьи 8 Конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод», допускается со стороны публичных властей вмешательство в личную жизнь и корреспонденцию человека, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка [7].

Порядок, условия и основания вторжения в частную жизнь человека представителями публичной власти законодательно закреплено как в материальном (ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее закон об ОРД)), так и в процессуальном законодательстве (Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ)). Закон об ОРД в качестве основных положений в деятельности оперативных служб указывает ряд принципов:

- конституционных — законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина;
- специальных — конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств [8].

Соответствие закона об ОРД как в целом, так и отдельных его положений Конституции РФ были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В частности, в Определении от 14 июля 1998 г. № 86-О Суд указал, что Конституция РФ и изданный на основе ее положений закон об ОРД предусматривает, что оперативно — розыскная деятельность (далее ОРД) невозможна без значительной степени секретности. Прежде всего это касается сведений

о лицах, участвующих в ней или способствующих ей. Осуществление негласных оперативно — розыскных мероприятий (далее ОРМ) с соблюдением требований конспирации и засекречивание сведений в области ОРД само по себе не нарушает прав человека и гражданина [9].

При этом вопросы ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища рассматриваются только судом по мотивированному ходатайству одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД. Перечень таких руководителей устанавливается ведомственными нормативными актами. Ходатайства рассматриваются вне рамок судебного заседания и в отсутствие сторон.

Подобная правовая регламентация проведения ОРМ в рамках указанного закона вызывает полемику в научной среде. По мнению профессора А. А. Сумина ограничения по обжалованию постановления суда о проведении ОРМ не должны распространяться на возможность процессуальной проверки вышестоящими судебными инстанциями, в том числе и по представлению прокурора [10, 22–26]. Но это спорная позиция, поскольку, во-первых, отсутствует механизм обжалования постановлений об ОРМ и, во-вторых, решение судья принимает в отсутствие сторон, что само по себе исключает возможность обжалования судебного акта.

В отличие от материального закона, УПК РФ в качестве субъекта обращения для получения разрешения на производство следственного действия, ограничивающего права граждан, допускает следователя при условии, что ходатайство санкционировано руководителем военного следственного органа. Рассмотрение ходатайства производится уже в рамках судебной процедуры с участием прокурора, следователя или дознавателя [11].

Кроме того, анализ правовых норм закона об ОРД и УПК РФ, регулирующих основания и порядок ограничения конституционных прав граждан, позволяет сделать следующие выводы:

– во-первых, правила рассмотрения вопросов ограничения конституционных прав граждан через судебное решение (контроль), является дополнительной гарантией соблюдения прав человека и гражданина на неприкосновенность его частной и личной жизни, семейной тайны, неприкосновенности жилища и корреспонденции;

– во-вторых, данные полученные в результате ОРМ с санкции судебной власти имеют большую доказательную силу при расследовании и рассмотрении уголовного дела по сравнению с ОРМ, полученными вне рамок судебных процедур;

– в-третьих, как в законе об ОРД, так и в УПК РФ перечень ОРМ ограничивающих конституционные права граждан является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Он может быть изменен или дополнен только федеральным законом. Соответственно разновидность ОРМ, не включенного в соответствующий перечень, какой-либо доказательной силы не имеет и является ничтожным;

– в-четвертых, рассмотрение ходатайства о проведении ОРМ в отношении граждан в рамках закона об ОРД обусловлена в ряде случаев только лишь сведениями о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а также о событиях или действиях (бездействиях), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности России. В рамках УПК РФ ОРМ проводятся только при наличии возбужденного уголовного дела;

– в-пятых, нормы указанных законов, ограничивающих процессуальную самостоятельность следователя военных следственных органов: в первом случае в качестве субъекта ходатайства перед судом выступает не следователь, а должностное лицо органа осуществляющего ОРД, во втором, с ходатайством следователь может выйти только с разрешения руководителя структурного военного следственного подразделения.

Более подробно механизм реализации положений закона об ОРД и УПК РФ, ограничивающих конституционные права граждан, изложен в подзаконном акте — «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [12], утвержденной, в том числе, Председателем Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкиным.

К существенным недостаткам Инструкции следует отнести обилие общих правовых предписаний и их дублирование с законом об ОРД.

Также следует отметить, что вышеперечисленные нормативно-правовые акты не в полной мере способствуют повышению эффективности работы военных следственных органов.

Статья 13 закона об ОРД определяет исчерпывающий перечень органов, осуществляющих ОРД. Отдельных структурных подразделений, обеспечивающих проведение специальных негласных мероприятий в интересах военного следствия, закон не содержит. Оперативные подразделения МВД, ФСБ, ФСИН и др. в первую очередь выполняют задачи в интересах своих ведомств и во вторую в интересах других. Военные следственные органы в такой ситуации являются «пасынками». Была надежда, что функцией по осуществлению ОРД в интересах военных следственных органов наделают оперативные подразделения военной полиции, но эти надежды не оправдались. В соответствии с Федеральным законом от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации» [13], на военную полицию возложены задачи по защите жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих и иных лиц, обеспечения законности, правопорядка, воинской дисциплины и защиты других охраняемых законом правоотношений в области обороны, но никак не решение вопросов ОРД.

Представляется, что полномочия органов военной полиции по исследуемому вопросу могут найти свое отражение в проекте Федерального закона «О военной полиции в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Указанные изменения позволят на более качественном уровне и с большей эффективностью решать задачи по расследованию преступлений в Вооруженных Силах и как следствие этого приведет к повышению правопорядка и дисциплины в воинских частях и подразделениях.

Список литературы:

1. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. – М., – 2001. – 312 с.
2. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). – М., – 1998. – 232 с.
3. Постановление на английском языке получено с сервера Европейского суда по правам человека – <http://www.echr.coe.int>
4. Субочев В. В. Законные интересы/под ред. А. В. Малько. – М.: НОРМА, – 2008. – 496 с.
5. Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. канд. юрид. наук. – Саратов, – 2001.

6. СЗ РФ. 03.11.2003. № 44. Ст. 4358.
7. СЗ РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.
8. СЗ РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.
9. СЗ РФ. 24.08.1998. № 34. Ст. 4368.
10. Сумин А.А. Судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела: проблемы теории и практики // Адвокат. – 2012. – № 12.
11. СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
12. Российская газета. – № 282. – 13.12.2013.
13. СЗ РФ. 10.02.2014. № 6. Ст. 558.

*Zheleznyak Anton Vadimovich,
student of Orenburg Institute (branch)
of the University name O. E. Kutafin (MSLA)
E-mail: magellan975@mail.ru*

Corporal punishment and tortures in the history of the state and law of Russia until 1864

Abstract: This paper discusses historical development of the phenomenon of corporal punishment and tortures in Russia until 1864. Author analyzes different versions of penetration of tortures to Russ, their development and implementation in the system of social relations and period before the abolition of corporal punishment.

Keywords: corporal punishment, tortures, system of punishment, criminal law.

*Железняк Антон Вадимович,
студент Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: magellan975@mail.ru*

Телесные наказания и пытки в истории государства и права России до 1864 года

Аннотация: В данной статье рассматривается историческое развития феномена телесных наказаний и пыток в России до 1864 года. Автор анализирует различные версии проникновения пыток на Русь, их развитие и закрепление в системе общественных отношений, а также период перед отменой телесных наказаний.

Ключевые слова: телесные наказания, пытки, система наказаний, уголовное право.

«Всякое насилие спутывает и стирает у предметов те мельчайшие различия, по которым иногда можно отделить правду от лжи» [1, 269].

Пытки и насилие сопровождали общемировую и российскую историю постоянно. Не было такого этапа развития общества, в котором бы наступал полный штиль и нечеловеческие формы наказаний и собирания доказательств **не применялись бы**.

Пытки на Руси были всегда. Различия можно было лишь провести в количестве и жестокости применения. На появление пыток существует две точки зрения. Первая позиция, которой придерживались Н. М. Карамзин, М. А. Максимович, состоит в том, что пытки пришли на Русь из азиатских стран, а точнее:

после татаро-монгольского нашествия. Тому есть масса доказательств. Например, в Русской правде нет официально закреплённых телесных наказаний, а высшей мерой признаётся «поток и разграбление» [2, 10].

Тем не менее, некоторые учёные придерживаются другой позиции. М. Ф. Владимирский-Буданов и В. И. Сергеевич доказывают присутствие пыток еще до азиатской экспансии. В защиту данной позиции находится множество доказательств. Например, **Судебник Казимира 1368 года закрепляет: «Парубок за первую татьбу приговаривается к побоям»**, а также Русская Правда не запрещает применять рукоприкладство по отношению к холопам и закупам: **«Аще-ли господин бьёт закупа за дело, то без вины**

есть» [2, 18]. Из выше приведенных фактов можно сделать вывод, что сыновья Ярослава установили телесные наказания на Руси.

В X–XIII вв. было заложен прочный фундамент для дальнейшего развития и становления законного насилия, пыток и прочих инквизиционных орудий в руках государства. Расширение юрисдикции Церкви, рецепция византийского права (Номоканона), закрепощение крестьянства, усиление власти крупных феодалов и начало татаро-монгольского ига в XIII веке стали основными катализаторами их дальнейшего развития.

В XIII–XIV веках произошло закрепление насилия в сознании людей. Те наказания, пытки и методы правосудия, которые были до него исключением, всё прочнее входили в нормальное положение вещей. Не только сам процесс суда становился более жестоким, но и **общий фон становился карательным**. Установившиеся иго привело к многочисленным карательным набегам, к прохождению унижительной процедуры получения ярлыка на великое княжение, а также к ужесточению сбора налогов. Элементы **восточной деспотии** прочно вошли в сознания правящих элит и угнетаемого народа. Лишь внутренние брожения в стане врага и подвиг народа помог стряхнуть, наконец-то, в 1480 году Иго. Русь перешла из периода феодальной раздробленности к сословно-представительной монархии, но в ней уже присутствовали элементы абсолютизма, которые играли ключевую роль в дальнейшем закрепощении крестьян и ужесточение инквизиционного процесса.

Судебник 1497 года официально закрепляет телесные наказания, смертную казнь и пытки. Например: «А на кого тать возмолвит, ино того попытаи...» [2, 35]. **Губная Белозерская грамота** закрепляла инквизиционный процесс сыска лихих людей, а также собственное признание под пыткой стало источником обвинения [3, 214–216]. Более поздний **Медынский Губной Наказ** уже обязывает к применению пытки. Так в статье 2 закреплено то, что «... а как их перед старостами поставят, — и старосты тех людей по обыску в розбоях пытать» [4].

Так с каждым годом вплоть до Соборного Уложения 1649 года **совершенствовались и крепили традиции пыток и телесных наказаний**. И хотя преобладающим видом наказания в период становления и укрепления Московского Государства были денежно-имущественные санкции [9, 479], еще до Соборного Уложения объем насилия был крайне велик. Появился обычай наказаний за «слова и дела Государевы» — теперь сакральная личность царя стала абсолютно недосыгаемой для простого человека. В русских людях

стала вырабатываться привычка к доносам, потому что каждый, кто услышит «слово и дело» обязан был донести, иначе сам подвергнется наказанию. Лишь в Соборном Уложении обычай получил узаконение. Кнут был назначен также и за ложный донос.

В XVIII веке карательная система достигла своего пика и медленно, но верно начала смягчаться. Эпоха правления Петра I характеризовалась расцветом телесных наказаний, но вторая половина XVIII века отличается смягчение телесных наказаний, так в деле «О засечении насмерть Каловским дворовой В.» можно проследить тенденцию к замене ссылкой многих серьёзных наказания для дворян [5, 48–49].

Сокращение началось с правления Екатерины II. Уложенной комиссии. В «Наказе» было закреплено то, что «Россия есть Европейская держава» [6, 4], а также давалась новая трактовка запретов по закону: «Ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу» [6, 9]. В такой трактовке преступление отныне переставало быть деянием против воли государя, а становилось деянием против общества и порядка в нём.

В 1765 году были отменены истязания для малолетних. Особые льготы получили дворяне, которые в 1785 году с Жалованной грамотой дворянству получили полное освобождение от телесных наказаний. Вслед за дворянством от телесных наказаний были освобождены купцы первых двух гильдий и священнослужители, но простой народ так и подвергался пыткам и жестоким наказаниям, как и раньше. Безусловно, данные изменения облегчали участь русского народа, но столь незначительно, что на фоне общего насилия были крайне малы и несущественны. Несмотря на все попытки Екатерины II соответствовать духу европейских реформаций, ситуация часто подвергалась резкой критике. Например, аббат Шапп посетил Россию в 1761 году и выпустил книгу «Voyage en Sibirie», в которой раскритиковал суровость нравов и системы уголовных наказаний в России. Общим итогом правления Екатерины II стали некоторые робкие попытки изменить что-то к лучшему, но попытки были мало-значительными и больше защищали опору самодержавия, чем простой народ [7, 154–155].

В короткий период правления Павла I был проведён ряд контрреформ, по которым он уничтожил все привилегии и вернул телесные наказания, как дворянам, так и женщинам. Павел был крайне щепетильный и наказывал не сколько за дело, столько за лёгкие провинности. Но и в эти годы реакционной

политики, которая была полностью антагонистична политике Екатерины II, продолжалось смягчение истязаний. В 1796 году полностью отменили пытки и телесные наказания для духовенства, в том же году запретили клеймение преступников старше 70 лет.

Александр I продолжил политику смягчения телесных наказаний. В 1801 году дворяне были повторно освобождены от телесных наказаний, вернули также и нормы Городового положения Екатерины II. В 1808 году от телесных наказаний освободили жён священников, а в 1811 году — простых монахов. В те времена ходили более радикальные меры по изменению законодательства, но Александр I боялся резких перемен в угоду реакционному дворянству.

В 1812 году наконец-то была установлена точное количество ударом кнута за разные виды преступления. Это незначительное, с виду, послабление снизило количество ударов примерно в 5–6 раз. После окончания Отечественной войны 1812 году государство осмелилось на более решительные действия, и в 1817 году создала комитет, который должен был выяснить фактическую возможность отмены или сокращения наказаний. Итогами работы комитета стал запрет рвать ноздри и отмена торговой казни в будущем, с принятием нового уложения.

Свод законов 1832 года так и не отменил торговую казнь, как это было задумано. Она встречается в 50-ти случаях, кнут теперь назначали за те наказания, которые ранее (до 1753 года) влекли за собой смертную казнь. Кнут назначали всегда вместе с клеймением и ссылкой, так, например, данная высшая мера предусматривалась за бунт, за поборы и взятки, за воровство и грабёж, и прочие тяжкие преступления. Небольшие исключения также сделали для детей и стариков. До 17 лет детей запрещалось наказывать кнутом, а после 70 лет старики избавлялись от истязаний.

Следующим шагом на встречу полной отмены варварских наказаний стала отмена истязаний кнутом по Уложению 1845 года. Необходимость реформ была очевидна и обсуждалась на всех уровнях. Так генерал-губернатор оренбургской губернии Барановский Е.И. активно обсуждал в письмах «устройство быта крестьян» [8, 7–8] и модернизацию всей системы по образцу передовых губерний [8, 15].

История телесных наказаний и пыток в России очень долгая и кровавая. Россия одной из последних в Европе отказалась от этих варварских приёмов наказаний и прервала мучения народа, всё это, безусловно, отложило отпечаток на народе нашей страны.

Список литературы:

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М., – 1939.
2. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб.пособие/сост. Ю. П. Титов – М.: Проспект, – 2010.
3. Губная Белозёрская Грамота 1539 г. // Российское законодательство X–XX вв. – Т. 2.
4. Медынский губной наказ 1555 г. // Российское законодательство X–XX вв. – Т. 2.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). – Ф. 55. Оп. 5. Д. 66.
6. Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями. – Москва: Печатан при Сенате, – 1767.
7. История телесных наказаний в России. – М.: Книжный Клуб Книговек, – 2010.
8. ГАОО. – Ф.171. Оп. 1.
9. Рожнов А. А. История уголовного права Московского Государства (XIV – XVII вв.): монография. – М. Юрлитинформ, – 2012.

*Provalinsky Dmitry Igorevich,
Krasnoyarsk Staatliche Agraruniversitat, Student im Aufbaustudium, Rechtsinstitut
E-mail: dmi38288850@yandex.ru*

Motivation als Komponente der rechtlichen Stimulierung

Abstrakt: Die Inhaltsangabe: Im Artikel werden die Fragen der Motivation, ihrer Wechselbeziehung zur rechtlichen Stimulierung und Einflusses auf das rechtmäßige Verhalten des Subjektes betrachtet. Die abgesonderte Aufmerksamkeit ist den Komponenten der Motivation, und ebenso der Handlung des Mechanismus der Motivation, zugeteilt. Der Autor legt die Notwendigkeit des Studiums der Motivation des Verhaltens des Individuums im Rahmen der rechtlichen Stimulierung dar.

Keywords: rechtlicher Anreiz, Motivation, Motiv, Interesse, Einstellung, Bedürfnis, Stimulation.

Mit dem Umstieg Russlands zu den Marktbeziehungen wurde es offenbar, dass die neuen Gesetze der Wirtschaft das Vorhandensein bei den Menschen anderer Motive und Werte, als die im Laufe des Ausbaues der sozialistischen Gesellschaft existierten, voraussetzen. Die wichtigste Art der Motivation wird die Motivation der Erreichung, was den Bedürfnissen „des Marktes“ nach anderem Typ der Menschen, mit anderen Motiven und Werten entspricht. Das Studium der „neuen“ Motivation hat die wichtige Bedeutung für die Regulierung der Prozesse, die in den Wirtschaften, der Politik und dem Leben der Gesellschaft geschehen.

Die Fragen der Motivation und der Motive des Verhaltens des Individuums werden von der Psychologie aktiv untersucht. Mit dem Studium der Motivation beschäftigt sich auch die rechtliche Wissenschaft, da „das Motiv“ den Menschen zur Tätigkeit wie rechtmäßig, als auch unrechtmäßig anregt.

Die Motivation, vom lateinischen „Movere“ ist ein Handlungsantrieb, ein dynamische Prozess des psychophysiologischen Typen, der das Verhaltens des Menschen führt, seine Ausrichtung, Organisiertheit, Aktivität und Beständigkeit, die Fähigkeit des Menschen die Bedürfnisse tätig zu befriedigen, bestimmt.

Traditionell bestimmt man die Motivation wie eine Erklärung der inneren Faktoren oder des psychologischen Zustandes und der Beziehung des Menschen dazu, was als Ziel des Verhaltens gemacht oder erreicht sein soll [7, 50].

In der Mitte der neunziger Jahre des XX Jahrhunderts ist ein Gesichtspunkt allgemein geworden, laut dem die Motivation eine Wechselwirkung der subjektiven, d. h. vom Menschen ausgehenden, und objektiven, von außen beeinflussenden, Faktoren [6, 37].

Die Psychologen behaupten, dass sich das Verhalten der Person von den Bedürfnissen, und ebenso von anderen subjektiven und objektiven Momenten klärt, die mit ihrer Befriedigung verbunden sind [12, 171].

Das Bedürfnis bestimmt sich in höherem Grad bei einer Notwendigkeit darin, was der Mensch zur gelassenen Zeit nicht verfügt.

Nach dem Inhalt gibt es materielle, soziale und geistige Bedürfnisse. Außerdem sondert man die primären und sekundären Bedürfnisse ab.

Die primären Bedürfnisse nach dem Wesen sind physiologisch: der Mensch braucht die Nahrung, dem Wasser, der Kleidung, die Erholung. Die sekundären Bedürfnisse sind psychologisch, sie werden je nach dem Erwerb der Lebenserfahrung (das Bedürfnis nach der Achtung, dem Erfolg) produziert.

Für das Bedürfnis sind die Motive, das heißt die Geneigtheit, die psychologischen Gründe, die von innen die Menschen zu den Handlungen anregen, gerichtet auf ihre Befriedigung (Sehnsucht nach Wohl) notwendig: begriffen (Interessen) und nicht begriffen (Wünsche, Impulse) [9, 12].

Die juristische Psychologie bestimmt das Motiv des Verhaltens wie die innere Motivation der Person, irgendwelche Tat auszuführen, der Grund der Tat.

Unter dem Aspekt der Rechtswissenschaft, das Motiv bestimmt die subjektive Beziehung der Person zur Handlung (Akt, Tat) und seinen Folgen.

Das Verhältnis der Motive, die das Verhalten der Menschen beeinflussen, bildet die Motivationsstruktur. Bei jedem Menschen ist sie individuell und wird von einer Menge der Faktoren bedingt: Geschlecht, Alter, Wohlstandsniveau, sozialer Status, Amtsstellung, persönliche Werte, Einstellung zur Arbeit, Arbeitsfähigkeit usw. Die Motivationsstruktur der Persönlichkeit ist ziemlich stabil, aber gibt der zielgerichteten Bildung und der Veränderung (zum Beispiel, im Laufe der Erziehung) nach, was zur Veränderung des Verhaltens bringt [9, 13].

Die Struktur des Motives besteht aus: das Bedürfnis, das der Mensch befriedigen will; das Wohl, fähig, dieses Bedürfnis zu befriedigen; die Handlung, die für das Erhalten des Wohls notwendig ist; der Preis — die Kosten der materiellen und moralischen Weise, die mit der Verwirklichung irgendwelcher Handlungen verbunden sind.

Nach Meinung manchen Autoren zwischen dem Bedürfnis und der Tat des Menschen gibt noch meistens das Interesse, d. h. das Begreifen vom Menschen, wie der eigenen Bedürfnisse, als auch der allgemeinen Bedingungen und der Mittel, die zu ihre Befriedigung beitragen [11, 56]. Gerade die Interessen bilden der Motivation der Tätigkeit, bestimmen ihr Ziel, sowie die Welt der Werte und der Orientierungen, die diesem Person oder der Gruppe der Personen eigen sind [4, 17].

Unter dem Aspekt der Psychologie ist das Interesse, einerseits, subjektiv, da sein Träger der Mensch ist, andererseits ist es objektiv, da von den Wirtschaftsbeziehungen der Menschen entsteht [10, 260]. Er zeigt sich nur durch das Bewusstsein des Menschen. Das Interesse, ins menschliche Bewusstsein durchgedrungen, wird Motiv zur Zielerreichung [5, 277].

Stimulation ist eine Empfindung des Mangels in etwas, habend eine bestimmte Ausrichtung. Sie ist eine Verhaltungserscheinungsform des Bedürfnisses

und ist auf der Errungenschaft des Ziels konzentriert. Die Ziele, in diesem Sinn ist etwas, was sich wie das Mittel der Befriedigung des Bedürfnisses bewusst gewesen wird. Wenn der Mensch solches Ziel erreicht, zeigt sich sein Bedürfnis zufrieden [3].

Wir sind mit der angegebenen Position einverstanden, da es unter anderem ein Motiv für das Verhalten des Menschen (wie rechtmäßig, als auch unrechtmäßig) ungenügend ist, diese oder jene Weise handelnd, immer verfolgt der Mensch irgendwelches Ziel. Deshalb ist nötig es im Rahmen des Studiums der Motivation der Handlungen des Individuums immer auf Zielsetzung, wie der Prozess der Auswahl des Ziels für die Verwirklichung der Prozesse, der Verwirklichung der Ideen zu beachten.

Nach Aussage von J.M. Nechajtschuk außer den Bedürfnissen und den Motiven, der Mechanismus der Motivation enthält:

1. Ansprüche — das erwünschte Niveau der Bedürfnisbefriedigung, das das Verhalten festsetzt.
2. Erwartung — die Einschätzung von der Person der Wahrscheinlichkeit des Eintritts des Ereignisses, die die Ansprüche in Bezug auf die Situation konzentriert; die Annahme darüber, dass das Ergebnis der Tätigkeit bestimmte Folgen haben wird.
3. Einstellung — die psychologische Geneigntheit, die Bereitschaft der Person zu diesen oder jenen Taten in einer konkreten Situation.
4. Einschätzung — die Charakteristik der Stufe der möglichen Errungenschaft des Ergebnisses oder der Bedürfnisbefriedigung.
5. Anreize — das Wohl, die Möglichkeiten usw., sich befindend außer dem Subjekt, mit deren Hilfe er die Bedürfnisse befriedigen kann, wenn es die unmöglichen Handlungen nicht fordert [9, 11].

Jetzt muss man verstehen, welchen Einfluss die Motivation auf das rechtmäßige Verhalten der Person leistet.

Das rechtmäßige Verhalten kann man wie wünschenswert und zulässig, vom Gesichtspunkt der Interessen der Gesellschaft, Verhalten der Subjekte des Rechtes bestimmen, das den Forderungen der Rechtsnormen entspricht, garantiert und vom Staat geschützt wird [4, 19].

Nach der zutreffenden Anmerkung von J.J. Sarubajewa, die wichtigste Bedeutung im Verständnis des rechtmäßigen Verhaltens des Menschen, der Person, des Individuums, sowie der Gesellschaft insgesamt haben „das Motiv“ und „die Einstellung“ [4, 20].

Nach ihrer Aussage, das Motiv ist ein Argument zugunsten der gewählten Handlung, die begriffene Veranlassung zur Errungenschaft des konkreten Ziels, das notwendige Element der bewussten, willensstarken, absichtlichen Handlung. Die Einstellung ist eine mit der Persönlichkeit beschäftigte Position, die in einer bestimmten Beziehung zu den vor ihr stehenden Zielen oder den Aufgaben besteht und prägt sich in der elektiven Kampfbereitschaft und der Bereitschaft zur Tätigkeit, die auf ihre Verwirklichung gerichtet ist, aus [4, 21].

Nach Aussage dieser Autor, den Hauptunterschied in diesen zwei Begriffen besteht darin, dass die Motive des Menschen tatsächlich immer begriffen sind, und sie man verstehen kann, und die Einstellungen verhalten sich zur Sphäre des bewussten Verhaltens des Menschen, und sie manchmal nicht im Zustand der Mensch selbst zu verstehen, gar nicht von Umgebung zu reden. Sie spielen die nicht unwesentliche Rolle im Verhalten [4, 18].

Die Handlung des Mechanismus der Motivation ist wie folgt:

- Entstehen und Begreifen der Bedürfnisse wie die Systeme der Präferenzen;
- Wahrnehmung der Impulse, die von ihnen gehen;
- Analyse der Situation unter Berücksichtigung der Erwartungen, der Ansprüche, der Anreize;
- Aktualisierung der Motive.

Daraufhin verwirklichen sich die Auswahl und die Betätigung der entsprechenden Motive und geschieht:

- Bildung eines bestimmten Zustandes der Persönlichkeit, der die nötige Intensität der Handlungen bedingt;
- Verwirklichung der konkreten Handlungen;
- Erhalten des Ergebnisses und Bedürfnisbefriedigung [2, 32].

Es ist zu bemerken, dass es zwischen der Motivation und der Tat der Person keine eindeutige Verbindung gibt, da hier der Einfluss der Zufälligkeit, und ebenso des subjektiven Faktors (momentane Stimmung, eigene Wahrnehmung der Situation, Einfluss anderer Personen) nicht ausgeschlossen wird.

In der juristischen Psychologie ist die Frage über die Motivation des rechtmäßigen Verhaltens, die Frage darüber, warum die Menschen überhaupt gesetzestreu sich benehmen und die juristischen Normen nicht verletzen, besonders wichtig.

Nach der zutreffenden Anmerkung von M.I. Abdulajew, hängt die Motivation des rechtmäßigen Verhaltens von den inneren psychischen Qualitäten der Persönlichkeit und der äußerlichen soziokulturellen

Faktoren, die das Verhalten des Menschen beeinflussen in vieler Hinsicht ab. Da sich die Persönlichkeit in der soziokulturellen Umgebung entwickelt, bestimmt das Niveau des Zivilisationsgrades und des demokratischen Charakters der Gesellschaft auch die Innenwelt des Menschen in vieler Hinsicht. Als in der Gesellschaft die rechtlichen Traditionen entwickelt sind, insoweit ist es beim Menschen die Achtung vor dem Recht, der Gesetzgebung entwickelt [1, 306].

Die rechtliche Motivation hat die Besonderheiten, die mit der Handlung der Normen des Rechtes auf das Bewusstsein des Menschen verbunden sind. Sie kann man wie die Gesamtheit der bewussten und unbewussten Stimulationen, die sich unter der Einwirkung der Normen des Rechtes und die inneren Interessen entwickeln, der Bedürfnisse des Menschen bestimmen.

Wie A. W. Malko bemerkt, dass die Realisierung der rechtlichen Ermutigungen und Anreize ohne Nutzung solcher Funktion wie die Motivation, die den Menschen zur Erfüllung der Pflichten und der Vervollkommenung der sozial nützlichen schaffenden Handlungen, die die gewöhnlichen Forderungen übertreffen, anregt und die Arbeits- und gesellschaftspolitische Aktivität entwickelt, unmöglich ist (die Motivation ist aufgrund attraktiv und im Voraus der versprochenen günstigen Folgen aufgebaut) [8, 232].

Wir glauben, dass die Motivation sollte von zwei Seiten betrachtet werden. Einerseits, die Motivation ist ein Komplex der Einwirkungen und der Anreize, die der Staat auf die Bürger zwecks des Erhaltens von ihnen des erwarteten Ergebnisses richtet. Andererseits, die Motivation ist ein untrennbarer Bestandteil der Persönlichkeit des Menschen, und in diesem Sinn ist sie ein Komplex seiner Interessen, Bedürfnisse, die er strebt, im Laufe der Tätigkeit zu befriedigen. Es ist wichtig, dass beide Komponenten der Motivation übereinstimmen, damit jene Anreize, die der Staat in Richtung des Menschen richtet, gerieten im Feld seiner Interessen. Dann wird der Bürger

rechtmäßig handeln, verstehend, dass es ihm zulassen wird, die Bedürfnisse zu befriedigen, andernfalls wird er die Möglichkeit suchen, in anderer Weise sie zu befriedigen, die nicht immer rechtmäßig sein kann.

Nach unserer Meinung, in der modernen Rechtswissenschaft die Motivation soll die besondere Stelle im Mechanismus der Realisierung der rechtlichen Anreize haben. Die Anreize sind ein Faktor des sozial bedeutsamen Verhaltens, da sie mit den Zielen direkt verbunden sind, auf die das Interesse des Subjektes des Rechtsverhältnisses orientiert.

Bei der ganzen Vielfältigkeit der Anreize wählt das Individuum gerade jene Form des Verhaltens, die seinen heutigen Anfragen, Bedürfnissen, Interessen und Werten antwortet. Wenn die Situation seinen inneren Überzeugungen widerspricht, werden keine Anreize jenes Ergebnis wirken, auf das sie von vornherein gerichtet waren.

Daraus folgt, dass die Stimulierung eine Veranlassung des Individuums zu einem bestimmten Verhalten, herbeigerufen indirekt von den äußerlichen Faktoren, durch seine innere Motivation, ist, da vom psychologischen Standpunkt das Motiv, und nicht die Anreize, anregt und richtet die Tätigkeit des Menschen.

Ein beliebiger Anreiz appelliert an bestimmte Motive und kann das erwünschte Ergebnis herbeirufen nur dann, wenn beim Individuum zur gelassenen Zeit das Motiv aktuell ist, das dem verwendeten oder angebotenen Anreiz entspricht.

Das Dargelegte bietet die Gründung für die Schlussfolgerung darüber, dass die Forschung und das Studium der Motivation wie der komplizierten Erscheinung, die sich in der engen Verbindung mit der rechtlichen Stimulierung befindet, eine dringliche Notwendigkeit der modernen rechtlichen Wirklichkeit ist, in der die Strafrolle des Rechtes die Positionen dem Recht, das auf der Bildung des Systems des rechtmäßigen, sozial bedeutsamen Verhaltens der Teilnehmer der öffentlichen Beziehungen gegründet ist, überlässt.

Referenz:

1. Abdulajew M. I. Die Theorie des Staates und des Rechts//Lehrbuch für Hochschulen. – M: Finanzkontrolle, – 2004. – S. 306.
2. Berg O. Motivation mit Erfolg//Personalfrage. – 2013. – N 8. – S. 31–66.
3. Dragomirov M. I. Ausgewählte Werke. – M: Woenizdat, – 1956. – 438 c.
4. Sarubajewa J. J. Motivation und Einstellung wie psychologische und rechtliche Faktoren des rechtmäßigen Verhaltens der Person//Sibirischer juristischer Anzeiger. – 2004. – № 4. – S. 16–21.
5. Philosophie bündig Enzyklopädie. – M., – 1994. – S. 277.
6. Luneew W. W. Motivation des kriminellen Verhaltens. – M. – 1991 – S. 37.
7. Luthans F. Organisationsverhalten [Elektronische Ressource]/F. Luthans; Übersetzung vom Englischen der 7. Ausgabe – M: INFRA-M, – 1999. – XXVIII. – S. 50.

8. Malko A. W. Theorie des Staates und des Rechts in Fragen und Antworten: Malko A. W. Theorie die Staaten und die Rechte in Fragen und Antworten: Lehrmethodologischer Leitfad. – 4. Ausgabe, verarbeitet und ergänzt – M.: Jurist, – 2007. – S. 232.
9. Nechajtschuk J. M. Motivation des Personals//Finanzen: Planung, Verwaltung, Kontrolle, – 2011, – № 6.
10. Plechanow G. W. Ausgewählte philosophische Werke. – M., – 1956. – B. 2. – S.260.
11. Tschesnokow D. I. Der soziale Fortschritt und der Mechanismus der Handlung der sozialen Gesetze. Fragen der Philosophie. – № 9. – 1966. – S. 56.
12. Schtscherbatych J. W. Allgemeine Psychologie. – Sankt Petersburg: Piter, – 2008. – S. 171–177.

*Yarmonova Elena Nicolaevna,
The head of Department of law disciplines,
the branch of the Federal State Educational Institution
Kuban State University, branch in Armavir
E-mail: vlada02@mail.ru*

The impact of courtly culture on the change of the status of women in Medieval Europe

Abstract: In article influence of courtly culture on the change of the status of women in Medieval Europe. The analysis of Christian traditions as the basis for the development status of medieval women.

Keywords: courtly culture, cult of Beautiful Ladies, Christian morality.

*Ярмонова Елена Николаевна,
канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой
правовых дисциплин, филиала ФГБОУ ВПО
«Кубанский государственный университет» в г. Армавире
E-mail: vlada02@mail.ru*

Влияние куртуазной культуры на изменение статуса женщины в Средневековой Европе

Аннотация: В статье рассматривается влияние куртуазной культуры на изменение статуса женщины в Средневековой Европе. Проводится анализ христианских традиций как основы развития статуса средневековых женщин.

Ключевые слова: куртуазная культура, культ Прекрасной Дамы, христианская мораль.

Для русской культуры и взглядов на женщину было не характерно понятие о куртуазной, рыцарской любви. Данное явление формируется в Средневековой Европе. В Западной Европе большое значение имели трактаты, содержащие систематичное изложение правил куртуазии [1, 383]. Понятие куртуазной культуры связано с появлением культа Прекрасной Дамы. Возникновение и развитие этого культа, видимо, связано с тем, что негативные женские образы и унижительное отношение к женщине как к члену общества были характерны для средневековой Европы. Положение женщины в средние века было основано на зависимом положении, которое было характерно для Римской империи, с учетом положений христианской религии в которой женщина рассматривалась

как лицо ответственное за первородный грех Евы. Женщина рассматривалась религиозными деятелями в этот период как низшее существо, которое более склонно к греху и способное вовлечь в греховные отношения мужчин. Такое положение во многом объяснялось тем, что очень многие мужчины не получая наследства были вычеркнуты из брачных отношений и воспринимали брачно-семейные отношения как недостижимые для себя. Существовало даже мнение о том, что настоящим христианином может быть только девственник. Это приводило к негативному восприятию женщин как недостижимых объектов. Отсутствие связи между женским и мужским миром в придворном обществе приводило к возникновению мифа о наличии у женщин таинственной и опасной

власти над мужчинами. Религиозные авторы указывали также, что женщины в большей степени, чем мужчины склонны к колдовству.

Церковь не ограничивалась отрицательной оценкой женской сущности, монахи рекомендовали мужьям воспитывать, бить жен, рассматривая их как часть имущества. Такому подходу вторило и светское законодательство. По закону права женщин были существенно ограничены, они не могли выступать в качестве судей, свидетелей в суде, быть гарантом по сделкам.

Женщины старались бороться с такими взглядами на них, примером такой борьбы является книга Кристины Пизанской «О граде женском» [2, 228]. Она противостоит таким произведениям как Свод Грациана, где женщина трактовалась как существо низшее и зависимое от мужчины, она не была создана по образу Бога, и, следовательно, не была способна действовать самостоятельно, не обладала властным авторитетом и правоспособностью как мужчина [3, 36].

Ряд исследователей приходят к выводу, что средневековые женщины не были уж столь беззащитны под гнетом церкви и общества, об этом говорит не только создание куртуазной любви, но и то что хозяйство, а, следовательно, все финансы семьи часто находились в руках именно женщины. С этим связано и воспитание детей, которые, видя как мать ведет дом, проникались к ней любовью и уважением. Роль матери и хозяйки дома имела большое значение для женщины как на Руси, так и в странах Западной Европы. Женщина вела домашнее хозяйство, вела учет доходов и расходов в доме, хотя контроль за женой осуществлялся мужем. Вызывающая демонстрация мужского превосходства в этих условиях, по мнению Р. Фоссье, скрывала в реальности «матриархат» [4, 100]. Ограничение и унижение женщин во многом могло быть связано с расширением прав женщин в социальной и комической сфере, сфере воспитания детей.

Ж. Дюби в статье «Матрона и незамужняя женщина» выделяет наиболее типичные черты статуса знатной дамы: происхождение, нравственность, красота, равный брак. Ведущее место среди этих качеств занимает «титул рода» [5, 39]. Не каждая знатная женщина могла подобно Алиеноре Аквитанской участвовать в крестовом походе, управлять королевством на правах регента и опекуна, возглавлять восстание против собственного мужа, устраивать браки детей. Со схожей ситуацией мы можем столкнуться на Руси, где мы в первую очередь знакомимся с политическими и юридическими правами женщин чьи му-

жья, отцы, сыновья являются князьями или другими представителями знати. Но на Руси мы видим более широкий круг женщин, которые в той или иной мере допущены до экономической и социальной свободы. А при наличии первых двух довольно широкий круг женщин допускается в определенной мере, правда очень не большой, и к политическим правам. С этим мы сталкиваемся в случае, когда женщин наравне с мужчинами при взятии Новгорода приводит к присяге на верность. При этом говоря об ограниченности политических прав женщин мы должны помнить о том, что такие права отсутствовали и у большинства мужчин.

В конце XI — начале XII века во Франции возникает культ Прекрасной Дамы, который оказал влияние на всю культуру Средневековой Европы. Культ Прекрасной Дамы во многом, видимо, был обусловлен тем, что женщины в Средневековой Европе часто воспитывались в монастырях и получали, соответственно, образование лучше, чем мужчины. Этим во многом и объяснялось влияние жен на мужей и даже других мужчин с которыми они общались. Такое влияние поддерживалось христианской церковью и очень часто большую часть приданного знатных невест составляли религиозные книги. Во многом этот культ Прекрасной Дамы основывался также на том, что все рыцари были обязаны поклоняться культу Богородицы. Важным моментом возвышения женщины можно указать то, что христианская доктрина рассматривает женщину как человека, так как иначе нельзя было говорить о природе Христа, как богочеловеческой, потому что в противном случае возникает вопрос: от кого Христос мог унаследовать человеческую природу?

С примером влияния женщин в семье и обществе мы знакомимся при изучении конфликта между дочерью Вильгельма Завоевателя Адель и ее мужем Стефаном Шартрским. Графиня Шартрская придерживается общепринятых взглядов на долг крестоносца, защищает принципы официальной идеологии, этим она во многом защищает и свои собственные интересы, как представительница знатного рода. В этом ракурсе становятся более понятными действия графини Адель по отношению к собственному мужу Стефану Шартрскому [6, 140]. По словам Ордерика Виталия настаивая на том, чтобы Стефан вернулся в крестовый поход. Она говорила ему: «Вспомни о рвении, которым ты был известен в молодости, и возьми оружие славного рыцарства ради спасения многих, так, чтобы во всем мире возлико-

вали христиане...» [6, 146]. «Спасение многих» обернулось бы спасением семьи, спасением престижа наследников, спасением авторитета самой Адели. После гибели супруга Адель смогла проявить свои экономические и дипломатические способности в полную силу. Она выступала в данном случае как представительница знатного рода, не ограниченная властью мужа, что дало ей возможность вступить в конфликт с епископом Ивом Шартрским, выиграть судебную тяжбу и вмешаться в политику английского государства. С примерами влияния женщин на мужчин, в том числе из правящей элиты, мы сталкиваемся и в истории России, нельзя сомневаться,

что принятие христианства во многом произошло под влиянием женщин, особенно бабки Владимира I, а возможно и его жен.

Положение женщины в средние века было принижено и зависимым, однако появление культа Прекрасной Дамы положительно повлияло на положение женщины в обществе. Церковь и государство во многом ограничивали права женщин, но фактически они весьма активно участвовали в социальной, политической и экономической сферах жизни средневекового общества. Женщины средневековья в Западной Европе оказывали влияние на мужей, отцов и сыновей в вопросах морали, долга, родовой чести.

Список литературы:

1. Капеллан А. О любви//Жизнеописания трубадуров. – М., – 1993.
2. Пизанская К. Книга о «Граде женском»//Пятнадцать радостей брака. – М., – 1991.
3. Буланаква М. А Ментальные стереотипы и образ знатной женщины в период утверждения церковного брака в средневековой Франции//Вестник Ярославского пед. ун-та, – 2001.
4. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. – М., – 1991.
5. Duby G. The Matron and the Mismarried Women//Duby G. Love and Marriage in the Middle Ages. Polity Press and the University of Chicago, – 1994.
6. Лучицкая С. И. Семья крестоносца: супружеский конфликт в начале XII в.//Частная жизнь. Человек в кругу семьи. – М., – 1996.

Contents

Section 1. Demography and ethnography	3
<i>Pavlovich Igor Lvovich</i>	
Ancient temple and modern tourism	3
<i>Sopov Alexander Valentinovich</i>	
Ethnic self-consciousness of the Cossacks.....	10
Section 2. Study of art	14
<i>Amanova Roza Asanovna</i>	
The features of komuzkyui texture	14
<i>Baluyev Sergey Mihaylovitch</i>	
A survey of the disputes of russian art critics in 1830 (V. P. Langer and A. F. Voyeykov about statuary by Ivan Martos)	16
Section 3. History	21
<i>Burangulov Bayras Vakilovich</i>	
Archives of the Republic of Bashkortostan: from background till today.....	21
<i>Dianov Alexey Grigorievich</i>	
Material position working Siberia in the mid 20-ies of XX century (according to documents of the workers' and peasants' inspection)	24
<i>Lidzhieva Irina Vladimirovna, Okonova Ludmila Vyacheslavovna</i>	
Reconstruction of history of deportation of the people on memoirs of Germans of Kalmykia	29
<i>Lupovskaya Khristina Pavlovna</i>	
The Unknown Photo of Life-Guard Poruchik N. Y. Kuharenko from Shchepkin-Stankevich's album	32
<i>Melish Olesia Anisimovna</i>	
Bulgarian diplomacy towards solving the «Macedonian Issue» in the late XIX — early of XX centuries	35
<i>Miroshnichenko Ilia Vitalievich</i>	
Inequality of rights problem in the Israeli legislation: past, present and future	39
<i>Seksenbayeva Gulzira</i>	
Visual anthropology in the perspective of modern historical knowledge	43
Section 4. Linguistics.....	46
<i>Hurbik Katsiaryna</i>	
National specific lacunae in Pakistani English: problems of translation and interpretation.....	46
<i>Danylevska Olesia Vasylivna</i>	
Some research aspects of peripheral zone of toponyms-concepts in Ukraine, France and England	52
<i>Zadorozhna Alyona Serhiyivna</i>	
Features of the language embodiment of the correlative concepts ЦОБОДА-БОЛЯ in memoirs of Ukrainian sixtiers	54
<i>Ukrainets Liudmyla Fedorovna</i>	
Connotative status articulatory-acoustic features of phonetic units in poetic language	57
<i>Shegedyn Natalya Nykolaevna</i>	
Functional and stylistic features of adjectives of color in Latin	61
<i>Schirjaeva Oksana Witalijewna</i>	
Der Diskurs der russischen Business Presse: medienlinguistischer Aspekt	65
Section 5. Pedagogy	70
<i>Balagazova Svetlana Tuleutaevna, Usenova Aida Kazhmukhanovna</i>	
The role of art in formation of creative personality	70
<i>Barkanov Artem Borisovich</i>	
Professionally oriented laboratory works in physics in Agrotechnological Colleges	73

<i>Voloshena Viktoria Viktorovna</i>	
Mathematical modeling in solving physical problems	76
<i>Zhukova Oxana Anatoljevna</i>	
Principles of didactics in high school: the problem of primacy in the hierarchy.....	78
<i>Ionesko Leonora Valerjevna, Bogomolova Maria Ivanovna</i>	
To the question of intercultural communicative competence of senior pupils	84
<i>Atamanenko Natalia Wladimirowna,</i> <i>Prikhodko Wjatcheslaw Mikhailowisch</i>	
Einige Aspekte der Verbesserung beruflicher Tätigkeit des Lehrers an einer Hochschule	88
<i>Köppel Olga Ivanovna</i>	
Kompetenz-ansatz in der Ausbildung von Fachkräften in der Öffentlichen Verwaltung (das Beispiel der Ukraine).....	91
<i>Klinkov Georgi Todorov</i>	
Specifics of the Technical and Technological Ergonomics in the Course of Labour Training (Normative Standards)	94
<i>Klyuchnikova Natalya Valentinovna, Denisova Lyubov Vasilyevna</i>	
Introduction of new technologies in the educational process	100
<i>Dzhagaeva Tatiana Erastovna, Kozaeva Gulnara Rollandovna</i>	
Innovation techniques in training teachers of elementary and secondary school within the framework of the national region of the Republic of South Ossetia.....	103
<i>Korovina Irina Alekseevna, Zabolotnaya Svetlana Gennadevna</i>	
Students' Learned Society as the means for activation of valuable resources of professional training of future doctors.....	106
<i>Lapkina Olga Yurievna</i>	
The forming of style hearing at the classes of music literature	110
<i>Linkov Alexander Yordanov</i>	
The Dalton technology in the field of new educational realities	112
<i>Mishutina Olga Valerievna</i>	
Self-realization of students of pharmaceutical specialties and the peculiarities of their vocational training for professional activity in Science and Technology Park.....	119
<i>Matiashevskiy Nadezhda Yurievna</i>	
Synergetic approach to development of target component for methodological system of biology teaching as regards base school students.....	122
<i>Panova Olga Sergeevna</i>	
Features a capacity assessment of system of training athletes the regional	126
<i>Safuanov Rafael Mahmutovich, Kashipova Ilgiza Rashidovna,</i> <i>Vychuzhanova Diana Rishatovna, Murtazina Diana Maratovna</i>	
Comparative analysis of indicators of the state accreditation, monitoring the effectiveness of educational institutions of higher education and public accreditation	132
<i>Toktarova Vera Ivanovna, Korobeynikova Alexandra Andreevna</i>	
Implementation of interdisciplinary connections in the university e-learning environment.....	138
<i>Forostovskaya Tatiana Alexandrovna</i>	
The narrative form of presentation of chemical knowledge	141
<i>Cherevko Svetlana Wiktorowna</i>	
Theoretische Begründung von Inhalt und Technologie des Lehrkurses «Grundlage von Gesundheitsaufbewahrung»	144
<i>Shtonda Evgeniya Nikolaevna</i>	
The importance of motivation in the formation of mathematical culture.....	146
<i>Eshboyeva Durdona Alisher kizi</i>	
Effective Teaching English Grammar as an improving English Speaking	149

<i>Jakowlewa Irina Wassiljewna, Samsonowa Swetlana Nikolaewna</i>	
Die Entwicklung des freien Verkehrs der Vorschulkinder	152
Section 6. Political science	155
<i>Burganova Inna Nikolaevna</i>	
The idea of a common space from Vladivostok to Lisbon: Pro et Contra	155
<i>Bolshakov Andrew Gyeorgievich, Mavrin Oleg Viktorovich</i>	
Threat to stability in the Russian regions and the possibility of using mediation procedures in etnodomestic conflicts (for example, the Republic of Tatarstan)	157
<i>Guriievskaya Valentyna Nikolaevna</i>	
The system approach in solving problems arising in the process of public administration	163
<i>Romanov Yuri Aleksandrovitch</i>	
Political system in Russia: the present state, problems and prospects	166
<i>Rubanov Victor Vladimirovitch</i>	
Political expert: theoretical essence and methodological specifics of professionals' activities	170
<i>Telyatnik Tatiana Evgenievna</i>	
Political communications in the sphere of public policy of modern Russia	174
<i>Yashkova Tatiana Alekseevna</i>	
Eurasian integration as a priority of Russian foreign policy	178
Sectoin 7. Psychology	182
<i>Kameneva Tatiana Vitalievna</i>	
The professional speech of psychologists of different specializations	182
<i>Kapirenkova Oxana Nikolaevna</i>	
Sozialmittel als der Faktor des Formteils von kreativnosti der Beschaffenheit	185
<i>Pashkevich Oksana Borisovna</i>	
Personality who was first convicted in the condition of modern penitentiary system in Russia	189
<i>Smyk Julia Victorovna</i>	
Value of the subjective factor in the development of aggressive behavior of adolescents	192
Section 8. Regional studies and socio-economic geography	196
<i>Niemets Lyudmila Nikolaevna, Segida Katerina Yurievna,</i> <i>Telebeneva Evgenia Yurievna</i>	
Regional settlement system as the basis of the territorial differentiation of socio-economic development (on the example of Kharkiv region, Ukraine)	196
Section 9. Religious studies	199
<i>Bohorod Anatolii Vladimirovych</i>	
Ritual dance in the system of common — slavic religious culture	199
Section 10. Sociology	203
<i>Berkuntsova Svetlana Aleksandrovna</i>	
The radio audience as a sociological category: deepening concepts, basic characteristics, typology	203
<i>Yakovleva Tatiana Nikolaevna, Mironova Yulia Germanovna</i>	
Features manifestations of interethnic tolerance among students of multicultural region	205
Section 11. Philology and linguistics	211
<i>Dribniuk Vira Tarasivna</i>	
English evaluative speech social, pragmatic and cognitive characteristics	211
<i>Yenalyeva Olga Anatolievna</i>	
Entwicklung der realistischen Kinderliteratur in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Deutschland	214
<i>Kolyadich Tatiana Mikhailovna</i>	
D. Rubina's landscape representations	217

<i>Lemish Nataliya Yevgenivna</i>	
A Structural and Semantic Typology of the Causal Complex in English	221
<i>Makovij Maria Gkrigorievna</i>	
Features of conflict of socially-psychological drama Svetlana Novitzka "Крейзи"	225
<i>Posobchuk Oksana Oleksandrivna</i>	
Basismodelle der präpositionalen Wortäquivalente im Ukrainischen, Deutschen und Spanischen	228
<i>Tykhonina Svetlana Ivanovna</i>	
The Variation of Vowel Phonemes in Actor's Speech (based on British and American English)	231
Section 12. Philosophy	235
<i>Egorow Anatolij Grigoriewitsch</i>	
Gesetz der Synarchie	235
<i>Egorow Anatolij Grigoriewitsch</i>	
Über die Pneumatologie von W.A. Schmakow	238
<i>Yerzhanova Feruza Meribekovna</i>	
World of values in the history of the Turkic worldview	242
<i>Savelova Evgeniya Valeryevna</i>	
Education in context of the Karl Jaspers' s conception of existential communication	245
<i>Sukhareva Victoria Alekseevna</i>	
The cosmic philosophy of Konstantin Tsiolkovsky	248
<i>Stasiuk Larysa Oleksandrivna</i>	
Transformation of the tolerance matter in historical, philosophical and religious tradition	253
Section 13. Economics and management.....	256
<i>Bezpalov Valeriy Vasilievich</i>	
Types of efficiency of restructuring the regional system control selection criteria and specific indicators of calculation.	256
<i>Efremov Vladimir Anatolievich, Davletshin Edward Alekseevich</i>	
Movement of capital in tax havens.....	263
<i>Klepanchyk Olga Yuriyevna</i>	
Adaptation of international experience to support small business to the realities of Ukrainian economy.....	268
<i>Kosmina Valentyna Valentiovna</i>	
Offshore outsourcing and export of transnational companies from newly industrialised countries of asia.	271
<i>Krupina Nadezhda Nikiforovna, Kipriyanova Elena Nikolaevna</i>	
The innovative approach to management of development of territory barrier industrial enterprises	276
<i>Lukianykhin Vadym Olexandrovych, Baistriuchenko Nataliia Olegovna,</i> <i>Myroshnychenko Iuliia Alexandrovna</i>	
Human factor during the development and harmonization of territorial social, ecological and economic systems	278
<i>Masliuk Elena Vladimirovna</i>	
Forming of strategic steps for increases of competitiveness of machine-building enterprises of Ukraine in the conditions of economic turbulence.....	283
<i>Melikh Olena Oleksandrivna</i>	
Economical hysteresis-effect of the Ukraine's food enterprises	287
<i>Muradkhanli Nigar</i>	
Economic and geopolitical trends of the European gas market	293
<i>Sokolova Irina Vladimirovna, Starkova Nadezhda Olegovna</i>	
Main trends and forms of marketing activity on electronic market	295
<i>Tatuev Arsen Azidovich</i>	
Structural priorities of monetary accumulation of the population	299

<i>Starkova Nadezhda Olegovna, Makhov Maksim Vladimirovich</i>	
Role of intellectual assets in development of enterprises of telecommunication industry.....	304
<i>Chichkina Vera Dmitrievna, Toymentseva Irina Anatolyevna</i>	
Corporate restructuring management concept	307
Section 14. Science of law.....	312
<i>Borisov Andrey Marksovich</i>	
Object of law as topic for legal studies.....	312
<i>Veretennikov Ivan Nikolaevich</i>	
The grounds and procedure limits the constitutional rights of citizens rassledovanie military crimes investigation authorities of Russia	316
<i>Zheleznyak Anton Vadimovich</i>	
Corporal punishment and tortures in the history of the state and law of Russia until 1864	319
<i>Provalinsky Dmitry Igorevich</i>	
Motivation as an integral part of the legal incentive	321
<i>Yarmonova Elena Nicolaevna</i>	
The impact of courtly culture on the change of the status of women in Medieval Europe	325